

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

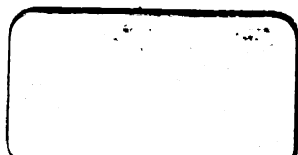
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975

d. 80
101

60/14468

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1855.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

АВГУСТЪ.

24

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОРОЛЕВА И К^о.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

СТР.

- I. Стихотворения: «Къ ужасающей пустынь», **К. К. ПАВЛОВОЙ** (стр. 225). — «Сходилась я и расходилась», **К. К. ПАВЛОВОЙ** (стр. 225). — Пьсня стрѣлковъ Императорской Фамиліи, **ГРАФА А. ТОЛСТАГО** (стр. 315). — Диѳирамбъ (изъ Шиллера), **М. Л. МИХАЙЛОВА** (стр. 316). — «О быломъ, о погибшемъ, о старомъ», **К. К. ПАВЛОВОЙ** (стр. 377). — Солнце, **И. ВОЛКОВОЙ** (стр. 378).
- Фразы, деревенская исторія. **В. КРЕСТОВСКАГО**. 227—314
- Крэнфордъ. Романъ. Переводъ съ англійскаго.
Часть вторая..... 317—376
- Дневникъ Чиновника. *Статья четвертая*. **С. П. Ж — ВА**..... 379—402
- II. Судьба женщины на мусульманскомъ Восто-
кѣ. **С. И. ЧЕРНЯЕВА**..... 41— 94
- Человитныя XVII-го вѣка. **И. КУПРІЯНОВА**..... 95—126
- III. О русскихъ глаголахъ, *Константина Аксакова*.
Статья **Ө. И. БУСЛАЕВА**..... 23— 46
- IV. Библиографическая хроника (разборы 13 книгъ). 69—134
- V. Современная хроника Россіи: 1) Обзорніе дви-
женія русскаго законодательства по гражданскому
управленію за іюнь 1855 года. 2) Событія въ оте-
чествѣ за тотъ же мѣсяцъ..... 21— 16
- VI. Записки Пуфмейстера (американца Барнума)..... 91—108
- Капризница. Комедія въ одномъ дѣйствіи. **П. А. Ф — ВА**..... 109—130
- Новости наукъ, литературы, искусствъ и про-
мышленности..... 131—150
- Двѣ** парижскія картинки дамскихъ и мужскихъ модъ.
- Объявленія: О новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся
въ магазинахъ гг. Бернарда и Стелловскаго.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

АВГУСТЪ.

І. Словесность.

	СТР.
СТИХОТВОРЕНИЯ: «Къ ужающей пустынь», К. К. ПАВЛОВИЙ (стр. 225). — «Сходилась я и расходилась», К. К. ПАВЛОВИЙ (стр. 225). — Пѣсня стрѣлковъ Императорской Фамиліи, ГРАФА А. ТОЛСТАГО (стр. 315). — Дневранбъ (изъ Шиллера), М. Л. МИХАЙЛОВА (стр. 316). — «О быломъ, о погибшемъ, о старомъ», К. К. ПАВЛОВИЙ (стр. 377). — Солнце, И. ВОЛКОВОЙ (стр. 378).	
ФРАЗЫ , деревенская исторія. В. КРЕСТОВСКАГО	227
КРЭНФОРДЪ . Романъ. Переводъ съ англійскаго. <i>Часть вторая.</i>	317
ДНЕВНИКЪ ЧИНОВНИКА . <i>Статья четвертая.</i> (Князь Зубовъ. — Статс-секретарство Державина. — Карлы и карлицы. — Актёръ Дюкроаси. — Исландъ. — Пикникъ въ Красномъ Кабачкѣ. — Стряпчій И*. — Литературный вечеръ у Державина. — Графъ Заводовскій. — Антикварій Селакадзеъ. — Встрѣча съ А. В. П. — Юрис-консулъ Соколовъ. — Н. П. Брусилловъ. — П. Ю. Львовъ. — Эпиграмма Самдунова. — Исторія двухъ помѣшанныхъ. — Вечеръ у И. С. Захарова). С. И. Ж—ВА	379

II. Науки и Художества.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ НА МУСУЛЬМАНСКОМЪ ВОСТОКЪ.

С. И. ЧЕРНЯЕВА	41
ЧЕЛОБИТНЫЯ XVII-го ВѢКА. Н. КУПРИЯНОВА	95

III. Критика.

О русскихъ глаголахъ, Константина Аксакова. Статья О. И. ВУСЛАЕВА	23
--	-----------

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Ломоносовъ, какъ физикъ, Н. Любимова	69
Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи, проф. Лешкова	71
Извлеченія изъ Русской Грамматики профессора Барсова, О. И. Буславца	73
О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи, А. Егунова	76
Полное, систематическое, практическое описаніе минеральныхъ водъ, К. Грума	86
Описаніе револьверовъ, К. Костенкова	88
Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, И. Палимпсестова	—
Полное опытное русское огородничество, Е. Львова, изд. С. Усовымъ	94
Азовское сидѣніе, Н. Кукольника	95
Игра пикетъ, П. Вишнева	98
Пріятное препровожденіе времени	99

ПЕРЕВОДЫ.

Гомеопатическій Лечебникъ, А. Теста, перев. В. Дерикера.	77
Клиническія Наставленія доктора Яра, изд. Ф. Флемминга...	—

ЖУРНАЛИСТИКА.

Стихотворенія въ журналахъ за первую половину 1855 года.	
О нашей поэзіи настоящаго времени. Стихотворенія гг. Фе...	

та, Майкова, Мел, Некрасова, Никитина, Гербеля, Лонского и других. — Проза, послѣднихъ номеровъ журналовъ: «Первое знакомство съ свѣтомъ» г-жи *Нарской*. — «Ночная вылазка въ Севастополь», разсказъ г. *Ст.* — «Африканъ», г. *Михайлова*. — «Сережа», г. — *ва.* — «Десять дней въ Севастополь» и «Воспоминанія о походѣ въ Венгрію въ 1849 году». — «Ваня», сказка г. *Стаховича*. — «Ближній бояринъ Борися Ивановичъ Морозовъ», г. *Руднева*. — «Кандидатъ въ романисты и его романъ» .....

101

V. Современная Хроника Россіи.

Обозрѣніе движенія русскаго законодательства по гражданскому управленію за іюнь 1855 года.....

21

Событія въ Отеествѣ: (Событіе изъ жизни въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. — Высочайшій смотръ кадетамъ на Царицыномъ Лугу. — Грозы и бури: въ Москвѣ, Санктпетербургѣ и Архангельскѣ. — Солнечное затмѣніе въ Ярославлѣ. — Смерчъ на заливѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. — Утоновшіе. — Нѣкоторыя подробности о крушеніи русскаго фрегата *Діана*. — Пароходъ на Вяткѣ. — Обороты главнѣйшихъ ярмонокъ въ 1844 и 1855 годахъ. — Пожары. — Слѣпая вотячка. — Обжога отъ свѣчной искры. — Уродливый младенецъ. — Некрологъ: *К. Н. Батюшковъ, графъ Кушелевъ-Безбородко, адмиралъ Нахимовъ* и полковникъ *Защпинъ* .....

24

VI. Смѣсь.

Записки Пуфмейстера (американца Барнума).....
Капризница. Комедія въ одномъ дѣйствіи. *И. А. Ф.—ва*.....

91

109

Новости наукъ, искусствъ, литературы и промышленности.

Лондонскія извѣстія: Проектъ Пакстона объ устройствѣ желѣзной дороги чрезъ Лондонъ. — Подводные телеграфы чрезъ Средиземное Море и Атлантическій Океанъ. — Биржевыя спекуляціи. — Банкротство фирмы *Strahan Paul and Bates*. — *Парижскія извѣстія*: Спекуляціи, возбужденныя новымъ

займомъ. — Аzteки въ Парижѣ. — Рашель и Ристери. —
Вступительная рѣчь де-Саси во Французской Академи. —
Докторъ Веронъ въ качествѣ мецената. — Судебный ане-
кдотъ. — Юбилей Бонифація въ Майницѣ. — Некрологъ г-жи
Эмиль Жирардонъ и путешественника Парри. — Письма
маршала Сент-Арно. — Извѣстія о выставкѣ. — Пароходъ
«Персія». — Компания для добыванія алюминія. — Лакире-
ванное мясо. — О близорукости и дальновѣрности. — Вліяніе
войны на смертность во флотѣ. — Извѣстіе о трехъ новоот-
крытыхъ миньютюрахъ Рафаэля.....

Двѣ парижскія картинки дамскіе и мужскіе модѣ.

* * *

Къ ужасающей пустынь
Приведенъ путемъ твоимъ,
Что мечтою ищешь нынѣ,
Утомленный пилигримъ?

Въ темнотѣ полярной ночи
Позабытъ и одинокъ,
Тщетно ты вперяешь очи
На бѣлѣющій востокъ.

Тщетно пышнаго разсвѣта
Сердце трепетное ждетъ:
Пропадетъ денница эта —
Это солнце не взойдетъ.

Б. НАВЛОВА.

—
* * *

Сходилась я и расходилась
Со многими въ земномъ пути;
Не разъ мечтами подѣлилась,
Не разъ я молвила «прости!»

Но до прощанья роковаго
Уже стояла я одна,
И хладное то было слово,
Пустой отзывъ пустаго сна.

И каждая лишала встрѣча
Меня призрака моего,
И не звала я издавеча
Назадъ душою никого.

И не по нимъ мнѣ грустно было:
 Мнѣ грустно было по себѣ,
 Что сердца радостная сила
 Уступитъ жизненной судьбѣ;

Что не нисходить съ небосклона
 Богиня къ жителямъ земнымъ;
 Что всѣ мы, съ жаромъ Иксиона,
 Обвинемъ облако и дымъ.

Мнѣ было тягостно и грустно,
 Что жжетъ улыбка и слеза,
 И то, что слышимъ мы изустно,
 И то, чему глядимъ въ глаза.

И я встрѣчаю, съ нимъ не споря,
 Спокойно нынѣ бытіе;
 И горестивѣй младаго горя
 Мнѣ равнодушіе мое.

Ж. ПАВЛОВА.

ФРАЗЫ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ.

I.

День склонялся къ вечеру, чему очень радовались деревенскіе жители, потому-что этотъ іюньскій день былъ невыносимо-жарокъ.

Въ небольшой залъ небольшого господскаго дома села Кружкова, собралось общество, занятое очень-пріятно. Двѣ молодыя дѣвушки перебирали съ большаго лотка клубнику и методически разсыпали ее на тарелки; имъ помогали, или, вѣрнѣе, мѣшали трое маленькихъ дѣтей, рѣзвыхъ, шумливыхъ, которыя то вспрыгивали на стулья, то усаживались на полу и вообще вертѣлись столько, что, казалось, ихъ въ комнатѣ больше, нежели сколько было въ-самомъ-дѣлѣ. Пожилая дама, хозяйка дома и мать этой семьи, сидѣла у открытаго окна и наблюдала, какъ въ цвѣтникѣ, подѣ тѣнью акацій, старая ключница варила варенье на жаровнѣ, въ которой искрились и трещали уголья. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, маленькая дѣвочка, присѣвъ на дорожкѣ, толкла сахаръ. Обстановку сцены составляли тарелки, стаканы, графины съ водою, миски со льдомъ и съ вареньемъ. Хозяйственное дѣло было въ самомъ разгарѣ. Оно дѣлалось очень-весело.

— Маменька, возьмите отъ насъ Петрушу! сказала одна изъ дѣвушекъ, хорошенькая брюнетка съ яркими глазками и полными ручками: — онъ непременно убѣется; посмотрите, какъ онъ шалить.

Мальчикъ, о которомъ говорили, исполнялъ въ эту минуту удивительную аквилибристическую штуку, упираясь кончиками ногъ въ стулъ, а локтями на столъ. Мать оглянулась и ахнула.

— Сойди скорѣе! сойди сейчасъ! вскричала она, испугавшись и вставъ съ мѣста : — ну, можно ли это...

— Матушка, Катерина Петровна, отозвалась изъ цвѣтника ключница, она же и няня, услыша грозу, поднимавшуюся на ея любимца : — отпустите его сюда, ко мнѣ. Дитя рѣзвится, извѣстно, оттого—что въ комнатѣ ему жарко.

Эти слова, хотя нисколько незабавныя, возбудили общій смѣхъ. Когда людямъ весело и нѣтъ заботы, они всему смѣются.

— Кажется, наконецъ и васъ разбудили? сказала дѣвушка, обращаясь къ молодому человѣку, который сидѣлъ въ углу залы, въ тѣни, и закрывался книгою.

— Какъ, разбудили? спросилъ онъ, вставая и подходя къ ней.

— Конечно; хотя оно и несовсѣмъ-учтиво, а признайтесь — жаръ и наша работа навели на васъ сонъ.

— Вы все нападаете на меня, Ольга Григорьевна. Я, право, читалъ.

— Полноте! возразила она, разсмѣявшись : — была ли возможность читать? Мы знаемъ, что вы человѣкъ серьезный и, право, не потеряемъ къ вамъ уваженія, если вы признаетесь, что не могли... отрѣшиться... Такъ это называется, Настенька?

— Такъ, отвѣчала ея подруга.

— Что вы не могли отрѣшиться отъ клубники, отъ нашего смѣха, отъ желанія заснуть — для вашего ученаго чтенія...

— Это не ученое чтеніе, возразилъ онъ, показывая ей книгу.

— Стихи... Такъ тѣмъ простибельнѣе. Я думаю, самъ ихъ авторъ понималъ, что не всегда можно ими заниматься. Чтò, у великихъ людей, бывали ли прозаическія минуты въ жизни, напри- мѣръ, какъ у насъ теперь?

— Какъ не бывать?

— Передайте, пожалуйста, это блюдо нянѣ, въ окошко; не разсыпьте ягодъ... А почему это называется прозой, Василій Дмитричъ?

— Почему... Потому—что это не поэзія, отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь поэзія — счастье; а если мы счастливы прозой...

— Что вамъ вздумалось философствовать сегодня? прервалъ онъ : — вотъ фантазія!

— Чтобъ доставить вамъ удовольствіе, отвѣчала она, смѣясь : — чтобъ вы не сказали, что мы погрязли въ прозѣ, чтобъ вамъ не было слишкомъ—трудно перейти къ житейскому отъ всѣхъ вашихъ восторговъ. (Она указала на книгу.) Довольны ли вы?

— Доволенъ... То-есть, я хотѣлъ сказать : довольно.

— Я сама то же думала, отвѣчала Ольга, продолжая смѣяться.

— Садитесь здѣсь и помогите намъ скорѣе кончить ; мы устали.

Молодой человѣкъ съѣлъ и принялъ дѣятельное участіе въ работѣ.

По всему было замѣтно, что онъ и дѣвушки были давно знакомы : они не трудились занимать другъ друга. Въ деревнѣ, между близкими сосѣдями, недолго завязаться короткому знакомству, если люди рѣшатся забыть претензіи и свое маленькое самолюбіе, этотъ вѣчный источникъ принужденія и скуки. Ольга и Настенька не были родня другъ другу. Настенька была сирота и училась въ какомъ-то заведеніи, изъ котораго прямо поступила въ гувернантки въ эту семью. Она занималась двумя маленькими сестрами Ольги, или, вѣрнѣе, сама стала ея сестрой — такъ любили онъ другъ друга. Мать Ольги, въ свою очередь, очень привязалась къ сиротѣ и говорила, что отпустить ее отъ себя только въ домъ къ хорошему человѣку, къ мужу, котораго она ей найдетъ и выберетъ, какъ выбирала бы для родной дочери. Состояніе Катерины Петровны было невелико, но Ольга, а съ ней вмѣстѣ и ея подруга, жили весело, какъ всегда живетъ людямъ, не требующимъ отъ жизни слишкомъ-затѣйливаго веселья. Среди тихаго деревенскаго быта всякій маленькій праздникъ становится эпохой, самый простой нарядъ цѣнится дорого. То и другое не всегда бываетъ хорошо, за-то приносить удовольствіе, которое рѣдко доставляютъ блестящіе балы и роскошные наряды тамъ, гдѣ къ нимъ уже привыкли. Въ глуши впечатлѣнія принимаются полнѣе, потому-что случаются рѣже — истина не новая; но вѣдь всѣ истины не новы...

Ольга была настоящая деревенская дѣвушка по своей простотѣ и впечатлительности. Веселый характеръ сохранилъ ее отъ жеманства, доброе сердце — отъ страсти къ пересудамъ. Въ ней была какая-то рѣшительность, которая не давала ей заниматься мелочами, а здравый смыслъ, даже болѣе, нежели врожденная разборчивость женщины, не допускалъ ея быть неизящной и привязываться къ неизящному. Ея образованіе было не велико, но она понимала вѣрно и любила то, чтò знала, хотя любила безъ экзальтаціи. Въ ней нашлось мужество, рѣдкое въ восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, мужество учиться у своей подруги, заниматься какъ дитяти, между-тѣмъ, какъ хотѣлось бы разговаривать, мечтать, смѣяться, какъ взрослой. Все, чтò она дѣлала, дѣлалось въ самомъ строгомъ порядкѣ ; она оставляла свои занятія, даже тѣ,

Ветеранъ университета 31 марта 1859 года въ Чикаго

которыя любила, для другихъ занятій, даже нелюбимыхъ, если это было нужно, иногда, просто, если приходило время. Она легко дѣлила свою жизнь на жизнь ума, чувства и жизнь положительную такъ легко, что, казалось, для нея не было скучныхъ занятій. Можно было бы сказать, не зная ея коротко, что Ольга—существо хуже нежели апатическое—существо грубое. Есть люди, готовые назвать спокойствіе безчувственностью, люди, которые не вѣрятъ, что другимъ больно, если эти другіе не кричатъ. Эти люди не простили бы Ольгѣ ея ровной веселости, предположивъ недостатокъ пониманія тамъ, гдѣ, напротивъ, было слишкомъ-много вѣрнаго пониманія жизни: они затруднились бы подать ей совѣтъ, какъ жить въ селѣ Кружковъ и съ его сосѣдями, вѣчно вздыхая объ идеалахъ и вѣчно тоскуя о человечествѣ... Къ счастью Ольги, такихъ строгихъ судей не нашлось между ея знакомыми, и всѣ, знакомые и сосѣди, продолжали отъ души любить милую, веселую дѣвушку, какъ любили ласковую, умную дѣвочку.

Года за два до того времени, съ котораго начинается этотъ разсказъ, въ числѣ сосѣдей села Кружкова явился пріѣзжій, Василь Дмитріичъ Хотницкій. Онъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ Москвѣ и недавно вышелъ въ отставку; его имѣніе было очень-хорошенькое, такъ-что Хотницкій считался самымъ выгоднымъ женихомъ въ сосѣдствѣ. Конечно, въ столицѣ, гдѣ жилъ онъ прежде, онъ не удивлялъ и не брался никого удивить своими полуторастами душами; но умъ и воспитаніе давали ему право бывать въ порядочномъ обществѣ, которое принимало его охотно. Пріѣхавъ въ деревню, онъ поскучалъ сначала даже о томъ, что почти не нравилось, когда было предъ глазами, еще разъ оправдывая этимъ давно-извѣстное замѣчаніе: «что прошло, то мило», пожалѣлъ немного, а потомъ, какъ человѣкъ благоразумный, понимая необходимость ужиться тамъ, гдѣ поставила его судьба, сталъ присматриваться ко всему окружающему, съ искреннимъ желаніемъ найдти какъ можно болѣе хорошаго. Это желаніе было нѣсколько себялюбиво: Хотницкій искалъ привязанностей, чтобъ не скучать. Увезенный ребенкомъ въ Москву, гдѣ выросъ, учился и жилъ, онъ зналъ уѣздныхъ жителей только по нравоописательнымъ романамъ, а потому очень удивился и обрадовался, открывъ въ нихъ множество сторонъ неподмѣченныхъ романистами и выкупающихъ очень-многое. Были, конечно, и странности, рѣзкости, иногда даже превышающія вымыселъ романистовъ; но Хотницкій припомнилъ и сравнилъ—и обрадовался еще болѣе, какъ новиз-

нѣ, открытію старой истины, что хорошее и дурное перемѣшаны вездѣ въ равной степени, что, конечно, есть уголки на свѣтѣ, гдѣ можно скучать болѣе, нежели въ другихъ, но что именно въ этихъ уголкахъ слѣдуетъ менѣе негодовать и горячиться. Онъ не усвоилъ себѣ обычаевъ своего уѣзда, не привыкъ къ странностямъ, не потерялъ своихъ изящныхъ привычекъ, не облылся: онъ только сталъ болѣе извинять, припоминая, что видалъ вещи, въ своемъ родѣ неменѣе непростительныя. Не выказавъ съ перваго раза скуки, не важничая впоследствии, отыскивая сближенія по душѣ, а не по сходству свѣтскихъ привычекъ, Хотницкій былъ скоро и достаточно вознагражденъ: въ числѣ сосѣдей, оригиналовъ было немного, а нашлось нѣсколько хорошихъ людей, которые его полюбили. Къ концу втораго года своего житья-бытья въ деревнѣ, онъ ужъ любилъ деревню; даже ранѣе этого началъ онъ находить удовольствіе бывать въ Кружковѣ и видѣть Ольгу. Знакомство скоро сдѣлалось дружескимъ. Образы свѣтскихъ женщинъ уже довольно сгладились въ его памяти; оригинальность Ольги не казалась рѣзкою среди ея обстановки; напротивъ, въ минуты раздумья, слѣдствія неумѣреннаго чтенія любимыхъ поэтовъ въ жаркій день, Хотницкій находилъ, что къ сельской природѣ идетъ именно такая личность женщины. Въ числѣ его собственныхъ странностей, привезенныхъ изъ общества, или *прирожденныхъ* (какъ выражалось это общество, не заботясь, что выраженіе было вычурно), была страсть разбирать женскіе характеры. Онъ старался развить эту страсть и въ Ольгѣ, и употреблялъ на то все свое краснорѣчіе, разбирая необыкновенно-тонко и говоря очень-много...

На него нашло это расположеніе духа чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Ольга посадила его за клубнику.

— Была у васъ Прасковья Александровна Залѣская? спросилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Зорькинская помѣщица? Нѣтъ, отвѣчала Катерина Петровна.

— Жаль! Какая это прекрасная, милая, образованная женщина... Очень-жаль!

— А я очень-мало жалѣю, возразила Ольга.

— Почему?

— Она очень-богата: какъ она ни мила, ни обходительна, а неловко знакомиться при такой разницѣ состоянія.

— Извините, я не ждалъ этого отъ васъ. И это *вы* сказали! Если даже эта женщина своимъ удивительнымъ характеромъ,

своимъ необыкновеннымъ умомъ заслуживаетъ привязанность безграничную...

— Тѣмъ хуже, прервала Ольга : — я привяжусь къ ней и должна буду съ ней разстаться. Черезъ полтора мѣсяца, когда она уѣдетъ отсюда, мнѣ останется только горе, а она меня забудетъ.

— Почему вы это думаете?

— Потому-что такихъ друзей, какъ я, у нея, должно-быть, слишкомъ-много : неостанетъ памяти.

— Зачѣмъ же такое самоуниженіе?

— Напротивъ, самая искренняя похвала ей, отголосокъ вашей похвалы.

— Послѣ этого лучшія, самыя возвышенныя созданія никогда не найдутъ друзей.

— Напротивъ; но пусть только эти созданія не собираютъ ихъ на-лету. На-лету можно принять поклоненіе, комплиментъ, а не дружбу; дружбу надо узнавать ближе : это дѣло серьезное.

— Какое строгое сужденіе ! возразилъ Хотницкій.

— Развѣ я не права ?

— Положимъ, въ нѣкоторой степени, вы, можетъ-быть, и правы. Но какая холодность ! Какъ мало женственности въ вашемъ рѣзкомъ опредѣленіи!..

— Залѣская здѣсь одна или съ мужемъ ? спросила Катерина Петровна.

— Одна. Мужъ ея живетъ въ тверской деревнѣ. Развѣ вы этого не знаете ?

— Нѣтъ. Мы встрѣтились съ нею всего одинъ разъ, въ храмовой праздникъ, у священника, на одну минуту. А вы бываете у нея ?

— Дѣ, я познакомился и былъ... Разберемте хоть это, продолжалъ Хотницкій, обращаясь къ Ольгѣ.—Какая милая внимательность: она знала, что обрадуетъ старика, украситъ его праздникъ — и пришла...

— Постойте, Василий Дмитричъ, не сердитесь ! вскричала Ольга : — я скажу, какъ вы: «разберемъ». Тонкости, такъ тонкости! *Желала* ли она обрадовать, или *была увѣрена*, что обрадуетъ ?

— Ахъ, для чего же привязываться, чтобъ найти дурное ?

— Вы привязываетесь же, чтобъ найти хорошее ? Будьте справедливы.

— Вы предубѣждены противъ нея.

— Нимало, только я не люблю фразъ. Фразами все можно уве-

личить и украсить. Скажите то же, только просто — тогда увидите настоящую правду. Попробуйте придавать поменьше важности пустымъ вещамъ — увидите, что будетъ лучше.

— То-есть, ничего не увидимъ отъ привычки не смотрѣть — ни хорошаго, ни дурнаго. Вы сегодня въ духъ философствовать и противорѣчить.

— Вы знаете, я не люблю преувеличеній; а философствовать вы сами меня приучили, отвѣчала она тихо.

Хотницкій видѣлъ, что огорчилъ ее, но, изъ упрямства, замолчалъ, будто самъ обидѣлся.

— Вы знали Зальскую въ Москвѣ? спросила Настенька.

— Нѣтъ, въ первый разъ встрѣчаю здѣсь, отвѣчалъ онъ.

— И, вѣроятно, будете часто посѣщать ее? продолжала Настенька.

Хотницкій взглянулъ на Ольгу, и ему стало какъ-будто совѣстно. У него было доброе сердце. Онъ вспомнилъ, что знакомство съ нею доставило ему самыя пріятныя минуты его деревенской жизни, и что теперь выказать предъ деревенской девушкой, что онъ слишкомъ обрадовался этой свѣтской встрѣчѣ, значило бы огорчить эту дѣвушку, даже обидѣть. Онъ не былъ мелочень, не отрекался отъ пріязни изъ ложнаго стыда, и его почти испугала мысль, что его отвлеченныя разсужденія о женщинахъ вообще могутъ быть приняты за положительную неучтивость; поэтому поспѣшили поправиться.

— Не знаю, часто ли я буду ее видѣть, отвѣчалъ онъ, обращаясь къ Настенькѣ. — Она пріѣхала сюда, какъ говорить, «отдыхать въ уединеніи»: значить, лишній визитъ беспокоить ее. Я самъ, какъ вы знаете, такъ распредѣлил свое время, что буду посвящать ей только лишнее, если найдется...

— Послушайте, вскричала Ольга: — говорите сколько хотите, что я спорю, противорѣчу, все, что вамъ угодно, но я не могу не сказать: вы сами себя противорѣчите. «Прекрасная, очаровательная женщина», а вы отдадите ей только лишній часъ, если онъ у васъ найдется!..

— Я не противорѣчу себя.

— Такъ для чего же фразы? почему вы не сказали просто, прямо: «я буду къ ней вѣдить часто, но все-таки не забуду васъ». Вы это думали?

— Конечно, это, отвѣчалъ немного-затрудненный Хотницкій: — но, согласитесь, это ужъ такъ прямо...

— Вы думаете, ваша запутанная отговорка... приятнѣе?

— Я ничего не думаю, вскричалъ онъ: — я знаю, что вы заставляете меня во всемъ соглашаться.

— Это всего лучше, сказала Ольга. — Согласитесь ли вы вотъ на какой уговоръ: ни слова больше объ отвлеченностяхъ на нынѣшній вечеръ, и идемте въ поле.

— Съ удовольствіемъ.

— Маменька, милая, позвольте все это оставить; кончайте безъ насъ; вечеръ отличный, жаль его пропустить. Дѣти! собирайтесь! Пойдемъ, Настенька.

Въ залѣ сдѣлалось еще шумнѣе. Хотя прогулка въ полѣ была не рѣдкость, но дѣти изъявляли свой восторгъ бросаясь въ объятія другъ другу, старшей сестрѣ, наставницѣ, матери, гостю. Няня оставила кипящее варенье на жаровнѣ и побѣжала за лепешками для Петруши, находя, что для такого длиннаго путешествія необходимъ запасъ. Петруша кликнулъ дворняжку, съ которой не могъ разстаться; дѣвочки отыскивали свои платочки, перчатки, прятали куколъ. Наконецъ Ольга и Настенька, какъ настоящія деревенскія жительницы, ненадѣвающія шляпокъ для вечернихъ прогулокъ, накинули на голову кисейныя косынки; Хотницкій спряталъ въ карманъ своего Гюго и взялъ фуражку, и всѣ готовились проститься, когда Катерина Петровна вскричала взглянувъ въ окно:

— Погодите: пріѣхалъ кто-то...

Въ секунду, Петруша былъ уже въ цвѣтникѣ, и на заторождѣ, выходящей во дворъ, а потому яснѣе другихъ могъ видѣть сцену, которая происходила у воротъ...

Готовясь описывать эту сцену, мы принуждены сознаться въ нашемъ затрудненіи. До-сихъ-поръ этотъ разговоръ касался такихъ незамѣчательныхъ предметовъ, представлялъ людей и бытъ такого мелкаго круга, что, мы чувствуемъ сами, выраженія были неглядки и краски неизящны. Должно перемѣнить тонъ, проникнуться всей прелестью, всѣмъ величіемъ свѣтлости и постараться возвыситься до нѣкотораго паэоса...

У воротъ стоялъ кабріолетъ, запряженный прекрасной строй лошадей. Несмотря на пыль проселочныхъ дорогъ, сбруя и отдылка изящнаго экипажа сіяли въ послѣднихъ лучахъ солнца; все смотрѣло дорого и модно, но экипажъ казался еще недостойнымъ той, которая имъ управляла. Это была дама воздушная, стройная, нарядная, хотя роскошь ея наряда скорѣе угадывалась, нежели

бросалась въ глаза ; только женщины могли бы вполнѣ оцѣнить прелесть складокъ ея блѣдно-лиловаго платья ; только женщины съ перваго взгляда могли бы понять, что ея соломенную шляпку прикрываетъ кружевной вуаль, а не паутина, которая летаетъ на поляхъ въ теплые дни...

Дама была въ затрудненіи : чтобъ сойти съ кабриолета , ей было необходимо, чтобъ кто-нибудь подержалъ лошадь. Маленькій крестьянскій мальчикъ , наблюдавшій за нею , прислонясь къ столбу у воротъ и прикрываясь отъ солнца рукавами своей пестрядиной рубашки, спрятался за плетнемъ, едва посетительница выразила свою просьбу. Кругомъ больше никого не было. Свѣдой дворецкій, проходившій съ самоваромъ въ кухню , поставилъ наземъ свою ношу, приблизился и отважился взять подъ усты великодѣпнаго коня, который, въ свою очередь, съ удивленіемъ оглянулъ его.

— Благодарю васъ, мой любезный, сказала гостя, сходя съ своей колесницы и показывая при этомъ невѣроятно-маленькую ножку.

Рѣшительно, это была сифида; она не прошла, а пролетѣла до крыльца; казалось, трава не мѣлась подъ ея шагами...

— Маменька, это Залѣская, сказала Ольга, глядя въ окно.

— Ахъ, батюшки! вотъ нѣ въ-пору заѣхала! сказала Катерина Петровна, пробираясь между сдвинутыми стульями на встрѣчу гостя.

Хотницкій давно бросилъ свою фуражку.

Прасковья Александровна вошла; между дамами начались привѣтствія. Нѣчего и говорить, что дѣти убѣжали, прозвевда новую суматоху. Настенька пошла усмирять ихъ.

— Извините, что для перваго визита я явилась вечеромъ , сказала Прасковья Александровна, пожавъ руки матери и дочери: — по мнѣ хотѣлось начать безъ церемоній. Мсьѣ Хотницкій мнѣ такъ много говорилъ о васъ...

Нельзя не замѣтить, что существа, необыкновенно-милыя, граціозныя, воздушныя, очень-много теряютъ въ описаніяхъ: слово такъ опредѣленно! Чобъ дать понятие о красотѣ этихъ существъ, необходимо ставить ихъ непременно въ нѣкоторомъ отдаленіи и на нѣкоторой высотѣ, такъ, чобъ смертные видѣли ихъ только въ туманѣ и слышали ихъ рѣчи не отъ нихъ самихъ, а пересказанныя тѣмъ, кто взялся показывать міру эти диковинки. Тогда смертные въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, повѣрять, что это дивовица...

Сознаемся еще разъ въ нестерпимо-грубой, положительной привычкѣ: мы не можемъ не придвинуть этихъ «идеаловъ» къ свѣту ближе, нежели сколько слѣдуетъ для того, чтобы они были выгодно освѣщены; мы не можемъ говорить за нихъ, а слушаемъ ихъ собственныя слова; мы не въ-состояніи увѣрять, на примѣръ, что они «вздыхали о слезахъ и печали природы», когда они сказали, просто, что накрапываетъ дождикъ. Мы замѣчаемъ, что они пьютъ и ѣдятъ, и смѣемъ не думать, что, дѣлая это, они дѣлаютъ грустную уступку житейской необходимости... Изъ чего слѣдуетъ, что мы должны смиренно и вполне сознаться въ неспособности представить сколько-нибудь «воздушный», идеальный образъ: мы не видимъ его.

Теряетъ ли что-нибудь истинно-прекрасное отъ положительнаго разбора? Намъ кажется, что дневной свѣтъ невыгоденъ только для декораций и румянъ, и, выразивъ эту довольно-неучливую мысль, осмѣлимся пойти дальше. Мы скажемъ просто, что все, прячащееся отъ разбора—декорации и румяна, что нѣтъ истины въ словахъ, которыя путаются въ перифразѣ, что нѣтъ истины въ чувствѣ, которое возбуждаетъ само себя словами... Можетъ-быть, это рѣзкое убѣжденіе и мѣшаетъ намъ находить привлекательными «идеалы», гдѣ бы ни встрѣчались они: въ книгахъ ли, созданія слишкомъ-разгоряченной фантазіи, въ жизни ли, подражанія этимъ книжнымъ образамъ—подражанія болѣе или менѣе удачныя, но всегда слѣдствіе отсутствія истиннаго чувства, слѣдствіе претензіи казаться интереснѣе, слѣдствіе кокетливаго расчета, который, къ сожалѣнію, не всегда не удается...

Въ-самомъ-дѣлѣ, какому юношѣ не кружили головы эти мечтательныя, болѣзненно-чувствительныя женщины, въ которыхъ томная красота заставляла забывать возрастъ, женщины съ вѣчной загадкой какой-то прошлой любви, съ вѣчнымъ словомъ: «поздно!» которое отталкиваетъ и опять вызываетъ признанія? Кто, уже не юноша, а человѣкъ пожившій и испытанный жизнью, не увлекался любовью и часто восторгомъ къ этимъ созданіямъ непокорнымъ и гордымъ, откровеннымъ въ своихъ недостаткахъ и винахъ, смѣлымъ въ своемъ презрѣніи, къ этимъ немолодымъ женщинамъ, которыя говорили, что «оцѣнили и отдали забвенію все свое прошедшее, что готовы, что могутъ, какъ дѣти, полюбить въ первый разъ?..» На-сколько все это бывало истинно? Изъ всѣхъ женщинъ, игравшихъ въ эту игру, многія ли могутъ сказать, что въ-самомъ-дѣлѣ отдавали ей всю свою душу, что въ-самомъ-дѣлѣ

забывали прошедшее, что рассчитывали только на блаженство минуты, и то не для себя, что, когда проходила эта минута, онъ сознавали жизнь свою полною и конченною, и считали уже невозможнымъ, недолжнымъ ждать и искать чего-нибудь еще впереди?..

Большая часть женщинъ окружаетъ себя романтическимъ туманомъ отъ нечего-дѣлать, потому-что онъ хорошо скрываетъ ихъ настоящую незанимательность и потому-что онъ — *положеніе*. Мечтая, вспоминая, страдая, пренебрегая свѣтомъ, утомясь размышленіемъ, можно цѣлый день сидѣть сложа руки и не заслужить названія лѣнницы. Отъ долгаго бездѣлья захотѣлось спать — это можно объяснить побѣдой физической природы надъ нравственной; вздумалось чѣмъ-нибудь раздражить себя — можно прочесть нѣсколько строкъ изъ полу-понимаемаго Байрона и свои нервическія слезы назвать слезами о человѣчествѣ... и такъ далѣе. Къ этому легко привыкнуть и, сначала обманывая другихъ, впоследствии очень-наивно обманывать самихъ себя, воображивъ себя чѣмъ-то въ-самомъ-дѣлѣ отличнымъ отъ другихъ. Фразы, вычитанныя сквозь сонъ и заученныя потому, что онѣ взволновали умъ, тоскующій отъ бездѣлья, хотя онъ не сознаетъ этого, а, напротивъ, увѣряетъ себя, что вѣчно занятъ, эти фразы помогаютъ сантиментальнымъ дамамъ сдѣлать опредѣленіе собственнаго ихъ характера. Въ последнее время въ этихъ опредѣленіяхъ вошли въ моду слова: «развитіе», «впечатлительность», «познаніе», «сочувствіе»... Фраза всеильна и еще болѣе туманитъ голову тому, кто говоритъ ее, нежели тому, кто ее слушаетъ: слушатель, недовѣрчивый насмѣшникъ, можетъ остаться недоволенъ, но увлеченный ораторъ всегда доволенъ собою. «Воздушныя», восторженныя созданія вѣрятъ себѣ и счастливы; часто они не имѣютъ понятія о томъ, что рѣшаютъ весьма-отважно; часто ихъ восторгъ, умиленіе, негодованіе вызваны тоже фразами, или подготовлены разстройствомъ нервовъ; но имъ нѣтъ дѣла до этого: они убѣждены, что онѣ «необыкновенныя женщины».

Мечтательность и восторженность, понятія отвлеченныя, требуютъ очень-много положительныхъ удобствъ для своихъ проявленій. Необходимо независимое положеніе, чтобъ никто не смѣлъ удерживать стремленій души за предѣлы того, что свѣтъ называетъ своими условіями; необходимо нѣкоторое значеніе въ этомъ свѣтѣ, для того, чтобъ онъ не смѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, явно насмѣхаться; необходимо богатство для того, чтобъ прованче-

окія подробности не нарушали собою красоты этого поэтического міра... Какая огромная разница, наприкладъ, между *обаятельной* аристократкой, въ изнеможеніи склоняющей *чудную* головку на бархатную спинку кресла въ своей ложѣ, и между провинціалкой, рыдающей въ галереѣ пятого яруса! Объ онѣ, конечно, видятъ одно и то же, чувствуютъ одно и то же; но одна изъ нихъ очаровательна, другая смѣшна... Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думаютъ очень-многіе, и для этихъ *многихъ*, очаровательницы никогда не пропустятъ случая порисоваться. Впрочемъ, онѣ привыкли рисоваться; эта привычка называется «сознаніемъ красоты, женственностью», особенно «женственностью»... Смыслъ этого слова сдѣлался очень-обширенъ; если не ошибаемся, имъ объясняются и извиняются всѣ женскія слабости, причуды, своеправіе и мелочности. Удивительно, какъ женщины не только терпятъ это слово, но еще принимаютъ его за любезность!

Это слово недавно проникло въ глушь села Кружкова, гдѣ Хотницкій краснорѣчиво и неоднократно старался растолковать его Ольгѣ. Онъ былъ молодъ и хотя успѣлъ нѣсколько узнать свѣтскихъ женщинъ и быть обманутымъ, но еще увлекался и обманывался. Женщины «поэтическія» опаснѣе другихъ тѣмъ, что разнообразнѣе и, кокетничая, такъ трогательно взываютъ къ чувству, такъ разумно говорятъ о высшемъ назначеніи челоуѣка, такъ благородно протягиваютъ объятія всему міру, что челоуѣку доброду, умному и благородному почти-совѣстно не послушать ихъ, по-крайней-мѣрѣ, хоть одинъ разъ. Хотницкій былъ готовъ слушать и болѣе. Онъ бредилъ «развитыми» женщинами и былъ почти смѣшонъ, когда изображалъ «идеалъ, о которомъ тосковала душа его, который она должна была искать и найти»... Онъ тоже, когда увлекался, довольно-проворно нанизывалъ одну фразу за другою.

— Это значитъ, просто (прервала его однажды Ольга), что вы хотѣли бы жениться на женщинѣ доброй, образованной и безъ претензій.

Хотницкій вспылилъ. Извиняясь, конечно, въ томъ, что говорилъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не высказать, какъ ему не нравится эта привычка называть вещи по имени, отъ чего самыя граціозныя становятся иногда рѣзкими. Онъ мечталъ о новой немцѣ Эгеріи, о новой Консуэлло — а ему ставили предъ глаза помѣщицу, хозяйку въ чепцѣ и съ ключами у пояса!.. Его досада была забавна. Ольга не могла не смѣяться, рискуя рассер-

дять его нешутя; но досада Хотницкаго не была продолжительна, тѣмъ болѣе, что долго невозможно было сердиться на такую милую спорщицу.

Онъ былъ довольнѣе всѣхъ прїѣдомъ Прасковьи Александровны и взглянулъ на Ольгу съ нѣкоторымъ торжествомъ, какъ-будто говоря: «вотъ вы увидите совершенство!»

Ольга отвѣчала улыбкой, но покачала головой, какъ-будто у нея уже было готово противорѣчіе.

— Извините, сказала гостья Катерина Петровна: — вы насъ застали въ хлопотахъ. Все хозяйственное, все не въ приборѣ...

— Ахъ, какъ это весело—хозяйничать! вскричала съ живостью Прасковья Александровна: — научите меня.

И, шаловливая, какъ дитя, она протѣснилась къ столу.

— Какъ это хорошо! сколько тутъ сладкаго!

— Гдѣ вамъ учиться! на чтò? сказала Катерина Петровна.— Вотъ, не угодно ли лучше полакомиться, отвѣдать?...

И она поднесла гостьѣ огромную миску еще горячаго варенья и большую ложку.

— Благодарю васъ, сказала Прасковья Александровна въ затрудненіи: — это такъ много... не беспокойтесь...

Она искала чего-то глазами. Катерина Петровна поняла ее и, положивъ этого варенья на блюдечко, едва-ли не вѣрхомъ, заставила гостью взять его.

— Пожалуйте въ гостиную, милости просимъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы были заняты здѣсь; пожалуйста, для меня не оставляйте вашихъ занятій.

И, утомленная всѣми этими церемоніями, Прасковья Александровна сѣла на стулъ, поданный ей Хотницкимъ.

— Мисгоі, сказала она тихо, немного задыхаясь и поднявъ на него свои большіе, темносѣрые глаза.

Ея бѣглый взглядъ былъ глубокъ и пронзителенъ; ему придавали особенное выраженіе необыкновенно-длинные рѣсницы. Ея лицо, худое и продолговатое, отличалось густыми прядями темныхъ волосъ, искусно-уложенныхъ около щекъ; оно было нѣжно и матово-блѣдно, той блѣдностью, недоступной для загара, которая служить и будетъ вѣчно служить предметомъ удивленія и зависти деревенскихъ жительницъ.

— Мы съ вами очень-близкія сосѣдки, сказала она привѣтливо, обращаясь къ Ольгѣ.— Часто ли вы бываете въ Зорькинѣ?

— Это нашъ приходъ, отвѣчала Катерина Петровна.

— Я часто хожу гулять туда, сказала Ольга: — и знаю вашу садъ, можетъ-быть, даже лучше, нежели вы сами: вы здѣсь еще такъ недавно...

— И въ первый разъ въ жизни.

— Какъ же вамъ должно быть скучно! сказала хозяйка. Послеъ веселостей, послеъ большого свѣта, одной, въ деревнѣ...

— Я всегда заранѣе знаю, гдѣ мнѣ можетъ быть весело или скучно, возрадила Прасковья Александровна: — еслибъ я ждала скуки здѣсь, я бы не приѣхала.

Эти слова произвели довольно-странное и совсѣмъ-неожиданное дѣйствіе. Катерина Петровна сконфузилась: ей показалось, что гостя хотѣла дать ей понять, что и безъ нея знаютъ, что дѣлають. Напротивъ, Хотницкій пришелъ въ восторгъ: онъ видѣлъ въ этихъ словахъ удивительную энергію, смѣлую волю женщины, которая спокойно и свободно располагаетъ своею жизнью. Если провинціальныя барыни умѣють привязаться къ простому слову, чтобъ сдѣлать изъ него сплетню, то поклонники необыкновенныхъ женщинъ, въ свою очередь, не уступаютъ въ изобрѣтательности: они умѣють такъ объяснять всякое слово, всякое движеніе своихъ «идеаловъ», какъ идеаламъ часто и самимъ не приходится въ голову...

Хотницкому очень хотѣлось воспользоваться случаемъ повернуть разговоръ на отвлеченные вопросы, но ему показалось какъ-то совѣстно и неловко; онъ почти съ досадой замѣтилъ, что ему какъ-будто страшно Ольги. Она такъ просто слушала гостя, такъ была занята тѣмъ, что дѣлалось кругомъ, что первая *отвлеченность* заставила бы ее разсмѣяться— Хотницкій былъ въ этомъ увѣренъ. Онъ зналъ также, что эта спорщица, вѣчно-владѣющая собой, тотчасъ же найдетъ что возразить на его чувствительную фразу, и кто знаетъ, что скажетъ на это Прасковья Александровна?..

Прасковья Александровна говорила въ это время о своемъ паркѣ (который Катерина Петровна упорно продолжала называть англійскимъ садомъ) и обнаруживала необыкновенное сочувствіе къ отвлеченнымъ сторонамъ крестьянскаго быта. Она не сказала ничего особеннаго, и повтореніе ея разговора было бы нестерпимо отъ своей вялости и обыкновенности, но Хотницкій понималъ ее. Женственно-ничего-незнающая, она путала посѣвы съ покосами, и когда Ольга, знающая это дѣло какъ крестьянскій мальчишка, безъ церемоній доказала, что она путается, она разсмѣялась какъ

мная девочка, и выслушала объяснение съ какимъ-то вдохновеніемъ, какъ-будто удивляясь познанію Ольги даже въ самаго маленькаго его мелочахъ...

— Здѣсь какія поля! раздался въ ухахъ Хотниціаго голосъ Екатерины Петровны, будто голосъ какой-нибудь неприятной птицы: — слава Богу, если есть у кого десятинъ шесть на душу! А вотъ туда, къ степи...

— Степи! повторила гостья, вся оживая... Помните (она обратилась къ Ольгѣ), помните степи у Гоголя?

И, не затрудняясь, она повторила то энергическое восклицаніе, которымъ Гоголь заключилъ свое описаніе степей.

Хотниціа былъ готовъ упасть предъ ней на колѣни.

— Помните? повторила Прасковья Александровна.

— Мнѣ кажется, описаніе ничего бы не потеряло и безъ этого восклицанія, отвѣчала Ольга.

Можно сказать, что это тупое, безжизненное возраженіе заставило завянуть гостью; Хотниціа взглянулъ на нее почти съ испугомъ. Послѣдній лучъ солнца скрывался въ эту минуту, и послѣдній розовый отблескъ свѣтила съ лица прелестной женщины. Грубое слово провинціалки убило ея оживленіе; она какъ-будто сжалась и притихла—цвѣтокъ сложилъ лепестки свои...

Была минута молчанія. Настенька, слыша, что тихо, и думая, что гостья ушла, съ шумомъ отворила дверь изъ корридора.

— Пойдемте въ поле! вскричала она: — взгляните, что за вечеръ!

— Я не знала, что у васъ есть еще дочь, сказала Прасковья Александровна, вставая предъ сконфуженной дѣвушкой.

— Это не дочь моя, отвѣчала Катерина Петровна. — Она живетъ у насъ, дѣтей учить; ужъ года три будетъ, какъ изъ своего заведенія вышла.

Катерина Петровна полагала, что довольно этого объясненія. Она считала Настеньку *своею*, и потому ей казалось, что никто не можетъ понимать этого иначе; слѣдовательно, рассказывать о своей привязанности къ сиротѣ совершенно-излишне и только можетъ какъ-нибудь огорчить ее. Настенька, съ своей стороны, такъ сжилась съ этой семьей, что разспросы постороннихъ казались ей странными, а отвѣты Екатерины Петровны — совершенно въ порядкѣ вещей. Катерина Петровна забыла представить ее гостья, какъ этого требовало общежитіе; эта забывчивость легко объяснялась привычками деревенской жизни, но Прасковья Алек-

сандровна была не въ-состояніи понять этихъ привычекъ, а отпущенія этихъ лицъ она мало знала. Поэтому се, и безъ того нѣсколько-утомленную и разстроенную, грустно поразило отчужденіе молодой дѣвушки, безсемейной пришельца въ чужомъ домѣ. Она протянула ей обѣ руки и сказала пофранцузски, что она дѣлала въ первый разъ, деликатно и разборчиво не рѣшившись, до прихода Настеньки, заговорить на иностранномъ языкѣ съ людьми, которыхъ познанія были ей неизвѣстны:

— Милое дитя, такъ вы здѣсь одна? Такъ молоды и уже заботитесь о себѣ! Позвольте удивляться вамъ!

Настенька, которая выросла, не зная семьи, съ мыслию быть гувернанткой, которая видѣла гувернантками десятки своихъ ровесницъ и подругъ, до-сихъ-поръ не находила въ этомъ ничего удивительнаго.

— Надѣюсь, вы будете у меня, продолжала Прасковья Александровна и, перемѣнивъ нарѣчіе, обратилась къ Катеринѣ Петровнѣ: — вы позволите ей бывать у меня?

— Съ большимъ удовольствіемъ; онѣ никогда не разстанутся съ Оленькой.

— У меня много книгъ, прекрасный рояль, я немножко рисую, продолжала Прасковья Александровна, пофранцузски, Настенькѣ:—если вы лишены всего этого, у меня вы все найдете. Не правда ли, мы будемъ друзьями?

Настенька была очень-смущена; она взглянула на Ольгу, которая слушала все, что говорилось будто по секрету для нея. Ольга улыбнулась ей, но молчала.

— Не хочъ мѣшать вашей прогулкѣ, m-lle Ольга. Я вижу ваше нетерпѣніе, очень-понятное: вечеръ такъ хорошъ! Мсьё Хотницкій, вѣроятно, пойдетъ съ вами?

— Можно отправиться въ Зорькино, сказалъ Хотницкій: — если позволите, мы проводимъ васъ.

— О, нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала Прасковья Александровна. — Пышкомъ идти я не могу: я устала. У m-lle Ольги есть, вѣроятно, свой проектъ прогулки.

Она распростилась, подавъ возмъ руки; Настеньку она тихонько привлекла въ объятія и прошептала:

— Приходите ко мнѣ скорѣе, одна...

Затѣмъ она порхнула на крыльцо, вскочила въ кабріолетъ и ушла.

— Зачѣмъ ты не заговорила съ ней пофранцузски? сказала Настонька Ольга: — мнѣ было такъ неловко.

— Полно; что за вздоръ! Дай мнѣ, наконецъ, поучиться хорошему тону.

— Не правда ли, восклицательное созданіе? сказалъ Хотницкій, проводивъ Валѣскую.

— Несовсѣмъ, возразила Ольга: — впервыхъ, она могла бы прійхать къ намъ какъ деревенская барыня, по-старинному, поутру, и намъ было бы покойнѣе съ церемоніями, нежели безъ церемоній; вовторыхъ, продолжала она, не обращая вниманія на нетерпѣніе Хотницкаго:—если ужь она не церемонилась, то могла бы снять шляпку и перчатки и не оглядываться, не пачкаетъ ли нашъ полъ ея барежеваго платья... Не знаю, много ли доброты въ этомъ движеніи...

— Втретйхъ?... прервалъ Хотницкій, совсѣмъ-разсерженный.

— Втретйхъ? О, очень-много, и даже хуже всего этого!

— Скажите.

— Скажу, но не сегодня. Идемте; скоро стемнѣеть.

II.

Хотницкій сталъ ѣздить въ Зорькино чаще, нежели предполагать, и самъ не зналъ, какъ и почему это случалось. Правда, Прасковья Александровна была чрезвычайно-привѣтлива, но не приглашала его никогда; она только давала порученія, которыя было необходимо исполнить и, слѣдовательно, дать отчетъ въ нихъ; она рѣдко оканчивала вечерній разговоръ такъ, чтобы у молодого человѣка не оставалось желанія продолжать его на другой день; она бывала часто нездорова, и это приводило Хотницкаго въ безпокойство, которое можно было разогнать только навѣстивъ ее; впрочемъ, этого требовала и простая учтивость.

Нѣтъ привычекъ сильнѣе привычекъ свѣтской жизни: онѣ никогда не изглаживаются до конца. Деревенскій житель чрезъ десять лѣтъ жизни въ столицѣ сдѣлается неузнаваемъ и забудетъ свое прошедшее. У свѣтскаго человѣка, десять лѣтъ прожившаго въ глуши, еще сохранится въ образѣ жизни что-то прошлое, и онъ будетъ всегда готовъ обратиться къ нему вполне опять, броситься на все, сколько-нибудь напоминающее это прошлое. Исключенія очень-рѣдки. Къ-сожалѣнію, все это касается только

внѣшности, и люди, способные сдѣлаться опять людьми свѣтскими въ привычкахъ, очень-спокойно остаются людьми отсталыми въ понятіяхъ.

Хотницкій немного и недолго жилъ свѣтской жизнью, но онъ ее видѣлъ и не испыталъ въ ней мелкихъ разочарованій тщеславія и самолюбія, этихъ великихъ лекарствъ, которыя обращаютъ фанфароновъ въ домосѣдовъ. Его свѣтская жизнь прошла среди кружка, хотя моднаго и блестящаго, но нѣсколько-сентиментальнаго, или, какъ называлъ себя этотъ кружокъ, «мыслящаго». Эта жизнь представляла Хотницкому одни пріятныя воспоминанія; они ожили сильнѣе, когда онъ нашелъ повтореніе прошедшаго въ домъ Прасковьи Александровны. Бѣглый разговоръ, полный оживленія, легко-переходящій отъ пустяковъ къ предметамъ, трогающимъ сердце, полный полусловъ, краснорѣчивыхъ недомолвокъ, далекихъ намековъ; разговоръ, въ которомъ каждый собесѣдникъ увѣренъ въ образованности другаго (обстоятельство важнѣе, нежели сколько оно кажется), въ которомъ шутка нѣжна и тонка, и умъ возвышается неволью, принужденный каждую минуту искать возвышенныхъ или граціозныхъ образовъ... Хотницкій зналъ эти бесѣды; онъ не разъ участвовалъ въ нихъ. А когда душой ихъ женщина прекрасная и впечатлительная, вдохновенная и способная вдохновить художника и поэта, тогда что сравнится съ прелестью этихъ длинныхъ вечеровъ у свѣтлаго камина, въ теплой, надушенной комнатѣ, съ опущенными тяжелыми столами, съ мягкими коврами, съ цвѣтами, которые ярко и нѣжно глядятъ изъ полусвѣта? Обстановка много значитъ для сцены...

Эта обстановка, которую Хотницкій встрѣтилъ опять во всей ея красотѣ, болѣе всего оживила его воспоминанія; переселенецъ поневолю въ деревню съ наслажденіемъ увидѣлъ уголокъ, гдѣ была не деревня. Правда, общество все состояло изъ одной женщины; но едва-ли даже не лучше, что больше не было никого. Ея умъ, чувство, любезность обращались къ нему одному, сознавая въ немъ «что-то родственное». Нѣтъ надобности прибавлять, что это были собственныя слова Прасковьи Александровны, сказанныя ею въ одинъ прекрасный вечеръ на террасѣ, откуда Хотницкій и она любовались солнечнымъ закатомъ. Правда, въ два года Хотницкій успѣлъ нѣсколько отвыкнуть отъ этой восторженности, но именно потому она напомнилась ему пріятно, какъ что-то знакомое; его самолюбіе затронулось еще пріятнѣе внимательностью свѣтской женщины; онъ съ удовольствіемъ разо-

бразь, что не достоинъ этой внимательности и, въ-заключеніе, упрекнулъ себя въ томъ, что въ глуши допустилъ грубѣть свои понятія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что онъ пустился въ фразы даже болѣе, нежели сколько дѣлали это люди привычные, истолковывалъ всякое движеніе Прасковьи Александровны поэтичнѣе, нежели дѣлаютъ это авторы романовъ, влюбленные въ своихъ героинь, находилъ необыкновенную глубину даже въ ея «здравствуйте» и «прощайте», началъ самъ задумываться надъ всякими пустяками, отыскивая въ нихъ смыслъ, и впадая въ противоположную крайность тѣхъ, кто ничего не разбираетъ, ничего не думаетъ... «Человѣкъ умный сталъ дурачиться», сказали бы о немъ люди съ понятіями положительными, знающіе, что у него были въ-самомъ-дѣлѣ умъ и чувство, которое, въ настоящую минуту, по странной прихоти, онъ тратилъ на мелочи...

Странно, что Хотницкій не замѣчалъ самъ, какъ было ложно его настроеніе, тогда-какъ замѣтить это было очень-легко. Ему стоило только поймать себя на томъ, что онъ думалъ заранѣе, о чемъ будетъ размышлять въ-теченіе дня съ этой «развитой» женщиной, и что часто не обращалъ вниманія на какой-нибудь предметъ, а потомъ спохватывался, нельзя ли найти въ немъ что-нибудь необыкновенное? Часто упрямый предметъ долго не поддавался разбору и послѣ такихъ же упрямыхъ стараній доставлялъ малую, весьма-малую частичку мысли. И какъ же радовался Хотницкій, если ему это удавалось! какъ спѣшилъ онъ передать Прасковью Александровну свое выстраданное умозрѣніе, невѣдко очень-избитое общее мѣсто и еще чаще непостижимый парадоксъ! Она восклицала: «какъ это граціозно!» или задумывалась, открывъ нѣсколько-шире и устремивъ предъ собою свои темносѣрые глаза; отъ напряженнаго чувства по ея лицу разливалась блѣдность, приводившая въ безпокойство Хотницкаго. Тогда эта женщина, терпѣливая и сильная, останавливала его руку, протянутую за флакономъ, и говорила:

— Ничего, прошло... Запишите мнѣ то, что вы сказали.

И она подавала Хотницкому книгу въ великогѣпномъ переплетѣ, съ золотой застѣжкой, запертой на ключъ. Это была книга воспоминаній, impressions, «перелетныхъ мечтаній», и всего болѣе разныхъ выписокъ изъ разныхъ романовъ на разныхъ языкахъ. Все это, говорятъ, было написано въ тяжелыя минуты, хотя по черкѣ былъ вездѣ равно красивъ и спокоенъ и во всемъ написанномъ не нашлось бы ни одного слова, смытаго слезами. Были,

правда, строки, страницы зачеркнуты и перекрещенныя, надписи врось и въ кѣтку, въ родѣ : «Память прошлаго безумія», «*Que! réveil!!!...*» и такъ далѣе; но и эти отрицанія и обвиненія прошедшаго, очевидно, были сдѣланы также спокойно и обдуманно и отличались отъ текста только цвѣтомъ чернилъ, голубыхъ или розовыхъ. У книги былъ эпиграфъ: «*Nessun maggior dolore...*» Хотницкій какъ-будто ждалъ его, когда, получивъ ключъ, вѣчно-висѣвшій у браслета владѣтельницы, открылъ книгу; онъ удивился бы, еслибъ нашелъ что-нибудь другое, и — странно! ему не стало смѣшно отъ своей догадки, ему не стало досадно на сентиментальность, которая довела до пошлости эти слова... Далѣе, онъ увидѣлъ варьяціи на монологъ Гамлета, среди которыхъ часто поминалось имя какого-то prince Télékoff — и это также не вызвало у него улыбки. Ему не вошло въ голову, что все это неистинно и какъ-то неудобно вмѣстѣ, что если и допустить эту невинную забаву, то пусть она совершается поскромнѣе, а не бросается всѣмъ въ глаза, на столъ будуара, своимъ лазуревымъ переплетомъ и таинственнымъ золотымъ замочкомъ. Хотницкій не замѣтилъ претензій; но еслибъ и замѣтилъ, то извинилъ бы ихъ за ту женственную довѣрчивость, съ которой ему отдали эти замѣтки, позволивъ ему самому отцѣпить ключъ отъ браслета. Онъ хотѣлъ-было размышлять о дружбѣ и сочувствіи, о жаркомъ, непосредственномъ увлеченіи, которое заставляетъ женщинъ иногда отдавать свои тайны людямъ едва-знакомымъ, отдавать потому, что нашла такая минута и сердце готово, должно высказаться... Онъ хотѣлъ завести рѣчь объ этомъ, глядя на эпиграфъ, но та же худая и блѣдная рука, униженная дорогими кольцами, которую за минуту онъ держалъ въ рукѣ своей, легла предъ нимъ на страницы книги, и дрожащій голосъ произнесъ:

— Прежде нежели вы прочтете, общайтесь сказать мнѣ вашу истинную мысль, хотя бы въ ней было мое осужденіе.

Хотницкій поцаловалъ ея руку. Онъ не только могъ, онъ долженъ былъ это сдѣлать и по чувству благодарности, и по чувству восторга. Пока онъ читалъ эти *Mémoires*, переименованныя потомъ въ *Confessions*, и еще далѣе въ *Confidences*, по-мѣръ-того, какъ намѣревались расширить кругъ ихъ читателей, Прасковья Александровна сидѣла у окна, глядя на жаркое голубое небо, на мошекъ, кружившихся надъ жимолостью, цвѣтущей около террасы. Созерцаніе не утомляло ея. Какъ женщина, она должна бы знать, что умъ мужчины не можетъ долго заниматься жен-

своей исповядью, или, как авторъ, могла бы растерять время, въ которое можно сослучиться надъ ея произведеніями; несмотря на это, Прасковья Александровна не могла воздержаться отъ горькой улыбки, вызванной горькимъ чувствомъ, когда примѣтила, что Хотницкій началъ перебирать глазами сверху внизъ страницы, а потомъ и явно пропускать цѣлыя страницы. Тогда она встала и подошла къ нему, послышавшая и легкая, какъ фея.

— Довольно! сказала она, между-тѣмъ какъ онъ, изумленный, поднималъ на нее взоръ, въ которомъ видно было что-то похожее на пробужденіе. — Довольно! Вы устали. Въ васъ прошло теплое, задѣшевное настроеніе, а я —

... Право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...

Она заперла книгу. Хотницкій былъ ошелуженъ какъ школьникъ. Человѣкъ, непотерявшій привычекъ свѣта, а, главное, неготовый увлечься, разсердился бы, сыгралъ бы ловкую сцену и неучтивостями оправдался бы въ своей неучливой дремотѣ. Хотницкій сталъ просить прощенья отъ чистаго сердца, увѣрять, умолять, чтобъ вѣрили его участию, и съ этой минуты отдалъ себя во власть необыкновенной женщины.

— Ребенокъ! сказала она. — Неужели вы думаете, что вы меня оскорбили? Сердце, которое такъ много вынесло (трагическое указаніе на книгу), это сердце въ-состояніи вынести и больше, нежели невнимательность отъ невольной, чисто-физической усталости. Я васъ простила. Оставьте меня; я утомлена и разбита...

Она ушла въ свою комнату и заперлась. Хотницкій уѣхалъ.

Онъ не осмѣлился показаться ей на другой день, и самъ не зналъ, какъ много этимъ выигралъ. Прасковья Александровна вообразила, что дала ему слишкомъ-сильный урокъ, разсердила его, оттолкнула. Ей стало жаль. Она говорила себѣ, подвергая всѣ обстоятельства строгому разбору, что ей жаль Хотницкаго за то, что онъ мелочень, какъ другіе, но внутренно ей было жаль себя, жаль занятія, жаль поклонника, досадно, скучно, пусто. Это всегда бываетъ такъ, но женщины никогда въ этомъ не сознаются, и тѣмъ меньше истины въ ихъ словахъ, тѣмъ громче слова, которыя говорятъ онѣ. Доказать это очень-легко. Напримеръ, въ настоящую минуту Прасковья Александровна объясняла свою грусть тѣмъ, что она «еще разъ ошиблась въ человѣкѣ, что еще разъ изжила чувства души ея были измяты грубымъ

прикосновеніемъ положительности»; ей было жаль своей напрасно-растроченной симпатіи... Все это было придумано такъ легко, что привычки часто такъ придумывать, что Пракковья Александровна принялась плакать. Еще чрезъ нѣсколько часовъ «анализа» она увѣрила себя, что любитъ Хотницкаго; потомъ разобрала, что не можетъ больше любить, что въ ея жизни уже все извѣдано; чрезъ нѣсколько минутъ въ этомъ послѣднемъ заключеніи она прозрѣла самообманъ, вообразила опять, что любитъ, что въ ея сердцѣ происходитъ борьба, для которой неминуемой развязкой должно быть самоотверженіе и самопожертвованіе...

И все это изъ того, что молодой человѣкъ, поотвыкнувшій отъ фразъ, при всемъ искреннемъ желаніи, не могъ удержаться и вздремнулъ за ея мемуарами!... Впрочемъ, женщины волнуются отъ причинъ еще меньше этой; а страсть воображать себя героинями доводитъ еще и не до такихъ умозаключеній. Такъ—какъ большею—частью эти женщины — женщины свѣтскія, то въ лѣта первой молодости, первое чувство, въ самомъ дѣлѣ родившееся въ ихъ сердцѣ, родится всегда подъ вліяніемъ романа, прочитаннаго украдкой. Романы помогаютъ развиваться этому чувству. Романы, которые читаются украдкой, всегда ложны; читаемые безъ объясненій, безъ руководителей, они понимаются еще превратнѣе: очень—ясно, что они могутъ только ложно развить чувство; что они не научатъ его искренности, не направятъ его увлеченій; они, во первыхъ, выучатъ его рисоваться, а затѣмъ все пойдетъ на выворотъ, неестественно, себялюбиво, капризно. Всякое странное, часто дурное движеніе сердца объясняется примѣрами изъ этихъ романовъ и оправдывается фразами тѣхъ же романовъ. Обстановка свѣтской жизни такъ разнообразна, жизнь такъ хлопотлива, что серьезное чувство въ ней встрѣчается рѣдко. Рѣзкія драмы, которыя разыгрываются время—отъ—времени — слѣдствіе не чувства, а раздраженія, не прочныхъ, терпѣливыхъ и самоотверженныхъ привязанностей, а порывовъ, подготовленныхъ скукой отъ нечего—дѣлать, экзальтированной жадой ощущеній, какимъ—то мелкимъ любопытствомъ и, чаще всего, романтическимъ желаніемъ порисоваться и, по привычкѣ составлять фразы, составить фразу изъ своей жизни... Маленькое чувство взбирается до послѣдней возможности, маленькое образованіе становится на ходули, нервы вступаютъ въ права свои—и является «необыкновенная женщина, безконечно-симпатичная, трезво-развитая и вполне-женственная...» Наружно все это такъ красиво,

нарядно, нѣжно, закутано въ такія дорогія кружева и окружено такими благоуханными цвѣтами, что здравый смыслъ является настоящимъ провинціаломъ съ отсталыми манерами, и очень-трудно имѣть къ нему довѣріе...

Хотницкій нескоро рѣшился навѣстить Прасковью Александровну послѣ своей странной размолвки. Этими днями онъ поѣхалъ въ Кружково. Ему казалось неловко ѣхать и туда, онъ самъ не зналъ почему; ему казалось, что и Ольга должна сердиться на него за что-то. Ольга встрѣтила его привѣтливо по-прежнему, и это было ему тоже несовсѣмъ по-сердцу. Должно-быть, заразившись разборчивостью, Хотницкій досадовалъ, что его шестидневное отсутствіе не произвело сильнаго впечатлѣнія. Обѣ дѣвушки прилежно шили что-то изъ бѣлой кисеи; предъ Настенькой, среди работы, лежала раскрытая, маленькая, тоненькая книжка. Все это показалось Хотницкому довольно-граціозно, несмотря на воспоминаніе о Прасковьѣ Александровнѣ. Къ-тому же, даже увлекаясь ею, онъ ужасно боялся показаться фатовъ, и потому былъ попрежнему оживленъ и разговорчивъ.

— Чтѣ вы дѣлаете такое? спросилъ онъ.

— Шьемъ себѣ обновки, отвѣчала Настенька.

— А это чтѣ за книга?

— О, цѣлая исторія! сказала Ольга.—Это—любезность madame Залѣской... Настенька, не сердись, моя милая... Видите ли, Василій Дмитричъ, m-me Залѣская прислала ей третьягодня вотъ этотъ романъ, при запискѣ... Однако, чтѣ жъ я рассказываю? Извини меня, Настенька.

— Извинять нѣчего, отвѣчала Настенька.— Записка въ-самомъ-дѣлѣ довольно-странная. Madame Залѣская почему-то вообразила, что мнѣ очень-скучно, и желаетъ, чтобъ это чтеніе развлекло меня въ моемъ одиночествѣ...

— «Чтѣбъ оно отвѣтило на призывъ души твоей», подсказала Ольга, смѣясь.

— И вотъ все такія вычурности, продолжала Настенька, немного покраснѣвъ.— Я такъ удивилась этой присылкѣ...

— Это только доказательство ея внимательности, ея участія къ вамъ, сказалъ Хотницкій.

— Участія? повторила Ольга, взглянувъ на него серьезно, и, какъ-будто не желая, чтобъ Настенька это замѣтила, продолжала смѣясь:— въ-самомъ-дѣлѣ Прасковья Александровна доказала

намъ свою внимательность ; невозможно доставить больше удовольствія, сколько доставляетъ намъ эта книга.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ Хотницкій, чему-то обрадовавшись.

— Въ-самомъ-дѣлѣ. Мы ждемъ надъ нею третій день, сказала Настенька.

— Несообразности, сентиментальности, фразы, все, что угодно! прибавила Ольга. — Это для тебя, затворница: «познакомься съ жизнью котя издали!»

Объ дѣвушки расхохотались, какъ дѣти.

— Это опять цитата изъ записки m-ше Зальской? спросилъ Хотницкій, чѣмъ-то обидясь.

— Цитата изъ записки m-ше Зальской, отвѣчала Ольга, смѣясь и церемонно кланяясь.

— А были вы у нея?

— Нѣтъ еще.

— Почему нейдя нослъ ея вѣвта?

— Чтѣ жь дѣлать! сказала Ольга. — Мамонька не можетъ дати пѣшкомъ, а лошадей не было : всѣ были заняты на сѣнокосъ; завтра отправимся.

— Почему жь не сегодня?

— Я какъ-то привыкла все говорить вамъ. Намъ хотѣлось бы нарядиться, а наши платья, какъ видите, еще не готовы. M-ше Зальская одѣвается такъ изящно, домъ ея такъ хорошо убранъ: не хотѣлось бы, хотя на первый разъ, слишкомъ выдаваться среди всей этой роскоши.

— Вы не разсердитесь за правду? спросилъ Хотницкій, выслушавъ это признаніе, сдѣланное съ самымъ милымъ смущеніемъ.

— Никогда.

— Это мелочность.

Ольга покраснѣла.

— Не сердитесь въ свою очередь, отвѣчала она послѣ минутнаго молчанія. — Въ другое время, въ другомъ расположеніи духа... можетъ-быть, вы назвали бы это чувствомъ изящнаго, граціознаго желаніемъ нравиться.

— Почему же въ другое время, въ другомъ расположеніи духа? Чтѣ вы хотите этимъ сказать?

— Ничего, только это; я всегда договариваю все, чтѣ думаю. Ваше расположеніе духа мѣнячиво; это я замѣчала не разъ: следовательно, и ваши мнѣнія мѣнячивы. Сегодня вы стрѣлы,

завтра все извините... даже извините и сегодня, если подумаете какъ натурально то, въ чемъ я вамъ призналась.

Хотницкій рѣшилъ въ глубинѣ души своей, что ему никогда не переспорить этой дѣвушки. Въ самыхъ ея рѣзкостяхъ была какая-то доброта, которая обезоруживала даже боже, нежели обезоруживаетъ покорность. Онъ сознался, что былъ неправъ въ эту минуту, что было бы жестоко требовать отъ молодой и хорошенькой дѣвушки равнодушія къ наряду и своей собственной красотѣ; нѣсколько восторгаясь, онъ дошелъ до заключенія, что это черта истинно-женственная, и сказалъ это Ольгѣ, извиняясь въ своей первой выходкѣ. Ольга разсмѣялась. Хотницкій сталъ раздумывать. Ему вообразился домъ Прасковьи Александровны, ея мягкая мѣбель и другія затѣи — и среди всего этого деревенская барышня въ быленькомъ платьицѣ собственного издѣлья... Хотницкому стало совѣстно, досадно на себя за эту глупую мысль, но она его не оставляла. Онъ рѣшился не видать завтра этого визита и еще день не видать Прасковьи Александровны.

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, сказала Ольга, прерывая молчаніе и раздумье Хотницкаго: — непременно сдѣлайте: приглашайте завтра въ Зорькино.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ будетъ веселѣ тамъ, если будетъ знакомое лицо.

Хотницкій подумалъ, что отговариваться странно, и обѣщала, обѣщаясь себѣ не сдержатъ слова; но на другой день ему стало стыдно своей мелочности, и онъ поѣхалъ въ Зорькино. На дворѣ онъ увидѣлъ старомодную коляску Катерины Петровны, ту самую коляску, которую онъ не разъ хвалилъ за ея прочность; теперь онъ пожалѣлъ, зачѣмъ она дожила до этого визита. Въ передней, съ рѣзной дубовой мѣбелью и зеркалами, старый дворецкій, превращенный въ *valet-de-pied*, радостно раскланялся съ Хотницкимъ и объявилъ, что здѣсь Катерина Петровна съ барышнями. Проходя залу, Хотницкій услышалъ голосъ Ольги: она чему-то смѣялась. Все это навело на него несовсѣмъ-пріятное расположеніе духа. Онъ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ обыкновенно проводила время Прасковья Александровна, сумрачный и смущенный. Прасковья Александровна лежала въ низенькомъ и широкомъ креслѣ, необыкновенно-блѣдная и закутанная въ шаль, несмотря на жаркій день; она держала руку Настеньки, сидѣвшей подлѣ нея. Катерина Петровна помѣщалась на диванѣ, довольно-принужденно и замѣтно окутая. Одна Ольга была оживлена какъ

всегда и, стоя, рассказывала что-то хозяйкѣ; она слегка покраснѣла увидя Хотницкаго: ей было пріятно, что онъ пріѣхалъ. Прасковья Александровна, не вставая, протянула ему руку, лихорадочную и полупрозрачную, и прошептала:

— Je suis toute souffrante.

Затѣмъ она опять обратила взоръ на Ольгу, чтобы показать, что возвращаетъ ея разсказу вниманіе, отвлеченное на минуту приходомъ гостя. Въ деревнѣ несовѣмъ понимаютъ эту учтивость: тамъ все вниманіе обращается на вновь-приходящаго, особенно если онъ замѣчательнѣе, какъ Хотницкій; обычай подавать руку, здороваясь, еще не принять, и потому Ольга приняла движеніе Прасковьи Александровны не за любезность къ себѣ, а за короткость съ молодымъ человѣкомъ. Ей стало какъ-будто неловко, и она поспѣшила сократить свой разсказъ. Прасковья Александровна улыбнулась улыбкой, подобной осеннему солнцу (сравненіе, принятое для этихъ улыбокъ), и сказала Настенькѣ:

— Какой счастливый характеръ у m-lle Ольги! она вѣчно весела.

Было замѣтно, что веселость стоила усилія этой женщины, измученной внутренней борьбою. Хотницкій очень-давно не былъ; ожидая его всякій день, Прасковья Александровна настраивала себя на испугъ при его появленіи. Онъ засталъ ее такъ, какъ ей хотѣлось, страдающую, и повѣрилъ, что она страдаетъ. Ей самой казалось то же. Все это была уморительная комедія, которую, еслибъ рассказывать чувствительно, можно было бы выдать за истину.

Прасковья Александровна не говорила съ Хотницкимъ. Съ усиленіемъ обратилась она къ Катеринѣ Петровнѣ и съ самымъ замѣтнымъ желаніемъ занять ее заговорила о деревнѣ, о хозяйствѣ. Все это не удавалось и выходило неловко. Потомъ она спросила Настеньку, нравится ли ей романъ, который она ей прислала. Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ осторожно: Прасковья Александровна боялась, что онъ прійдется не по понятіямъ другихъ собесѣдницъ. Такъ же осторожно, какъ-будто боясь утомить ихъ, спрашивала она Настеньку о музыкѣ и, получивъ въ отвѣтъ, что онѣ занимаются музыкою вмѣстѣ съ Ольгой, казалось, чрезвычайно обрадовалась возможности говорить о чемъ-нибудь.

— Вы музыкантша? спросила она Ольгу.

— Только ученица, отвѣчала та.

— По-крайней-мѣрѣ, находите ли вы наслажденіе въ музыкѣ?

— Только не въ моей собственной, отвѣчала Ольга: — это наслажденіе стоить мнѣ такого труда, что я скорѣе устаю, нежели увлекаюсь.

Прасковья Александровна хотѣла еще что-то сказать ей и вдругъ удержалась.

— Пересмотрите ноты на той этажеркѣ, сказала она Настенькѣ: — и возьмите, что покажется вамъ занимательно. Я помогу вамъ.

Она встала и увела Настеньку на другой конецъ комнаты.

— Вы очень-одинокі, бѣдное дитя? спросила она дѣвушку, закрываясь листами тетрадей отъ глазъ Катерины Петровны. — Не-уже-ли у васъ нѣтъ никого родныхъ?

— Никого, отвѣчала Настенька.

— А друзей?... И вѣчно, съ дѣтства эта жизнь между чужими? Вѣрите, я понимаю васъ; я поняла васъ съ перваго слова. Развитый умъ, принужденный выносить мелочности этого мелкаго общества, молодое сердце, лишенное привязанностей... У васъ не можетъ быть привязанностей...

— Почему же? возразила Настенька въ смущеніи: — вы ошибаетесь...

— Довѣрчива и нѣжна какъ ребенокъ! прервала Прасковья Александровна, обнявъ ее и бросивъ бѣглый взглядъ на Хотницкаго... — Послѣ, послѣ моя милая, мы увидимся, мы будемъ видѣться каждый день, заговорила она торопливо и съ волненіемъ. — Я старше васъ и опытнѣе, вы узнаете меня вполнѣ... Возьмите все это, прибавила она громко, отдавая Настенькѣ ноты.

Катерина Петровна, наскучавшись довольно, стала прощаться. Прасковья Александровна проводила ихъ до дверей гостиной и сказала Хотницкому, который пошелъ дальше:

— Возвратитесь. Вы останетесь у меня.

Хотницкій замѣтилъ, что обѣ дѣвушки были печальны. Печаль Ольги какъ-то неприятно тронула его за сердце; слѣдуя добродушному движенію, онъ пожалъ ей руку, прощаясь, и сказалъ, что будетъ у нихъ завтра. Ольга не стала веселѣе отъ этого; она отвѣчала, улыбувшись: «До завтра еще далеко!» но такъ принужденно, какъ Хотницкій не привыкъ отъ нея слышать. Впрочемъ, разбирательство это было некогда: онъ спѣшилъ возвратиться къ Прасковья Александровнѣ.

Она опять легла въ свое кресло, и когда входилъ Хотницкій, съ нетерпѣніемъ отбросила шитье, которымъ хотѣла-было занять-

ся. Хотницкій поднялъ эту пелосу кисей, на которой, какъ онъ успѣлъ замѣтить, со времени его знакомства съ Прасковьей Александровной, прибавилось только двѣ паутинки.

— Чтò съ вами? спросилъ онъ.

— Ничего, усталость, отвѣчала она, смѣясь сквозь слезы. — Я дѣлала глупости этими днями, много нупалась, много оказала верхомъ. Для меня излишекъ воздуха такъ же вреденъ, какъ недостатокъ воздуха. Можно сказать, пожалуй, что я экзотическое растеніе.

Она положила голову на спинку кресла и закрыла глаза. Она говорила себѣ, что старалась отдохнуть физически и нравственно, не отъ нездоровья, въ которомъ увѣряла молодого человѣка, а отъ всего, чтò было предъ нею за минуту. Она думала, что душа ея углублялась въ себя, что ея сердце тревожилось присутствіемъ этого человѣка и испытывало мучительное ощущеніе. Все это думалось по привычкѣ объяснять свои фантазіи, и немного времени нужно, чтобъ окончателно романтически настроиться. Почувствовавъ себя въ духѣ, Прасковья Александровна вдругъ прервала молчаніе:

— Которую изъ этихъ двухъ дѣвушекъ вы любите?

И въ ея голосѣ, въ ея взглядѣ была сильная рѣшимость и вос-терженное самоотверженіе, такъ отлично сыгранное, что даже сама Прасковья Александровна не сомнѣвалась, что рѣшительна и самоотверженна въ-самомъ-дѣлѣ.

Хотницкій смутился. Странный вопросъ, предложенный единственно для эффекта, заставилъ его подумать серьезно. Онъ еще никогда не думалъ о томъ, чтò такое его знакомство, его дружба съ Ольгой, и особенно въ эту минуту не могъ бы сказать, что влюбленъ въ нее. Привычка не шутить чувствами, иногда доводившая его до фразерства и экзальтации, на этотъ разъ осталась тѣмъ, чѣмъ была въ-самомъ-дѣлѣ: благородствомъ сердца. Онъ отвѣчалъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Я не люблю ни той, ни другой.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вскричала Прасковья Александровна, за-смѣявшись принужденно. — Понимаю: я не такъ спросила васъ. Я бросила вамъ чувство слишкомъ-важное, а на свѣтъ все ограничивается мелочами... Которая изъ нихъ вамъ больше нравит-ся?... Такъ ли я спрашиваю теперь? Довольно ли я примѣнила любовь, эту жизнь всего міра, къ нашей обыкновенной жизни?

— Зачѣмъ обвинять обыкновенную жизнь? возразилъ Хотниц-

кій, все-еще занятый мыслью, которую вызвала ее первый вопрос. — Эта жизнь хороша и дает много...

— Вы довольны тьмъ, что она даетъ? прервала Прасковья Александровна съ горькой ироніей и прибавила, будто ждалась надъ нимъ: — впрочемъ, что же? Блаженъ тотъ, кто доволенъ, кого не тревожатъ сны, къ кому не льнуть воспоминанія, кто не нищета, не слушаетъ канихъ-то невѣдомыхъ голосовъ невѣдомаго міра...

Она стремительно встала, провела по лицу своимъ блѣдыми руками и вышла на террасу. Хотницкій не могъ не замѣтить, какъ граціозно заволновались складки ея платья. Черезъ минуту, она возвратилась и позвонила.

— Осѣдлатъ намъ лошадей! сказала она вошедшему слугѣ. — Я хочу воздуха, движенія, продолжала она, обращая къ Хотницкому. — Ёдемте въ лѣсъ: тамъ тѣнь, тамъ не будетъ жарко.

Не дожидаясь отвѣта, она ушла и пришла переодѣтая. Хотницкій еще не видѣлъ ея талии во всей красотѣ—такъ, какъ она явилась въ эту минуту, стянутая черной амазонкой, съ свободой и живостью движеній, говорившихъ яснѣе словъ, что этой душѣ хотѣлось на просторъ, на волю. Необыкновенныя женщины позволяютъ себѣ эту живость; предъ другими она выказываетъ ихъ моложе и заставляетъ ихъ самихъ забывать свой возрастъ; синій вуаль, развѣивающійся за плечами, такъ легко можно вообразить крыльями феи; а если не искать образовъ для сравненій въ заоблачномъ мірѣ, то это простое черное платье такъ напоминаетъ Клару Мовбрай... Сколько поэзи! и какая необыкновенная память у необыкновенныхъ женщинъ, которыя успѣваютъ все это припомнить, придумать и сообразить въ нѣсколько минутъ, пока дожидаются своихъ осѣдланныхъ лошадей!...

Прасковья Александровна стояла на террасѣ, приложивъ къ губамъ золотую рукоятку своего хлыстика и сдвинувъ брови съ самымъ дѣтскимъ нетерпѣніемъ. Женщины почему-то воображаютъ, что сдвинутыя брови необходимы при мужской шляпѣ. Прасковья Александровна еще не рѣшилась, которую изъ героинь романа, вѣдвшихъ верхомъ, избрать себѣ за образецъ для этой прогулки.

— Я удивляюсь вамъ, сказалъ Хотницкій: — сейчасъ вы были больны и, казалось, малѣйшій шумъ или волненіе могли совѣмъ васъ расстроить...

— А теперь я шаловлива какъ дитя и готова скакать сломя голову? Вы правы, это странность. Сознаюсь вамъ въ ней... Я,

можетъ-быть, никому бы не созналась. Мое сердце вдругъ закотило свободы, моей головѣ вдругъ стало необходимо разогнать все, что тяготѣло надъ нею... Понимаете ли вы это чувство?... На коня и впередъ! вскричала она, увидя лошадей, которыхъ подвели имъ.

Хотницкій едва успѣлъ подать ей руку, какъ она уже вскочила на сѣдло и мчалась по вымощенной дорогѣ къ парку. Молодой человѣкъ поспѣшилъ за нею. Ея стройная фигура ярко рисовалась въ свѣтломъ воздухѣ, привлекательная и легкая; въ теплотѣ воздуха, въ скорости вѣды было что-то одуряющее, отъ чего закружилась голова у Хотницкаго. Догнавъ свою спутницу, онъ уже усталъ и поблѣднѣлъ.

— Я васъ замучила? спросила Прасковья Александровна, взглянувъ на него. — Вамъ не нравится моя прихоть?

— Не знаю... отвѣчалъ онъ, будучи не въ-состояніи сказать что-нибудь другое.

— И прекрасно! Оставимъ скучное благоразуміе и будемъ счастливы. Какъ хорошо счастье, какъ весела радость! Взгляните, какъ хороши и веселы весь міръ! Чудный день! Милое солнце! Посмотрите, какъ оно закралось тамъ, въ самую густоту лѣса и и играетъ на стволахъ березъ... Березы, точно невѣсты въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ... Какой поэтъ сказалъ это?

— Не знаю, отвѣчалъ Хотницкій:—вы первыя, сколько помню.

— Я? я поэтъ?.. Да! если страдать по красотѣ значитъ быть поэтомъ, то я могу примѣнить къ себѣ послѣднія слова Шенье, или слова другаго избранника: *я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя*... Не правда ли, какъ я говорлива? не правда ли, какъ я странна?

— Не знаю, повторилъ Хотницкій, засмотрѣвшись на нее...

— Что вы дѣлаете? вы выпускаете поводъ... лошадь помчится, убьетъ васъ...

Хотницкій схватилъ ея руку и поцаловалъ. Нѣсколько минутъ они вѣхали тихо и молча.

Увлеченіе Прасковьи Александровны прошло; она задумчиво оглядывалась кругомъ, между-тѣмъ, какъ молодой человѣкъ не сводилъ съ нея глазъ. Она знала это, слѣдовательно, поступала очень-умышленно; но для ея спутника послѣ прилива юности, веселья и отваги, который она выказала, ничто не казалось умышленнымъ. На этотъ разъ Хотницкій увлекался, не разбирая своего увлеченія. Онъ былъ всегда искрененъ; фразы были у него только дурная привычка, которою онъ заразился въ обществѣ,

гдѣ всѣ были ею заражены, но она не привилась къ его характеру: чувствуя сильно и говоря о своемъ чувствѣ, Хотницкій увлекался до фразы, но не возбуждалъ въ себѣ чувства своими собственными словами. Онъ экзальтировался, но не обманывалъ себя и другихъ, а потому и въ другихъ подобный обманъ казался ему невозможнымъ. Онъ отъ души повѣрилъ и веселости, и раздумью, и страданію Прасковьи Александровны...

Напротивъ, Прасковья Александровна, хорошо обдумавъ все, что дѣлала, зная давно эти уловки и употребляя ихъ въ дѣло въ двадцатый разъ въ своей жизни, еще воображала, что поступаетъ по влеченію сердца, еще раскрашивала сама для себя разными поэтическими красками эту безцвѣтную ложь, еще называла *чувствомъ* все это избитое кокетство. Какъ ей удавалось обмануть самоѣ себя — это знаютъ только необыкновенныя женщины...

Изъ веселости она перешла въ мечтанія, говорила долго, протяжно и съ предлинными цитатами. Она и Хотницкій сѣли на старое упавшее дерево; ихъ лошади, привязанныя недалеко, щипали траву. Прасковья Александровна продекламировала цѣлую «Méditation» Ламартина, припомнила, улыбаясь, объ очарованномъ лѣсѣ въ «Освобожденномъ Иерусалимѣ», пожалѣла о временахъ рыцарства, о крѣпкихъ замкахъ, о бѣлокурыхъ пажакъ, о дамахъ, заключенныхъ въ своихъ молеельняхъ... Это доставило ей случай высказать нѣсколько идей, которыя поразили Хотницкаго не столько своей новостью, сколько неожиданностью.

— Прекрасное время! говорила она: — но прекрасное именно своей строгостью. Смѣшны, жалки нынѣшнія женщины! Чего хотятъ онѣ? Не весь ли міръ долженъ быть для нихъ у маленькой колыбели слабаго и милаго существа? не все ли ихъ честолюбіе должно заключаться въ желаніи быть другомъ и опорой того... О, еслибъ я могла...

Хотницкій былъ встревоженъ ея словами ровно столько, сколько она этого хотѣла. Ей удалось растревожить и себя, наговориться до того, что ей показалось будто ея сердце въ-самомъ-дѣлѣ должно устоять противъ чего-то, будто въ ея жизни готовится какая-то рѣшительная минута...

— Я женщина моего вѣка!... сказала она наконецъ измѣнившимся голосомъ и съ привычнымъ отчаяннымъ движеніемъ закрывая руками лицо. — Поѣдемте!

Она встала, но вдругъ схватила руку Хотницкаго.

— Помните «Ленору»? сказала она съ испугомъ. — Безумная сказка, не правда ли? Отчего же эта сказка припомнилась мнѣ теперь? Какъ странно воображеніе! Отчего за минуту оно приводило мнѣ только граціозные образы, а теперь... Подъѣмте!

Они поѣхали рядомъ. Прогулка продолжалась долго, но Хотницкій забывалъ и усталость и голодъ. Прасковья Александровна вспомнила то и другое, увидя свой домъ.

— Хорошо ли у васъ зрѣніе? Посмотрите, я вижу отсюда, на террасѣ, на мѣстѣ, которое вы любите, накрытый столъ; обѣдъ готовъ—какъ я рада! Знаете ли еще одинъ мой недостатокъ? Я лакомка...

Она умѣла необыкновенно-граціозно перерождаться изъ воздушной красавицы въ восхитительную хозяйку. Къ обѣду она явилась въ голубой кисеѣ; на груди ея былъ приколотъ букетъ алыхъ розъ...

Хотницкій уѣхалъ отъ нея только вечеромъ — влюбленный...

III.

Черезъ нѣсколько дней Прасковья Александровна проснулась повторяя стихи:

Le grand arbre est tombé! resté seul au vallon,
L'arbuste est désormais à nu sous l'aquillon.

Подобные случаи бывають со всѣми: слова, стихи, музыкальные мотивы иногда съ утра вертятся въ головѣ цѣлый день; на это не обращаютъ вниманія, и все проходитъ. Но у Прасковьи Александровны это не прошло просто. Она стала искать, нѣтъ ли кругомъ нея къ чему бы примѣнить это двустихіе, и слѣдствіемъ всего была записка къ Настенькѣ:

«Милое дитя! (записка была писана пофранцузски) Еслибъ моя мысль и безъ того не обращалась къ вамъ въ каждую минуту моего празднаго и длиннаго дня, васъ напомнила бы мнѣ сегодня судьба, которая, едва родилась заря (à l'aube naissante; смотри стихотвореніе: «L'aube naît, et ta porte est close»), привела мнѣ на память слова поэта... (слѣдуетъ вышеприведенная выписка изъ Гюго и трогательное описаніе чувствъ, которыя она пробудила). Не находите ли вы себя въ этомъ образѣ, граціозное созданіе? Бывали мгновенья, когда вы наклоняли вашу бьющую голову подъ грозой жизни — не правда ли? Повѣрьте же

сердцу, которое васъ такъ хорошо помяло (Мы позволяемъ себя нѣкоторыя сокращенія). И потому, я зову васъ. Прийдите, блонкурое дитя (*blonde enfant*; вообще, слова *blond* и *blonde* въ болъшомъ употребленіи въ поэтическихъ произведеніяхъ этихъ дамъ), прийдите *успокоить* и *утѣшить*... слова, можетъ-быть, новыя для васъ, милая невѣжда жизни (*chère ignorante de la vie*); но вы уже смутно сознаете ихъ и скоро поймете... Посылаю за вами экипажъ и жду васъ... Ваша сердцемъ, Pauline.

«Поклонитесь отъ меня... Я разсѣяна; поправляйте мои разсѣянности...»

— Боже мой, какая скука! сказала Настенька, прочтя это посланіе.— Не-уже-ли я должна ѣхать?

— Признаюсь, я тебѣ не завидую, сказала Ольга. Дѣлать нечего, повѣжай.

— Оля, миленькая, поведемъ вмѣстѣ.

— Другъ мой, я тебя очень люблю, но къ-чему напрасныя жертвы? Намъ обвинъ будетъ скучно; а я, отъ скуки, пожалуй, еще скажу какую-нибудь глупость. Ты меня знаешь: лучше не зови. Повѣжай; воротись, расскажешь, и мы посмѣемся вмѣстѣ.

Но, проводивъ подругу, Ольга стала невесела; она тихо уѣхала за работу и задумалась. Такъ-какъ она имѣла привычку и способность оживлять весь домъ, то нельзя было не замѣтить ея молчанія.

— Чтò ты, Оленька? спросила ея мать. — Ты, никакъ, скучаешь?

— Немножно, мамаша.

— А я, знаешь, задумалась тоже, и такія глупости пришли въ голову, даже совѣстно и досадно, а все тебѣ скажу. Съ чего это Залѣская такъ привязалась къ Настенькѣ?

— Такъ что жь, мамаша?

— Ты знаешь, Оленька, я Настеньку люблю какъ дочь родную; еслибъ, сохрани Господи, кто ее обидѣлъ, я бы, кажется, въ жизнь не простила тому человѣку; еслибъ какое-нибудь счастье представлялось ей и тебѣ, я бы отдала ей, а о тебѣ бы не пожалѣла, потому-что она мнѣ жальче. Это ты все знаешь. Но вотъ теперъ мнѣ досадно. Испушеніе какое-то, право. За чтò эта модная барыня точно будто тобой пренебрегаетъ? Еслибъ она познакомилась съ вами обѣими покороче, Настенька пришлась бы ей болъше по-сердцу и она бы съ нею сдружилась, я бы ничего не сказала, я бы порадовалась; а то, ни съ чего, такъ... Въдь это неучтиво, обидно даже. Ты умна, знаешь ты то же, чтò и

Настенька, манеры у тебя такія же... Какъ хочешь, а не выходить это у меня изъ головы, и я сижу, сама на себя сержусь.

— Полноте, маменька! возразила Ольга: — это вамъ въ-самомъ-дѣлѣ, напрасно придумалось. Залѣская, говорятъ, добра, и особенно ласкаетъ Настеньку такъ же, какъ вы, за то, что она сирота и одинока.

— Дай Богъ, чтобъ такъ, отвѣчала Катерина Петровна и отправилась къ своимъ занятіямъ.

Ольга была довольна тѣмъ, что успокоила мать, но сама не успокоилась нисколько; напротивъ, ей стало какъ-будто тяжеле, когда она сказала матери только половину своей мысли. Эти ласки за «сиротство и одиночество», трогательныя, прекрасныя со стороны тѣхъ, кто сталъ матерью и сестрой сироты; были обидны отъ посторонней: Прасковья Александровна оскорбляла Ольгу, внушая ея подругѣ, что ея не понимаютъ, оскорбляла Катерину Петровну, повторяя, что вокругъ Настеньки все чужія. Ольга припомнила, почти день за днемъ, три года своей жизни съ Настенькой, не преувеличивзя разобрала свои поступки, свои чувства, и ей стало очень-горько, когда она подумала, что посторонняя, едва-знакомая женщина, изъ удовольствія говорить фразы, ставить ни во что въ глазахъ ея подруги всю эту дружбу. Ольга знала, что, въ романахъ, гувернантки представляются страдальцами, но никакъ не понимала страсти повертывать на романическій ладъ жизнь свою.

— И еще бы свою, а то жизнь другихъ! заключила она и улыбулась, потому-что ея милый и молодой умъ могъ скорѣе смѣяться, нежели негодовать, а сердце успокоилось, припомнивъ всю ея дружбу съ Настенькой, и рѣшило, что Настенька переѣзжиться не можетъ.

Ольга развеселилась окончательно, когда Хотницкій пріѣхалъ и провелъ весь день съ нею...

Прасковья Александровна видѣла въ Настенькѣ героиню романа. Уѣзжая въ деревню, она сказала себѣ, что будетъ скучать; пріѣхавъ и видя, что еще не такъ скучно, она постаралась почувствоваться надъ своимъ одиночествомъ. Это удалось ей. Ей встрѣтилаеъ Настенька, и она вообразила въ ней душу, посланную ей навстрѣчу. Эта душа молода — тѣмъ лучше: она составитъ противоположность съ душой свѣтской женщины, много-пережившей, которая, въ свою очередь, *дополнитъ* эту молодую душу... Далѣе можно придумать что угодно.

Придумывала очень-многое, «анализируя всё свои начала», Прасковья Александровна не сознавалась себѣ въ одномъ, очень-сильномъ чувствѣ: ей хотѣлось *говорить* — буквально, *говорить*, потому-что она давно была одна, и потому-что предъ Хотницкимъ все-таки, даже изъ кокетства, нерѣдко приходилось молчать. Прасковья Александровна не привыкла, чтобъ ея чувства развивались въ молчаніи; и къ-тому же, за что пропадутъ даромъ всё прекрасныя изреченія, которыя можно сказать при этомъ случаетъ?...

Она была необыкновенно-привѣтлива, и первые часы дня, проведеннаго у нея, прошли для Настеньки, противъ ожиданія, очень-пріятно. Исключая, время-отъ-времени, нѣсколько фразъ, Прасковья Александровна остроумно и съ чувствомъ говорила объ искусствахъ, о природѣ, о литературѣ. Она умѣла говорить даже о женскихъ работахъ, хотя и выразилась, что не понимаетъ пристрастія къ нимъ, что онѣ отупляютъ. Она ужь умѣла на столько расположить гостью въ свою пользу, что гостья не испугалась этой фразы и не улыбнулась; а когда, вслѣдъ затѣмъ, Прасковья Александровна стала рассказывать, почему она не умѣетъ работать, какъ баловали ее въ дѣтствѣ, въ какихъ граціозныхъ мечтахъ оно проходило — Настенька была даже тронута.

Потомъ, рассказывая о своемъ первомъ выѣздѣ, она развила предъ нею картину большаго свѣта. Это былъ не тотъ большой свѣтъ, гдѣ дѣвицы разучаются думать о чемъ бы то ни было, гдѣ женщины не знаютъ семейной жизни, гдѣ молодые люди, наводя скуку, сами умираютъ отъ скуки. Большой свѣтъ, въ разсказахъ Прасковьи Александровны, явился, какъ яркое, заманчивое видѣніе. Тамъ порхали дѣвы съ золотыми кудрями и розами на челѣ, стыдливыя вакханки и обольстительныя Діаны-звѣроловицы; тамъ проходили личности женщинъ, предъ которыми блѣднѣли историческія личности, замѣчательныя въ разныхъ отношеніяхъ... Прасковья Александровна не любила цифръ и именъ собственныхъ, какъ чего-то слишкомъ-опредѣляющаго, и только изрѣдка упоминала имена модистокъ, гдѣ одѣвались эти дѣвы, и называла титулы этихъ юныхъ женъ. Полнота описанія ничего не потеряла отъ этого; самыя положительныя подробности получали какой-то сказочный интересъ... Но юноши... ничто не можетъ сравниться съ ихъ властительною прелестью, съ ихъ обаятельнымъ умомъ, съ обширностью ихъ познаній, съ глубиной ихъ чувства, съ силой ихъ страсти... Здѣсь имена собственныя не скрывались, исключая очень-немногихъ. Часто являлись сравненія:

— Видали вы акватинту съ Лауренса? Молодой гордъ *** на скалѣ и мѣсяцъ просвѣчиваетъ сквозь вѣтви сухаго дерева? Jacques Г. былъ похожъ на него...

Или :

— Блѣдное, грустное дитя, Nicolas S. склонялъ голову предъ незримымъ фатализмомъ. Онъ, казалось, былъ обреченъ на что-то. Цвѣтокъ ждалъ бури. Его бабушка, la comtesse Antoufieff, отъ которой зависѣло все его состояніе, était d'une avarice crasse...

Должно замѣтить, кстати или некстати, что необыкновенныя женщины, при необыкновенной, тонкой воздушности своихъ чувствъ, вообще привязаны къ силѣ и даже рѣзкости выраженія. Онѣ хотятъ быть народными и употребляютъ «крѣпкое слово». Онѣ также усвоили себѣ нѣкоторые наукообразные термины и щеголяютъ ими, какъ доказательствомъ того, что имъ «вечуждо ничто человѣческое». Восторженные юноши, поклонники науки, приходятъ въ восторгъ, услыша выраженія, напоминающія имъ... часто только школьную скамью; впрочемъ, ихъ восхищеніе мнѣе удивительно, нежели *противорѣчія* этихъ удивительныхъ женщинъ. «Невѣжды во всѣхъ грубыхъ сторонахъ жизни», они очень-практически разсчетливы и, когда случится, отлично ведутъ дѣла свои. Не зная, буквально, ариметики, они, говоря о наукѣ, возьмутся составить новую планетную систему. Не зная, какъ переступаютъ порогъ въ русскую избу, они кричатъ о русской жизни; прочитавъ, по наставленію какого-нибудь юноши «съ свѣтлымъ челомъ», описаніе этой жизни, они восхищаются *вѣрностью* этого описанія, глубиной *идеи*, по совѣсти, совершенно для нихъ непонятной. Тутъ-то и является «сила слова», вслѣдъ за «силой духа...» Эта манія началась недавно, но есть надежда, что она разовьется еще сильнѣе...

Прасковья Александровна говорила очень-много. Къ вечеру, ей стало легче; ей показалось, что она нѣсколько высказала свою душу, что ее поняли, что ей необходимо отдохнуть отъ этого изліянія. У нея тѣснило грудь, что было также очень-понятно, но что она объясняла не усталостью отъ безпрестанныхъ разсказовъ, а душевнымъ волненіемъ. Къ-вечеру, когда все стало стихать въ природѣ, затихла и она, приказала принести нѣсколько вышитыхъ подушекъ на террасу и полулегла на ступеняхъ, любуясь потухающимъ закатомъ. Настенька тоже сѣла на ступеньки и могла вдоволь любоваться утомленными, исполненными нѣги движеніями прекрасной хозяйки, ея «чудной» головкой съ не-

брежню и пышно-подобранными волосами, въ которыхъ завядала камелія, ея большими глазами съ глубокой думой, устремленными въ даль, ея бѣлыми, нѣсколько-худощавыми руками, антично-опертыми въ подушку, такъ-что широкіе рукава, распаваясь, позволяли видѣть ихъ до локтя. Въ эту митуту она показала Настенькѣ въ-самомъ-дѣлѣ хороша и похожа на героиню романа; вся сцена, съ ея обстановкой, была похожа на что-то читанное, и Настенькѣ, настроенной разговорами цѣлаго дня, нравилось это, какъ новость. Она задумалась, глядя на модную даму, которая казалась ей счастливницей, несмотря на ея многія жалобы на судьбу.

«Какъ она оживлена, молода!» думала Настенька: «а она почти десять лѣтъ меня старше.»

Прасковья Александровна думала все это время и потомъ сказала вслухъ:

— Въ такой прелестный вечеръ одиночество замѣтнѣе. Какъ отрадно было бы встрѣтить теперь, если неполнѣ-дорогое существо, то хотя близкую намъ душу!...

Изъ чего можно было заключить, что души Настеньки ей было мало; но въ вѣрнѣйшемъ переводѣ эти слова значили, что Хотницкій несносенъ тѣмъ, что не догадается пріѣхать, когда его ждутъ. Вообще, въ два или въ три послѣднія посѣщенія Хотницкій былъ не такъ восторженъ, какъ прежде, и Прасковья Александровна ужъ начала объяснять это грубостью сердца, которое начинаетъ скучать, лишь только немного удовлетворится.

Прасковья Александровна ждала его цѣлый день; очень-понятно, что къ-вечеру, особенно устроаясь на террасѣ, она потеряла терпѣніе, и потому сдѣлалась еще болѣе чувствительна. На глазахъ ея (говоря высокимъ слогомъ) сверкнули слезы. Надо было найти имъ причину.

— Вы никогда не знали вашей матери? спросила она вдругъ Настеньку.

И принялась разстроивать ее, и еще больше себя, вдохновляясь тѣмъ, что говорила. Вечернія облака много помогли въ этомъ случаѣ: въ нихъ жили и витали дѣши; въ нихъ закутывались онѣ — младенцы, какъ въ пеленки, мертвецы, какъ въ саваги... Настенька не разъ въ своей жизни мечтала, разговаривала и плакала съ своими прежними подругами и съ Ольгой, но никогда не встрѣчала такого краснорѣчія; она была имъ ис-

тинно тронута. Возвратясь на землю, Прасковья Александровна сказала молодой дѣвушкѣ, что не понимаетъ ея жизни.

— Вѣрнѣе, я не понимаю вашего мужества, которому удивляюсь. Жить въ этой глуши, въ этомъ обществѣ!

— Здѣсь не скучно... отвѣчала Настенька, почти совѣстясь вспоминать маленькіе балы уѣзднаго городка послѣ описанія праздниковъ, гдѣ кружились пери и сальфиды, гдѣ юноши были прекраснѣе Ромео и неотразимѣе Дон-Жуана.

— Милая, кроткая душа! вскричала Прасковья Александровна. Вы находите въ самой себѣ прелесть, которая все украшаетъ, иначе я этого не объясняю. Другая, знаете ли, прибавила она съ рѣзкой откровенностью:—другая подумала бы съ насмѣшкой, что вамъ нравится эта пошлость, потому-что вы не знали ничего лучшаго. Видите ли, какъ я въ васъ увѣрена? Я говорю вамъ прямо. Вамъ надо видѣть свѣтъ.

— Гдѣ же и какъ? спросила дѣвушка, которой уже становилось скучно на этомъ свѣтѣ, особенно послѣ «откровенности» Прасковьи Александровны.

— Эта дама, у которой вы живете?...

— У ней нѣтъ средствъ ѣхать въ Москву.

— Правда... а то бы она повезла свою дочь, сказала Прасковья Александровна съ горечью. — О, это было бы еще ужаснѣе! почти вскричала она, мгновенно оживляясь. — Эгоизмъ матери, мелочность провинціалки — вамъ пришлось бы выносить все это болѣе, нежели вы выносите теперь...

— Чтѣ вы говорите? прервала Настенька: — я такъ любима ими... Катерина Петровна такъ добра, ласкова... право, я не умѣю и рассказать, потому-что привыкла къ ея добротѣ. Ольга... это ангелъ. Ради-Бога, не предполагайте въ нихъ ничего дурнаго; я люблю ихъ, я съ ними счастлива!

— Бѣдный ребенокъ! сказала Прасковья Александровна, сжимая ее въ объятіяхъ. — Слезы... Я возмутила вашу душу—простите меня! О, лучше, въ тысячу разъ лучше это благородное незнаніе! Но, прійдетъ время, вы взгляните въ лицо жизни, она наконецъ сниметъ маску — и чтѣ тогда? Я ничего не говорю о нихъ; онѣ добры съ вами; но чѣмъ же надо быть, чтобъ оскорблять васъ? За чтѣ выказывать вамъ холодность? Какое надо имѣть сердце, чтобъ не содрогаться при одномъ словѣ: «сирота»? А образование... вѣдь онѣ въ-самомъ-дѣлѣ не животныя, чтобъ не чувствовать, хотя смутно, что вы болѣе развиты, нежели онѣ. Я

не отрицаю : онъ добры... какъ добры? изъ состраданія, изъ желанія знять у васъ свѣтъ вашей граціи, этого *чего-то*, что нужно всякому. Пусть судьба броситъ ихъ въ испытаніе, онъ себя покажутъ... во всемъ, во всемъ, заключила Прасковья Александровна съ порывомъ: — во всемъ, начиная съ прошлогодней шляпки, которую предлагать вамъ доносить, до запрещенія выходить изъ вашей комнаты, когда пожалуетъ какой-нибудь господинъ, котораго прочать въ женихи m-lle Ольгѣ!...

— Этого никогда быть не можетъ! прервала Настенька.

— Я говорю не о нихъ: я говорю о людяхъ вообще. Имя вашей подруги встрѣтилось мнѣ такъ, случайно. Столько этихъ «подругъ» на свѣтѣ!... Я даже говорю не о васъ, а вообще. Я никогда не могла равнодушно видѣть дѣвушку въ вашемъ положеніи. Столько искушеній, затаеннаго горя и сомнѣнія — и прибѣгнуть не къ кому! Положимъ, не вы, а другая — къ кому обратится сирота съ тайной своего сердца? Можетъ-быть, къ соперницѣ, отъ которой зависитъ — къ ея гордой матери — всегда къ особамъ, для которыхъ было бы выгоднѣе, еслибъ она была хуже... О, я знаю это!... А мелочи, униженія, покровительственный тонъ поствительницъ, снисходительная вѣжливость поствитителей, дружба дѣвчонокъ за то, что бѣдное, благородное дитя исполняетъ ихъ капризы и порученія, часто скрѣпя сердце; а дерзкое ухаживание молодѣжи, а ревность женщинъ... О, я все знаю!

И, увлекаясь, Прасковья Александровна рассказала, одну за другой, нѣсколько исторій о гувернанткахъ, одну другой плачевнѣе и ужаснѣе. Настенька и прежде слыхала и читала подобныя вещи, но не бывала еще никогда такъ настроена, и притомъ, что достовѣрнѣе и увлекательнѣе рассказовъ очевидца? Ей стало страшно, грустно... Будущее, которое она представляла себѣ такимъ же свѣтлымъ, какимъ было ея настоящее, стало раскрашиваться мрачными красками. «Что, если и со мной будетъ то же?» спросила она себя. Маленькія дурныя чувства, которыя были въ ней (а у кого ихъ нѣтъ?) и которыя спокойно изгладились бы сами собою, еслибъ ихъ не трогать, теперь были затронуты и поднялись. Она вѣрила, что Катерина Петровна, которую она звала матерью, и Ольга, были хорошіе люди; но всегда ли онѣ останутся хорошими? Не слишкомъ ли была она довѣрчива съ людьми, которые, разставшись съ нею, забудутъ ее? Ольга, конечно, прежде нея выйдетъ замужъ; у Ольги есть состояніе (Настенька вспомнила это въ первый разъ); положимъ, она останется добра, ласкова по-

прежнему; но мужъ ея? Не дастъ ли онъ почувствовать сиротѣ, что она живетъ у него, а не у Ольги?... Ласки... о, эти ласки изъ состраданія!... А что, если Настенька сама полюбитъ того, кто будетъ любить Ольгу?

Прасковья Александровна въ эту минуту рассказывала романъ, именно такого рода.

— Любите ли вы кого-нибудь? спросила она въ заключеніе и неожиданно.

— Никого.

— Не скрывайтесь предо мною, не оскорбляйте меня недовѣрчивостью... А Хотницкій?

— Нѣтъ, увѣряю васъ.

— Мнѣ такъ показалось, когда онъ былъ у меня при васъ. Такъ онъ васъ любитъ?

— О, нѣтъ, еще меньше, отвѣчала Настенька съ грустью, потому-что все настроивало ее на грусть: ей въ эту минуту было грустно, зачѣмъ въ нее не влюбленъ кто-нибудь.

Прасковья Александровна поняла ее по-свѣдому.

— О!... сказала она, съ движеніемъ негодованія: — не-уже-ли онъ такъ мелоченъ, что выказываетъ вамъ свое невниманіе? Это иногда дѣлается...

Къ-счастью, Настенька не поняла ее совсѣмъ, а то принялась бы придумывать еще новыя несообразности, печальнѣе первыхъ.

— Онъ часто бываетъ у Катерины Петровны (два часа назадъ, Настенька сказала бы: «у насъ»). Намъ съ нимъ весело: онъ уменъ и любивень. Онъ, если хотите, друженъ съ обѣими нами. Мы часто выводимъ его изъ терпѣнія спорами...

— Ольга спорить? спросила Прасковья Александровна съ особеннымъ выраженіемъ.

— Да. Она очень-мила, когда оживлена, и доказываетъ всегда съ такимъ чувствомъ...

Настенькѣ было какъ-будто совѣстно говорить о своей подругѣ: она смутно чувствовала, хотя не сознавалась, что была виновата предъ Ольгой; ей стало еще тяжеле на сердцѣ, и она позволила себѣ отдаться этой печали. Она сказала себѣ, что Ольга милая, добрая, прекрасная дѣвушка, но что ей, сиротѣ, никто не подруга и не пара; ей почему-то показалось, что пора быть благодарнымъ, что до-сихъ-поръ ея жизнь была какое-то дѣтство и что теперь оно кончилось...

— Скажите мнѣ, что такое Ольга? спросила Прасковья Але-

ксандровна, прерывая молчаніе. — Ея образованіе, должно-быть, очень-поверхностное.

— Мнѣ кажется, какъ у всѣхъ насъ, дѣвушекъ, отвѣчала Настенька, затрудняясь этимъ вопросомъ.

— Понимаетъ ли она, по-крайней-мѣрѣ, то, что выучила? углублялась ли она во что-нибудь?.. Вы говорите, она спорить съ Хотницкимъ; но вѣдь Хотницкій человѣкъ необыкновенный, человѣкъ высшаго разряда, а она берется съ нимъ спорить! Это болѣе нежели смѣлость: это дерзость!

— Не знаю, сказала простодушно Настенька:— намъ онъ не казался ничѣмъ необыкновеннымъ.

— Милое дитя! Вамъ, вамъ по-плечу его сужденія; но Ольга? Ольга — посредственность... Я не касаюсь вашей привязанности къ ней, но будьте безпристрастны: развѣ всепрощающая душа ваша найдетъ въ ней достоинства? Привязанность не должна быть безразлична. Любите, но любите разумно... Она должна быть очень-смѣшна, когда непонятливо и упрямо возражаетъ на его одушевленную рѣчь. Мнѣ бы хотѣлось послушать это... Или, вѣтъ, это бы меня измучило.

— Вѣроятно, мы обѣ одинаково-смѣшны, сказала Настенька:— потому-что я очень-часто согласна съ Ольгой.

— Вы ее любите и предубѣждены, сказала Прасковья Александровна, снисходительно улыбаясь.— Вы, сами не замѣчая, приносите ей жертву вашего ума въ глазахъ человѣка... какихъ встрѣчается немного. И этотъ человѣкъ хорошо оцѣняетъ васъ обвѣхъ, повѣрьте.

— Напротивъ, мнѣ всегда казалось, что эти споры доставляли ему большое удовольствіе... А что Ольга нравится ему больше, нежели я, въ этомъ я увѣрена.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Что жъ заставило васъ убѣдиться? спросила Прасковья Александровна съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Стоить взглянуть на насъ обвѣхъ, отвѣчала грустно Настенька. — Ольга хороша собою, игрива, откровенна...

— Смѣла... проговорила Прасковья Александровна вполголоса. — Конечно, есть люди, которымъ это нравится... Мнѣ бы хотѣлось узнать покороче эту Ольгу.

Прасковья Александровна вдругъ впала въ задумчивость. Въ ея памяти проходили всѣ извѣстные примѣры необыкновенныхъ женщинъ, забытыхъ для женщинъ обыкновенныхъ. Результатомъ этихъ воспоминаній было насмѣшливое презрѣніе и потомъ грустное обращеніе сердца, которое «не хотѣло» презирать Хотницкаго...

Все это выдумывалось и чувствовалось, чувствовалось и выдумывалось съ невѣроятной быстротою фантази. Въ пять минутъ мыслящая женщина раздражила себя до слезъ. Эти вещи такъ эффектны, что ихъ не скрываютъ.

— Боже! сказала она:—какое же неодолимое очарованіе скрывается въ этихъ развязныхъ, бессмысленныхъ созданіяхъ, что ихъ предпочитаютъ... (голосъ ея «порвался», выражаясь ея слогомъ). И что такое сердце женщины, которое вѣчно ждетъ, вѣчно прощаетъ, вѣчно надѣется?.. Чего оно надѣется? Какая женщина выговорить это, не краснѣя за свое духовное превосходство?

Настенька ничего не понимала; монологъ былъ сказанъ даромъ и къ-тому же глухо, прерывистымъ совершенно-трагическимъ, шипящимъ шопотомъ, такъ-что было трудно слышать.

— Что съ вами? спросила она, испугавшись нѣсколько-отчаяннаго жеста Прасковьи Александровны.

— Ничего, отвѣчала Прасковья Александровна.—Пойдемте въ комнаты. Воздухъ влаженъ и раздражителенъ. Мнѣ нуженъ покой... о, ничего, кромѣ покоя!

Она вошла въ гостиную и упала въ кресла; она была блѣдна; волосы ея рассыпались...

Настенька испугалась еще больше. Ей не входило въ голову, что ничему этому не стоить вѣрить. Она поспѣшила помочь милой хозяйкѣ, которая, ни на минуту не забывая, что надо быть доброй, поцаловала ее. Настенька стала на колѣни предъ ея креслами. Прасковья Александровна, все болѣе-и-болѣе приходя въ себя, начала любоваться ею. Эта фраза въ дѣйствіи продолжалась довольно-долго. Прасковья Александровна все ждала, не застанетъ ли ея Хотницкій, хотя немного. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, она рѣшилась отпустить свою гостью.

— Вы не боитесь ничего ночью? Мѣсяцъ всходить. Я отвезу васъ сама въ кабріолетъ.

Хотницкій могъ встрѣтиться на дорогѣ—почему знать?..

IV.

Прасковья Александровна была не въ духѣ на другой день. Хотницкій явился къ ней въ ту минуту, когда она смѣлыми и яркими чертами обрисовывала его характеръ въ своихъ *Confidences*. Она писала одну изъ самыхъ вдохновенныхъ страницъ своихъ—о перерожденіи чловѣка вдали отъ общества развитаго и

мыслящаго, о грубости, которая въ глуши незамѣтно прививается къ чувствамъ и понятіямъ, и прочее. Именъ собственныхъ не было. Хотницкому дали прочесть эту страницу. Наканунъ онъ провелъ весь день въ Кружковѣ съ Ольгой, говорилъ и слышалъ все такія простыя и прямыя слова, что слогъ Прасковьи Александровны показался ему непонятенъ. Онъ рѣшительно не узналъ своего портрета и осмѣлился противорѣчить этому глубокому анализу. Прасковья Александровна начала объяснять и объясняла такъ хорошо, что Хотницкій наконецъ понялъ, что дѣло шло о немъ. Ему стало досадно, что очень-натурально. Прасковья Александровна замѣтила это, обрадовалась, что уколола его, и продолжала колоть игриво, шутя, серьёзно, насмѣшливо, съ досадой, съ чувствомъ, въ порывѣ увлеченія, въ раздумьѣ, какъ случалось. Она рѣшилась въ этотъ день сыграть роль женщины забывающей, что у нея есть сердце, потому-что это сердце оскорблено — роль женщины-змѣи, очень-эффектную. Хотницкій разсердился сначала, потомъ, увлекаясь, пробовалъ спорить, доказывать, оправдываться; наконецъ это ему надоѣло. Онъ сдѣлался нелюбезенъ и довольно-явно торопился уѣхать. Послѣ его отъѣзда, Прасковья Александровна опять плакала отъ досады, увѣряя себя, что плачетъ отъ любви, и написала еще страницу о «фатализмѣ, который тяготѣлъ надъ нею».

Этотъ визитъ, хотя короткій и очень-похожій на прежніе, произвелъ на Хотницкаго впечатлѣніе, котораго онъ не ожидалъ. Ему въ первый разъ было скучно съ необыкновенной женщиной; онъ самъ прежде иногда упрекалъ себя въ грубости понятій; но когда его упрекнули въ этомъ другіе, его самолюбіе оскорбилось. Онъ не былъ такъ мелоченъ, чтобъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія вдругъ разлюбить женщину, которая ему нравилась; но она стала ему меньше нравиться, и онъ позволилъ себѣ разбираться, какъ и почему. Многое, хотя еще далеко не все ложное бросилось ему въ глаза, и онъ занялся бы этимъ разборомъ еще прилежнѣе, но у него нашлась забота. Наступалъ день именинъ Ольги. Хотницкому почему-то показалось необходимымъ сдѣлать ей подарокъ. Чѣмъ болѣе вспоминались ему странности Прасковьи Александровны, тѣмъ сильнѣе убѣждался онъ, что должно напомнить Ольгѣ о себѣ въ этотъ день. Онъ затруднялся только въ выборѣ подарка. Привыкнувъ изъ всякой мысли дѣлать себѣ заботу, онъ ломалъ себѣ голову, придумывая, что можетъ понравиться Ольгѣ и вмѣстѣ имѣть какое-то значеніе... какое — этого

не могъ опредѣлить самъ Хотницкій: что-то духовное, что-то общечеловѣческое, что-то «необыденное», какъ выражалась Прасковья Александровна. Наканунъ именинъ, возвращаясь вечеромъ изъ Кружкова, Хотницкій былъ погруженъ въ эту думу. Полный мѣсяць озарялъ мелкій лѣсокъ, чрезъ который лежала дорога, и предъ Хотницкимъ явилась Прасковья Александровна; она была въ бѣломъ платьѣ и доставила себѣ удовольствіе при лунномъ свѣтѣ накинуть на голову бѣлый газовый шарфъ. За ней, въ нѣкоторомъ отдаленіи, слѣдовали два ливрейные лакея; одинъ несъ ея бурнусъ, другой... толстую палку, прозаическую защиту отъ собакъ въ поэтическихъ прогулкахъ.

— Откуда такъ поздно, сосѣдъ? спросила Прасковья Александровна, между-тѣмъ, какъ Хотницкій останавливалъ свою нѣсколько-испуганную лошадь.

— Изъ Кружкова, отвѣчалъ онъ, сконфузясь.

— Хорошо! А меня забыли? продолжала она съ необыкновенной сельской простотою. — Помните ли вы, что мы три дня не видались?

— Очень помню. А вы откуда такъ поздно, сосѣдка?

— Ходила себя измучить, отвѣчала она, подойдя ближе и лаская его лошадь. Вчера утромъ услышала, что въ Долгомъ умерла старуха, тѣтка выборнаго. Мнѣ хотѣлось видѣть покойницу... Не говорите никому; я имъ не велѣла говорить гдѣ я была (она показала на людей); никто не узнаетъ... Странные люди, эти крестьяне! Чего они перепугались, когда я пришла? Какъ-будто что сверхъестественное случилось. Они всѣ уже спали... Мертвецъ въ домѣ, а они спятъ!.. Вскочили, засуетились. Одна какая-то баба хлопотала около тѣста для завтрашнихъ пироговъ, къ погребенью. Все это сдѣлало на меня престранное впечатлѣніе, какъ вы можете вообразить. Я плакала, а меня оглядывали кругомъ. Мнѣ такъ тяжело! Не говорите этого никому. Вы меня понимаете...

Она подала руку Хотницкому.

— Завтра увидимся.

— Да, надѣюсь, но не у васъ. Завтра именины Ольги Григорьевны; вы вѣрно будете у нихъ.

— Охъ...

— Вы не прѣдете? Вамъ не нравится бывать у нихъ?

— Нѣтъ...

Но нуча будеть тѣмъ народу,
И всякаго такого сброду...

Она разсмѣялась.

— Впрочемъ, я прѣйду, прѣйду. Прощайте. Я устала. Не правда ли, чудная ночь? И не хочешь, а мечтаешь. Кажется, послѣ того, чтò было сейчасъ предъ моими глазами, не должно было бы... а между тѣмъ... Прощайте!

Она удалилась; шарфъ ея волновался, и она напѣвала:

«Эта чудная ночь и тепла и свѣтла»...

Хотницкій цѣлый часъ возвращался домой, хотя можно было дохватъ втрое скорѣе. Встрѣча взволновала его. Очаровательница показала ему еще въ новомъ, невиданномъ свѣтѣ, и онъ не могъ о ней не думать; она была граціозна, какъ духъ, чувствительна, какъ женщина... эта женщина вникала въ жизнь... и прочее. Хотницкій долго раздумывалъ; но такъ-какъ предъ этимъ онъ три дня былъ занятъ Ольгой, то ему пришла мысль развить дружбу между этими двумя женщинами, сестрами по душѣ, заставить ихъ полнѣе узнать другъ друга... и прочее. Тутъ же внезапно и окончательно рѣшился онъ, чтѣмъ подарить Ольгу.

Онъ взялъ съ своего письменнаго стола довольно-бойко сдѣланный карандашомъ портретъ Гоголя. Онъ собирался, нисколько не шутя, пожелать завтра именинницѣ не здоровья или счастья, а трезваго пониманія жизни; ему показалось даже лучше выразить это письменно, для того, чтобъ провести свою мысль чрезъ всѣ доводы и доказать яснѣе. Къ-сожалѣнію, иль къ-счастью, дописавъ мелко третью страницу, онъ вздумалъ перечитать написанное. Хотницкій удивился самъ своему краснорѣчію, а болѣе всего тому, что самъ не понималъ его; ему стало почти-стыдно, и онъ изорвалъ все, хотя увѣрялъ себя, для утѣшенія, что досадуетъ на бѣдность человѣческаго слова, неспособнаго выразить безконечную мысль. Онъ рѣшился завтра сказать, чтò вспомнится и чтò дастъ ему сказать Ольга. Тутъ кстати онъ порадовался, что истребилъ свое произведеніе: онъ вспомнилъ, что Ольга охотница смѣяться.

Ольга и Настенька занимали вмѣстѣ одну комнату въ мезонинѣ ихъ дома. Объ онъ, особенно Ольга, успѣли хорошо узнать привычки одна другой и легко угадывали другъ у друга даже расположеніе духа; потому отъ Ольги не могло скрыться, что Настенька стала печальна, молчалива, что она какъ-будто отдаля-

лась отъ всѣхъ и какъ-будто нѣхотя принимала участіе въ разныхъ затвяхъ и забавахъ, которыми прежде Ольга и она разнообразили свое время. Долгія бесѣды по вечерамъ были какъ-будто забыты. Ольгѣ стало скучно. Она спросила Настеньку однажды, что съ нею; но, получивъ очень-неудовлетворительный отвѣтъ, увидѣла, что въ этомъ случаѣ нельзя поступать рѣшительно, какъ она привыкла. Ольга замѣтила, что Настенька очень-неподробно рассказала ей о днѣ, проведенномъ у Прасковьи Александровны, и что вообще она перестала смѣяться фразамъ Прасковьи Александровны. Однажды при Хотницкомъ она даже до-вольно-рѣзко остановила Ольгу.

— Что она тебѣ сдѣлала? сказала Настенька.

— Ничего; мнѣ забавно то, что она сказала.

— Она такъ добра, что смѣяться надъ нею... грѣшно, продолжала Настенька: — ты ея не знаешь.

— А еслибъ знала, то попросила бы ее, когда она такъ добра, не портить своей доброты смѣшными словами.

Настенька не возражала больше, но стала грустна. Она провела еще день, и еще день въ Зорькинѣ, и возвратясь, опять не рассказывая подробностей, сказала Ольгѣ, что Прасковья Александровна хотѣла бы познакомиться съ нею короче. Это утвердило Ольгу въ ея подозрѣніяхъ.

— Пожалуй, отвѣчала она: — пойдѣмъ къ ней когда-нибудь. Ты, вѣрно, много наговорила обо мнѣ; признайся, безъ тебя это не пришло бы ей въ голову.

Ольга не ошибалась. Прасковья Александровна съ нѣкоторой недовѣрчивостью хотѣла взглянуть поближе на эту «дикую натуру»; она освѣдомлялась, можно ли о «чемъ-нибудь» говорить съ Ольгѣй. Оставшись одна, она увѣряла себя, что хочетъ стать лицомъ-къ-лицу съ женщиной, которая...

«Но развѣ я люблю этого чловѣка?»... Вопросъ внезапно-написанный на совершенно-чистой (vierge) страницѣ «Сувенировъ». Внизу годъ, мѣсяцъ и число.

Проснувшись очень-рано въ день своихъ именинъ, Ольга разбудила свою подругу, и онѣ отправились пѣшкомъ къ обѣднѣ въ Зорькино. Свѣтлое утро, поля съ синими васильками и бѣлыми астрами, съ золотой рожью, вышиной въ ростъ чловѣка, между которой лежала дорога, какъ узкій корридоръ, прерывавшійся только двумя лощинами, гдѣ росло столько кустовъ молодого кле-на и орѣшника, цвѣтовъ, ягодъ, травы самой нѣжной и тонкой,

что надо было снѣшить пройти, чтобъ не уступить желанію остаться тамъ на весь день; солнце, которое ласково и еще робко выкатывалось изъ-за розовыхъ облаковъ; роса въ плоенныхъ, пухлыхъ листьяхъ придорожника, птицы, шмели, кузнечики—все было такъ радостно, свѣтло, нарядно, что именинница возвращалась домой еще веселѣе и счастливѣе.

— Еслибъ ты знала, какъ мнѣ хорошо, милая моя Настя! сказала она, поцаловавъ свою подругу. — Чего мнѣ недостаетъ на свѣтъ?..

— Твоя правда, отвѣчала Настенька, оглядываясь на зорькинскій домъ, гдѣ еще были спущены всѣ сторы и было незамѣтно движеніе, и припоминая все, что было ей говорено въ этомъ домѣ.

Ольга видѣла, что ей было грустно; не спрашивая и уже увѣренная, что всему причиной сосѣдка, она обняла Настеньку еще крѣпче и отъ желанія выразить свою привязанность и отъ печали, что эта привязанность была непонята. Ей ни на минуту не пришло въ голову, что Настенька виновата передъ нею. Она стала напоминать ей, какъ онѣ проводили этотъ день вмѣстѣ годъ назадъ, разныя веселыя обстоятельства и подробности, потомъ маленькія неудачи, тоже общія, маленькія бѣды, которыя такъ легко вспоминаются, когда онѣ прошли, а между-тѣмъ такъ заботили и волновали, когда случались, и были раздѣлены такъ дружно. Всѣмъ вообще, а женщинамъ въ-особенности, рѣдко удается выказать свою дружбу въ чемъ-нибудь важномъ, и потому маленькіе случаи тихой жизни, внутреннее чувство сближаютъ ихъ и налагаютъ на нихъ обязательство другъ предъ другомъ. Не всегда справедливо мнѣніе, что дружба, начатая отъ мелочей, мелочна; она только кажется такою оттого, что не имѣла необходимости быть огромнѣе, и осудить ее можно только тогда, когда она измѣнитъ себя тамъ, гдѣ должна будетъ дѣйствовать. Но дружба двухъ дѣвушекъ безъ восторженной сантиментальности, безъ своенравной требовательности, безъ мелкаго соперничества, дружба, готовая на пожертвованія, вовсе немелкія, если взять въ расчетъ, какъ много они значатъ въ мало-наполненной жизни, такая дружба, если она выдержана до конца, прекрасна и стоитъ участія...

Ольгѣ удалось, если не развеселиться, то заставить разговориться свою подругу.

— Я должна тебѣ покаяться, сказала она наконецъ. — Вотъ три недѣли, какъ у меня сердце непокойно, и ты будешь смѣяться.

Началось съ шутки, а выходитъ, что не шутя я начинаю нетерпѣть Залъскую.

— За что? спросила Настенька, которую будто что укололо, потому-что Ольга въ первый разъ съ начала разговора назвала со-сѣдку.

— Какъ это тебѣ сказать... Мы съ тобою привыкли шутить : Хотницкій да Хотницкій ; онъ бывалъ у насъ всякій день; намъ ничто и въ голову не приходило. Но теперь онъ безпрестанно у нея... Мнѣ досадно... Право, я готова вообразить, что я влюблена въ Хотницкаго.

— Развѣ ты прежде этого никогда не думала? спросила Настенька, между-тѣмъ, какъ Ольга краснѣла, смѣялась и обнимала ее, чтобъ скрыть свое смущеніе. Что жъ? эта любовь пришла къ тебѣ такъ, разомъ, отъ ревности?

— Ахъ, что ты, Настя! Но теперь я поняла, что недаромъ мнѣ было такъ хорошо съ нимъ почти два года; и когда я подумала, что это можетъ кончиться, что онъ перестанетъ бывать у насъ, полюбить Залъскую, не могу сказать тебѣ, какъ мнѣ стало тяжело! Я стала припоминать всѣ наши разговоры, смотрѣть въ книги, которыя мы читали вмѣстѣ... вижу, что если этого больше не будетъ... Я вижу, что я его люблю, Настя, что я его всегда любила, и только не понимала, что со мной... Мнѣ было совѣстно признаться даже тебѣ, но я ужъ не одинъ разъ плакала...

— Такъ вотъ за что ты не любишь Прасковьи Александровны!

— О, нѣтъ, это другое дѣло! Она сама-по-себѣ мнѣ не нравится. Если хочешь, мнѣ особенно обидно, зачѣмъ онъ привязался именно къ ней... лучше бы къ другой.

— Ты точно такъ же не влюбила бы другую.

— Нѣтъ, Настя; вѣдь я въ этомъ увѣрена. Я прежде сама это думала: я разбирала, не оттого ли всѣ ея слова и поступки не по-мнѣ, что мнѣ досадно, завидно? Нѣтъ. И я не могу удержаться, хотя вижу, что это бываетъ ему непріятно: я говорю ему прямо все, что о ней думаю.

— Я давно хотѣла сказать тебѣ : Хотницкій можетъ принять это за признакъ дурнаго характера.

Ольга подумала съ минуту и отвѣчала :

— Нѣтъ. Онъ слишкомъ-часто соглашается со мной: стало-быть, не можетъ осудить меня.

— Так онъ подумаетъ, что ты противорѣчишь изъ ревности. Онъ догадается, что ты его любишь.

Ольга шла молча и задумавшись. Наконецъ, она взглянула на Настеньку, и на ея длинныхъ рѣсницахъ были слезы.

— Знаешь что, Настя? сказала она: — мнѣ кажется, что если онъ и замѣтитъ, что я его люблю, это будетъ еще не такое большое несчастье, чтобъ я должна была раскаяваться. Люблю — что жъ дѣлать? Такъ случилось, такъ Богъ велѣлъ. Вѣдь я не требую, чтобъ онъ любилъ меня тоже. Изъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, я одна, съ которой онъ проводилъ цѣлые дни, я одна не воображала его своимъ женихомъ; я держалась съ нимъ просто, какъ съ роднымъ. Если жъ онъ и увидитъ, что я люблю его... ему это, можетъ-быть, будетъ приятно... можетъ-быть, эта свѣтская дама только мучитъ его своимъ кокетствомъ... что я говорю: «можетъ-быть» — навѣрное!

— Опять злость! сказала Настенька, грозя ей. Кто тебѣ сказалъ, что она кокетка?

— Если хочешь, ты. Зачѣмъ она десять разъ въ день то больна, то здорова? Зачѣмъ она то вдругъ ребячится, то прикидывается старухой? Зачѣмъ она какъ-то странно играетъ словами и никогда не скажетъ прямо то, что думаетъ?.. Не знаю, что еще — все! Въ ней нѣтъ ничего искренняго, кромѣ желанія нравиться. Она, говорятъ, добра; но зачѣмъ же она рисуется даже въ своей добротѣ?... и рисуется довольно-неудачно, право!

— Научи ее, возразила Настенька, обижаясь за своего новаго друга.

— Если она хочетъ, пожалуй, отвѣчала Ольга съ живостью, полной чистосердечной доброты и не обижаясь насмѣшкой Настеньки. — Я не свѣтская женщина и много моложе ея, а кажется, не ошибусь, если скажу, что въ самомъ кокетствѣ долженъ быть здравый смыслъ...

— Котораго нѣтъ у Прасковьи Александровны?.. Однако ты неснисходительна къ Хотницкому: какъ же умный человекъ можетъ заниматься пустой женщиной?

— Его капризь, а мое несчастье, отвѣчала Ольга, вдругъ притихнувъ. — Но, Настя, скажи мнѣ откровенно, продолжала она послѣ минутнаго молчанія: — ты какъ-будто недовольна...

— Чѣмъ же?

— Не знаю... Тѣмъ, что я люблю Хотницкаго, тѣмъ, что я

тебѣ это сказала, какъ я это сказала, зачѣмъ я не сказала прежде или послѣ... не знаю, чѣмъ-то... мною, однимъ словомъ...

— Ты очень-забавна, Оленька, отвѣчала Настенька, улыбаясь принужденно, потому-что въ ней поднимались капризы, начавшіеся съ перваго визита въ Зорькино.—Какое право имѣю я быть недовольна тобою?

— Тѣкое же, какъ я тобою—никакого и какое вздумается. Мнѣ кажется, что я не виновата, однако... Вѣдь ты сама не любишь Хотницкаго?

— О, нѣтъ! возразила Настенька, капризничая до того, что ей въ эту минуту хотѣлось бы умирать отъ любви къ Хотницкому; но Прасковья Александровна еще не успѣла научить ее, что эти вещи можно придумать, когда онѣ не чувствуются.

Настенька сказала себѣ только, что еслибъ она и любила, то какая до того забота этой смѣлой счастливицы, которая спрашиваетъ о чувствахъ сердца какъ о погодѣ? Она не потрудилась подумать, что ея прежняя откровенность сдѣлала въ-самомъ-дѣлѣ то, что всѣ ея чувства были знакомы Ольгѣ, и что, слѣдовательно, Ольга была совершенно въ правѣ говорить и спрашивать прямо, безъ приготовлений. Она еще разъ улыбнулась грустной, покорной улыбкой, впрочемъ искренно-печальной, потому-что Настенька только начинала свою роль страдалицы; слѣдовательно, еще увлекалась.

— Ты не въ-духъ, душа моя? скажи правду! продолжала Ольга.

— Какой вздоръ! Какъ же я смѣю быть не въ-духъ?..

— Какъ ~~ты~~ смѣешь быть не въ-духъ, когда я именинница! вскричала Ольга, принимаясь ласкать и душить ея поцалуями.

— Конечно, такъ...

— Конечно, такъ, когда у именинницы горе...

— А у меня нѣтъ его...

Ольга давно чувствовала горечь ея отвѣтовъ; выносить ихъ не возражая, не спрашивая, ей стоило большаго труда; но она понимала, что разспросы не повели бы ни къ чему: надо было не противорѣча доказать Настенькѣ, что она ошибается.

— Прости меня, сказала Ольга:—у тебя есть горе, потому-что оно есть у меня. Я увѣрена, что ты измучишься, глядя на меня и на Хотницкаго. Еслибъ ты хоть разъ застала его у Прасковьи Александровны!

— Зачѣмъ? спросила Настенька, вспоминая печальныя сказанія о томъ, какъ гувернантки служатъ прихотямъ своихъ *госпожь*, наблюдаютъ за нихъ, передаютъ посланія и прочее, и что изъ этого бываетъ.

— Ты сказала бы мнѣ, мое сокровище, Настя, продолжала Ольга, не подозревая ужасовъ, которые воображались ей подругѣ:— ты сказала бы мнѣ, посмотрѣвъ на нее, умѣю ли я порядочно держаться съ порядочнымъ человѣкомъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она здѣсь поселилась, у меня изъ головы не выходитъ, что я неловка... Несмотря на то, что я философствую. Даже нарядъ ея... Еслибъ я умѣла, по-крайней-мѣрѣ, такъ приколотъ волосы, какъ у нея... какъ мило!... Настя, ты видѣла: похлопочи, сдѣлай, чтобъ сегодня я была покрасивѣе.

Настенька вспомнила, что гувернантки иногда исполняютъ должность субретокъ...

— Ты и такъ хороша, отвѣчала она отъ чистаго сердца, но воображая, что льститъ, какъ это неизбежно въ ея положеніи.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ ей Хотницкій, появляясь изъ за кузовъ, мимо которыхъ онѣ проходили.

Онъ, конечно, не могъ слышать всего разговора дѣвушекъ, на-затаго довольно-далеко отъ мѣста, гдѣ они встрѣтились; но оживленіе и вмѣстѣ смущеніе Ольги показало ему ясно, что разговоръ былъ задушевный. Хотницкій могъ не безъ основанія предполагать, что рѣчь шла и о немъ, а эта мысль была ему пріятна. Ужь не разъ и довольно-неотвязно вспоминался ему вопросъ Прасковьи Александровны: «которую изъ этихъ двухъ дѣвушекъ вы любите?» Хотницкій зналъ, что не любилъ Настеньки, но въ послѣднее время, видясь попеременно то съ Прасковьей Александровной, то съ Ольгой, онъ начиналъ спрашивать себя: которую изъ нихъ онъ любить? Еслибъ Залѣская не пріѣхала въ деревню и Хотницкій не познакомился съ нею, ему бы не пришло на мысль разбирать свои чувства, также, какъ Ольга не догадалась бы, что любить его. Появленіе посторонней все рѣшило: и Ольга и Хотницкій увидѣли, что они несовсѣмъ-чужіе другъ другу, и что ихъ дружба есть что-то другое. Ему бывало пріятно и съ той и съ другой; но послѣ свиданія съ Прасковьей Александровной онъ чувствовалъ какое-то, хотя пріятное, но мучительное головокруженіе; а день, проведенный въ Кружковѣ, вспоминался ему какъ-то тихо, отрадно, такъ, какъ ему хотѣлось бы

провести всю свою жизнь. Онъ начиналъ сравнивать обихъ этихъ женщинъ, восхищался граціей свѣтской дамы, но забывалъ о ней совершенно, вдругъ вообразивъ предъ собою блестящія, черныя глаза Ольги. Онъ высоко цѣнилъ страсть къ наукѣ, которую выказывала Прасковья Александровна, незатруднявшаяся ни мудренымъ терминомъ, ни рѣзкимъ выраженіемъ; но ему бывало очень пріятно учить Ольгу, и его очень радовала ея понятливость. Онъ даже не подозрѣвалъ, что его ученица знала больше, нежели та, которая удивляла его своими познаніями. При Ольгѣ онъ чувствовалъ себя свободнѣе; ему случалось досадовать на нее, но не случалось никогда скучать съ нею. Самая досада всегда кончалась или полнымъ сознаніемъ, что онъ былъ неправъ, или грустью, заставлявшей его искать, не могутъ ли они сойтись въ чемъ-нибудь другомъ, если не удавалось сойтись въ одномъ. Въ послѣдніе дни Хотницкій началъ утомляться бестдой Прасковьи Александровны; съ-тѣхъ-поръ, какъ она назвала это утомленіе грубостью понятій, онъ, можетъ-быть, изъ самолюбія, пересталъ упрекать себя въ грубости понятій; прихоть, заставившая его вдругъ привязаться къ женщинѣ, въ которой, какъ ему казалось, онъ находилъ осуществленіе своего идеала, эта прихоть начинала слабѣть, хотя онъ и не сознавался въ этомъ. Его самого сбивали съ толку мгновенныя пробужденія привязанности, въ родѣ того, которое онъ испыталъ наканунѣ въ свою вечернюю встрѣчу: въ такія минуты онъ не могъ сказать себѣ, кого онъ любитъ—а это считалъ онъ необходимымъ. Любя, какъ ему казалось, Прасковью Александровну, онъ, однако, пошелъ на встрѣчу Ольгѣ, зная, гдѣ встрѣтъ ее. Ему хотѣлось поздравить ее какъ-можно менѣе-церемонно. Идя полями, онъ обдумывалъ свою рѣчь, задуманную наканунѣ, о челоѣчествѣ и пониманіи жизни, и думалъ такъ крѣпко, что еще несосвѣмъ забылъ ее, когда Ольга была ужъ въ двухъ шагахъ. Онъ только невольнo началъ комплиментомъ, вмѣсто другаго, блистательнаго вступленія, уже готоваго въ его головѣ.

— Ахъ, здравствуйте! сказала Ольга, которой смущеніе прошло отъ истиннаго удовольствія. — Какой славный случай завелъ васъ сюда?

— Почему же случай, а не мое желаніе? спросилъ Хотницкій, еще немного забывая свою рѣчь. — Я зналъ, что вы пойдете къ обѣднѣ и спѣшилъ поздравить васъ прежде всѣхъ, по-крайней-мѣрѣ постороннихъ.

— Поздравляйте же, сказалъ она весело и съ чувствомъ, потому-что ее тронули слова его, сказанныя просто и съ чувствомъ.

— Желаю вамъ, продолжалъ Хотницкій, заглядываясь на нее:— всегда остаться тѣмъ, что вы есть, на радость всѣмъ, кто васъ любитъ... Это почти совѣтъ, вмѣсто поздравленія, прибавилъ онъ, смущаясь.

— Дѣ... сказала она, смущаясь тоже:— и въ немъ больше желанія для другихъ, нежели для меня.

— Для васъ всегда будетъ довольно быть радостью другихъ, отвѣчалъ онъ, совсѣмъ забывъ и общечеловѣческія идеи и Прасковью Александровну, и затрудняясь выразить то, что чувствовалъ въ эту минуту.

Онъ шелъ подлѣ нея; имъ было какъ-то особенно-хорошо вмѣстѣ, хотя оба не знали, что сказать, желая сказать очень-много. Ольга повторяла себѣ, что она счастлива; Хотницкій отдавался безъ оглядки простому и прямому чувству, родившемуся очень-давно, но странно-непонятому сначала, а впоследствии еще страннѣе запутанному. Оно объяснялось теперь, и по его необыкновенному спокойствію Хотницкій понималъ, что оно истинно.

— Я несъ вамъ подарокъ, сказалъ онъ, ощутивъ въ боковомъ карманѣ своего пальто рамку портрета.

Ольга покраснѣла отъ удовольствія: это вниманіе доказывало, что Хотницкій думалъ о ней даже больше, нежели она ожидала.

— Благодарю заранее, отвѣчала она. — Покажите.

Она протягивала руку за подаркомъ смѣло, какъ женщина любимая. Хотницкій досталъ своего Гоголя. Но когда онъ снималъ бумагу, въ которой былъ завернуть портретъ, у него мелькнула странная мысль: этотъ подарокъ показался ему неудачнымъ; отъ него повѣяло какимъ-то педантствомъ, какой-то претензіей, какой-то натянутой восторженностью—словомъ, тѣмъ-то, что было совсѣмъ не у мѣста послѣ словъ, сказанныхъ за минуту. Мировыя идеи улетѣли куда-то, и Хотницкій какъ-то смутно догадался, что онъ не могли бы улетѣть, еслибъ были искренни и въ-самомъ-дѣлѣ «нераздѣльны съ его существомъ», какъ казалось ему съ вечера. Ему стало неловко и чего-то совѣстно. Говорить о Гоголѣ послѣ полупризнанія въ любви!... Хотницкій такъ хорошо вспомнилъ людей, способныхъ говорить обо всемъ во всякое время, такъ оцѣнилъ ихъ пустоту и забавную сторону, такъ живо почувствовалъ, что похожъ на нихъ, что, еслибъ было возможно,

онъ уничтожилъ бы несчастный портретъ въ эту минуту... Но портретъ былъ уже въ рукахъ Ольги.

— Какъ? сказала она, взглянувъ на него и поднимая глаза на Хотницкаго : — вы разстанетесь съ нимъ? Но это память вашихъ милыхъ университетскихъ годовъ, работа вашего лучшаго друга.

Она была тронута. Хотницкій схватилъ и поцаловалъ ея руки; онъ былъ восхищенъ ею выше всѣхъ словъ: эта вѣчная гонительница всего смѣшнаго не только не нашла его смѣшнымъ, она припомнила то, о чемъ онъ, педантъ, забылъ совершенно, и придала его подарку высокую и истинную цѣну, о которой онъ и не думалъ. Хотницкій не смѣлъ вообразить такой доброты, такой понятливой нѣжности чувства; онъ былъ благодаренъ Ольгѣ болѣе, нежели за прощеніе.

— Вы вспомнили, что этотъ портретъ мнѣ дѣрогъ, сказалъ онъ:—теперь-то я и прошу васъ взять его.

И онъ и Ольга съ каждой минуты болѣе-и-болѣе находили, что слова или невозможны или излишни. Ольга хотѣла сказать: «благодарю васъ», но только взглянула на Хотницкаго и взяла подарокъ молча. За-то она обратилась съ нимъ къ своей подругѣ:

— Посмотри, Настя.

— Теперь у васъ передъ глазами будетъ вѣчно-готовый предметъ спора, сказала Настенька.

— О, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Хотницкій, которому умозрѣнія, гипотезы, отвлеченныя толкованія представились будто привидѣнія среди бѣла-дня. — Нѣтъ, я больше не спорю ни о чемъ и никогда!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказала Ольга, засмѣявшись его довольно-забавному испугу. — А женственность? конецъ толкамъ и о ней?

— О ней прежде всего. Теперь, болѣе нежели когда-нибудь, сознаю, что я въ ней ничего не понимаю.

Настенька засмѣялась въ свою очередь.

— Будетъ у тебя сегодня Прасковья Александровна? спросила она Ольгу.

Этотъ вопросъ сконфузилъ Хотницкаго; Ольгу онъ разсердилъ. Это была не первая странная выходка Настеньки въ это утро; но теперь она возмущала такую пріятную минуту, что выдержать было еще труднѣе. Ольга была принуждена притвориться, чтобъ отвѣчать спокойно:

— Не знаю. Маменька никого не звала заранѣе; а если кто пріѣдетъ — очень-рады.

Хотницкій звалъ, что она прїѣдетъ : еще вчера онъ самъ напомнилъ ей, почти просилъ ее. Теперь онъ не могъ сказать, что боится этой встрѣчи, но желалъ бы не встрѣчаться. Его привязанность къ Ольгѣ была истинна; но у этой привязанности еще не доставало силы быть откровенной... Онъ не сталъ разбирать этого, а сказалъ просто, въ глубинѣ души своей : «какъ это глупо!»...

Потомъ вообразился ему деревенскій обѣдъ, чуть-ли не въ полдень, деревенскія барыни въ голубыхъ шпальяхъ, деревенскіе франты и прочее, и среди этого Ольга, вѣчно-довольная своимъ обществомъ... Ему хотѣлось бы, чтобъ Прасковья Александровна видѣла ее по-крайней-мѣрѣ не въ-духъ.

И онъ самъ сталъ не въ-духъ отъ разныхъ нелѣпостей, которыя, по привычкѣ, начали возвращаться ему въ голову. Довольно-молчаливо дошелъ онъ до перекрестка, отказался проводить дѣвушекъ до ихъ дома и отправился къ себѣ, сказавъ, что прїѣдетъ позже.

— Съ чего тебѣ вздумалось помянуть эту Залѣскую? спросила Ольга Настеньку, когда онъ остались одни.

— Чтобъ посмотреть, что съ нимъ будетъ, отвѣчала Настенька.

— Было изъ чего хлопотать! Ты только испортила наше гулянье.

— Боже мой! почему же я знала, что тебѣ это будетъ непріятно? Ты почти вспылила при немъ... Конечно, такъ, продолжала Настенька, которой стало совѣстно, что Ольга не возражала ей:— и, наконецъ, не лучше ли было убѣдиться, хоть такъ, любить ли онъ ее. Теперь ты сама видѣла...

— Ее любить нельзя, рѣзко сказала Ольга, убѣждаясь, что всѣми нелюбезностями своей подруги она обязана Прасковьѣ Александровнѣ.

V.

Въ два часа, въ Кружковѣ собрались уже гости, и въ залѣ начали накрывать столъ. Это не мѣшало дѣтямъ бѣгать и вертѣться вмѣстѣ съ дѣтьми прїѣзжихъ гостей и шумѣть подъ довольно-шумные сборы къ обѣду. Двѣ молоденькія дѣвушки, схвативъ подъ-руки Настеньку, расхаживали тутъ же, рассказывая ей какой-то секретъ, какъ всегда это дѣлаютъ дѣвушки, невидавшіяся нѣсколько дней. Легко можно было догадаться, что дѣло шло о

задушевномъ юности съ длинными русыми кудрями, который рисовался въ дверяхъ гостиной, повидному, чрезвычайно-занятый разговоромъ съ пожилымъ помѣщикомъ, сколько извѣстно, говорившимъ всегда только о серьезныхъ предметахъ. Юноша былъ воспитанникъ какого-то учебнаго заведенія, прїѣхавшій на ваканцію къ родителямъ, но ужь успѣвшій усвоить себѣ «много глубокихъ убѣжденій» и смотрѣвшій на жизнь «не шутя»; потому-то онъ и не обращалъ вниманія на деревенскихъ дѣвицъ, которыя для него, «право, для него», какъ признавались онѣ Настенькѣ, нарядились въ пышныя платья съ прекраснѣйшими пестрыми оборками. Юношѣ тоже не очень нравилось, что мать его, все-еще по привычкѣ, звала его Мишенькой и рассказывала о его прилежаніи и благонавіи своей знакомой, такой же какъ она, полной и румяной дамѣ, сидѣвшей подлѣ нея на диванѣ въ гостиной. Катерина Петровна занимала двухъ другихъ дамъ, пользовавшихся тѣмъ же интереснымъ предметомъ разговора. Почти всѣ въ гостиной говорили о воспитаніи, приводя примѣры, какъ оно удавалось или не удавалось; сожалѣли, радовались, смѣялись, какъ это бываетъ вездѣ и всегда. Бесѣда была довольно-шумная; въ ней принимали участіе еще два господина: одинъ, худенькій старичокъ, которому, какъ было замѣтно, непременно хотѣлось спорить; другой, человекъ еще молодой, высокій, загорѣлый, веселый, съ длинными усами и нѣсколько-размашистыми манерами, которому, казалось, хотѣлось непременно согласить всѣхъ. Наконецъ, въ креслахъ, подлѣ хозяйки, помѣщался священникъ, почетный гость, лицо, къ которому часто обращались за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ, а у окна, въ отдаленіи, сидѣлъ совсѣмъ-безмолвный старый отставной майоръ, занятый единственно своею пѣнковой трубкой, изъ которой онъ выпускалъ удивительныя колечки дыма.

Въ наше время, когда городскія привычки, городская роскошь съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе входятъ въ деревенскую жизнь, когда даже при очень-ограниченныхъ средствахъ являются претензіи на щегольство, а при очень-ограниченномъ образованіи — на хорошій тонъ, такое общество, какое собралось у Катерины Петровны, почти рѣдкость. Тутъ была еще деревня въ ея старинномъ значеніи; она еще имѣла своихъ представителей въ этихъ барыняхъ, сознававшихся, что онѣ сами входятъ во все въ своемъ хозяйствѣ, въ этихъ господахъ, читавшихъ, какъ говорили они, «только отъ скуки». Правда, и они дѣлали уступки требованіямъ

новаго времени: маменьки уже позволяли молодымъ дочерямъ переколоть по-своему банты ихъ старомодныхъ чепцовъ; отцы, хотъ и нѣсколько-недовѣрчиво, а ужъ слушали юные толки о «новыхъ убѣжденіяхъ»; но съ вида кружковское общество было похоже на общество, какое было двадцать лѣтъ назадъ.

Ольга стояла на балконѣ съ молодой дамой, женой серьезнаго помѣщика, съ которымъ разговаривала юноша. Эта дама выражала собою новыя условія и новыя обычаи. Она была маленькій законодательницей модъ въ своемъ краю и одѣвалась, подражая по-возможности и невсегда-удачно моднымъ картинкамъ. Воспитанная въ какомъ-то пансіонѣ, она говорила по-французски очень бойко, хотя и не очень-правильно, читала много романовъ, любила танцовать, разыгрывала роль маленькой царицы на уѣздныхъ балахъ, и потому позволяла себѣ немножко злословить и носмѣиваться надъ почтенными поклонницами старины, осуждавшими ея поступки. Впрочемъ, и злословіе и осужденіе никогда не заходили далеко; не бывало ни ссоръ, ни размолвокъ, ни объясненій, которыя часто хуже и того и другаго. Всѣ знали, что Олимпиада Николаевна «добрая душа» и не называли ея иначе; она была готова плакать надъ всякой чужой бѣдой, отдать последнее, подвергаясь гнѣву своего расчетливаго супруга, запутаться въ неприятности, лишь бы выручить иногда даже незнакомаго человѣка. Она была вѣчно весела и общалась долго остаться молодою. Ольга любила ее; Хотницкій находилъ, что она скучна своей пустотой и маленькими претензіями.

Хотницкій пріѣхалъ въ это время, и едва успѣлъ поклониться Катеринѣ Петровнѣ и именинницѣ, какъ его заключилъ въ объятія молодой помѣщикъ, а старичокъ предложилъ ему вопросъ: что, по его мнѣнію, ученіе: свѣтъ, какъ полагали до-сихъ-поръ, или тьма, какъ признаетъ онъ самъ? Общество дамъ, какъ-то не взявъ въ толкъ этого вопроса, не могло разрѣшить его и запутывало такими положительными примѣрами, что самъ спорщикъ началъ теряться. Пріятель Хотницкаго рѣшилъ его разожь.

— Э, помиуйте! прервалъ онъ: — все свѣтъ: и ученье свѣтъ и неуčenje свѣтъ, какъ случится. Вотъ онъ, Василій Дмитричъ, учился и вышелъ человѣкомъ; а я не учился и все-таки живу-себѣ, слава Богу. Дѣло, кажется, ясное.

— Помиуйте! вскричалъ старичокъ:—это не то. Вы говорите о душевныхъ свойствахъ, а я о познаніяхъ...

Споръ поднялся еще громче.

— Чтò это? сказала Олимпіада Николаевна Ольгъ довольно-громко, увидя, что Хотницкій стоитъ у дверей балкона: — какіе нынче мужчины стали нелюбезные! слòва не скажутъ, чтобъ можно было ихъ слушать съ удовольствіемъ; просто, одолѣвають или ученостью или политикой.

— Пускай-себѣ, отвѣчала тихо Ольга: — нѣчего имъ за тò и выговаривать; они, пожалуй, догадаются, что намъ безъ нихъ скучно.

Хотницкій слышалъ ея отвѣтъ, и отвѣтъ ему понравился, не смотря на то, что не нравилась ему Олимпіада Николаевна: Ольга такъ мило давала совѣтъ, будто шутя и соглашаясь съ той, которой совѣтовала.

— Ахъ, какія вы милыя, право! Намъ, конечно, въ своей компаніи нескучно, когда знаешь другъ друга коротко, какъ мы съ вами, а какъ наберутся постороннія, да вычурныя... Будетъ къ вамъ Залъская?

— Не знаю; можетъ-быть.

— Сейчасъ Анна Ивановна сказывала, что какъ она ѣхала мимо ихъ дома, такъ видѣла, что карету закладывали: вѣрно, къ вамъ собирается. Я думаю, часа четыре за туалетомъ просидѣла... Любопытно на нее посмотрѣть; я еще ея не встрѣчала. Хороша она? Я съ ней хочу познакомиться.

Хотницкій пришелъ въ волненіе. Онъ ждалъ Прасковью Александровну и, убѣдясь въ это утро, что любитъ Ольгу, не могъ вообразить, что женщина свѣтская, разборчивая, «необыкновенная», найдетъ ее объ-руку съ такой нецеремонной, неизящной особой. Олимпіада Николаевна хочетъ ей представляться! Неужели Ольга возьмется ихъ знакомить?

— О чемъ задумались? спросилъ его молодой помѣщикъ. — Пойдемте-ка лучше на балконъ: тамъ пріятнѣе.

— Милости просимъ, Сергій Петровичъ, отозвалась ему Олимпіада Николаевна.

Хотницкій былъ очень-радъ, что она оставила Ольгу.

— Кажется, сказалъ онъ Ольгъ: — Олимпіада Николаевна съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ Залъскую.

— А я отъ всей души желаю, чтобъ она не дождалась, отвѣчала Ольга.

— За чтò жь это? Со стороны Залъской это будетъ вниманіе...

— Вы знаете, что я дорожу добрымъ расположеніемъ ко мнѣ, отвѣчала Ольга: — но Залъская...

Ея слова и разговоръ другихъ были прерваны стукомъ и звономъ разбитыхъ тарелокъ; вслѣдъ затѣмъ въ залѣ раздался дѣтскій плачь.

— Что тамъ, Оленька? спросила Катерина Петровна.

Ольга побѣжала взглянуть; гости были встревожены, кромѣ юноши, который чрезъ плечо оглянулся въ залу и потомъ снова принялъ свою горделиво-спокойную позу въ дверяхъ.

— Если разбили что, не бѣда—это знакъ къ прибыли, объяснила одна гостья Катеринѣ Петровнѣ.

— Лишь бы не случилось чего съ пирогомъ, замѣтилъ старичокъ.

— Успокойтесь, сказала Ольга, возвращаясь : — пирогъ цѣлъ и невредимъ и его сейчасъ подадутъ. Это только нашумѣли дѣти:

— Пошли къ нимъ няню, Оленька.

— А хорошъ будетъ пирогъ, Ольга Григорьевна? обратился къ ней старичокъ, любезничая.

— Великолѣпный! отвѣчала она съ восхищеніемъ.

— Не-уже-ли даже лучше прошлогдняго?

— Какое сравненіе! За этимъ я сама хлопотала—вотъ увидите.

— За что ни возьмется, барышня, во всемъ художница!

— Вы радуетесь моему новому таланту? спросила Ольга Хотницкаго, который смотрѣлъ на нее, улыбаясь.

— Нѣтъ, восхищаюсь старыми, отвѣчалъ онъ тихо : — вашему умѣнью принять все къ сердцу, даже мелочи, сказать всякому что-нибудь...

— По его вкусу?... ай, какое остроуміе! прервала она, смѣясь.

Въ эту минуту двѣ барышни возвратились изъ залы, держась за руки; но, увидѣвъ, что Ольга говоритъ съ Хотницкимъ, какъ будто не посмѣли подойти къ нимъ и усѣлись какъ можно ближе къ юношѣ. Вслѣдъ за ними вошла Настенька, нѣсколько-сконфуженная, ведя дѣтей и направляясь къ балкону. Ольга оставила ее.

— Куда ты, Настя?

— Въ садъ. Въ залѣ они все шалятъ.

— Пошли ихъ къ нянѣ; Богъ съ ними! Не уходи, сдѣлай милость.

— Я думаю, это моя обязанность, возразила Настенька и прошла.

Ольга покраснѣла. Хотницкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ вслѣдъ Настенькѣ.

— Чтѣ съ нею? спросилъ онъ.

— Вы спрашивали, за чтѣ я не люблю Залъскую? отвѣчала Ольга очень-тихо, но встревоженная: — прежде мнѣ только не нравились ея странности, но теперь у меня есть настоящая причина, просто, не любить ея... Чтѣ еще наговорила она Настенькѣ, чтѣмъ она ее возмутила, что Настенька стала на себя непохожа въ эти три недѣли? Замѣтили ли вы?... Я вамъ говорю это, только вамъ; я не признаюсь и маменькѣ, какъ меня мучить эта перемѣна! Въмѣсто друга, сестры, подлѣ меня посторонняя, которая отталкиваетъ мои ласки, которая мнѣ недовѣряетъ! И это все дѣло Залъской, ея выпреннихъ, глупыхъ фразъ — я увѣрена. Знаете ли, что я огорчена какъ только возможно, что я оскорблена, что я сержусь...

— Можеть-быть, вы ошибаетесь, возразилъ Хотницкій, думая, однако, что за фразами у Прасковьи Александровны дѣло не станеть.

— Не ошибаюсь; это такъ есть. Всякій разъ, какъ Настенька побываетъ у нея, то становится холоднѣе, своенравнѣе. Это начинается замѣчать и маменька, сколько я ни стараюсь скрыть... Повѣрите ли, чтѣ я иногда дѣлаю? я лгу, говорю маменькѣ, что Настенька нездорова, чтобъ извинить ея дурное расположеніе духа... Вотъ несчастіе, котораго я не ожидала. Еслибъ я могла знать, чтѣ ей толкуеть Залъская!

— Разспросите ее.

— Развѣ это можно разспрашивать?... Я такъ рѣзка — я это знаю; мнѣ никогда не разувѣрить ея словами.

— Ее разувѣрятъ ваши поступки; вѣдь вы не перемѣнились къ ней?

— Могу ли я къ ней перемѣниться?

— Такъ подождите, она одумается; это капризь; онъ пройдетъ. Повторяю, вы сами, можеть-быть, ошибаетесь.

— Оленька! кажется, Залъская прѣвхала, сказала Катерина Петровна, подходя къ нимъ.

Какъ существо мыслящее, Прасковья Александровна ничего не дѣлала безъ анализа: поэтому, собираясь ѣхать на именины Ольги, она спросила себя, чтѣ она дѣлаетъ, какую цѣль можеть имѣть этотъ поступокъ, а главное, каково его нравственное значеніе для нея самой и для тѣхъ, кого она увидить на этомъ праздникѣ? Она хотѣла бы не ѣхать, но вспомнила, что *люди* не осудятъ ея (какое дѣло ей до ихъ осужденій!), но оскорбятся, сочтутъ ея

уступку эстетическому требованію души—за невниманіе. Она рѣшилась лучше страдать. Зная, что великіе смертные никогда не могут слишкомъ умалиться предъ малыми, она рѣшилась снизить до конца; въ ея памяти промелькнули волшебныя сказки: Фея готовилась нарядиться дряхлой старушонкой, отречься отъ власти, знанія и прелести... «Для чего?» вдругъ мрачно спросила себя Прасковья Александровна.

Она принялась жалѣть о себѣ до такой степени, что, еслибъ съ ней былъ кто-нибудь, напримѣръ, Настенька, она убѣдила бы ее непременно, что съѣздить въ Кружкѣво, побыть тамъ нѣскольکو часовъ—все-равно, что съ болью оторвать что-то отъ своего сердца, отъ своего ума... Прасковья Александровна не надѣялась убѣдить Хотницкаго.

Онъ будетъ тамъ, у ногъ своей деревенской красавицы. Чтѣ жь? онъ выбралъ тѣ, чтѣ ему по-плечу, тѣ, чтѣ не ставить его каждую минуту на мѣсто своимъ превосходствомъ. Въ ней, видите ли, «прелесть непосредственности»! Не доказать ли ему, какъ дешева эта прелесть, какъ просты ея приемы? Внутренно женщинѣ съ образованіемъ и сердцемъ можно истерзаться, но наружно—ничего нѣтъ легче, какъ выказать эту «непосредственность», то-есть чувствительную, необразованную пошлость...

Прасковья Александровнѣ стало много легче съ той минуты, какъ она завидѣла впереди нѣчто въ родѣ побѣды надъ соперницей: она рѣшилась затмить ее своей изящной простотой, своимъ сдержаннымъ величіемъ.

Предполагая, что всѣ бросятся къ ней на встрѣчу, что она будетъ цѣлью всѣхъ этихъ необразованно-нецеремонныхъ взглядовъ, она вошла осторожно, такъ явно желая быть незамѣченной, что это всѣ замѣтили. Зная, что деревенскія жительницы щеголяютъ пестротой наряда, она выбрала классическій нарядъ героини романа, желавшихъ одѣваться просто: «воздушное» бѣлое платье и букетъ геліотроповъ на груди. Кружкѣвскія гости, зная цѣну «всякому лоскуту», испугались дороговизнѣ этой простоты, едва взглянули на нее.

— Excusez-moi, de grâces, заговорила она, обращаясь къ Ольгѣ, и вдругъ, очень-замѣтно спохватившись, продолжала порусски: простите, что я не прислала поздравить васъ, а пріѣхала незваная; но мнѣ сказали, что это можно; и въ-самомъ-дѣлѣ, между сосѣдями...

Вся, кто былъ въ гостиной, прѣехали незваные, и многимъ стало какъ-будто неловко: они какъ-будто получили урокъ. Оговорка, что «въ-самомъ-дѣлѣ, между сосѣдями» значила только, что въ такой глуши, пожалуй, все съ рукъ сходить.

— Милости просимъ, сказала Катерина Петровна, указывая мѣсто на диванъ.

Прасковья Александровна съ поклономъ отказалась отъ этой чести, мимоходомъ взглянувъ на двухъ полныхъ дамъ, сидѣвшихъ на диванъ, и помѣстилась въ креслахъ, такъ-что у многихъ явилось подозрѣніе, что она отказалась больше для свѣжести своего платья.

— О чемъ же я думаю! сказала она съ дѣтской игривостью, взявъ руку Ольги: — я привезла вамъ букетъ, дорогая именинница. Хотницкій, потрудитесь его спросить.

Въ деревняхъ не подносятъ букетовъ именинницамъ — это западное обыкновеніе еще не вошло въ моду; еще менѣе существуетъ тамъ короткость, съ которой Прасковья Александровна слегка кивнула головой молодому человѣку и послала его за букетомъ. Необыкновенная женщина удивляла, сколько ни старалась примѣниться къ тону общества.

Она подала букетъ Ольгѣ, поцаловала ее еще разъ и старалась не видать, какъ дѣвицы подошли посмотреть на этотъ подарокъ; ихъ любопытство казалось ей неприличнымъ, что даже нѣсколько выразилось на ея лицѣ; но, рѣшившись не измѣнять своему изящному внутреннему страданію ни словомъ, ни поступкомъ, Прасковья Александровна опять пріятно улыбнулась и сказала, садясь:

— О чемъ же вы здѣсь поговаривали?

Этотъ вопросъ нѣсколько удивилъ общество и остался безъ отвѣта, хотя Прасковья Александровна рассчитывала на его граціозную безцеремонность. Замѣтивъ, что общество было еще менѣе въ-состояніи понимать ее, нежели даже сколько она надѣялась, она продолжала:

— Хорошо, когда садовники сами охотники до цвѣтовъ: я никакъ не надѣялась, что найду свой садъ въ такомъ порядкѣ.

— Къ вашему прѣзду, вѣрно, готовились, отвѣчала ей Анна Ивановна, мать задумчиваго юноши, который смотрѣлъ на свѣтскую даму съ самымъ оживленнымъ вниманіемъ.

— Еслибъ сами здѣсь изволили жить, продолжала другая гостья: — все было бы въ порядкѣ.

— Ахъ , Зорькино такъ хорошо ! возразила съ увлеченіемъ Прасковья Александровна : — я такъ люблю деревню...

— А рѣдко сюда жалуете ; да никакъ въ первый разъ .

— Дѣ , въ первый разъ...

— То-то же .

— Вы осмотритесь хорошенько , вѣкъ не выѣдете ! заговорили дамы , очень-довольныя , что пріѣзжая обратилась къ нимъ съ разговоромъ и искренно желая поддержать его .

— Домъ безподобный у васъ ; вы , я думаю , не знаете , какую комнату выбрать сидѣть цѣлый день : всѣ хороши .

— Право ; а церковь тутъ и есть . Намъ инымъ до прихода верстъ десять , а вамъ съ крыльца на крыльцо .

— Черезъ садъ , прибавила другая гостья : — съ балкона вся служба слышна .

Прасковья Александровнѣ было какъ-то неловко , что эти особы знаютъ даже расположеніе ея комнатъ .

— Здоровье не позволяетъ мнѣ жить въ деревнѣ , возразила она тихо среди шумнаго разговора .

— Здоровье ? а чѣмъ вы нездоровы ?

— Здѣсь воздухъ одинъ чего стоить ! помилуйте !

— Матушка , повѣрьте вы мнѣ (сказала громче другихъ толстая Анна Ивановна , увлекаясь до того , что положила свою руку безъ перчатки на пышную кисею гостьи) , не думайте вы о здорьевѣ , лучше будетъ ; кушайте больше...

— Вѣдь это вамъ по комплекціи , Анна Ивановна , прервала другая гостья : — а онѣ , посмотрите , какія худыя...

— Ахъ , Лизавета Кирилловна , да вѣдь и я худа была !

Прасковья Александровна покраснѣла и , воспользовавшись споромъ двухъ дамъ , слегка потянула свое платье изъ-подъ руки Анны Ивановны .

— Вы чѣмъ нездоровы ? спросилъ старичокъ-помѣщикъ , садясь подлѣ нея .

— Вы докторъ ? спросила Прасковья Александровна , вспыхнувъ еще разъ и невольно взглянувъ на него съ негодованіемъ .

Дамы расхохотались , а съ ними и старичокъ , принявъ это за самую милую шутку . Онъ принялся выхвалять искусство уѣзднаго доктора , который , по его словамъ , больше зналъ , чѣмъ иныя европейскія знаменитости , и Прасковья Александровна страдала еще болѣе оттого , что пошлость осмѣливалась говорить что-ни-

будь непошрое. Дамы утверждали, что спасеніе въ однихъ домашнихъ средствахъ. Старичокъ возразилъ имъ, что полагаться на эти средства, значитъ, полагаться на случай. Ему удалось толкнуть разговоръ на отвлеченныя разсужденія, до которыхъ, казалось, онъ былъ охотникъ.

— Какой же это случай? вовсе не случай! возражала Лизавета Кирилловна:— я знаю, что если я на ночь напьюсь малины сухой...

— Признаёте ли вы судьбу? спрашивалъ старичокъ Прасковью Александровну.

— Какая тутъ судьба, батюшка? Судьба въ одномъ замужствѣ, прервала Анна Ивановна: — той ужъ не избѣжишь...

— А тутъ, продолжалъ старичокъ: — если я пью вашу малину, я думаю: не то она поможетъ мнѣ, не то нѣтъ; я разсчитываю на неизвѣстное; нѣчто въ родѣ предопредѣленія—не правда ли? прибавилъ онъ, обращаясь къ Прасковѣ Александровнѣ.

Прасковья Александровна наклонила голову къ своему букету изъ геліотроповъ. Всѣ эти люди казались ей странны, антипатичны въ высшей степени; она не находила въ себѣ силъ говорить съ ними, смотрѣть на нихъ. Она оглянулась съ отчаяніемъ: Катерина Петровна занималась другими гостями; Ольги не было въ комнатѣ. Прасковья Александровна догадалась, что она, какъ истинная провинціальная хозяйка, хлопочетъ о послѣднихъ приготовленіяхъ къ обѣду. Хотницкій разговаривалъ на балконѣ съ своимъ молодымъ пріятелемъ, съ священникомъ и съ мужемъ Олимпіады Николаевны. Онъ замѣтилъ взглядъ Прасковьи Александровны и подошелъ къ ней.

— Вамъ скучно? спросилъ онъ очень-тихо.

— Мнѣ скучно?... О, нѣтъ! отвѣчала она громко и съ усиленіемъ, отъ котораго странно звучалъ ея голосъ.

— Однако мнѣ такъ показалось, продолжалъ Хотницкій тихо.

— Не спрашивайте меня, сказала она, нѣсколько теряясь. — Прилично ли здѣсь, что вы говорите со мною тихо?... Гдѣ Настенька?

— Въдъ супругъ вашъ у себя въ деревнѣ? спросила ее Лизавета Кирилловна.

— Мой мужъ?... Дѣ, отвѣчала Прасковья Александровна, будто пробуждаясь отъ сна и заставляя себя понимать, что ей говорили. — Дѣ, онъ въ Твери.

— Что жъ, онъ сюда къ вамъ пожалуетъ, или вы къ нему поѣдете?

«Этимъ людямъ все нужно знать!...» подумала Прасковья Александровна, и отвѣчала вслухъ: — Я все лѣто останусь въ Зорькинѣ.

— Такъ-съ, хозяйничать, денежки копить...

— А зимой ужъ вмѣстѣ съѣдетесь съ вашимъ супругомъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ? спросилъ старичокъ, любезничая.

— Я на зиму уѣду въ Парижъ, отвѣчала Прасковья Александровна, не выдержавъ болѣе характера.

Но ея отвѣтъ не удивилъ никого и не встрѣтилъ возраженій. Путешествія за границу сдѣлались очень-обыкновенны, и деревенскіе жители примирились съ мыслью, что богатые люди могутъ ихъ позволять себѣ. Лизавета Кирилловна не могла помнитися съ другой мыслью.

— Супругъ вашъ тоже поѣдетъ? спросила она.

— Ему нельзя: онъ служить, отвѣчала Прасковья Александровна.

— Ахъ, да, слышала я: онъ тамъ предводителемъ, въ своемъ уѣздѣ. Слышала, слышала. Прекраснѣйшій человѣкъ вашъ супругъ.

— То-то онъ безъ васъ скучать будетъ! замѣтила неотвязчивая Лизавета Кирилловна.

Прасковья Александровна страдала; она не ждала, что эти люди не только впутаются въ ея хозяйство, образъ жизни, понятія, но даже не пощадятъ ея семейной жизни, ея чувствъ. Она поняла всю невозможность примѣниться къ этимъ людямъ, выносить ихъ грубость не грубя и не терзаясь; она поняла, что ихъ ничѣмъ нельзя оскорбить, потому-что они не поймутъ оскорбленія. Съ негодованіемъ взглянула она на Хотницкаго, который, должно признаться, не понимая причины этого негодованія, сконфузился и предложилъ ей взглянуть на цвѣтникъ съ балкона.

— Тамъ пуан-де-вию прекрасный, сказалъ старичокъ, вставая за нею.

Прасковья Александровна оглянулась на него чрезъ плечо и, бросивъ огненный взглядъ на тѣхъ, кто былъ на балконѣ, сказала Хотницкому:

— Вы предлагаете мнѣ пережѣнить point-de-vue, чтобъ видѣть другихъ оригиналовъ? Пойдемте.

— Чтѣ съ вами? спросилъ Хотницкій, совершенно-изумленный.

— Что может быть со мной? Вы хотѣли, чтобъ я была здѣсь — я здѣсь. Вы должны быть довольны. Успокойтесь; я умѣю держаться прилично.

Она не напрасно совѣтовала ему успокоиться: Хотниціи былъ взбѣшонъ. Ничего нѣтъ досаднѣе, какъ глупость женщины, которая намъ нравится. Хотниціи наблюдалъ за ней съ самой первой минуты, и ея принужденность, замѣтная уступчивость и самоумаленіе выводили его изъ себя; но онъ могъ бы еще обмануться, еслибъ эти послѣднія слова, сказанныя ему на ухо трагическимъ шопотомъ, и этотъ сверкающій взглядъ, не доказали, что «необыкновенная женщина» пользуется случаемъ порисоваться, что она не хочетъ понять, какъ обидно ея гордое смиреніе, какъ неловка эта комедія; слова Прасковьи Александровны доказали, что у ней не было ни искренности, ни доброты...

— Что жъ вы слышали или видѣли непріятнаго? спросилъ Хотниціи въ досадѣ, забывая, что этотъ оживленный разговоръ вполголоса можетъ обратить на себя общее вниманіе.

— Послѣ! сказала она, выходя на балконъ.

Двѣ дѣвицы стояли тамъ, держась за руки Олимпіады Николаевны. Прасковья Александровна слегка поклонилась ей и, увидя Настеньку въ цвѣтникѣ, поспѣшно и необыкновенно-граціозно сошла къ ней. Онѣ обнялись. Хотниціи замѣтилъ, что Настенька сдѣлалась еще задумчивѣе послѣ нѣсколькихъ словъ, которыя сказала ей Прасковья Александровна. Онѣ стали ходить по дорожкѣ передъ балкономъ.

— Пойдемте же отсюда, сказала Олимпіадѣ Николаевнѣ одна изъ барышень: — она скажетъ, что мы нарочно стоимъ, чтобъ смотрѣть на нее.

Два часа назадъ, Хотниціи назвалъ бы эти слова глупой провинціальной выходкой, теперь онъ подумалъ, что они едва-ли не справедливы. Ему стало тяжело. Онъ не могъ хладнокровно убѣждаться, что женщина, которую онъ почти любилъ, не заслуживала любви; онъ разобралъ, сколько было несноснаго въ ея образованности, сколько было требовательности въ ея «всепрощающей любви» къ человѣчеству; онъ спрашивалъ себя, какъ ни одна изъ сильныхъ, прекрасныхъ (какими онѣ казались ему до-сихъ-поръ) способностей души ея не пригодилась для оживленія этого простаго круга? какъ въ этой душѣ не нашлось ни одного добраго чувства, ни одного ласковаго слова для тѣхъ, кто встрѣтилъ ее, какъ умѣлъ, ласково? Не-уже-ли ничтѣ «великое»

не годится для мелкаго свѣта , или это «великое» не то , чѣмъ оно кажется , когда стоитъ одно , безъ сравненій и непримѣняемое къ дѣлу?... Хотницкій не могъ улыбнуться своей вѣчной привычкѣ къ разбору , но разсердился самъ на себя за то , что все еще разбиралъ невольно. «Она добра» подумалъ онъ: «но ее отталкиваетъ внѣшность ; я осуждаю ее напрасно. Тамъ , гдѣ ея чувство можетъ проглянуть въ изящной формѣ , оно проглянетъ...

— И такъ проходитъ все ваше время , мой бѣдный другъ? громко сказала Прасковья Александровна Настенькѣ , проходя у балкона. — Васъ лишаютъ даже и *этого* общества , васъ отдаляютъ , чтобъ вы и тутъ не мѣшали...

Хотницкому стало стыдно за нея.

Они услышали , что зовутъ обѣдать. Гости поднялись , зашумѣли. Хотницкій оставался на своемъ мѣстѣ : ему не хотѣлось встрѣчаться съ Прасковьей Александровной.

— Прасковья Александровна! Настя! милости просимъ! сказала Ольга , выбѣжавъ на балконъ и не замѣчая Хотницкаго.

Хотницкій видѣлъ , какъ необыкновенная женщина пожала руку Настенькѣ , будто желая проститься съ нею и придать ей мужества; обѣ прошли , не обращая на него вниманія , также и Ольга , которая остановилась въ дверяхъ : къ ней подошелъ священникъ. Въ гостиной не было больше никого.

— Я все выбиралъ время вамъ отчетъ отдать , сказалъ священникъ. — Исполнилъ ваше порученіе.

— Какое? спросила Ольга , забывая , потому-что торопилась.

— А въ Дятловомъ дворѣ сгорѣлъ ; вы поручили мнѣ переслать деньги. Сегодня мой родственникъ оттуда пріѣхалъ ; уже гдѣсь покупаютъ , хотя въ стройтсья.

— Ахъ , слава Богу! сказала Ольга съ радостью. — Какъ я вамъ благодарна , батюшка! Никто не могъ меня такъ утѣшить , какъ вы.

— Такъ нарочно и хотѣлъ , для дня ангела. А какъ же вы ихъ утѣшили ! Я хотѣлъ-было васъ не послушать : сказать имъ отъ кого...

— Чтò вы! какъ можно! вскричала Ольга , испугавшись : — я нарочно васъ просила , была въ васъ увѣрена...

— Я вѣдь только такъ сказалъ ; будьте спокойны...

— Сохрани Богъ , не говорите никому , прервала Ольга : — этого и маменька не знаетъ. Деньги были собственно мои : я вышивала одно модное шитье , Настя переслала его въ Москву , къ

своимъ знакомымъ , и его тамъ дорого купили. Маменька и не знаетъ, что я работала.

— Когда же вы успѣвали?

— Ночью ; въ четыре мѣсяца много можно было вышить... Пожалуйте кушать... Ради Бога, батюшка, не сказывайте никому. Вы одни это знаете, да Настя. Вы Настю такъ огорчите , а я... я не знаю, какъ васъ просить... Дайте мнѣ честное слово.

— Господь васъ благослови, дяю вамъ слово, отвѣчалъ расстроганный старикъ, уходя за нею.

Хотницкій смотрѣлъ вслѣдъ Ольгѣ, и въ душѣ его было какъ-то хорошо и больно.

«Боже мой!» говорилъ онъ самъ себѣ: «молоденькая дѣвушка, хорошенькая, небогатая, сидитъ цѣлую ночь надъ пальцами и трудится не для себя, а для бѣднаго, который даже не узнаетъ ея имени! Сколько тутъ мужества, кротости, благородства!.. Я зналъ объ этихъ погорѣлыхъ, я бы могъ сдѣлать для нихъ вдвое-больше, нисколько не трудясь, а не пришло же мнѣ это въ голову! И такъ все просто, безъ романическихъ затѣй, и никто не знаетъ этого тайнаго благодѣянія, и никто не можетъ подозрѣвать, что она его сдѣлала: она бѣдна сама... И какая-нибудь модница надѣнетъ ея шитье , не воображая какія руки его работали!»

Хотницкій совершенно забывалъ, что изъ всѣхъ гостей, онъ одинъ не являлся къ обѣду.

— Василий Дмитричъ, гдѣ вы? сказала Ольга, входя на балконъ: — что съ вами сдѣлалось?

— Я васъ такъ люблю, Ольга Григорьевна, отвѣчалъ онъ, схвативъ ея руки и цалул ихъ, что съ ума сойду, если вы меня не любите!

Взглядъ его былъ такъ искрененъ, голосъ такъ прерывался, все, что онъ наговорилъ потомъ, было такъ хорошо-безсвязно, что Ольга, счастливая столько же, сколько и онъ, сама не помня какъ, нѣсколько разъ повторила :

— Я люблю васъ.

Эта сцена долго бы не кончилась, еслибъ не прервалъ ея шумъ, раздавшійся въ гостиной. Кружковскій домъ былъ невеликъ; тѣснота залы не позволила всѣмъ гостямъ помѣститься за однимъ столомъ, и потому многіе безцеремонно брали свои приборы и сѣдлись къ другимъ столикамъ. Олимпиада Николаевна и двѣ барышни шумно побѣжали въ гостиную, преслѣдуемая старичкомъ, котораго они не хотѣли принимать въ свое общество.

— Пойдемте, сказала Ольга.

Хотницкій сообразилъ въ одну минуту, что съ этой минуты онъ больше не разстанется съ Ольгой. Ему было хорошо и весело на душѣ; ему хотѣлось дѣлиться весельемъ со всѣми; онъ зналъ, что ничѣмъ не можетъ столько угодить Ольгѣ, какъ занимая и оживляя ея гостей; онъ сказалъ себѣ, что это даже его обязанность, и принялся исполнять ее съ увлеченіемъ. Онъ спорилъ съ старичкомъ, былъ любезенъ съ Олимпіадой Николаевной, смѣшилъ барышень, и наконецъ въ полчаса на столько заслужилъ ихъ дружбу и довѣріе, что предложилъ имъ привести изъ залы за ихъ столъ Михайла Федоровича, юношу, который такъ сильно занималъ ихъ. Хотницкому хотѣлось видѣть Ольгу, которая была въ залѣ.

Ольга не садилась за столъ: это дозволяется въ деревняхъ, гдѣ думаютъ больше объ угощеніи гостей, нежели объ этикетѣ. Между-тѣмъ, какъ ея мать занимала почетное мѣсто хозяйки и заботилась только поддерживаніемъ разговора, Ольга распоряжалась, приказывала, приходила и уходила, находя время сказать пріятное слово, посмѣяться, поблагодарить за привѣтствіе. Она была счастлива, и мать радовалась, глядя на ея милое, оживленное лицо и не догадываясь о причинѣ этого счастья. Хотницкій подошелъ къ Ольгѣ въ то время, какъ она угощала стараго отставнаго майора, котораго наконецъ заставила разговаривать. Всѣ знали, что это умѣетъ сдѣлать одна Ольга, и всякій разъ поздравляли ее, когда ей удавалось.

— Можно вызвать туда молодаго человѣка? спросилъ Хотницкій Ольгу: — тамъ его хотятъ видѣть.

— Пожалуй, отвѣчала Ольга.

Они оглянулись оба разомъ: юноша сидѣлъ напротивъ, рядомъ съ Прасковьей Александровной, которая говорила что-то съ жаромъ и вполголоса.

— Когда она успѣла очаровать его? сказалъ Хотницкій, едва удерживаясь отъ смѣха.

Ольга не улыбнулась: она была такъ счастлива, что не могла насмѣхаться.

Прасковья Александровна очаровывала мгновенно: идя къ обѣду, въ дверяхъ, она уронила свой букетъ; юноша, стоявшій у этихъ дверей и постоянно несводившій съ нея глазъ, поднялъ геліотропы, за что и услышалъ слабое «merci» произнесенное такъ, какъ никогда не скажетъ провинціальная дѣвица. Вслѣдствіе

чего, онъ бросился подать ей стулъ, когда она садилась, и самъ схватился за другой, рядомъ съ нею.

— Вы сядете здѣсь? спросила Прасковья Александровна.

— Ici, madame, отвѣчалъ юноша, не робѣя: въ этихъ двухъ словахъ онъ былъ увѣренъ.

И онъ сѣлъ.

Въ нѣсколько минутъ онъ исчерпалъ до дна все свои вокабулы, услуживая Прасковью Александровну и сопровождая каждую услугу приличнымъ поясненіемъ:

— De l'eau, madame?

— Du sel, madame?

И такъ далѣе.

— Мишенька мой какой ловкій кавалеръ будетъ! замѣтила, не стѣсняясь, Анна Ивановна своей сосѣдкѣ.

— Видишь, пострѣлёнокъ! а я его въ люлькѣ качала!

Прасковья Александровна тихо и плавно обратила взоръ на несчастнаго. Кровь бросилась ему въ лицо: школьничій аппетитъ, неоставлявшій его и среди любезностей, исчезъ въ минуту; юноша не зналъ, куда взглянуть, и еще менѣе зналъ, что сказать.

Необыкновенная женщина поняла его.

— Какой родъ службы вы намѣрены избрать? спросила она тихо.

— Ему, матушка, еще три года надо въ заведеніи пробыть, отозвалась всеслышающая Анна Ивановна.

— Приѣзжайте въ Москву, продолжала Прасковья Александровна, не обращая на нее вниманія. — Оставьте этотъ курсъ ученія, который не можетъ развить ни чьихъ способностей, а только стѣснять ихъ. Вамъ нужно болѣе, и вы сами это понимаете.

Юноша ничего не понималъ и никогда не размышлялъ объ этомъ предметѣ; онъ сконфузился, хотя чувствовалъ себя очень пріятно. Прасковья Александровна снизошла ободрить его.

— А жизнь! продолжала она: — вамъ нужно болѣе жизни, что-нибудь полите, изящнѣе... шире, досказала она наконецъ, найдя слово. Здѣсь вы стѣснены — не правда ли?

— Конечно, отвѣчалъ онъ, еще колеблясь. — Здѣсь, въ деревнѣ, какая свобода?

— Въ деревнѣ? Я думала въ деревнѣ и раздолье, сказала она, желая заставить его думать и высказываться.

— Нѣтъ-съ, въ городѣ много лучше. Здѣсь что? Тамъ знакомые, товарищи: не видишь какъ время летитъ... на крылахъ.

Ему показалось необходимымъ выразиться нѣсколько-изысканно.

— Вы много бываете въ обществѣ?

— Общество у насъ превосходное, отвѣчалъ онъ смѣло, между-тѣмъ, какъ необыкновенная женщина взглянула на него съ состраданіемъ.

«Какая богатая натура!» подумала она и сказала задумчиво:

— Вы не знаете общества!

Юноша вспыхнулъ: онъ обидѣлся.

— Вы знаете, что сказалъ Декартъ... одинъ великій мыслитель, пояснила Прасковья Александровна: — «чтобъ узнать истину, надо разъ въ жизни отрѣшиться отъ всѣхъ усвоенныхъ себѣ понятій». Вамъ, чтобъ узнать общество, надо совсѣмъ забыть то, которое до-сихъ-поръ вы знали.

Онъ окончательно не понималъ ея.

— Вы заинтересовали меня, продолжала Прасковья Александровна, не подозрѣвая этого непониманія: — пріѣзжайте ко мнѣ въ Зорькино.

У нея мелькнула мысль показать ему въ лицахъ, или, вѣрнѣе, въ самой себѣ то общество, о которомъ она говорила.

— Я замѣчаю, васъ удивляютъ мои слова; вы будто слышите что-то новое, что душа ваша предвкушала безсознательно, чему она не находила слова или названія—это такъ; на первый разъ это всегда такъ. Вы переходите отъ тьмы къ свѣту; но вы желали свѣта, и онъ открывается предъ вами... На одну минуту я явилась вамъ тѣмъ, что я есмь, только вамъ—замѣйте это, и замѣчайте мой тонъ, мой разговоръ съ другими; онъ ужь не то: онъ размѣренъ по ихъ понятіямъ, развѣшенъ на грани для ихъ умовъ... какъ имъ слѣдовало бы развѣсить пицу для ихъ слишкомъ-крѣпкихъ желудковъ. Взгляните, какъ кушаютъ!

Послѣднее замѣчаніе весьма-грустно напомнило юношѣ, что онъ пропустилъ уже три блюда, и что приходится откланяться и прекраснѣйшей индѣйкѣ, когда-либо украшавшей птичій дворъ села Кружкова. Онъ отъ души позавидовалъ другому сосѣду Прасковьи Александровны, Сергѣю Петровичу, который взялъ два куска этого жаркаго и вѣлъ съ такимъ удовольствіемъ, что на него было весело смотрѣть.

— Собакевичъ... сказала Прасковья Александровна, указавъ на него юношѣ.

Юноша расхохотался; это было понятно.

— Не правда ли, какъ вѣрно, какъ истинно онъ схваченъ?..

— Вѣрно и истинно; только позвольте замѣтить, что вы его понимаете вполнину, возразилъ Сергѣй Петровичъ, оставляя на минуту свое жаркое. Собакевичъ не тѣмъ только Собакевичъ, что ѣсть, а тѣмъ, что онъ во всемъ грубъ, рѣзокъ съ-плеча. Я не имѣю чести быть вамъ извѣстнымъ на столько, чтобъ вы могли найти это полное сходство. Извините, что я вмѣшался въ разговоръ; но рѣчь шла обо мнѣ, стало-быть, я имѣлъ нѣкоторое право; а мое замѣчаніе чисто-литературное.

Онъ взялся опять за ножикъ и вилку. Прасковья Александровна слегка растерялась; ее вывели изъ затрудненія поздравленія, которыя начались въ эту минуту: пили здоровье Ольги; но тутъ только она увидѣла, что Хотницкій былъ близко и, слѣдовательно, могъ слышать литературное замѣчаніе своего пріятеля. Ей стало неприятно; надо было поправить дѣло: она знакомъ подозвала Хотницкаго. Онъ подошелъ, не скрывая насмѣшливой улыбки. У него, какъ у очень-многихъ, было дурное и вмѣстѣ натуральное чувство: онъ какъ-то радовался, что женщина, которую онъ больше не любилъ, выказалась еще разъ смѣшною; этимъ еще разъ оправдывалось его охлажденіе въ его собственныхъ глазахъ.

— Я сдѣлала глупость, сказала ему тихо, пофранцузски, Прасковья Александровна.—Вы были правы, говоря, что я неосмотрительна какъ ребенокъ...

Хотницкій никогда не говорилъ ей ничего подобнаго и хорошо это помнилъ.

— Еслибъ вы знали, мнѣ теперь такъ неловко, стыдно...

Она ребячилась; ему стало досадно на смѣшную роль ея руководителя, которую она хотѣла дать ему, и потому онъ все молчалъ, насмѣшливо ожидая, что она еще скажетъ. Прасковья Александровна поняла это иначе: она вообразила, что Хотницкій обидѣлся ея внимательностью къ школьнику и... ревнуетъ. Мысль была великолѣпна; она за нее схватилась.

— Этотъ бѣдный молодой человекъ, *il est si intéressant*. Какъ иногда въ-самомъ-дѣлѣ напрасно затериваются и способности и теплота сердца!... Я говорила съ нимъ; вы меня знаете...

— Я знаю вашу чувствительность, сказалъ Хотницкій.

— Вы спѣшите поздравить... ah, pardon, я задержала васъ.

Всѣ встали и окружили хозяйку. Олимпиада Николаевна и барышни прибѣжали изъ гостиной. Поздравленія были очень-шумны, такъ-что Прасковья Александровна готовилась сдѣлать небольшой жестъ утомленія, въ надеждѣ, что его замѣтитъ Хотницкій; но

Хотницкій не замѣчалъ ее: онъ поспѣшилъ вслѣдъ за Ольгой, которая подходила къ матери; они обмѣнились взглядомъ.

— Поздравляю тебя, моя голубушка, сказала Катерина Петровна, обнявъ Ольгу.

— Поздравь меня еще съ радостью, мамà, сказала ей Ольга на ухо.

Катерина Петровна подняла глаза на Хотницкаго, который стоялъ передъ нею: для матери все стало ясно; и когда Хотницкій, цалуя ея руку, поздравлялъ ее съ именинницей, она отвѣчала ему тихо, сквозь слезы:

— И васъ также...

Потомъ она опять обила и поцаловала дочь, и хотя никто изъ гостей не понималъ причины ихъ слезъ, но всѣ были тронуты.

Катерина Петровна оправилась прежде всѣхъ, и всякая «необыкновенная женщина» непременно похвалилась бы мужествомъ и присутствіемъ ума, еслибъ сумѣла сказать такъ спокойно, какъ сказала она:

— Милости просимъ садиться: мы еще не кончили. Ты весь порядокъ разстроила, Оленька.

Она только удержала Хотницкаго, который поставилъ себѣ стулъ сзади ея стула и, подъ предлогомъ поздравленій, нѣсколько разъ цаловалъ ея руки, пока гости были заняты пирожнымъ.

Юноша подъ-шумокъ воспользовался временемъ и нѣсколько утолилъ свой голодъ.

Вставъ изъ-за стола, все общество отправилось въ гостиную, гдѣ былъ готовъ десертъ и кофе. Катерина Петровна и Ольга исчезли на минуту: имъ было необходимо сказать другъ другу нѣсколько словъ; но Ольгѣ нѣчего было долго рассказывать. Гости были заняты и не замѣтили ихъ отсутствія. Возвращаясь, Катерина Петровна встрѣтила Настеньку, подъ-руку съ Прасковьей Александровной.

— Чтò съ тобой, душа моя? спросила она ее:—и голосу твоего неслышно сегодня. Здорова ли ты?

Настенька поблагодарила, конфузясь отъ этой ласки, потому что ее видѣла Прасковья Александровна.

— Богъ-знаетъ чтò съ ней сдѣлалось, продолжала Катерина Петровна, обращаясь къ гостѣ: — все была весела, вдругъ точно кто ее сглазилъ. Я говорю ей, прибавила она тихо, смѣясь и вмѣстѣ растроганная, потому-что думала о дочери: — если ты влюблена, скажи мнѣ: какъ-нибудь горю поможемъ.

— Кого же любить здѣсь? сказала Прасковья Александровна.

— Да кого-нибудь; мало ли хорошихъ людей... Пойдите мнѣ, помочь Оленькѣ, посадить своихъ гостей дорогихъ за карточки. Вы не играете ли?

— Никогда! отвѣчала Прасковья Александровна.— Уйдемте въ садъ, сказала она Настенькѣ, едва отошла Катерина Петровна.— Васъ посадятъ, пожалуй, составлять кому-нибудь партію; бывало это?

— Иногда...

— Какъ страненъ Хотницкій! Вы знаете его отношенія ко мнѣ; у него недостаетъ мужества даже при этомъ обществѣ держаться откровенно... даже просто говорить со мной. Онъ ко мнѣ не подходитъ — замѣтили вы это? И я его побѣдила немножко за обѣдомъ...

— Настя, милочка, сказала, встрѣчая ихъ, Ольга: — куда ты?

— Мы идемъ въ садъ, отвѣчала Прасковья Александровна съ достоинствомъ.

— Такъ я и васъ попрошу подождать немного, сказала Ольга. — Меня зовутъ, а тамъ Олимпиада Николаевна вздумала пѣть, ищетъ ноты и ничего не найдетъ. Помогите ей, Настя. У меня столько хлопотъ! Оживите наше общество, сдѣлайте милость; всѣ что-то заскучили послѣ обѣда... Какой я тебѣ скажу секретъ, Настенька! сказала она, въ заключеніе поцаловавъ свою подругу и убѣжала.

— Какъ все это любезно! замѣтила Прасковья Александровна. — Впрочемъ, пойдете, покоримся необходимости. Мнѣ любопытно видѣть...

Она не досказала. Она ужъ успѣла создать въ своемъ воображеніи драму, которую разыграетъ Хотницкій, замѣтя любовь юноши къ необыкновенной женщинѣ. А юноша влюбится непременно. Онъ будетъ сумасшествовать въ зорькинскомъ паркѣ; въ темную ночь онъ взойдетъ на террасу и на колѣняхъ, передъ освѣщенною дверью, будетъ биться головой о плиты (*Il frappera les dalles de son front*). Тогда растворится эта дверь, она явится и скажетъ:

— Дитя! но я десять лѣтъ старше васъ!...

Тутъ Хотницкій... Можно было бы посоветовать воображенію Прасковьи Александровны создать развязку еще занимательнѣе: предположить внезапный пріѣздъ господина Зальскаго, развязку тѣмъ полнѣйшую, что въ ней рѣшилась бы кстати и судьба Хот-

ническаго; но Прасковья Александровна почему-то не останавливалась на этомъ предположеніи.

Олимпиада Николаевна, окруженная дѣвицами, пѣла французскій романсъ, любезничая съ Сергѣемъ Петровичемъ. Остальное общество сидѣло за картами, въ гостиной. Юноша бродилъ тамъ же и, увидя Прасковью Александровну, послѣдовалъ за нею, какъ тѣнь, хотя въ нѣкоторомъ отдаленіи. Олимпиада Николаевна акомпанировала слабо, пѣла невѣрно и произносила очень-турно; тѣмъ неменѣе и слушатели и она сама были довольны.

— Общались я не пѣть вамъ этого романса, сказала она Сергѣю Петровичу: — да такъ, сама не знаю для чего пою.

— Почему же?

— Вы слышите, что въ немъ говорится? «Ты меня оставилъ, побинулъ; воротись сюда хочешь, а я все тебя буду любить».

— Такъ и сказано? Что жъ? Это прекрасно. Премилая особа, которая такъ говоритъ. Такъ и слѣдуетъ.

— Слышите? Вотъ, всѣ такіе мужчины! И нѣчего вамъ это пѣть... Не правду ли я говорю? обратилась она вдругъ къ Прасковьѣ Александровнѣ.

— Я съ вами совершенно согласна, отвѣчала Прасковья Александровна, желая отомстить Сергѣю Петровичу за его литературныя мнѣнія. — Самолюбіе мужчинъ видитъ себя во всемъ.

— Также, какъ самолюбіе женщинъ ничего не замѣчаютъ.

— Я не понимаю этого, возразила Прасковья Александровна рѣзко. — Я говорю, что мужчины готовы принять на свой счетъ даже пустой романсъ, если онъ льститъ ихъ самолюбію.

— А я хотѣлъ сказать только, что часто женщины не замѣчаютъ даже непріятнаго впечатлѣнія, которое производятъ... ихъ недостатки. Этотъ романсъ учить, какъ быть доброй,нисходятельной, а вы его пѣть не хотите, Олимпиада Николаевна. Спойте хоть что-нибудь другое.

Онъ такъ явно оставилъ разговоръ съ Прасковьей Александровной, что она рѣшилась не уступать ему.

— Гдѣ вы учились пѣть? спросила она Олимпиаду Николаевну, которая ужъ взяла аккордъ.

— Въ пансіонѣ; а то въ Москвѣ я десять... двѣнадцать уроковъ взяла, отвѣчала Олимпиада Николаевна, испугавшись, что забыла счесть два урока своего замоскворѣцкаго учителя.

— У кого?

Олимпиада Николаевна скороговоркой назвала какое-то дикое имя, между-тѣмъ, какъ Прасковья Александровна бросила бѣглый взглядъ на несовсѣмъ-ловко-спитый лифъ одной изъ дѣвицъ. Сергій Петровичъ облокотился на фортепьяно и наблюдалъ.

— Чтò жь, Олимпиада Николаевна? вы было начали...

— А вы поете? спросила Олимпиада Николаевна, взявъ еще аккордъ.

— Я не смѣю назвать пѣніемъ мое пѣніе, отвѣчала Прасковья Александровна.

Олимпиада Николаевна стала спокойнѣе и, бросивъ Сергью Петровичу немножко-кокетливый взглядъ, начала опять тотъ же французскій романсъ. На этотъ разъ она еще смѣлѣе фальшивила, кончила страшнымъ стукомъ и, вскочивъ съ табурета, вскричала:

— Ну, теперъ довольно!

Она бросилась на диванчикъ; дѣвицы увлекли Пастеньку къ окну; Прасковья Александровна осталась одна у фортепьяно съ задумчивымъ юношей.

— Какъ прелестно поютъ Олимпиада Николаевна! сказалъ онъ, призывая всю свою смѣлость.

— Вы находите? спросила она, присѣвъ на табуретъ и подививъ на юношу сострадательно-испытующій взоръ.

И вслѣдъ за тѣмъ она заплѣла тотъ же самый романсъ, вѣрно и выразительно, какъ артистка, аккомпанируя какъ ученица знаменитостей, и произнося какъ парижанка.

Бѣдная Олимпиада Николаевна покраснѣла до слезъ. Нѣкоторые изъ гостей оставили карты и явились слушать. Торжество Прасковьи Александровны было полное. Оставался совершенно-нечувствителемъ Сергій Петровичъ да старый майоръ, сидѣвшій на балконѣ у окна этой комнаты. Онъ на минуту разстался съ своей трубкой и сказалъ Хотницкому, стоявшему подлѣ него:

— Сръзала она нашу барыньку! Хотя бы спѣла-то что-нибудь другое...

Прасковья Александровна уклонилась отъ комплиментовъ; она сказала себѣ, что удовлетворила жаждѣ души своей, желавшей звуковъ, и что ей больше нѣтъ дѣла до глупаго восхищенія этихъ людей... конечно, глупаго: развѣ сейчасъ они не восхищались голосомъ Олимпиады Николаевны? Имъ все-равно...

Она вышла изъ комнаты. Юноша послѣдовалъ за нею. Имъ встрѣтился совершенно-равнодушный Хотницкій.

— Я увлеклась, тихо сказала ему Прасковья Александровна: — и вижу, что сдѣлала еще неосторожность. Меня стануть преслѣдовать... Какъ бы мнѣ хотѣлось бѣжать отсюда куда-нибудь!

Хотницкій не отвѣчалъ ничего, понимая неловкость этихъ странныхъ а-parte; но Прасковья Александровна приняла его холодность за выраженіе сильнѣйшей ревности.

«У этого челоуѣка, однако, есть характеръ», подумала она. — Вы сердитесь? спросила она вслухъ.

— За что? сказалъ съ нетерпѣніемъ Хотницкій.

— За что? Боже мой, вы ужасны!... Что я сдѣлала?

Она «трепетала», какъ намѣревалась она выразиться, описывая впоследствии эту сцену въ своихъ мемуарахъ.

— Вы, вѣроятно, стани? вамъ угодно ѣхать? спросилъ Хотницкій.

— О, нѣтъ! Я останусь, почти вскричала она: — я останусь, потому-что хочу остаться! вы не заставите меня уѣхать!

Она стремительно сбѣжала въ садъ. Тамъ, подъ акаціями, пріютились барышни, оплакивая потерю Михайла Федоровича, окончательно прикованнаго къ свѣтской дамѣ. Онъ слѣдовалъ за нею, конечно, въ отдаленіи, стороной, а все-таки слѣдовалъ; проходил, онъ сорвалъ длинную былинку вереска и обкусывалъ ее до семечекъ—признакъ любви и задумчивости. Прасковья Александровна вспомнила, что еще не говорила съ дѣвицами, и онѣ могутъ сказать, что она неприступна. Поэтому она неожиданно явилась предъ ними, ступая осторожно по песчаной дорожкѣ.

— Mesdames, сказала она, придавая дѣтскую звучность своему голосу:—дайте мнѣ мѣстечко между вами: я ужасно устала и не нашла другой скамейки.

Одна изъ дѣвицъ вскочила, уступая мѣсто; то же готовилась сдѣлать и другая; но Прасковья Александровна схватила ихъ за талия.

— Нѣтъ, душки, нѣтъ! Кому не будетъ мѣсто, та сядетъ ко мнѣ на колѣни.

Но въ эту минуту лицо ея выразило страданіе; она вскрикнула и отдернула руку.

— Ахъ!... скажите вашей горничной, моя милая, чтобы она лучше прятала концы булавокъ.

На ея тонкомъ пальчикѣ съ длиннымъ ногтемъ и десяткомъ дорогихъ колець была кровь. Дѣвицы перепугались.

— Это мнѣ подѣломъ, за то, что я сняла перчатки, сказала Прасковья Александровна, успокоиваясь и забывая, что объ ея собесѣдницы были безъ перчатокъ съ утра.—Нынче шьютъ платья не иначе, какъ со шнуровкой, продолжала она:—это гораздо удобнѣе: нѣтъ расхода на булавки и не случается несчастій.

— Ахъ, это такое несчастье! сказали дѣвицы, еще не будучи въ силахъ отвѣчать ей шуткой.

— Какое у васъ доброе сердце, mesdames! Послѣ этого вы, стало-быть, всего боитесь. А еслибъ молодой человекъ, любимый вами... Любите вы кого-нибудь?

Она цѣлые полчаса занималась тѣмъ, что называла «вызываніемъ звуковъ въ пустотѣ», то-есть, разговоромъ съ бѣдными дѣвочками, жестоко-конфузившимися отъ вопроса ея. Прасковья Александровна предлагала свои вопросы нецеремонно, не скрывая сомнѣнія, поймутъ ли ее, если она выразится деликатнѣе; она размѣрляла и старалась приспособить къ понятіямъ слушательницъ свои объясненія—и для слушательницъ стало ясно, что она считаетъ ихъ совершенно необразованными и безчувственными. Стараясь держаться проще, шутя рѣзко, она заходила за границы простоты и рѣзкости и еще болѣе смущала особъ, которымъ рекомендовала свой веселый характеръ. Предположивъ, что всякая деревенскія дѣвушка скучаетъ стѣсненіемъ и желаетъ свободы, Прасковья Александровна напугала ихъ, подшучивая надъ ихъ маменьками и тѣтушками... Ей удалось оживиться самой, воображал, какъ она ловка въ этой новой роли. Когда пошла Настенька, она сказала ей пофранцузски:

— Еслибъ меня видѣлъ, полчаса назадъ, Jacques T... какъ я старалась заставить говорить этихъ куколъ!... Уйдемте отъ нихъ.

«Куклы» прекрасно поняли комплиментъ и, оставшись одиѣ, повторяли въ ужасѣ:

— Не-уже-ли свѣтскія дамы всѣ такія злыя?...

Съ отчаяньемъ бросились онѣ рассказывать свои приключенія Ольгѣ и Олимпіадѣ Николаевнѣ, которыя подходили. Олимпіада Николаевна была сильно разгнѣвана, и Ольгѣ стоило большаго труда уговорить ее не вступаться за барышень, что она намѣревалась сдѣлать, не зная, какъ отмстить за свою собственную неприятность, въ которой Ольга же, и съ такимъ же трудомъ, едва успѣла ее успокоить.

— О чемъ у васъ столько хлопотъ? спросилъ Хотницкій, на-

конецъ, встрѣтивъ Ольгу одну. — Вы не подарите мнѣ ни одной минуты.

— Все бѣды отъ Залѣской, сказала Ольга, разсмѣявшись.

Впрочемъ, хотя они и начали съ нея, а далѣе въ ихъ разговоръ не было и помина о Залѣской. Идя вдвоемъ по саду, они провели нѣсколько тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя не забываются потомъ во всю жизнь...

Прасковья Александровна завидѣла издали эту пару. Она не подозрѣвала еще всей истины, но смутилась.

— Ольга любить Хотницкаго? спросила она Настеньку.

— Да, отвѣчала Настенька, не затрудняясь сказать тайну Ольги той, которую уже считала своимъ лучшимъ другомъ.

— Прощайте, сказала Прасковья Александровна: — я увѣжаю. Завтра вечеромъ я выйду за вами.

Съ ловкостью свѣтлой женщины и вмѣстѣ съ поспѣшностью женщины страдающей, она пошла проститься съ Ольгой. Она такъ некстати прервала разговоръ влюбленныхъ, довольныхъ тѣмъ, что, наконецъ, они были одни на четверть часа въ-теченіе дня, что Ольга не удерживала ее остаться.

— Завтра я жду васъ къ себѣ непременно, сказала Прасковья Александровна: — непременно — слышите ли?

Еслибъ Ольга была способна волноваться изъ пустяковъ, она была бы въ-правѣ сдѣлать Хотницкому сцену за это трагическое прощаніе; но она только тихо разсмѣялась вслѣдъ Прасковьи Александровнѣ и сказала раздосадованному Хотницкому:

— Подите же, проводите ее.

Прасковья Александровна превосходно владела собою; она только сжала руку Хотницкаго и произнесла: «A demain!» такимъ голосомъ, какъ-будто завтра былъ рѣшительный день въ жизни обоихъ. Бросившись въ карету, она поспѣшила залиться слезами, увидя юношу, усердно-клянцвашагося ей изъ-за рѣшетокъ сада. Прасковья Александровна сказала себѣ, что она разбита всѣми ощущеніями дня, что слишкомъ-много ихъ послала ей на долю судьба... Человѣкъ ревнивый и холодный, пользуясь властью, которую имѣетъ надъ ея сердцемъ, не позволяетъ ея сердцу отдохнуть даже въ кроткомъ чувствѣ состраданія къ существу молодому и еще неразвитому; это существо развилось бы подъ благотворнымъ вліяніемъ любви къ ней — можетъ-быть, подъ вліяніемъ ея почти материнской любви; а теперь оно должно заглухнуть, погибнуть. Тутъ можно страдать не за себя, а во имя человѣче-

ства!... И чтобъ отмстить ей за минутное самолюбіе, ревнивецъ терзаетъ ее невнимательностью, оскорбительнымъ предпочтеніемъ грубой, дюжинной натуры...

Кто бы могъ отгадать во всемъ этомъ Хотницкаго и школьника, на котораго Прасковья Александровна обратила вниманіе вовсе не изъ любви къ человечеству?...

Неизвѣстно, какъ и чѣмъ стѣсняла Прасковья Александровна кружковское общество, но оно стало много-веселѣе послѣ ея отъѣзда. Вздумали танцовать, пили чай въ саду, бѣгали въ горѣлки, и Сергѣй Петровичъ заставилъ, наконецъ, развеселиться задумчиваго юношу, которому барышни, осмѣлившись, въ свою очередь, сказали по маленькой, почти-непонятной колкости за то, что онъ заинтересовался столичной дамой. Наконецъ, гости разъѣхались, Ольга и Настенька остались однѣ на балконѣ.

— Настенька, сказала Ольга: — онъ любитъ.

— Кто?

— Онъ; кто же больше? Хотницкій. Онъ сказалъ мнѣ... Какъ я счастлива, Настя! Прости меня, я не тебѣ первой это сказала, я сказала маменькѣ... Я счастлива цѣлый день, а ты узнаешь это только теперь; прости меня... Еслибъ ты знала, какъ мнѣ хотѣлось признаться тебѣ скорѣе...

— Чтò жь? сказала Настенька:—я должна быть довольна, что ты теперь говоришь мнѣ. Ты могла бы не сказать совсѣмъ, пока это совсѣмъ рѣшится.

— Чтò ты говоришь, Настя? спросила Ольга.

— Ничего. Вѣдь я тебѣ не родная...

— Богъ тебѣ судья! вскричала Ольга: — ты меня давно мучишь! Чтò жь такое наговорила тебѣ на насъ эта злая женщина? Какой романъ она тебѣ прочла? Въ ней нѣтъ на волосъ привязанности ни къ чему и ни къ кому, если она осмѣлилась, какъ-нибудь перетолковывать нашу привязанность къ тебѣ...

— Она только открыла мнѣ глаза на мое настоящее положеніе, возразила Настенька. Я бѣдна, живу — нанимаюсь... любить меня нѣкому, я всѣмъ чужая...

— Она говорила это?

— Я обязана заслуживать расположеніе иногда Богъ-знаетъ какими средствами, съ какими уступками сердца и совѣсти. Богъ-знаетъ, чтò ждетъ меня въ будущемъ... кто скажетъ мнѣ, тò ли въ-самомъ-дѣлѣ настоящее, чѣмъ оно мнѣ кажется?

— Это отвратительная женщина, для которой нѣтъ ничего святого! прервала Ольга съ гнѣвомъ и слезами.

— Она мой лучший другъ, возразила Настенька.

— Послушай, Настя, вскричала Ольга, бросаясь ей на шею: — прости меня. Я, можетъ-быть, зла, можетъ-быть, я огорчила тебя какъ-нибудь, сама не зная... ты права, если меня не любишь! Но маменька... не-уже-ли она что-нибудь сдѣлала противъ тебя? Скажи мнѣ, признайся; я ничего не скажу! За что ты испортила лучший день моей жизни, Настя? Тебѣ, можетъ-быть, скучно у насъ? Маменька давно говорить, что дѣти тебѣ надоедаютъ...

— Видите ли, ваша маменька ужъ говорить это!... прервала Настенька, тронутая сначала и еще сильнѣе волнуясь отъ послѣднихъ словъ Ольги.

— Она говорила, что тебѣ наскучаютъ чужія дѣти, потому что пріятнѣе ласкать своихъ; она думала устроить тебя...

— Отдать меня замужъ? За кого жъ это? Кто жъ удостоится взять меня?

— Для меня нашелся же человекъ, Настя?

— Да, единственный порядочный женихъ во всей этой глуши... А если я такъ горда, что признаюсь вамъ, что не считаю себя хуже васъ и не хочу быть женой какого-нибудь «хорошаго человека», идеала съ двадцатью душами, котораго преслѣдуютъ деревенскія маменьки...

— Боже мой! Залѣская свела тебя съ ума! прервала Ольга.

— Можетъ-быть!...

— Перестань дурачиться! продолжала Ольга: — теперь я вижу, что ты не тоскуешь, а блажишь...

— Извольте, если вамъ такъ больше нравится. Я обязана сносить и это.

— Ты сама не помнишь, что говоришь. Слушай: ты блажишь отъ скуки; эта свѣтская фразѣрка растолковала тебѣ превратно твою скуку — вотъ и все. Подожди немного. Мы повеселимся, поведемъ вмѣстѣ, куда хочешь: въ Москву, въ Петербургъ, будемъ слушать оперу, заведемъ себѣ самое милое, умное знакомство...

— Значить, я буду подъ покровительствомъ m-г и madame Хотницкихъ?

— Да, m-г и madame Хотницкихъ, повторила Ольга краснѣя, улыбаясь и обнимая ее.

— На какихъ же правахъ я буду въ ихъ домѣ?

— На правахъ сестры, я думаю.

— Сестръ не платять, возразила Настенька, отклоняясь отъ нея: — а обязываться кому-нибудь я не хочу.

Ольга не отвѣчала; она тихо плакала, но сказала чрезъ минуту довольно-твердо:

— Знаешь, Настя: мудрено было бы придумать, какъ огорчить меня въ нынѣшній день.

— А я съумѣла? Что жь дѣлать! Не умѣю забавлять, еще не выучилась... Придется поучиться и этому!... Впрочемъ, по всей вѣроятности, я послѣдній разъ васъ огорчаю, прибавила она нервнито.

— Это еще чтò? спросила Ольга, и ея немного-рѣзкій вопросъ подстрекнулъ злость Настеньки.

— То, что завтра я отправляюсь къ т-ше Залъской, на недѣлю: она звала меня... Надѣюсь, Катерина Петровна дастъ мнѣ этотъ отпускъ.

— Ни за чтò на свѣтъ! вскричала Ольга: — я скажу маменькѣ, что эта Залъская злая интригантка, отъ которой ты съ ума сойдешь!

— Сдѣлайте одолженіе, выбирайте слова, говоря объ особѣ, которую я уважаю!

— Настенька, прошу тебя, ради Бога!...

— Вы не можете простить ей, что вашъ обожатель ею занимается!

Ольга не могла нѣсколько минутъ выговорить слова.

— Настенька, сказала она наконецъ: — мы жили съ тобой какъ сестры... я этого не заслужила.

Она сошла съ балкона и ушла въ садъ. Настенька убѣжала наверхъ, въ свою комнату. Ольга возвратилась спокойная, если не веселая: Хотницкій былъ еще тамъ. Онъ, Катерина Петровна и Ольга не разставались до поздней ночи. У матери всегда найдется сказать многое жениху своей дочери.

Настенька плакала одна наверху и жаловалась, что ее всѣ забыли. Ольга помнила о ней, но когда приходила, подруга притворялась спящею.

VI.

На слѣдующее утро, проснувшись и еще не вставая, Прасковья Александровна вспоминала вчерашній день и обдумывала настоящій. Она такъ замечталась, что позабыла все ее окружавшес и почти не узнала своей горничной, подавшей ей два письма.

Почеркъ одного изъ нихъ былъ слишкомъ-знакомъ Прасковьѣ Александровнѣ, и потому, слегка сжавъ брови, она взялась за незнакомое.

Это были стихи — произведеніе задумчиваго юноши, скромно подписавшагося «Извѣстный вамъ...» и двѣ заглавныя буквы. Въ стихахъ кое-гдѣ не доставало мѣры и рифмы; но стоило ли обращать вниманіе не такія мелочи? Прасковья Александровна не смотрѣла на исполненіе — она видѣла намѣреніе; иначе, надо предполагать, особа съ такимъ строгимъ литературнымъ вкусомъ была бы строже въ своемъ приговорѣ.

Она распечатала другое письмо, принявъ болѣе-спокойное положеніе и какъ-будто заранѣе запасаясь терпѣніемъ. Письмо было отъ ея мужа. Съ ея лица исчезло томно-кокетливое выраженіе; глаза какъ-то неприятно засвѣтились; романическая женщина вдругъ подурнѣла, постарѣла: она смотрѣла самой капризной, злой женщиной.

Можно было не ошибаясь сказать, что въ письмѣ господина Залѣскаго рѣчь шла о деньгахъ; иначе гнѣвъ его жены принялъ бы другое выраженіе.

— Одѣваться! вскричала Прасковья Александровна, нетерпѣливо дергая звонокъ и производя болѣе шума, нежели сколько было нужно, чтобъ перепугать весь домъ.

Она говорила о себѣ, что она не зла, но фантастична (*fantasque*), что ей иногда входитъ въ голову испытывать «постоянное волненіе бѣшенства» (*l'émotion continuelle de la rage*): невозможно вообразить, сколько она волновалась и шумѣла, сколько она плакала и сколько она выпила успокоительныхъ капель въ это утро, остерегаясь, однако, успокоиться до конца, потому-что ждала Хотницкаго.

Хотницкій заставилъ себя долго ждать, но пріѣхалъ въ-время: онъ засталъ Прасковью Александровну въ горькихъ слезахъ; горничная, тоже очень-разстроенная, ухаживала вокругъ нея. Оба письма лежали на столѣ: Прасковья Александровна перенесла ихъ изъ своей спальни.

— Что случилось? спросил Хотницкій, испуганный не шутя.

— Прочтите, сказала она, указывая на письма и сомкнула глаза.

Хотницкому попалось стихотвореніе; онъ подумалъ, что его дурачатъ. Не имѣя терпѣнія дочитать, онъ бросилъ его на столикъ, всталъ и собирался уйти, но изъ учтивости спросилъ:

— Ничего больше?

— Развѣ этого мало? вскричала Прасковья Александровна.

— Слишкомъ-много, чтобъ заснуть стѣя, но чтобъ плавать...

— А! вы прочли... Пошадите меня отъ насмѣшки, простите меня; бѣдный молодой человѣкъ и безъ того слишкомъ-несчастливъ; не я прибавлю къ его несчастью... я такъ несчастна сама...

Хотницкому было скучно. Онъ пріѣхалъ единственно изъ учтивости, потому-что всѣ вчерашнія выходки Прасковьи Александровны жестоко разочаровали его. Онъ сказалъ себѣ, что не любилъ бы ея, еслибъ даже не любилъ Ольги. Необыкновенная женщина показалась ему несносна, взыскательна, зла, а прощаясь съ своей невѣстой (онъ ужъ имѣлъ право такъ называть Ольгу) и узнавъ причину слезъ ея и всю исторію Настеньки, Хотницкій не находилъ болѣе извиненія для Прасковьи Александровны. Но Прасковья Александровна плакала... Въ человѣкѣ съ добрымъ сердцемъ еще долго сохраняется, если не уваженіе, то состраданіе къ слезамъ; даже теряя и то и другое, онъ старается осушить эти слезы, хотя бы для успокоенія своей собственной совѣсти.

«Можетъ-быть, у нея въ-самомъ-дѣлѣ какое-нибудь горе», подумалъ Хотницкій, видя, что она взяла другое письмо и смутно вспоминая, что, недѣлю назадъ, ему было бы очень-тяжело ея горе.

— Потрудитесь прочесть, сказала немного-сухо и съ горечью Прасковья Александровна, отдавая ему письмо мужа. Тайны здѣсь нѣтъ. Читайте; здѣсь нѣтъ также отвлеченныхъ разсужденій, которыя могли бы утомить васъ... Вы будете моимъ судьей. Я еще никогда не говорила вамъ о моихъ дѣлахъ. Вы должны знать, что когда я шла замужъ, мои родные потребовали отъ Зальскаго, чтобъ онъ далъ мнѣ вексель на половину своего состоянія... Надо же было обезпечить, въ-самомъ-дѣлѣ, восемнадцатилѣтнюю женщину отъ цѣлой ватаги бабушекъ, братцевъ двоюродныхъ, троюродныхъ... почему я знаю! Онъ могъ умереть, и я бы осталась ни съ чѣмъ. Со мною распорядились такъ, что дали мнѣ въ приданое однѣ тряпки; впереди меня были еще три мои брата,

о которыхъ думали больше, нежели обо мнѣ... Ну, все-равно. Черезъ годъ послѣ свадьбы, Залѣскій покупаетъ это Зорькино, на мое имя—*quelle galanterie*, видите ли! А до-тѣхъ-поръ прикидывался, что у него нѣтъ денегъ. Является ко мнѣ его бабушка, старая вѣдьма, которая плела на меня тысячи небылицъ, и начинаетъ вразумлять меня, что съ моей стороны было бы благородно — она вздумала учить благородству! — еслибъ я уничтожила свой вексель. Я, видите ли, обезпечена теперь втрое противъ этого векселя: Зорькино — шестьсотъ душъ въ одномъ мѣстѣ... что я даже должна это сдѣлать изъ любви къ мужу, который прощаетъ мнѣ... не знаю, ужъ что онъ мнѣ прощаетъ. Я всегда была умна и устояла на своемъ: не отдала векселя. Кто зналъ, что могло случиться. Да вотъ теперь и случается. На меня дулись... я не смотрѣла. Залѣскій никогда ни слова мнѣ о векселѣ, хотя очень знаетъ, что вексель у меня. Я не знаю подобнаго лицемѣра. Мы шесть лѣтъ протянули вмѣстѣ въ Москвѣ, за границей, въ Петербургѣ; наконецъ онъ захотѣлъ служить, и отправился къ себѣ, въ Тверь... Я отдохнула послѣдніе четыре года, потому-что, конечно, не подумала вѣхать улаживать его дни въ провинціи... Теперь, вотъ это письмо. Я написала ему, что ѣду въ Парижъ зимою, и... прочтите, вы увидите.

Хотницкій прочелъ, не возражая:

«Ты шалишь, милая Паша; иначе бы тебѣ не пришло въ голову пугать меня такими ужасами. Тебѣ нужны деньги для поѣздки; ты спрашиваешь проценты по своему векселю и говоришь, что представишь его ко взысканію, если я не пришлю ихъ. Помилосердуй! чѣмъ я такъ провинился, что ты обѣщаешь мнѣ тюрьму? Не шутя, у меня нѣтъ ни гроша, то-есть, такого большаго, какой тебѣ нуженъ. Я съ годъ только расплатился за свое имѣніе, которое заложилъ для покупки Зорькина, и больше закладывать его не намѣренъ. Не совѣтую и тебѣ дѣлать это съ Зорькинымъ, потому-что, Богъ-вѣсть, когда мы будемъ въ-стояніи обернуться и его выкупить, а я ненавистникъ заложенныхъ имѣній. Подожди. Парижъ, говорятъ, все строится и украшается; къ будущей зимѣ онъ будетъ еще красивѣе, и я самъ повезу тебя посмотрѣть его. А на нынѣшнюю зиму, прикажи — я найму домъ въ Петербургѣ, и ты насмотришься на Марію, сколько тебѣ угодно».

— Какъ вамъ это нравится? вскричала Прасковья Александровна, между-тѣмъ, какъ Хотницкій положилъ письмо и избѣгалъ

взглянуть на нее: — чего тутъ нѣтъ? Упреки, угрозы; они же и супружескіе совѣты — шуточки, какъ съ ребенкомъ, намеки на мое кокетство... Oh, ça n'a pas de nom!... Но я, право, не ребенокъ; я не напрасно росла среди разчетовъ день за день; я знала для чего меня вывозятъ въ свѣтъ, и если рѣшилась идти замужъ, то не въ неволю шла; знаю чтò мнѣ дѣлать... Онъ думаетъ, я испугаюсь или расчувствуюсь отъ его письма? Очень-ошибается! Я завтра же протестую его вексель. Онъ и не ждетъ, чтò ему на голову свалится.

Въ волненіи Прасковья Александровна прошлась по комнатѣ. Это было не то обыкновенное романическое волненіе, которымъ она наполняла свои досуги, а волненіе чисто-положительное, и, только взглянувъ въ зеркало, она вспомнила, что нужно оправдать вспышку предъ Хотницкимъ. Она не чувствовала, что для нея ужъ не было оправданія, что Хотницкій, безмолвный на своемъ привычномъ мѣстѣ, былъ уже не благоговѣющій поклонникъ, и даже не строгій судья, а человѣкъ, совершенно-охлаждѣвшій, слушающій ее потому только, что былъ призванъ. Хотницкій ненавидѣлъ расчетъ въ женщинахъ, какъ ненавидятъ его вообще всѣ мужчины; а эта женщина выказалась такъ откровенно-расчетлива, такъ привязчива, корыстолюбива и неблагодарна, что сдѣлалась для него неприятна...

— Послушайте, сказала она вдругъ, подмѣтивъ на его лицѣ странную улыбку и ошибаясь въ ея значеніи: — я звала васъ еще вчера; сегодня еще болѣе вы необходимы мнѣ... будьте моимъ руководителемъ, другомъ. Я хочу уѣхать, я уѣду. Хотите ли вы слѣдовать за мною?

— Ъхать съ вами! вскричалъ Хотницкій, пораженный этой смѣлой неожиданностью.

— Дѣ, со мной... Вы видите, я откровенна, я самоотверженна. Меня назовутъ безумной — все-равно; вы поймете, что я несчастна, вы извините мои недостатки, вы забудете...

— Общаю вамъ, что забуду весь этотъ разговоръ, прервалъ Хотницкій, взявъ шляпу: — это будетъ лучше всего. Черезъ полчаса вы сами будете ему смѣяться.

— Смѣяться?... Вы находите меня смѣшною?

— Такъ, что не хочу самъ быть столько же смѣшнымъ... извините мою откровенность.

— О, конечно! вскричала Прасковья Александровна: — я смѣшна, я осуждена по понятіямъ вашего патріархальнаго круга, по

этимъ узкимъ мнѣніямъ, предъ которыми вы преклоняетесь! Вы, человекъ свободный, пугаетесь, если женщина назоветъ вамъ прямо выходъ изъ этой нравственной тюрьмы, и первый осудите ее.

— Позвольте! прервалъ Хотницкій: — много фразъ было сказано въ-теченіе нашего знакомства—довольно ихъ; не будемъ продолжать. Ихъ можно было бы заключить очень-дѣльной фразой объ обязанностяхъ. Всѣ эти пожертвованія, это самоотверженіе... Но мы и безъ того слишкомъ-много наговорили другъ другу для окончанія нашей шутки.

— Шутки? повторила Прасковья Александровна.

— Шутки, не болѣе, отвѣчалъ онъ серѣзно. — Еще разъ общаюсь вамъ ея не помнить. Въ ней были пріятныя минуты, и потому мнѣ особенно-тяжелъ ея конецъ.

— Вы жалѣете... о чемъ же? спросила она насмѣшливо: — не о томъ ли, что увлекались напрасно? Говорите, я позволяю вамъ эту дерзость. Скажите, что вы разочаровались, что вы открыли глаза и не можете болѣе увлекаться; повторяю: я все позволяю вамъ.

— Я оскорбилъ бы васъ больше, сказавъ, что люблю васъ... Разберите, кажется, это вѣрно. Я оскорбилъ бы васъ выше всѣхъ словъ, еслибъ осмѣлился понять то, что вы сказали нѣсколько минутъ назадъ — такъ ли?

Прасковья Александровна не отвѣчала. Создавъ въ воображеніи по-своему характеръ Хотницкаго, она не ожидала отъ него ничего подобнаго.

— Наконецъ, продолжалъ онъ: — я не вижу надобности раздувать въ себѣ чувство словами, разбирать то, чего нѣтъ, заставлять себя жалѣть о томъ, чего мнѣ не жаль. Я огорчился бы не за себя, еслибъ вы полюбили кого-нибудь.

— О, дитя! вскричала Прасковья Александровна, вдругъ попадая на мысль о ревности, такъ великолѣпно-развившуюся у нея наканунѣ. — Вижу теперь въ чемъ дѣло: вы думаете о вчерашнемъ днѣ, объ этомъ бѣдномъ юношѣ...

Она схватилась за стихотвореніе.

— Нѣтъ, это слишкомъ-много! вскричалъ Хотницкій: — вижу, что васъ надо рѣшительнѣе вывести изъ заблужденія: я женюсь на Ольгѣ.

Онъ поклонился и вышелъ.

Чтобъ изобразить чувства Прасковьи Александровны, надо было бы имѣть ея перо, и, главное, ея желаніе разбирать до тонко-

сти всякое движеніе души, ея умѣнне понимать вещи превратно и превращать ихъ изъ малыхъ въ великія... Настенька, вечеромъ явившаяся утѣшать ее, слушала исповѣдь ея горестей до бѣла-свѣта.

Эти два существа «поняли» другъ друга. Это «пониманіе» и дружба послужили горестнымъ доказательствомъ тому, что и фразы, кажется, съ вида самыя пустыя изъ человѣческихъ глупостей, могутъ сдѣлать свое зло, смотря по тому, какъ и кому скажутся. Прогостивъ недѣлю у своего друга, Настенька объявила Ольгѣ и Катеринѣ Петровнѣ, что рѣшительно желаетъ оставить ихъ и ѣхать съ т-те Залвской за границу. Всѣ увѣщанія были напрасны. Ольга просила свою подругу пробыть у нихъ по-крайней-мѣрѣ ея свадьбу, назначенную въ августъ, но Прасковья Александровна спѣшила увѣхать именно отъ этой свадьбы...

Ольга поплакала при этомъ разставаньи; но ея собственное счастье не дало ей долго плакать: одно впечатлѣніе изгладило другое, какъ изглаживается все на свѣтѣ, гораздо-болѣе серьезное, нежели эта простая исторія.

В. КРЕСТОВСКІЙ.

ПѢСНЯ СТРѢЛКОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ.

Слава на небѣ солнцу высокому,
Слава!
На землѣ Государю Великому
Слава!
Слава на небѣ свѣтлымъ звѣздамъ,
Слава!
На землѣ Государевымъ стрѣлкамъ
Слава!
Чтобъ рука ихъ была всегда тверда,
Слава!
Око быстрее, свѣтлѣй соколиного,
Слава!
Чтобы привелъ Богъ за Русь постоять,
Слава!
Нашихъ враговъ за рубежъ провожать,
Слава!
Чтобъ намъ дума была лишь о родинѣ,
Слава!
Ину жъ печаль мы закинемъ за синюю даль,
Слава!
А эту пѣсню мы святой Руси поемъ,
Слава!
Чтобы ее, православную, Богъ берегъ,
Слава!
Чтобъ стрѣлокъ послужилъ ей одинъ за трехъ,
Слава!
Чтобъ не было на свѣтѣ царства сильнѣй,
Слава!
Нашего ласкова Государя добрѣй,
Слава!

Чтобъ не было русскаго слова крѣпчей ,
 Слава !
 Чтобъ не было русской славы громчей ,
 Слава !
 Чтобъ не было русской пѣсни звучнѣй ,
 Слава !
 Да чтобъ не было царскихъ стрѣлковъ удалѣй ,
 Слава !

ГРАФЪ А. ТОЛСТОЙ.

Д П О П Р А М Б Ъ .

(Изъ Шиллера.)

Порозыя безсмертныя къ смертнымъ не сходятъ
 Съ горнихъ высотъ :
 Слѣдомъ за Вакхомъ веселымъ на праздникъ
 Мчится Эротъ, прихотливый проказникъ,
 Фебъ лучезарный идетъ.
 Сходятся гости небеснаго края;
 Свѣтлыхъ пріемлетъ обитель земная.
 Что въ угощенье сынъ праха предложить
 Вѣчнымъ богамъ ?
 Вы, олимпійцы, меня одарите
 Вашею жизнью безсмертной ! возьмите
 Въ небо лазурное, къ вамъ !
 Родина радости — Зевса чертоги...
 Вашего нектара дайте мнѣ, боги !
 « Свѣтлымъ напиткомъ налей ему, Геба,
 « Полный фіалъ !
 « Влагой небесной омой ему око,
 « Чтобъ ненавистнаго стиксова тока
 « Онъ, какъ и мы, не видалъ ! »
 Нектаръ Олимпа, лясъ, пламенѣтъ...
 Грудь отдыхаетъ и око свѣтлѣтъ.

МНХ. МИХАЙЛОВЪ.

БРЭНФОРДЪ.

РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть вторая.

I.

БѢДНЫЙ ПИТЕРЪ.

Карьера бѣднаго Питера развѣртывалась передъ нимъ очень-пріятно, устроенная добрыми друзьями, но Bonus Bernardus non videt omnia то же въ этомъ начертаніи. Онъ долженъ былъ пріобрѣсть почести въ Шрюсбурійской Школѣ, увезти ихъ съ собою въ Кембриджскій Университетъ, а послѣ его ожидало пасторское мѣсто — подарокъ крестнаго отца сэра Питера Арлея. Бѣдный Питеръ! доля его въ жизни была весьма-различна отъ того, чего надѣялись и чего ожидали его друзья. Миссъ Мэтти все мнѣ рассказала и я думаю, что это было для нея большимъ облегченіемъ.

Онъ былъ любимцемъ матери, которая хвалила до безумія всѣхъ своихъ дѣтей, хотя, можетъ-быть, нѣсколько страшилась высокихъ свѣдѣній Деборы. Дебора была любимицей отца, и когда онъ разочаровался въ Питерѣ, она сдѣлалась его гордостью. Единственная почеть, привезенная Питеромъ изъ Шрюсбуря, была репутація самаго добраго мальчика на свѣтѣ и школьнаго зачинщика въ шалостяхъ. Отецъ разочаровался, но рѣшился поправить дѣло помужски. У него не было средствъ отдать Питера къ особому учителю, но онъ могъ учить его самъ, и миссъ Мэтти много мнѣ говорила о страшныхъ приготовленіяхъ насчетъ словарей и лексиконовъ, сдѣланныхъ въ кабинетѣ отца въ то утро, когда Питеръ началъ курсъ.

— Бѣдная матушка! сказала она. — Я помню, что она обыкновенно оставалась въ залѣ такъ близко отъ кабинетной двери, чтобъ уловить звуки батюшкинаго голоса. Я могла угадать въ минуту по ея лицу, если все шло хорошо. И долго все шло хорошо.

— Чтò наконецъ пошло дурно? сказала я: — вѣрно эта скучная латинь.

— Нѣтъ, не латинь. Питеръ былъ въ большой милости у батюшки, потому-что работалъ хорошо. Но ему вдругъ вздумалось подшутить надъ Крэнфордцами и настроить разныхъ проказъ, а имъ это не понравилось; не понравилось никому. Онъ всегда надувалъ ихъ; «надувалъ» несовсѣмъ-приличное слово, душенька, и я надѣюсь, вы не скажете вашему батюшкѣ, что я его употребила; мнѣ не хочется, чтобъ онъ думалъ, будто я не разборчива въ выраженіяхъ, проведя жизнь съ такой женщиной, какъ Дебора. И навѣрно вы никогда не употребляете такого слова сами. Не знаю, какъ оно сорвалось у меня съ языка, развѣ только потому, что я думаю о добромъ Питерѣ, а онъ всегда такъ выражался. Онъ былъ прелюбимымъ мальчикомъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ походилъ на любезнаго капитана Броуна во всегдашней готовности помочь старику или ребенку, однако любилъ подшутить и надѣлать проказъ; онъ думалъ, что старыя крэнфордскія дамы повѣрять всему. Тогда здѣсь жило много старыхъ дамъ, и теперь, побольшей-части, мы все дамы, но мы не такъ стары, какъ тѣ дамы, которыя жили здѣсь, когда я была дѣвочкой. Мнѣ смѣшно, когда я подумаю о шалостяхъ Питера.

— Миссъ Дженкинсъ знала объ этихъ шалостяхъ? спросила я.

— О, нѣтъ! это показалось бы слишкомъ-оскорбительно для Деборы. Нѣтъ! никто не зналъ кромѣ меня. Мнѣ бы хотѣлось всегда знать о намѣреніяхъ Питера, но иногда онъ мнѣ не говорилъ ихъ. Онъ обыкновенно говорилъ, что старымъ дамамъ въ городѣ всегда нужно о чемъ-нибудь болтать; но я этого не думаю. Онъ получали сен-жемскую газету три раза въ недѣлю, точно такъ, какъ мы получаемъ теперь, и у насъ есть о чемъ поговорить; я помню, какой всегда начинался страшный шумъ, когда дамы собирались вмѣстѣ; но вѣрно школьные мальчишки болтаютъ больше дамъ. Наконецъ, случилось ужасно-прискорбное обстоятельство.

Миссъ Метти встала, подошла къ двери, открыла ее—тамъ никого не было. Она позвонила въ колокольчикъ, и когда пришла Марта, приказала ей сходить за ящиками на мызу, на другой конецъ города.

— Я запру за тобою дверь, Марта. Тебѣ не страшно идти—нѣтъ?

— Совѣтъмъ-нѣтъ, сударыня ; Джимъ Гэрнъ будетъ такъ радъ проводить меня.

Миссъ Мэтти выпрямилась и какъ только мы остались одиѣ, пожелала, чтобъ у Марты было побольше дѣвической скромности.

— Затушите свѣчку, душенька. Мы можемъ говорить также хорошо и при каминномъ огнѣ. Ну вотъ видите, Дебора уѣхала недѣльки на двѣ ; день былъ очень-тихий и спокойный, какъ я помню ; свирени были всѣ въ цвѣту, стало-быть это было весной. Батюшка вышелъ навѣстить какихъ-то больныхъ ; я помню, что видѣла, какъ онъ вышелъ изъ дому въ своемъ парикѣ, плащѣ и съ тростью. Чтò сдѣлалось съ нашимъ бѣднымъ Питеромъ — не знаю ; у него былъ предобрѣйшій характеръ, а между-тѣмъ, онъ любилъ досаждать Деборѣ. Она никогда не смѣялась надъ его шалостями, считала его не *comme il faut*, недовольно-заботящимся объ улучшеніи своего разума, и это ему было досадно. Ну, вотъ, пошелъ онъ въ ея комнату, одѣлся въ ея старое платье, шаль и шляпку : именно въ тѣ вещи, которыя она обыкновенно носила въ Крэнфордѣ и которыя вездѣ были извѣстны ; изъ подушки сдѣлалъ куклу... Вы точно знаете, что заперли дверь, душенька, я не хотѣла бы, чтобъ кто-нибудь это слышалъ... Сдѣлалъ... крошечнаго ребенка въ бѣломъ длинномъ платьѣ. Это только затѣмъ, какъ онъ сказалъ мнѣ послѣ, чтобъ заставить поговорить о чемъ-нибудь въ городѣ : онъ никогда не думалъ оскорбить этимъ Дебору. Вотъ и пошелъ онъ прогуливаться взадъ и впередъ по Филбертской аллеѣ... полуприкрытой рѣшоткой и почти-невидной, и обвинялъ свою подушку, точь-въ-точь какъ ребенка, и говорилъ ей разныя глупости. Ахъ душенька ! а батюшка-то и шолъ въ это время по улицѣ своимъ всегдашнимъ величественнымъ шагомъ и увидалъ толпу людей, челоуѣкъ этапъ двадцать, уставившихся на чтò-то сквозь рѣшотку. Онъ сначала подумалъ, что они смотрятъ на новый рододендронъ, бывшій тогда въ полномъ цвѣтѣ и которымъ онъ очень гордился, и пошелъ медленно, чтобъ дать имъ время налюбоваться ; думалъ даже не написать ли ему диссертацию по этому случаю, предполагая, можетъ-быть, что между рододендрами и полевыми лиліями было какое-нибудь соотношеніе. Бѣдный батюшка ! Подоюда ближе, онъ началъ удивляться, что никто не видитъ ; но головы всѣхъ были такъ тѣсно прижаты другъ къ другу и они такъ пристально глядѣли ! Батюшка вошелъ въ середину толпы, настреваясь, говорилъ онъ, сказать, чтобъ они пошли въ садъ вмѣстѣ съ нимъ налюбоваться вдоволь прелестнымъ растительнымъ произведеніемъ, когда... о, душенька ! я дрожу, когда подумаю объ этомъ... онъ самъ посмотрѣлъ сквозь рѣшотку и увидѣлъ... Не знаю право, чтò

онъ подумалъ, но старый Клеръ говорилъ мнѣ, что лицо его позеленѣло отъ гнѣва, а глаза такъ и засверкали изъ-подъ нахмуренныхъ черныхъ бровей. Онъ заговорилъ... да, какъ страшно!.. приказалъ имъ всѣмъ оставаться тамъ, гдѣ они стояли... ни одному не уходить, ни одному не двинуться съ мѣста, и быстрѣе молніи очутился у садовой калитки, въ фильбертской аллеѣ, схватилъ бѣднаго Питера, сорвалъ съ него шляпку, шаль, платье и бросилъ подушку къ народу черезъ рѣшотку, да такъ рассердился, такъ рассердился, что при всемъ народѣ поднялъ трость да и приколотилъ Питера! Душенька, эта шалость, въ такой солнечный день, когда все было тихо и хорошо, разбила сердце матушки и измѣнила батюшку на всю жизнь, да, измѣнила. Старый Клеръ говорилъ, что Питеръ былъ такъ же блѣденъ, какъ батюшка, и принималъ удары безмолвно, какъ статуя. Когда батюшка остановился, чтобъ перевести духъ, Питеръ сказалъ: «Довольны ли вы, сэръ?» совершенно-хриплымъ голосомъ, и все стоя совершенно-спокойно. Не знаю, что сказалъ батюшка... и сказалъ ли онъ, что-нибудь; но старый Клеръ говоритъ, что Питеръ обернулся къ народу и сдѣлалъ низкій поклонъ величественно и важно, какъ дворянинъ, и потомъ медленно пошелъ къ дому. Я помогала матушкѣ въ кладовой дѣлать настойку изъ скороспѣлокъ. Я не могу теперь терпѣть ни настойки, ни запаха цвѣтовъ: мнѣ дѣлается отъ нихъ дурно, какъ въ тотъ день, когда Питеръ вошелъ съ такимъ высокоомѣрнымъ видомъ, какъ мужчина... право какъ мужчина, а не какъ мальчикъ. «Матушка!» сказалъ онъ, «я пришелъ вамъ сказать, Богъ да благословитъ васъ навсегда». Я видѣла, какъ губы его дрожали при этихъ словахъ и мнѣ кажется, онъ не осмѣлился сказать ничего болѣе-нѣжнаго, по причинѣ намѣренія, которое было на его сердцѣ. Она посмотрѣла на него съ испугомъ и удивленіемъ и спросила, что это значитъ? Онъ не улыбнулся, не сказалъ ни слова, но обвилъ ее руками и поцаловалъ такъ, какъ-будто не зналъ, какъ ее оставить; и прежде, чѣмъ она успѣла спросить его опять, онъ ушелъ. Мы толковали объ этомъ и не могли понять; она приказала мнѣ пойти спросить батюшку, что такое случилось. Онъ ходилъ взадъ и впередъ съ видомъ величайшаго неудовольствія. «Скажи матери, что я прибилъ Питера и что онъ совершенно это заслужилъ». Я не смѣла дѣлать никакихъ разспросовъ. Когда я сказала матушкѣ, она опустилась на стулъ, и съ минуту ей было дурно. Я помню, что черезъ нѣсколько дней, я видѣла, какъ бѣдные, увядшіе цвѣты были выброшены въ навозъ, завяли и поблекли тамъ. Въ этотъ годъ не дѣлалось у насъ этой настойки... да и послѣ никогда. Тотчасъ матушка пошла къ батюшкѣ. Я подумала о королевѣ

Эсэри и король Ассуръ, потому-что матушка была очень-хороша собой и пренѣжнаго сложенія, а батюшка казался тогда такъ страшень, какъ король Ассуръ. Спустя нѣсколько времени, они пришли вмѣстѣ и тогда матушка сказала мнѣ, что случилось и какъ она ходила въ комнату Питера, по желанію батюшки — хотя не должна была сказывать Питеру объ этомъ — чтобъ съ нимъ переговорить. Но Питера не было тамъ. Мы искали по всему дому; нѣтъ Питера, да и только! Даже батюшка, который не хотѣлъ сначала самъ искать, вскорѣ началъ намъ помогать. Домъ пасторскій былъ очень-старый, весь въ лѣстницахъ и вверху, и внизъ. Сначала матушка звала тихо и кротко, затѣмъ, чтобъ успокоить бѣднаго мальчика: «Питеръ! милый Питеръ! это только я»; но, мало-по-малу, когда слуги воротились, батюшка разослалъ ихъ въ разныя стороны, чтобъ узнать, гдѣ Питеръ. Когда мы не нашли его ни въ саду, ни на сѣнникѣ и нигдѣ, крики матушки становились все громче и сильнѣе: «Питеръ! Питеръ мой дорогой! гдѣ ты?» Она чувствовала и понимала, что его долгій поцалуй означалъ грустное «прости». День проходилъ... матушка все искала и искала безъ отдыха во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ, которыя осматривали уже разъ двадцать прежде. Батюшка сидѣлъ закрывъ лицо руками и не говорилъ ни слова; только когда посланные возвращались, не принося извѣстій, онъ поднималъ голову съ грустнымъ выраженіемъ и приказывалъ идти опять по какому-нибудь новому направленію. Матушка все ходила изъ комнаты въ комнату изъ дому и въ домъ, тихо и неслышно, но все не переставая. Ни она, ни батюшка не могли оставить дома, бывшаго сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ посланныхъ. Наконецъ (было уже темно) батюшка всталъ и взялъ матушку за руку, когда она ходила дикими, грустными шагами отъ одной двери къ другой. Она вздрогнула отъ прикосновенія руки его, потому-что забыла все на свѣтѣ, исключая Питера. «Моли!» сказалъ онъ «а я не думалъ, что все это можетъ случиться». Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо для успокоенія, въ ея бѣдное, разстроенное, блѣдное лицо; ни она, ни батюшка не смѣли признаться, какой ужасъ былъ въ ихъ сердцахъ; не наложилъ ли Питеръ руки на себя? Батюшка не видѣлъ сознательнаго взгляда въ горячихъ, сухихъ глазахъ жены; онъ не встрѣтилъ сочувствія, которое всегда встрѣчалъ, и этотъ твердый человѣкъ, видя нѣмое отчаяніе на лицѣ ея, заплакалъ горько; но, когда она это увидѣла, кроткая печаль блеснула въ ея глазахъ и она сказала: «Милый Джонъ! не плачь, пойдемъ со мной, мы найдемъ его», почти также весело какъ-будто знала, гдѣ онъ. Она взяла огромную руку батюшки своей нѣжной ручкой и повела его — а слезы такъ и капали — безъ отдыха

изъ комнаты въ комнату, по дому и по саду. О! какъ я желала, чтобъ прѣехала Дебора! Я не имѣла времени плакать, потому что теперь все лежало на мнѣ. Я написала къ Деборѣ, чтобъ она воротилась, тайно послала челоуѣка въ домъ того самаго мистера Голбрука, и бѣднаго мистера Гольбрука!.. Вы знаете о комъ я говорю. Я не хочу сказать, чтобъ я послала прямо къ нему, но я отправила челоуѣка, на котораго могла положиться, узнать не тамъ ли Питеръ. Въ то время мистеръ Голбрукъ бывалъ у насъ часто... вы знаете, что онъ былъ кузенъ миссъ Поль; онъ обращался такъ ласково съ Питеромъ, училъ его удить рыбу; онъ былъ ласковъ ко всѣмъ и я подумала, что Питеръ, можетъ-быть, у него; но мистера Гольбрука не было дома, а Питера никто не видалъ. Наступила уже ночь, но двери были открыты настежь и батюшка съ матушкой ходили взадъ и впередъ; прошло ужъ больше часу, какъ онъ сталъ искать Питера съ нею вмѣстѣ, и не думаю, чтобъ они говорили другъ съ другомъ во все это время. Я развела въ столовой огонь и служанка приготовила чай: мнѣ хотѣлось, чтобъ они согрѣлись, когда старый Клеръ попросилъ позволенія говорить со мной. «Я взялъ неводъ отъ мельника, миссъ Мэтти. Закинуть ли намъ въ прудъ сегодня или подождать до завтра?» Помню, что я уставилась ему въ лицо и не понимала, что онъ хочетъ сказать, а когда поняла, я громко захохотала. Ужасъ этой новой мысли... нашъ милый дорогой Питеръ, холодный, окоченѣлый и мертвый! Помню еще теперь звукъ моего собственнаго смѣха. На слѣдующій день Дебора была дома, прежде чѣмъ я пришла въ себя. Она была не такъ слаба, какъ я; мои крики (мой страшный смѣхъ кончился рыданіями) пробудили мою нѣжную, милую мать, растроенныя мысли которой пришли въ порядокъ, какъ только ея дитя почувствовало необходимость въ попеченіяхъ. Они съ Деборой сидѣли у моей кровати; я узнала по ихъ лицу, что извѣстій о Питерѣ не было и никакой ужасной страшной вѣсти, чего я больше всего боялась въ моемъ смутномъ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ. Тотъ же самый результатъ всѣхъ розысковъ такимъ же точно образомъ облегчилъ матушку, которую, я увѣрена, мысль, что Питеръ, можетъ-быть, виситъ гдѣ-нибудь мертвый, заставляла вчера безъ усталы искать его. Ея кроткіе глаза сдѣлались совсѣмъ-другими послѣ этого; въ нихъ навсегда осталось безпокойное, ачужее выраженіе, какъ-будто они отыскивали того, чего не могли найти. О! это было страшное время, вдругъ разразившееся громовымъ ударомъ въ спокойный ясный день, когда сирени были въ полномъ цвѣтѣ.

— Гдѣ мистеръ Питеръ? спросила я.

— Онъ отправился въ Ливерпуль; тогда была тамъ война; королевскіе корабли стояли въ мерсейскомъ устьѣ; тамъ обрадовались, что такой славный малый (пяти футовъ и девяти дюймовъ онъ былъ) самъ предложилъ вступить въ службу. Капитанъ написалъ къ батюшкѣ, а Питеръ написалъ къ матушкѣ. Пойдите! эти письма должны быть гдѣ-нибудь здѣсь.

Мы зажгли свѣчу и нашли письма капитана и Питера. Нашли также умоляющее письмецо отъ мистриссъ Дженкинсъ къ Питеру, адресованное въ домъ стараго школьнаго товарища, куда, она вздумала, можетъ-быть онъ пошелъ. Они возвратили письмо нераспечатаннымъ, нераспечатаннымъ оно оставалось съ-тѣхъ-поръ, положенное невзначай вмѣстѣ съ другими письмами того времени. Вотъ оно :

«Любезнѣйшій Питеръ,

«Ты, вѣрно, не думаешь, какъ мы огорчены, а то, конечно, не оставилъ бы насъ. Отецъ твой сидитъ и вздыхаетъ, такъ — что сердце больно сжимается. Онъ не можетъ съ горя поднять головы; однако, онъ сдѣлалъ только то, что считалъ справедливымъ. Можетъ-быть, онъ былъ слишкомъ-строгъ, можетъ-быть, и я не была довольно-ласкова, но Богу извѣстно, какъ мы тебя любимъ, нашъ милый, единственный мальчикъ. Старый Донъ (собака) такъ печалится о тебѣ: воротись и очастливь насъ, мы такъ много тебя любимъ. Я знаю, что ты воротишься».

Но Питеръ не воротился. Весенній день былъ послѣднимъ, въ который онъ видѣлъ свою мать. Та, которая написала письмо, послѣдняя, единственная особа, видѣвшая, что тамъ было написано, умерла давно, а я, посторонняя, даже неродившаяся въ то время, когда случилось это происшествіе, только одна распечатала его.

Письмо капитана призывало отца и мать въ Ливерпуль немедленно, если они хотятъ видѣть сына. По какой-то странной и частой случайности въ жизни, письмо капитана было задержано гдѣ-то, какъ-то.

Миссъ Мэтти продолжала :

— Это было время скачекъ, и всѣ почтовые лошади въ Крэнфордѣ отправились на скачки; но батюшка съ матушкой съѣли въ свою собственную одвоколку... Ахъ! душенька, они пріѣхали слишкомъ-поздно... корабль ушелъ! А теперь, прочтите письмо Питера къ матушкѣ.

Оно было исполнено любви, грусти и гордости. Гордился онъ своимъ новымъ званіемъ. Въ письмѣ замѣтно было болѣзненное чувство отъ посрамленія въ глазахъ крэнфордскаго народа; но кончалось оно горячей мольбой, чтобъ мать пріѣхала и повидалась съ нимъ прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ изъ Марсея: «Матушка! мы, можетъ-быть, пой-

демъ въ сраженіе. Я надѣюсь, что мы пойдѣмъ колотить французовъ, но я долженъ васъ увидѣть до-тѣхъ-поръ».

— А она пріѣхала слишкомъ-поздно! сказала миссъ Мэтти : — слишкомъ-поздно!

Мы сидѣли безмолвно, обдумывая полное значеніе этихъ грустныхъ, грустныхъ словъ. Наконецъ я просила миссъ Мэтти рассказать мнѣ, какъ мать это перенесла.

— О! сказала она : — она была олицетворенное терпѣніе. Она никогда не была слишкомъ-крѣпка, а это ослабило ее страшно. Батюшка часто сидѣлъ, пристально смотря на нее, гораздо-грустнѣе, нежели она. Казалось, что онъ не можетъ смотрѣть ни на что другое, когда она тутъ... (затушите свѣчку, душенька, я лучше могу говорить въ темнотѣ) матушка была женщина слабая, неспособная перенести такой страхъ и потрясеніе ; однако она улыбалась ему и успокоивала его не словами, но взглядами и голосомъ, которые были всегда веселы, когда онъ былъ тутъ. И она говорила, что Питеръ можетъ сдѣлаться скоро адмираломъ : онъ такой храбрый и умный ; она думаетъ, что увидитъ его въ флотскомъ мундирѣ и желаетъ знать, какого рода шляпы носятъ адмиралы ; и какъ ему гораздо-скорѣе пристало быть морякомъ, нежели пасторомъ, и все такимъ-образомъ, только затѣмъ, чтобъ заставить батюшку думать, будто она совершенно-рада, что такъ кончилось несчастное утреннее провѣщствіе. Но, ахъ, душенька! какъ она горько плакала, когда оставалась одна ; и наконецъ, дѣлаясь все слабѣе, она не могла уже удерживать слезъ ни при Деборѣ, ни при мнѣ, и давала намъ порученія за порученіями къ Питеру (корабль его ушелъ въ Средиземное Море, или куда-то туда, а потомъ вѣрно ему было плыть въ Индію : тогда не было еще туда сухаго пути). Но она все говорила, что никто не зналъ, гдѣ ожидаетъ насъ смерть и что мы не должны думать, что ея смерть близка. Мы этого не думали, но знали, потому-что видѣли, какъ она таяла. Ну, душенька, какъ это глупо съ моей стороны, когда, по всей вѣроятности, я такъ скоро ее увижу. Только подумайте, душенька, на другой день послѣ ея смерти—она прожила не больше года послѣ отъѣзда Питера — на другой день пришла ей посылка изъ Индіи отъ ея бѣднаго мальчика. Это была большая, мягкая, бѣлая индійская шаль, съ узенькимъ бордюрикомъ кругомъ, совершенно по вкусу матушки. Мы думали, что это пробудитъ батюшку ; онъ сидѣлъ цѣлую ночь, держа покойницу за руку. Дебора принесла къ нему и шаль и письмо Питера и все. Сначала онъ не обратилъ на это вниманія, и мы вздумали начать маленькій разговоръ о шали, развернули ее и начали восхищаться. Онъ вдругъ

вскочилъ : «Ее надо похоронить съ ней» сказалъ онъ: — «Питеру это будетъ утѣшеніемъ, а ей было бы пріятно». Ну, можетъ-быть, это было безразсудно, но что мы могли сдѣлать или сказать? Огорченнымъ всегда предоставляешь волю поступить по-своему. Онъ взялъ шаль въ руки и оцупалъ ее. «Точно такая, какую она желала имѣть, когда выходила замужъ, и какой мать ей не дала. Я узналъ это послѣ, а то купилъ бы ей; но все-равно, она получить ее теперь». Матушка была такъ мила мертвая! Она была всегда хороша, а теперь казалась престелной, бѣлой, какъ воскъ, и молодой... моложе Деборы, когда та стояла дрожа и трепеща возлѣ нея. Мы завернули ее въ длинныя, мягкія складки шали; она лежала съ улыбкой, будто это было ей пріятно; и люди приходили... весь Крэнфордъ приходилъ... попросить на нее взглянуть, потому-что они очень ее любили и по-справедливости; а деревенскія женщины принесли цвѣтовъ; жена старого Клера принесла бѣлыхъ фіалокъ и просила положить къ ней на грудь. Дебора сказала мнѣ въ день похоронъ матушки, что еслибъ у нея было сто жениховъ, она никогда не выйдетъ замужъ и не оставитъ батюшки. Невѣроятно, чтобъ у ней было ихъ такъ много; не знаю даже, былъ ли хоть одинъ, но тѣмъ не менѣе эти слова дѣлаютъ ей честь. Она была такою дочерью для батюшки, что не думаю, была ли другая такая прежде или послѣ. Глаза стали у него слабы; она читала ему книгу за книгой и писала и переписывала и всегда была къ его услугамъ по всякому приходскому дѣлу. Она могла дѣлать гораздо-больше, чѣмъ дѣлала бѣдная матушка; она даже одинъ разъ написала за батюшку письмо къ епископу. Но онъ больно тосковалъ по матушкѣ; весь приходъ это замѣчалъ. Не то, чтобъ онъ сталъ меньше дѣятеленъ: я думаю, напротивъ, больше и терпѣливѣе помогалъ каждому. Я дѣлала все, что могла, чтобъ дать Деборѣ свободу оставаться съ нимъ; я знала, что не на многое гожусь и могу только услуживать другимъ и оставлять ихъ на свободѣ. Но батюшка совершенно измѣнился.

— А мистеръ Питеръ возвращался ли когда-нибудь домой?

— Да, одинъ разъ. Воротился къ намъ лейтенантомъ, въ адмиралы-то не вышелъ. Икакъ они были дружны съ батюшкой! Батюшка возилъ его ко всѣмъ—такъ имъ гордился. Мы всегда гуляли подъ-руку съ Питеромъ. Дебора стала улыбаться (не думаю, чтобъ мы когда-нибудь смѣялись послѣ матушкиной смерти) и говорила, что она теперь въ отставку; однако батюшкѣ всегда она была нужна: писать письма, читать или распоряжаться.

— А потомъ? сказала я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Потомъ, Питеръ опять ушелъ въ море, а батюшка умеръ, бла-

гословивъ насъ обѣихъ и поблагодаривъ Дебору за все, чѣмъ она была для него. Разумеетсяъ, наши обстоятельства перемѣнились; вмѣсто-того, чтобъ жить въ пасторскомъ домѣ и держать трехъ служанокъ и слугу, намъ надо было переѣхать въ этотъ маленькій домикъ и довольствоваться одной чернорабочей женщиной; но такъ-какъ Дебора обыкновенно говорила, мы всегда жили порядочно, даже когда обстоятельства понудили насъ жить просто. Бѣдная Дебора!

— А мистеръ Питеръ? спросила я.

— О, въ Индїи была какая-то большая война, я забыла, какъ ее называютъ, и потомъ мы никогда уже не слышали о Питерѣ. Я сама полагаю, что онъ умеръ и меня иногда беспокоитъ, что мы не послали по немъ траура. И потомъ опять, когда я сижу одна и все въ домѣ тихо, мнѣ кажется, будто я слышу его шаги по улицѣ и сердце начинаетъ биться и трепетать, но шумъ перестаетъ... а Питера все нѣтъ. Не воротилась ли Марта? Нѣтъ! Постойте я сама пойду, душенька; я всегда могу найти дорогу въ потемкахъ. А свѣжій воздухъ у двери освѣжитъ мнѣ голову; она у меня немного разболѣлась.

Она поплелась. Я зажгла свѣчу, чтобъ придать комнатѣ веселый видъ, когда миссъ Мэтти воротится.

— Это пришла Марта? спросила я.

— Дѣ. А я чувствую маленькое безпокойство: я слышала такой странный шумъ, когда отворяла дверь.

— Гдѣ? спросила я, потому-что глаза ея были полны ужаса.

— На улицѣ... за дверью... мнѣ послышалось, что-то похожее на...

— Шопоть? подсказала я, видя, что она нѣсколько колеблется.

— Нѣтъ! на поцалуи...

II.

Вечеръ въ гостяхъ.

Въ одно утро, когда миссъ Мэтти и я сидѣли за работой — это было часовъ въ двѣнадцать, и миссъ Мэтти еще не перемѣнила своего чепчика съ желтыми лентами, который былъ самымъ наряднымъ у миссъ Дженкинсъ и который миссъ Мэтти носила теперь запросто, надѣвая другой, что былъ сдѣланъ по образцу чепчика мистриссъ Джемисонъ всякій разъ, когда она думала, что ее увидятъ — вошла Марта и спросила: можетъ ли миссъ Бетти Баркеръ поговорить съ ея госпожей. Миссъ Мэтти дала согласіе и быстро исчезла перемѣнить чепчикъ съ желтыми лентами, покуда входила миссъ Баркеръ; но

такъ-какъ она забыла очки и была нѣсколько-смущена постыженіемъ въ такое необыкновенное время, я не удивилась, что она воротилась съ двумя чепчиками, надѣтыми одинъ на другой. Она сама этого не знала и смотрѣла на насъ съ умильнымъ удовольствіемъ. Думаю даже, что и миссъ Баркеръ этого не примѣтила, потому-что, отложивъ въ сторону то небольшое обстоятельство, что она была ужъ не такъ молода, какъ прежде и, слѣдовательно, не обращала большаго вниманія на наряды: она была слишкомъ-погружена въ предметъ своего визита, объясненный ею съ скромностью и съ безконечными извиненіями.

Миссъ Бетти Баркеръ была дочь стараго крэнфордскаго клерка, служившаго при мистерѣ Дженкинсѣ. Онѣ съ сестрою служили горничными въ хорошихъ домахъ и накопили довольно денегъ, чтобъ завести модный магазинъ, принятый подъ покровительство сосѣднихъ дамъ. Леди Арлей, напримѣръ, часто давала миссъ Баркеръ свои старые чепчики на фасонъ, который онѣ немедленно снимали и распространяли между крэнфордскимъ избраннымъ обществомъ. Я говорю *избраннымъ*, потому-что обѣ миссъ Баркеръ усвоили себѣ тонъ Крэнфорда, и очень тщеславились своими «аристократическими связями». Онѣ не продавали своихъ чепчиковъ и лентъ людямъ безъ родословной. Не одна жена, или дочь фермера, вышла въ-сердцахъ изъ избраннаго магазина миссъ Баркеръ и отправлялась ко всеобщей лавкѣ, гдѣ барышъ отъ желтаго мыла и сахарнаго песку давалъ возможность содержателю ѣздить прямо въ Парижъ, какъ онѣ говорилъ до-тѣхъ-поръ, пока не лашель, что его покупатели слишкомъ-большіе патріоты, чтобъ носить то, что носятъ мусьё. Онѣ, теперь, ѣздили въ Лондонъ, гдѣ, какъ онѣ часто разсказывалъ своимъ покупателямъ, королева Аделаида явилась, только за недѣлю передъ тѣмъ, въ чепчикѣ совершенно-похожемъ на тотъ, который онѣ показывалъ имъ, убранный желтыми и голубыми лентами, и получила complimentъ отъ короля Уильяма насчетъ красоты ея головной уборки.

Миссъ Баркеръ, державшіяся всегда истины и неодобрявшія кое-какихъ покупателей, все-таки наживались. Это были безкорыстные добрые люди. Сколько разъ видѣла я, какъ старшая (она была горничной у мистриссъ Джемисонъ) несла какое-нибудь деликатное блюдо къ бѣдному! Онѣ только обезьянчали знатныхъ, не желая имѣть никакого дѣла съ классомъ непосредственно ниже ихъ. Когда умерла старшая миссъ Баркеръ, барышъ ихъ и доходъ оказались такими, что миссъ Бетти могла запереть лавку и удалиться отъ дѣлъ. Но также (кажется, я объ этомъ говорила) завела свою корову — знакъ важности въ Крэнфордѣ, почти такой же, какъ завести одноколку гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Она одѣвалась лучше иной дамы въ Крэнфордѣ, и

мы этому не удивлялись, понимая, что она донашивала всё шляпки, чепчики и ленты, оставшіеся нераспроданными. Она закрыла лавку лѣтъ пять или шесть назадъ, и во всякомъ другомъ мѣстѣ, а не въ Крэнфордѣ, нарядъ ея сочли бы *вышедшимъ изъ моды*.

Теперь миссъ Бетти Баркеръ пришла пригласить миссъ Мэтти къ себѣ на чай въ слѣдующій вторникъ. Она и меня также пригласила, такъ-какъ я случилась тутъ же, хотя я могла видѣть, что она нѣсколько боится, не занимался ли отецъ мой торговлей съ-тѣхъ-поръ, какъ переѣхалъ въ Дрѣмблѣ, и такимъ образомъ не изгналъ ли своего семейства изъ «аристократическаго общества». Она дѣлала столько предварительныхъ извиненій прежде этого приглашенія, что совершенно возбудила мое любопытство. Пусть извинять ея «смѣлость». Чтò она дѣлаетъ? Она казалась такъ этимъ взволнована, что мнѣ могло только прійти въ голову, ужъ не писала ли она къ королеві Аделаидѣ, какъ мыть кружева; но обстоятельство, которое она такъ изображала, было, просто, приглашеніе къ бывшей госпожѣ ея сестры. «Принявъ въ соображеніе ея первыя занятія, извинить ли миссъ Мэтти ея смѣлость?»

«Ахъ!» подумала я, «она примѣтила двойной чепецъ и хочетъ поправить головной уборъ миссъ Мэтти...» Нѣтъ! она просто пригласить миссъ Мэтти и меня. Миссъ Мэтти поклонилась, въ знакъ согласія, и я удивлялась, какъ при этомъ граціозномъ движеніи она не почувствовала необыкновенную тяжесть и чрезмѣрную высоту своей головной уборки. Но, кажется, не почувствовала, потому-что она сохранила равновѣсіе и продолжала разговаривать съ миссъ Бэтти ласковымъ, снисходительнымъ образомъ, совсѣмъ непохожимъ на то смущеніе, которое овладѣло бы ею, еслибъ она подозрѣвала какой странный у нея видъ.

— Мистриссъ Джемисонъ будетъ, вы, кажется, сказали? спросила миссъ Метти.

— Да-съ, мистриссъ Джемисонъ, какъ нельзя ласковѣе и снисходительнѣе сказала, что она очень-рада быть у меня. Она сдѣлала только одно маленькое условіе: она привезетъ Карлика. Я сказала ей, что если у меня есть слабости, такъ къ собакамъ.

— А миссъ Поль? разспрашивала миссъ Мэтти, которая думала о своей пультѣ въ преферансѣ, для которой Карликъ негодится въ партнёры.

— Я иду просить миссъ Поль. Какъ я могла подумать просить ее прежде, чѣмъ попросила васъ, мадамъ... дочь пастора, мадамъ. Повѣрьте, я никогда не забываю, какое мѣсто занималъ мой отецъ у вашего.

— И мистриссъ Форрестеръ, разумѣется?

— И мистриссъ Форрестеръ. Я думала было идти къ ней прежде чѣмъ къ миссъ Поль. Хотя ея обстоятельства перемѣнились, однако, она вѣдь урожденная Тиррелль и мы не можемъ забыть, что она въ родствѣ съ Биггами изъ Бигглау-Голль.

Для миссъ Мэтти гораздо-важнѣе было то небольшое обстоятельство, что она прекрасно играла въ карты.

— Мистриссъ Фиц-Адамъ... я полагаю.

— Нѣтъ, мадамъ. Я должна сдѣлать разницу. Мистриссъ Джеймсонъ, я думаю, несовсѣмъ будетъ пріятно встрѣтиться съ мистриссъ Фиц-Адамъ. Я имѣю величайшее уваженіе къ мистриссъ Фиц-Адамъ... но не полагаю, чтобъ ея общество было прилично для такихъ дамъ, какъ мистриссъ Джеймсонъ и миссъ Матильда Дженкинсъ.

Миссъ Бэтти Баркеръ низко поклонилась миссъ Мэтти и сжала ротъ. Она съ достоинствомъ взглянула на меня сбоку, какъ-бы говоря, что хотя она бывшая модистка, однако вовсе не демократка и понимаетъ различіе званій.

— Могу я просить васъ пожаловать въ мое маленькое жилище не позже половины седьмого, миссъ Матильда? Мистриссъ Джеймсонъ обѣдаетъ въ пять, но была такъ добра, обѣщала не откладывать своего визита дольше этого времени... въ половинѣ седьмого.

И съ низкимъ поклономъ миссъ Бэтти Баркеръ простилась.

Моя догадливая душа предсказала въ этотъ день визитъ миссъ Поль, которая обыкновенно приходила къ миссъ Матильдѣ послѣ какого-нибудь происшествія, или передъ какимъ-нибудь происшествіемъ, потолковать съ ней.

— Миссъ Бетти сказала мнѣ, что она сдѣлала выборъ и пригласила немногихъ, сказала миссъ Поль, сличивъ извѣстія съ миссъ Мэтти.

— Да, она это говорила. Даже мистриссъ Фиц-Адамъ не будетъ.

Мистриссъ Фиц-Адамъ была вдова и сестра крэнфордскаго доктора, о которомъ я прежде говорила. Родители ихъ, почтенные мызники были довольны своимъ положеніемъ. Назывались эти добрые люди Гоггинсъ. Мистеръ Гоггинсъ былъ теперь крэнфордскимъ докторомъ; намъ эта фамилія не нравилась и казалась ужасно-грубой; но, какъ говорила миссъ Дженкинсъ, еслибъ онъ перемѣнилъ ее въ Пеггинсъ, было бы немногимъ-лучше (*). Мы надѣялись открыть родство между нимъ и той маркизой Эксетеръ, которая называлась Молли Гоггинсъ; но докторъ, беззаботный къ своимъ собственнымъ интересамъ, совершенно не

(*) Гогъ — свинья, а пегъ — поросенокъ.

Прим. перевод.

зналъ и отвергалъ это родство, хотя, какъ говорила милая миссъ Дженкинсъ, у него была сестра, которую звали Мэри, а тѣ же самыя имена весьма-часто употребляются въ нѣкоторыхъ семействахъ.

Вскоро миссъ Мэри Гоггинсъ вышла за мистера Фиц-Адама и исчезла изъ нашего сосѣдства на много лѣтъ. Она не двигалась въ сферѣ крэнфордскаго общества на столько высокой, чтобъ заставить насъ позаботиться узнать, что такое былъ мистеръ Фиц-Адамъ. Онъ умеръ и убрался къ своимъ владѣльцамъ, а мы никогда и не думали о немъ. Потомъ мистриссъ Фиц-Адамъ появилась снова въ Крэнфордѣ «смѣлая какъ львица», говорила миссъ Поль, зажиточной вдовою, одѣтою въ черное шелковое платье, такъ скоро послѣ смерти мужа, что бѣдная миссъ Дженкинсъ справедливо замѣчала: «бумазея показала бы болѣе, какъ она чувствуетъ свою потерю».

Я помню совѣщаніе дамъ, собравшихся рѣшить вопросъ: посѣщать ли мистриссъ Фиц-Адамъ старымъ крэнфордскимъ жителямъ чистой дворянской крови? Она наняла большой домъ, который обыкновенно считался какъ-бы дающимъ патентъ на дворянство своимъ обитателямъ; потому-что во время дню, за семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, дочь какого-то графа жила въ томъ же домѣ. Я не знаю навѣрно, не считалось ли проживание въ этомъ домѣ сообщающимъ необычайную силу разума, потому-что у графской дочери, леди Джэнь, была сестра леди Анна, вышедшая за генерала во время американской войны, и этотъ генералъ написалъ одну или двѣ комедіи, которыя еще игрались на лондонской сценѣ и которыя, когда мы видѣли ихъ на объявленіяхъ, заставляли насъ выпрямляться и чувствовать, что Дрюри-Лэнъ дѣлалъ славный комплиментъ Крэнфорду. Впрочемъ, еще не было рѣшено ѣхать ли къ мистриссъ Фиц-Адамъ, когда умерла милая миссъ Дженкинсъ, а съ нею ясное знаніе строгаго уложенія о приличіи тоже исчезло.

Миссъ Поль замѣтила:

— Такъ-какъ большая часть дамъ изъ хорошей фамиліи въ Крэнфордѣ — старыя дѣвицы, или бездѣтныя вдовы, то если мы не дадимъ нѣкоторое послабленіе и не сдѣлаемся менѣе-исключительны, то мало-по-малу у насъ вовсе не станетъ общества.

Мистриссъ Форрестеръ продолжала въ томъ же смыслѣ:

— Она всегда думала, что Фицъ значитъ нѣчто аристократическое. Есть Фиц-Роя: она думала, что нѣкоторыя изъ королевскихъ дѣтей были названы Фиц-Роями; были также Фиц-Кларенсы, дѣти добраго короля Уильяма Четвертаго, Фиц-Адамъ—это премная фамилія, и она думаетъ, что это, вѣроятно, значитъ: «дѣтя Адама». Никто, неимѣющій хорошей крови въ жилахъ, не осмѣлится называться Фицъ: фами-

лія много значить. У ней былъ кузень, писавшій свою фамилію двумя маленькими фф — Poulks, и всегда смотрѣлъ съ презрѣніемъ на прописныя буквы; онъ говорилъ, что такія имена принадлежать къ поздно-вымышленнымъ фамиліямъ. Она боялась, чтобъ онъ не умеръ холостякомъ: онъ былъ такъ разборчивъ. Когда встрѣтился съ мистриссъ Ффарингдонъ на водахъ, она тотчасъ ему понравилась; это была прехорошенькая женщина, вдова, съ очень-хорошимъ состояніемъ и «мой кузень», мистеръ Ффулксъ женился на ней только по милости ея двухъ маленькихъ фф.

Мистриссъ Фиц-Адамъ не предстоялъ случай встрѣтиться съ какимъ-нибудь мистеромъ Фицомъ въ Крэнфордѣ, стало-быть, не эта причина заставила ее поселиться въ Крэнфордѣ. Миссъ Мэтти думала, что можетъ быть надежда быть принятой въ общество, что конечно было бы весьма-приятнымъ возвышеніемъ для *сi-devant* миссъ Гоггинсъ; но если такова была ея надежда, то было бы жестоко разочаровать ее.

Итакъ, всѣ побѣхали къ мистриссъ Фиц-Адамъ, всѣ, кромѣ мистриссъ Джемисонъ, которая показывала, какого благороднаго происхожденія была она, потому-что никогда не примѣчала мистриссъ Фиц-Адамъ, когда онѣ встрѣчались на крэнфордскихъ вечеринкахъ. Въ комнатѣ бывало по восьми или по десяти дамъ, а мистриссъ Фиц-Адамъ, самая обѣмистая изъ всѣхъ, и она непременно вставала, когда входила мистриссъ Джемисонъ, и кланялась ей очень-низко, когда бы ни обернулась та въ ея сторону, такъ низко въ-самомъ-дѣлѣ, что, я думаю, должно-быть, мистриссъ Джемисонъ смотрѣла на стѣну, потому-что никогда не шевелела ни однимъ мускуломъ въ лицѣ, какъ-будто ея не видала. А все-таки мистриссъ Фиц-Адамъ продолжала свои поклоны.

Весенніе вечера сдѣлались свѣтлы и длинны, когда три или четыре дамы, въ коляскахъ (*calash*), встрѣтились у двери миссъ Баркеръ. Знаете ли вы, что такое *коляска*? Это родъ капюшона, носимаго на чепчикахъ, довольно-похожій на кузовъ старомодныхъ экипажей; но иногда не такой огромный. Этотъ родъ головного убора всегда дѣлалъ ужасное впечатлѣніе на крэнфордскихъ ребятишекъ; даже и теперь двое или трое перестали играть на улицѣ и собрались въ изумленномъ безмолвіи вокругъ миссъ Поль, миссъ Мэтти и меня; мы тоже были безмолвны и могли слышать сдерживаемый шопоть за дверью миссъ Баркеръ.

— Пстой, Пегги! покуда я побѣгу наверхъ и вымою руки. Когда я закашляю отвори дверь; я ворочусь черезъ минуту.

И точно, не болѣе, какъ черезъ минуту, мы услышали шумъ, чиханье и покашливанье, при которомъ дверь отворилась. За дверью стояла слу-

жанка, вытаращивъ свои круглые глаза на почтенную компанію, входившую въ молчаніи. Она сохранила настолько присутствіе духа, что ввела насъ въ небольшую комнатку, прежде бывшую лавкой, а теперь превращенную во временную уборную. Тутъ мы оправдали свои платья и самихъ себя передъ зеркаломъ, приняли сладостныя и граціозныя лица и потомъ, отступая назадъ съ словами : «Послѣ васъ, ме'мъ», мы пустили мистриссъ Форрестеръ идти первой по узкой лѣстницѣ, которая вела въ гостиную миссъ Баркеръ. Она сидѣла такъ величественно и чинно, какъ-будто мы не слышали страннаго кашля, послѣ котораго горло ея и теперь, должно-быть, еще болѣло и хрипѣло. Ласковая, милая, бѣдно-одѣтая мистриссъ Форрестеръ тотчасъ была приведена на второе почетное мѣсто. Первенство, разумѣется, сохранилось для ея сіятельства мистриссъ Джемисонъ, которая, пыхтя, входила на лѣстницу. Карликъ вертѣлся около нея, какъ-будто намѣревался сбить ее съ ногъ.

Теперь-то миссъ Бетти Баркеръ была гордая, счастливая женщина! Она поправила огонь, заперла дверь и сѣла къ ней такъ близко, какъ только было возможно : сѣла совсѣмъ на копчикѣ кресла. Когда вошла Пегги, шатаясь подъ тяжестью чайнаго подноса, я примѣтила, что миссъ Баркеръ боялась, что Пегги не станетъ держаться на приличномъ разстояніи. Онѣ съ своей госпожей были весьма-фамиллярны въ своихъ ежедневныхъ отношеніяхъ, и Пегги теперь надо было сказать ей нѣчто по секрету, что миссъ Баркеръ ужасно хотѣлось слышать, но что она считала своей обязанностью не допустить ее сказать. И потому она отвернулась отъ подмигиванья и знаковъ, которые ей дѣлала Пегги, сдѣлала два или три отвѣта весьма-некстати на то, что было сказано и, наконецъ, охваченная свѣтлой идеей, воскликнула :

— Бѣдняжка, Карликъ! я совсѣмъ о немъ забыла. Пойдемъ со мною внизъ, милая собачка, я дамъ тебѣ чайку!

Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, ласковая и кроткая, какъ прежде ; но я подумала, что она забыла дать «милой собачкѣ» что-нибудь поѣсть, судя по жадности, съ которой та глотала куски пирога. Чайный подносъ былъ изобильно нагруженъ ; мнѣ было пріятно это видѣть : я была очень-голодна, но боялась, чтобъ присутствующія дамы не сочли это невѣжливостью. Я знаю, что онѣ говорили бы это въ своихъ собственныхъ домахъ, но здѣсь какъ-то все исчезало. Я видѣла, какъ мистриссъ Джемисонъ кушала тминную каврижку, медленно, такъ, какъ она дѣлала все; я нѣсколько удивилась этому, потому-что она намъ говорила на своемъ послѣднемъ вечерѣ, что этой каврижки никогда не будетъ у ней въ домѣ, что каврижка напоминаетъ

ей душистое мыло. Она всегда угощала насъ савойскими сухариками. Однако мистриссъ Джемисонъ была снисходительна къ незнанію миссъ Баркеръ обычаевъ высшей жизни; и чтобъ пощадить ея щекотливость, съѣла три большіе куска тминной каврижки, съ покойнымъ выраженіемъ, очень-похожимъ на коровье.

Послѣ чаю настало нѣкоторое недоумѣніе и затрудненіе. Насъ было шестеро; четверо могли играть въ преферансъ, а для двухъ оставалась кривбиджъ (*); но всѣ, исключая меня (я нѣсколько боялась крэнфордскихъ дамъ за картами, потому-что такое занятіе казалось для нихъ самымъ важнымъ, серьезнымъ дѣломъ), старали желаніемъ участвовать въ пулъкъ; даже миссъ Баркеръ, хотя объявляла, что не умѣетъ отличить пикового туза отъ червоннаго вазета, тоже раздѣляла это желаніе. Дилемма скоро была приведена къ концу страннымъ шумомъ. Еслибъ невѣстку баронета можно было подозрѣвать въ храбѣніи, я сказала бы это о мистриссъ Джемисонъ, потому-что, переселенная жаромъ комнаты и наклонная къ дремотѣ отъ природы, мистриссъ Джемисонъ не могла устоять отъ искушенія такого покойнаго кресла и дремала. Разъ или два она съ усиліемъ открывала глаза и спокойно, но безсознательно намъ улыбнулась; мало-по-малу, однакожь, даже ея благоклонность не могла устоять противъ этого науряженія, и она заснула глубоко.

— Какъ для меня пріятно, шептала миссъ Баркеръ за карточнымъ столомъ тремъ оппоненткамъ, которыхъ, несмотря будто-бы на свое незваніе игры, она обьягривала немилосердно: — очень-пріятно, право, видѣть, что мистриссъ Джемисонъ чувствуетъ себя какъ дома въ моемъ маленькомъ жилищѣ; она не могла сдѣлать мнѣ большаго комплимента.

Миссъ Баркеръ снабдила меня литературными произведеніями, въ формѣ трехъ или четырехъ красиво-переплетенныхъ книжечекъ, изданныхъ лѣтъ десять или двѣнадцать назадъ, замѣтивъ, когда она придвинула столикъ и свѣчку для моего личнаго употребленія, что знаетъ, какъ молодежь любить разсматривать картинки. Карликъ лежалъ, фыркалъ и вздрагивалъ у ногъ своей госпожи: онъ тоже чувствовалъ себя какъ дома.

Сцену за карточнымъ столомъ было преинтересно наблюдать: четыре дѣмскія головы кивали другъ другу и сталкивались посреди стола съ желаніемъ пошептать проворно и громко; но время отъ времени миссъ Баркеръ проговаривала: «Тише! сдѣлайте милость, тише! мистриссъ Джемисонъ почиваетъ».

(*) Въ родѣ нашихъ дурачковъ.

Прим. перевод.

Было чрезвычайно-трудно справиться съ глухотой мистриссъ Форрестеръ и сномъ мистриссъ Джемисонъ. Но миссъ Баркеръ хорошо исполняла свою ревностную обязанность. Она шептала мистриссъ Форрестеръ, выразительно кривляясь, чтобъ показать движеніемъ губъ, что говорилось, и потомъ ласково улыбалась всѣмъ намъ, бормоча про-себя : «Право, очень-пріятно; я желала бы, чтобъ моя бѣдная сестра дожидла до этого дня».

Вдругъ дверь отворилась настежь ; Карликъ вскопчалъ съ кроткимъ лаемъ и мистриссъ Джемисонъ проснулась , или, можетъ-быть, она вовсе не спала, какъ сказала она почти тотчасъ ; въ комнатѣ было такъ свѣтло, что она была рада зажмурить глаза, но слышала съ величайшимъ удовольствіемъ весь нашъ веселый и пріятный разговоръ. Пегги еще разъ явилась, раскраснѣвшись отъ важности. Другой поднось! «О знатность!» подумала я, «можешь ли ты перенести этотъ послѣдній ударъ?» Миссъ Баркеръ заказала (я не сомнѣваюсь, что и приготовила, хотя она сказала: «ну! Пегги, что ты намъ принесла?») и казалось пріятно удивлена при этомъ неожиданномъ удовольствіи) всякаго рода пріятныхъ вещей для ужина: поджаренныхъ устрицъ, морскихъ раковъ, студень, блюдо, называемое «little cupids» (очень-любимое крэнфордскими дамами, хотя слишкомъ-дорогое для угощенія, исключая торжественныхъ случаевъ—макароны, намоченныя въ винѣ, назвала бы я это блюдо, еслибъ не знала болѣе-утонченнаго и классическаго названія). Короче, насъ хотѣли угостить всѣмъ, что только было самага лучшаго и деликатнаго ; и мы думали, что лучше благо-склонно покориться , даже на счетъ нашей знатности, которая никогда вообще не ужинаетъ, но которая, подобно многимъ неужинающимъ, чрезвычайно бываетъ голодна при всѣхъ особенныхъ случаяхъ.

Миссъ Баркеръ въ своей прежней сферѣ была, смѣю сказать, знакома съ напиткомъ, называемымъ вишнѣвкой. Никто изъ насъ не видалъ ничего подобнаго, и всѣ мы попятились, когда она предложила «маленькую, крошечную рюмочку — знаете, послѣ устрицъ и раковъ. Думаютъ, что устрицы и раки не-очень-здоровы». Мы всѣ покачали головой подобно китайскимъ кукламъ; но, наконецъ, мистриссъ Джемисонъ допустила себя уговорить, и мы послѣдовали ея примѣру. Это питье было довольно-вкусно, но такъ горячо и крѣпко, что мы принуждены были высказать нашу непривычку къ такимъ вещамъ страшнымъ кашлемъ, почти такимъ же страшнымъ, какъ кашель миссъ Баркеръ, прежде чѣмъ насъ впустила Пегги.

— Очень-крѣпко, сказала миссъ Поль, поставивъ опорожненную рюмку. — Я полагаю, что тутъ есть спиртъ.

— Только крошечная капелька... именно сколько нужно, чтобъ не испортилось, сказала миссъ Баркеръ. — Вы знаете, мы завязываемъ бумагою, намоченною въ водкѣ, банки съ вареньемъ, чтобъ ово не портилось. Я часто чувствую себя подхмѣлькомъ, поѣвъ тортъ изъ дамасскихъ сливъ.

Не знаю, открылъ ли бы такъ сердце мистриссъ Джемисонъ тортъ изъ дамасскихъ сливъ, какъ вишнёвка; но мистриссъ Джемисонъ сказала намъ о предстоящемъ событіи, относительно котораго сохраняла до-тѣхъ-поръ молчаніе.

— Моя невѣстка, леди Гленмайръ ѣдетъ ко мнѣ въ гости.

— Всѣ воскликнули хоромъ: «неужели!» потомъ замолчали. Каждая мысленно сдѣлала осмотръ своему гардеробу, то-есть приличенъ ли онъ для появленія въ присутствіи вдовы баронета. Въдъ въ Крэнфордѣ всегда начинаются празднества, когда къ нашимъ друзьямъ пріѣдетъ какая-нибудь гостья. Мы весьма-пріятно оживились при надеждѣ предстоящаго случая.

Вскорѣ послѣ этого доложили о прибытіи служанокъ съ фонарями. У мистриссъ Джемисонъ былъ портшезъ, прошедшій съ нѣкоторымъ трудомъ въ тѣсныя сѣни миссъ Баркеръ и, въ буквальномъ смыслѣ, загородившій дорогу.

Требовался нѣкоторый искусный манѣвръ со стороны старыхъ носильщиковъ (башмачниковъ, которые, когда ихъ призывали нести портшезъ, одѣвались въ чудную старую ливрею, длинныя сюртуки съ маленькими воротниками, современную портшезу и похожую на одежду этого же рода въ картинахъ Гогарта), чтобъ пробраться впередъ и вынести назадъ эту пошу изъ парадной двери миссъ Баркеръ. Потомъ мы услышали топотъ разнощиковъ по спокойной улицѣ, надѣвая наши коляски и натягивая перчатки; миссъ Баркеръ вертѣлась около насъ съ предложеніемъ услугъ, которыя были бы гораздо-убѣдительнѣе, еслибъ она не помнила своего прежняго занятія и не желала, чтобъ мы о немъ забыли.

III.

Ваше сіятельство.

На другой день рано утромъ, тотчасъ послѣ двѣнадцати, миссъ Поль явилась къ миссъ Мэтти, подъ предлогомъ какого-то ничтожнаго дѣла. Тутъ очевидно что-то скрывалось; наконецъ это обнаружилось.

— Кстати вы меня сочтете ужасной невѣждой; но знаете ли, я нахожусь въ недоумѣніи, какъ надо говорить съ леди Гленмайръ; надо

ли прибавлять «ваше сіятельство» тамъ, гдѣ вообще всѣмъ говорится «вы»? Я ломала голову цѣлое утро также надъ тѣмъ, какъ говорить «миледи» или «мэ'ми»? Вы, вѣдь, знали леди Арлей... будьте такъ добры, скажите мнѣ, какъ должно говорить съ перами?

Бѣдная миссъ Мэтти! она сняла очки, надѣла ихъ опять, но какъ говорили съ леди Арлей, не могла припомнить.

— Это было такъ давно, сказала она.—Господи! Господи! какъ я глупа! Не думаю, чтобъ я ее видѣла больше двухъ разъ. Я знаю, что мы обыкновенно звали сэра Питера, «сэръ Питеръ», но онъ гораздо чаще бывалъ у насъ, чѣмъ леди Арлей. Дебора сейчасъ бы сказала; миледи — ваше сіятельство звучитъ какъ-то странно и какъ-будто ненатурально. Я никогда не думала объ этомъ прежде, но теперь нахожусь въ совершенномъ затрудненіи.

Вѣрно одно, что миссъ Поль не добьется благоразумнаго рѣшенія отъ миссъ Мэтти, которая каждую минуту приходила все въ большее-и-большее изумленіе и замѣшательство относительно этикета въ названіи.

— Я, право, думаю, сказала миссъ Поль: — что мнѣ лучше пойти и сказать мистриссъ Форрестеръ о нашемъ маленькомъ затрудненіи. Нѣкоторые люди такъ щекотливы, а вѣдь никто не захочетъ заставить леди Гленмайръ думать, что мы, въ Крэнфордѣ, совсѣмъ не знаемъ этикета высшаго общества.

— А нельзя ли вамъ будетъ зайти сюда, милая миссъ Поль, на возвратномъ пути и сказать мнѣ, какъ вы порѣшите? Что бы вы ни придумали съ мистриссъ Форрестеръ, буду я увѣрена, что хорошо. «Леди Арлей, сэръ Питеръ», говорила про-себя миссъ Мэтти, стараюсь припомнить прежній образъ выраженія.

— Кто такая леди Гленмайръ? спросила я.

— Вдова мистера Джемисона... то-есть покойнаго супруга мистриссъ Джемисонъ... вдова его старшаго брата. Мистриссъ Джемисонъ, урожденная миссъ Уокеръ, дочь губернатора Уокера. Ваше сіятельство... душенька, если они рѣшатся на такой образъ выраженія, вы позвольте мнѣ привыкнуть сначала говорить такъ съ вами, а то я совершенно сконфужусь, если заговорю въ первый разъ съ леди Гленмайръ.

Для миссъ Мэтти было большимъ облегченіемъ, когда мистриссъ Джемисонъ явилась къ ней за весьма-невѣжливымъ дѣломъ. Я приищу, что апатическіе люди гораздо-болѣе другихъ дерзки. Мистриссъ Джемисонъ изволила объявить просто-на-просто, что она совсѣмъ не желаетъ, чтобъ крэнфордскія дамы пріѣзжали къ ея невѣсткѣ. Не могу

сказать въ-точности, какъ она это объяснила, потому-что я пришла въ негодованіе и разгорячилась, когда она медленно, обдуманно, изъясняла свое желаніе миссъ Мэтти; миссъ Мэтти, сама настоящая леди, не могла понять тѣхъ чувствъ, которыя заставляли мистриссъ Джемисонъ показать своей благородной невѣсткѣ, будто она посѣщаетъ только графскія фамиліи. Миссъ Мэтти оставалась въ замѣшательствѣ и недоумѣніи долго послѣ того, какъ я догадалась, о причинѣ посѣщенія мистриссъ Джемисонъ.

Когда она поняла предметъ визита сіятельной леди, пріятно было видѣть, съ какимъ спокойнымъ достоинствомъ приняла она извѣщеніе, сдѣланное такъ невѣжливо. Она не оскорбилась; она была слишкомъ для этого кротка, даже хорошенько не сознавала своей антипатіи къ поведенію мистриссъ Джемисонъ: но въ ея мысляхъ было что-то похожее на это чувство; оно заставило ее переходить отъ одного предмета къ другому съ меньшимъ смущеніемъ и съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ обыкновенно. Мистриссъ Джемисонъ была смущена гораздо-болѣе ея, и я видѣла, что она торопилась уѣхать.

Вскорѣ послѣ этого возвратилась миссъ Поль, краснѣя отъ негодованія.

— Ну, прекрасно! у васъ была мистриссъ Джемисонъ, мнѣ сказала Марта, и мы не должны бывать у леди Гленмайръ. Да, я встрѣтилась съ мистриссъ Джемисонъ на половинѣ дороги отсюда къ мистриссъ Форрестеръ, и она мнѣ сказала, да такъ удивила, что я не нашлась ничего отвѣтить. Жаль, что мнѣ не пришло на мысль что-нибудь колкое и саркастическое; я придумую сегодня. Въдъ леди-то Гленмайръ больше ничего какъ вдова шотландскаго баронета! Я справлялась въ «Книгъ Перовъ» у мистриссъ Форрестеръ, чтобъ посмотрѣть, кто такая эта дама, которая должна сохраняться подъ стекляннимъ колпакомъ?— вдова шотландскаго пера, никогда незасѣдавшего въ Палатѣ Лордовъ и совершеннаго нищаго, смѣю сказать; а сама она пятая дочь какого-то Кембля. Вы дочь пастора, по-крайней-мѣрѣ, въ родствѣ съ Арлеями: въдъ сэръ Питеръ могъ быть виконтомъ Арлеемъ—всякій это знаетъ.

Миссъ Мэтти пыталась успокоить миссъ Поль, но напрасно: эта дама, обыкновенно такая ласковая и добродушная, находилась теперь въ полномъ разгарѣ ярости.

— А я сегодня утромъ заказала чепчикъ, проговорила она наконецъ, высказавъ секретъ, который былъ причиною главной обиды.— Мистриссъ Джемисонъ увидитъ, легко ли заставить меня быть четвертой въ преферансъ, когда у ней не будетъ никого изъ ея знатной шотландской родни.

Выходя изъ церкви, въ первое воскресенье, когда леди Гленмайръ появилась въ Крэнфордъ, мы усердно разговаривали между собою и повернулись спиной къ мистриссъ Джемисонъ и ея гостьѣ. Если мы не могли къ ней ѣздить, то не хотѣли даже и смотрѣть на нее, хотя умирали отъ любопытства узнать, какова она. Намъ оставалось удовольствіе разспросить вечеромъ Марту. Марта не принадлежала къ той сферѣ общества, похвалы котораго могли почестъся комплиментомъ для леди Гленмайръ, и Марта смотрѣла во всё глаза.

— Это вы говорите про ту низенькую барыню, что была съ мистриссъ Джемисонъ? А я думала, что вамъ любопытиѣ будетъ узнать, какъ была одѣта мистриссъ Смитъ, новобрачная (мистриссъ Смитъ была жена мясника).

Миссъ Поль сказала :

— Господи помилуй! какъ-будто мы заботимся о какой-нибудь мистриссъ Смитъ, но тотчасъ замолчала, какъ только Марта продолжала:

— Низенькая барыня на церковной скамейкѣ мистриссъ Джемисонъ была въ черномъ, порядочно-поношенномъ шелковомъ платьѣ и въ шотландскомъ простомъ салопѣ, а глаза у ней черные и очень-блестящіе, сударыня, а лицо этакое пріятное и востренькое; ужъ немолода, сударыня, а все-таки помоложе самѣй мистриссъ Джемисонъ. Она, словно птица, вертѣла глазами во всё стороны, а выходя препроворно, подобрала свое платье. Я скажу вамъ вотъ что, сударыня: она очень-похожа на мистриссъ Диконъ, содержательницу гостинницы, подъ вывѣскою «Дилжансовъ».

— Шшъ, Марта! сказала миссъ Мэтти, это непочтительно.

— Не-уже-ли, сударыня? Прошу прощенія, да Джимъ Гэрнъ это говорить. Онъ говорить, что это точь-въ-точъ такая востренькая, живая баба.

— Леди, сказала миссъ Поль.

— Леди... какъ мистриссъ Диконъ...

Прошло и другое воскресенье, а мы все отворачивались отъ мистриссъ Джемисонъ и ея гости, и дѣлали замѣчанія, которыя казались намъ очень-саркастическими, почти даже слишкомъ. Миссъ Мэтти, очевидно, было неловко отъ нашей саркастической манеры выражаться; можетъ-быть, въ это время леди Гленмайръ нашла, что домъ мистриссъ Джемисонъ былъ не самый веселый и не самый пріятный домъ въ мірѣ; можетъ-быть мистриссъ Джемисонъ нашла, что большая часть графскихъ фамилій была въ Лондонѣ, и что тѣ, которыя оставались въ нашей провинціи, не такъ чувствительны, какъ бы слѣдовало къ пребыванію леди Гленмайръ въ ихъ сосѣдствѣ. Великія событія проше-

ходятъ отъ ничтожныхъ причинъ, и я не беру на себя сказать, что заставило мистриссъ Джемисонъ измѣнить свое намѣреніе относительно изгнанія крэнфордскихъ дамъ и послать ко всѣмъ приглашительныя записки на вечеръ въ слѣдующій вторникъ. Самъ мистеръ Мѣллинеръ разносилъ ихъ. Онъ, кажется, не зналъ, что во всякомъ домѣ есть черныи ходъ, и дѣлалъ всегда больше шуму, чѣмъ госпожа его, мистриссъ Джемисонъ. У него было три записочки, которыя онъ понесъ въ большой сумкѣ, чтобъ заставить госпожу свою думать, будто онъ ужасно-тяжелы, хотя онъ легко могли помѣститься въ его карманѣ.

Мы съ миссъ Мэтти спокойно рѣшили отвѣчать, что намъ нужно остаться дома. Это было именно въ тотъ вечеръ, когда миссъ Мэтти обыкновенно дѣлала фитили изъ всѣхъ писемъ и ненужныхъ бумагъ, накопившихся въ недѣлю; по понедѣльникамъ счеты ея уплачивались аккуратно, ни одного пенни не оставалась она должна за прошлую недѣлю; такимъ-образомъ мы устроились, чтобъ сожиганіе происходило во вторникъ и оно подало законный поводъ къ отказу на приглашеніе мистриссъ Джемисонъ. Но прежде, чѣмъ мы написали отвѣтъ, явилась миссъ Поль съ распечатанной запиской въ рукахъ.

— Такъ! сказала она. — А! я вижу и вы тоже получили приглашеніе. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Я готова была сказать заранѣе, что пожелаетъ леди Гленмайръ нашего общества прежде, чѣмъ пройдутъ недѣльки двѣ.

— Да, сказала миссъ Мэтти: — просятъ вечеромъ, во вторникъ. Можетъ-быть, не потрудитесь ли вы принести вашу работу и откушать съ нами чаю во вторникъ. Я обыкновенно въ этотъ день пересматриваю недѣльныя бумаги, счеты, письма и сожигаю ихъ; но это недостаточная причина для отговорки, хотя я и намѣревалась такъ поступить. Теперь, если вы придете, то совѣтъ моя будетъ совершенно-спокойна и, къ-счастью, записка еще не написана.

Я видѣла какъ миссъ Поль переѣвилась въ лицѣ.

— Стало-быть вы не намѣрены туда? спросила она.

— О, нѣтъ! сказала спокойно миссъ Мэтти. — Да и вы тоже, я полагаю?

— Не знаю, отвѣчала миссъ Поль. — Да, я думаю идти, сказала она вдругъ нѣсколько-рѣзко, и видя, что миссъ Мэтти глядитъ на нее съ удивленіемъ, прибавила: — видите несовѣсть-пріятно заставить думать мистриссъ Джемисонъ, будто мы обижаемся всѣмъ тѣмъ, что она ни скажетъ, или ни сдѣлаетъ, будто мы всему этому придаемъ важность. Это значитъ унизиться передъ нею, и я по-крайней-мѣрѣ на это несогласна. Для мистриссъ Джемисонъ будетъ очень-лестно, если

мы позволимъ ей предполагать, что слова ея могутъ казаться намъ оскорбительными недѣлю, или даже десять дней спустя.

— Я полагаю, что дурно оскорбляться и досадовать такъ долго на что бы то ни было. Можетъ-быть, впрочемъ, она и не думала оскорблять насъ. Но я должна признаться не допустила бы себя сказать то, что сказала мистриссъ Джеμισонъ: она ясно выразилась, чтобъ мы не прѣзжали. Я, право, думаю, не поѣду.

— О, поѣдте! миссъ Мэтти, вамъ надо ѣхать; вы знаете, пріятельница наша мистриссъ Джеμισонъ гораздо-олегчатичѣе многихъ другихъ и не входитъ въ тонкія деликатности, которыми вы обладаете въ такой замѣчательной степени.

— Я думала, что и вы обладали ими тоже въ тотъ день, когда мистриссъ Джеμισонъ приходила сказать, чтобъ мы у ней не бывали, сказала простодушно миссъ Мэтти.

Но миссъ Поль, въ-добавокъ къ тонкимъ деликатностямъ своихъ чувствъ, обладала также щегольскимъ чепчикомъ, который ей ужасно хотѣлось показать изумленному міру, и потому она, казалось, забыла все колкія слова, произнесенныя двѣ недѣли назадъ, и убѣдила миссъ Мэтти, какъ дочь покойнаго пастора, купить новый чепчикъ и идти на вечеръ къ мистриссъ Джеμισонъ. Такимъ-образомъ было написано, что «мы съ величайшимъ удовольствіемъ принимаемъ приглашеніе», вмѣсто «сожалѣемъ, что принуждены отказать».

Трата на наряды въ Крэнфордѣ заключалась въ одной этой статьѣ, о которой я упоминала. Если на головахъ были щегольскіе новые чепчики, дамы ходили на страусовъ и не заботились нисколько объ остальной части своего тѣла. Старыя платья, бѣлые достопочтенные воротнички, множество брошекъ вездѣ (на нѣкоторыхъ были нарисованы собачьи глаза, нѣкоторыя походили на рамочку картины съ мавзолеями и плакучими ивами, другія были съ миньютюрными портретами дамъ и кавалеровъ, нѣжно-улыбавшихся); старыя брошки были постояннымъ украшеніемъ, а новые чепчики, чтобъ слѣдовать новѣйшей модѣ; крэнфордскія дамы всегда одѣвались съ цѣломудреннымъ изяществомъ и пристойностью, какъ миссъ Баркеръ премило выразилась однажды.

И въ трехъ новыхъ чепчикахъ, съ большимъ количествомъ брошекъ, чѣмъ видали когда-нибудь, съ-тѣхъ-поръ, какъ Крэнфордъ сдѣлался городомъ, явились мистриссъ Форрестеръ, миссъ Мэтти и миссъ Поль на достопамятный вечеръ во вторникъ. Я сама сосчитала семь брошекъ на миссъ Поль. Двѣ были небрежно пришпиглены на чепчикъ (на одной была бабочка, сдѣланная изъ шотландскихъ топазовъ, которую живое воображеніе могло принять за живую; третья брошка прикрывала фи-

лейный платочекъ, четвертая воротникъ, пятая украшала лиць платья, какъ-разъ средину между грудью и поясомъ, а шестая кончикъ мыска. Гдѣ была седьмая—я забыла, но навѣрно знаю, что она гдѣ-то была.

Но я забѣгаю впередъ слишкомъ-скоро, описывая наряды достопо-
чтеннаго общества. Я должна прежде описать, какъ собирались къ
мистриссъ Джемисонъ. Дама эта жила въ большомъ домѣ за городомъ.
Дорога, бывшая прежде улицей, шла передъ домомъ безъ промежуточ-
наго сада или двора. Откуда ни свѣтило солнце, оно никогда не сіяло
на переднюю часть этого дома. Жилые покои были назади и выходили
въ хорошенькій садикъ, а окна на улицу принадлежали кухнѣ, комна-
тамъ слугъ и кладовымъ; въ одной изъ этихъ комнатъ—такая нося-
лась молва—сидитъ мистеръ Мёллинеръ. Точно, смотря наискось, мы
часто видѣли его затылокъ, покрытый пудрой, которая также покрыва-
ла и воротникъ, и сюртукъ; этотъ важный затылокъ всегда былъ
погруженъ въ чтеніе газеты «Сен-джемской Хроники», широко-раскры-
той, что до извѣстной степени изъясняло, почему газета такъ долго
не доходила до насъ, хотя мы были такія же подписчицы, какъ и мис-
триссъ Джемисонъ, но которая, по праву своей сіятельности, всегда
первая ихъ читала. Въ этотъ вторникъ остановка послѣдняго нумера
была особенно-досадна: и миссъ Поль, и миссъ Мэтти, обѣ, особенно
первая, желали просмотрѣть его, чтобъ зазубрить придворныя новости
и быть въ-состояніи говорить о нихъ на вечернемъ свиданіи съ ари-
стократками. Миссъ Поль сказала намъ, что она воспользовалась вре-
менемъ и одѣлась въ пять часовъ, чтобъ быть готовой, если газеты
прибудутъ въ послѣднюю минуту, тѣ самыя газеты, которыя напудрен-
ная голова преспокойно читала, когда мы проходили мимо окна.

— Дерзкій! сказала миссъ Поль тихимъ негодующимъ шопотомъ.—
Мнѣ бы хотѣлось спросить, платитъ ли его госпожа за то, что онъ
читаетъ ихъ.

Мы посмотрѣли на нее съ восторгомъ, восхищаясь мужествомъ этой
мысли, потому-что мистеръ Мёллинеръ былъ предметомъ величайшаго
страха для всѣхъ насъ. Онъ, казалось, никогда не забывалъ, какое
снисхожденіе оказалъ онъ Крэнфорду, согласившись въ немъ жить.
Миссъ Дженкинсъ, бывало, являлась неустрашимой защитницей своего
пола и говорила съ нимъ какъ съ ровней, но и миссъ Дженкинсъ не
могла идти выше. Даже въ самомъ веселомъ и любезномъ расположе-
ніи, онъ походилъ на сердитаго какаду. Онъ говорилъ только угрюмыми,
односложными словами. Онъ непрежѣнно оставался въ передней, когда
мы просили его не оставаться, а потомъ обижался, зачѣмъ мы дер-

жали его тамъ, пока трепещущими, торопливыми руками мы охоранивались передъ входомъ въ гостиную.

Миссъ Поль осмѣлилась пошутить, когда мы шли наверхъ, съ намѣреніемъ, хотя она обращалась къ намъ, развеселить нѣсколько мистера Мёллинера. Мы всё улыбнулись, чтобъ показать, будто мы нисколько не были женированы, и робко взглянули на мистера Мёллинера, ожидая его сочувствія. На этомъ деревянномъ лицѣ ни одинъ мускулъ не смягчился, и мы въ минуту сдѣлались серьезны.

Гостинная мистриссъ Джэмисонъ казалась веселенькой комнатою; вечернее солнце струилось въ нее, а широкое четвероугольное окно было уставлено цвѣтами. Мѣбель была бѣлая съ золотомъ, не въ послѣднемъ вкусѣ, не то, что называется, кажется, во вкусѣ Людовика XIV-го, все раковины и кружки — вѣтъ; на креслахъ и столахъ мистриссъ Джэмисонъ не было ни одного кружка или изгиба. Ножки кресель и столовъ суживались къ полу, а по угламъ были прямы и четвероугольны. Кресла стояли вдоль стѣны врядъ, за исключеніемъ четырехъ или пяти, поставленныхъ полукругомъ около камина. Они были обиты бѣлыми полосами поперегъ спиннокъ и приколочены золотыми пуговками; ни полосы, ни пуговики не обѣщали удобства. Еще былъ лакированный столикъ, посвященный литературѣ, на которомъ лежали Библія, книга о Перахъ и молитвенникъ; былъ другой четвероугольный столъ, посвященный пзящнымъ искусствамъ; на немъ лежали калейдоскопъ, увеселительныя карты (завязанныя необыкновенной длины полинялыми лентами, розовыми атласными) и ящичекъ, разрисованный наподобіе чайныхъ. Карликъ лежалъ на вышитомъ гарусомъ коврѣ и весьма-нелюбезно залаялъ, когда мы вошли. Мистриссъ Джэмисонъ встала, привѣтствовала каждую изъ насъ сонливой улыбкой и съ отчаяніемъ взглянула на мистера Мёллинера, который стоялъ за нами, какъ-будто надѣялась, что онъ усадитъ насъ по мѣстамъ, потому-что, еслибъ онъ не усадилъ, она ни за что не сумѣла бы этого сдѣлать. Я полагаю, онъ думалъ, что мы сами можемъ найти дорогу къ кресламъ, стоявшимъ полукругомъ около камина, что напоминало мнѣ друидическій храмъ, не знаю почему. Леди Гленмайръ посетила на помощь хозяйкѣ и, не знаю какъ, мы въ первый разъ помѣстились пріятно, а не церемоніально, въ домѣ мистриссъ Джэмисонъ. Леди Гленмайръ (теперь мы могли вдоволь на нее насмотрѣться) оказалась веселенькой, низенькой женщиной среднихъ лѣтъ, которая, должно-быть, была очень-хороша собой въ молодости и даже до-сихъ-поръ сохраняла препрятную наружность. Я видѣла, какъ миссъ

Поль оцѣнила ея нарядъ въ первыя пять минутъ , и я вѣрю ея словамъ , когда она сказала на слѣдующій день :

— Душенька ! все-то на ней стоило не больше десяти фунтовъ и съ кружевами .

Пріятно было подозрѣвать , что жена пера бѣдна ; это частью помирло насъ съ тѣмъ , что мужъ ея никогда не засѣдалъ въ Палатѣ Лордовъ . Но , когда мы въ первый разъ объ этомъ услышали , это казалось намъ самозванствомъ .

Мы сначала все были очень-молчаливы . Мы думали , какой начать разговоръ , который могъ бы заинтересовать миледи . Сахаръ поднялся въ цѣнѣ ; а такъ-какъ близилось время варить варенье и предметъ этотъ былъ очень-близокъ къ нашимъ хозяйственнымъ сердцамъ , то онъ , натурально , подавъ бы поводъ къ разговору , не будь тутъ леди Гленмайръ ; но мы не были увѣрены , ѣдятъ ли жены пэровъ варенье и , тѣмъ болѣе , знаютъ ли , какъ оно дѣлается . Наконецъ миссъ Поль , у которой всегда былъ большой запасъ мужества и savoir faire , заговорила съ леди Гленмайръ , которая , съ своей стороны , находилась точно въ такомъ же замѣшательствѣ , какимъ образомъ прервать молчаніе , какъ и мы .

— Ваше сіятельство были недавно при дворѣ ? спросила она , бросая изъ всехъ насъ полуробкій , полуторжественный взглядъ , какъ-бы говоря : « видите , какъ благоразумно выбрала я предметъ , приличный для званія незнакомой намъ женщины » .

— Я никогда тамъ не бывала , сказала леди Гленмайръ съ сильнымъ шотландскимъ произношеніемъ , но очень-пріятнымъ голосомъ . Потомъ , чувствуя , что выразилась слишкомъ-рѣзко , прибавила : — мы рѣдко ѣздили въ Лондонъ ; всего только два раза были въ немъ во все время моего замужства ; а прежде чѣмъ я вышла замужъ , у батюшки было слишкомъ-большое семейство (я увѣрена , что пять дочерей мистера Кембля были у всехъ насъ въ памяти) : онъ не могъ часто вывозить насъ даже въ Эдинбургъ . Не бывали ли вы въ Эдинбургѣ , можетъ-быть ? сказала она , вдругъ просіявъ отъ надежды общаго интереса .

Никто изъ насъ не бывалъ тамъ ; но у миссъ Поль былъ дядя , который однажды провелъ тамъ ночь весьма-пріятно . Мистриссъ Джемисонъ между-тѣмъ погружена была въ удивленіе , почему мистеръ Мелланнеръ не приноситъ чай , и наконецъ удивленіе истекло изъ ея устъ .

— Не позвонить ли лучше , душенька ? сказала живо леди Гленмайръ .

— Нѣтъ... не думаю... Мёллинеръ не любитъ, чтобъ его торопили.

Намъ очень хотѣлось чаю, потому-что мы обѣдали раньше мистриссъ Джемисонъ. Я подозреваю, что мистеръ Мёллинеръ рѣшился дочитать газету, прежде чѣмъ заблагоразсудилъ побезпокоиться о чаѣ. Госпожа его безпокоилась, безпокоилась и все говорила:

— Не понимаю, почему Мёллинеръ не приноситъ чаю. Не понимаю, что онъ тамъ дѣлаетъ.

А леди Гленмайръ наконецъ совсѣмъ вышла изъ терпѣнія. Но это было нетерпѣніе премилое, впрочемъ; она позвонила въ колокольчикъ довольно-громко, получивъ позволеніе отъ невѣстки. Мистеръ Мёллинеръ явился съ удивленіемъ оскорбленнаго достоинства.

— Леди Гленмайръ позвонила, сказала мистриссъ Джемисонъ: — полагаю, затѣиъ, чтобъ подавали чай.

Черезъ нѣсколько минутъ чай принесли. Очень-хрупокъ былъ фарфоръ, очень-старо серебро, очень-тонки ломтики хлѣба съ масломъ и очень-малы куски сахара. Сахаръ, очевидно, былъ любимымъ предметомъ экономіи мистриссъ Джемисонъ. Я сомнѣваюсь, могли ли маленькіе филогранные щипчики, сдѣланные наподобіе ножищъ, раскрыться на столько, чтобъ взять хорошій, обыкновенный крупный кусокъ; и когда я попробовала взять въ одно время два крошечные кусочка, чтобъ не замѣтили мое частое возвращеніе къ сахарницѣ, щипчики рѣшительно выронили другой кусокъ съ рѣзкимъ брячаніемъ, совершенно-коварнымъ и неестественнымъ образомъ. Но прежде чѣмъ это случилось, насъ постигло небольшое разочарованіе. Въ маленькомъ серебряномъ молочникѣ были сливки, а въ томъ, что побольше, молоко. Какъ только вошелъ мистеръ Мёллинеръ, Карликъ началъ просить подачки; бросить ему что-нибудь, запрещало намъ приличіе, хотя мы были точно такъ же голодны, какъ и онъ. Мистриссъ Джемисонъ сказала, что, она увѣрена, мы извинимъ ее, если она прежде дастъ чаю своему бѣдному Карлику. Въслѣдствіе этого она налила ему полное блюдечко, и потомъ сказала намъ, какъ понятно и умно это маленькое животное: онъ распознавалъ сливки очень-хорошо и никогда не хотѣлъ пить чай съ молокомъ. Поэтому молоко было оставлено для насъ. Намъ оставалось безмолвно думать, что и мы такъ же понятливы и умны, какъ Карликъ; мы даже почувствовали нѣкоторое оскорбленіе: насъ заставляли любоваться признательностью Карлика, когда онъ махалъ хвостомъ, благодаря за наши сливки.

Послѣ чая мы пустились въ обыкновенный разговоръ. Мы были благодарны леди Гленмайръ за то, что она предложила еще хлѣба съ масломъ, и эта взаимная потребность познакомила насъ съ нею гораз-

до-лучше, нежели разговоры о дворѣ, хотя миссъ Поль сказала, что она надѣялась узнать, здорова ли королева, отъ кого-нибудь, кто лично ее видѣлъ.

Дружба, начатая за хлѣбомъ съ масломъ, увеличилась за картами. Леди Гленмайръ удивительно играла въ преферансъ и была совершеннымъ авторитетомъ въ лондонѣ и бостонѣ. Даже миссъ Поль забыла, что нужно говорить: «миледи» и «ваше сіятельство» и сказала: «баста мэмъ, у васъ былъ, кажется, червонный валетъ», такъ же спокойно, какъ-будто никогда не собиралось крэнфордскаго парламента по случаю приличнаго способа выражаться съ женою пера.

Въ доказательство, какъ совершенно мы забыли, что находились въ присутствіи той, которая могла сидѣть за чаемъ съ баронетскою короной на головѣ вмѣсто чепчика, мистриссъ Форрестеръ рассказала любопытное происшествіе леди Гленмайръ, анекдотъ, известный только ея короткимъ друзьямъ, который даже не былъ известенъ мистриссъ Джемсонъ. Онъ относился къ прекраснымъ старымъ кружевамъ, единственному остатку лучшаго времени, которыми леди Гленмайръ любовалась на воротничкѣ мистриссъ Форрестеръ.

— Да, говорила эта дама: — такихъ кружевъ теперь не достанешь ни за какія деньги; ихъ дѣлали монахини за границей. Теперь говорить, что нельзя сдѣлать ихъ и тамъ; но, можетъ-быть, теперь могутъ, послѣ изданія закона объ эманципаціи католиковъ. Я не удивляюсь, но между-тѣмъ очень цѣню мое кружево. Я не довѣряю мыть его даже моей горничной (та бѣдная дѣвочка, о которой я говорила прежде, но которую госпожѣ какъ-то приличіе казалось назвать громкимъ именемъ горничной); я всегда мою его сама. Вотъ одинъ разъ кружева чуть-чуть не пропали. Разумѣется, вашему сіятельству известно, что такія кружева никогда не должно ни крахмалить, ни гладить. Нѣкоторыя моютъ въ сахарной водѣ, а нѣкоторыя въ кофе, чтобъ придать настоящій желтый цвѣтъ; но у меня есть очень-хорошій рецептъ какъ мыть кружева въ молокѣ; это дѣлаетъ ихъ жесткими и придаетъ имъ очень-хорошій сливочный цвѣтъ. Ну, вотъ, мэмъ, я сшила весь кусокъ вмѣстѣ (а красота прекраснаго кружева именно и заключается въ томъ, что, когда оно мокро, то занимаетъ очень-мало мѣста) и намочила его въ молокѣ; по-несчастью, я вышла изъ комнаты и, воротившись, нашла кошку на столѣ, которая такъ и смотрѣла воровкой и облизывалась какъ-то пеловко, какъ-будто она хотѣла что-то проглотить, да не могла. Повѣрите ли вы? сначала мнѣ было ее жаль и я говорила: «бѣдная кисочка, бѣдная кисочка!», но когда, наконецъ, вдругъ взглянула и увидѣла чашку съ молокомъ пустую до-чи-

ста, я воскликнула : «ахъ, ты, негодная кошка!» и, кажется, я такъ разсердилась, что ударила ее, а это помогло ей проглотить кружева совѣсть. Я чуть не заплакала — такъ мнѣ было досадно, но рѣшила, что не разстанусь съ кружевомъ, не постаравшись его достать. Я надѣялась, что кружева по-крайней-мѣрѣ стошнить ее, но это вывело бы хоть кого изъ терпѣнія, когда кошка пришла совершенно-спокойно и, мурлыкая черезъ четверть часа послѣ того и почти надѣясь, что я ее приласкаю. «Нѣтъ, кисочка!» сказала я: «если у тебя есть какая-нибудь совѣсть, ты не должна этого ожидать!» Вдругъ меня поразила одна мысль. Я позвонила и послала горничную къ мистеру Гоггинсу, велѣла ему кланяться и попросить дать мнѣ сапогъ на одинъ часъ. Не думаю, чтобъ въ этой просьбѣ было что-нибудь странное, но Дженни сказала, что молодые люди въ аптекѣ хохотали до упада при этой моей просьбѣ. Мы съ Дженни посадили туда кошку, растопыривъ ей переднія ноги, чтобъ она не могла насъ оцарапать и дали ей чайную ложку смородиinnaго сиропа, въ которую (ваше сіятельство, извините меня) я примѣшала немного рвотнаго. Никогда не забуду, какъ безпокоилась я цѣлые полчаса. Я взяла кошку въ свою спальню и разостлала чистое полотенце на полу. Я чуть-было ее не поцаловала, когда она воротила кружева въ томъ же состояніи, въ какомъ они были прежде. Дженни приготовила кипятку и мы намачивали кружево, намачивали, разложили на кустокъ на солнцѣ, прежде чѣмъ я могла до него дотронуться, чтобъ обмокнуть его въ молоко. А теперь ваше сіятельство никогда не отгадали бы, что оно было въ горлѣ у кошки.

Мы узнали въ продолженіе этого вечера, что леди Гленмайръ пріѣхала надолго къ мистриссъ Джемисонъ; она отказала въ квартирѣ своей въ Единбургѣ и не имѣла никакихъ причинъ спѣшить воротиться туда. Мы обрадовались, услыша это; она сдѣлала на насъ пріятное впечатлѣніе. Пріятно также было узнать изъ словъ, вырвавшихся въ продолженіе вечера, что, въ-добавокъ ко многимъ привлекательнымъ качествамъ, она отдалена отъ пошлости быть богатой.

— Не-уже-ли вамъ не кажется непріятно идти пѣшкомъ? спросила мистриссъ Джемисонъ, когда доложили о приходѣ нашихъ служанокъ.

Это былъ всегдашній вопросъ мистриссъ Джемисонъ, у которой стоялъ свой экипажъ въ сараѣ и которая даже на самыя короткія разстоянія иначе не отправлялась, какъ въ портшезѣ. Отвѣты были таковы, какъ бывали всегда:

— О нѣтъ! какая пріятная и спокойная ночь!

— Такъ хорошо освѣжиться послѣ комнатнаго жара!

— Звѣзды такъ прекрасны!

Эти послѣднія слова сказала миссъ Мэтти.

— Вы любите астрономію? спросила леди Гленмайръ.

— Неочень, возразила миссъ Мэтти нѣсколько смутившись, потому—что въ эту минуту не могла вдругъ припомнить, что такое астрономія и что астрологія; но отвѣтъ былъ справедливъ и въ томъ и въ другомъ обстоятельстве, потому—что она читала и нѣсколько страшилась астрологическихъ предсказаній Френсиса Мура; а что касается до астрономіи, то въ тайномъ откровенномъ разговорѣ она сказала мнѣ, что никогда не можетъ повѣрить, будто земля постоянно вертится и даже не хочетъ вѣрить, еслибъ и могла, и утомляется до головокруженія, когда думаетъ объ этомъ.

Надѣвъ калоши добрались мы до дому съ необыкновенной осторожностью. Такъ утонченны и деликатны были наши ощущенія послѣ того, какъ мы пили чай съ миледи.

IV.

Синьйоръ Брунони.

Вскорѣ послѣ происшествія, которое я описала въ прошедшей главѣ, и была отозвана домой—болѣзью отца, и на нѣкоторое время забыла о томъ, что дѣлается съ моими любезными крэнфордскими друзьями, и какъ леди Гленмайръ могла помириться съ скукой своего долгаго пребыванія у невѣстки своей, мистриссъ Джеймсонъ. Когда батюшкѣ сдѣлалось легче, я провожала его въ одинъ приморской городъ, такъ—что казалась изгнанною изъ Крэнфорда и лишенною случая узнать что-нибудь о миломъ городкѣ большую часть этого года.

Въ концѣ ноября, когда мы вернулись домой и батюшка опять на-ходился въ добромъ здоровьи, я получила письмо отъ миссъ Мэтти и письмо претаннственное. Она начинала и не оканчивала множества фразъ, смѣшивая ихъ одну съ другою. Я могла только понять, что если батюшкѣ лучше (она надѣялась, что ему лучше), то ему необходимо будетъ беречься и носить теплую бекешъ отъ дня св. архангела Михаила до Успенія. Она писала также, могу ли я сказать: въ модѣ ли тюрбаны? Одно веселое празднество должно случиться, какого никогда не видѣли и не знали съ-тѣхъ—цоръ, какъ были уомбуельскіе лъвы (*), и одинъ изъ нихъ съѣлъ руку ребенка; она, можетъ—быть,

(*) Уомбуель — содержатель звѣривца.

слишком-стара, чтобъ заботиться о нарядахъ, но новый чепчикъ ей непремѣнно нуженъ; а слыша, что тюрбаны въ модѣ и многіе изъ графскихъ фамилій собираются пріѣхать, ей хотѣлось бы быть прилично-одѣтой, и она просить меня привезти ей чепчикъ отъ той модетки, у которой я покупаю. Ахъ, Боже мой! какая небрежность съ ея стороны: она забыла, что пишетъ мнѣ именно затѣмъ, чтобъ просить меня пріѣхать къ ней въ слѣдующій вторникъ; она надѣется тогда предложить мнѣ нѣчто для увеселенія; она теперь не будетъ подробно описывать увеселеніе, а только прибавляетъ, что свѣтлозеленый цвѣтъ ея любимый. Такимъ-образомъ кончила она свое письмо; но въ P. S. прибавила, что можетъ увѣдомить меня объ особенной привлекательности Крэнфорда въ настоящее время; сивъюръ Брунони будетъ показывать удивительные фокусы въ залахъ крэнфордскаго собранія въ среду или въ пятницу вечеромъ на слѣдующей недѣлѣ.

Я была очень-рада принять приглашеніе отъ моей милой миссъ Мэтти, независимо отъ фокусника, и мнѣ очень хотѣлось не допустить ее обезобразить свое крошечное, кроткое личико огромнымъ турецкимъ тюрбаномъ. Согласно этому желанію, я купила ей хорошенькій чепчикъ, приличный для пожилой женщины, который однако сильно разочаровалъ ее, когда, при моемъ пріѣздѣ, она пошла за мною въ мою спальню, какъ-будто затѣмъ, чтобъ помѣшать огонь въ каминѣ, но на самомъ дѣлѣ для того, я полагаю, чтобъ посмотреть, не находится ли въ моемъ чемоданѣ свѣтлозеленый тюрбанъ. Напрасно повертывала я чепчикъ со всѣхъ сторонъ и сзади и сбоку: сердце ея жаждало тюрбана, и она могла только сказать съ покорностью судьбѣ и въ голосѣ и взглядѣ:

— Я увѣрена, что вы исполнили все, какъ только можно лучше, душенька. Это совершенно такой чепчикъ, какъ носятъ всѣ крэнфордскія дамы, а онѣ, позвольте сказать, покупали ихъ уже годъ назадъ. Мнѣ хотѣлось бы, признаюсь, что-нибудь поновѣе, что-нибудь болѣе похожее на тюрбаны, которые, какъ говорятъ миссъ Бетти Баркеръ, носить королева Аделаида; но чепчикъ прехорошенькій, душенька. И, признаться сказать, этотъ цвѣтъ прочнѣе свѣтлозеленаго. Да впрочемъ, зачѣмъ заботиться о нарядахъ? Вы скажите мнѣ, не нужно ли вамъ чего-нибудь, душенька. Вотъ здѣсь колокольчикъ. Я полагаю, тюрбаны не дошли еще до Дрѣмбля?

Говоря такимъ-образомъ, милая старушка съ тихой горестью вышла изъ комнаты, оставивъ меня одѣваться къ вечеру; она ожидала миссъ Поль и мистриссъ Форрестеръ и надѣялась, что усталость не помѣшаетъ мнѣ присоединиться къ нимъ. Разумѣется, я поспѣшила,

разобраться и одѣться, но, несмотря на всю мою торопливость, я слышала прїѣздъ и шептанье въ сосѣдней комнатѣ прежде, чѣмъ была готова. Когда я отворила дверь, до меня долетѣли слова: «Я имѣла глупость ожидать чего-нибудь порядочнаго изъ дрѣмльскихъ лавокъ... бѣдная дѣвушка! она сдѣлала все, что только могла, я не сомнѣваюсь;» но, несмотря на все это, мнѣ было прїятнѣе, чтобы она бранила и Дрѣмблъ и меня, чѣмъ обезобразила себя турбаномъ.

Миссъ Поль изъ трехъ собравшихся теперь крэнфордскихъ дамъ были болѣе всего извѣстны всѣ городскія новости. Она имѣла привычку проводить утро бродя изъ лавки въ лавку не затѣмъ, чтобы купить что-нибудь (исключая развѣ катушки бумаги или куска тесемки), но чтобы посмотрѣть на новые товары, рассказать о нихъ и собрать всѣ городскія вѣсти. Она умѣла такъ прилично соваться куда ни попало, гдѣ только могла удовлетворять свое любопытство, умѣла такимъ-образомъ, что еслибъ не казалась аристократкою по своему званію, могла бы показаться дерзкою. Теперь, по той выразительности, съ которой она прокашливалась и ждала, когда прекратится разговоръ о всѣхъ ничтожныхъ предметахъ (такихъ, напримеръ, какъ чепчики и турбаны), мы знали, что она хочетъ рассказать что-нибудь особенное. Наконецъ наступила продолжительная пауза. Я надѣюсь, что нѣтъ человѣка, обладающаго приличной скромностью, который могъ бы поддерживать длинный разговоръ, когда кто-нибудь сидитъ рядомъ съ вами, молча, смотря свысока на все, что говорятъ, какъ пошлое и достойное презрѣнія въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ можетъ рассказать, если только его хорошенько попросятъ. Миссъ Поль начала:

— Когда я выходила сегодня изъ лавки Гордона, мнѣ вздумалось пойти въ гостиницу Сен-Джорджа (у моей Бетти тамъ рождественница горничной, и я подумала, что Бетти будетъ прїятно узнать о ея здоровьѣ). Не встрѣтивъ никого, я взобралась на лѣстницу и очутилась въ снѣгахъ, ведущихъ въ залу собранія (мы съ вами, конечно, помнимъ залу собранія, миссъ Мэтти, и придворные минуэты). Вотъ я иду, не думая о томъ, гдѣ я, какъ вдругъ примѣчаю приготовления къ завтрашнему вечеру; комната раздѣлена большой перегородкой, которую три обойщика Кросби обивали красной фланелью; это казалось, что-то темно и странно и такъ меня изумило, что я, въ своей разсѣянности, пошла за ширмы, когда какой-то джентльменъ (настоящій джентльменъ, могу васъ увѣрить) подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что мнѣ угодно приказать ему. Онъ говорилъ такимъ милымъ, неправильнымъ англійскимъ языкомъ, что мнѣ представилось не Тадеусъ ли это, или вен-

герскій братъ или Санто-Себастьяни ; покуда я воображала себѣ его прошедшую жизнь, онъ съ поклономъ вывелъ меня изъ комнаты. Но погодите-ка! Вы еще половины моей исторіи не знаете. Я сходила съ лѣстницы, когда встрѣтилась съ родственницей Бетти. Разумѣется, я остановилась поговорить съ нею о Бетти, и она сказала мнѣ, что я точно видѣла фокусника. Джентльменъ, который неправильно говорилъ поанглійски, былъ самъ снйъоръ Брунони. Именно въ эту минуту проходилъ онъ мимо насъ по лѣстницѣ и сдѣлалъ преграціозный поклонъ, въ отвѣтъ на который я тоже сдѣлала ему книксенъ: у всѣхъ иностранцевъ такія учтивыя манеры, что поневолѣ заимствуешься отъ нихъ. Когда онъ сошелъ внизъ, я вспомнила, что уронила перчатку въ залѣ собранія (она была въ моей муфтѣ все это время, и я нашла ее ужь послѣ). Я воротилась назадъ и, прокрадываясь въ проходѣ, оставленномъ большой перегородкой, которая раздѣляетъ почти всю залу, кого увидала я тамъ? Того самого джентльмена, котораго я встрѣтила только-что передъ этимъ, который прошелъ мимо меня по лѣстницѣ, а теперь являлся изъ внутренней части комнаты, куда совѣтъ нѣтъ хода — помните миссъ Мэтти! и повторилъ тѣмъ же самымъ милымъ, неправильнымъ англійскимъ языкомъ: что мнѣ угодно, только совѣтъ не такъ грубо. Казалось онъ не хотѣлъ пропускать меня за перегородку. Я объяснила ему, что пришла за перчаткой, которую, довольно впрочемъ странно, я нашла именно въ эту минуту.

Миссъ Поль, стало-быть, видѣла колдуна, настоящаго живаго колдуна! Какъ многочисленны были вопросы, сдѣланные ей всѣми нами:

- Носитъ онъ бороду?
- Молодъ или старъ?
- Блондинъ или брюнетъ?
- Какой наружности?

Короче, миссъ Поль была героиней вечера, благодаря своей утренней встрѣчѣ.

Колдовство, фокусы, волшебство, чародѣйство составляли главные предметы разговора во весь вечеръ. Миссъ Поль была немного скептикомъ и склонна думать, что даже постушки каждаго чародѣя можно рѣшить ученымъ образомъ. Мистриссъ Форрестеръ вѣрила всему, начиная отъ привидѣній до домовыхъ. Миссъ Метти держала середину между обѣими, всегда склоняясь на убѣжденія послѣдней. Думаю, что она внутренно склонялась болѣе на сторону мистриссъ Форрестеръ; но желаніе показаться достойною сестрою миссъ Дженкинсъ заставляло ее удерживать равновѣсіе. Миссъ Дженкинсъ, никогда не позволяла служанкѣ называть сальныя кружочки, образующіеся вокругъ свѣ-

чекъ, «саваномъ», но приказывала говорить просто кружечки. И ея сестра будетъ суевѣрной! Нѣтъ это невозможно.

Послѣ чаю меня отправили внизъ за тѣмъ томомъ старой энциклопедіи, въ которомъ находятся существительныя имена, начинающіяся съ буквы С. ддятого, чтобъ миссъ Поль могла почерпнуть оттуда ученныя объясненія къ фокусамъ слѣдующаго вечера. Это помѣшало партіи преферанса, которую миссъ Мэтти и мистриссъ Форрестеръ имѣли въ виду, потому-что миссъ Поль погрузилась въ свой предметъ и въ гравюры, которыми книга была иллюстрирована, а намъ показалось жестокииъ мѣшать ей. Только двумя или тремя зѣвками, которыхъ я не могла удержать, старалась выразить я скуку, потому-что дѣйствительно была тронута той кротостью, съ какою обѣ дамы переносили свое обманутое ожиданіе; но миссъ Поль читала отъ этого только усерднѣе, и не сообщала намъ интересныхъ свѣдѣній, какъ урывками:

— А, вижу; совершенно-понимаю. А представляетъ шарикъ. Поставьте А между Б и Д... Нѣтъ! между С и В и поверните второй суставъ третьяго пальца вашей лѣвой руки надъ кистью вашей правой Н. Точно, очень-ясно. Милая мистриссъ Форрестеръ колдовство и волшебство дѣло простой азбуки. Позвольте прочесть вамъ одно это мѣсто?

Мистриссъ Форрестеръ умоляла миссъ Поль избавить ее, говоря, что съ дѣтства она не могла понимать, когда читають вслухъ, а я вырвала изъ рукъ карты, которыя тасовала очень-громко, и этимъ скромнымъ движеніемъ принудила миссъ Поль примѣтить, что нынѣшній вечеръ назначено было состояться преферансу, и предложить нѣсколько неохотно не начать ли пульку —какая пріятная веселость засіяла при этомъ на лицахъ двухъ дамъ! Миссъ Мэтти почувствовала нѣкоторое угрызеніе совѣсти, зачѣмъ прервала ученое занятіе миссъ Поль, и не поняла хорошо картъ, не обращала полного вниманія на игру до-тѣхъ-поръ, пока не успокоила своей совѣсти. Она предложила миссъ Поль взять домой этотъ томъ энциклопедіи, и миссъ Поль приняла его съ признательностью и сказала, чтобъ Бетти взяла его домой, когда та пришла за нею съ фонаремъ.

На слѣдующій вечеръ мы всѣ находились въ нѣкоторомъ смятеніи при мысли объ ожидающей насъ веселости. Миссъ Мэтти ушла одѣваться заблаговременно, торопила меня, и намъ пришлось дожидаться полтора часа, потому-что двери открывались ровно въ семь, а намъ предстояло идти лишь нѣсколько сажень! Однако, какъ говорила миссъ Мэтти, не слѣдуетъ слишкомъ погружаться во что бы то ни было и забывать время; поэтому она думаетъ, что мы сдѣлаемъ лучше,

если просидимъ спокойно, не зажигая свѣчь до семи часовъ безъ пяти минутъ. Миссъ Метти дремала, а я вязала.

Наконецъ мы отправились и у подъезда встрѣтили мистриссъ Форрестеръ и миссъ Поль. Миссъ Поль разсуждала все о томъ же предметѣ, только съ большимъ жаромъ, чѣмъ прежде, и закидала насъ азами и буками, какъ градомъ. Она даже списала нѣсколько рецептовъ, какъ она выражалась, различныхъ фокусовъ. Эти рецепты были записаны на оборотѣ конвертовъ, чтобъ быть наготовѣ уличить синьора Брунони.

Мы вошли въ переднюю, смежную съ залой собранія; миссъ Мэтти нѣсколько разъ вздохнула о своей минувшей юности, вспомнивъ послѣдній разъ, когда она была здѣсь, и поправила свой хорошенькій пылый чепчикъ передъ страннымъ старомоднымъ зеркаломъ, въ передней. Зала собранія была пристроена къ гостиницѣ, около ста лѣтъ тому, нѣсколькими графскими фамиліями, собиравшимися въ этой самой комнатѣ разъ въ мѣсяцъ зимою потанцовать и поиграть въ карты. Не одна знатная красавица отличалась здѣсь въ минуэтѣ, который она танцевала послѣ передъ королевой Шарлоттой. Говорили, что одна дама, изъ фамиліи Геннингсъ, украшала эту комнату красотой своей; а всѣмъ было извѣстно, что богатая и прелестная вдова, леди Уильямсъ прельстилась здѣсь благородной фигурой юнаго артиста, жившаго учителемъ въ какомъ-то семействѣ по соеѣдству и сопровождавшаго своихъ хозяевъ въ крэнфордское собраніе. И славно сокровище достала себѣ леди Уильямсъ въ особѣ своего красяваго супруга, если всѣ рассказы справедливы. А теперь никакая красавица не зарумянивалась и не улыбалась въ залѣ крэнфордскаго собранія; никакой красивый артистъ не прельщаль сердца своимъ поклономъ съ *sphere au bras* въ рукахъ: старая комната была темна; палевая краска стѣнъ превратилась въ дикую; большіе куски штукатурки отвалились отъ бѣлыхъ панелей и фестоновъ стѣнъ; но еще заплѣсневѣлый запахъ обиталъ въ этомъ мѣстѣ и смутное воспоминаніе объ исчезнувшихъ дняхъ заставило миссъ Метти и мистриссъ Форрестеръ выпрямиться при входѣ и жеманно пройти по комнатѣ, какъ-будто бы тутъ было множество благородныхъ зрителей вмѣсто двухъ маленькихъ мальчиковъ съ пряниками въ рукахъ для препровожденія времени.

Мы остановились у; втораго ряда; я не могла хорошенько понять зачѣмъ, до-тѣхъ-поръ, пока не услышала, какъ миссъ Поль спрашиваетъ проходящаго слугу: ждуть ли кого-нибудь изъ графскихъ фамилій? Когда слуга покачалъ головою, говоря этимъ, что нѣтъ, мистриссъ Фаррестеръ и миссъ Мэтти подвинулись впередъ. Передъ

ній рядъ скоро увеличился и обогатился леди Гленмайръ и мистриссъ Джэмисонъ. Мы вшестеромъ занимали два передніе ряда и наше аристократическое *a parte* было уважено толпами лавочниковъ, входившихъ въ залу время-отъ-времени, и тѣснившихся на заднихъ скамейкахъ. По-крайней-мѣрѣ я такъ заключила по шуму, съ которымъ они опускались на свои мѣста. Но когда мнѣ надоѣло смотрѣть на упрямую старую занавѣсь, которая не хотѣла подниматься, и вмѣсто того уставилась на меня парой двухъ странныхъ глазъ, выглядывавшихъ сквозь щель, я чуть-было не обернулась назадъ на весело-болтавшій народъ. Въ это время миссъ Поль схватила меня за руку и просила не оборачиваться, потому-что это неприлично; что было «прилично», я ни какъ не могла узнать, но должно быть что-нибудь необыкновенно-скучное и утомительное. Мы всѣ, однако, сидѣли вытянувшись въ струнку, уставивъ глаза впередъ на мучительную занавѣсь и говоря чуть-слышно: до-того мы боялись быть уличенными въ неблагопрістойности. Мистриссъ Джэмисонъ была счастливѣе всѣхъ, потому-что она заснула.

Наконецъ глаза исчезли, занавѣсь зашевелилась, одна сторона ея поднялась выше другой, которая стояла упорно, и потомъ вдругъ упала, потомъ опять поднялся и съ новымъ усиленіемъ, и отъ мощнаго взмаха невидимой руки взлетѣлъ наверхъ, представивъ нашимъ взорамъ величественнаго джентльмена въ турецкомъ костюмѣ, сидящаго передъ небольшимъ столикомъ и смотрящаго на насъ (я побожилась бы, что тѣми же самыми глазами, которые я видѣла сквозь дырку занавѣса). Онъ смотрѣлъ спокойно и съ снисходительнымъ достоинствомъ «подобно существу изъ другой сферы», какъ чей-то «сентиментальный голосъ», произнесъ позади меня.

— Это не синьйоръ Брунони! сказала рѣшительно миссъ Поль, и такъ громко, что, я увѣрена, онъ слышалъ непременно, потому-что взглянулъ черезъ свою развѣвающуюся бороду на нашъ кружокъ съ видомъ нѣмага упрека. — У синьйора Брунони бороды не было, но, можетъ-быть, онъ явится скоро.

И она принудила себя къ терпѣнію. Между-тѣмъ, миссъ Мэтти дѣлала рекогносцировку сквозь зрительную трубку, вытерла ее и опять начала глядѣть, потомъ обернулась и сказала мнѣ ласковымъ, кроткимъ, но грустнымъ тономъ:

— Видите, душенька, тюрбаны еще носятъ.

Для дальнѣйшаго разговора мы не имѣли времени. Турецкій султанъ, какъ миссъ Поль заблагоразсудилось назвать его, всталъ и отрекомендовался синьйоромъ Брунони.

— Я ему не вѣрю! воскликнула миссъ Поль, недоувѣрчивымъ тономъ.

Онъ взглянулъ на нее опять съ тѣмъ же самымъ упрекомъ оскорбленнаго достоинства.

— Не вѣрю! повторила она, еще положительнѣе, чѣмъ прежде.— У снѣйора Брунони не было этой мохнатой вещи около подбородка, онъ былъ выбритъ чисто, какъ настоящій джентльменъ.

Энергическая рѣчь миссъ Поль произвела спасительное дѣйствіе на мистриссъ Джемисонъ, которая широко раскрыла глаза въ знакъ глубочайшаго уваженія, что заставило замолчать миссъ Поль, а турецкаго султана заговорить. Онъ заговорилъ на самомъ несвязномъ англійскомъ языкѣ, такомъ несвязномъ, что не было никакого смысла между отдѣльными частями его рѣчи — обстоятельство, которое онъ самъ замѣтилъ наконецъ, и потому, оставивъ разговоръ, началъ дѣйствовать.

Теперь мы были удивлены. Какъ онъ дѣлалъ свои фокусы, я не могла понять, даже когда миссъ Поль вытащила лоскутки бумажки и начала читать громко, или по-крайней-мѣрѣ очень-слышнымъ шопотомъ отдѣльные рецепты для самыхъ обыкновенныхъ фокусовъ. Я никогда не видала такихъ нахмуренныхъ бровей и такого яростнаго взгляда, съ какимъ турецкій султанъ уставился на миссъ Поль; но, какъ она говорила, можно ли было ожидать порядочныхъ взглядовъ отъ мусульманна? Если миссъ Поль оставалась скептикомъ и больше занималась своими рецептами и чертежами, чѣмъ его фокусами, миссъ Мэтти и мистриссъ Форрестеръ находились въ величайшемъ недоумѣніи и мистификаціи. Мистриссъ Джемисонъ то-и-дѣло снимала и вытирала очки, какъ-будто предполагала въ нихъ какой-нибудь недостатокъ, который былъ причиною фокуса, а леди Гленмайръ, которая видѣла много любопытныхъ вещей въ Эдинбургѣ, была очень-изумлена фокусами; она никакъ не хотѣла согласиться съ миссъ Поль, которая объявляла, что всякій можетъ сдѣлать то же самое съ небольшимъ навыкомъ, и что даже она сама успѣла бы сдѣлать все, что онъ дѣлалъ, почитавъ часа два энциклопедію и постаравшись сдѣлать гибкимъ свой средний палецъ.

Наконецъ миссъ Мэтти и мистриссъ Форрестеръ были приведены въ совершенный ужасъ, начали шептаться между собой, и такъ-какъ я сидѣла позади ихъ, то и не могла не слышать о чемъ онѣ говорили. Миссъ Мэтти спрашивала мистриссъ Форрестеръ: «какъ она думаетъ: хорошо ли прѣзжать смотреть на такія вещи? Она боится, не одобряютъ ли онѣ то, что несомнѣнъ...» Легкое качанье головой дополнило остальное. Мистриссъ Форрестеръ отвѣчала, что та же мысль по-

разила ея умъ , что она чувствуетъ себя очень-неловко : «все это такъ странно». Она была совершенно-увѣрена , что въ этомъ хлѣбѣ именно ея носовой платокъ , а онъ былъ въ собственныхъ ея рукахъ не далѣе, какъ за пять минутъ передъ этимъ. Она желала бы знать, у кого взять этотъ хлѣбъ? Она увѣрена , что не у Декина, который вѣдь церковный староста! Вдругъ миссъ Мэтти обернулась ко мнѣ :

— Пожалуйста посмотрите, душенька : — вы въ здѣшнемъ городѣ прїѣзжая, и это не возбудить неприятныхъ толковъ — пожалуйста посмотрите, не здѣсь ли мистеръ Геймеръ? Если онъ здѣсь , я думаю, мы можемъ заключить , что въ этомъ удивительномъ человѣкѣ нѣтъ ничего опаснаго и меня это очень облегчитъ.

Я посмотрѣла и увидѣла высокаго, худощаваго, сухаго, запыленного учителя , окруженаго учениками изъ уѣднаго училища и стрегомаго толпой мужчинъ отъ приближенія крэнфордскихъ дѣвицъ. Доброе лицо его сіяло улыбкой, а мальчишки, окружавшіе его , заливались хохотомъ. Я сказала миссъ Мэтти, что учитель улыбается одобрительно, и это сіяло тяжесть съ ея совѣсти.

Я ничего не упоминала о мистерѣ Гейтерѣ , потому-что я, счастливая молодая женщина , никогда не имѣла съ нимъ никакого дѣла. Онъ былъ старый холостякъ и боялся разныхъ толковъ, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка ; скорѣе готовъ былъ броситься въ лавку или прокрасться въ какую-нибудь дверь, нежели встрѣтиться съ крэнфордской дамой на улицѣ ; а что касается до вечеринокъ , то я не удивляюсь, что онъ не принималъ на нихъ приглашенія. Сказать по правдѣ, я всегда подозрѣвала, что миссъ Поль весьма-сильно гонялась за мистеромъ Гейтеромъ , когда онъ сначала прїѣхалъ въ Крэнфордъ; а теперь она, казалось, раздѣляла такъ живо его боязнь, чтобъ ея имя не произносилось вмѣстѣ съ его именемъ. Его интересовали только бѣдныя и несчастныя ; онъ угостилъ школьныхъ мальчиковъ въ этотъ вечеръ представленіемъ фокусника, и какъ доброе дѣло не остается безъ вознагражденія , то они и охраняли его направо, налево, кругомъ, какъ-будто онъ пчелиная матка , а они — рой пчелъ. Геймеръ чувствовалъ себя дотога безопаснымъ, окруженный такимъ-образомъ, что могъ даже быть въ-состояніи сдѣлать нашему обществу поклонъ, когда мы выходили. Миссъ Поль не знала о его присутствіи и дѣлала видъ, будто совершенно занята разговоромъ съ нами, будто она убѣждаетъ насъ, что мы были обмануты и видѣли совсѣмъ не синьора Брунони.

V.

СТРАХЪ.

Мнѣ кажется, что цѣлый рядъ происшествій начался съ пріѣзда сивьора Брунони въ Крэнфордъ, происшествій, которыя въ то время соединялись съ нимъ въ нашихъ мысляхъ, хотя я не знаю, какое отношеніе онъ могъ имѣть къ этимъ происшествіямъ. Вдругъ разные безпокойные слухи начали разноситься по городу. Было два или три воровства, настоящихъ воровства bona fide; воровъ поймали, привели къ судьямъ, допросили и посадили въ тюрьму: это такъ напугало насъ, что мы всё стали бояться, чтобъ насъ не обокрали. Долгое время у миссъ Мэтти мы дѣлали регулярный обходъ кругомъ кухни и въ чуланы; каждый вечеръ миссъ Мэтти предводительствовала отрядомъ, сама вооруженная кочергой; я шла за нею съ чумичкой, а Марта съ лопатой и кочергой, чтобъ забить тревогу. Нечаянно ударивъ кочергу о лопату, она часто пугала насъ дотогу, что мы заперались подъ замкомъ всё трое или въ кухню, или въ чуланъ, или куда бы ни попало, и сидѣли тамъ до-тѣхъ-поръ, пока испугъ нашъ не проходилъ и мы, опамятовшись, не выходили вооруженныя снова двойнымъ мужествомъ. Днемъ мы слышали странныя исторіи отъ лавочниковъ и мызниковъ о повозкахъ, запряженныхъ лошадьми, подкованными войлокомъ, и провозаемыхъ въ глухой тишинѣ ночи, людьми въ черномъ платьѣ, шатавшихся по городу, безъ-сомнѣнія, затѣмъ, чтобъ подсмотрѣть какой-нибудь домъ безъ сторожа или незапертую дверь.

Миссъ Поль, выставлявшая себя необыкновенно-храброй, первая собирала и пересказывала эти слухи, придавая имъ самый страшный характеръ. Но мы узнали, что она выпросила у мистера Гоггинса старую шляпу, повѣсила ее въ сѣняхъ и мы (по-крайней-мѣрѣ я) сомнѣвались, будетъ ли такъ весело, какъ она сказала, если домъ ея разломаютъ. Миссъ Мэтти не скрывала, что она страшная трусиха, аккуратно производила свой осмотръ по дому, и только время для этого выбирала все раньше-и-раньше, пока, наконецъ, мы начали ходить рундомъ въ половинѣ седьмого, а миссъ Мэтти ложилась въ постель вскорѣ ужъ послѣ семи, «чтобъ ночь прошла скорѣе».

Крэнфордъ такъ долго хвалился своей репутаціей честнаго и нравственнаго города, воображалъ себя дотогу благороднымъ и аристократическимъ, что не понималъ, какъ можно сдѣлаться другимъ, и потому въ это время двойнѣ почувствовалъ патно на своемъ характерѣ. Но мы успокоивали себя, что эти воровства производились не крэнфорд-

скими жителями; должно-быть, это какіе-нибудь пріѣзжіе навлекли бѣду на нашъ городъ и заставили принимать такія предосторожности, какъ-будто мы жили между краснокожими индійцами, или французами.

Это послѣднее сравненіе было сдѣлано мистриссъ Форрестеръ, которой отецъ служилъ подъ начальствомъ генерала Бурговня въ американской войнѣ и которой мужъ убивалъ французовъ въ Испаніи. Она дѣйствительно склонна была къ той мысли, что нѣкоторымъ образомъ французы были замѣшаны въ небольшихъ покражахъ, и въ грабежахъ, о которыхъ только носились слухи. Въ одно время ея жизни, на нее сдѣлала глубокое впечатлѣніе мысль о французскихъ шпионахъ, и эта мысль никогда не искоренялась изъ нея, но проявлялась время-отъ-времени. А теперь ея мнѣніе было вотъ какое: крэнфордскій народъ слишкомъ уважалъ себя и былъ слишкомъ-благодаренъ аристократамъ, которые удостоивали жить такъ близко отъ города, чтобъ увнзять себя безчестіемъ и безнравственностью; слѣдовательно мы должны вѣрить, что воры были не здѣшніе жители, а чужіе; если же чужіе, то почему не иностранцы? Если иностранцы, кто же болѣе, какъ не французы? Сивъйоръ Брунони говорилъ поанглійски неправильно, какъ французъ; и хотя онъ носилъ тюрбанъ, какъ турокъ, но мистриссъ Форрестеръ видѣла на портретѣ мадамъ де-Сталь въ тюрбанѣ, а на другомъ портретѣ мистера Денонъ въ такой точно одеждѣ, въ какой явился нашъ колдунъ. Это доказываетъ ясно, что французы также, какъ и турки, носятъ тюрбаны: стало-быть нечего сомнѣваться, сивъйоръ Брунони французъ и шпионъ, пріѣхавшій разузнать слабыя и беззащитныя мѣста въ Англіи. Съ своей стороны, она, мистриссъ Форрестеръ, была себѣ на умѣ насчетъ приключенія миссъ Поль въ домѣ собранія, гдѣ та видѣла двухъ человѣкъ, когда могъ быть только одинъ: французы всегда употребляютъ такіе способы и средства, о которыхъ, слава Богу, англичане и понятія не имѣютъ, и ей всегда такъ тяжело было на сердцѣ, зачѣмъ она поѣхала смотрѣть этого колдуна. Короче, мистриссъ Форрестеръ была такъ взволнована, какъ мы никогда ее не видали, и разумѣется, мы держались ея мнѣнія, какъ дочери и вдовы офицера.

Право я не знаю насколько были справедливы или ложны рассказы, носившіеся въ это время, какъ блуждающіе огни; но мнѣ казалось тогда, что невозможно не вѣрить такимъ слухамъ, напримѣръ: въ Мэрдонѣ (маленькомъ городкѣ около восьми миль отъ Крэнфорда) въ дымы и лавки влѣзали въ дыры, сдѣланныя въ стѣнахъ, камни безмолвно вынимались въ тишинѣ глухой ночи и все дѣлалось такъ спокойно, что ни одного звука не было слышно ни внутри, ни внѣ дома. Миссъ Мэтти махнула рукой, услыхавъ объ этомъ.

— Какая польза, говорила она, запирать двери на запоръ, привѣшивать колокольчики къ ставнямъ и обходить домъ каждую ночь? Эта послѣдняя штука воровъ была достойна фокусника. Теперь она вѣрить, что синьойръ Брунони главный зачинщикъ всему.

Въ одинъ вечеръ, часовъ около пяти, мы были испуганы торопливымъ ударомъ въ дверь. Миссъ Мэтти просила меня сбѣгать и сказать Мартъ ни подъ какимъ видомъ не отворять двери до-тѣхъ-поръ, покуда она (миссъ Мэтти) не разузнаетъ въ окно, кто это такой; вооружившись скамейкой, чтобъ бросить ее на голову гостю, въ случаѣ, если онъ покажетъ лицо, покрытое чернымъ крепомъ, она не получила въ отвѣтъ на свой вопросъ: «кто тамъ?» ничего, кромѣ поднятой головы! Это были никто другія, какъ миссъ Поль и Бэтти. Первая вошла наверхъ, съ маленькой корзинкой въ рукахъ, и очевидно находилась въ состояніи величайшаго волненія:

— Осторожнѣе! сказала она мнѣ, когда я предложила ей освободить ее отъ корзинки: — это мое серебро. Я увѣрена, что на мой домъ нападутъ воры сегодня ночью. Я пришла просить вашего гостеприимства, миссъ Мэтти. Бэтти идетъ ночевать у своей родственницы въ гостиницѣ Сен-Джоржа. Я могу просидѣть здѣсь всю ночь, если только вы мнѣ позволите; мой домъ такъ далекъ отъ всякаго сѣдства, что насъ не услышать оттуда, еслибъ мы кричали во все горло.

— Чтò васъ напугало такъ? сказала Миссъ Мэтти.—Развѣ вы видѣли, что кто-нибудь шатался около вашего дома?

— Да! да! отвѣчала миссъ Поль. — Два преподозрительные чело-вѣка три раза прошли тихонько мимо дома; а одна нищая ирландка, только за полчаса передъ этимъ чуть-чуть не ворвалась насильно помню Бэтти, говоря, что дѣти ея умираютъ съ голода и она должна поговорить съ госпожей. Видите, она сказала «госпожей,» хотя въ передней виситъ мужская шляпа и гораздо-естественнѣе было бы сказать съ господиномъ. Но Бэтти захлопнула дверь ей подъ носомъ, и пришла ко мнѣ; мы собрали ложки и сѣли поджидать у окна въ гостиной, покуда не увидали Томаса Джонса, возвращавшагося съ работы, подозвали его и просили проводить насъ въ городъ.

Мы могли бы торжествовать надъ миссъ Поль, которая показывала такую храбрость до-тѣхъ-поръ, покуда сама не перепугалась; но были такъ рады, примѣтивъ, что она раздѣляетъ человѣческія слабости, что не имѣли духу высказать свое торжество надъ ней. Я отдала ей мою комнату весьма-охотно и раздѣлила постель миссъ Метти на эту ночь. Но прежде, чѣмъ мы удалились, обѣ дамы вытащили изъ архивовъ своей памяти такія страшныя исторіи о грабежахъ и убійствахъ, что

я таслась съ головы до ногъ. Миссъ Поль очевидно заботилась доказать, что такія страшныя приключенія случились на ея глазахъ, и она была права въ своемъ внезапномъ настоящемъ страхѣ, а миссъ Мэтти не хотѣла позволить превзойти себя и придумывала одну исторію страшнѣе другой. Это напомнило мнѣ довольно странно одну старую исторію, которую я гдѣ-то читала «о соловьѣ и музыкантѣ», которые старались доказать другъ другу, кто изъ нихъ споетъ лучше, до-тѣхъ-поръ, пока бѣдный соловей не повалился мертвымъ.

Одна изъ исторій, недававшая мнѣ покоя, долгое время спустя, рассказывалась о дѣвухѣ, оставленной для присмотра въ одномъ больницѣ домѣ въ Кумберландѣ, въ какой-то ярмарочный день, когда другіе слуги всѣ ушли на гулянье. Хоаяева находилась въ Лондонѣ. Пришелъ разнощикъ и попросилъ оставить свой огромный и тяжелый тюкъ въ кухнѣ, говоря, что онъ прійдетъ за нимъ опять вечеромъ; а дѣвушка (дочь лѣсовщика), искавшая чѣмъ-нибудь позабавиться, случайно какъ-то наткнулась на ружье, висѣвшее въ передней, и сняла его, чтобъ посмотреть поближе. Ружье выстрѣлило въ открытую дверь кухни, попало въ тюкъ и струя темной крови медленно просочилась оттуда. (Съ какимъ наслажденіемъ миссъ Поль рассказывала эти подробности, останавливаясь на каждомъ словѣ, какъ-будто ей это нравилось!) Она нѣсколько-торопливо досказала конецъ о храбрости дѣвухи и во мнѣ осталось только смутное воспоминаніе, какъ дочь лѣсовщика побѣдила воровъ утюгами, раскаленными до-красна, которые потомъ очертили поутоживъ сало на тѣлѣ воровъ.

Мы разстались на ночь со страхомъ, желая узнать, что мы услышимъ утромъ, и съ моей стороны съ сильнѣйшимъ желаніемъ провести скорѣй ночь: я боялась, чтобъ воры вдругъ не появились изъ какого-нибудь темнаго потайнаго уголка, потому-что миссъ Поль принесла къ намъ свое серебро, и это было двойнымъ поводомъ къ нападенію на нашъ домъ.

Но до прихода леди Гленмайръ на слѣдующій день, мы не слышали ничего необыкновеннаго. Кухонныя кочерги находились точно въ томъ же положеніи, какъ мы съ Мартой искусно поставили ихъ вечеромъ, то-есть мы представили ихъ къ двери такъ, что онѣ готовы были упасть съ страшнымъ бряцаньемъ, хоть бы только кошка дотронулась до наружной стороны двери. Мнѣ сильно хотѣлось знать, что бы мы дѣлали, еслибы это разбудило и испугало насъ. Я предлагала миссъ Мэтти прятать наши головы подъ простыни такъ, чтобъ воры не могли подумать, что мы узнаемъ ихъ послѣ въ лицо; но миссъ Мэтти, сильно дрожащая, отвергла эту мысль, говоря, что нашъ долгъ, въ отношеніи къ обществу, жоймать ихъ и что она, конечно, употребитъ всѣ силы ихъ захватить и запереть на чердакѣ до утра,

Когда пришла леди Гленмайръ, мы почувствовали зависть къ ней. На домъ мистриссъ Джемисонъ дѣйствительно было сдѣлано нападеніе; по-крайней-мѣрѣ на цвѣточныхъ грядкахъ, подъ кухонными окнами остались мужскіе слѣды, гдѣ имъ не слѣдовало быть, и Карликъ лаялъ цѣлую ночь, какъ-будто чужіе были на дворѣ. Мистриссъ Джемисонъ разбудила леди Гленмайръ и онѣ позвонили въ колокольчикъ, проведенный въ комнату мистера Меллинера, въ третьемъ этажѣ; и когда голова его явилась въ ночномъ колпакѣ изъ-за перилъ въ отвѣтъ на призывъ, онѣ сказали ему о своемъ испугѣ и его причинѣ. Вслѣдствіе этого мистеръ Меллинеръ удалился въ свою спальню и заперъ дверь (боясь сквознаго вѣтра, какъ онъ объяснилъ утромъ); за-то онъ отворилъ окно и началъ храбро вызывать воровъ, говоря, что если они подойдутъ къ нему, то онъ убьетъ ихъ. Но, справедливо замѣтила леди Гленмайръ, это было слабымъ успокоеніемъ для женщинъ, такъ-какъ воры должны были сперва проходить черезъ комнаты мистриссъ Джемисонъ и ея, чтобъ добраться до него, и должны были находиться въ весьма драцливомъ расположеніи, чтобъ, не обративъ вниманія на неохранные нижніе этажи, пробраться въ чердакъ, а оттуда, проломивъ дверь, пройти въ комнату главнаго храбреца въ домѣ. Леди Гленмайръ, подождавъ и прислушиваясь нѣсколько времени въ гостиной, предложила мистриссъ Джемисонъ опять лечь въ постель; но дама эта сказала, что не можетъ быть спокойна, если не посидитъ и не послушаетъ еще; вслѣдствіе чего она прилегла, закутавшись, на диванъ, гдѣ и нашла ее горничная въ глубокомъ снѣ, войдя въ комнату въ шесть часовъ утра, а леди Гленмайръ легла въ постель и не спала всю ночь.

Выслушавъ это, миссъ Поль покачала головой съ великимъ удовольствіемъ. Она была увѣрена, что мы услышимъ о какомъ-нибудь происшествіи въ Крэнфордѣ въ эту ночь, и мы услышали. Было ясно, что воры сначала намѣревались напасть на ея домъ; но когда увидѣли, что миссъ Поль съ Бетти приняли предосторожности и вынесли серебро, воры перемѣнили планъ и отправились къ мистриссъ Джемисонъ, и неизвестно, что могло бы случиться, еслибъ не залаялъ Карликъ, какъ и слѣдуетъ вѣрной собацѣ!

Бѣдный Карликъ! прекратился скоро его лай. Испугалась ли его шайка, тревожившая наши окрестности, или они, отомстивъ ему за то, что онъ разстроилъ ихъ планы въ эту ночь, отравили его; или, какъ многіе необразованные люди думали, онъ околѣлъ отъ апоплексическаго удара, причиненнаго слишкомъ-сильнымъ обжорствомъ и слишкомъ-шальнымъ движеніемъ; по-крайней-мѣрѣ вѣрно то, что черезъ два дня послѣ этой, исполненной приключеніями ночи, Карлика нашли мертвымъ.

Ножки его были вытянуты прямо, какъ-будто онъ приготовлялся бѣжать, чтобъ этимъ необыкновеннымъ усиленіемъ уйти отъ неизбежнаго преслѣдователя — смерти.

Мы всё жалѣли о Карликѣ, старомъ другѣ, лаявшемъ на насъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ, и таинственная причина его смерти очень насъ беспокоила. Не синьйоръ ли Бруни былъ виновникомъ этого? Онъ убивалъ канарейку однимъ словомъ, воля его была силой страшной; кто знаетъ, не оставался ли онъ въ нашихъ окрестностяхъ затѣмъ, чтобъ замышлять разнаго рода ужасы!

Мы перешептывались по вечерамъ другъ съ другомъ объ этихъ предположеніяхъ, но мужество наше возвращалось съ разсвѣтомъ, и черезъ недѣлю мы совершенно оправились отъ удара, причиненнаго смертью Карлика, всё, кромѣ мистриссъ Джемисонъ. Ей, бѣдняжкѣ, казалось, что она не чувствовала большаго огорченія съ самой смерти ея мужа; а миссъ Поль говорила даже, что такъ-какъ его сѣятельство, мистеръ Джемисонъ, сильно попивалъ и причинялъ своей супругѣ не мало неприятностей, то очень можетъ быть, что смерть Карлика была для нея прискорбіе. Но замѣчанія миссъ Поль отзывались всегда нѣкоторымъ пинизмомъ. Однако, было ясно и вѣрно одно: мистриссъ Джемисонъ вуждалась въ какой бы то ни было перемѣнѣ; мистеръ Мѣллинеръ выражался весьма-торжественно на этотъ счетъ, качалъ головой, когда мы освѣдомлялись о госпожѣ его, и говорилъ съ зловѣщимъ видомъ, что она потеряла аппетитъ и страдаетъ безсонницей. И посправедливости, въ ея естественномъ состояніи здоровья были двѣ отличительныя черты: способность ѣсть и спать. Если она не могла ни спать ни ѣсть, то дѣйствительно должна была находиться и въ разстроенномъ духѣ и въ разстроенномъ здоровьѣ.

Леди Гленмайръ, которой, казалось, очень нравилось въ Крэнфордѣ, не понравилась мысль объ отъѣздѣ мистриссъ Джемисонъ въ Чельтенгэмъ, и она нѣсколько разъ выражалась довольно-ясно, что причиной всему этому мистеръ Меллинеръ, который перепугался во время нападенія воровъ и съ-тѣхъ-поръ говорилъ не разъ, что онъ считаетъ большою отвѣтственностью взять на себя защиту такого множества женщинъ. Какъ бы то ни было, мистриссъ Джемисонъ отправилась въ Чельтенгэмъ въ-сопровожденіи мистера Меллинера, а леди Гленмайръ осталась распорядиться въ домѣ; ей поручена была забота о томъ, чтобъ служанки не обзавелись поклонниками. Она была препріятной надсмотрщицей, и какъ только рѣшено было ей остаться въ Крэнфордѣ, она нашла, что лучше отъѣзда мистриссъ Джемисонъ въ Чельтенгэмъ ничего нельзя было вообразить. Она оставила домъ свой въ Эдинбургѣ; пока-

мѣсть у ней не было квартиры и присмотръ за комфортабельнымъ жилищемъ невѣстки былъ для нея очень-удобенъ и приятенъ.

Миссъ Поль очень хотѣлось самой сдѣлаться героиней по случаю рѣшительнаго поступка, предпринятаго ею, когда она убѣжала отъ двухъ мужчинъ и одной женщины, названныхъ ею: «смертоубійственной шайкою». Она описывала ихъ появленіе яркими красками, и я примѣтила, что каждый разъ, начиная съизнова разсказъ, она прибавляла новую ужасную черту. Одинъ былъ высокій и очутился наконецъ гигантомъ, прежде чѣмъ мы съ нимъ раздѣлались; у него, разумѣется, были черные волосы и черезъ нѣсколько времени волосы его встѣли ужъ косматыми прядями по лбу и по спинѣ. Другой былъ низенькій и толстенькій, и на спинѣ его выросъ горбъ прежде, чѣмъ мы перестали о немъ говорить; волосы у него были рыжіе, превратившіеся мало-по-малу въ красные; къ-тому же миссъ Поль почти была увѣрена, что онъ былъ косъ на одинъ глазъ, рѣшительно косъ. Что касается до женщины, то глаза ея сверкали и видъ у ней былъ совершенно мужской; вѣроятно, это былъ мужчина, переодѣтый въ женское платье: впоследствии мы слышали уже о бородѣ, мужскомъ голосѣ и мужской походкѣ бородатой женщины.

Если миссъ Поль съ наслажденіемъ разсказывала приключеніе вѣтъ, кто-же разспрашивалъ, за-то другіе не такъ гордились своими приключеніями по части воровства. На мистера Гоггинса, доктора, напали у соботвенной его двери два разбойника и такъ сильно зажали ему ротъ, что обобрали его, покуда онъ успѣлъ дернуть за колокольчикъ, а служанка отворить дверь. Миссъ Поль была увѣрена, что это воровство совершили именно тѣ люди, которыхъ она видѣла; она отправилась въ этотъ же самый день сначала показать свои зубы, а послѣ разспросить мистера Гоггинса о воровствѣ. Затѣмъ она пришла къ намъ и мы услышали то, что она знала изъ вѣрнаго источника. Мы не оправданы еще отъ смятенія, причиненнаго намъ происшествіемъ прошлаго вечера.

— Ну, вотъ! сказала миссъ Поль, садясь съ рѣшимостью особы, которая привела въ порядокъ свои мысли о природѣ, жизни и свѣтѣ (а такіе люди никогда не ходятъ тихой походкой и никогда не садятся безъ шума). Ну, миссъ Мэтти, мужчины всегда будутъ мужчинами. Каждый желаетъ прослыть Самсономъ и Соломономъ вмѣстѣ, слишкомъ-сильнымъ, чтобъ быть побѣжденнымъ, слишкомъ-мудрымъ, чтобъ быть перехитреннымъ. Если вы примѣтила, то они всегда предвидятъ происшествія, хотя никогда не предостерегутъ прежде; отецъ мой былъ мужчина и я знаю этотъ полъ очень-хорошо.

Она едва переводила духъ, говоря эту рѣчь, и мы рады были допол-

нить послѣдовавшую затѣмъ паузу, но не знали навѣрно, что сказать и какой мужчина внушилъ это разглагольствованіе; поэтому мы только согласились вообще, важно покачавъ головою и тихо прошептавъ :

— Конечно, понять ихъ весьма-трудно.

— Теперь подумайте только, сказала она : — я подвергалась опасности потерять одинъ изъ своихъ послѣднихъ зубовъ, потому-что всегда зависишь отъ зубнаго врача, и я по-крайней-мѣрѣ-всегда лъщу имъ, пока не освобожу свой ротъ изъ ихъ лапъ. А мистеръ Гоггинсъ на этотъ счетъ совершенный мужчина и не признается, что его обокрали въ прошлую ночь.

— Не обокрали! воскликнули мы хоромъ.

— Ужь не говорите! вскричала миссъ Поль, досадуя, что мы могли быть обмануты хоть одну минуту. — Я вѣрю, что его обокрали, именно, какъ мнѣ рассказывала Бетти, а ему стыдно признаться : разумеется, вѣдь глупо позволить себя обокрасть у собственной своей двери; смѣю сказать, онъ чувствуетъ, что обстоятельство такого рода не можетъ возвысить его въ глазахъ крэнфордскаго общества и ему хочется это скрыть; но не слѣдовало бы обманывать меня и говорить, что я вѣрно слышала преувеличенный рассказъ о покражѣ четверти баранины, которую, кажется, украли у него на прошлой недѣлѣ. Онъ имѣлъ дерзость прибавить, что полагаетъ, будто баранину утащила кошка. Я не сомнѣваюсь, что это смастерилъ тотъ ирландецъ, перекрѣпленный женщиной, что шпионилъ вокругъ моего дома, рассказывая исторію о дѣтяхъ, умирающихъ съ голода.

Осудивъ надлежащимъ образомъ недостатокъ искренности, доказанной мистеромъ Гоггинсомъ и побранивъ мужчинъ вообще, взявъ Гоггинса за ихъ представителя и типъ, мы воротились къ предмету, о которомъ говорили передъ приходомъ миссъ Поль, а именно, возможно ли, въ настоящемъ положеніи разстройства нашего края, отважиться принять приглашеніе, полученное миссъ Мэтти отъ мистриссъ Форрестеръ пожаловать, по обыкновенію, отпраздновать день ея свдѣбы, откушавъ у ней чай въ пять часовъ и поигравъ послѣ въ преферансъ. Мистриссъ Форрестеръ говорила, что проситъ насъ съ нѣкоторой робостью, потому-что дороги были, какъ она опасалась, несовсѣмъ-безопасны. Но она намекала, что, можетъ-быть, кто-нибудь изъ насъ возьметъ портшезъ, а другія, ида шибко, могли бы идти наравнѣ съ носильщиками и такимъ образомъ мы можемъ всё безопасно прибыть на Верхнюю Площадъ въ предмѣстья города. (Нѣтъ, это слишкомъ-громкое выраженіе : это не предмѣстье, а небольшая груда домовъ, раздѣленныхъ отъ Крэнфорда темнымъ, уединеннымъ переулкомъ, дли-

ною въ добрую сотню сажень). Не было сомнѣнія, что подобное же посланіе ожидало миссъ Поль дома; поэтому посѣщеніе ея было очень-кстати и дало намъ возможность посовѣтоваться. Намъ вѣсѣмъ скорѣе хотѣлось отказаться отъ приглашенія, но мы чувствовали, что это будетъ невесѣма-вѣжливо въ-отношеніи мистриссъ Форрестеръ, которая будетъ предоставлена уединенному размышленію о своей невесѣма-счастливей и благополучной жизни. Миссъ Мэтти и миссъ Поль много уже лѣтъ посѣщали ее въ этотъ день, и теперь храбро рѣшились прибить знамя къ мачтѣ, презрѣть опасностями Мрачнаго Переулка скорѣе, нежели измѣнить своему другу.

Но когда наступилъ вечеръ, миссъ Мэтти — въ портшезѣ присуждено было отправиться ей, такъ-какъ у ней былъ насморкъ—прежде чѣмъ тамъ скрылась, умоляла носильщиковъ, что бѣ ни случилось, не убѣгать и не бросать ея, заключенную въ портшезѣ, на убійство; но и послѣ ихъ обѣщаній я видѣла, какъ черты ея приняли суровое выраженіе и какъ сквозь стекло она меланхолически и зловѣщимъ образомъ кивнула мнѣ головой. Однако мы прибыли благополучно, только немного-запыхавшись, потому-что каждая изъ насъ старалась наперерывъ пройти скорѣе мрачный переулокъ, и я боюсь, что бѣдную миссъ Мэтти порядочно перетрясли.

Мистриссъ Форрестеръ сдѣлала необыкновенныя приготовленія въ признательность за то, что мы явились къ ней, несмотря на такія опасности. Обычныя формы аристократическаго невѣдѣнія касательно того, что пришлетъ ей служанка, были исполнены, и гармонія, и преферансъ, казалось, должны были составлять программу вечера, еслибъ не начался интересный разговоръ, который, не знаю какимъ образомъ, но, разумѣется, имѣлъ отношеніе къ ворами, тревожившимъ крэнфордскія окрестности.

Преодолевъ опасность мрачнаго переулка и, слѣдовательно, имѣя репутацію храбрости и также, смѣю сказать, желая выказать себя выше мужчинъ (*то-есть* мистера Гоггинса) по части искренности, мы начали рассказывать наши личныя опасенія и особенныя предосторожности, принятыя каждой изъ насъ. Я призналась, что особенно опасалась глазъ, обращенныхъ на меня и, сверкавшихъ изъ какой-то тусклой плоской поверхности; и еслибъ я осмѣлилась подойти къ зеркалу, когда я пугаюсь, я непремѣнно перевернула бы его, изъ опасенія увидѣть глаза, устремленные на меня изъ мрака. Я видѣла, какъ миссъ Мэтти усиливалась сдѣлать признаніе; наконецъ оно явилось. Она призналась, что съ тѣхъ еще поръ, когда была дѣвочкой, ей всегда было страшно, чтобъ ее не поймалъ за ногу, когда она ложилась въ постель, кто-нибудь спрятан-

ный подъ кроватью. Она сказала, что, когда была моложе и проворнѣе, обыкновенно прыгала въ постель вдругъ обѣими ногами; но это было непріятно Деборѣ, которая, тщеславилась тѣмъ, что граціозно ложилась на постель, и вслѣдствіе этого миссъ Мэтти перестала прыгать. Но теперь прежній страхъ часто къ ней возвращался, особенно съ-тѣх-поръ, какъ на домъ миссъ Поль было сдѣлано нападеніе (мы наконецъ увѣрили себя, что нападеніе было сдѣлано). Однакожь невесъма-пріятно смотрѣть подъ постель и, пожалуй, еще увидѣть спрятаннаго мужчину, оставившаго на васъ огромное, свирѣпое лицо. Поэтому миссъ Мэтти придумала вотъ что. Я уже примѣтила, что она приказала Мартѣ купить мячикъ, точно такой, какимъ играютъ дѣти, и каждый вечеръ подкатывала этотъ мячикъ подъ постель; если онъ перекатывался на другую сторону, то все было благополучно, если нѣтъ, она старалась всегда держать руку на снуркѣ колокольчика и быть готовой кликнуть Джона и Гэрри, какъ-будто надѣясь, что на зовъ ея прибѣгутъ мужчины.

Мы всѣ одобрили эту замысловатую выдумку и миссъ Мэтти погрузилась въ безмолвное удовольствіе, бросивъ взглядъ на мистриссъ Форрестеръ и какъ-бы спрашивая, какая у васъ особенная слабость?

Мистриссъ Форрестеръ смотрѣла искоса на миссъ Поль и пыталась переимѣнить разговоръ. Она рассказывала, что наняла мальчика изъ сосѣдней избушки, и обѣщалась давать его родителямъ сто-двѣнадцать пудовъ угля на Рождество, а ему ужинъ каждый вечеръ за то, чтобъ онъ приходилъ къ ней на ночь. Она дала ему наставленіе насчетъ его обязанности, когда онъ пришелъ въ первый разъ, и найдя его понятливымъ, вручила ему шпагу майора (ея покойнаго супруга) и научила класть ее бережно подъ подушку на ночь, обернувъ остриемъ къ изголовью. Онъ былъ мальчикъ преострый, она была увѣрена, потому что, увидѣвъ треугольную шляпу майора, сказалъ, что еслибъ могъ носить ее, то навѣрно былъ бы въ-состояніи каждый день перепугать двухъ англичанъ или четырехъ французовъ. Но она снова растолковала ему, что нѣчего терять время, надѣвая шляпу, или что бѣ тамъ ни было, но что, если онъ услышитъ шумъ, то долженъ броситься туда съ обнаженной шпагой. На мое замѣчаніе, что не случилось бы чего изъ такихъ убійственныхъ и неразборчивыхъ наставленій и какъ бы онъ не кинулся на Дженни, когда она вставала рано для стирки, и не убилъ ее прежде, чѣмъ увидить, что это не французъ, мистриссъ Форрестеръ сказала, что она не полагаетъ этого возможнымъ, потому-что мальчикъ спитъ очень-крѣпко и вообще его надо хорошенько растолкать или облить водой, прежде чѣмъ могутъ разбу-

дуть утромъ. Она иногда думаетъ, что такой глубокой сонъ происходитъ отъ сытнаго ужина; дома онъ почти умиралъ съ голода, а она приказываетъ Дженни хорошенько кормить его на ночь.

Все-таки это не было признаніемъ особенной робости мистриссъ Форрестеръ и мы упрашивали ее рассказать намъ, чего она боится болѣе всего. Она помолчала, помѣшала огонь, сняла со свѣчекъ и потомъ сказала звучнымъ шопотомъ:

— Привидѣній!

Она взглянула на миссъ Поль, какъ-бы говоря: да я объявила это и не отступлюсь. Такой взглядъ былъ самъ-по-себѣ вызовомъ. Миссъ Поль напала на нее и старалась объяснить привидѣнія несвареніемъ желудка, призраками воображенія, обманами зрѣнія, приводя примѣры изъ сочиненій доктора Феррьера и доктора Гибберта. Миссъ Мэтти чувствовала нѣкоторую склонность къ привидѣніямъ, какъ я говорила прежде, и нѣсколько словъ, сказанныхъ ею, всѣ клонились на сторону мистриссъ Форрестеръ, которая, ободрившись сочувствіемъ, увѣряла, что глубоко вѣрить въ привидѣнія, что, конечно, она, вдова майора, знала чего бояться и чего нѣтъ. Короче, я никогда не видала ни прежде ни послѣ того, чтобъ мистриссъ Форрестеръ такъ горячилась; она вообще была преласковая, прекроткая, претерпѣливая старушка. Даже и настойка, подслащенная сахаромъ, не могла въ этотъ вечеръ смыть воспоминаніе объ этомъ несогласіи между миссъ Поль и хозяйкою. Напротивъ, когда было принесено старое вино, оно возбуждало новый взрывъ спора, потому-что Дженни, дѣвочка, шатавшаяся подъ подносомъ, объявила, что видѣла привидѣніе собственными своими глазами, незадолго передъ этимъ, въ Мрачномъ Переулкѣ, въ томъ самомъ переулкѣ, черезъ который мы должны были проходить на возвратномъ пути домой.

Несмотря на безпокойныя чувства, внушенныя мнѣ этой послѣдней причиною, я не могла не позабавиться положеніемъ Дженни, чрезвычайно-похожимъ на положеніе свидѣтеля, допрашиваемого и переспрашиваемого двумя адвокатами. Я пришла къ тому заключенію, что Дженни, конечно, видѣла что-нибудь такое, чему было причиною не одно несвареніе желудка. Женщину, всю въ бѣломъ и безъ головы — вотъ что она видѣла и что утверждала, поддерживаемая тайнымъ сочувствіемъ госпожи, несмотря на презрительную, насмѣшку съ которой миссъ Поль на нее смотрѣла. И не только она, но многія другія видѣли безголовую даму, которая сидѣла на краю дороги, ломая руки въ сильной горести. Мистриссъ Форрестеръ взглядывала на насъ вре-

мя-отъ-времени съ видомъ торжества, но ей ненужно было проходить чрезъ Мрачный Переулкъ, прежде чѣмъ она преспокойно укутается въ свое одѣяло.

Мы сохраняли скромное молчаніе относительно безголовой дамы, одѣваясь вѣти домой; мы вѣдь не знали близко ли далеко ли находились отъ насъ голова ея и уши, и какое духовное соотношеніе могли они имѣть съ несчастнымъ тѣломъ въ Мрачномъ Переулкѣ, и того ради даже миссъ Поль почувствовала, что нехорошо говорить легкомысленно о такихъ предметахъ, изъ опасенія досадить или оскорбить это удрученное горестью туловище. По-крайней-мѣрѣ я такъ предполагаю, потому—что вмѣсто шума, съ которымъ мы обыкновенно исполняли это дѣло, мы завязали наши салопы такъ грустно, какъ на похоронахъ. Миссъ Мэтти задернула занавѣсъ у окошекъ портшеза, чтобъ скрыть непріятный предметъ, а носильщики (или потому, что они рады были поскорѣе кончить свое дѣло, или потому, что теперь спускалась съ горы) шли такимъ быстрымъ и живымъ шагомъ, что мы съ миссъ Поль насилу могли поспѣвать за ними. Она только и твердила: «не оставляйте меня!» цѣпляясь за мою руку такъ крѣпко, что я не могла ее оставить, будь тутъ привидѣніе или нѣтъ. Какое это было облегченіе, когда носильщики, уставъ отъ ноши и отъ скорой ходьбы, остановились именно тамъ, гдѣ геддинглейская дорога сворачивала отъ Мрачнаго Переулка. Миссъ Поль выпустила меня и прицѣпилась къ одному изъ носильщиковъ.

— Не можете ли вы... не можете ли нести миссъ Мэтти кругомъ по геддинглейскому шоссе. Мостовая въ Мрачномъ Переулкѣ такая тряская, а она такого слабаго здоровья?

Слабый голосъ послышался изъ портшеза.

— О, пожалуйста ступайте! Чтò случилось? чтò случилось? Я прибавлю вамъ полшиллинга, если вы пойдете поскорѣе; пожалуйста не останавливайтесь здѣсь.

— А я дамъ вамъ шиллингъ, сказала миссъ Поль съ трепетнымъ достоинствомъ:—если вы пройдете по геддинглейскому шоссе.

Оба носильщика проворчали, что согласны, подняли опять портшезъ и пошли по шоссе, чтò, конечно, соответствовало доброму намѣренію миссъ Поль, спасти кости миссъ Мэтти, потому—что шоссе было открыто мягкой густой грязью и даже упасть тутъ было бы невредно, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока не пришлось вставать, а тогда было бы немного—затруднительно, какъ выкарабкаться.

VI.

Самуэль Броунъ.

На слѣдующее утро я встрѣтила леди Гленмайръ и миссъ Поль, отправлявшихся на далекую прогулку, чтобъ найти какую-то старуху, которая славилась въ окрестности своимъ искусствомъ вязать шерстяные чулки. Миссъ Поль сказала мнѣ съ улыбкой полуласковой и полупрезрительной:

— Я только-что рассказывала леди Гленмайръ, какъ наша бѣдная пріятельница, мистриссъ Форрестеръ, боится привидѣній. Это происходитъ оттого, что она живетъ совсѣмъ одна и слушаетъ дурацкія исторіи этой своей Дженни.

Она была такъ спокойна и настолько выше суевѣрныхъ опасеній, что мнѣ сдѣлалось стыдно сказать, какъ я была рада ея вчерашнему предложенію пройти по шоссе, и потому свернула разговоръ на другое.

Послѣ обѣда миссъ Поль пришла къ миссъ Мэтти рассказать ей о своемъ приключеніи, настоящемъ приключеніи, случившемся съ ними на утренней прогулкѣ. Онѣ не знали, по какой дорожкѣ пойдти, проходя полями, чтобъ отыскать старуху, и остановились освѣдомиться въ гостинницѣ, у столбовой дороги въ Лондонъ, миль около трехъ отъ Крэнфорда. Добрая женщина просила ихъ присѣсть и отдохнуть, пока она същещетъ мужа, который растолкуетъ имъ дѣло лучше, чѣмъ она; пока онѣ сидѣли въ усыпанной пескомъ столовой, пришла дѣвочка. Онѣ подумали, что она хозяйкина и начали съ ней какой-то пустой разговоръ; но мистриссъ Робертсъ, воротившись, сказала имъ, что это единственная дочь мужа и жены, проживавшихъ въ ея домѣ. И она начала длинную исторію, изъ которой леди Гленмайръ и миссъ Поль могли только понять, что, недѣль шесть назадъ, легкая тележка сломалась прямо противъ ихъ двери, а въ этой тележкѣ были двое мужчинъ, одна женщина и это дитя. Одинъ изъ мужчинъ серьезно ушибся, костей не переломалъ, а только повредился, какъ выразилась хозяйка; но онъ, вѣроятно, подвергся какому-нибудь внутреннему поврежденію, потому-что съ-тѣхъ-поръ хворалъ въ ея домѣ; за нимъ присматривала его жена, мать этой дѣвочки. Миссъ Поль спросила, кто онъ такой, на что онъ похожъ. Мистриссъ Робертсъ отвѣчала, что онъ не былъ похожъ ни на джентльмена, ни на простаго человѣка; не будь они съ женою такіе скромные и тихіе люди, она сочла бы ихъ фиглярами, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, потому-что у нихъ въ тележкѣ былъ преогромный ящикъ, наполненный неизвѣстно чѣмъ. Она

помогала развязывать его и вынуть оттуда бѣлье и платье, а другой мужчина, его братъ, какъ она полагала, ушелъ съ лошадыю и тележкой. Миссъ Поль начала тутъ нѣчто подозрѣвать и выразила свою мысль, что нѣсколько-странно, какъ это, и ящикъ, и тележка, и лошадь, все вдругъ исчезло; но добрая мистриссъ Робертсъ пришла въ совершенное негодованіе при этихъ намекахъ миссъ Поль, и такъ разсердилась, какъ-будто миссъ Поль назвала ее самою плутовкой. Какъ самый лучшій способъ разуверитъ дамъ, она придумала попросить ихъ посмотрѣть на жену, и миссъ Поль сказала, что нельзя было сомнѣваться въ честномъ, утомленномъ и смугломъ лицѣ женщины, которая при первомъ нѣжномъ словѣ леди Гленмайръ залилась слезами, но перестала рыдать по слову хозяйки, которая просила ее засвидѣтельствовать о христіанскомъ милосердіи мистера и мистриссъ Робертсъ. Миссъ Поль перешла къ другой крайности и повѣрила грустному разсказу также, какъ прежде сомнѣвалась. Какъ доказательство ея пристрастія въ пользу бѣднаго страдальца можетъ служить то, что она нисколько не усталилась, когда узнала, что страдалецъ этотъ былъ никто другой, какъ нашъ синьйоръ Брунони, которому весь Крэнфордъ приписывалъ всѣ бѣдствія въ эти шесть недѣль. Да! жена его сказала, что настоящее его имя Самуэль Броунъ; «Семъ», она называла его, но мы до конца предпочитали называть его «синьйоръ»: это звучало гораздо-лучше.

Разговоръ съ синьйорой Брунони кончился тѣмъ, что было рѣшено посоветоваться съ докторомъ, а всѣ издержки по этому предмету леди Гленмайръ обѣщала взять на себя; вслѣдствіе чего она отправилась къ мистеру Гоггинсу просить его побывать въ тотъ же день въ Восходящемъ Солнцѣ и удостовѣриться, въ какомъ состояніи находится синьйоръ Брунони; миссъ Поль изъявила желаніе перевести его въ Крэнфордъ, чтобъ онъ могъ находиться на глазахъ у мистера Гоггинса, и взялась отыскать квартиру и уговориться насчетъ платежа. Мистриссъ Робертсъ была добра сколько возможно; но нельзя было не примѣтить, что долгое пребываніе синьйоровъ имѣло нѣкоторое неудобство.

До ухода миссъ Поль мы съ миссъ Мэтти были столько же заняты утреннимъ приключеніемъ, сколько и она. Мы говорили о немъ пѣлый вечеръ, разсматривали его со всѣхъ возможныхъ сторонъ и легли спать безпокоясь, узнаемъ ли утромъ отъ кого-нибудь чтò думалъ и предписалъ мистеръ Гоггинсъ. Хотя мистеръ Гоггинсъ, какъ миссъ Мэтти замѣчала, говорилъ «крала», вмѣсто дамы и называлъ преферансъ «префъ», однакожь она вѣрила, что это былъ предостойный человѣкъ и пренескусный докторъ. Точно, мы немножко гордились нашимъ крэнфордскимъ докторомъ и часто желали, слыша о болѣзни ко-

ролевы Аделанды, или герцога Веллингтона, чтобъ они послали за мистеромъ Гоггинсомъ; но, разсудивъ хорошенько, были даже рады, что они не посылали за Гоггинсомъ; заболѣвши, что бъ мы дѣлали, еслибъ мистеръ Гоггинсъ былъ пожалованъ въ лейбмедики? Какъ докторомъ, мы имъ гордились, но какъ мужчиной, или, лучше, какъ джентльменомъ—нѣтъ, мы только могли качать головой надъ нимъ и его фамилію и желать, чтобъ онъ прочиталъ письма лорда Честерфилда въ тѣ дни, когда его манеры требовали улучшения. Советимъ тѣмъ мы считали его приговоръ въ дѣлѣ синьора непогрѣшительнымъ; и когда онъ сказалъ, что, при попеченіяхъ и вниманіи, онъ можетъ поправиться, мы уже за него не боялись.

Хотя мы уже были внѣ всякой опасности, однакожь всё поступали такъ, какъ-будто существовала важная причина для безпокойства; оно дѣйствительно и было такъ, когда мистеръ Гоггинсъ не взялъ синьора на свое попеченіе. Миссъ Поль отыскала чистую и удобную, хотя и простую квартиру; миссъ Мэтти послала ему портшезъ, а мы съ Мартой поставили въ портшезъ нагрѣвательникъ съ горячими угольями и заперли вмѣстѣ съ дымомъ наглухо до-тѣхъ-поръ, пока синьоръ долженъ былъ войти въ портшезъ изъ Восходящаго Солнца. Леди Гленмайръ взяла на себя медицинскую часть, подъ руководствомъ мистера Гоггинса, и перешаривъ всё медицинскіе стаканы, ложки, столики мистриссъ Джемисонъ такъ свободно и безцеремонно, что заставила миссъ Мэтти нѣсколько обезпокоиться. Что бъ сказали миледи и мистеръ Мѣлльнеръ, еслибъ они это знали? Мистриссъ Форрестеръ приготовила хлѣбное желе, которымъ она такъ славилась, и отослала на квартиру синьора, къ тому времени, когда онъ пріѣдетъ. Подарокъ этого хлѣбнаго желе былъ высочайшимъ знакомъ милости со стороны мистриссъ Форрестеръ. Миссъ Поль однажды попросила у ней рецепта, но встрѣтила самый рѣшительный отказъ; мистриссъ Форрестеръ сказала ей, что она не можетъ дать рецепта никому, пока жива, а послѣ смерти она завѣщала рецептъ, какъ увидать ея душеприкащика, миссъ Мэтти. Что миссъ Мэтти, или, какъ мистриссъ Форрестеръ назвала ее (припомнивъ статью въ своемъ завѣщаніи и важность, приличествующую случаю), миссъ Матильда Дженкинсъ, сдѣлаетъ съ рецептомъ, когда онъ перейдетъ къ ней въ руки, обнарудетъ ли его, или передастъ, какъ наслѣдство — она не знаетъ и не станетъ предписывать для этого условія. И форма съ этимъ удивительнымъ желе, такимъ полезнымъ для желудка, единственнымъ хлѣбнымъ желе, была отослана отъ мистриссъ Форрестеръ къ нашему бѣдному больному колдуну. Кто говорить, что аристократы горды?

Вотъ дама, урожденная Тиррель и происходящая отъ великаго сэра Уальтера, который убилъ Вильгельма-Рыжаго, эта самая дама отправляется каждый день посмотрѣть, какія лакомыя блюда можетъ она приготовить для Самуэля Броуна, фигляра! Дѣйствительно, трогательно было видѣть какія добрыя чувства возбудилъ прїездъ къ намъ этого бѣднаго человѣка. И такъ же поучительно было видѣть, какъ великій крэнфордскій страхъ, причиненный первымъ прїездомъ и турецкимъ костюмомъ синьора, исчезъ при видѣ худощаваго лица во время его вторичнаго прїезда, лица блѣднаго и слабаго отъ отяжелѣвшихъ, тусклыхъ глазъ, которые только тогда блистали, когда устремлялись на лицо его вѣрной жены, или на ихъ блѣдную, печальную дѣвочку.

Не знаю какъ, но мы перестали трусить. Смѣю сказать, наше открытіе, что тотъ, который сначала возбудилъ въ насъ любовь къ чудесному своимъ безпримѣрнымъ искусствомъ, не имѣлъ достаточно дарованія управлять робкою лошадыю, заставляя насъ чувствовать, что мы сдѣлались попрежнему тѣмъ же, чѣмъ были. Миссъ Поля приходила во всякое время по вечерамъ съ своей корзиночкой, какъ-будто бы ея одинокій домъ и уединенная дорога къ нему никогда не были тревожимы этой «убійственной шайкой». Мистриссъ Форрестеръ сказала, она полагаетъ, что ни она, ни Дженни, не должны бояться безголовой дамы, плакавшей и сѣтовавшей въ Мрачномъ Переулкѣ. Навѣрно такимъ существамъ никогда не дается власть дѣлать вредъ тѣмъ, которые стараются дѣлать хоть немного добра, сколько отъ нихъ зависитъ, съ чѣмъ Дженни соглашалась дрожа; но умозрѣніе барыни имѣло мало дѣйствія на служанку до-тѣхъ-поръ, пока она не нашла два куска красной фланели въ видѣ креста, на свою рубашку.

Я застала, какъ миссъ Мэтти покрывала свой мячикъ, тотъ самый, который она подкатывала подъ постель, гарусными, яркими радужными полосами.

— Душенька, сказала она: — мнѣ такъ грустно на сердцѣ за эту бѣдную дѣвочку! Хотя отецъ ея колдунъ, но она имѣетъ такой видъ, какъ-будто никогда не имѣла порядочной игрушки во всю свою жизнь. Я дѣлала въ молодости прехорошенькіе мячики и хочу попробовать, не удастся ли сдѣлать изъ этого мячика щегольской и отнести его сегодня къ Фебѣ. Думаю, что «шайка», должно быть, оставила наши окрестности; теперь ужъ ничего не слышно ни о грабежахъ, ни о воровствѣ.

Мы всѣ были слишкомъ-заняты безнадежнымъ положеніемъ синьора, и намъ было не до разсужденій о ворахъ и привидѣніяхъ. Леди Гленмайръ сказала, что она никогда не слыхала ни о какомъ воровствѣ; слышала, что двое мальчишекъ украли яблоки изъ сада мызника

Бенсона и на рынкѣ оказались недостатки въ нѣсколькихъ ящикахъ у вдовы Гэуардъ , но больше ничего не знаетъ. Это значило ожидать слишкомъ-многого отъ насъ; мы не могли сознаться , что для нашего страха имѣли такое ничтожное основаніе. Миссъ Поль выпрямилась при этомъ замѣчаніи леди Гленмайръ и сказала: она желала бы согласиться съ нею, что мы имѣли весьма-ничтожную причину для нашего страха; но вспоминая о мужчинѣ, переодѣтомъ въ женщину, который осмѣлился пробраться въ ея домъ, между-тѣмъ, какъ его сообщники ожидали на дворѣ; припоминая извѣстіе, слышанное отъ самой леди Гленмайръ, о слѣдахъ, примѣченныхъ на цвѣточныхъ грядкахъ мистриссъ Джемисонъ; припоминая обстоятельство доказаннаго грабежа, совершеннаго надъ мистеромъ Гоггинсомъ у собственной его двери... Но тутъ леди Гленмайръ перебила ее, весьма-сильными выраженіями сомнѣнія: не выдумка ли эта послѣдняя исторія, выдумка, основанная на кражѣ кошки, и леди Гленмайръ такъ покраснѣла, говоря это, что я нисколько не была удивлена воздержанію миссъ Поль, и увѣрена, что не будь леди Гленмайръ, «ея сѣятельство», мы выслушали бы болѣе-выразительное противорѣчіе нежели: «ну, какъ бы не такъ!» и подобныя отрывочныя фразы, единственныя, на которыя она осмѣлилась въ присутствіи миледи. Но когда она ушла, миссъ Поль начала длинное поздравленіе миссъ Мэтти, что онѣ, до-сихъ-поръ по-крайней-мѣрѣ, избѣгнули замужства, которое дѣлаетъ, какъ всегда она замѣчала, женщинъ легковѣрными въ самой высшей степени. Точно, она думаетъ, что если женщина не можетъ удержаться отъ замужства, то это доказываетъ въ ней большое природное легковѣріе; а въ томъ, что леди Гленмайръ сказала о грабежѣ мистера Гоггинса, мы видѣли обращеніе, до чего могутъ доходить люди, если дадутъ волю подобной слабости. Очевидно, что леди Гленмайръ можетъ повѣрить всему, если вѣрить жалкому разсказу о бараньей шеѣ и кошкѣ, которымъ мистеръ Гоггинсъ старался обмануть миссъ Поль; но миссъ Поль всегда остерегалась вѣрить тому, что говорятъ мужчины.

Мы радовались, какъ этого желала миссъ Поль, что не были замужемъ; но я думаю, мы радовались еще больше, что воры оставили Крэнфордъ; по-крайней-мѣрѣ я такъ сужу по словамъ миссъ Мэтти. Въ тотъ вечеръ, когда мы сидѣли у камина, она сказала, что считаетъ мужа сильнымъ защитникомъ противъ воровъ, разбойниковъ и привидѣній; она прибавила, что не осмѣлится всегда предостерегать молодыхъ дѣвицъ отъ замужства, какъ дѣлаетъ это миссъ Поль. Конечно, замужство — рискъ, какъ она видитъ это теперь, сдѣлавшись поопытнѣе; но она помнить время, когда желала выйти замужъ столько же, какъ и всѣ.

— Ни за кого особенно, душенька, сказала она, торопливо перебивая себя, какъ-будто боялась, что слишкомъ высказалась : — это, знаете, старая исторія. Женщины всегда говорятъ : «*когда я выйду замужъ*», а мужчины : *если я женюсь*».

То была шутка, сказанная нѣсколько-грустнымъ тономъ и, я сомнѣваюсь, улыбнулся ли кто-нибудь изъ насъ ; но я не могла видѣть лица миссъ Мэтти при трепетавшемъ свѣтѣ камина. Черезъ нѣсколько времени она продолжала :

— Впрочемъ, я не всю правду вамъ сказала. Это такъ давно было, и никто никогда не зналъ, какъ много я тогда думала о замужствѣ, развѣ только отгадывала матушка. Но я могу сказать, что было время, когда я не думала, что останусь на всю жизнь миссъ Мэтти Дженкинсъ ; даже теперь, еслибъ я встрѣтилась съ кѣмъ-нибудь, кто пожелалъ бы на мнѣ жениться (а какъ говорить миссъ Поль, предосторожности никогда не мѣшаютъ), я бы не могла за него выйти, надѣюсь, что онъ не слишкомъ принялъ бы это къ сердцу, но я не могла бы за него выйти, и ни за кого, кромѣ одного, за котораго я нѣкогда надѣялась выйти; но онъ умеръ и исчезъ, и никогда не зналъ, какимъ образомъ случилось, что я сказала «нѣтъ», когда я думала столько разъ... впрочемъ, какая нужда до того, чтó я думала. Господь все устроиваетъ къ-лучшему, и я очень-счастлива, душенька. Ни у кого нѣтъ такихъ добрыхъ друзей, какъ у меня, продолжала она, взявъ меня за руку.

Еслибъ я ничего не знала о мистерѣ Голбрукѣ, я могла бы сказать что-нибудь на это ; но я знала и не могла придумать ничего, чтó показалось бы естественнымъ, и такимъ-образомъ мы обѣ молчали нѣсколько времени.

— Батюшка приучилъ насъ, начала она : — вести дневникъ въ два столбца на одной сторонѣ; мы должны были писать утромъ, чтó мы предполагали должно было случиться въ наступающій день, а вечеромъ записывали на другой сторонѣ, чтó дѣйствительно случилось. Нѣкоторымъ людямъ было бы грустно рассказать свою жизнь (при этихъ словахъ слеза упала на мою руку) ; я не хочу сказать, чтобъ моя жизнь была грустна, только она была такъ непохожа на то, чего я ожидала. Я помню, въ одинъ зимній вечеръ, сидѣли мы съ Деборой обѣ въ спальнѣ у камина—помню какъ-будто это случилось вчера—сидѣли и строили планы о нашей будущей жизни; обѣ строили мы планы, хотя говорила только она одна. Она говорила, что желала бы выйти за пастора и писать за него проповѣди ; а вы знаете, душенька, она никогда не была замужемъ и, сколько я знаю, она во всю свою жизнь никогда не говорила съ холостымъ пасторомъ. Я не была често-

любива и не могла писать проповѣди, но думаю, что могла бы управлять домошъ (матушка называла меня своей правой рукой); я всегда такъ любила дѣтей, что самыя застѣнчивыя малютки протягивали ко мнѣ свои ручонки. Когда я была молоденькая, я проводила половину времени, нянчась съ дѣтьми въ сосѣднихъ избушкахъ, но я не знаю, какъ это случилось, только я стала печальна и серьезна, а это произошло года два спустя, и малютки стали отъ меня отвертываться. Поэтому я боюсь, что отвыкла отъ нихъ, хотя люблю дѣтей попрежнему и сердце мое какъ-то странно затоскуетъ, когда я увижу мать съ ребенкомъ на рукахъ. Вотъ, душенька (внезапно вспыхнувшее пламя въ каминѣ показало мнѣ, что глаза ея были полны слезъ и пристально устремлены какъ-будто на то, что могло бы случиться), знаете ли, а иногда вижу во снѣ, что у меня есть ребенокъ, всегда тотъ же самый—дѣвочка лѣтъ двухъ; никогда не старше, хотя я вижу ее во снѣ ужъ нѣсколько лѣтъ. Я никогда не вижу, что она говоритъ и что она дѣлаетъ; она очень-спокойна и тиха, но приходитъ ко мнѣ, когда ей очень-грустно или очень-весело, и я просыпаюсь, чувствуя, какъ ея ручонки обвиваютъ мою шею. Только въ прошлую ночь, можетъ-быть, потому, что я заснула, думая объ этомъ мячикѣ для Фебы, моя маленькая любимица явилась ко мнѣ во снѣ и подставила свой ротикъ, чтобъ я его поцаловала, точно такъ, какъ, я видѣла, дѣлаютъ настоящія малютки съ настоящими матерями, когда идутъ ложиться спать. Но все это глупости, душенька! только не пугайтесь предостереженій миссъ Поль о замужствѣ. Я полагаю, что оно можетъ быть очень-счастливымъ состояніемъ; небольшое легковѣріе пріятно улаживаетъ жизнь и лучше всегдашнихъ сомнѣній, подозрѣній и непріятностей во всемъ.

Еслибъ я расположена была пугаться замужства, то, конечно, не по милости миссъ Поль, а вслѣдствіе участи бѣднаго синьора Бруони и его жены; а все-таки поощрительно было видѣть, какъ, несмотря на всѣ свои заботы и печаль, они думали другъ о другѣ, а не о себѣ; и какъ сильны были ихъ радости, если они касались котораго-нибудь изъ супруговъ или маленькой Фебы!

Синьора рассказала мнѣ однажды очень-много о ихъ прежней жизни. Этому подаль поводъ мой вопросъ: справедливъ ли рассказъ миссъ Поль о близнецахъ. Но синьора, или (какъ мы узнали, она предпочитала, чтобъ ее называли мистриссъ Броунъ), сказала, что это совершенно-справедливо, что ея деверя многіе принимали за ея мужа, что весьма было имъ полезно въ ихъ занятіяхъ.

— Хотя, продолжала она:—я не могу понять, какъ могутъ принимать Томаса за настоящаго синьора Бруони, но онъ говоритъ, его

принимаютъ за синьора, и я полагаю, надо ему вѣрять. Я не говорю, чтобъ онъ не былъ добрый человекъ; я не знаю, какъ мы бы расплатились по счету въ Восходящемъ Солнцѣ, еслибъ онъ не прислалъ денегъ; но люди вѣрно мало понимаютъ въ искусствѣ, если могутъ принимать его за моего мужа. Вотъ, напримѣръ, миссъ, въ штукѣ съ шарикомъ, когда мужъ мой широко растопыритъ пальцы и повертываетъ мизинцемъ съ такимъ граціознымъ видомъ, Томасъ сжимаетъ руку кулакомъ, какъ-будто у него въ ней спрятано много шариковъ. Кромѣ-того, онъ никогда не бывалъ въ Индіи и не понимаетъ, какъ надо надѣвать тюрбаны.

— А вы развѣ были въ Индіи? спросила я, нѣсколько-удивленная.

— О, да! и оставались тамъ нѣсколько лѣтъ. Сэмъ былъ сержантомъ въ 31-мъ полку; и когда полкъ послали въ Индію, мнѣ тоже достался жребій (*) и я была такъ рада; разлука съ моимъ мужемъ была бы для меня медленной смертью. Но, право, миссъ, еслибъ я знала все, не лучше ли мнѣ было умереть на мѣстѣ, нежели претерпѣть все, чтò я вынесла съ-тѣхъ-поръ. Конечно, я успокоивала Сэма и была съ нимъ; но, миссъ, я лишилась шестерыхъ дѣтей, сказала она, смотря на меня тѣмъ же страннымъ взоромъ, который я приняла только въ глазахъ матерей, у которыхъ дѣти умерли; она взглянула съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ глазъ, какъ бы отыскивая то, чего они никогда не могутъ найти.—Да! шестеро умерли въ этой ужасной Индіи. Я думала, что не буду въ-состояніи никогда больше любить дѣтей; а когда рождался новый ребенокъ, я не только любила его, но въ немъ и всѣхъ умершихъ прежде его братьевъ и сестеръ. Передъ роженіемъ Фебы я сказала мужу: «Сэмъ, когда родится ребенокъ и я буду здорова, я оставляю тебя; это жестоко подрѣжетъ мое сердце; но вѣдь если и это дитя тоже умретъ—я помѣшаюсь. Помѣшательство есть уже во мнѣ и теперь; когда же ты отпустишь меня въ Калькутту съ ребенкомъ на рукахъ, я пойду пѣшкомъ, стану копить и экономничать и просить только, чтобъ получить проѣздъ въ Англію, гдѣ нашъ ребенокъ будетъ живъ.» Господь да благословитъ его! Онъ позволилъ мнѣ идти, откладывалъ жалованье, а я сберегала каждую копейку, которую получала за стирку, или за что-нибудь другое. Когда родилась Феба и здоровье мое поправилось, я отправилась. Путь былъ уединенный, чрезъ густые лѣса, темные отъ огромныхъ деревьевъ, вдоль по рѣкѣ (но я выросла близъ Авона въ Варвикшайръ, и мнѣ въ этомъ шумномъ теченіи было что-то знакомое), отъ мѣста до мѣ-

(*) Въ Англіи не позволяется женамъ солдатъ отправляться въ походъ за мужьями, исключая извѣстнаго числа, для котораго бросается жребій.

ста, отъ деревни до деревни шла я одна, съ ребенкомъ на рукахъ. Туземцы были очень-ласковы. Мы не могли понимать друга друга, но они видѣли ребенка у моей груди, подходили ко мнѣ, приносили рису и молока, а иногда цвѣтовъ; у меня есть еще сухіе цвѣты. На утро я такъ устала! Они хотѣли, чтобъ я осталась съ ними; это я поняла, старались испугать меня густымъ лѣсомъ, который, точно, казался очень-темнь и страшень; но мнѣ чудилось, будто смерть гонится за мною и хочетъ отнять у меня ребенка; что я должна идти, идти... Я думала: Господь заботится о матеряхъ съ-гѣхъ-поръ, какъ созданъ міръ. Онъ позаботится и обо мнѣ. Я простилась съ ними и пустилась снова въ путь. Одинъ разъ, когда дѣвочка моя захворала и намъ обѣишь нужно было отдохнуть, онъ привелъ меня къ мѣсту, гдѣ я нашла добраго англичанина, проживавшаго между туземцевъ.

— И вы наконецъ дошли благополучно до Калькутты?

— Да-съ, благополучно. О! когда я узнала, что мнѣ остается только два дня пути, я поблагодарила Бога за Его великое милосердіе. Я поступила служанкой къ больной дамѣ, которая очень полюбила мою малютку на кораблѣ. Черезъ два года Сэмъ получилъ отставку и воротился къ намъ. Тутъ онъ вздумалъ заняться чѣмъ-нибудь, но онъ не зналъ ничего; только какъ-то давно, давно выучился онъ штукамъ у индійскаго фокусника; вотъ онъ и началъ давать представленія. Пошло такъ хорошо, что онъ просилъ Томаса помочь ему, пригласилъ его, какъ помощника, знаете, а не какъ другаго фокусника, хотя Томасъ теперь занимается этимъ самъ. Но для насъ сходство между близнецами было большой подмогой, и много штукъ славно сошли съ рукъ. А Томасъ, братъ добрый, только не такъ хорошъ, какъ мой мужъ, и я не знаю, какъ могутъ принимать его за снѣйора Брунона.

— Бѣдная Феба! сказала я, вернувшись мысленно къ ребенку, котораго она несла на рукахъ цѣлыя сотни миль.

— Ахъ, вы говорите справедливо! Я никогда не думала, что взрошу ее, когда она занемогла въ Чундерабадѣ; но этотъ добрый, ласковый Ага Дженкинсъ принялъ насъ къ себѣ въ домъ, что, конечно, спасло ее.

— Дженкинсъ! сказала я.

— Да, Дженкинсъ. Вѣрно, все изъ этой фамиліи добры; вотъ хоть эта добрая старая дама, которая приходитъ каждый день брать Фебу гулять...

Но въ головѣ моей мелькнула мысль: не пропавшій ли Питеръ этотъ Ага Дженкинсъ? Правда, многіе увѣдомляли о его смерти; но и то правда, что нѣкоторые рассказывали, будто онъ возвысился до степени великаго тибетскаго ламы. Миссъ Мэтти думала, что онъ живъ. Я хотѣла освѣдниться.

* * *

О быломъ, о погнбшемъ, о старомъ
Мысль нѣмая душѣ тяжела;
Много въ жизни я встрѣтила зла,
Много чувствъ я истратила даромъ,
Много жертвъ невпопадъ принесла.

Пла я вновь послѣ каждой ошибки,
Забывая жестокой урокъ,
Безоружно въ житейскія ошибки.
Вѣры въ слезы, слова и улыбки
Вырвать умъ мой изъ сердца не могъ.

И душою, судьбѣ непокорной,
Средь невзгодъ, одолѣвшихъ меня,
Убѣжденъ въ успѣхъ сохраняю,
Какъ игрокъ ожидала упорный
Днемъ за днемъ я счастливаго дня.

Смѣло кладъ я бросала за кладомъ,
И стою, проигравшись въ-пухъ;
И счастливы, сидящія рядомъ,
Смотрятъ жаднымъ, язвительнымъ взглядомъ,
Измѣнить ли твердый мнѣ духъ?

К. ПАВЛОВА.

Декабря 28, 1854.

СОЛНЦЕ.

Лучезарный богъ денницы,
Свѣтозарныя зеницы
Надъ землею ты раскрылъ,
И сіянемъ два младаго
Ты отъ сумрака ночнаго
Все земное воскресилъ.
Сыплешь яркими лучами
Надъ подвластными мірами
Съ высоты воздушныхъ странъ,
И твою главу златую
Яркимъ блескомъ залитую
Отражаетъ океанъ.
Бога чудное созданье,
Ты съ начала мірозданья,
Нашу землю сторожишь,
Въ ней ты жизни силу сѣешь,
И лучомъ ее лелѣешь,
И любовью къ ней горяишь.

Н. ВОЛКОВА.

ДНЕВНИКЪ ЧИНОВНИКА.

Статья четвертая.

1807-й ГОДЪ.

19-го марта. Вторникъ.

Гаврила Романовичъ написалъ на отъездъ государя молитву, которую московский мой знакомецъ Нейкомъ, пріѣхавшій сюда на прошедшей недѣлѣ, намѣренъ положить на музыку и исполнить ее или въ своемъ концертѣ, или въ концертѣ Филармоническаго Общества. Боюсь вымолвить, но эти стихи нашего барда слабы и непохожи на прежнія его сочиненія; а, кажется, былъ прекрасный случай къ вдохновенію.

Толковали о князѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, который, несмотря на свое пятилѣтнее отсутствіе, до-сихъ-поръ еще считается шефомъ Кадетскаго Корпуса. Въ это званіе возвелъ его императоръ Павелъ Петровичъ, а членомъ Государственнаго Совѣта пожалованъ онъ уже государемъ Александромъ Павловичемъ. Гаврила Романовичъ увѣряетъ, что Зубовъ имѣетъ много природныхъ способностей. «Во время моего статс-секретарства» говорилъ старикъ, «часто случалось мнѣ, передъ докладомъ императрицѣ, заходить къ Зубову и объясняться съ нимъ по разнымъ дѣламъ, о которыхъ я докладывать былъ долженъ императрицѣ, и выслушивать его заключенія: они были очень-правильны».

Къ слову о статс-секретарствѣ Гаврила Романовича. Любопытно происшествіе, случившееся съ нимъ во время исправленія этой должности. Державинъ докладывалъ однажды императрицѣ по какому-то очень-важному дѣлу и, по случаю сдѣланнаго ею возраженія, до-того забылся въ горячности своего объясненія, что осмѣлился схватить ее за конецъ мантыи, какъ-бы въ спорѣ съ какою-нибудь обыкновенною знакомою

дамою. Государыня тотчасъ позвонила. «Кто еще тамъ есть?» спросила она очень-хладнокровно вошедшаго на звукъ колокольчика камердинера своего, Зотова. «Статс-секретарь Поповъ» отвѣчалъ Зотовъ. — «Позови его сюда». Поповъ вошелъ. «Побудь здѣсь, Василій Степанычъ» сказала императрица ему, съ улыбкою: «а то вотъ этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ». Державинъ опомнился и, въ отчаяньѣ, бросился государынѣ въ ноги. «Ничего» примолвила императрица: «продолжайте докладывать; я слушаю». Это происшествіе, которое рассказывалъ Поповъ и въ которомъ сознавался самъ Державинъ, было, кажется, настоящею причиною перемѣщенія его изъ статс-секретарей въ сенаторы.

Увѣряютъ, что звонокъ былъ прежде принадлежностью однихъ присутственныхъ мѣстъ и въ домашнее употребленіе введенъ только въ началѣ царствованія императрицы Екатерины-Великой. До-того же всѣ знатныя особы держали при себѣ или пажиковъ или, большею-частью, каряиковъ и карлицъ для призыва нужныхъ служителей и другихъ небольшихъ комнатныхъ услугъ. Эти гномы находились при своихъ патронахъ безотлучно, знали всѣ ихъ привычки, умѣли угождать имъ и до такой степени успѣвали снискивать ихъ довѣріе, что въ стѣнахъ кабинета, который могъ назваться міромъ этихъ маленькихъ существъ, не было для нихъ ничего сокрытаго: все говорилось и дѣлалось при нихъ безъ малѣйшаго опасенія ихъ нескромности, какъ-будто ихъ и не существовало.

20-го марта. Среда.

Французскій актёръ, старикъ Дюкроаси, который такъ превосходенъ въ роляхъ à manteaux, составляющихъ его амплуа, кажется, настоящій французъ de la vieille roche: уменъ, простодушенъ, словоохотливъ и, кажется, очень-набоженъ. Мы застали его сидящаго въ креслахъ предъ каминомъ съ молитвенникомъ въ рукахъ. Эта книжка, судя по истертымъ ея листамъ, должна быть въ безпрестанномъ употребленіи; возлѣ креселъ, на столикѣ, лежали «Phédon» Платона и еще нѣсколько религіозныхъ книгъ. Странное сочетаніе духовнаго направленія съ обязанностями актёра!

Дюкроаси сказывалъ, что онъ въ самой ранней молодости и по одному только легкомыслію вступилъ на сцену и до-сихъ-поръ въ томъ раскаявается. Этотъ поступокъ чрезвычайно огорчилъ родителей его, но въ-особенности дядю, богатаго негоціанта, который, въ порывѣ негодованія, лишилъ его наследства. «Никакіе усѣхи на сценѣ» говорилъ

онъ, «не могли заставить меня позабыть этотъ случай, такъ бѣдственно отразившійся на всѣ проишествія моей жизни. Слава Богу, что еще удалось мнѣ пріютиться въ Россіи, гдѣ, благодаря милостямъ государя, надѣюсь умереть покойно не за кулисами и не на театральныхъ подмосткахъ; иначе пришлось бы, можетъ-статься, до гробовой доски не оставлять скучнаго моего поприща».

Дюкроаси очень-догадливо объясняетъ причину, отчего иные актёры, несмотря на превосходство своихъ дарованій, не достигаютъ иногда такой славы, какую пользуются другіе, не столь талантливые. Онъ утверждаетъ, что актёръ всегда кажется превосходнѣйшимъ, если онъ на сценѣ бываетъ окруженъ талантами посредственными, и, напротивъ, самый отличный актёръ теряетъ много въ глазахъ обыкновенной публики (не говоря о небольшомъ числѣ знатоковъ), если онъ играетъ съ актёрами, равными ему превосходствомъ своихъ дарованій. Вотъ причина, почему дѣвица Клеронъ пользовалась нѣкоторое время репутаціею превосходнѣйшей актрисы противъ дѣвицы Дюмениль, хотя и не имѣла высокаго, вдохновеннаго таланта послѣдней. Она, пользуясь покровительствомъ дюка де-Ришельё, имѣвшаго сильное вліяніе на французскій театръ, умѣла такъ обстановкаивать пьесы, въ которыхъ играла, что прочія въ нихъ роли занимаемы были большею-частью актёрами второстепенными (doubleurs), между которыми, естественно, она первенствовала. Клеронъ не любила быть на сценѣ ни съ Лекеномъ, ни съ Бризаромъ; а когда необходимость заставляла ее играть вмѣстѣ съ мамзель Дюмениль, то дѣло не обходилось безъ исторій и часто соблазнительныхъ. Чтобъ удовлетворить прихоти дѣвицы Клеронъ, многіе извѣстные люди сочиняли пьесы, которыхъ интересъ сосредоточенъ былъ на одной роли, для нея предназначенной, какъ, напримѣръ, въ трагедіяхъ «Дидона», «Ифигенія въ Тавридѣ» и наконецъ «Медея», которую называютъ триумфомъ ея таланта, хотя; по мнѣнію его, Дюмениль могла бы сыграть эту роль несравненно-лучше Клеронъ.

«Еслибъ удалось вамъ» продолжалъ Дюкроаси, «видѣть представленія нѣкоторыхъ пьесъ на французскомъ театрѣ въ Парижѣ, вы удивились бы совершенству, съ какимъ онѣ разыгрываются на сценѣ; но болѣе удивились бы тому, что дѣйствующіе въ нихъ великіе актёры сами-по-себѣ не возбуждаютъ никакого удивленія: такъ совершенство игры каждаго изъ нихъ сливается въ совершенствѣ ансамбля, и это совершенство еще болѣе проявляется въ комедіи, нежели въ трагедіи. Флери, Сен-Фаль, Дазенкуръ, Дюгазонъ, Мишо, Батистъ, Арманъ, Конта, Жоли, молодая Марсъ и другіе, могутъ назваться истинными представителями французской Талии; а о предшественникахъ ихъ Моле

и Превиглѣ, кончившихъ свою карьеру въ началѣ французской революціи, нечего и упоминать : это были гении въ своемъ родѣ.

21-го марта. Четверкъ.

Гебгардъ приходилъ звать меня на пикникъ, который нѣмецкіе актёры дѣлаютъ по подпискѣ въ честь берлинскаго своего собрата, драматурга Ифландъ, отличившагося недавно своимъ патриотизмомъ. Арресто (*) пишетъ, что Ифландъ, несмотря на строгое запрещеніе французскаго правительства въ Берлинѣ праздновать дни рожденія и именинъ короля и королевы, 10-го числа сего мѣсяца вышелъ на сцену въ своей пьесѣ «Die Jäger» съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ; и такъ-какъ публика, догадавшись о значеніи этого букета, привѣтствовала актёра единодушно нѣсколькими залпами громкихъ аплодисментовъ, то Ифландъ и былъ посаженъ на двои сутки подъ арестъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ отдалъ я четвертую часть своего капитала, то-есть десять рублей, любезному Гебгарду и далъ слово ѣхать съ нимъ въ Красный Кабачокъ, гдѣ учреждается пикникъ. Будутъ читать письмо Арресто и говорить рѣчи; но главное дѣло не въ рѣчахъ, а во вкусныхъ вафляхъ, которыми изстари славится Красный Кабачокъ, и въ катаньи бокъ-о-бокъ съ мамзель Леве и ея товарами.

22-го марта. Пятница.

Вотъ и еще письмо отъ отца по березняговскому дѣлу. «Хлопочи, проси, кланяйся, наставляй и проч. и проч.»; все это легко вымолвить, но исполнить трудно, да и какъ еще трудно! Надобно умѣнье, а у меня, къ-несчастью, недостаетъ ни умѣнья, ни охоты. Я до-сихъ-поръ не могу еще опомниться отъ приѣма Ватіевскаго, и добрый Крейтеръ не-совѣтъ могъ залечить раны, нанесенныя моему самолюбію.

Пикникъ былъ преселый : всѣ именитости здѣшняго нѣмецкаго театра принимали въ немъ участіе. Кудичъ читалъ письмо Арресто; Гебгардъ говорилъ рѣчь; мамзель Леве продекламировала стихи, въ которыхъ восхвалялось гражданское мужество Ифландъ; затѣмъ полдничали: дамы пили чай и кушали вафли въ разныхъ видахъ, кто со сливками, кто съ вареньемъ, а мужчины удовлетворяли аппетитъ свой болѣе-со-

---

(*) Извѣстный драматическій актёръ, бывшій на петербургской нѣмецкой сценѣ, превосходный въ роляхъ Карла Моора, маркиза Позы и Валленштейна.

Позднѣйшее примѣчаніе.

лидными блюдами: солониною и телятиною и пили пуншъ. Нѣмецкимъ вицамъ не было конца; въ заключеніе всего вальсировали на-пропалую подъ музыку двухъ какихъ-то инструментовъ, въ родѣ гудковъ (скрипками назвать ихъ совѣстно) и дребезжащаго віолончеля, которымъ аккомпанировалъ хоръ самихъ танцующихъ : *Zigeuner sind lustig und tanzen so gern*. Словомъ, всѣ веселились отъ-души, безъ претензій, а нѣкоторые и нагрузились порядкомъ. На обратный путь великана Эвеста уложили въ сани, закрывъ его ковромъ, а чопорную жену его посадили возлѣ него нянькою, чтобъ не дуриль, потому-что онъ непремѣнно хотѣлъ самъ править лошадьми, увѣряя, что настоящее призваніе его быть кучеромъ и что онъ мастеръ этого дѣла.

23-го марта. Суббота.

А. Г. Харламовъ присовѣтовалъ мнѣ повидаться насчетъ березняговскаго нашего дѣла съ однимъ изъ искуснѣйшихъ здѣшнихъ повѣренныхыхъ, И*. Я видѣлъ этого дѣльца, говорилъ съ нимъ, но не добился отъ него никакого толку. Онъ началъ съ предлиннаго разсужденія о томъ, что всякое дѣло имѣетъ двѣ стороны, и почему справедливое дѣло можетъ иногда показаться несправедливымъ и обратно; что всякій судья смотритъ на обстоятельства дѣла съ своей особой точки зрѣнія, въ чемъ упрекать его не должно, потому-что не всѣ люди одарены одинаковою прозорливостью и проч., и наконецъ повершилъ извѣстною поговоркою Д. П. Трощинскаго : «дѣло не въ докладѣ, а въ докладчикѣ». Я не могъ догадаться, къ чему клонится все это многорѣчивое предисловіе, тѣмъ болѣе, что просилъ его объ одномъ только указаніи, какимъ-образомъ я могъ бы имѣть ближайшее наблюденіе за ходомъ нашего дѣла и успокоить отца, встревоженнаго передачею этого дѣла въ завѣдываніе другаго, новаго секретаря; но И* недолго оставлялъ меня въ недоумѣніи и довольно-рѣзко объявлялъ, что онъ легко можетъ въ томъ пособить мнѣ и даже руководствовать меня въ нужныхъ случаяхъ, если я дамъ ему пятьсотъ рублей тотчасъ и столько же по окончаніи процесса. Я молча выпучилъ на него глаза, и мое удивленіе послужило ему поводомъ къ новой диссертациі о возмездіи, которымъ всѣ мы одинъ другому обязаны за труды, хлопоты и потерю драгоценнаго времени. «Вы знаете» вдругъ спросилъ онъ меня : «что такое время?» У меня такъ и завертѣлось на языкѣ отвѣчать ему стихами Хемницера :

А время вещь такая,
Которую съ тобой не стану я терять,

но, къ-счастью, воздержался отъ грубаго слова и, учтиво раскланавшись, оставилъ знаменитаго дѣльца, который, кажется, задумалъ подражать англійскимъ адвокатамъ и брать деньги даже и за совѣты. Пятьсотъ рублей тотчасъ и столько же по окончаніи процесса! Нѣчего сказать, молодецъ! Впрочемъ, Паглиновскій научить меня, что я предпринять долженъ.

Но лучше, по выраженію князя Шаликова, «поспѣшимъ въ объятія музъ» и поѣдемъ на очередной литературный вечеръ къ Державину. Тамъ, по словамъ другаго поэта, болѣе-талантливаго :

Забудемъ житейское горе
И сбросимъ съ усталыхъ рамень
Тяжелую, скучную ношу
Вседневныхъ заботъ безотвязныхъ,
Мы силы души обновимъ
Цѣлебной струей Иппокрены!

24-го марта. Воскресенье.

Княгиня Данкова, по смерти сына, необыкновенно стала щедра на пожертвованія. Недавно поднесла она государю какіе-то рѣдкіе столы, а теперь подарила университету весь свой музейъ натуральной исторіи, замѣчательный по рѣдкимъ экземплярамъ животныхъ четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся, минераловъ и разныхъ раковинъ. Это—драгоценное приобрѣтеніе для университета. Теперь нашъ профессоръ натуральной исторіи, А. А. Антонскій, не будетъ болѣе на лекціяхъ своихъ показывать одни камешки: «Вотъ видите ли, дѣти, камешекъ-та, о которомъ толковалъ я вамъ на прошедшей-та лекціи. Какъ же онъ называется?» — «Лабарданъ», отвѣчалъ-бывало всегда повѣса Мневскій. — «Ну вотъ и видно, что охотникъ-та жрать: все съѣсное-та на умѣ; лабарданъ-та рыба, а камешекъ называется лабрадоръ-та». Такъ проходили почти всѣ его лекціи.

Видно, нашей братѣ, мелкотравчатымъ стиходѣямъ, совѣстно стало приходить на литературные вечера съ пустыми руками; немного ихъ было вчера у Гаврила Романовича, да и тѣ, которые были, какъ-то: П. А. Корсаковъ и Шулепниковъ, опять ничего не принесли съ собою; но, въ замѣну плохихъ стиховъ, наслушался я умныхъ рѣчей и вдоволь посмотрѣлся на многихъ почтенныхъ людей, въ числѣ которыхъ министръ просвѣщенія, графъ Заводовскій, занимаетъ первое мѣсто. Это мужъ въ-ка Екатерины-Великой. Онъ очень-величавъ наружною; въ движе-

нихъ его много истиннаго достоинства; говоритъ претяжно и какъ-будто взвѣсивъ каждое слово, но за-то выражается правильно, и разговоръ его исполненъ здравомыслія. Сказывали, что смолоду онъ былъ красавецъ: можетъ-быть; но теперь, кромѣ живыхъ, умныхъ глазъ, другихъ остатковъ прежней красоты незамѣтно; лицо угреватое и багрово, а отъ бѣлонапудренныхъ волосъ кажется еще багровѣе. Разговаривали о войнѣ и о намѣреніяхъ государя достигнуть общаго мира въ Европѣ. «Цѣль великая» сказалъ графъ Петръ Васильевичъ: «но едва-ли достижимая; помирившись съ французами, мы будемъ воевать съ англичанами. Государь желаетъ мира длятого, чтобъ приняться за необходимыя преобразованія для блага Россіи, а, можетъ-быть, и всего чело-вѣчества; но именно по этой-то причинѣ и не оставляютъ насъ въ покоѣ. Не говорю о Бонапартѣ, который — заклятый врагъ спокойствія Рос-сіи, потому-что она одна въ-состояніи полагать преграды ненасытному его властолюбію; но и державы намъ дружественныя, или, вѣрнѣе ска-зать тѣ, которыя мы почитаемъ дружественными, не будутъ спокойно смотрѣть на наше могущество, возрастающее по мѣрѣ успѣховъ про-свѣщенія, образованности и усовершенствованія внутренняго управленія въ государствѣ, о чемъ такъ печется государь съ самаго восшествія своего на престолъ. Да, впрочемъ, говоря откровенно, я считаю и вой-ну несовѣсьмъ для насъ бесполезною: доказано, что продолжительный миръ иногда ослабляетъ государства; къ тому жъ надобно принять и то въ соображеніе, что безъ войны нельзя ни образовать военныхъ людей, ни узнать ихъ способностей, а искусные и опытные военачальники для Россіи необходимы. Въ какомъ бы мы видимомъ согласіи ни находились съ нашими сосѣдями, спокойствіе и безопасность государства требуютъ, чтобъ оружіе было всегда на-готовѣ».

А. С. Шишковъ прочиталъ стихи Анны Петровны Буниной на смерть одной изъ ея пріятельницъ, молодой дѣвушки шестнадцати лѣтъ. Въ нихъ есть мысли и довольно силы въ выраженіяхъ; но, странное дѣло, они какъ-будто писаны по заказу и не производятъ никакого дѣйствія на душу; это стихи не женщины, оплакивающей свою подругу, а скорѣе студента, рассуждающаго о жизни и смерти; отсутствіе чувства главный ихъ недостатокъ. Бунина не хотѣла назвать стиховъ своихъ элегіею потому, что они писаны четырехстопнымъ ямбомъ въ десяти-стишныхъ строфахъ, и дала имъ пышное названіе оды, какъ-будто бы нельзя написать элегіи четырехстопными ямбами. Но если стихи мнѣ вовсе не по-душѣ, то эпиграфъ къ нимъ пришелся по-сердцу; это двустипшіе, взятое изъ сочиненій какого-то испанскаго поэта, а, можетъ-быть, и просто какая-нибудь эпиграфія:

Dionosla Dios, no pòrque la Diese
Mas para mostrar en tierra su obra.

То-есть : «Богъ далъ намъ ее не для того, чтобъ оставить ее здѣсь, но чтобъ показать на землѣ свое твореніе». Эту мысль могла бы развить Бунинъ въ своихъ стихахъ, не гоняясь за глубокомысліемъ, которое не всегда бываетъ у-мѣста, и особенно тамъ, гдѣ должно преобладать одно чувство.

Гаврила Романовичъ толковалъ о какомъ-то Селакадзевѣ, у котораго будто-бы находится большое собраніе русскихъ древностей и, между прочимъ, новгородскія руны и костыль Іоанна Грознаго. Онъ очень любопытствовалъ видѣть этотъ русскій музеумъ и приглашалъ А. С. Шишкова и А. Н. Оленина вмѣстѣ осмотрѣть его. «Мнѣ давно говорили о Селакадзевѣ» сказалъ Оленинъ, «какъ о великомъ антикваріи, и я, признаюсь, по страсти къ археологін, не утерпѣлъ, чтобъ не побывать у него. Чтò жь, вы думаете, я нашелъ у этого человѣка? Цѣлый уголъ наваленныхъ черепковъ и битыхъ бутылокъ, которые выдавалъ онъ за посуду татарскихъ хановъ, отысканную будто-бы имъ въ развалинахъ Серая; обломокъ камня, на которомъ, по его увѣренію, отдыхалъ Дмитрій Донской послѣ куликовской битвы; престрашную кнпу старыхъ бумагъ изъ какого-нибудь уничтоженнаго богемскаго архива, называемыхъ имъ новгородскими рунами; но главное сокровище Селакадзева состояло въ толстой, уродливой палкѣ, въ родѣ лубинокъ, употребляемыхъ кавказскими пастухами для защиты отъ волковъ; эту палку выдавалъ онъ за костыль Іоанна Грознаго; а когда я сказалъ ему, что на всѣ его вещи нужны историческія доказательства, онъ съ негодованіемъ возразилъ мнѣ : «Помилуйте, я честный человѣкъ и не стану всѣмъ обманывать». Въ числѣ этихъ древностей я замѣтилъ двѣ алебастровыя статуйки Вольтера и Руссо, представленныхъ сидящими въ креслахъ, и въ шутку спросилъ Селакадзева : «А это чтò у васъ за антики?» — «Это не антики» отвѣчалъ онъ, «но точныя оригинальныя изображенія двухъ величайшихъ поэтовъ нашихъ, Ломоносова и Державина». Послѣ такой выходки моего антикваріа, мнѣ оставалось только пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ въ приращеніи подобныхъ сокровищъ и уйти, чтò я и сдѣлалъ» (*).

(*) Г. Р. Державинъ не удовольствовался предостереженіемъ А. Н. Оленина и, четыре года спустя (1811), предъ самымъ составленіемъ Бѣсѣды Любителей Русскаго Слова, ѣздилъ, послѣ бывшаго у него обѣда, въ обществѣ : Н. С. Мордвинова, А. С. Шишкова, И. И. Дмитріева и того же А. Н. Оленина, къ Селакадзеву, жившему въ одномъ изъ не-

Рѣшительно не понимаю, отчего во всѣхъ здѣшнихъ литераторахъ замѣтно какое-то обидное равнодушіе къ московскимъ поэтамъ, хотя бы, напримѣръ, къ Мерзлякову, Жуковскому, Пушкину и другимъ. И. С. Захаровъ, толкующій безпрестанно о грамматикѣ, говоритъ о нихъ какъ объ ученикахъ и никакъ не хочетъ согласиться, чтобъ они имѣли дарованіе, а между-тѣмъ покровительствуетъ такимъ писателямъ, которыхъ Мерзляковъ не допустилъ бы даже на свои лекціи, а отправилъ бы ихъ къ Аванасію Михайловичу Смирнову. Какое же можетъ быть сравненіе не только между Мерзляковымъ или Пушкинымъ, но даже между Измайловымъ, Колычевымъ, княземъ Шаликовымъ и прочими второклассными московскими писателями, и какимъ-нибудь сочинителемъ стиховъ «Къ Трубочкѣ» и ему подобными рифмоплѣтами, которыхъ встрѣчаю я на литературныхъ вечерахъ? Изъ москвичей одинъ И. И.

реуковъ Семеновскаго Полка, въ несовѣтъ—опрятной квартирѣ. По просьбѣ Гаврилы Романовича авторъ «Дневника» съ П. А. Корсаковымъ отправился впередъ, чтобъ предупредить антикварія о посѣтителяхъ. Онъ былъ въ восхищеніи, самъ принялся мести комнаты и сметать пыль съ своихъ рѣдкостей, поставилъ нѣсколько восковыхъ свѣчей въ подсвѣчники, надѣлъ новый сюртукъ и съ преважнымъ видомъ расположился на софѣ ожидать гостей, спрашивая попеременно то у автора «Дневника», то у Корсакова: «Такъ этотъ Дмитріевъ министръ юстиціи? Такъ этотъ Мордвиновъ членъ Государственнаго Совѣта?» и когда они удовлетворили его вопросамъ, онъ съ какою-то гордостью безпрестанно повторялъ: «Ну что жъ? пусть посмотрятъ, пусть посмотрятъ». По приѣздѣ, Державинъ, не обращая вниманія на другіе предметы, бросился разсматривать новгородскія руны и, къ общему удивленію, отыскалъ нѣсколько отрывковъ, которые его заинтересовали до такой степени, что онъ тотчасъ же списалъ ихъ и впоследствии помѣстилъ въ разсужденіе свое о лирической поэзіи, читанное въ бесѣдѣ. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ съ переводомъ Гаврилы Романовича:

Угли жрцу говоръ Еролку.

Пакоца свада
Дюжу убой
Тяжа начата
Тоць перелой.

Переводъ:

По злобѣ свара
Сильному смерть
Тяжба съ богатствомъ
Худъ передѣлъ.

А. Н. Оленинъ замѣтилъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ въ первый разъ видѣлъ музейъ Селакадзева, въ немъ ничего не прибавилось и ничего не измѣнилось, кромѣ того, что подъ одною статушкой, вмѣсто прежней подписи, «М. В. Ломоносовъ», явилась другая съ именемъ «И. И. Дмитріевъ».

Позднѣйшее примѣчаніе.

Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ потому, что онъ сенаторъ и кавалеръ, а Карамзинимъ восхищается одинъ только Гаврила Романовичъ и стоитъ за него горю; прочіе же про него или молчатъ, или говорятъ, что пишетъ изряднѣхонько прозою, между-тѣмъ, какъ намъ Карамзинъ заслуживаетъ уваженія и за свои стихотворенія, въ которыхъ языкъ превосходный и много чувства. Но что больше удивляетъ меня, что почти всѣ эти господа здѣшніе литераторы ничего не читали изъ сочиненій Мерзлякова и Жуковского, и вотъ тому доказательство: заужиномъ А. С. Шишковъ сказывалъ, что Логинъ Ивановичъ Кутузовъ читалъ ему греву Елегію «Сельское Кладбище», переведенную братомъ его Павломъ Ивановичемъ, и Шишковъ находитъ переводъ очень-хорошимъ и близкимъ къ подлиннику. Я замѣтилъ, что Павелъ Ивановичъ перевелъ эту элегію послѣ Жуковского, котораго переводъ несравнительно-превосходнѣе. «Не можетъ быть!» возразилъ Александръ Семеновичъ. «Говорю сущую правду» отвѣчалъ я: «и если угодно, прочитаю ее вамъ когда-нибудь, чтобъ вы могли посудить сами: я знаю ее наизусть». — «Такъ, пожалуйста, нельзя ли теперь?» подхватилъ ветерпѣливый Гаврила Романовичъ. И вотъ я прочиталъ во всеуслышаніе всю элегію отъ перваго до послѣдняго стиха, стараясь, сколько возможно, сохранить всю прелесть мелодическихъ стиховъ нашего московскаго поэта. Когда я кончилъ, всѣ смотрѣли на меня, какъ на челоуѣка отыскивающаго какую-нибудь рѣдкую вещь, или нашедшаго кладъ; элегію хвалили, но вмѣстѣ удивлялись и моей памяти: я сказалъ, что стихи Жуковского сами неволью врѣзываются въ память, между-тѣмъ, какъ стихи П. И. Кутузова запомнить очень-трудно.

Эта выходка стояла мнѣ, однакожъ, дорого: меня обнесли виногретомъ, любимымъ моимъ кушаньемъ.

25-го марта. Понедѣльникъ.

Паглиновскій снабдилъ меня запискою къ знаменитому юрис-консульту Министерства Юстиціи, Ивану Алексѣевичу Соколову, которю просилъ его сказать мнѣ свое мнѣніе о березняговскомъ дѣлѣ и наставить меня, какъ дѣйствовать въ нужномъ случаѣ. «Совѣтую вамъ» сказалъ мнѣ добрый Дмитрій Моисѣевичъ: «побывать у Соколова вечеромъ часовъ въ шесть: въ это время онъ всегда бываетъ дома и охотно принимаетъ посѣтителей. Предупреждаю васъ, что если вы играете въ шахматы, то будете для него драгоценнымъ гостемъ: старикъ страстно любить эту игру и бываетъ очень-доволень, когда удастся ему найти себѣ партыѣра. Это единственное развлеченіе, которе онъ себѣ дозволяетъ».

Я разсказалъ Дмитрію Моисѣвичу о разговорѣ моемъ съ стряпчимъ И*, и онъ, несмотря на свое хладнокровіе, очень смѣлся предложенію его руководствовать меня въ дѣлѣ за 500 рублей, но удивлялся, почему не запросилъ онъ гораздо-болѣе, потому-что вообще стряпчіе, для приданія болѣшей себѣ важности, имѣютъ правиломъ цѣнить свое ходатайство сначала въ три-дорога и послѣ мало-по-малу соглашались на бездѣлку, какъ-будто изъ особеннаго участія къ лицу, которое поручаетъ имъ свое дѣло. «Какъ быть! прибавилъ Паглиновскій: «эти люди не могли бы существовать, еслибъ время-отъ-времени не попадались имъ простакн, насчетъ которыхъ они не только живутъ, но и роскошничаютъ».

26-го марта. Вторникъ.

Романъ, настоящій романъ! Я опять встрѣтился съ Александрю Васильевною, которая, со времени послѣдняго нашего свиданія, имѣ кажетса, еще болѣе потолстѣла. Такъ, бѣдняга, и переваливается, какъ откормленная утка. Она пригласила меня проводить ее до дому и зайти къ ней, чтобъ кой-о-чемъ поговорить со мною. Я съ удовольствіемъ согласился, но послѣ былъ совсѣмъ тому не радъ, потому-что едва не попалъ въ исторію. Попадавшіеся намъ на встрѣчу смотрѣли на насъ съ какимъ-то обиднымъ любопытствомъ и ухмыляясь; а одинъ франтъ, остановивъ меня, пренагло спросилъ: «Позвольте, милостивый государь, узнать, гдѣ и чѣмъ откармливаютъ такихъ госпожъ?» Я хотѣлъ быю плюнуть ему въ глаза, но не успѣлъ опомниться, какъ онъ ужъ былъ далеко.

По приходѣ на квартиру, Александра Васильевна, замѣтивъ, что я нахожусь въ дурномъ расположеніи духа и, вѣроятно, догадавшись, что остановившій меня франтъ спрашивалъ о ней, сама завела рѣчь о своей толщинѣ и очень-остроумно подтрунивала надъ собою. «Все это прекрасно», сказала я ей: «но какъ вы рѣшаетесь ходить однѣ, даже безъ лакея? Немудрено напастъ на какого-нибудь сорванца, который однимъ вопросомъ можетъ навлечь вамъ неудовольствіе» — «Ну что жъ? Я отшучусь. Но дѣло не въ томъ: я хотѣла спросить васъ: хороша ли я?» Съ этимъ словомъ она подошла къ зеркалу и стала охорашиваться, любуясь лицомъ своимъ, безспорно, прелестнымъ, миловиднымъ и привлекательнымъ. Я отвѣчалъ; что не знаю, къ чему можетъ клониться такой вопросъ, но долженъ признаться, что она хороша, какъ гурия, и еслибъ не безобразила ея толщина, то она была бы первою красавицею въ свѣтѣ. «А каковы у меня руки?» спросила она опять,

показывая мнѣ свои руки. «Нѣчего сказать, и руки прелесть, заглядѣнье». — «Теперь посмотрите на мои волосы». Тутъ распустила она косу, и длинныя пряди густыхъ каштановыхъ и лоснящихся волосъ упали чуть не до самаго полу. «Волосы безподобныя, удивительныя» сказалъ я; «такіе волосы, какихъ я отъ-роду не видывалъ». — «Ну такъ напьетесь чаю, а послѣ я сдѣлаю вамъ еще нѣсколько вопросовъ, на которые вы должны отвѣчать мнѣ откровенно, и тогда объясню вамъ, въ чемъ дѣло». — «Извольте». — Чай принесли и Александра Васильевна разливала его очень-граціозно. Я постигнуть не могъ, что значили всѣ эти приготовленія, и сидѣлъ какъ на иголкахъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи развязки. Но вотъ наконецъ чайный приборъ унесли, и Александра Васильевна приступила къ объясненію. «Скажите, который вамъ годъ?» — «Деятнадцать лѣтъ минуло въ февралѣ»... — «А мнѣ будетъ двадцать-два года въ сентябрѣ. Вы здѣсь одни и родныхъ никого нѣтъ?» — «Ни одного человѣка». — «Такъ же, какъ и у меня. Слѣдовательно, совершенно-свободны и независимы?» — «Свободенъ, какъ птичка, въ-отношеніи къ мелочнымъ обстоятельствамъ петербургской жизни, но во всѣхъ другихъ случаяхъ завишу отъ воли отца и матери». — «А сколько они даютъ вамъ на прожитокъ?» — «Я получаю отъ нихъ покажѣсть тысячу двѣсти рублей и, сверхъ-того, много кой-какихъ вещей изъ домашняго хозяйства: есть всего вдоволь». — «У меня двѣ тысячи рублей своего дохода и, кромѣ-того, мнѣ слѣдуетъ послѣ мужа пенсія, которую скоро получить надѣюсь. Послушайте: вы привыкли жить въ семействѣ, и вамъ однимъ должно-быть очень скучно; я также изнываю отъ скуки одна: дорога въ Москву мнѣ запала надолго, если не навсегда, а здѣшнее общество для меня не существуетъ; отчего бы намъ одинокимъ сиротамъ на чужбинѣ не жить вмѣстѣ, какъ брату съ сестрой? Мы давно знакомы другъ съ другомъ: вы должны быть уживчивы, а за себя я ручаюсь. Я веселаго нрава, и вы со мною не соскучитесь. Я откровенна и васъ приучу къ откровенности, потому-что снисходительность — главное мое качество. Вы будете любить меня, какъ душу, а, можетъ-быть, и теперь ужъ любите; впечатлѣнія, которыя мы получаемъ въ первой молодости, не исчезаютъ скоро. Подумайте, сколько удовольствія имѣть возлѣ себя сестру, которая бы любила васъ, ухаживала за вами, пеклась о вашемъ хозяйствѣ, утѣшала васъ въ неудачахъ, радовалась вашимъ успѣхамъ и, къ-тому же, была бы сама счастлива. Право, подумайте. Я дѣлаю вамъ это предложеніе, откинувъ всякое притворство и ложный стыдъ, потому-что чувствую себя въ-состояніи быть доброю вамъ подругою и самоотверженіемъ своимъ приобрести себѣ въ васъ друга и брата. Я одна

въ цѣломъ мірѣ, и мнѣ жить нѣ-для-кого; не покинуть же мнѣ свѣтъ въ мои лѣта, съ моимъ здоровьемъ и съ моимъ веселымъ нравомъ; а и того хуже, не выйдти же опять за мужъ за какого-нибудь стараго брюзгу, котораго любить нельзя. Теперь скажите, хотите ли имѣть толстую, но хорошенькую сестрицу, которую вы знаете почти съ малѣтства и къ которой нѣкогда такъ нѣжно ласкались?»

Все это Александра Васильевна проговорила очень-бѣгло пофранцузски, то улыбаясь, то надувъ губки и съ влажными отъ слезъ глазами. Я слушалъ ее, сидя какъ вкопанный и, признаюсь, не зная, что отвѣчать ей: рѣшиться на такое важное дѣло тотчасъ, не обдумавъ его послѣдствій, казалось мнѣ безразсудствомъ, а съ другой стороны, отринуть вдругъ предложеніе милой женщины, въ которомъ заключалось столько добродушія и столько самоотверженія въ мою только пользу, было бы грубымъ невѣжествомъ. Наконецъ я рѣшился просить у ней нѣсколько времени на размышленіе; но во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, я общался бытъ ея неизмѣннымъ другомъ и бывать у ней какъ-можно-чаще; а еслибъ она захотѣла посѣтить и мою келью, то съ любовью привѣтствовать ее всегда названіемъ милой, доброй, толстой моей сестрицы.

И вотъ я сижу теперь у своей конторки, думая и передумывая о сегодняшнемъ странномъ со мною приключеніи; но, кажется, ломаю голову по-пустому. Какъ ни заманчиво предложеніе, но принять его невозможно, рѣшительно-невозможно. А жаль!

27-го марта. Среда.

Былъ у И. А. Соколова, къ которому вчера, по милости названной моей сестрицы, попасть не успѣлъ. Онъ принялъ меня ласково, прочиталъ записку Паглиновскаго и, посадивъ подлѣ себя, спросилъ о существѣ дѣла. Я объяснилъ ему какъ умѣлъ и, кажется, очень-сбивчиво, наши права на землю, оспариваемыя двумя сосѣдями, имѣющими въ Петербургѣ большія связи, и просилъ дать мнѣ добрый совѣтъ, что долженъ я дѣлать по случаю передачи нашего дѣла въ завѣдываніе другаго секретаря, который, по замѣчанію моему, неслишкомъ къ намъ благосклонствуетъ, что необыкновенно тревожитъ моихъ домашнихъ. Иванъ Алексѣевичъ толковалъ со мною съ часъ и далъ мнѣ подробное наставленіе на всѣ случаи, которые могутъ встрѣтиться въ продолженіи дѣла; протолковалъ бы, можетъ-быть, и долѣе, еслибъ не вошелъ Н. П. Брусилловъ и не помѣшалъ разговору. Я хотѣлъ откланяться, но добрый старикъ пригласилъ остаться на чашку чаю.

Между-тѣмъ Брусиловъ тотчасъ же предложилъ партію въ шахматы. «Нѣчего терять золотое время» сказалъ онъ Соколову: «и я вамъ долженъ реваншемъ». — «Готовъ, готовъ» отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ: «добрый воннъ никогда не отказывается отъ баталіи; только *сегодня* не *вчера*, и врядъ ли нынче побѣда будетъ на вашей сторонѣ, потому-что я собрался съ силами: выспался порядкомъ». Они начали партію, а я подсѣлъ къ нимъ посмотрѣть на ихъ *неподвижность* и послушать ихъ *молчанія*. Нѣчего сказать: игра занимательная, настоящая игра для глухонѣмыхъ! По-счастью, она продолжалась недолго, потому-что вошелъ чиновникъ Анавинъ, служащій при статс-секретарѣ Муравьевѣ, съ какимъ-то порученіемъ отъ своего начальства, и Соколовъ вышелъ съ нимъ для объясненія въ другую комнату. Я воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ познакомиться съ Брусиловымъ. Зная, что онъ литераторъ, много писалъ и переводилъ, два года назадъ издавалъ «Журналъ Россійской Словесности» и почитается однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, я-было заговорилъ съ нимъ о литературѣ, но онъ не благоволилъ обратить на меня большаго вниманія и отвѣчалъ мнѣ очень-холодно и сухо, какъ-бы нѣхотя. «Ну, Богъ съ тобой» подумалъ я: «если ты такой дикарь! Кажется, много пишется тебѣ еще нѣчто: твои «Бездѣлки», «Приключенія одного дня», «Гваделупскій житель», «Бѣдный Леандръ» и «Превратность судьбы» не Богъ-знаетъ еще какія заслуги, которыя давали бы тебѣ право поднимать носъ (*), и безъ того уже вздернутый кверху».

Вскорѣ пріѣхалъ экспедиторъ Министерства Юстиціи, Петръ Андреевичъ Ниловъ, котораго я видалъ у Гаврилы Романовича. Я очень-обрадовался, что встрѣтилъ знакомое лицо, съ которымъ можно было перемолвить слово, потому-что, послѣ нѣсколькихъ *да-съ, нѣтъ-съ*

(*) Авторъ «Дневника» раскаявается въ тогдашнемъ своемъ заблужденіи. Онъ служилъ послѣ съ Николаемъ Петровичемъ Брусиловымъ въ одномъ вѣдомствѣ въ продолженіе 4 лѣтъ и имѣлъ случай узнать его короче. Это былъ человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ: благороденъ, правдивъ, чувствителенъ и добрый товарищъ. Единственными недостатками его характера была какая-то недовѣрчивость къ самому себѣ и подозрительность въ-отношеніи къ другимъ. Отъ этого онъ дичился общества и избѣгалъ новыхъ знакомствъ. Въ послѣдствіи, необходимыя сношенія по службѣ заставили его быть общительнѣе, а во время губернаторства своего въ Вологдѣ, и особенно подъ конецъ жизни, онъ сдѣлался совѣтъ другимъ человѣкомъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

и кажется-съ, сказанныхъ очень-сухо Брусилowymъ, я потерялъ охоту обращаться къ нему съ вопросами. Ниловъ очень-любезный и разговорчивый человекъ и къ-тому же живетъ хорошее состояніе и очень-пригожую и любезную жену, воспитую Державиннымъ подъ именемъ «Параши». Она очень-талантлива, прекрасно играетъ на арфѣ и любитъ заниматься словесностью. Между-прочимъ, Ниловъ сказывалъ, что, по словамъ князя Петра Васильевича, государь теперь уже въ Юрбургѣ, а 20-го числа былъ въ Полангенѣ, куда пріѣзжалъ изъ Мемеля и король прусскій на нѣсколько часовъ, для свиданія съ нимъ.

Вскорѣ возвратился Соколовъ съ своей конференціи, и Ниловъ нетерпѣливо обратился къ нему съ вопросомъ: «Ну, что, Иванъ Алексѣичъ, читали заниску Злобина?» — «Читалъ, батюшка, читалъ: написана умно и дѣльно». — «Что жъ скажете?» — «Да ничего, мой отецъ: какъ посудятъ». — «Но вѣдь обстоятельства дѣла всё въ его пользу и требованія его справедливы». — «Совершенно-справедливы; однакожъ, какъ посудятъ». — «По мнѣнію моему, иначе судить нельзя, какъ основываясь на данныхъ, а онѣ ясны». — «Правда, правда, но какъ посудятъ». — «О чемъ же судить? Повторяю, Иванъ Алексѣичъ, вѣдь Первый Департаментъ призналъ претензію Злобина справедливою?» — «Точно, претензію призналъ; но въ какой суммѣ—о томъ въ рѣшеніи его не упоминается, между-тѣмъ, какъ сумма взысканія съ Злобина опредѣлена, и онъ самъ противъ того не споритъ». — «Такъ чего жъ, думаете вы, ожидать онъ долженъ?» — «Какъ посудятъ». — «Но я желалъ бы знать ваше мнѣніе, почтеннѣйшій Иванъ Алексѣичъ». — «Право, не знаю что сказать вамъ; какъ посудятъ» (*).

(*) И. А. Соколовъ, умный и благонамѣренный человекъ, готовый всегда дать добрый совѣтъ людямъ безгласнымъ и немнѣющимъ покровительства, былъ чрезвычайно-остороженъ въ сношеніяхъ съ людьми высшаго круга, съ богачами, съ своимъ начальствомъ и даже съ сослуживцами. Будучи принужденъ, по званію своему, излагать мнѣнія свои по разнымъ дѣламъ, онъ исполнялъ свою обязанность свято и безпристрастно и, какъ настоящій опытный законовѣдъ, съ надлежащею опредѣлительностью, но никогда не настаивалъ на своемъ мнѣніи и не защищалъ его ни предъ министромъ, во время его юрис-консульства, ни впоследствии передъ Коммиссією Прошеній, въ которой былъ членомъ. Авторъ «Дневника» имѣлъ случай продолженіе четырехъ лѣтъ (съ 1812 по 1816) видѣть почти ежедневно этого достойнаго человекъ и быть очевиднымъ свидѣтелемъ его праводушія. Докладывая иногда Коммиссіи по особо-поручаемымъ ему отъ статс-секретаря дѣламъ, авторъ «Дневника», по свойственной молодымъ людямъ заносчивости, позволялъ себѣ часто неумѣстныя замѣчанія на

Подали чай, и Соколовъ съ Брусилловымъ опять ушли за шахматы. Я хотѣлъ—было подождать результата этой игры—въ-молчанку, но, чувствуя, что меня принимаетъ истерическая зѣвота, рѣшился откланяться хозяину, мысленно благодаря его за данныя мнѣ наставленія, которыми онъ, повидимому, такъ скупился для другихъ.

28-го марта. Четверкъ.

Я полагалъ, что Павелъ Юрьевичъ Львовъ только добивается членства Россійской Академіи, а онъ уже академикъ. Вотъ какъ! Отчего жъ пропущенъ онъ въ списокъ секретаря Академіи? видно оттого, что «незамѣтенъ». Но, кажется, высокое имя митрополита Платона должно быть «замѣтно», а между-тѣмъ и оно не находится ни въ списокѣ академикомъ, ни въ списокѣ почетныхъ членомъ Академіи. Чтѣ-то неладно...

Чѣмъ болѣе просматриваю корректуру моихъ бардовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что я не сотворенъ поэтомъ; а вѣдь того—и-смотри, что заставить читать на литературномъ вечерѣ да, можетъ—быть, и похваливать стануть. А. Θ. Мерзляковъ, прочитавъ «Артабана», сказалъ: «Ахинея, братецъ, ахинея! впрочемъ, читай его петербургскимъ словесникамъ самъ, погромче—попадешь въ литераторы». И чуть ли онъ не правъ (**): мнѣ сдается, что стихотвореніе выигрываетъ отъ громкаго чтенія, и Гнѣдичъ не даромъ надсажаетъ грудь надъ своимъ переводомъ «Иліады».

Александръ Львовичъ возвратился изъ Москвы вмѣстѣ съ Аполлономъ Александровичемъ Майковымъ. Онъ нашелъ какіе-то безпорядки въ управленіи московскимъ театромъ: директоръ жаловался на актѣровъ, актѣры на директора, а публика недовольна и тѣмъ и други-

мнѣнія опытнаго юриста, который отвѣчалъ всегда однимъ и тѣмъ же привычнымъ своимъ словомъ: «мнѣніе мое *такое-то*, а тамъ какъ посудить, какъ посудить». Одинъ только разъ Иванъ Алексѣевичъ далъ почувствовать автору «Дневника» ошибочность его выраженій: «Знаете» сказалъ онъ: «что бъ отвѣчалъ Дмитрій Прокофійчъ Трощинскій на замѣчанія ваши? *Да ужь пожалуйте не забываете впередъ воображеніемъ вашими*» (*).

(*) Обыкновенное выраженіе Д. П. Трощинскаго, требовавшего отъ докладчиковъ своихъ простоты и ясности въ объясненіи дѣлъ, безъ всякихъ собственныхъ ихъ разсужденій.

(**) «Дневникъ Чиновника» 27 октября 1806 года.

ни. Говорить, что Сила Сандуновъ игралъ не послѣднюю роль во всей этой несогласиѣ. Теперь, кажется, рѣшено, что Всеволожскій будетъ назначенъ директоромъ, хотя Майкову хотѣлось бы самому занять это мѣсто. Между-прочимъ, сказывали, что желчный Сила Сандуновъ, вслушавшись въ слова одного извѣстнаго любителя театра, утверждавшаго, что Плавильщикова рѣдкій актёръ и поражаетъ на сценѣ зрителей, отвѣчалъ слѣдующею эпитафиею :

Что рѣдкій онъ актёръ, никто не спорить въ томъ,

Всѣмъ взялъ : органомъ и дородствомъ ;

И точно : поражаетъ сходствомъ

Съ быкомъ.

Переселялъ, любезный Сила Николаичъ, переселялъ, потому-что это неправда ! У Плавильщикова есть свои недостатки, но онъ все-таки большой талантъ, даже возлѣ Яковлева и Шушерина.

29-го марта. Пятница.

Чичковникъ Папинъ, помнится, какъ-то говорилъ (*), что *Θ. П. Львовъ* опредѣленъ директоромъ Капцериин Министра Коммерціи будто-бы по ходатайству Гаврилы Романовича. Это несправедливо : Львовъ лично былъ извѣстенъ министру по служенію своему при отцѣ его, фельдмаршалѣ Задунайскомъ, въ то время, когда великій полководецъ, сложивъ съ себя, подъ предлогомъ болѣзни, командованіе войсками, остался въ Молдавіи безъ всякаго дѣла. Державинъ былъ только посредникомъ въ опредѣленіи Львова.

Изъ всего, что Львовъ рассказываетъ о Задунайскомъ, можно вывести такое о немъ заключеніе : великій умъ, необычайная твердость души, огромныя познанія, но черствое сердце и непомерное самолюбіе. Императрица знала его коротко, уважала и цѣнила его заслуги, обходилась съ нимъ съ величайшею внимательностію, но не очень любила его.

30-го марта. Суббота.

Сегодня обѣдалъ у Харламова, котораго нашелъ въ большой ажитации. Онъ только-что передъ моимъ приходомъ возвратился съ штатфизикомъ Форштейномъ со свидѣтельства двухъ помѣшанныхъ : вдовы полковницы Г** и ея дочери, жены купца Первалова. Форштейнъ

(*) «Дневникъ Чичковска» 29 декабря 1806 года.

Т. СІ. — Отд. I.

говорить, что, несмотря на привычку видѣть почти-ежедневно сумасшедшихъ, онъ былъ чрезвычайно-растроганъ состояніемъ этихъ несчастныхъ, и особенно Переваловой, достойной всякаго состраданія. Харламовъ разсказалъ причину ихъ сумасшествія; это печальная исторія, и я желалъ бы, чтобъ ее слышали всѣ отцы и матери, которые ищутъ для дочерей своихъ богатыхъ супружествъ, вопреки ихъ чувствованіямъ и не обращая вниманія на несходство ихъ нравовъ и положенія въ обществѣ съ нравами и положеніемъ въ обществѣ представляющихся жениховъ. Вотъ она, эта исторія, которая становится довольно-гласною. Переваловъ, отпущенникъ князя Несвицкаго, наживъ въ короткое время какими-то неочень-честными способами богатый капиталъ, захотѣлъ вывести единственнаго сына своего въ люди и, во что бы ни стало, пріобрѣсть ему дворянство; а какъ дворянство безъ заслугъ не дается, да и сынокъ-то былъ не такихъ свойствъ и воспитанія, чтобъ могъ оказать какія-нибудь заслуги, то папенька и придумалъ сдѣлать его сначала полудворяниномъ, то-есть женить на дворянкѣ, на имя которой купить нѣсколько сотенъ душъ, и ввести его покаместъ въ кругъ благородныхъ людей, чтобъ пріучить, какъ онъ изъяснялся, къ *деликатному* обхожденію и *употребительнымъ* поступкамъ. Задумано — сдѣлано; нашли благородную и недостаточную вдову, у которой было три взрослыхъ дочери-невѣсты, милостивыя собою, воспитанныя въ пенсіонѣ, то-есть умѣющія болтать пофранцузски, брянчать на фортепьяно, потанцовать и принарядиться, чѣмъ бы то ни было, къ-лицу, впрочемъ, дѣвушки добрыя, чувствительныя и невинныя. «Выбирай, Семень» крикнулъ честолюбивый татенька: «и тщи люблю» У Семена разбѣжались глаза, онъ растерялся и не могъ повѣрить своему благополучію. «Какую прикажете, татенька, такую и возьму». — «Ну такъ начнемъ съ старшей: она, кажись, для хозяйства пригоднѣе будетъ». И вотъ, не объяснившись съ невѣстою, обратились съ предложеніемъ къ матери, впрочемъ, только для формы, потому-что эта несчастная женщина заранѣе на все была согласна; да и какъ бы можно было не согласиться ей, имѣя въ виду, что у дочери ея, совершенной безприданницы, вдругъ будутъ восемьсотъ душъ, уже приторгованныхъ въ одной изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, богатый домъ, куча денегъ и брильянтовъ, экипажъ, словомъ — все, все, о чемъ во снѣ и на яву мечтается такъ часто недостаточнымъ людямъ? Но старшая дочь не пошла на приманку и отказала на-отрѣзъ. Обратились къ средней, и она также: «лучше умереть чѣмъ выйти за мужика», было ея отвѣтомъ. Старуха завывала: дала слово, но какъ сдержатъ его, когда дочери не слушаются? Нельзя же вести ихъ на-

сильно къ вѣнцу: неравно и въ церкви на вопросъ священника вы-
молвить *не хочу*; тогда, кромѣ несбывшихся надеждъ, сколько пере-
судовъ, и все это падеть на нее! Оставался одинъ способъ выйти
изъ затрудненія: уговорить младшую дочь, дѣвушку 17 лѣтъ, больше
кроткую и послушную чѣмъ ея сестры, и вотъ приступили къ ней:
поди да поди, Аннушка, будешь барыней, помѣщицей, будешь жить
въ богатствѣ, будешь счастлива и осчастливишь всѣхъ насъ; утѣшь
старуху мать, которая выбилась изъ силъ въ безпрестанныхъ заботахъ
о васъ, и проч. и проч., словомъ, употребили всѣ увѣщанія, всѣ оболь-
щенія, какія только употребляются въ подобныхъ случаяхъ — и бѣдная
дѣвушка, мечтавшая сдѣлать счастье порядочнаго человѣка, уступила,
хотя не безъ горькихъ слезъ, желанію матери, рѣшилась выйти за
охревана.

Однакожь, время ѣхать къ Захарову. Сказывали, что будутъ читать
какую-то сатиру князя Шаховскаго — любопытно. Я было обѣщался
проревѣть своихъ бардовъ, но лучше подожду, пока будутъ отпечатаны,
и прочтаю ихъ на державинскомъ вечерѣ.

Выслушавъ сатиру князя Шаховскаго, стихи Марина «Къ Капнисту»,
и Бунинной «Видѣніе», и записавъ замѣчательныя въ нихъ мѣста, я
ушелъ отъ Захарова безъ ужина. Меня что-то влекло поскорѣе домой.
О сатирахъ до завтра; а теперь, чтобъ не забыть, кончу разсказъ
Харламова о Переваловой.

Сборы къ бракосочетанію Аннушки съ Семеномъ Переваловымъ продол-
жались недолго: приданымъ снабдилъ женихъ, или, скорѣе, его тятенька,
потому-что самъ онъ ни къ чему не былъ способенъ. Въ день брака
доставили невѣстѣ купчую крѣпость на купленное будто-бы ею имѣніе и,
вмѣстѣ для подписанія, нѣсколько заемныхъ писемъ на имя старика
Перевалова, въ двойной противъ купчей суммѣ. Наконецъ церемонія
кончена и, по купеческому обычаю, великолѣпный ужинъ съ музыкою,
а послѣ ужина танцы и отчаянная попойка заключили радостный для
Переваловыхъ день и, по шуточному выраженію Харламова, *вождедьль-
ное для нихъ событіе*.

Вотъ живетъ Аннушка въ домѣ своего свекра, но живетъ какъ чу-
жая; нѣтъ ей ни въ чемъ воли: тятенька всѣмъ распоряжается самъ,
никуда ее не пускаетъ и къ себѣ принимать никого не велитъ, кромѣ
матери, да и то ненадолго: «мужъ—де тебѣ компанія, и сиди съ му-
жемъ; а мужа нѣтъ дома, такъ покель не придетъ, думай объ немъ,

да его дожидайся». А мужъ—набитый дуракъ и, къ-тому же, реали-венецъ престрашный. Аннушка стала призадумываться; это не понравилась ни свекру, ни мужу; Аннушка начала поплакивать—бѣда пушала: пошли выговоры; Аннушка занемогла—посыпались укоры: привередница, капризница! Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и силы Аннушки истощались. Однажды утромъ бѣдная женщина, проплакавъ всю ночь, не вышла исполнять должность хозяйки — разливать чай. Свекоръ побѣжалъ въ спальню, разбранилъ больную, приказалъ встать съ постели и потащилъ ее за собою, приговаривая: «Вотъ егдакъ съ вами нѣ лучше». Аннушка пришла въ слезахъ, сѣла за столъ, взяла чайникъ, но вдругъ уронила его на полъ и, всплеснувъ руками, громко закричала: «Матушка, матушка, чтѣ ты со мною сдѣлала!» Съ этой минуты она уже не произносила другихъ словъ, и на вопросы медика и нѣсколько-образумившагося свекра и мужа, матери и сестеръ, отвѣчать иначе не могла, какъ только одною фразою: «матушка, матушка, чтѣ ты со мною сдѣлала!»

«А какая причина была помѣшательству вашей матушки?» спросилъ я, продолжалъ Харламовъ, сестеръ Переваловой, которыя рассказывали мнѣ всю эту исторію. «Причина очень-проста» отвѣчали со слезами бѣдныя дѣвушки: «горе. Матушка цѣлый почти годъ не оставляла сестры ни на минуту, спала съ нею въ одной комнатѣ, наблюдала за исполненіемъ предписаній доктора и безпрестанно слышала отъ нея эти несчастныя слова, зтотъ убійственный упрекъ: «матушка, матушка, чтѣ ты со мною сдѣлала!» Наконецъ, она выбилась изъ силъ; мы замѣнили ее при сестрѣ, чего до-тѣхъ-поръ она не позволяла, повторяя намъ ежеминутно: «я одна виновата, одна и должна быть наказана». Но наши попеченія о сестрѣ не облегчили душевныхъ страданій матушки: она впала въ глубокую меланхолію, и вотъ, какъ видите, около пяти мѣсяцевъ, выплакавъ всѣ слезы, сидитъ полумертвая, не обращая ни на чтѣ и ни на кого вниманія, только задыхается, а по-временамъ смотритъ на образъ Спасителя и шепчетъ прося: «Господи, помилуй меня грѣшную!»

Я любопытствовалъ знать, какъ переносятъ свое несчастіе оба Перевалова и какое впечатлѣніе производятъ на нихъ присутствіе этихъ помѣшанныхъ? «Ничего» сказалъ Харламовъ: «оба вертѣлись тутъ же при свидѣтельствѣваніи, которое, собственно по ходатайству ихъ, производилось и было нужно, какъ для полученія пенсіона матери, такъ и для учрежденія опеки надъ итѣніемъ дочери. Впрочемъ, сестры Г** говорили, что отецъ Переваловъ заботится, чтобъ онѣ ни въ чемъ не терпѣли недостатка и, по тщеславію своему, желаетъ прослыть щедрымъ

и великодушнымъ; а сынъ безпрестанно возитъ женѣ то яблоки, то конфеты; нынче же утромъ приставалъ къ ней съ вопросами: не хочешь ли она шеколаду; но у несчастной одинъ всеѣмъ отвѣтъ: «матушка, матушка, что ты со мною сдѣлала!»

31-го марта. Воскресенье.

Сатира князя Шаховскаго показала мнѣ произведеніемъ замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ: написана легко и остроумно, безъ натажекъ, безъ всякихъ претензій на глубокомысліе. Это пріятная, безобидная шутка, въ которой Шаховской очень-живо очертилъ нѣсколькихъ оригиналовъ современнаго общества, выхваченныхъ, какъ говорятъ, изъ салона А. А. Нарышкина. Крыловъ утверждаетъ, что портреты очень-сходны. Авторъ сначала обращается къ Мольеру:

Такъ ты одинъ, Мольеръ, безъ злобы и безъ шутства.
Смѣясь надъ людьми, умѣлъ людей смѣшнить,
Твой быстрый взглядъ проникъ въ умы, сердца и чувства,
Чтобъ, забавляя насъ, насъ разуму учить.

И дагѣ:

Мой духъ горитъ желаньемъ:

Полезнымъ сдѣлаться порока осмѣиваемъ;
Хочу я чудаковъ на разумъ навести.
Что дѣлать! не могу я видѣть безъ досады
Пороки, слабости и странности людей.

Здѣсь начинается онъ описывать эти пороки и странности, и какими прекрасными стихами!

Одни довольны всеѣмъ, всему на свѣтѣ рады:
Несчастіе гнететь ихъ ближнихъ и друзей,
Бѣды со всеѣхъ сторонъ, родные ихъ въ обидѣ,
Въ гоненьѣ, въ гибели; да имъ въ томъ нужды нѣтъ;
Не трогай ихъ однихъ, гори огнемъ весь свѣтъ:
Имъ это фейерверкъ — въ большомъ лишь только видѣ.

Другіе, напротивъ, всеѣмъ недовольны:

Что хочешь дѣлай ты — ничто имъ не въ угоду:
Сердиты на морозъ, на жаркую погоду,
Извольте гнѣваться на малыхъ и большихъ —
Нѣтъ спуску никому...

Имъ скажутъ: пусть ихъ врутъ, какая въ томъ бѣда?
Всѣ знаютъ, что они за то на свѣтъ озлились,

Что сами ни къ чему на свѣтѣ не годились;
 Согласенъ, не было бѣ въ ихъ болтовнѣ вреда,
 Когда бы люди всѣ о всемъ судили сами
 И не лѣнились бы своими жать умами,
 Иль, еслибъ родялись глупцы безъ языка,
 А то, къ несчастію, что зависть вымышляетъ
 То лѣность слушаетъ, а глупость разглашаетъ.

Какой вѣрный портретъ вѣстовщика :

Увидя вѣстовщикъ меня издалека,
 Слѣзнуть, бѣжить ко мнѣ...
 .....Боятся опоздать —

А для чего? чтобъ ложь чужую перелгать.

Ну, а это не живой ли Б. К.?

Вотъ мой сосѣдъ....
 Все хвалить, такаеть, лишь только бѣ угодить
 Тому, кто иногда изволитъ брать съ собою
 Его по улицамъ отъ скуки походить
 И на вечеръ въ свой домъ изрѣдка приглашаетъ ;
 А въ немъ весь свѣтъ большой за картами сидитъ
 Или подъ музыку охотничью зѣваетъ.

Прекрасно описанъ К. Ч.:

. . . . . Но едва-ль не счастливѣй его,
 Тамъ шпорами бренча, хватъ такту бьетъ ногою,
 Затянуть, вытянуть, любуясь собою,
 Кобенясь, ни во что не ставитъ никого:
 Лишь дай здоровья Богъ его четверкъ чалой,
 Тарасу кучеру, да пристяжной удалой,
 А впрочемъ, дѣла нѣтъ ему ни до кого.

А каковъ селадонъ С.?

Близъ хвата франтъ сидитъ съ премоднымъ воспитаньемъ,
 Съ ухваткой дамскою, съ сорочьямъ щебетаньемъ,
 Головку искривя ; такъ нѣженъ, такъ унылъ,
 И молча говорить : смотрите, какъ я милъ !
 Какъ милымъ и не быть ? Легко ли, три аббата
 На разныхъ языкахъ учили молодца
 И, выпуская въ свѣтъ, увѣрили отца,
 Что рѣдкость сынъ его, что въ немъ ума палата.

Окончаніе сатиры соответствуетъ ея началу :

• Кто можетъ описать всѣхъ нашихъ чудаковъ?...

. . . . .

Ихъ столько развелось за наши всѣ грѣхи,
 Заморскихъ и своихъ, что тѣсно жить приходится,
 И всякъ изъ нихъ на свой обычай колобродить :
 Одинъ ударился писать на все стихи...
 Другой политикъ сталъ...
 Тотъ заходяйничалъ и въ деревняхъ мудрить
 Изъ иностранныхъ книгъ и съ образца чужаго
 Безъ толку, безъ пути, онъ съѣтъ русскій хлѣбъ —
 Да на чужой манеръ хлѣбъ русскій не родится ;
 Иной, забывъ, что онъ и старъ и чуть не слѣпъ,
 Задумалъ всѣхъ плѣнять и въ щегольство пуститься ;
 А этотъ выдаетъ себя за мудреца,
 Всклокотилъ голову, въ чернилахъ замарался,
 Хоть много книгъ прочелъ — ума не начтался.

Стихотвореніе А. П. Буниной, «Видѣніе въ сумерки», непохоже на предъидущее : это великолѣпный наборъ словъ, предпринятый, кажется, въ намѣреніи польстить Державину. Изъ всего стихотворенія замѣчательны только два первые стиха :

Блеснулъ на западъ румяный царь природы,
 Скатился въ Океанъ — и загорѣлись воды.

Но изображеніе Державина — образцовая нелѣпость. Я не могъ не списать его для своего архива курьёзностей:

Чьихъ лиръ согласный звукъ во слухъ мой ударяетъ ?

Сквозь пальмовыхъ деревъ я вижу храмъ ;

А тамъ

Средь миртовыхъ кустовъ, склоненныхъ надъ водою ,

Почтенный мужъ съ открытой головою

На мягкихъ лиліяхъ сидитъ.

Въ очахъ его огонь горитъ,

Чело какъ утро ясно,

Съ устами и съ душой согласно,

На коемъ возложенъ изъ лавръ вѣнецъ ;

У ногъ стоитъ золотая лира.

Коснулся — и воспѣлъ причину мира,

Воспѣлъ и заблесталъ въ твореніяхъ творецъ!

Послѣ Державинъ будто-бы заплакалъ; но такъ-какъ всякому горю есть конецъ, то

Пѣвецъ отеръ слезу, коснулся вновь перстами,

Коснулся, загремѣлъ

И сладко-звучными словами
Земныхъ боговъ воспѣлъ.

Этимъ, однакожь, не кончено: сочинительница продолжаетъ бредить, но бредить такъ, что ужъ изъ рукъ вонъ — даже и несмѣшно. Это стихотвореніе непременно отправлю къ Мерзлякову; оно петербургской школы, которой профессора общали меня «выполировать».

Въ заключеніе читали «Посланіе къ Капнисту» С. Н. Марина. Это посланіе — тоже нѣчто въ родѣ сатиры, но сатиры тяжелой, въ которой не найдешь ничего, кромѣ общихъ мѣсть и натянутого ушничанья. Талантъ Марина, столько замѣчательный въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, какъ-то: эпиграммахъ, надписяхъ, нѣкоторыхъ пародіяхъ и небольшихъ шуточныхъ посланіяхъ, исполненныхъ веселости и колкихъ насмѣшекъ, совершенно подавляется предметами, болѣе-возвышенными, и тамъ, гдѣ Маринъ хочетъ быть моралистомъ, онъ становится скучнымъ и даже пошлымъ. Напримѣръ, чтó это за стихи, которыми начинается его посланіе къ Капнисту?

Какая бы тому, Капнисть, была причина,
Что умнымъ мыслить бытъ послѣдній дурачина? и проч.

Такихъ стиховъ и посланій я бы могъ представить книгу для чтенія на литературныхъ вечерахъ, еслибъ не опасался прослыть, по выраженію Буринскаго, «безсовѣтнымъ писакою». Посланіе Марина къ Капнисту какъ-разъ напоминаетъ эпистолу воспитанниковъ Университетскаго Пансіона къ пансіонскому эконому Болотову «О пользѣ огурцовъ», забавную пародію превосходной эпистолы Ломоносова къ Шувалову «О пользѣ стекла»:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Болотовъ,
Которы огурцы чтутъ ниже бергамотовъ.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ НА МУСУЛЬМАНСКОМЪ ВОСТОКЪ.

Страны и мѣстности земнаго шара въ приобрѣтеніи дурной или хорошей репутаціи подвергаются иногда такой же участи, какъ и индивидуумы человѣческаго рода. Какъ въ частномъ быту человѣкъ, однажды угодившій общественному мнѣнію, пользуется потомъ неизмѣннымъ его расположеніемъ, какъ бы ни велъ себя, а однажды вооружившій его противъ себя, не можетъ уже примириться съ нимъ, такъ точно лестныя или нелестныя понятія о известной странѣ, установившіяся вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, переживаютъ годы и вѣка, противостоятъ разнымъ противорѣчивымъ свѣдѣніямъ и превращаются наконецъ въ упрямые предубѣжденія. Примеръ тому видимъ въ предубѣжденіяхъ, существующихъ между европейцами о Востокѣ, или, сказать опредѣлительнѣе, о мусульманскомъ Востокѣ, потому-что, произнося этотъ географическій терминъ, каждый европеецъ имѣетъ преимущественно въ виду ту систему азіатскихъ государствъ, которая основана во имя пресловутаго ислама и о которой больше всего судятъ и радятъ на Западѣ.

Существенный недостатокъ этихъ понятій заключается въ томъ, что они еще слишкомъ-лестны для мусульманскаго Востока. Чтеніе нѣкоторыхъ, довольно-дѣльныхъ путешествій, отчасти подорвало уже знаменитость этого міра, но несовсѣмъ еще и повсемѣстно, потому, главнымъ образомъ, что такіа путешествія мало читаются. Оно оказалось особенно-безсильнымъ предъ привычкою поэтизировать Востокъ, представлять его себѣ въ какомъ-то фантастическомъ свѣтѣ, какъ отечество роскоши, пышности, утонченной нѣги, какъ страну, въ которой все живетъ и дышетъ наслажденіемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Западъ сравнивается съ Востокомъ, не отстали еще отъ привычки видѣть въ Западѣ прозу, а въ Востокѣ поэзію; это досадное упрямство, поддерживающее между европейцами устарѣлый взглядъ на мусульманскій Востокъ,

ни для кого не бывает так замѣтно и такъ досадно, какъ для прибывающихъ оттуда путешественниковъ, которымъ предстоитъ неприятная участь подвергнуться долгимъ и безпрестаннымъ разспросамъ о *поэтическомъ* Востоку. Смѣло можемъ увѣрить и читателей и читательницъ, что, когда имъ случается мучить своими разспросами прѣѣзжавшаго оттуда челоуѣка, хорошо-изучившаго видѣнныя имъ страны, то въ душѣ его непремѣнно кипитъ скрытая досада противъ тона и смысла вопросовъ, ему предлагаемыхъ.

Въ оправданіе этихъ предубѣжденій можно сказать только то, что они имѣютъ свое начало въ исторической судьбѣ отношеній Европы къ мусульманскому Востоку.

Идеи эти сохранились отъ тѣхъ временъ, когда Востокъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и потому дѣйствительно могъ поражать своимъ блескомъ бѣдныхъ жителей Южной Европы, наглядѣвшихъ у себя дома на неразлучна съ недостаткомъ образованія скудость и неудобства жизни. Въ какомъ же бѣдственномъ видѣ должна была находиться тогда Европа, если удивленіе къ жизни Востока, родившееся изъ сравненія тогдашняго европейскаго быта съ бытомъ мусульманскимъ, могло такъ укорениться, что сохранилось донынѣ!

Люди, прѣѣзжавшіе тогда изъ странъ мусульманскихъ, рассказывали про нихъ чудеса, которыя дѣйствительно должны были въ свое время поражать бѣдныхъ и полудикихъ европейцевъ; но движеніе Европы впередъ на поприщѣ всего хорошаго и полезнаго, и коснѣніе мусульманскаго міра во всемъ старомъ, каково бы оно ни было, перемѣнило роли: и пора бы уже было истребить до корня восторженныя понятія о томъ, чему въ свое время Европа, положимъ, удивлялась и справедливо.

Изъ всѣхъ ложныхъ понятій о Востоку особенно-непростительны тѣ, которыми поэтизируется положеніе женщины въ мусульманскомъ мірѣ. Непростительны они потому, что Европа, и во времена дикости все-таки имѣла въ этомъ отношеніи важное преимущество предъ міромъ, которому удивлялась, преимущество, заключавшееся въ моральности семейнаго быта, проникнутаго идеею одноженства, между-тѣмъ, какъ уродливость семейныхъ мусульманскихъ учрежденій могла принимать въ глазахъ тогдашнихъ наблюдателей сколько-нибудь поэтической видъ, только потому, что окружена была богатствомъ и блескомъ.

А между-тѣмъ ни къ одному изъ предубѣжденій о Востоку нѣтъ такого пристрастія, какъ къ предубѣжденію о поэтической обстановкѣ тамошней судьбы женщины. Европейцы питаютъ какую-то особенную привязанность къ этимъ предубѣжденіямъ. На ложный блескъ обстановки гаремной жизни, созданный досужею фантазіей, продолжаютъ еще

любоваться издали, несмотря на то, что основная идея мусульманскаго семейства признана уже всѣми нелѣпною.

Смыслъ можно предположить, что большая часть читателей, которые, увлекшись названіемъ, дадутъ себѣ трудъ прочесть эту статью, будутъ искать въ ней описанія тѣхъ роскошныхъ, дышащихъ утонченною нѣгомъ гаремовъ, мысль о которыхъ невольнымъ образомъ соединяется у всякаго съ мыслью о женщинѣ на Востока и о семейномъ бытѣ доклонниковъ Мухаммеда. Несмотря на все отвращеніе свое къ безнравственности и уродливости брачной жизни, допускающей многоженство, котораго смѣшныя и печальныя стороны могутъ быть постигнуты малѣйшимъ напряженіемъ разсудка, Западъ неполнѣ еще понимаетъ высокое превосходство своихъ семейственныхъ учрежденій предъ домашнею жизнью мусульманскаго Востока и недовольно-ясно представляетъ себѣ положеніе, которое женщина должна занимать въ домашнемъ быту мусульманина. Еслибъ Западъ вполнѣ понималъ свое превосходство въ этомъ отношеніи, то значительно охладѣлъ бы восторгъ стихотворцевъ, которые, говоря о такъ-называемомъ поэтическомъ Востока, еще чаще, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, становятся въ самыя непріязненныя отношенія съ истинною. Не стѣняясь литературнымъ вкусомъ вѣка, въ которомъ такъ много положительности, что благозвучная напыщенность фразъ и блескъ созданныхъ вымысловъ, но далекихъ отъ истины образовъ, совершенно почти безсильны предъ его холодною, они упорно остаются при своей привычкѣ говорить объ этомъ мѣрѣ не иначе, какъ съ удивительною восторженностью, между-тѣмъ, какъ вещи, которымъ придаютъ они блестящій, изящный обликъ, вовсе его не заслуживаютъ. Въ гаремной жизни нѣтъ поэзіи, да и никогда ея не было. Съ этимъ согласится всякій, кто наблюдалъ эту жизнь безъ мечтательнаго увлеченія.

Все, доселѣ сказанное, служить приступомъ къ сужденію о судьбѣ женщины на мусульманскомъ Востока. Читатель предупрежденъ уже, что онъ не долженъ надѣяться найти здѣсь пышное, восторженное описаніе гаремовъ. Если онъ чувствуетъ желаніе прочесть что-нибудь въ этомъ родѣ и потѣшить свое воображеніе роскошными, привлекательными вымыслами, то пусть ищетъ этой забавы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ: статья наша наполнена совсѣмъ не тѣмъ, что ему нужно. Въ цѣлительныхъ разсказахъ о тѣхъ мѣстахъ,

Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ,

нѣтъ, кажется, недостатка; были бъ поэты, а на вымыслы всегда будетъ урожай. Нѣтъ надобности увеличивать число розсказней, заключающихъ

въ себѣ тѣ пѣвительныя картины, которыя такъ разгорячаютъ воображеніе молодаго человѣка и такъ ласкаютъ охладѣвшую чувственность отцвѣтшаго старика.

Многогрѣшный виновникъ появленія въ свѣтъ этихъ строкъ самъ отчасти увлекался въ старое время тѣми идеями о гаремной жизни, противъ которыхъ возстаётъ теперь. Онъ перемѣнилъ свои идеи только тогда, когда судьба дала ему возможность познакомиться съ Востокомъ поближе. Разочаровавшись же самъ, онъ хотѣлъ подѣлаться своими свѣдѣніями съ европейскими собратіями, и такимъ образомъ уничтожить въ нихъ желаніе искать на Востокѣ того, что существуетъ единственно въ воображеніи поэтвъ.

Но спросятъ многіе: откуда же взялъ авторъ предлагаемыя имъ свѣдѣнія?

Само-собою-разумѣется, что онъ не могъ, какъ очевидецъ, изучать мусульманъ въ кругу семейства. Онъ даже не совѣтуетъ никому изъ европейцевъ позволять себѣ на мусульманскомъ Востокѣ подобныя выходы нескромнаго любопытства. Узнать такимъ образомъ европейецъ ничего не можетъ, а только окопрометируетъ себя и даже навлечетъ на себя опасности.

Да едва-ли и существуетъ какая-нибудь возможность для европейскаго любопытства проникнуть въ это убожище мусульманскаго быта такъ, чтобъ можно было изучить его. Смысло можно назвать это дѣломъ положительно-невозможнымъ, съ чѣмъ согласится и всякій серьёзный путешественникъ, видѣвшій мусульманскій міръ.

Скажемъ болѣе: всякаго, кто станетъ хвастать тѣмъ, что онъ проникалъ во внутренность гаремовъ и хорошо ознакомился съ этимъ бытомъ, наблюдая его какъ очевидецъ, слѣдуетъ счесть хвастуномъ, приписывающимъ себѣ небывалыя удачи.

Конечно, допускаются исключенія изъ общаго правила въ пользу европейскихъ докторовъ; но и это дѣлается не иначе, какъ съ большими предосторожностями. Докторъ допускается къ больной не наединѣ, а въ присутствіи евнуховъ и при большомъ стеченіи другихъ женщинъ, а послѣ консультаціи его тотчасъ же просятъ удалиться изъ внутреннихъ покоевъ дома.

Свѣдѣнія свои авторъ собиралъ изъ разспросовъ знающихъ людей, изъ сравненія и повѣрки слуховъ, которые доходили до него черезъ нѣкоторыхъ словоохотливыхъ мусульманъ и старыхъ мусульманокъ, и только этими средствами могъ онъ составить себѣ новыя понятія о томъ, что прежде понималъ превратно.

Первый источникъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ—разговоры со старухами мусульманскими, которыя дотога состарѣлись и подурнѣли, что, считая себя свободными отъ обязанности закрывать лицо и прятаться отъ постороннихъ мужчинъ, ходять по чужимъ домамъ, промышляя стиркою бѣлья, шитьемъ и другими услугами. Онѣ заходятъ иногда и въ дома европейцевъ, вмѣшиваются въ ихъ прислугу и бываютъ очень рады, когда ихъ начинаютъ о чемъ-нибудь расспрашивать. Болтливость дѣлаетъ этихъ старухъ истиннымъ сокровищемъ для человѣка, желающаго поразвѣдать о домашнемъ, закулисномъ бытѣ мусульманъ. Большая часть изъ нихъ могутъ поразказать только то, что дѣлается въ домахъ людей незажиточныхъ, средняго сословія; но есть между ними и такія расказщицы, которыя могутъ сообщить подробности о всевозможныхъ слояхъ общества. Если расказщица была въ свое время хороша собою и переходила изъ дома въ домъ въ качествѣ сива (наложницы, см. ниже), то она имѣетъ обыкновенно въ своей головѣ богатый запасъ свѣдѣній о всякаго рода семействахъ, отъ самыхъ бѣдныхъ до самыхъ богатыхъ, и отъ самыхъ простонародныхъ до самыхъ знатныхъ, массу разныхъ анекдотовъ, комическихъ и трагическихъ, однимъ словомъ: въ ея разказахъ наблюдатель можетъ видѣть подробную картину семейнаго мусульманскаго быта.

Второй источникъ свѣдѣній о домашней жизни мусульманъ—разговоры съ самими мусульманами; но источникъ этотъ доступенъ только для того, кто сумѣетъ имъ воспользоваться съ должною осторожностью. Заставить мусульманъ поразговориться объ этомъ предметѣ—нелегко. Они избѣгаютъ разговоры о своемъ семейномъ бытѣ съ кѣмъ бы то ни было, а особенно съ инувѣрцами, потому—что разговоры о такихъ вещахъ считаются въ высочайшей степени неприличными. Человѣкъ, неумѣющій обращаться съ поклонниками пророка, не долженъ и браться за подобныя разговоры съ ними: онъ ничего не узнаетъ и только оскорбитъ своихъ собесѣдниковъ неумѣстнымъ и неделикатнымъ любопытствомъ. Позволить себѣ это можетъ только человѣкъ, свыкшійся съ ними и пріобрѣтшій уже между ними друзей, которымъ внушилъ неограниченную къ себѣ довѣренность. Но и онъ, несмотря на всю свою тѣсную дружбу съ собесѣдниками, все-таки не можетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать иначе, какъ посредствомъ извѣстныхъ уловокъ, которыя могли бы довести мусульманскихъ друзей его до задушевныхъ признаній о томъ, какъ живутъ они съ своими женами и дѣтьми. Самая лучшая для достиженія этой цѣли уловка—споръ съ ними о превосходствѣ одноженства надъ многоженствомъ. Мусульмане такъ любятъ своими семейными учрежденіями, такъ любятъ свободу брать

женъ сколько имъ вздумается, и ограниченіе числа женъ до одной считаютъ такимъ притѣснительнымъ уставомъ, что никакъ не могутъ говорить объ этомъ хладнокровно. Стоитъ только навести ихъ на такой разговоръ, и они тотчасъ измѣняютъ своей обыкновенной скромности и осторожности. Они непременно выскажутъ тогда свой взглядъ на всѣ частности семейной жизни, на воспитаніе женщины, ея назначеніе, на теорію супружескаго счастья и даже, пожалуй, заговорятъ о характерѣ собственныхъ женъ своихъ. Задирая ихъ болѣе-и-болѣе разными придирчивыми возраженіями, можно дойти до того, что они наконецъ выболтаютъ всѣ подробности своего житья-бытья. Иногда путемъ такихъ разговоровъ можно узнать гораздо-болѣе, чѣмъ изъ бесѣды съ мусульманскими старухами. Отъ старыхъ рассказицъ узнаются обыкновенно одни голые и сухіе факты; но значеніе этихъ фактовъ, идей, которыя въ нихъ выражаются, лучше всего можно вывести изъ словъ разгоряченнаго возраженіями мусульманина.

Есть много и другихъ источниковъ, изъ которыхъ можно получать свѣдѣнія, относящіяся къ предмету этой статьи; но это все источники случайные, и пересчитать ихъ невозможно. Мало ли что можетъ случиться съ человѣкомъ, живущимъ на Востокѣ, и мало ли какія случайности могутъ расширять и обогащать взглядъ его на наблюдаемые предметы! Главные же источники для свѣдѣнія о судьбѣ женщины на мусульманскомъ Востокѣ все-таки тѣ два, о которыхъ говорено выше.

Я долженъ признаться, что хотя заглавіе этой статьи и общааетъ описаніе быта женщины на мусульманскомъ Востокѣ вообще, но большая часть замѣчаній, включенныхъ въ нее, основаны на фактахъ, собранныхъ собственно въ Персіи. Впрочемъ, не считайте картинъ, здѣсь представленныхъ, отрывками изъ этого интереснаго и мало-извѣстнаго быта: нравственное положеніе Персіи относительно къ мусульманскому Востоку даетъ всѣмъ фактамъ жизни персіанъ значеніе типическое, дѣлаетъ ихъ какъ-бы образчиками, по которымъ можно судить о прочихъ однородныхъ проявленіяхъ жизни въ этой части свѣта. Описаніе каждой черты жизни персидской — до извѣстной степени нравственная характеристика какой-либо части обычаевъ или нравовъ большинства мусульманскихъ націй. Такимъ значеніемъ своимъ Персія обязана давнишнему, искони принадлежавшему ей нравственному перевѣсу надъ прочими азіатскими народами; да и нынче Персія продолжаетъ еще оставаться представительницею древне-азіатскаго образованія. Современное превосходство турокъ-Османлу надъ персіянами по разнымъ отраслямъ проевѣщенія ничего въ этомъ отношеніи не значить. Это образованіе, иривитое черезъ частыя сношенія съ Европою, но не сред-

нившееся еще съ началами, къ которымъ оно привито, остается покуда вероятноетнымъ. Самымъ образованнымъ въ Азіи народомъ, въ мусульманскомъ смыслѣ, все-таки остаются еще персіяне: все-таки они должны считаться главными представителями древне-азиатскаго образованія.

Къ этому надо еще присоединить, что религиозные уставы, относительно семейства, почти одинаковы какъ и у шинтовъ-персіянь такъ и у другихъ мусульманскихъ народовъ, исповѣдующихъ суннитскій толкъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей. Участъ женщины почти одинакова вездѣ, гдѣ господствуетъ многоженство; сверхъ-того, изъ-за этихъ различій въ частностяхъ, главнѣйшее не упущено здѣсь изъ виду. Автору этой статьи случалось также наводить справки о томъ, какія именно характеристическія черты гаремной жизни принадлежать исключительно персіянамъ и какія имъ общи съ прочими мусульманами.

Такимъ-образомъ въ продолженіе этой статьи, дѣлая замѣчанія, отнесаясь ко всему мусульманскому міру, а не къ одной только Персіи, вмѣсто того, чтобъ говорить о персіянахъ, я буду говорить о *мусульманахъ*, показывая этимъ терминомъ, что разсказываемое общевѣсь мусульманскимъ семействамъ; когда же разсказъ коснется особенностей персидскаго семейства, тогда слово *мусульмане* я буду закрѣплять словомъ *персіяне* или буду дѣлать еще, сверхъ-того, приличную оговорку.

Начнемъ ab ovo, то-есть съ самыхъ первыхъ годовъ жизни восточной женщины, ея младенчества, и потомъ, слѣдя за разными эпохами ея постепеннаго развитія, покажемъ разныя перемѣны въ судьбѣ ея отъ дѣтской колыбели до перехода въ дряхлую старость.

Кто не согласится съ тѣмъ, что самый многозначительный для женщины періодъ — пора ея цвѣтущей молодости, пора любви и вліянія на мужчинъ, пора той нѣжной дѣятельности, для которой она предназначена отъ самаго рожденія, и что быть ея въ эту пору жизни заключаетъ въ себѣ самое характеристическое выраженіе всей судьбы женщины, такъ-что представить яркую картину этого періода ея земнаго странствованія, значитъ дать понятіе обо всей ея жизни? Но трудно представить подобную картину, миновавъ дѣтство и старость женщины. Изъ дѣтства она выноситъ почти весь запасъ чувствъ, которыми будетъ жить впоследствии, а старость представляетъ для нея будущность, къ которой она должна готовиться цѣлую жизнь. Воспоминанія о житѣ-бытѣ въ дѣтствѣ и думы о томъ, что будетъ съ ней въ преклонныхъ лѣтахъ, имѣютъ такое вліяніе на внутренній міръ и внѣшніе поступки женщины, что безъ описанія этихъ двухъ періодовъ жизни неполно

будеть изображеніе и эпохи цвѣтущей ея молодости — аюгоя ея земнаго бытія. Итакъ не пренебрегая никакими мнѣ извѣстными подробностями, я расскажу, какъ проводитъ мусульманская дѣвочка годы своего младенчества, что ожидаетъ ее по достиженіи возраста мусульманскаго совершеннолѣтія, какая судьба готовится ей въ брачномъ состояніи и чѣмъ наполнены дни ея, когда неумолимое время лишитъ ее красоты и свѣжести.

Первыя минуты жизни мусульманской дѣвочки бываютъ уже окружены такими предзнаменованіями, которыя не предвѣщаютъ ей блистательной будущности и тутъ же какъ-бы указываютъ на невысокое и нелестное мѣсто, назначенное ей мусульманскими повѣрьями въ ряду живыхъ существъ.

Младенцемъ женскаго пола дорожатъ на мусульманскомъ Востоку гораздо-менѣе, чѣмъ дитятею пола мужскаго, рожденіе котораго считается даже особеннымъ благословеніемъ небесъ и ставится въ большую заслугу виновникамъ его дней, между-тѣмъ, какъ рожденіе дѣвочки родители встрѣчаютъ до нѣкоторой степени съ горестью обманутой надежды. Кромѣ существующихъ у всѣхъ народовъ и даже, пожалуй, очень-понятныхъ чувствъ особеннаго предпочтенія къ младенцамъ мужскаго пола, мусульманинъ, сверхъ-того, находится въ этомъ случаѣ и подъ вліяніемъ своихъ религіозныхъ вѣрованій. Въ младенцѣ-сынѣ онъ видитъ будущаго защитника ислама, и, вспоминая тѣ слова религіи, которыми восхваляется человекъ, дающій жизнь мусульманину и общаются богатыя награды счастливому отцу каждаго новаго поклонника пророка, ободряется духомъ по случаю этого новаго приращенія семейства, какъ-то возвеличивается передъ религіею и заранѣе пускается въ мечтанія о привлекательной наградѣ, ожидающей его въ будущей жизни. Въ этой семейной радости заключается для него пріятное окончаніе тѣхъ тревожныхъ ожиданій, которыя мучили его въ продолженіи беременности его жены. Въ-теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ мусульманинъ и мусульманка только и мечтаютъ о томъ, что небо пошлетъ имъ сына. Но совершенно въ такой же степени, какъ ни велика ихъ радость при оправданіи сладкихъ надеждъ, горько бываетъ и разочарованіе ихъ. Случается иногда что мать и отецъ впадаютъ въ какое-то дикое отчаяніе, когда увидятъ, что, вмѣсто ожидаемаго сына, имъ суждено имѣть дочь, которой они не желали. Конечно, отчаяніе это мало-по-малу умѣряется; врожденное чувство родительской привязанности къ дѣтямъ, какого бы они пола ни были, беретъ верхъ, и ревностные мусульмане свыкаются съ той мыслью, что и на дѣвочку можно также возлагать своего рода надежды. Они начинаютъ раздумывать, что и

она современемъ, когда выйдетъ замужъ, также можетъ принести своего рода пользу, давъ жизнь нѣсколькимъ мусульманамъ. Мать начинаетъ мечтать, что если дочь ея будетъ хороша собой — а какая мать не увѣрена въ этомъ? — то ее можно будетъ выдать за богатаго человѣка и получить отъ будущаго зятя хорошіе подарки. Отецъ утѣшаетъ себя тою мыслью, что будущій зять, наслаждаясь предестіями его дочери, непременно будетъ осыпать благословіями виновника дней ея, и во время супружескихъ восторговъ неоднократно повторитъ эту фразу: *худо педеретро беіомурзедъ ки гелчинъ дустери хубъ дурустъ керде естъ* (Богъ да благословитъ твоего отца за то, что онъ далъ жизнь такой прекрасной дочери). Но всѣ эти мечты, всѣ эти искусственно-придуманная утѣшенія только умѣряютъ, но не вырываютъ съ корнемъ горя, западающаго въ душу мусульманскихъ родителей, когда сладкія надежды ихъ имѣть сына разлетятся, какъ дымъ. Все это не чтò иное, какъ уловка безвыходнаго горя, которую веселые французы обозначаютъ забавною поговоркою: *faire bonne mine au mauvais feu*. Первые чувства, съ которыми мусульманскіе родители встрѣтили появленіе на свѣтъ дочери никогда не изглаживаются въ сердцахъ ихъ и, продолжая оставаться подъ вліяніемъ мусульманскихъ поѣрій, родители рѣдко, очень-рѣдко удостоиваютъ ее той же нѣжности, какой удостоили бы тщетно-ожиданнаго сына.

Вотъ почему присмотръ за мусульманской дѣвочкой, когда она еще въ пеленкахъ, бываетъ уже гораздо-небрежнѣе, чѣмъ присмотръ за мальчикомъ.

Назначеніе имени дѣвочки относится у мусульманъ, какъ и повсюду, къ первымъ днямъ ея младенчества. Выборъ имени для женщины заключается въ себѣ многозначительныя указанія на понятія, существующія между мусульманскими народами о прекрасномъ полѣ и о единственномъ назначеніи, которое приписываютъ ему азіатцы.

Для мужчинъ существуетъ у мусульманъ богатый запасъ именъ, заимствованныхъ или изъ древней ихъ исторіи, какъ, напримѣръ, имена героевъ, законодателей, царей, ознаменовавшихъ себя какими-либо достославными дѣяніями, или изъ первыхъ временъ ислама, въ память слугниковъ и сподвижниковъ пророка. Въ воспоминаніе непосредственнаго послѣ Мухаммеда, по понятіямъ шитовъ, наслѣдника духовной власти, Алія и родственниковъ его, персіане очень любятъ давать имена ихъ своимъ дѣтямъ. Сунниты особенно привязаны къ именамъ первыхъ трехъ халифовъ: Абу-бекра, Омара и Османа. Для мусульманскихъ женщинъ почетъ такого рода почти не существуетъ; для нихъ имена, ознаменованныя какими-нибудь священными воспоминаніями,

весьма-немногочисленны, потому что въ исторіи ислама женщины очень-рѣдко появлялись на сцену, и недостатокъ этотъ восполняется произвольно-выдуманнми именами, въ которыхъ, правда, иногда бываетъ очень-много игры воображенія, одушевленной умильтельными чувствами привязанности, но которыя все-таки чрезвычайно-непочетны уже и потому, что въ ихъ изобрѣтеніи существуетъ у мусульманъ такая же неограниченная свобода, какъ у насъ въ приписываніи кличекъ для лошадей или собачекъ, носящихъ, если хотите, и у насъ очень-трогательныя прозванія.

Хотя имя дѣвочки дается обыкновенно въ такое время, когда нельзя еще вовсе предвидѣть, чѣмъ она будетъ по достиженіи полного развитія, несмотря на то, оно всегда заключаетъ въ себѣ какой-нибудь лестный отзывъ о красотѣ лица, глазъ, стана или пріятныхъ качествахъ обращенія. Вотъ, для приѣтра, небольшой каталогъ женскихъ именъ, особенно-часто встрѣчающихся въ Персіи и другихъ мусульманскихъ странахъ.

Гульчегре — розолицая, *Наргис-ханумъ* (*) — нарциссъ-барыня, *Пери-пеймеръ* — одаренная видомъ Пери, *Гуль-ендамъ* — вѣющая тѣлосложеніе розы, *Джейран-ханумъ* — серна-барыня, *Бенефше-ханумъ* — фіялка-барыня, *Туги-ханумъ* — попугай-барыня, *Нуша-феринъ* — сладотворная, *Гаугер-ханумъ* — драгоценный камень-барыня, *Магтабъ* — сіянье мѣсяца, *Нариндж-ханумъ* — апельсинъ-барыня, *Шахпесендъ* — такая, что и шахъ похваляетъ, *Назенинъ* — вѣжненькая, *Нейлуферъ* — лилія, *Нур-джанъ* — блескъ-душенька, *Таус-ханумъ* — павлинь-барыня, *Нист-ендер-джегон-ханумъ* — такая барыня, что нѣтъ ей подобной въ цѣломъ свѣтѣ, и проч. Всѣхъ именъ мусульманокъ не пересчитать, потому-что нѣтъ предѣла для фантазіи, когда она коснется этого вѣжнаго, интереснаго предмета.

Просимъ выкинуть въ приведенный выше переводъ женскихъ именъ и сдѣлать общій выводъ изъ значенія ихъ. Какъ много эти созданныя мусульманскою фантазіею имена разоблачаютъ взглядъ мусульманъ на женщину! Не правда ли, что называть такими именами женщинъ можетъ только народъ, смотрящій на нихъ совершенно какъ на игрушку, какъ на предметъ забавы для мужчинъ, какъ на существа, стоящія гораздо-ниже мужскаго пола? Жители Востока, какъ-будто отвергаютъ въ женщинахъ существованіе нравственной природы; изъ наименованій,

---

(*) Слово «ханумъ», которое значитъ то же самое, что у насъ «барыня», можетъ быть присоединяемо ко всѣмъ прочимъ женскимъ именамъ.

которые они даютъ дѣвочкамъ, очень-ясно, что восхитаться они могутъ только одними прекрасными глазами, красивымъ, возбуждающимъ чувственность тѣлосложеніемъ, пустою болтовнею, а о нравственныхъ достоинствахъ своихъ сожителямъ они и думать не хотятъ; имъ этого вѣжливо; да и правду сказать, они этого не стоятъ, потому-что оценить подобныхъ достоинствъ были бы не въ состояніи, и даже еще, пожалуй, стали бы тяготиться ими. Чѣмъ ниже стоитъ женщина въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ она и пріятнѣе и какъ-то сподручнѣе для азіатца.

А какъ смѣшны и жалки бываютъ эти затѣйливыя имена, когда дѣвочка, достигнувъ своего полнаго развитія, не оправдаетъ значенія даннаго ей отъ родителей имени, и когда въ предсказанныхъ имъ совершенствахъ лица, или тѣлосложенія, откажетъ ей злая судьба, которая часто подшучиваетъ надъ этими именами, давая носящимъ ихъ женщинамъ качества, совершенно-противоположныя ихъ значенію! Очень-часто случается, что какой-нибудь *Гульчегре* (розолицой) судьба даетъ наружность грубую и безобразную, далеко-ненапоминающую нѣжность и красоту розы; *Джеиран-ханумъ* (серна) бываетъ неповоротливой, неуклюжей толстухой; *Тутм-ханумъ* (попугай) молчитъ, какъ нѣмая; изъ дѣвочки, носящей лестное имя *Шахпесендъ* (такая, что и шагъ похвалить) выходитъ какое-нибудь уродливое существо, которое едва-едва найдетъ себѣ мужа въ бѣдномъ, грязномъ погонщикѣ муловъ; а та, которую нѣжные родители одарили затѣйливымъ именемъ *Нистендер-джеган-ханумъ* (такая барыня, что нѣтъ ей подобной въ цѣломъ свѣтѣ) дѣйствительно пріобрѣтетъ громкую извѣстность въ цѣломъ околоткѣ, да только не красотой, а самымъ безпримѣрнымъ безобразіемъ. Да и красивымъ женщинамъ недолго удается носить достойнымъ образомъ эти великолѣпныя имена. Старость не щадитъ ни *розолицыя*, ни *нарцисовыя*, ни *сладотворныя*, и наравнѣ съ другими смертными превращаетъ ихъ въ безобразныхъ старухъ, для которыхъ имена, прежде до такой степени имъ приличныя, дѣлаются подъякопъ злою насмѣшкою. Но последнее неудобство закрывается тѣмъ, что на мусульманскомъ Востоку жизнь женщины ограничивается только временемъ ея молодости и красоты. Лишь только исполнила она свое грубое назначеніе—усладить нѣсколько лѣтъ жизни какого-нибудь правотѣрнаго, мусульманка, можно сказать, уже отжила свой вѣкъ: сама она и имя ея предаются забвенію.

Свойственная всему Востоку неопытность встрѣчаетъ только-что родившуюся дѣвочку еще въ пеленкахъ, которая, по всеобщему обычаю, служитъ первымъ одѣяніемъ для человѣка, при появленіи его на свѣтъ.

Дѣти вообще воспитываются на Востоке очень-грязно. Это происходит отчасти и не от того, чтобъ мать не была побуждаема къ заботливости чувствомъ родительской любви, или чтобъ это чувство вовсе не существовало въ сердцѣ мусульманской матери относительно къ дочери; очень-много тому содѣйствуетъ проявляющійся во всѣхъ вообще случаяхъ восточной жизни недостатокъ чувства изящнаго, который мешаетъ мусульманамъ понять сущность и необходимость чистоты. Неопрятность, могущая породить въ европейцѣ отвращеніе, кажется имъ еще довольно-сносною.

Различіе въ званіи и степень достаточности семейства, въ которомъ дѣвочка воспитывается, нисколько не имѣютъ въ этомъ отношеніи вліянія на судьбу ея. Въ этомъ случаѣ разница состоитъ только въ болѣе или меньшей дороговизнѣ предметовъ, окружающихъ дѣла ея младенчества. Неопрятность, съ которой ее воспитываютъ, все одна и та же, принадлежитъ ли дѣвочка къ знатному, богатому роду, или имѣла несчастіе родиться отъ людей недостаточныхъ. Въ дорогое убранствѣ комнаты, гдѣ воспитывается дочь богача, въ ея кашмировыхъ и бархатныхъ платьицахъ господствуетъ та же небрежность относительно чистоты, какъ и въ тѣсной конурѣ, служащей убѣжищемъ для дочери бѣдняка, и въ грубыхъ, бумажныхъ тряпкахъ, покрывающихъ тѣло бѣднаго дитяти. Частое употребленіе бань, гдѣ вода бываетъ грязнѣе тѣла моющагося въ ней человѣка, вовсе не помогаетъ этому неудобству. Впечатлѣнія, полученныя въ младенчествѣ, не остаются, разумеется, безъ вліянія на образъ жизни и вкусъ женщины въ дальнѣйшихъ эпохахъ ея существованія. Отъ самыхъ раннихъ лѣтъ свыкнувшись съ видомъ неопрятности и не получивъ яснаго понятія о томъ, что такое опрятность, она, разумеется, въ продолженіе цѣлой жизни никогда и не вздумаетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи какія-нибудь хорошія перемены въ своемъ домашнемъ обиходѣ; а если она и затѣетъ какія-нибудь улучшенія въ своемъ быту съ претензіей жить почище другихъ, такъ эти улучшенія все-таки будутъ проникнуты нелѣпыми азіатскими понятіями о чистотѣ. Положимъ, что она вздумаетъ мыться въ банѣ еще чаще, чѣмъ прочія мусульманки, но все-таки она будетъ полоскаться тамъ въ такой грязной и вонючей водѣ, что европейская женщина, хоть сколько-нибудь брызгливая, не только не употребила бы ея для мытья, но даже не рѣшилась бы и подойти къ ней поближе. Положимъ, что она станетъ еще больше, чѣмъ другія, хлопотать о содержаніи въ порядкѣ головы и волосъ своихъ; но вѣдь къ этимъ хлопотамъ никогда не присоединится забота объ изгнаніи оттуда извѣстныхъ насѣкомыхъ, которыхъ европейцу и по имени назвать гадко. Она при-

учена смотрѣть на нихъ довольно-хладнокровно, и все-таки будетъ чесать волосы не иначе, какъ очень-рѣдкимъ гребнемъ, который вовсе ихъ не беспокоитъ, а предназначается единственно для выпрямленія скручивающихся волосъ. Азіатцы и азіатки вообще не раздѣляютъ съ европейцами отвращенія къ этимъ животнымъ, не тревожатъ ихъ тщательнымъ преслѣдованіемъ и смотрятъ на нихъ, какъ на насккомыхъ, которыя очень могутъ быть терпимы въ такъ-называемыхъ пышныхъ гаремахъ Востока.

Ясно, что персидская дѣвочка, сдѣлавшись, въ свою очередь, матерью, будетъ воспитывать дочерей своихъ совершенно такъ же, какъ была воспитана сама. Такимъ-образомъ этотъ грубый образъ воспитанія, столь вредный и въ гигиеническомъ отношеніи, передается на мусульманскомъ Востоку изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, какъ драгоценное наслѣдство.

Что касается до дальнѣйшаго воспитанія дѣвочки, то надо прежде всего замѣтить, что воспитанія дѣтей въ такомъ смыслѣ, какъ его понимаютъ у насъ, между мусульманскими народами вовсе не существуетъ, особенно же для дѣтей женскаго пола. Они обыкновенно растутъ, какъ дѣтеныши животныхъ, безъ всякой со стороны родителей заботливости о ихъ развитіи, которое предоставляется произволу судьбы.

Тотъ возрастъ, когда дитя думаетъ только объ игрушкахъ, весьма-непродолжителенъ для мусульманской дѣвочки. Въ два или три года она только начинаетъ порядочно ходить и говорить, а въ девять лѣтъ, по мусульманскому обычаю, выходитъ уже замужъ. Едва только дѣвочка начинаетъ понимать себя, едва только станетъ она осматриваться въ этомъ мірѣ, какъ уже начинаютъ говорить и при ней и ей самой объ ожидающемъ ее замужствѣ. Въ Персіи почти нѣтъ игрушекъ для маленькихъ дѣвочекъ. Куколъ, составляющихъ отраду маленькихъ европейнокъ, почти не увидите тамъ. Да и на что имъ персіянкамъ? есть ли имъ время о нихъ подумать? Для нихъ почти нѣтъ того вѣснаго, блаженнаго возраста, изъ котораго человекъ выноситъ самыя лучшія, самыя пріятныя воспоминанія.

Все обученіе дѣвочекъ состоитъ въ томъ, что, при первыхъ признакахъ развитія способности понимать что-нибудь, имъ излагаются относящіяся къ разнымъ случаямъ жизни религіозные обычаи, которыхъ исполненіе хотя и не вмѣняется женщинамъ въ такую строгую обязанность, какъ мужчинамъ, однакожь которыя, несмотря на то, каждая мать должна объяснить своей дочери. Они состоятъ въ обрадахъ ежедневной молитвы въ положенные часы дня, въ разныхъ приѣмахъ омовенія послѣ извѣстныхъ случаевъ жизни, и въ другихъ тонкостяхъ,

основаннымъ на мусульманскихъ предрассудкахъ. Даже въ-отношеніи и къ религиозному образованію дѣвочка становится гораздо-ниже мальчика. Молодому мусульманину родители стараются дать сколько-возможно ясное и положительное понятіе о религіи, въ которой онъ воспитывается. Не то бываетъ съ дѣвочкой. Мусульмане полагаютъ, что женщина не только неспособна къ постиженію великихъ истинъ религіи, но что она даже недостойна ихъ; что толковать ей о нихъ, значитъ унижать ихъ, ронять величіе ислама передъ существами второстепенными въ ряду существъ, одаренныхъ душою. Религиозное образованіе дается дѣвочкѣ самое поверхностное. Ее заставляютъ выучить наизусть нѣсколько самыхъ главныхъ молитвъ, безъ всякаго толкованія ихъ смысла, скажутъ ей вскользь о важнѣйшихъ догматахъ ислама да приучатъ ее къ исполненію нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, которыхъ смыслъ ей также не объясняется — вотъ и все. Научить всему этому дѣвочку составляетъ обязанность матери; особыхъ учителей по этой части къ ней не приставляютъ; такого знака вниманія удостоиваются только мальчики. Да и трудно было бы дать полное религиозное образованіе мусульманской женщинѣ, когда она обыкновенно осуждается на безграмотность.

Читать и писать мусульманскихъ дѣвочекъ вовсе не учатъ, даже считаютъ знаніе этого искусства очень-предосудительнымъ и опаснымъ для нравственности женщины. Мусульмане боятся, чтобъ умѣнье читать и писать не облегчало впоследствии для женщины возможность вступать въ связи съ любовниками и поддерживать сношенія съ ними посредствомъ тайной корреспонденціи. Предосторожность напрасная, потому-что для изобрѣтательнаго женскаго ума ничего не значитъ придумывать множество другихъ мелкихъ средствъ, которыя замѣняютъ въ этихъ случаяхъ грамотность и помогаютъ устраивать тайныя дѣлишки, ничего не вѣряя коварной бумагѣ.

Впрочемъ, бываютъ примѣры, что мусульманки, пользуясь недосмотромъ родителей или пренебреженіемъ, которое сами родители ихъ иногда питаютъ къ разнымъ мусульманскимъ предрассудкамъ, научаются читать и писать; нѣкоторыя изъ нихъ даже посвящаютъ много времени чтенію поэтовъ и прозаиковъ, прибрѣтаютъ довольно-порядочную литературную начитанность, даже позволяютъ себѣ писать стихи, иногда довольно-порядочные, въ которыхъ воспѣваютъ волненія нѣжной страсти, страданія безнадежной любви и тому подобное. Есть даже женщины-сатирики, которыя осмѣиваютъ слабости и пороки своихъ мужей и слагаютъ про нихъ довольно-смѣшныя пѣсни. Трудно сказать, въ какомъ родѣ поэзіи мусульманскія женщины упражняются съ наибольшимъ

успѣхомъ ; онѣ одинаково предаются и эротическому и сатирическому вдохновенію. Но , сколько можно судить по нѣкоторымъ рѣдкимъ поэтическимъ произведеніямъ мусульманскихъ женщинъ , сатирическое вдохновеніе гораздо-доступнѣе для души ихъ , чѣмъ вдохновеніе эротическое. Воспитаніе не развиваетъ въ нихъ того нѣжнаго , ласкающаго настроенія души , которое необходимо для поэтическихъ восторговъ , воспѣвающихъ любовь и душевныя движенія , ею расшевеливаемая ; тогда-какъ въ эпиграммѣ онѣ находятъ пріятное оружіе для мести за всѣ униженія и досады , наполняющія ихъ жизнь въ тѣсномъ и душномъ гаремѣ , и которыя онѣ сознаютъ въ душѣ своей , хотя неявно , неотчетливо , иногда впросто инстинктивно , но глубоко. Неподдѣльность чувства озлобленія , вызывающаго ихъ на эпиграммы противъ виновниковъ своего униженія , те-есть мусульманскихъ мужей , отражается всегда въ персидской сатирической женскаго издѣлія самою злою ѣдкостью и придаетъ имъ ту естественность , которой никто не найдетъ въ эротическихъ произведеніяхъ персіянокъ.

Эпиграммы персидскихъ женщинъ не всегда бываютъ выходками безплоднаго озлобленія. Въ семействѣ одного знакомаго мнѣ хана , между многочисленными его женами , наложницами и служанками , находилась , а , можетъ-быть , и теперь находится женщина съ поэтическимъ дарованіемъ , по имени *Нуш-аферинъ* (Сладотворная). Она любила своего хана , разумѣется , по-своему , повосточному ; но , принадлежа ему какъ наложница , тяготилась этимъ званіемъ и оскорблялась тѣмъ явнымъ предпочтеніемъ , которое ханъ , забывшій прежнюю любовь къ ней , оказывалъ другимъ женамъ , имѣвшимъ передъ ней не столько преимущество красоты , сколько преимущество богатства и тѣсныхъ родственныхъ связей съ людьми , страшными для нихъ мужа. Источивъ напрасно всѣ средства женскаго кокетства для привлеченія къ себѣ невѣрнаго хана , она принялась выливать свою желчь и досаду въ эпиграммахъ на жестокосердаго мужа. Злоба ея была неутомима. Каждый знакъ вниманія его къ другимъ женамъ , каждое почти событіе его семейнаго быта тотчасъ же было переиначиваемо ею на самый смѣшной ладъ и подавало поводъ къ какой-нибудь сатирической пѣсенкѣ , для которой она сама придумывала голосъ и которая потомъ переходила изъ устъ въ уста , изъ одного семейства въ другое. Ея насмѣшки были такъ метки и ядовиты , что бѣдному мужу скоро пришлось сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлаго города. Онъ былъ человекъ съ большимъ тактомъ и вотому не рѣшился прибѣгнуть къ какимъ-нибудь сильнымъ мѣрамъ для обузданія ея сатирическаго вдохновенія , опасаясь сдѣлаться черезъ то еще смѣшнѣе ; но , съ другой стороны , онъ видѣлъ необходимость оградить , нако-

нець, себя отъ злыхъ насмѣшекъ, унижавшихъ его достоинство въ глазахъ общества. Долгое время ханъ находился въ этомъ затруднительномъ положеніи, теряя время въ безплодныхъ попыткахъ выйти изъ него, и что жъ? наконецъ изнемогъ въ борьбѣ и долженъ былъ помириться съ домашнимъ врагомъ, неумолимо-преслѣдовавшимъ его репутацію. Онъ сталъ снова заискивать расположенія оскорбленной имъ наложницы, и хотя не оставилъ для нея другихъ женъ, которыхъ любилъ и боялся, но, по-крайней-мѣрѣ, возвратилъ ей часть своей нѣжности, по-крайней-мѣрѣ сталъ дѣлить свою особу между ней и ея соперницами. Побѣдительница удовольствовалась этимъ успѣхомъ и оставила его въ покоѣ. Она понимала, что возвратъ нѣжности ханской былъ половъ притворства, но ей и этого было довольно, отчасти потому, что самолюбіе ея было вполне удовлетворено побѣдою, съ такимъ трудомъ одержанною, а, можетъ-быть, больше и потому, что женщина мусульманская и не пріучена къ претензіямъ обладать особою мужа вполне и нераздѣльно, если богатство или какія-нибудь политическія связи не дѣлаютъ ея сильнѣйшею стороною въ семейномъ быту.

Примѣры грамотности и поэтического таланта очень-рѣдко встрѣчаются въ прекрасномъ полѣ Востока; но замѣчательно, что мусульманскія женщины-поэты нисколько не бываютъ безнравственнѣе или легкомысленнѣе безграмотныхъ своихъ соотечественницъ, и мужьямъ ихъ отнюдь не чаще, чѣмъ другимъ, случается играть смѣшную роль обманутыхъ мужей или быть несчастными въ домашнемъ быту своемъ. Поведеніе грамотныхъ мусульманокъ показываетъ, напротивъ, что гоненіе на грамотность женщинъ — самый пустой изъ многочисленныхъ пустыхъ предрассудковъ мусульманскихъ; онъ сильнѣе другихъ предрассудковъ, потому-что «правовѣрнымъ» нравится имѣть безграмотныхъ женъ и потому также, что чрезвычайно поддерживается муллами, которые, какъ сами они утверждаютъ, имѣютъ на то свои религіозныя основанія.

Кромѣ безграмотности, воспитаніе, которое даютъ мусульманскимъ дѣвочкамъ, заключаетъ въ себѣ еще одинъ важный недостатокъ, гибельный въ нравственномъ отношеніи. Мусульмане и мусульманки имѣютъ неосторожную слабость не скрывать отъ дочерей своихъ тѣхъ подробностей брачной жизни, которыя у всѣхъ образованныхъ народовъ составляютъ для дѣтей нѣжнаго возраста предметъ, недоступный ихъ юному любопытству.

Еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда у насъ дитя думаетъ только объ игрушкахъ и воображеніе его не выходитъ изъ предѣловъ дѣтскихъ забавъ, мусульманка начинаетъ уже не только догадываться, но даже рассуждать о предметахъ, остающихся у насъ неиз-

вѣстными даже и для взрослыхъ дѣвицъ. По достиженіи девятилѣтняго возраста, когда дѣвочки пріискиваютъ жениха, она бываетъ уже до такой степени посвящена во всѣ тайны брачной жизни, что ея не удивить и не озадачить никакая новость, никакая перемена въ ея состояніи, неразлучная со вступленіемъ въ замужство; всѣ ожидающія ея обязанности супружества заранее уже извѣстны ей.

Родители нисколько не пугаются этого слишкомъ-ранняго развитія дочерей. Они и не думаютъ ничего скрывать отъ нихъ; сами шутятъ съ ними надъ этими предметами, съ любовью и умиленіемъ слушаютъ разныя наивныя замѣчанія ихъ и выходки; всѣ ихъ дѣтскія шуточки на этотъ счетъ со смѣхомъ и удовольствіемъ рассказываются роднымъ и знакомымъ, какъ доказательства живости воображенія и остроумія ребенка; чѣмъ эти, такъ-называемые, признаки остроумія бываютъ грязнѣе, тѣмъ считаются забавнѣе и милѣе. Сидя въ кругу семейства, въ принадлежѣ умиленной вѣжности къ дочерямъ своимъ, персіянинъ очень-часто отпускаетъ самыя грязныя шутки насчетъ ихъ будущности; очень любитъ подшучивать надъ тѣмъ, что онѣ, вѣроятно, будутъ самага сквернаго поведенія, и при этомъ нисколько не стѣсняется называть всѣ вещи настоящими именами, а дочерямъ своимъ давать прозвища, принадлежащія тому роду женщинъ, о которыхъ въ печати упоминается только посредствомъ оговорокъ. Дѣвочки, наслушавшіяся такихъ шуточекъ, переносятъ ихъ и въ свои дѣтскіе разговоры; въ ихъ ребяческомъ лепетѣ отражаются, какъ и должно быть, бесѣды родителей. При проѣздѣ по улицамъ въ Персіи, европейцу случается слышать въ разговорахъ малолѣтнихъ дѣвочекъ такія вещи, что если этотъ европеецъ скромный, благовоспитанный юноша, то онъ непремѣнно покраснѣетъ. Въ ссорахъ своихъ дѣвочки награждаютъ другъ друга такими эпитетами, которые у насъ можно слышать только изъ устъ непрекраснаго пола, разгоряченнаго виномъ или озлобившагося до неистовства. Если дѣвочка персидская назоветъ виновницу дней своихъ, даже въ лицо, какимъ-нибудь грязнымъ, постыднымъ для женщины именемъ, то это очень-рѣдко ставится ей въ вину; родители ея, по большей-части любятъ на эти признаки остроумія въ ихъ дочери.

Я думаю, что ненужно распространяться о вліяніи такого воспитанія на нравственность женщины; изъ всего сказаннаго легко можно сдѣлать самыя поучительныя выводы объ этомъ предметѣ. Но, не говоря уже о нравственности, можетъ ли хоть какое-нибудь чувство изящнаго сохраниться въ душѣ женщины, воспитанной такимъ образомъ? Вотъ какимъ воспитаніемъ приготавливаются обитательницы тѣхъ гаремовъ, о которыхъ существуютъ еще въ Европѣ такія восторженныя

Т. СІ. — Отд. II. 5

понятія! Какихъ же удовольствій можно ожидать въ кругу женщинъ, которыя съ самой ранней молодости привыкли не стыдиться никакихъ словъ, которыхъ уши еще въ нѣжномъ возрастѣ освоились съ самой незаастѣнчивой терминологіей, въ кругу женщинъ, самымъ воспитаніемъ лишенныхъ своего лучшаго украшенія — стыдливости?

Когда дѣвочка начинаетъ подростать и приближаться къ дѣвичьему возрасту, то ея воспитаніе дополняется душевными разговорами съ дражайшей родительницей, которая беретъ на себя какъ-можно-скорѣе и притомъ окончательно растолковать своей дочери назначеніе ея. Молодой мусульманкѣ налагаются тутъ надежды, которыми родители утѣшали себя при самомъ рожденіи ея, надежды, состоящія въ томъ, что она современемъ выйдетъ замужъ, разумѣется, на выгодныхъ условіяхъ для себя и для нихъ, а затѣмъ родитъ нѣсколькихъ мусульманъ, что будетъ чрезвычайно-пріятно пророку и что поставится ей въ важную заслугу передъ религіей. Другаго назначенія для нея въ жизни не существуетъ, а потому ей ни о чемъ больше и не говорятъ; даже наставленія, получаемыя ею отъ матери, все вертается около этихъ надеждъ насчетъ ея будущности.

Около этого же времени, то-есть когда дѣвочка приближается уже къ девятилѣтнему возрасту, ей начинаютъ прискивать жениха. Писѣнность, которую въ этомъ случаѣ обнаруживаютъ родители, извиняется существующими на мусульманскомъ Востоку понятіями и обычаями. Выдать дѣвочку замужъ тотчасъ послѣ достиженія ею девятилѣтняго возраста, ставится родителямъ въ большую заслугу и передъ религіей и передъ приличіями общества. Чѣмъ долѣ дочь ихъ сидитъ въ дѣвцахъ послѣ этой эпохи въ ея жизни, тѣмъ болѣе ей безчестія, тѣмъ болѣе укора ея родителямъ въ небреженіи объ участи ихъ дѣтца, какъ-будто для того только и рожденнаго, чтобъ, въ свою очередь, поскорѣе дать жизнь двумъ или тремъ мусульманамъ и тѣмъ увеличить число и силу поклонниковъ ислама. Если она не выйдетъ замужъ до двѣнадцати лѣтъ, то уже считается очень-заслѣдѣвшею невѣстою и дѣлается предметомъ насмѣшекъ и эциграммъ. Кромѣ религіозныхъ чувствъ и общественного мнѣнія, заботливость родителей подстрекается еще и расчетомъ: свадьба дочерц не только ни въ ничего не стоить, но даже, какъ будетъ объяснено ниже, приносить имъ не-большія выгоды. Иныя изъ нихъ, чтобъ предупредить стыдъ владѣть дочь свою хоть сколько-нибудь времени незамужнею послѣ девятилѣтняго возраста, простираютъ свою заботливость до того, что объявляютъ ее невѣстою и даже соединяютъ ее съ кѣмъ-нибудь свадебнымъ контрактомъ прежде этого возраста. Хотя она остается еще, до достиженія

на положенныхъ лѣтъ, въ домѣ родительскомъ, подѣ присмотромъ отца и матери, и жизнь ея продолжаетъ быть жизнью дѣвицы, но тѣмъ неменѣе нареченный мужъ ея можетъ уже видать ея. Новобрачные на Востокѣ не целуютъ ручекъ у супруговъ своихъ: это считается унижательнымъ для мужчины. Иногда лица, соединенныя свадебнымъ контрактомъ, оба бываютъ еще въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ; въ такомъ случаѣ имъ позволяется уже играть виѣстѣ.

Эти преждевременныя бракосочетанія, хотя очень-нерѣдкія, не составляютъ еще постоянного правила. Настоящая эпоха вступленія въ бракъ для мусульманки все-таки относится къ девятилѣтнему возрасту.

Первая перемена въ жизни мусульманской дѣвочки, какъ только по возрасту своему дѣлается она невѣстою, заключается въ обязанности закрывать лицо. Персіанки употребляютъ для этого чадру и рубендъ. Чадра (*) — покрывало, которымъ женщина окутываетъ станъ, голову и часть лица; но къ нему присоединяется еще рубендъ, закрывающій глаза, носъ, ротъ и подбородокъ. Рубендъ — продолговатый кусокъ полотна, прикрѣпленный къ чадрѣ около висковъ, нижній конецъ котораго персіанка держитъ въ рукѣ подѣ чадрою. Посреди его находится частая рѣшетка, состоящая изъ прорѣзей въ полотнѣ, обрубленныхъ нитками. Сквозь эту рѣшетку женщина можетъ дышать и видѣть всѣхъ, но ея никто не видитъ; даже обликъ лица ея совершенно закрытъ отъ постороннихъ глазъ.

Персіанкѣ, какъ и всѣмъ вообще мусульманкамъ, поставляется въ обязанность закрывать при выходѣ изъ дома не только лицо и изгибы стана, но даже цвѣтъ обыкновенныхъ одеждъ своихъ, въ которыхъ она можетъ являться только передъ мужемъ, или передъ лицами, допускаемыми въ сокровенное мѣсто мусульманскаго дома безъ установленныхъ предосторожностей, по близкому родству, или по давнишнему знакомству ихъ съ семействомъ. Съ этою цѣлью, кромѣ чадры, надѣваетъ она еще одноцвѣтные съ чадрою широкіе шальвары, поверхъ домашнихъ башмаковъ и многочисленныхъ разноцвѣтныхъ шальваровъ, надѣтыхъ одни на другіе. Но болѣе всего должна она скрывать лицо свое. Лицо

(*) Покрывало это бываетъ или бѣлое, или темносинее; въ провинціяхъ Персіи мусульманки одинаково носятъ какъ тѣ, такъ и другія; но въ столицахъ и въ большихъ городахъ бѣлыя чадры въ употребленіи только у армянокъ, или у женщинъ низкаго класса. Женщины хорошихъ семействъ являются на улицахъ не иначе, какъ въ темносинихъ покрывалахъ. Существуютъ еще чадры пестрыя и клѣтчатыя, но онѣ составляютъ исключительную принадлежность старухъ, да и то только по деревнямъ.

женщины на Востоке можно видеть только, или в деревнях, где обычай этот соблюдается не так строго, как по городам, или когда сильный вѣтер сорвет чадру съ головы и выдернет рубендъ изъ рукъ ея. Разумѣется, такіе случаи бываютъ только съ хорошенькими женщинами; женщины безобразныя или старыя бываютъ гораздо—осторожнѣе: онѣ обыкновенно такъ крѣпко держатъ рубендъ, что никакой ураганъ не вырветъ его изъ рукъ ихъ. Степень осторожности женщинъ въ этомъ случаѣ зависитъ также и отъ того, бываютъ ли онѣ однѣ, или въ обществѣ подругъ. Когда женщина увѣрена, что кому подмѣтитъ ея продѣлки, она всегда почти найдетъ случай показать свое личико; если же при ней находятся подруги, могущія позавидовать ея удовольствію, въ которомъ онѣ и себѣ рады были бы не отказать, то она заботливо старается соблюсти обычай восточной скромности, и такъ крѣпко держитъ рубендъ, какъ не удастся и самой безобразной старухѣ.

Дѣвочка, надѣвшая чадру и рубендъ, считается уже вполне невѣстой, и свахи, ремесло которыхъ такъ развито у всѣхъ народовъ, начинаютъ бѣгать изъ дома въ домъ, приискивая ей жениха. Въ странѣ, гдѣ многоженство не только дозволено, но даже поощряется закономъ, въ женихахъ не можетъ быть недостатка.

Не всякій мусульманинъ въ—состояніи приобрести и содержать по нѣскольку женъ; но одну жену онъ долженъ имѣть непременно; это поставляется ему въ обязанность передъ религіею. Мухаммедъ такъ заботился о распространеніи числа своихъ послѣдователей, что обязанность имѣть жену и дѣтей сдѣлалъ для нихъ первымъ долгомъ. У мусульманъ даже есть повѣрье, что если кто изъ нихъ ведетъ безбрачную жизнь, то земля, на которой онъ спитъ одинокій, каждую ночь приноситъ жалобу Богу. Для людей достаточнаго класса исполненіе этой обязанности весьма—легко, и они исполняютъ ее тотчасъ по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста: оно бываетъ нѣсколько—затруднительнѣе для людей недостаточныхъ, по причинѣ издержекъ, въ которыя вовлекаетъ свадьба, стоящая на Востоке очень—дорого, какъ это будетъ объяснено ниже; но одушевляющее ихъ желаніе имѣть поскорѣе жену бываетъ такъ сильно, что они скоро преодолеваютъ всѣ препятствія, употребляя первыя деньги, которыя имъ удастся заработать, на этотъ похвальный въ религіозномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ очень—приятный для нихъ предметъ. Они съ самаго малолѣтства только о томъ и думаютъ, какъ бы поскорѣе обзавестись женою. При первомъ вступленіи въ свѣтъ молодой мусульманинъ бываетъ чуждъ и видовъ честолюбія и заботъ объ устройствѣ своей будущности; вся дѣятельность и вся заботливость его

бываетъ направлена къ одной цѣли — женитьбѣ. При такихъ условіяхъ жудивительно, что онъ скоро успѣваетъ припастн средства, необходимы для перехода изъ жизни холостой въ жизнь семейную. Родители также стараются помочь ему въ этомъ дѣлѣ; ихъ къ тому обязываетъ долгъ религіозный; покуда они не дали ему жены, до-тѣхъ-поръ воспитаніе его считается неконченнымъ, а родительскія обязанности ихъ невыполненными. Дальнѣйшій наборъ женъ, которыми дѣтищу ихъ вздумается населить свое жилище, до нихъ не касается, но въ приобрѣтеніи для него первой сожительницы они непременно обязаны принять участие по мѣрѣ силъ и возможности.

Разумѣется, не одно только религіозное чувство влечетъ мусульманъ къ женитьбѣ; если они женятся ранѣ насъ и такъ хлопочутъ имѣть побольше хорошенькихъ женъ, то весьма-много дѣйствуетъ тутъ чувственность, а въ-особенности господствующій на мусульманскомъ Востоку образъ жизни. Мусульманская религія такъ неумолимо строга ко всякаго рода увеселеніямъ, и общественная жизнь такъ мало развита между ея послѣдователями, что дѣйствительно для правотѣрнаго не остается никакихъ другихъ наслажденій, какъ только удовольствіе имѣть около себя побольше красивыхъ женъ. Поневолѣ приходится ему все почти состояніе свое тратить на украшеніе и содержаніе женъ, наложницъ и невольницъ да на увеличеніе числа ихъ; вотъ почему сколько бы на мусульманскомъ Востоку ни уродилось женщинъ, всегда найдутся желающіе разобрать ихъ по своимъ гаремамъ. Свахамъ трудно сбывать только одѣхъ безобразныхъ, а сколько-нибудь смазливую дѣвочку легко пристроить.

Кромѣ обычая имѣть по нѣскольку женъ, быту невѣсть на Востоку способствуетъ и безконечная продолжительность того возраста, въ который мусульмане позволяютъ себѣ обзаводиться новыми сожительницами. Достаточный мусульманинъ почти до самой смерти продолжаетъ гѣшить себя этими перемѣнами въ домашнемъ быту. Престарѣлость лѣтъ нисколько не стѣсняетъ его въ этой прихоти. Очень-часто семидесяти и семидесяти-пяти-лѣтніе старики берутъ въ замужество десяти или одиннадцати-лѣтнихъ дѣвочекъ, публично объявляя, что дѣлаютъ это единственно длятого, чтобъ чрезъ сожительство съ молодою женою помолодѣть самому. Общество смотритъ на эту прихоть чувственнаго старика, какъ на дѣло самое обыкновенное; и дѣйствительно случается видѣть, что престарѣлый мусульманинъ, женившись на молодой, хорошенькой женѣ, становится гораздо-живѣе и бодрѣе, чѣмъ былъ прежде, и живетъ гораздо-долѣе, чѣмъ можно было предполагать, судя по дряхлости его до женитьбы.

Когда заботливые свахи принесли дѣвочкѣ жениха, начинаются переговоры между родителями двухъ сторонъ. Сходство возрастовъ или взаимное расположеніе жениха и невѣсты нисколько не принимаются въ разсужденіе. Взаимнаго расположенія между ними почти и не можетъ быть. До вступленія въ бракъ они не видятся никогда. Если жениху и удастся видѣть свою невѣсту, то развѣ только, когда сами родители, какъ-будто безъ всякаго намѣренія, даютъ ему возможность видѣть лицо ихъ дочери, придавая этому видъ совершенной случайности. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда родители хотятъ сдѣлать изъ красоты своей дочери приманку для богатаго жениха и поощрить его къ подаркамъ и другимъ выгоднымъ для нихъ издержкамъ по сватовству. Дѣвица, конечно, можетъ видѣть лицо своего жениха, слышать его рѣчи и даже судить о его нравственныхъ достоинствахъ; но и съ ея стороны нельзя предполагать какого-нибудь предпочтенія въ пользу того или другаго изъ молодыхъ людей. Женщина получившая воспитаніе такого рода, какъ разсказано выше, неспособна къ нимъ; ей и въ голову не придетъ подумать, что она росла и хорошѣла не для того, чтобъ отдать себя первому выгодному жениху, человѣку, вовсе для нея чуждому, неимѣющему на нее другихъ правъ, кромѣ правъ его каприза, поддержаннаго выгоднымъ для родителей договоромъ. Мысль, что право на жизнь и мѣсто въ ряду живыхъ существъ даны ей не безусловно, а съ обязательствомъ приготовить въ своей особѣ пріятную игрушку для правовѣрнаго, которому вздумается на ней жениться, проникаетъ весь взглядъ ея на свою судьбу и назначеніе, и руководитъ ея рѣшительностью. Сладкой мечтѣ о томъ, что, составляя счастье другаго, она и сама имѣетъ право на счастье, неоткуда и закрасться въ ея молодую голову. Если же она не въ-состояніи сознать даже правъ своихъ, какъ живаго существа, одареннаго волею, то какъ должны быть далеки отъ ея воображенія разныя романическія грезы, часто-тревожація душу всякой другой женщины, когда дѣло идетъ о соединеніи судьбы ея съ судьбой другаго!

Романовъ по случаю супружества на Востокъ не бываетъ, или по-крайней-мѣрѣ они составляютъ очень-рѣдкія исключенія; дѣло о вступленіи въ бракъ начинается съ самаго положительнаго вопроса — о деньгахъ.

У насъ болѣею-частью водится, что дѣвушка, выходя замужъ, должна принести съ собою хоть что-нибудь въ приданое, если не деньгами, то по-крайней-мѣрѣ вещами. На Востокъ дѣлается наоборотъ: хотя женѣ не запрещается имѣть разнаго рода собственность, но женихъ не получаетъ отъ невѣсты средствъ къ улучшенію своего бы-

та, а, напротивъ, онъ долженъ, по-мѣрѣ-возможности, обезпечить будущность своей жены, предоставивъ въ ея пользу известную сумму, которую она получаетъ или по смерти его, или въ случаѣ развода. Онъ какъ-будто покупаетъ жену. Нѣтъ сомнѣнн, что обычай этотъ основывается на первоначально-существовавшемъ обычай приобрѣтати жену за деньги какъ товаръ, за который платилось тѣмъ дороже, чѣмъ онъ былъ привлекательнѣе по своимъ внѣшнимъ достоинствамъ. Впослѣдствіи времени, вѣроятно, съ смягченіемъ нравовъ, этому торгу данъ видъ контракта. Въ этомъ видѣ существуетъ брачный союзъ между мусульманами и въ настоящее время. Но, несмотря на то, что первоначальная грубость торга красотою скрыта теперь для женщинъ въ болѣе-приличныхъ формахъ свадебнаго контракта, существующее и понынѣ на мусульманскомъ Востока общественное мнѣніе объ этомъ предметѣ продолжаетъ поставляти невѣстамъ въ непремѣнную обязанность выходить замужъ не иначе, какъ для денегъ. Люди, исповѣдующіе это мнѣніе, никакъ не могутъ представить себѣ, чтобъ женщинѣ позволялось имѣть сердечную привязанность къ мужчинѣ, чтобъ она могла, при выборѣ жениха, оказать нѣжное предпочтеніе тому или другому молодому человѣку, единственно по влеченію сердца. Если она позволитъ себѣ такое увлеченіе, если она отдастъ себя любимому человѣку, не выговоривъ себѣ суммы, соответствующей ея положенію въ обществѣ, или ея личнымъ прелестямъ, красивому лицу, прекрасному стану, округлости и дородности формъ, которыя такъ дорого цѣнятся восточными женихами, то она покроетъ себя на вѣкъ безчестіемъ и никогда общественное мнѣніе не забудеть, что, вступая въ бракъ, она отдала себя даромъ. Подобныя замужства преслѣдуются на Востока еще болѣе презрѣніемъ, чѣмъ у насъ на Западѣ торговля своими прелестями. Мусульмане мало горюють, если узнають, что дочь ихъ, вышедшая замужъ за богатаго человѣка, несчастна; но они никогда не простятъ ей, если она, обманувъ ихъ бдительность, выйдетъ замужъ за человѣка бѣднаго, который не въ-состояніи купить ея прелестей за дорогую цѣну. Самолюбіе ихъ, оскорбленное этимъ поступкомъ дочери, и безпрестанно раздражаемое насмѣшками родственниковъ и знакомыхъ, не оставляетъ ихъ въ покоѣ до самой смерти. Знатность и богатство родителей нисколько не устраняють этого торга, напротивъ, только увеличивають претензіи: чѣмъ богаче невѣста и чѣмъ она знатнѣе по происхожденію своему, или по политическому вѣсу родителей, тѣмъ дороже обойдется жениху счастье обладати ея прелестями. Даже при женитбѣ на дочери или сестрѣ шаха, счастливецъ, получающій ея руку, долженъ выразити свое удовольствіе пожертвованіемъ въ ея пользу зна-

чительной суммы; кромѣ-того, онъ долженъ еще осыпать подарками всю родню ея и преподнести драгоценныя *пишкешим* (*) самому шаху.

Когда согласіе на бракъ получено свахами отъ обѣихъ сторонъ, онъ обыкновенно тотчасъ же сводятъ будущиxъ родственниковъ для переговоровъ объ условіяхъ брака. Тутъ начинается въ полной формѣ торгъ, со всѣми замашками и хитростями обыкновенныхъ торговъ. Родители и даже сама невѣста обыкновенно стараются запрашивать подороже, нарочно назначаютъ такія суммы, которыхъ женихъ не въ-состояніи внести въ свадебный контрактъ, а женихъ, или представляющіе его при переговорахъ родственники, упрасиваютъ о пониженіи требуемой суммы и дѣлаютъ, разумѣется, для начала самая умѣренныя предложенія, предоставляя себѣ повышать ихъ мало-по-малу въ продолженіе торга. Они представляютъ, что женихъ, наслышавшись о красотѣ невѣсты отъ видѣвшихъ ее родственницъ, влюбленъ въ нее по-уши, что онъ чрезвычайно дорожитъ честью породниться съ такимъ знатнымъ домоmъ, но что положеніе его финансовъ не позволяетъ ему внести въ свадебный контрактъ назначенной родителями невѣсты суммы, хотя, для достиженія страстно-желаемой имъ цѣли, онъ готовъ былъ бы пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, готовъ, просто, идти въ огонь и въ воду. Эти переговоры иногда тянутся въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій; родители вступающихъ въ бракъ, или ихъ повѣренныя, по нѣскольку разъ расходятся, объявляя переговоры прерванными, и потомъ опять собираются, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, или вслѣдствіе чьего-нибудь посредничества—и торгъ возобновляется. Мало-по-малу, торгующіеся съ обѣихъ сторонъ дѣлаются мягче-и-мягче; одна сторона начинаетъ понижать свои претензіи, а другая становится щедрѣе, итакъ, сближая постепенно цифры своихъ требованій, они сходятся на какой-нибудь суммѣ и, выпивъ шербету (то-есть воды съ сахаромъ, которая на Востокѣ въ торжественныхъ случаяхъ замѣняетъ шампанское) посылаютъ за муллою для составленія свадебнаго контракта.

Контрактъ этотъ заключаетъ обыкновенно только хвалу Аллаху, покровительствующему бракамъ правовѣрныхъ, имена вступающихъ въ бракъ за сумму, которую должна получить жена отъ мужа или изъ имѣнія его, въ случаѣ развода съ нимъ, или смерти его. Актъ отдають въ руки самой женѣ и она хранитъ его, какъ драгоценный вексель. Обычай этотъ,

---

(*) Пишкешами называются въ Персіи подарки, подносимые шаху или знатнымъ вельможамъ отъ подданныхъ или подчиненныхъ, по случаю празднествъ, торжествъ, или просто съ цѣлью выманить себѣ какую-нибудь милость, или назначеніе на доходное мѣсто.

какъ и всякій согласится, имѣеть своего рода хорошую сторону, потому-что въ немъ заключается обезпеченіе для будущности беззащитной женщины; но хорошая сторона его значительно помрачается тѣмъ, что не всегда актъ, полученный женою отъ мужа, приноситъ ей ту выгоду, для которой она рѣшилась выйти замужъ. Рѣдки случаи, чтобъ жены дарили эти документы мужьямъ своимъ въ принадлежнѣ нѣжности, но весьма-рѣдки бываютъ такого рода продѣлки, что мужъ тотчасъ послѣ брака, отложивъ въ сторону все нѣжности, начинаетъ поступать съ женою такъ, что бѣдненькая сама отдаетъ ему въ руки свадебный контрактъ и черезъ то отказывается отъ всякихъ претензій на мужа, чтобъ только избавиться отъ корыстолюбивыхъ его преслѣдованій.

Издержки по женитьбѣ не ограничиваются однимъ внесеніемъ выговоренной суммы въ свадебный контрактъ: тотчасъ послѣ контракта женихъ долженъ зарекомендовать себя новой роднѣ богатыми подарками, смотря по состоянію своихъ финансовыхъ средствъ.

Первый подарокъ дѣлается матери невесты. Онъ называется *шир-бегъ* (цѣна молока) и считается какъ-бы выраженіемъ благодарности жениха за материнскую заботливость о воспитаніи и сохраненіи невесты. Но эта благодарность не оставляется на произволъ жениха, напротивъ, право матери на полученіе *шир-бегъ* при выходѣ дочери замужъ, считается священнымъ и никакой женихъ не можетъ уклониться отъ этого знака вниманія къ ней. Очень-часто случается, что мать, еще прежде заключенія свадебнаго контракта, впередъ выговариваетъ себѣ въ видѣ *шир-бегъ* извѣстную сумму.

За подарками родственникамъ идутъ подарки самой невестѣ. Какъ бы ни былъ бѣденъ женихъ, онъ долженъ подарить ей нѣсколько паръ платьевъ, чтобъ она пришла къ нему въ домъ не въ одеждѣ, полученной отъ родителей, а въ платьѣ, подаренномъ отъ жениха. Богатые люди всегда дарятъ своимъ невестамъ, кромѣ драгоценныхъ камней и кашмирскихъ шалей, безцѣнное количество разной одежды, такъ-что однихъ шальваръ (*), которыхъ мусульманки надѣваютъ разъ по нѣскольку, бываетъ иногда болѣе ста.

Но такъ-такъ все эти обряды вынужденной щедрости, которые долженъ выполнить женихъ, прежде вступленія въ полное обладаніе купленною имъ красотою, относятся собственно къ церемоніалу женить-

---

(*) Въ Персіи женщины юбокъ не носятъ; ихъ замѣняютъ широкіе шальвары; юбки же носятъ только танцорки.

бы (*) и слишком-далеко отвлекли бы насъ отъ главнаго предмета статьи, то я не стану входить въ подробности церемоніала и обращусь къ изложенію судьбы мусульманки въ разныхъ эпохахъ ея жизни.

Между временемъ заключенія свадебнаго контракта и такъ-называемымъ *аруси*, то-есть вступленіемъ новобрачной въ домъ мужа, или настоящею свадьбою въ собственномъ смыслѣ, проходитъ иногда нѣсколько мѣсяцевъ, по-крайней-мѣрѣ эти два событія никогда не слѣдуютъ одно за другимъ непосредственно. Все это время новобрачные выдаются, какъ это упомянуто выше, хотя неявно, но каждый день, или, лучше сказать, каждую ночь, потому-что видаться имъ днемъ считается дѣломъ неприличнымъ. Персіяне избѣгаютъ этого, опасаясь навлечь на себя насмѣшки.

За невѣстою строго наблюдаетъ мать, или, лучше сказать, она такъ хорошо готовится своей дочѣ наставленіями, что всякое наблюденіе за нею бываетъ почти излишне. Хитрая персіянка, какъ бы ни была она молода, при выходѣ замужъ, глубоко проникается совѣтами виновницы своихъ дней, и ни на секунду не забываетъ, что изъ этой непродолжительной эпохи можно ей извлечь важную пользу для своей будущности. Важничая надъ своимъ женихомъ, она находитъ средства приучить его къ дорогой оцѣнкѣ счастья обладать ею; она узнаетъ его характеръ и заранѣе обдумываетъ всѣ тѣ хитрости, въ которыхъ будетъ имѣть большую нужду въ семейномъ быту. Эти хитрости для мусульманки необходимыѣ, чѣмъ для всякой другой женщины: мусульманскіе мужья нелегко поддаются вліянію жены, потому-что имѣютъ своего рода понятія о семейномъ бытѣ; приобрѣтая жену за деньги, они требуютъ отъ нея всякой нѣжной уступки съ такою же настойчивостію, какъ и всякій другой покущикъ требуетъ вещи, за которую заплатилъ извѣстную сумму денегъ.

Отношенія между женихомъ и невѣстою оканчиваются, когда женихъ сдѣлаетъ такъ-называемое *аруси*, то-есть, когда, послѣ длиннаго ряда пиршествъ и церемоній, новобрачную съ торжествомъ и всевозможнымъ почтотомъ приведутъ къ нему въ домъ. Послѣдній актъ ея независимости заключается въ томъ, что, при первомъ съ нимъ свиданіи въ брачной комнатѣ, она не начинаетъ говорить съ нимъ и

(*) Церемоніаль этотъ чрезвычайно-длинень и затѣйливъ; въ немъ столько разныхъ правилъ и обычаевъ, что онъ можетъ составить предметъ особенной статьи; но о положеніи женщины на Востокѣ изъ него такъ мало можно сдѣлать выводовъ, что здѣсь его описаніе было бы совершенно-лишнимъ.

не принимаетъ отъ него никакой ласки, пока онъ не положитъ передъ ней подъ коверъ такъ-называемаго *пули-зирн-зобанъ* (слово-въ-слово: подъязычныя деньги). Никакія ласки, никакія убъжденія новобрачнаго не заставляютъ ее прервать непоколебимаго молчанія; эту уступку мужъ непременно долженъ купить деньгами; но въ этомъ заключается послѣднее проявленіе ея свободы, дозволенное обычаемъ, послѣ свадебнаго контракта.

Затѣмъ мусульманка дѣлается полною собственностью мужа и, какъ купленная за деньги, не имѣетъ передъ нимъ по закону никакихъ правъ, должна покоряться беспрекословно его волѣ, терпѣливо и безропотно переносить всѣ притѣсненія и ни въ какомъ случаѣ, даже когда дѣлается жертвою самой необузданной жестокости, не имѣетъ права никому жаловаться и ни отъ кого не можетъ просить защиты. Ни гражданскій, ни духовный судъ не могутъ принять ее подъ свое покровительство. Родственники теряютъ всякое право заботиться объ улучшеніи ея участи, какъ-бы ни была она тяжка.

Но такого рода зависимость жены отъ мужа простирается на всѣ семейства безъ исключенія только по теоріи, только по общему духу мусульманскихъ узаконеній; на практикѣ существуетъ множество исключеній. Разумѣется, въ простонародьи этихъ исключеній не бываетъ; тамъ жена находится не только въ зависимости, но даже просто въ рабствѣ у мужа, и ея положеніе гораздо-болѣе похоже на положеніе кухарки и прачки, чѣмъ жены; но въ классѣ благородномъ, гдѣ на семейный бытъ имѣетъ большое вліяніе положеніе семейства въ обществѣ, гдѣ такъ высоко цѣнятся связи семействъ между собою, гдѣ въ дѣла семейныя вѣшиваются иногда и политическіе расчеты, участь мусульманки совсѣмъ-другая. Тамъ вступленіе въ замужство не всегда бываетъ вступленіемъ въ рабство; напротивъ, эта пережѣна въ положеніи благородной мусульманки бываетъ иногда началомъ совсѣмъ-другаго рода жизни, чѣмъ тотъ, который вела она до выхода замужъ. Если она съумѣетъ съ самаго начала хорошо поставить себя въ отношеніи къ мужу и другимъ членамъ семейства, въ которое вступила, и если она искусно воспользуется политическимъ вѣсомъ своихъ родственникововъ, то дѣлается барынею, хозяйкою, которой все покоряется.

Вообще можно сказать, что слѣдующая затѣмъ судьба мусульманки, зависить и отъ состава семейства, въ которое ее вводятъ, и отъ того титула, съ которымъ она вступаетъ въ семейство супруга, потому что въ мусульманскомъ семействѣ существуютъ жены разнаго рода и каждому разряду ихъ присвоены особенныя права, установленныя отчасти закономъ, отчасти обычаемъ, отчасти благоприличіемъ; сверхъ-

того, каждому разряду назначается особенное положеніе въ семействѣ, и быть одного непохожъ на быть другаго. Дальнѣйшее повѣствованіе о томъ, какъ живетъ мусульманка послѣ замужства, рѣшительно невозможно безъ предварительнаго описанія мусульманскаго семейства и тѣхъ разрядовъ, на которые раздѣляются гаремныя затворницы.

Попробуемъ сдѣлать это, принявъ за образецъ семейства персіяннина, или, что все-равно, шіита, котораго быть составителю статьи гораздо-знакомѣе, чѣмъ быть всякаго другаго мусульманнина, притомъ персіяннина зажиточнаго, потому-что въ его-то семействѣ, какъ наиболѣе-многочисленномъ, и сосредоточиваются преимущественно характеристическія черты гаремной жизни; всѣ прочіе мелкіе гаремы составляютъ только снимки съ его богатаго семейнаго быта, тѣмъ болѣе близкіе къ оригиналу, чѣмъ достаточнѣе персіяннинъ, подражающій богачу.

По составу семейства персидскаго можно получить понятіе обо всѣхъ мусульманскихъ семействахъ вообще; разница тутъ небольшая. Существенное отличіе семейства шіитскаго заключается только въ томъ, что въ немъ допускаются наложницы на срокъ (сигі), о которыхъ будетъ говорено ниже.

Сверхъ такъ-называемыхъ ханумъ, барынь, вступившихъ въ супружество по свадебному контракту и носящихъ названіе *зени-акди* (жена, прибрѣтенная торжественнымъ актомъ, имѣющимъ силу на всю жизнь), въ мусульманскомъ обществѣ существуютъ еще и другія сожительницы главы семейства, хотя также законныя, но занимающія гораздо-низшую степень, чѣмъ такъ-называемыя *зени-акди*. Главное мѣсто все-таки занимаютъ ханумы, барыни.

По обычаю, существующему, какъ у шіитовъ, такъ и у суннитовъ, каждый можетъ имѣть только четыре жены, связанныя съ нимъ такъ-называемымъ *акдъ*, то-есть пожизненнымъ свадебнымъ договоромъ. Эти-то жены, взятыя преимущественно изъ богатыхъ и благородныхъ фамилій и окружаются особеннымъ почетомъ, имъ-то собственно и присвоивается титулъ ханумы, барыни. Онѣ пользуются тѣмъ преимуществомъ, что для каждой изъ нихъ отводятся особенные покои; къ отдѣльному помѣщенію прикомандировывается также и особенная прислуга, состоящая изъ служанокъ и наперницъ; такъ-что каждая ханумъ имѣетъ около себя какъ-бы свой особенный дворъ. Хозяйство у нея также совершенно-отдѣльное. Если она имѣетъ свои особые доходы, то распоряжается ими совершенно-независимо, не давая никому отчета; если же своихъ доходовъ у нея нѣтъ, то мужъ назначаетъ ей особенную сумму, на которую она и содержитъ всю окружающую ея челядь.

Это ограниченіе, опредѣляющее число женъ не свыше четырехъ, относится только къ барынямъ (зени-акды), а до женъ другихъ разрядовъ оно не относится; изъ каждый персіянинъ можетъ брать къ себѣ въ домъ сколько душъ угодно.

Мусульманская религія, руководствуясь существующимъ на Востоку прѣршемъ, будто многочисленность женъ въ семействѣ можетъ содѣйствовать возрастанію народонаселенія, постоянно имѣетъ въ виду предоставить мужчине какъ-можно болѣе свободы и возможности обзаводиться сожительницами. Шиты, въ духовномъ законѣ своемъ о бракѣ, сверхъ женъ на всю жизнь, допускаютъ еще временныхъ наложницъ, составляющихъ средину между барынями и невольницами. Съ этими женами контрактъ заключается также черезъ посредство муллы, но всегда на извѣстный срокъ и за извѣстную плату, которая получается женщиной или по окончаніи условленнаго срока, или при расторженіи контракта мужчиною, прежде истеченія срока сожитія. Такого рода сожительница называется *сигâ* (*). Срокъ сожитія позволяется постановлять не далѣе девяносто-девяти лѣтъ и не короче нѣсколькихъ часовъ... Въ наложницы на срокъ поступаютъ болѣею-частью женщины, бывшія ужъ замужемъ и овдовѣвшія или получившія разводъ отъ своихъ мужей. Незамужнія дѣвушки дѣлаются *сигâми* только въ такомъ случаѣ, когда онѣ сами принадлежатъ къ низкому званію, а мужчина, съ которымъ вступаютъ въ сожитіе, какой-нибудь знатный вельможа. Такъ-какъ у знатныхъ людей положенное число женъ почти всегда существуетъ налицо, то имъ и нѣтъ возможности взять какую-нибудь новую сожительницу, иначе, какъ подъ именемъ *сигû*. Да если бы у вельможи и не доставало одной изъ четырехъ женъ, то взять на эту ваканцію дѣвушку не одного съ нимъ званія запрещаетъ ему общественное мнѣніе, которое нашло бы такой поступокъ предосудительнымъ для его достоинства, какимъ-то смѣшнымъ братаньемъ съ простолюдинами. Въ утѣшеніе бѣдной дѣвушкѣ, принимающей на себя званіе сожительницы временной, контрактъ съ нею заключается на девяносто-девять лѣтъ. Такого рода наложницы берутся часто во время путешествія, когда, напримѣръ, персіянину случается оставить по какимъ-нибудь дѣламъ мѣсто своей осылости и пробить нѣсколько мѣсяцевъ въ отдаленномъ городѣ, то, для утѣшенія себя въ одиночествѣ, онъ обыкновенно беретъ на все время своего тамъ пребыванія *сигу*, а иногда и нѣсколько такихъ на-

(*). *Сигâ* значитъ собственно договоръ, условіе, какого бы рода ни было; но также этимъ именемъ называютъ и наложницъ, о которыхъ теперь идетъ дѣло въ статьѣ.

ложницъ , съ разрѣшенія своей главной жены , а иногда и безъ вѣдома ея , какъ случится . Если персіянинъ находится не въ походѣ противъ непріятеля , и проживаетъ хотя и вдалекѣ отъ дома , но въ мѣстѣ совершенно-безопасномъ , то ему вмѣняется даже въ обязанность взять сигу , чтобъ не терять понапрасну драгоценнаго времени . Тутъ принимается въ расчетъ , что , находясь поневолѣ вдалекѣ отъ женъ своихъ , онъ на все время разлуки съ ними сдѣлается бесполезнымъ для увеличения числа поклонниковъ пророка , если не прійметъ противъ того мѣръ своихъ , то-есть , не обзаведется женою или нѣсколькими женами временными , за отсутствіемъ женъ постоянныхъ . Какъ надежный ревнитель могущества ислама , онъ долженъ постоянно имѣть въ помыслахъ , чтобъ во время , свободное отъ дѣлъ , увлекшихъ его на чужбину , сдѣлаться отцомъ новаго мусульманина , или по-крайней-мѣрѣ мусульманки , потому-что , за невмѣніемъ мусульманина , и мусульманка на что-нибудь да годится .

Сиги берутся часто съ цѣлью , еще болѣе-унизительною . Положимъ , наприѣмъ , что какому-нибудь вельможѣ нужна хорошая кухарка , или прачка , или , даже для увеселенія его въ домашнемъ быту , танцовщица , пѣвица , или музыкантша . Онъ тотчасъ приказываетъ своимъ людямъ отыскать такого рода женщину , и когда она бываетъ найдена , то беретъ ее къ себѣ ; но такъ-какъ никакая посторонняя женщина , несвязанная съ нимъ контрактомъ и несоставляющая до извѣстной степени его собственности , не можетъ проживать въ его семействѣ и являться къ нему съ открытымъ лицомъ , то онъ , принимая къ себѣ въ домъ новую кухарку , или новую прачку , непременно долженъ сдѣлать ее своею сегою . Поступившая къ нему такимъ образомъ женщина , хотя и носитъ названіе законной наложницы , но живетъ очень-часто какъ обыкновенная служанка , имѣющая свою особую должность . Она только исполняетъ свою обязанность , для которой взята , и никакихъ другихъ отношеній между нею и главою семейства не существуетъ . Ея присутствіе служитъ только дополненіемъ того , чего не доставало для комфорта или причудливости главы семейства .

Такъ-какъ *сиза* — учрежденіе чисто-шіитское , несуществующее у суннитовъ , то персіяне считаютъ очень-похвальнымъ въ религіозномъ отношеніи дѣломъ брать какъ-можно болѣе такихъ наложницъ , какъ бы на зло суннитамъ и ихъ первымъ тремъ халифамъ (*). Взять по-

---

(*) Абубекръ , Омаръ и Османъ , которыхъ шіиты ненавидятъ , какъ похитителей халифскаго престола у уважаемаго ими Алія .

кую сигу къ себѣ въ домъ, въ глазахъ персіянина, великій мусульманскій подвигъ. Когда кто-нибудь совершаетъ этотъ великій подвигъ, то про него говорятъ, что онъ *хулефомъ селосеро диль-кебобъ милку-неде*, то-есть, сердце трехъ халифовъ обращаетъ въ жаркое. Хотя въ подобномъ случаѣ персіянинъ преимущественно передъ всѣмъ имѣеть въ виду потѣшить себя обладаніемъ хорошенькой женщины, но это обстоятельство нисколько не умаляетъ ни въ его собственныхъ, ни въ глазахъ другихъ достоинствъ совершеннаго имъ дѣла. Онъ все-таки увѣренъ, что приобрѣтеніемъ новой еги чрезвычайно раздражаетъ трехъ халифовъ, возвеселяетъ сердце имама своего Алія и тѣмъ облегчаетъ себѣ приобрѣтеніе права на вѣчное блаженство, уготованное для правотѣрныхъ мусульманъ.

Какъ ни высоко цѣнятъ персіане релігіозное значеніе сигы, но ея свѣтское значеніе, ея положеніе въ семействѣ, несмотря на то, очень низко. Она стоитъ обыкновенно гораздо-ниже *зени-акди* (жены по вѣчному договору), и очень-часто, какъ это сказано и выше, занимаетъ мѣсто простой служанки. Даже ласки ей оказывать мужъ не можетъ явно, въ присутствіи прочихъ женъ; по-крайней-мѣрѣ это считается неприличнымъ, предосудительнымъ. Особенно, если въ семействѣ его находится какая-нибудь знатная, по своему происхожденію или богатству, жена, которая успѣла внушить ему страхъ и уваженіе, то продѣлки его съ сигами скрываются всегда подъ покровомъ таинственности, какъ-будто бы онъ имѣлъ дѣла съ своими любовницами. Тогда покорный мужъ старается каждую сигу держать не иначе, какъ подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ: про одну онъ говоритъ, что держитъ ее потому только, что она хорошая прачка, про другую — что она умѣетъ готовить какое-нибудь любимое его кушанье; иной приписываетъ талантъ пѣнья, другой — талантъ стучать на тамбуринѣ, и такъ далѣе. Само-собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ и подарки сигамъ своимъ онъ дѣлаетъ не иначе, какъ украдкой, подъ большимъ секретомъ, какъ-будто онъ воровалъ что-нибудь у своей главной супруги.

Кромѣ этихъ наложницъ, въ персидскомъ семействѣ также, какъ въ семействахъ суннитскихъ, существуютъ еще такъ-называемыя *кенизы*, то-есть, невольницы, купленныя за деньги, или *плѣнницы*. Это обыкновенно бываютъ или черныя негрятки, или плѣнницы, отягатыя у сосѣднихъ иновѣрныхъ народовъ, потому-что одновѣрными съ персіанами женщины не могутъ быть продаваемы за деньги, какъ это, не знаю почему, думаютъ въ Европѣ, полагая, что въ Персіи всякій можетъ покупать женъ на рынкѣ, въ видѣ невольницъ. Правда, что

свадьба мусульманская очень похожа на покупку невольницы, но въ ней купля скрыта подъ видомъ свадебнаго контракта, заключеннаго съ самою женщиной, какъ съ лицомъ свободнымъ; правда также, что сама дѣвушка, выходящая замужъ, мало имѣетъ вліянія на условія договора и все предоставляется родителямъ ея, но и родители въ этомъ случаѣ пользуются только положеніемъ, въ которое они поставлены относительно къ дочери самою природою, а не какиъ-нибудь правомъ продажи. Вести же торгъ шитскими дѣвушками, то-есть, закупать ихъ, какъ стадо невольницъ, а потомъ продавать поодиночкѣ или гуртомъ тому, кто дастъ подороже, не дозволяется; подобный торгъ возбудилъ бы даже негодованіе между шитами. Слухи о продажѣ и куплѣ персидскихъ женщинъ могли возродиться только изъ росказней тѣхъ путешественниковъ, которые не сумѣли вникнуть въ уставы и учрежденія, ими видѣнныя, и не поняли огромнаго различія, поставляемаго персіянами между женщиною мусульманскою и женщиною иновѣрною.

На невольницъ персіяне также, какъ и прочіе мусульмане, смотрятъ совершенно какъ на вещь и обходятся съ ними не лучше, какъ съ животными. Въ старыя времена очень-много привозили невольницъ изъ Грузіи, но участь грузинокъ была несравненно-лучше, чѣмъ другихъ невольницъ. Во уваженіе ихъ красоты, грузинокъ персіяне дѣлали обыкновенно своими женами. Теперь, когда для нихъ закрыта возможность получать изъ Грузіи красавицъ, они сильно вздыхаютъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда такъ легко было имъ населять свои гаремы хорошенькими грузинками. Исключенія, которыя были дѣлаемы въ пользу грузинокъ, персіяне не перенесли на невольницъ другихъ націй. Положеніе ихъ всегда бываетъ самое униженное, самое несчастное.

Между невольницами самое низкое мѣсто занимаютъ калмычки. Онѣ такъ безобразны, что персіяне покупаютъ ихъ только, какъ служанокъ, и больше ничего. Онѣ цѣнятся довольно-дорого только потому, что имѣютъ репутацію вѣрной, надежной и очень-трудолюбивой прислуги. Не имѣй онѣ этого неоцѣннаго для гарема достоинства, персіяне вовсе не стали бы покупать ихъ. Чрезвычайно-рѣдки примѣры, чтобы персіяннинъ имѣлъ дѣтей отъ калмычки-невольницы.

Кромѣ невольницъ, принадлежащихъ хозяину дома, въ эндерунахъ (*) персидскихъ бываютъ еще невольницы, составляющія собственность женъ его. Жены также имѣютъ право владѣть кенизами, прибрѣтенными за деньги, доставшимися имъ по наслѣдству, или полученными въ даръ отъ

(*) Эндерунъ — женская половина персидскаго дома, гинекей.

родителей. Невольница жены не считается невольницею мужа; онъ не можетъ имѣть на нее тѣхъ правъ, какія имѣетъ на собственныхъ невольницъ, замѣняющихъ иногда ему женъ : вступить въ полное обладаніе ею онъ можетъ не иначе, какъ съ позволенія ея госпожи; до полученія этого позволенія, ему даже запрещается видѣть лицо ея, какъ женщины совершенно для него чуждой.

Вотъ составъ персидскаго семейства, описаннаго нами, какъ образчикъ мусульманскихъ семействъ вообще. Возвратимся къ описанію судьбы мусульманской женщины, когда она, послѣ известнаго торжества, называемаго аруси, вступаетъ въ домъ нареченнаго мужа.

Конечно, не всегда бываетъ, что женщина, вступая въ домъ мужа, находитъ этотъ домъ уже наполненнымъ другими женами и всѣми тѣми существами женскаго пола, о которыхъ теперь шла рѣчь. Когда мужчина женится въ первый разъ, тогда новобрачная находитъ въ домѣ однѣхъ служанокъ, да и то купленныхъ, изъ деликатности, на ея имя, такъ-что онѣ собственно назначаются для прислуживанія ей, а мужъ, по смыслу духовнаго закона, не можетъ даже видѣть лица ихъ. Наложницъ, именуемыхъ сѣгами, онъ, также изъ учтивости къ первой женѣ, старается на первое время не имѣть у себя въ домѣ. Но подобное снисхожденіе дѣлается только для первой жены да и то ненадолго. Страсть персіянина видѣть себя въ многочисленномъ кругу бабья разваго сорта скоро беретъ въ его душѣ верхъ надъ всѣми соображеніями, и не успѣетъ молодая жена обжиться въ домѣ, какъ уже онъ наполнится, подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами, женами, сѣгами и служанками, набранными и накупленными со всѣхъ сторонъ. Поэтому, разсматривая судьбу женщины, вступившей въ домъ мужа, надобно сейчасъ уже представить ее себѣ въ кругу соперницъ.

Воображая женщину, поставленную въ такія обстоятельства, всякій, разумѣется, задастъ себѣ вопросъ : можетъ ли она быть счастлива при этихъ условіяхъ, какія возможны для нея утѣшенія, и ожидаютъ ли ее хоть какія-нибудь радости? Если задавшій себѣ подобный вопросъ, будетъ имѣть въ виду такое счастье, которое можетъ существовать для женщины образованной, или хоть сколько-нибудь очеловѣченной воспитаніемъ, то онъ долженъ рѣшить этотъ вопросъ непремѣнно отрицательно. При подобной обстановкѣ совершенно-невозможно то семейное счастье, основанное на взаимной любви, хотя не чуждое чувственности, но возвышенное, облагороженное перевѣсомъ нравственной природы, которое доступно только для семействъ, гдѣ женщина занимаетъ мѣсто, указанное самими прекрасными качествами, отъ природы ей дарованными, гдѣ ни воспитаніе, ни положеніе ей указан-

ное не унижает женщину до степени игрушки, до степени существа, которому позволено иметь только тѣло, въ которомъ души почти и не предполагается.

Да мусульманка и неспособна къ такого рода возвышенному, моральному счастью. Не слѣдуетъ упускать изъ виду ея неразвитости, которая доходитъ до того, что, и при всякой другой обстановкѣ, мусульманская женщина не въ состояніи была бы ощутить семейное блаженство, доступное женщинамъ другихъ народовъ. Это достаточно объясняется и доказывается всѣмъ тѣмъ, что до-сихъ-поръ сказано о предшествующей замужству судьбѣ мусульманки.

Рожденіе ея встрѣчено родителями съ горестью обманутой надежды и ей съ самаго начала отказываютъ даже въ тѣхъ, неочень-то, впрочемъ, нѣжныхъ попеченіяхъ, которыми окружаютъ дѣтей мужскаго пола; первые годы ея младенчества протекли въ неопратности, въ небреженіи; какъ только начала развиваться въ ней способность пониманія, ее окружали уже такіе предметы, такіа явленія, ей слышались такіе разговоры, которые должны были уничтожить въ душѣ ея до послѣднихъ зародышей чувство изящнаго, столь необходимое для женщины, что безъ него женщина — самое ничтожное и (простите выраженіе) самое презрѣнное въ ряду существъ; въ образованіи ей отказано, какъ въ ненужномъ и даже вредномъ для ея пола; даже религія ей не растолкована порядочно; цѣль въ жизни указана ей самая жалкая — жить для тѣла, украшать тѣло, мыть его разными мылами, холить его, мазать разными красками; замужъ она выдана за деньги, и даже мысль о томъ, что она можетъ выйти замужъ по безкорыстному влеченію сердца, была ей запрещена, какъ мысль предосудительная; полюбить своего мужа ей позволено только послѣ свадьбы. Если же окажется, что она не можетъ полюбить его, такъ ей предоставлено замѣнить любовь притворствомъ, основаннымъ на безусловномъ повиновеніи его желаніямъ, притворствомъ, къ которому она приучена самою виновницею дней своихъ, и которое въ глазахъ мусульманскихъ мужей не только замѣняетъ любовь, но даже иногда ставится выше всякой любви. Чего же можно и требовать отъ персіянки, воспитанной такимъ-образомъ? Ясно, какъ день, что семейное счастье, какъ его понимаютъ въ Европѣ, невозможно для нея; она не можетъ имѣть о немъ даже самаго темнаго понятія. Еслибъ, по какому-нибудь чуду, она его и встрѣтила въ семействѣ, въ которое ввели ее обстоятельства, такъ, навѣрное, не съумѣла бы оцѣнить, какъ вещь, слишкомъ для нея отвлеченную, умозрительную, созданую не для нея, а для другихъ существъ.

Но можетъ ли мусульманка, по вступленіи въ описанный выше семейный обиходъ, быть счастливою хоть по-своему? Отчего же нѣтъ? По-своему, многія изъ нихъ бываютъ счастливы. Счастье такъ повсемѣстно разлито по міру, что есть счастье и для животныхъ. Многія мусульманки, когда онѣ хорошо накормлены, тепло и красиво одѣты и не терпятъ притѣсненій отъ своего мужа и господина, бываютъ по-своему очень-довольны судьбою. Очень-часто онѣ доходятъ до такого нравственнаго оцѣнчивія, что имъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до любви или нелюбви къ нимъ мужа, и даже нисколько не тяготея рѣшительною невозможностью питать какое-нибудь нѣжное чувство къ такому супругу, который, по своему безобразію, или другимъ качествамъ, способенъ только внушать отвращеніе. Получая отъ него все необходимое для жизни, онѣ не отказываютъ ему ни въ чемъ, считаютъ себя въ долгу передъ нимъ за то платье и пищу, которыми онъ, по милости своей, снабжаетъ ихъ.

Самый завидный для мусульманки, какъ шіитки, такъ и суннитки, родъ семейнаго счастья есть тотъ, который возможенъ только для женщинъ, принадлежащихъ къ какому-нибудь знатному роду, преимущественно для принцессъ крови, или благородныхъ барынь, имѣющихъ на своей сторонѣ важныя для мужа преимущества богатства и связей. Мусульманка, поставленная въ такое положеніе, наслаждается счастіемъ семейнаго владычества, властью надъ мужемъ и надъ всѣмъ окружающимъ его составомъ семейства. При такихъ обстоятельствахъ мусульманка нисколько не стѣсняется религіозными постановленіями, предписывающими женѣ роль, совершенно-страдательную; она и знать не хочетъ ни про какія постановленія, а пользуется выгодами своего положенія безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ лицѣ своего супруга она инстинктивно отомщааетъ всему мужскому полу за угнетенія, которыя терпятъ прочія женщины отъ мужей своихъ, и мщеніе это бываетъ тяжело для того, кому выпадетъ на долю быть жертвою его. Мужъ дѣлается ея почитательнымъ слугою; она не только отравляетъ его семейный бытъ, но преслѣдуетъ его своимъ владычествомъ и въ дѣлахъ, касающихся до его положенія въ обществѣ, мѣшается въ каждое его предпріятіе, компрометируетъ каждый его шагъ, и если впродолженіе дня онъ позволить себѣ хоть малѣйшее отступленіе отъ указанныхъ ему правилъ дѣйствованія и поведенія, то къ вечеру, когда онъ непремѣнно долженъ прійти во внутренніе свои покои, ему всегда готовится такая встрѣча, передъ которой всѣ наши семейныя сцены между сварливыми женами и угнетенными мужьями, ничего не значать. Если онъ и имѣетъ другихъ женъ, наложницъ и служанокъ, такъ это

ему позволяется только подъ условіемъ, чтобъ всѣ онѣ были послушными прислужницами ихъ главной барыни, и не только не можетъ онъ имѣть съ ними никакихъ нѣжныхъ сношеній, но горе ему, если позволить себѣ подарить которую-нибудь изъ нихъ хоть ласковымъ взглядомъ. Европейскія дамы, также иногда налагающія на мужей своихъ довольно-нелегкое иго, воображаютъ, что онѣ довели уже теорію семейнаго владычества до высшей степени развитія; но онѣ ошибаются: каждая изъ нихъ могла бы еще многому, въ этомъ отношеніи, поучиться у той мусульманки, которой судьба доставила возможность взять въ руки бороду своего мужа. Несчастливымъ мужьямъ, поставленнымъ въ такое положеніе, приходится даже терпѣть побои отъ женъ своихъ, да еще какіе побои!

Авторъ этой статьи слышалъ про забавныя похожденія одного хана, которому постоянно суждено было терпѣть несчастія отъ знатныхъ женъ. Сначала онъ имѣлъ несчастіе быть супругомъ очень-красивой, но чрезвычайно злой ханумы, дочери богатаго и сильнаго при дворѣ вельможи, управлявшаго тою самою областью, въ которой происходило рассказываемое происшествіе. Сколько ни хлопоталъ ханъ, чтобъ укротить сварливость своей супруги и жить съ нею въ мирѣ и согласіи — всѣ старанія его оказались тщетными. Провѣдавъ однажды, что мужъ ея не въ-точности исполняетъ получаемыя отъ нея повелѣнія, она рѣшилась пожаловаться отцу. Строгий тестюшка принялъ противъ зятя самыя рѣшительныя мѣры. Онъ велѣлъ отсчитать несчастному хану двѣ тысячи ударовъ палками по пятамъ. Фарраши, назначенные для исполненія этого приказанія, были подкуплены злою ханшею, и потому выполнили свою обязанность съ такимъ усердіемъ, что ханъ потомъ цѣлую жизнь носилъ знаки ранъ на подошвахъ и икрахъ и страдалъ нестерпимою болью въ ногахъ.

Съ нимъ же впоследствии случилось еще одно происшествіе, въ которомъ онъ опять былъ жертвою знатной жены.

Когда сварливая супруга, которой онъ обязанъ былъ двумя тысячами ударовъ палками по пятамъ, оставила его наконецъ въ покоѣ и обзавелась такимъ множествомъ любовниковъ, что ей некогда было и подумать о мужѣ, ханъ рѣшился наградить себя за долги страданія бракомъ съ новой, молодой и хорошенькой женой. На этотъ разъ ему опять сосватали дочь одного вельможи, который хотя и не управлялъ никакою областью, но пользовался извѣстнымъ авторитетомъ при дворѣ. Новая ханша была не только молода и красива, но, сверхъ-того, владѣла значительными имѣніями, доходъ съ которыхъ былъ такъ великъ, что

она могла жить совершенно на свой счетъ, не обременяя мужа никакими издержками. Однимъ словомъ, супружество это было для хана и приятно и выгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Но счастью его помѣшала одинъ недостатокъ, открывшійся въ ханумѣ только послѣ свадьбы. Она была ревнива и притомъ не такъ, какъ большая часть мусульманскихъ барынь, которыхъ ревность есть не что иное, какъ зависть къ другимъ женамъ въ подаркахъ имъ достающимся, и въ большемъ или меньшемъ почетѣ, имъ оказываемомъ; она ревновала мужа по-своему, то-есть, любила самую особу его и не хотѣла ни съ кѣмъ подѣлиться любовью его. Вѣтреному хану очень-тяжело приходилось отъ этой ревности, весьма-приятной для его самолюбія, но за-то связывавшей его по рукамъ и по ногамъ, мѣшавшей разнымъ любовнымъ продѣлкамъ его, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Онъ любилъ свою молодую ханшу, очень-часто и съ большимъ удовольствіемъ проводилъ у нея вечера; но, продолжая любить разнообразіе въ своихъ наслажденіяхъ, никакъ не могъ разстаться съ несчастною страстишкою привокнуться и за другими. Сначала всѣ припадки ревности ханши ограничивались мелкими домашними сценами, потому-что ханъ умѣлъ хорошо скрывать свои шалости, если кое-что и доходило иногда до свѣдѣнія супруги; такъ, благодаря своему краснорѣчію и изворотливости ума, онъ всегда успѣвалъ усыпить ея ревнивыя подозрѣнія, и это было ему нетрудно, потому-что, подозрѣнія основывались покуда на однихъ слухахъ.

Скоро, однакожъ, представлены были положительныя доказательства его невѣрности; тогда вѣжная супруга превратилась въ неистовую бурю и злобные крики ея, огласивъ всѣ концы эндеруна, въ которомъ она жила, взволновали всѣхъ обитательницъ этого доселѣ мирнаго жилища; со всѣхъ концовъ сбѣжалась толпа служанокъ, невольницъ и тѣхъ мужниныхъ наложницъ, которыя, состоя подѣ покровительствомъ ханши, составляли ея свиту и принадлежали ей душой и тѣломъ. По знаку ханши, вся эта толпа, вооруженная разными кузовными орудіями, принадлежностями женскаго шитья, однимъ словомъ всѣмъ, что попадо, бросилась на провинившагося мужа, которому нельзя было даже спастись бѣгствомъ, потому-что садъ былъ тотчасъ же запертъ на запоръ. Ханъ дорого заплатился за свою неосторожность; побои были прекращены только тогда, когда вся эта толпа, желавшая угодить госпожѣ и благодѣтельницамъ, до-сыта натѣшилась надъ его несчастною особою. Избитый до-нельзя, испаранный когтями, оставивъ половину бороды своей въ рукахъ неистовыхъ палачей, онъ едва-едва ушелся, пылая жаждою мести. Но все мщеніе его со-

стояло въ томъ, что онъ пересталъ посѣщать половину дома, занимаемую ханшей, которую больше и не видалъ послѣ того. Да и для этого-то мщенія много требовалось смѣлости съ его стороны. Родственники ханши, оскорбленные этимъ невниманіемъ къ ней и вовсе не поставляя ей въ вину побой, которыми она наградила своего мужа, сдѣлались его врагами на всю жизнь, старались ему вредить на каждомъ шагу и, вѣроятно, впоследствии успѣли—таки отомстить ему наславу.

Въ недостаточномъ классѣ мусульманскія женщины имѣютъ преимущественно то утѣшеніе, что мужа ихъ, не будучи въ состояніи окружить себя нѣсколькими сожительницами, принуждены довольствоваться одною женою. Мусульманка чрезвычайно-довольна, когда некому съ ней соперничествовать: она привязывается тогда къ мужу и душой и тѣломъ, но любовь ея бываетъ какою-то безотчетною, или, просто сказать, собачьей привязанностью, которая простирается до того, что мусульманкѣ нравятся даже обиды и притѣсненія, терпимыя отъ капризовъ или вспыльчиваго характера мужа. Недостаточная мусульманка, искренно-привязанная къ мужу, способна переносить терпѣливо и даже безъ внутренняго, молчаливаго ропота, какіе бы то ни было побой. Побой бывають даже для нея пріятны: она принимаетъ ихъ за знакъ любви, за особенный родъ горячаго выраженія супружеской нѣжности. Когда мужъ не бьетъ любящую его мусульманку, или начинаетъ ее бить рѣже, чѣмъ прежде, она теряетъ бодрость духа, впадаетъ въ задумчивость, въ меланхолю; отсутствіе побоевъ ей кажется знакомъ того, что мужъ охладѣваетъ къ ней. Но стоитъ только мужу задать ей, какъ говорится, хорошую потасовку—и она оживаетъ духомъ. Чѣмъ больнѣе было для ея тѣла это супружеское выраженіе любви, тѣмъ здоровѣе и яснѣе становится душа ея: она оживаетъ для счастья.

Семейное счастье, возможное для мусульманки, вступающей въ эндерунъ съ именемъ *сиги*, то-есть временной наложницы, состоитъ прежде всего въ томъ, чтобъ мужъ-господинъ не обдѣлялъ ее въ средствахъ къ жизни, которыя онъ обязанъ ей доставлять въ уплату за пріобрѣтенныя надъ нею права. Затѣмъ она имѣетъ въ перспективѣ пригласиться какъ-нибудь своему господину, пользоваться тайкомъ его ласками и точно также тайкомъ получать отъ него подарки. Если это ей не удастся, такъ она можетъ подбитыя въ милость къ одной изъ четырехъ ханушъ, и черезъ покровительство и щедрость ея устроить свою будущность и свое настоящее такъ, что всѣ будутъ ей завидовать.

Невольницы, прислуживающія въ гаремахъ, способны къ одному только чисто-животному довольству. Быть сытой, не забнуть отъ холода,

да подвергаться какъ-можно-рѣже побоямъ — вотъ все, чего онѣ добиваются и могутъ добиться. Если господину ихъ, по какому-нибудь капризу, вздумается обратить вниманіе на одну изъ нихъ и удостоить ее своей господской ласки, то это нисколько не улучшитъ положенія осчастливленной его взоромъ служанки; житье-бытье ея все-таки пойдетъ попрежнему: она все остается такою же работницею для другихъ, какъ была и прежде; права ея не увеличиваются, образъ жизни не улучшается. Особенно-жалка участь тѣхъ невольницъ, которыя принадлежать не мужу, а женѣ. Мусульманскія барыни обходятся съ своими невольницами еще хуже, чѣмъ мужья ихъ, и очень-часто доходятъ до неслыханныхъ жестокостей въ наказаніи за самые ничтожные проступки.

Хотя онѣ сами даютъ иногда мужьямъ своимъ позволеніе видѣть ихъ невольницъ съ открытыми лицами и даже доходить въ обращеніи съ ними до нѣкоторой вольности, но горе той невольницѣ, на которую мужъ ревливой супруги станетъ заглядываться больше, чѣмъ она позволила, или которой онѣ осмѣлятся подарить что-нибудь. Рассказываютъ, что одинъ ханъ имѣлъ неосторожность показать знаки слишкомъ-нѣжнаго вниманія молоденькой и очень-миловидной невольницѣ своей ханши. Это такъ озлобило завистливую ханшу, что она на другой же день собственноручно обрѣзала носъ, уши и губы ея счастливой, но совершенно-невинной соперницѣ, исполосила ей ножомъ все лицо, и въ такомъ видѣ показала потомъ мужу съ тою цѣлю, чтобъ обезображеннымъ видомъ ея истребить въ сердцѣ мужа даже слѣды того пріятнаго впечатлѣнія, которое производило на него прежде хорошенькое личико несчастной невольницы, пострадавшей за красоту свою.

Разбирая разнаго рода способы для мусульманки быть счастливою по-свѣдому, сообразно ея воспитанію, взгляду на жизнь и привычкамъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ привитымъ къ ея нравственной природѣ, нельзя не упомянуть о томъ счастьи, которое иногда находятъ молоденькія мусульманки въ супружествѣ со стариками, вступившими въ бракъ, какъ и выше упомянуто, съ тою единственно цѣлю, чтобъ оживить и согрѣть свою дряхлую и охладѣвшую отъ старости природу молодостью новой жены. При всей нелѣпости подобныхъ браковъ, ихъ рѣзкомъ несогласіи съ законами человѣческой природы, мусульманка, пожертвовавшая своею молодостью для оживленія послѣднихъ дней отцѣвѣтшаго старика, находитъ средство и въ этомъ анти-нормальномъ положеніи быть довольною своей участью. Она не можетъ любить своего мужа, но за-то мужъ старый бываетъ всегда богатымъ мужемъ, потому-что бѣдные старики не въ-состояніи пріобрѣсти молодую жену,

и значительные подарки, выманиваемые у старика, которому она продала себя, могут совершенно—удовлетворительно восполнить для нея недостатокъ другихъ радостей супружеской жизни. Достигнуть этой цѣли она можетъ только посредствомъ притворства; но такое притворство очень—легко для мусульманки. Оно нисколько не можетъ казаться ей унижительнымъ и постыднымъ послѣ того, какъ ее съ молодю приучили къ той идеѣ, что красота ея создана единственно для удовольствія самаго щедрого изъ покупателейъ женскихъ прелестей, а совѣтъ не даятого, чтобъ открыть ей самой путь къ счастью, основанному на взаимной любви. Оно также не можетъ быть очень—труднымъ для нея дѣломъ, потому—что успѣхъ его облегчается нетребовательностью самихъ мужей, имѣющихъ свой особенный взглядъ на семейное счастье. Недолжно думать, чтобъ престарѣлые мусульманскіе мужья вѣрили въ возможность внушить нѣжную страсть женѣ, которая нѣсколькими десятками лѣтъ моложе ихъ. Они и не думаютъ ласкать себя такой несбыточной надеждой; да притомъ нисколько и не заботятся о нѣжныхъ чувствахъ ихъ дражайшей половины: имъ нужно только одно виѣшнее, чисто—матеріальное угожденіе. Пускай молодая жена думаетъ про—себя чтѣ хочетъ, да умѣй она только быть предупредительною и ласковою въ ея виѣшнихъ отношеніяхъ съ супругомъ, не отказывая ему ни въ чемъ, не оскорбляя замѣтною суровостью—и старый мусульманинъ будетъ вполне—доволенъ. Если онъ осыпаетъ молодую жену подарками, такъ совѣтъ не потому, чтобъ считалъ угожденія, которыя ему дѣлаются, основанными на искренней любви, а потому, что угожденія эти хорошо придуманы, ловко разсчитаны и пріятно тѣшать его страсти. Семейное счастье всѣхъ неравныхъ супружествъ между мусульманами устроено на одинъ ладъ: съ одной стороны мужъ, нисколько не сомнѣваясь въ отвращеніи, которое внушаетъ женѣ, щедро награждаетъ ее за притворство, а съ другой, жена, не тяготясь ролью невольной обманщицы, считаетъ себя очень—счастливою, потому—что, въ награду за искусный обманъ, ее окружаютъ роскошною жизнью, многочисленною прислугою, дарятъ богатыми платьями, шальями и драгоценными камнями.

Возможность для мусульманской женщины быть счастливою на свой ладъ, несмотря на униженное положеніе, въ которомъ прекрасный полъ находится на Востокѣ, показываетъ, что она можетъ также быть и несчастлива совершенно по—свѣдому. Опредѣлить разнаго рода несчастія, встрѣчающіяся въ судьбѣ ея, нетрудно; опредѣленіе ихъ находится уже въ самыхъ понятіяхъ ея о семейномъ счастьи. Она считаетъ себя несчастною тогда, когда ей отказывается въ томъ, чего она добивается

отъ мужа, руководясь своимъ особымъ взглядомъ на жизнь. Стоитъ только припомнить пересчитанныя выше требованія мусульманскихъ женъ, смотря по положенію ихъ въ обществѣ и семействѣ, и всякій тотчасъ пойметъ, какого рода неудачи въ семейной жизни могутъ составить несчастіе мусульманки. Дѣло теперь въ томъ, какъ переносить онѣ семейныя несчастія, постигающія ихъ вслѣдствіе холодности, суровости или скупоści мужа ихъ и господина.

Ханумы, благородныя барыни, которыя чрезъ родственныя связи и богатство пользуются правомъ на особенный почетъ со стороны мужа, и, что главное, на отдѣльное помѣщеніе, независимое хозяйство и свой особенный дворъ, не переносятъ своихъ семейныхъ несчастій терпѣливо, и съ покорностью беззащитной жертвы, но принимаютъ участь пренебреженной жены немаче, какъ послѣ долгой борьбы съ соперницами. Для ихъ счастья нужно прежде всего нервенство надъ другими, властительство надъ цѣлымъ эндеруномъ: искреннее вниманіе къ нимъ мужа стойтъ для нихъ болѣе, чѣмъ на второмъ или на третьемъ планѣ, и прежде чѣмъ откажутся онѣ отъ честолюбивыхъ притязаній своихъ, счастливымъ соперницамъ долго приходится бороться съ ними.

Домъ зажиточнаго мусульманина, который, раздѣляя, какъ особу свою, такъ и богатство по-ровну между женами, не счумѣтъ извернуться такъ, чтобъ онѣ всѣ были довольны и не завидовали другъ другу, бываетъ обыкновенно театромъ нескончаемыхъ интригъ и ссоръ; миръ и спокойствіе положительно невозможны въ немъ. Все народонаселеніе его раздѣляется на нѣсколько партій, смотря по числу барынь-соперницъ, партій враждующихъ другъ противъ друга съ такимъ остервенѣніемъ, которое трудно встрѣтить даже и между политическими антагонистами. Иногда вражда эта порождаетъ даже драки. Главное оружіе мусульманскихъ барынь — сплетни другъ про друга, скандалѣзные анекдоты и всевозможная клевета, которою наполняютъ онѣ городскіе слухи такъ, чтобъ она доходила и до ушей мужа. Вѣря въ разнаго рода колдовства, онѣ не пренебрегаютъ и этимъ средствомъ, и потому при дворѣ каждой изъ нихъ всегда состоитъ множество старухъ-знахарокъ, подслуживающихся своимъ барынямъ тѣмъ, что умѣютъ придумывать разныя магическія ухищренія противъ здоровья и красоты соперницъ, пытаются приколдовывать мужа или по-крайней-мѣрѣ уничтожить въ немъ, посредствомъ колдовства, страсть къ другой женѣ-временщицѣ, осмѣлившейся отнять первенство и власть у ихъ покровительницы. Эти старухи-колдуньи дѣлаются всегда главными наперсницами и повѣренными богатыхъ мусульманокъ: для нихъ нѣтъ

секретовъ и почти всё дѣла проходить чрезъ ихъ руки. Имъ же поручается противодѣйствовать колдовствамъ и заклинаніямъ вредябныхъ знахарокъ, дѣйствующихъ въ пользу непріязненной партіи. Каждая барыня очень-хорошо понимаетъ, что если она прибѣгаетъ къ колдовствамъ противъ соперницъ, такъ и тѣ не теряютъ драгоценнаго времени: и у нихъ есть колдуньи, которыя не дремлютъ въ бездѣйствіи. Старухи-знахарки собираютъ со всѣхъ сторонъ, какъ-можно-болѣе амулетовъ, которыми обвѣшиваютъ свою благодѣтельницу, для огражденія ея отъ злаго колдовства враговъ, безпрестанно и для той же цѣли подвергаютъ ея особу разнымъ предохранительнымъ заклинаніямъ, окуливаньямъ и проч. и за все это, разумѣется, берутъ деньги.

Все это еще не бѣда; продѣлки мусульманскихъ знахарокъ довольно-невинная вещь, потому-что отъ колдовства ихъ, какъ и отъ всѣхъ вообще магическихъ заклинаній, никому не бываетъ ни вреда, ни пользы. Бѣда въ томъ, что всѣ эти колдуньи бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ большими искусницами въ составленіи губельныхъ отравъ, которыхъ секретъ передается у нихъ изъ рода въ родъ. Искусство отравлять вообще чрезвычайно-развито на Востокѣ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что кинжалъ играетъ тамъ самую важную роль; это оружіе тамъ играетъ роль второстепенную, потому-что прибѣгающій къ нему подвергается неумолимому закону о кровавой мести и, стало-быть, окружаетъ свою особу безчисленными опасностями; погубить врага тайною отравою и легче и безопаснѣе, а потому этотъ способъ мщенія особенно предпочитается восточными жителями. Для женщинъ, которыя и не умѣютъ владѣть кинжаломъ, отравы еще любезнѣе, чѣмъ для мужчинъ; но онѣ не всегда прибѣгаютъ къ ней для того, чтобъ достигнуть на самую жизнь счастливой соперницы; онѣ имѣютъ по-большей-части въ виду или испортить ея здоровье, или погубить во цвѣтъ лѣтъ красоту ея. Хотя не всѣ интриги мусульманскихъ соперницъ имѣютъ такое трагическое окончаніе, но можно сказать, что отравы въ мусульманскихъ эндерунахъ очень-нерѣдки. Даже и о такого рода отравѣхъ, которыя влекутъ за собою смертные случаи, очень-часто случается тамъ слышать. Въ этомъ отношеніи старухи-знахарки представляютъ чрезвычайно-вредную часть эндеруннаго населенія.

Мусульманки, непользующіяся исключительнымъ положеніемъ знатныхъ барынь, то-есть, жены изъ бѣдныхъ, незначительныхъ фамилій, сирѣ и невольницы не позволяютъ себѣ вступать въ борьбу съ мужьями или соперницами, а покоряются судьбѣ своей безъ сопротивленія, предоставляя, однакожъ, себѣ искать средствъ къ отмщенію въ тѣхъ

женскихъ продѣлкахъ, которыя въ то же время составляютъ и утѣшеніе для женщинъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ на семейное счастье.

Не трудно догадаться, что, при жалкомъ положеніи своемъ на мусульманскомъ Востоку, прекрасный полъ иногда принужденъ придумывать для себя утѣшенія внѣ строгихъ постановленій мусульманской религіи и даже наперекоръ этой религіи, которая предоставила мужу все, а женѣ во всемъ отказала. Многія, очень-многія изъ нихъ стараются заглушить въ себѣ досаду удовольствіями нарушенія супружеской вѣрности, не стѣняясь ни страхомъ наказанія, ни уваженіемъ къ строгимъ правиламъ ислама. Любовныя похождения случаются на Востоку точно такъ же, какъ и вездѣ, не чаще и не рѣже, по-крайней-мѣрѣ ужь никакъ не рѣже.

Для ханумъ-барынь, какъ особъ, находящихся у всѣхъ на виду, онѣ труднѣе, чѣмъ для другихъ женщинъ; но эти особы, утѣшаютъ себя борьбою съ соперницами, и даже съ самими мужьями, находя даже иногда средства открыто мстить за оказанное пренебреженіе.

Существующій для женщинъ обычай закрывать лицо отъ постороннихъ и выходить на улицу не иначе, какъ въ чадрѣ и рубендѣ, несколько не мѣшаетъ мусульманкамъ находить себѣ любовниковъ и дѣйствовать такъ скрытно, что почтенный поклонникъ пророка во все это время не имѣеть ни малѣйшей тѣни подозрѣнія насчетъ женнинныхъ продѣлокъ, украшающихъ благородное чело его убранствомъ, столь сходнымъ съ фигурою новонародившагося мѣсяца, который такъ уважають мусульмане. Показать свое лицо изъ-подъ рубенда мужчинѣ, котораго она хочетъ завлечь въ свои сѣти, для мусульманки очень-легкое дѣло: она въ глазахъ другихъ всегда можетъ придать этому видъ случайности; а когда уже достигла своей цѣли и завела интригу, то чадра и рубендъ служатъ гораздо-болѣе покровомъ, чѣмъ помѣхою для ея любовныхъ продѣлокъ. Женщина европейская связана отчасти тѣмъ, что куда бы она ни отправилась, вездѣ она рискуеть быть встрѣчена и узнана мужемъ; это неудобство не существуетъ для мусульманки, какъ только она вышла изъ своего дома: она находится подъ защитою чадры и рубенда. Ей нѣчего опасаться встрѣчи съ мужемъ: онъ можетъ встрѣтить ее нѣсколько разъ на день и нетолько не узнать, но даже и не возкинуть подозрѣній, что встрѣченная имъ женщина была его дражайшая сожительница. Неприкосновенность чадры и рубенда до такой степени священна, что еслибъ мужъ, встрѣтя женщину, и подозрѣвалъ, что это его жена, сига или невольница, такъ и тогда онъ не имѣлъ бы

права требовать, чтобъ она открыла передъ нимъ лицо свое; онъ долженъ продолжать путь свой, какъ-будто бы ничего не подозрѣвалъ. Преслѣдовать подозрительную женщину — не принесетъ ему никакой пользы; ей стоитъ только войти во внутренность какого-нибудь дома, и ревнивый мужъ долженъ остановить свои преслѣдованія: идти за нею въ чужой домъ ему не позволено.

Но любовныя свиданія для мусульманокъ все-таки окружены трудностями и опасностями. Обыкновенныхъ свиданій въ обществѣ мусульманка не можетъ имѣть съ мужчинами; переписки съ любовникомъ она не можетъ вести, по причинѣ безграмотности; поэтому сношенія съ любовникомъ, переговоры съ нимъ, черезъ которые начинаются связи и условливаются свиданія, сопряжены съ многочисленными затрудненіями. Но у мусульманокъ для всего этого придуманы свои средства. Нѣмой языкъ, языкъ знаковъ доведенъ между ними до высшей степени совершенства. Всякое движеніе руки, игра пальцами, разныя наклоненія головы, даже разныя положенія тѣла имѣютъ у мусульманокъ свое значеніе. Изящная мусульманская молодежь знаетъ смыслъ всѣхъ этихъ пріемовъ едва-ли не тверже, чѣмъ молитвы, установленныя Кураномъ. Мусульманка, встрѣтившись на улицѣ съ предметомъ своей нѣжной страсти, или находясь съ нимъ гдѣ-нибудь въ публичномъ мѣстѣ, можетъ съ нимъ объясниться, даже на дальнемъ разстояніи, вести переговоры, получать отвѣты, и все это самымъ незамѣтнымъ образомъ. Подглядыванья подруга она не боится, потому-что старается, въ подобныхъ случаяхъ, помѣститься между такими, у которыхъ есть свои дѣлишки и которымъ, стало-быть, не до нея. Мужья на Востокѣ, какъ и вездѣ, уступаютъ въ догадливости любовникамъ. Языка знаковъ они не понимаютъ; а если кто изъ нихъ въ старое время и зналъ его, такъ забывъ, сдѣлавшись степеннымъ человѣкомъ. Впрочемъ, еслибъ онъ и подмѣтилъ переговоры, такъ это не повело бы его ни къ чему: благодаря чадръ и рубенду, никто не можетъ отличить въ толпѣ жену свою отъ прочихъ женщинъ; а если онъ подмѣтитъ что-нибудь за чужой женой, такъ ему какое дѣло?

Для корреспонденціи персіянки употребляютъ вмѣсто писемъ особеннаго рода мѣшечки, въ которые кладутъ разныя зерна и сѣмена: каждое изъ этихъ зернышекъ имѣетъ свое условное значеніе. Такіе мѣшечки любовники передаютъ другъ другу черезъ посредницъ, роль которыхъ обыкновенно берутъ на себя старухи, въ свое время сами бывшія кокетками, а подѣ-старость принявшіяся за утѣшительное для нихъ ремесло посредничества между молодыми любовниками. Если имъ не

удалось принскать себѣ такой услужливой старушки, любовники подкидываютъ другъ другу эти мѣшечки въ условленные мѣста.

Но ни языкъ знаковъ, ни мѣшечки съ зернышками не могутъ замѣнить вполне грамотности. Посредствомъ этихъ уловокъ мусульманка можетъ передать своему любовнику лишь нѣсколько короткихъ фразъ — вотъ и все: распространиться о нѣжности своихъ чувствъ не существуетъ возможности для нея. Настоящей любовной корреспонденціи, которая оживляетъ и поддерживаетъ нѣжные романы въ другихъ странахъ, мусульманка не можетъ вести.

Мусульманскіе мужья, кажется, не понимаютъ, что образованіе и обученіе женъ грамотѣ могло бы иногда принести имъ извѣстную пользу. Какъ часто случается, что грамотная европейская мечтательница, истративъ весь запасъ своихъ нѣжныхъ чувствъ въ романической перепискѣ, тѣмъ и оканчиваетъ свою невинную интригу и едва-начатый романъ останавливается самъ-собою, безъ всякаго преступнаго окончанія, потому только, что вся мечтательность уже израсходовалась и ея не хватаетъ на продолженіе интриги. Не рѣже того случается также, что нѣжная переписка открываетъ глаза мечтательницѣ, разоблачаетъ предметъ ея страсти отъ всѣхъ воображаемыхъ достоинствъ, созданныхъ игрою ея собственной фантазіи, и, увидавъ самаго пустаго человѣка въ томъ, кого такъ опозитизировало ея воображеніе, она возвращается къ холодной дѣйствительности и забываетъ свои грѣзы. Для романовъ мусульманскихъ женщинъ такихъ невинныхъ введеній нѣтъ, да и не можетъ быть. Посредствомъ условныхъ знаковъ нельзя еще вести переписки: ихъ интрига почти всегда начинается прямо свиданіемъ лицомъ къ лицу; и роковое паденіе, наступающее для образованной женщины не иначе, какъ послѣ долгой борьбы со страстью, бываетъ для униженной необразованностью мусульманки прямою цѣлью ея перваго свиданія съ предметомъ страсти.

Въ выборѣ предметовъ своей страсти мусульманка руководится не тѣми чувствами любви, которыя одушевляютъ женщинъ образованныхъ. Способности оцѣнивать нравственные достоинства и ставить ихъ выше совершенствъ тѣлесныхъ нельзя въ ней и предполагать, а потому нельзя въ ней предполагать и любви въ такомъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ на Западѣ. Природа и воспитаніе сдѣлали мусульманку матеріалисткою, и это качество ея нигдѣ такъ не проявляется, какъ въ выборѣ любовниковъ. Мусульманка влюбляется въ красивое лицо, прекрасный станъ, а иногда, что, впрочемъ, случается довольно-рѣдко, въ пріятный голосъ, въ звучное пѣнье. Особенно-опасны для мусульманокъ безборо-

дые юноши. Такъ—какъ на мусульманскомъ Востокѣ люди женатые и остепенившіеся носить бороды и стараются носить ихъ какъ—можно—длиннѣе, то женщинамъ бородатая физиономія чрезвычайно наскучаютъ, и какъ бы ни былъ красивъ собою бородатый мужчина, онъ не можетъ уже одерживать побѣды надъ женскими сердцами; это счастье принадлежитъ исключительно молодымъ людямъ, неуспѣвшимъ еще обрости бородою, или тѣмъ изъ нихъ, которые хотя и дожили до бороды, но брѣютъ ее изъ щегольства. Этимъ вкусомъ мусульманокъ можно объяснить то обстоятельство, что онѣ чрезвычайно—падки до юныхъ европейцевъ, продолжающихъ брить бороду и на Востокѣ, разумѣется, не изъ щегольства передъ женщинами, а изъ нежеланія отстать отъ приобрѣтенной въ отечествѣ привычки.

Упомянувъ о томъ, что мусульманскія женщины влюбляются иногда въ прекрасный голосъ, я расскажу анекдотъ, въ которомъ мусульманка является совсѣмъ не такъ матеріальною, какъ прочія ея соотечественницы, а мужъ, не въ примѣръ прочимъ мусульманскимъ мужьямъ, ведетъ себя въ деликатномъ дѣлѣ супружества гораздо—разсудительнѣе, чѣмъ это водится между ними. Надобно прежде всего знать, что анекдотъ этотъ рассказывается здѣсь не какъ характеристика восточныхъ нравовъ, а какъ случай, довольно—рѣдкій на Востокѣ, доказывающій только то, что, несмотря на всю униженность мусульманской женщины, въ ней можетъ иногда, хоть изрѣдка, сохраниться чувство изящнаго, и что, несмотря на всю грубость восточныхъ мужей и нелѣпость восточныхъ учреждений, врожденное благородство человеческой природы можетъ иногда сдѣлать и ихъ способными къ оцѣнкѣ этого чувства.

Персидскимъ свахамъ, устроивающимъ, по—большой—части, самые нелѣпые и противные человеческой природѣ браки, удалось какъ—то, между рѣдкими счастливыми супружествами, сладить одно, такое счастливое, что въ немъ не оставалось ничего желать для блаженства обѣихъ сторонъ. Мужъ и жена были оба молоды, хороши собою, имѣли достаточное состояніе и, что главное, любили другъ друга самую нѣжною и искреннею любовью. Счастливые супруги прожили нѣсколько лѣтъ въ мирѣ и согласіи, пока, наконецъ, семейное счастье ихъ не было помрачено самымъ неожиданнымъ образомъ. Мужъ замѣтилъ, что жена его съ нѣкотораго времени стала задумываться, чахнуть и горевать о чемъ—то, упрямо скрывая настоящую причину своего горя. Ему и въ голову не приходило, чтобъ въ ея сердцѣ, рядомъ съ неизмѣнною любовью къ нему, могла затануть какая—нибудь другая любовь. Къ—несчастью, скоро пришлось ему разочароваться. Особенное удоволь-

ствіе, которое ощущала жена его всякій разъ, какъ ей, хотя издалека, случалось слышать голосъ одного знаменитаго пѣвца, находившагося въ томъ же городѣ, гдѣ жило счастливое семейство, безпрестанное желаніе ея отыскивать случаи насладиться его пѣньемъ, и многіе другіе признаки увѣрили мужа наконецъ, что счастье его разрушено и что жена, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ, предалась страсти къ бродячему пѣвцу, извѣстному за отчаяннаго негодая.

Сначала жена скрывала отъ мужа несчастную любовь, ни за что не хотѣла признаться въ ней и, какъ казалось, питала еще надежду преодолѣть ее; но когда любовь ея дошла наконецъ до предѣловъ самой необузданной страсти, сама открыла ему состояніе своего сердца и просила о разводѣ, объявляя, что не можетъ уже болѣе составлять его счастья, а что ея собственное счастье и даже жизнь зависятъ отъ соединенія съ человѣкомъ, котораго чудный голосъ взволновалъ все ея существованіе, овладѣлъ ея сердцемъ, и денно и ночью самымъ неотступнымъ образомъ сладко звучитъ въ ея ушахъ. Просьбы, молибы и даже угрозы мужа не могли поколебать ея рѣшимости; она только и кричала, что о разводѣ, утверждая, что, въ противномъ случаѣ, непременно сдѣлается жертвою безнадежной любви и умретъ отъ чахотки. Тогда мужъ, не оскорбляя ея страсти ни побоями, ни грубою бранью, подобно другимъ азіатскимъ мужьямъ, но сердечно сожалѣя ея, попытался излечить ее разными развлеченіями и притомъ перемѣною мѣста жительства. Но увеселенія еще болѣе раздражали ее, подарки принимала она съ отвращеніемъ, дорогія платья разрывала на куски, не надѣвая ихъ, а драгоценныя камни бросала; подругъ, которыя приходили поразвеселить ее своимъ обществомъ, выгоняла изъ дому съ бранью, а иногда и просто въ-толчки. Нравственные лекарства отъ любви, придумываемыя супружескою вѣжностью, остались безъ всякаго дѣйствія на нее. Перемѣна мѣста жительства также не принесла никакой пользы. Куда ни перевозили ее, вездѣ она оставалась вѣрна своей страсти и упрямому желанію развода съ тѣмъ, кого прежде такъ любила. Мужу оставалось или исполнить ея желаніе, или быть свидѣтелемъ смерти своей жены, которая въ-самомъ-дѣлѣ начала приходить въ такое болѣзненное положеніе, что надо было бояться за ея жизнь. Безвыходность горя, его постигшаго, потеря послѣдней надежды воротить прежнее счастье, привели мужа въ ужаснѣйшее отчаяніе, и что жъ? когда уже все, повидимому, погибло для него, когда уже ему приходилось хоть въ петлю лѣзть, совсѣмъ-неожиданное обстоятельство указало ему путь къ спасенію, открывъ, что онъ еще не такъ несчастливъ, какъ думалъ.

Посреди жаркаго объясненія съ мужемъ , посреди града упрековъ , которыми она его осыпала , несчастная жена высказала , что не только она не нарушила еще супружеской вѣрности , хотя прежде и обвиняла себя въ томъ , но даже не видала еще и наружности чело-вѣка , о которомъ мечтала день и ночь . Открылось , что она была влюблена исключительно въ голосъ , а что о красотѣ его и другихъ достоинствахъ составила себѣ понятіе по соображенію плѣнительности его голоса и того дѣйствія , которое восхитительное пѣніе его производило на ея сердце . Мужъ увидѣлъ , что женина страсть , отравившая все его существованіе , имѣла своимъ единственнымъ источникомъ излишне-раздражительное музыкальное чувство , къ которому привилась игра воображенія , создавшая образъ , никогда-непредставлявшійся въ дѣйствительности глазамъ несчастной жертвы . Радостная надежда оживила его существованіе и указала на средство выпутаться изъ горестнаго положенія . Поразмысливъ хорошенько да припомнивъ наружность и разныя качества пѣвца , который надѣлалъ ему столько горя и хлопотъ , онъ увидѣлъ , что еще не все потеряно и что рано еще предаваться бесполезному отчаянію .

Онъ тотчасъ же пересталъ огорчать жену упрямыми отказами въ разводѣ , а , напротивъ , объявилъ , что не будетъ болѣе препятствовать ея счастью и дастъ разводъ , какъ только они переѣдутъ опять въ тотъ городъ , гдѣ проживалъ предметъ ея пламенной страсти . Затѣмъ онъ поспѣшилъ собраться въ дорогу и отправился туда , гдѣ должна была рѣшиться участь жены его . Обрадованная согласіемъ мужа , она ожила , поздоровѣла , повеселѣла и , въ ожиданіи новаго супруга , сдѣлалась опять ласкова съ прежними . Пріѣхавъ въ городъ , куда рвалась душа ея , она послушалась мужниныхъ убѣжденій не разводиться-до-тѣхъ поръ , покуда не увидитъ своего будущаго супруга и не познакомится съ нимъ лично . Между-тѣмъ , онъ устроилъ во внутреннихъ покояхъ своего дома вечеринку , на которую пригласилъ и пѣвца съ тѣмъ , чтобъ тотъ пришелъ поселить его семейство пѣснями , и , вопреки мусульманскому обычаю ввелъ его въ комнату жены своей . Какъ только безутѣшная страдалица отъ любви вошла въ комнату и увидѣла пѣвца , о которомъ такъ давно уже мечтала , повязка спала съ глазъ ея и очарованіе ея исчезло . Глазамъ ея представилась самая отвратительная личность , какую никогда не могло нарисовать пылкое воображеніе мечтательницы . Пѣвецъ такъ былъ безобразенъ , что никакая мечтательность не могла бы примириться съ его физиономіей , никакая игра фантазій не могла бы прикрасить уродливости его лица , или придать ей поэтическое значеніе . Уродливая голова его поддерживалась туловищемъ неуклюжимъ , не-

складно-тучнымъ, съ формами до негѣности некрасивыми. Манеры его были грубы, неотесаны и отзывались разгульною жизнью пьяницы и негодая, съ которой онъ свыкся въ своемъ бродяжническомъ быту. Мечтательность страдалицы не устояла противъ такого безобразія. Она тотчасъ почувствовала, что не въ силахъ будетъ полюбить такого урода, несмотря на прекрасный голосъ, составлявшій поразительно-рѣзкую противоположность съ его наружностью.

Она оставила своя грѣзы, перестала приставать къ мужу съ просьбами о разводѣ и никогда слышать не хотѣла о бракѣ съ пѣвцомъ. Но болѣзнь ея сердца еще тѣмъ не излечилась. Несчастливая женщина перестала горевать о невозможности соединенія съ тѣмъ, чей голосъ ей такъ нравился; но ее грызло горе, что такой прекрасный голосъ, расшевелившій самыя нѣжныя фибры ея сердца, принадлежалъ такому отвратительному существу. Она была недолговѣчна, да и въ продолженіе немногихъ лѣтъ ея жизни, протекшихъ послѣ этого происшествія, мужъ не видалъ ужъ того счастья, которымъ наслаждался въ прежнее время, до начала роковой страсти ея къ голосистому уроду.

Послѣ этого эпизода я ворочусь къ семейной жизни мусульманки, чтобъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ смотритъ большая часть мусульманскихъ мужей на продѣлки женъ, когда въ душу ихъ западаетъ подозрѣніе о беспорядочной жизни супруговъ. Не-уже-ли они не ревнуютъ тогда женъ своихъ? Нѣтъ, ревнуютъ — да еще какъ! Не всё они ведутъ себя такъ кротко и разсудительно, какъ герой только-что рассказаннаго анекдота. Всѣ рассказы о подозрительности восточныхъ мужей и ихъ бѣшенствѣ, когда измѣна ясно доказана и дѣло доходить до наказанія измѣнницы и сообщника ея преступленія — ничуть не преувеличены. Если мужа не удерживаетъ страхъ, или какой-нибудь расчетъ, пресловутый восточный клижалъ является тутъ на сцену и сцена кончается не бранью, а кровью, убійствомъ. Въ противномъ случаѣ, ревнивецъ ограничивается побоями, и онъ долженъ быть очень-запуганъ родней жены или ея сообщника для того, чтобъ дѣло обошлось одними грубыми упреками.

Но ревность мусульманина постижима только для европейца, глубоко-изучившаго Востокъ — такъ не похожа она на ревность европейскую. Когда страсть эта обуреваетъ душу европейца, то она всегда соединяется съ чувствомъ любви къ женщинѣ, составляющей предметъ ревности. Въ душѣ азіатца эта страсть подозрительна, жестока, бѣшено-мстительна, но бываетъ часто чужда всякой любви къ женщинѣ, ее возбудившей. Мусульманинъ, ревнуя женщину, способенъ дать ей раз-

воду, когда вполне отомстилъ ей побоями, и какъ-только вышла она изъ дому, перестала быть его собственностью, онъ перестаетъ думать о ней, и ему все-равно, куда бы она потомъ ни пошла, хотя бы въ домъ своего прежняго любовника. Какая же тутъ любовь? Первый двигатель мусульманской ревности — свойственная всемъ азіатцамъ завистливая страсть обладать каждымъ предметомъ не иначе, какъ съ эгоистическимъ устраненіемъ всякаго посторонняго участія. Ревнуя жену свою, какъ вещь, онъ точно такимъ же образомъ можетъ ревновать свой садъ, свою землю, свою лошадь. Второй двигатель мусульmano-азіатской ревности — самолюбивая гордость, страхъ навлечь на себя насмѣшки. Онъ боится, чтобъ измѣна жены не подала повода обвинить его въ ничтожествѣ характера, въ безсиліи, въ неумѣннѣ внушить другимъ такую боязнь къ себѣ, какая нужна, чтобъ отвадить ихъ отъ посяганій на его собственность. Любовникъ жены прежде всего ненавистенъ ему, какъ человекъ, который показываетъ ему, что не боится его, ставить его ни во что, не считаетъ его способнымъ отомстить за оскорбленіе.

Какъ ни сильны эти двигатели въ душахъ мусульманъ, но они, по всей вѣроятности, не могли бы еще порождать тѣхъ кровавыхъ выходовъ ревности, которыя такъ часто случаются на Востокѣ, еслибъ самъ законъ и преимущественно-существующіе тамъ обычаи не покровительствовали оскорбленному мужу до такой степени, что съ измѣнившей женой и ея сообщникомъ ему позволено сдѣлать все, что внушитъ бѣшеная мстительность. Его можетъ еще удерживать месть за кровь со стороны родственниковъ умерщвленнаго; если же и этого опасенія для него не существуетъ, тогда для бѣшенства его нѣтъ никакой узды. Не существуй увѣренности въ безнаказанности, мусульмане, по врожденной имъ осмотрительности, непокидающей ихъ ни при какихъ порывахъ, были бы воздержнѣе и умѣреннѣе при исполненіи своей мести.

Восточныя женщины скоро старятся. Климатъ ли, раннее ли замужество, употребленіе ли косметическихъ средствъ тому виною, но къ тридцати годамъ восточная женщина совершенно отцвѣтаетъ, а къ тридцати-пятилѣтнему роковому возрасту она уже рѣшительно поступаетъ въ разрядъ нигуда-негодящихъ старухъ. Такъ-какъ женщина на Востокѣ живетъ довольно-долго и среднее число лѣтъ ея доходитъ до шестидесяти, а многія проживаютъ и до семидесяти, то рано-начавшаяся старость ея бываетъ чрезвычайно-продолжительна. Въ эти годы женщинѣ можно бы утѣшаться своими дѣтьми, но и въ

этомъ утѣшеніи ей по-большей-части отказывается. Дочерей она выдаетъ замужъ, какъ только онѣ подростутъ, и потомъ совсѣмъ ихъ не видитъ. Въ бѣдномъ семействѣ сынъ у нея отнимается очень-рано, потому-что его сейчасъ отдадутъ въ какой-нибудь промыселъ, для свисканія насущнаго хлѣба, а потомъ когда подрастетъ, то сейчасъ же женится и, составивъ отдѣльное семейство, почти не выдается съ матерью. Въ богатомъ классѣ сынъ также не находится при матери; его отнимаютъ у нея по другимъ соображеніямъ. У зажиточнаго мусульманина, какъ мы уже объ этомъ и говорили, внутренніе покои всегда бываютъ населены женщинами самыхъ различныхъ возрастовъ, такъ-что, какъ бы ни былъ онъ старъ, но въ дому у него всегда есть нѣсколько смазливыхъ служавокъ, наложницъ или женъ. Изъ опасенія, чтобъ сынокъ не сталъ на нихъ заглядываться, отецъ какъ-можно-ранѣе старается взять его изъ внутреннихъ покоевъ и помѣстить во внѣшнихъ, съ какимъ-нибудь дядькою. Послѣ этого сыну дозволяется ходить во внутренніе покои для свиданія съ матерью никакъ не чаще одного раза въ недѣлю, да и то подъ присмотромъ дядьки. Впрочемъ, еслибъ даже и не существовало этихъ обстоятельствъ, такъ и тогда сынъ мусульманки не можетъ питать большаго уваженія къ матери. Онъ съ-молоду видитъ такое презрительное съ ней обращеніе, ее такъ унижаютъ всегда въ глазахъ его, и такія низкія понятія отъ самыхъ раннихъ лѣтъ внушаютъ ему о женскомъ полѣ, что мусульманинъ никогда не можетъ питать къ матери тѣхъ чувствъ сыновней любви, которыя питаютъ дѣти, рожденные между народами, отвергающими многоженство. Можно тутъ сдѣлать нѣкоторое исключеніе относительно тѣхъ дѣтей, которыя бываютъ рождены отъ матерей богатыхъ и знатныхъ. Ихъ не отталкиваетъ отъ матери презрительное обращеніе съ ней отца, потому-что мужъ богатой и знатной ханумы обходится съ ней всегда очень-почтительно; но низкія понятія о женщинѣ, въ которыхъ онѣ воспитаны, дѣйствуютъ и на нихъ, поэтому и они, хотя и воздаютъ должный почетъ богатымъ и знатнымъ матерямъ, но сердечнаго, искреннаго, вполне-сыновняго уваженія къ нимъ не питаютъ.

Судьба мусульманской женщины съ той поры, какъ она потеряла свою красоту и когда у нея отняли дѣтей, становится такъ безотраднa, безрадостна, что въ старости она представляетъ какое-то полумертвое существо, кое-какъ доживающее до конца своего земнаго странствованія.

Даже богатая и знатная ханума впадаетъ въ самую скучную, томительную апатію, отъ которой пробуждаются только тогда, когда имъ

представится случай вмѣшаться въ дѣла мужа, относящіяся до его политическаго положенія въ обществѣ. Онѣ вмѣшываются въ эти дѣла не изъ чего другаго, какъ отъ-нѣчего дѣлать, а возможность подобнаго развлеченія представляется имъ, и то отъ времени до времени, только въ такомъ случаѣ, если они успѣли сохранить до старости свои богатства, а знатные родственники ихъ не утратили еще своего политическаго вѣса. Безъ этихъ условій, даже богатымъ и знатымъ мусульманкамъ нѣтъ въ старости никакого развлеченія.

Для женъ незнатныхъ и наложницъ старость не представляетъ слишкомъ печальной участи только въ такомъ случаѣ, если онѣ, въ періодъ молодости, красоты и, слѣдовательно, извѣстнаго вліянія на мужа, успѣли выманить у него побольше денегъ и драгоценныхъ подарковъ, и потомъ приберечь все это, какъ говорится, на черный день: тогда онѣ и въ преклонныхъ лѣтахъ могутъ наслаждаться извѣстнаго рода довольствомъ, даже еслибъ мужъ, что очень-часто случается на мусульманскомъ Востоку, выгналъ ихъ подл старость изъ дому, какъ существа, ни на что ужъ болѣе ему ненужныя. Эта необходимость заботиться объ обеспеченіи своей будущности въ преклонныхъ лѣтахъ, значительно оправдываетъ мусульманокъ въ ихъ корыстолюбивомъ поведеніи относительно къ мужьямъ, которое почти на каждомъ шагу проглядывало въ продолженіе всей ихъ жизни, изложенной въ этой статьѣ. Не позволено ли мусульманской женщинѣ болѣе всего, а иногда и исключительно думать только о наживѣ отъ обладателя ея прелестей, когда изъ прошедшаго своего она вынесла только привычку смотрѣть на себя, какъ на товаръ, когда въ будущности ее ждетъ необходимость самой заботиться о средствахъ къ жизни, то-есть, жить на счетъ утраченной красоты, а въ противномъ случаѣ, или предаться какому-нибудь тяжелому ремеслу, на которое не всякая способна, или сдѣлаться нищею и жить подаяніемъ, или, наконецъ, что также нерѣдко случается, умереть отъ голода и другихъ лишеній?

Иныя мусульманки простираютъ эту заботливость о будущемъ слишкомъ-далеко и накапливаютъ такія суммы, что подл старость дѣлаются просто ростовщицами. Вотъ причина, почему въ Персіи такъ часто встрѣчаются старухи, промышляющія ростомъ денегъ.

Женщины, ничего не накопившія потому, что имъ не было случая накопить, или потому, что онѣ все, нажитое молодостью, въ молодости же и прожили, пристраиваются, если у нихъ нѣтъ мужей, въ какомъ-нибудь чужомъ домѣ, платя за хлѣбъ услугами, на какія чувствуютъ себя способными: страшною, стиркою бѣлья, колдовствомъ, захарствомъ,

леченьемъ , а иногда и просто угодничествомъ молодымъ барынямъ. Такое положеніе чаще всего достается на долю сига́мъ. Переходя изъ дома въ домъ, какъ временная наложница, и оставляя при временныхъ мужахъ своихъ даже дѣтей, отъ нихъ прижитыхъ, сига остается подъ старость болѣе одинока, чѣмъ всякая другая мусульманка и, не имѣя своего семейства, должна поневолѣ искать пріюта въ семействахъ чужихъ.

Тѣ изъ нихъ, которыя и на старости сохраняютъ еще бодрость и силы, устремляютъ всю свою дѣятельность на сватовство. Торговавъ большую часть жизни собственной молодостью, онѣ находятъ потомъ очень-приятнымъ для себя занятіемъ торговать молодостью чужою; да притомъ это занятіе бываетъ для нихъ и очень-выгодно: кто не имѣетъ надобности въ услугахъ свахи? Такихъ старухъ на мусульманскомъ Востокаъ множество. Онѣ смотрятъ на сватовство, какъ на средство къ пропитанію; бѣгаютъ изъ дома въ домъ, прискиваютъ жениховъ для невѣстъ и невѣстъ для жениховъ; не пренебрегаютъ также и ролью посредницъ въ любовныхъ интригахъ. Иныя предпочитаютъ даже это посредничество честному сватовству; выгоды бываютъ тутъ такъ велики, что можно забыть и страхъ побоевъ.

Тѣ женщины, которыхъ мужа оставляютъ у себя въ домѣ и на время старости, проводятъ послѣдніе дни свои въ сплетняхъ, перессоривая по нѣскольку разъ въ день весь домъ. Это имъ отчасти простиительно: при такомъ воспитаніи, которое онѣ получили, и послѣ жизни, которую вели въ молодости, имъ нечего другого и дѣлать въ старости. При проѣздѣ по мусульманскимъ улицамъ, изъ-за заборовъ домовъ только и слышатся, что брани да ссоры, и громче всѣхъ раздается всегда пискливый голосъ старухи, породившей ссору. Бездѣйствіе такъ мучитъ этихъ старухъ, что въ мусульманскомъ семействѣ, гдѣ есть хоть одна изъ нихъ, миръ и спокойствіе невозможны. Чего же ждать хорошаго, когда ихъ въ домѣ заведется нѣсколько? Присутствіе ихъ въ семействѣ такъ нестерпимо, что нельзя иногда слишкомъ обвинить мужей, которые выгоняютъ ихъ изъ дому; часто это дѣлается изъ желанія покоя.

Начавъ рассказъ о судьбѣ женщины на мусульманскомъ Востокаъ *ab ovo*, доведемъ его *usque ad malum*.

Мусульманка по-большей-части умираетъ никѣмъ-неоплаканная. Мужъ не прольетъ о ней ни слезинки; онъ радуется, что съ смертью ея уменьшается число бесполезныхъ нахлѣбницъ, или богатыхъ, но злыхъ барынь, тоже порядочно ему надоѣвшихъ; дѣти отняты у нея слыш-

комъ—рано и успѣли отъ нея отвыкнуть ; домашніе, окружавшіе, радуются, что избавились отъ ворчливой старухи. Женщина, оставшаяся до смерти при мужѣ, имѣетъ по—крайней—мѣрѣ то утѣшеніе, что умираетъ подъ своимъ кровомъ. Но несчастная, которая, за старостью лѣтъ, получила разводъ, и въ тотъ возрастъ, когда человѣку всего нужнѣе покой, сдѣлалась бездомовною скиталицей, умираетъ тамъ, гдѣ застанетъ ее смерть, не вида кругомъ себя ни одного роднаго лица.

С. ЧЕРНЯЕВЪ.

ЧЕЛОБИТНЫЯ XVII-ГО ВѢКА.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ СОБИРАТЕЛЯ.

Матеріалы для внѣшней, политической исторіи Россіи у насъ довольно-многочисленны и разнообразны. Археографическая Коммиссія, разныя правительственныя учрежденія, ученые общества и частныя лица собираютъ и обнаруживаютъ уцѣлѣвшіе памятники этого рода съ примѣрною дѣятельностью и постоянствомъ, такъ-что почти всѣ важнѣйшіе письменные памятники было уже изданы и сдѣланы общественнымъ достояніемъ. Масса остальныхъ, еще неизвѣстныхъ публикѣ, матеріаловъ, могущихъ разъяснить государственную жизнь древней Руси, не должна быть велика и многозначительна для исторіи. Но есть особая сторона въ жизни всякаго народа, обыкновенно мало-обращающая на себя вниманіе современниковъ, однакожь весьма-любопытная для потомства, это — домашняя повседневная жизнь народа. Памятники этого разряда вообще немногочисленны, потому-что ближайшее поколѣніе нисколько ими не дорожитъ; они и для позднѣйшаго потомства имѣютъ важность второстепенную и относительную. Представляемые нынѣ вниманію публики матеріалы принадлежатъ къ этому послѣднему разряду. Занимающійся изслѣдованіями отечественной исторіи, безъ-сомнѣнія, не пренебрежетъ ими; особенную же важность они составятъ для изучающаго древнюю этнографію Россіи. Императорское Археологическое Общество еще въ 1850 году назначило особую, яковлевскую премію за описаніе старинныхъ русскихъ одеждъ. Срокъ преміи истекъ уже въ 1852 году и мы не знаемъ, получило ли Общество удовлетворительные отвѣты на свою задачу; думаемъ, что нѣтъ, потому-что едва-ли возможно въ настоящее время приняться за рѣшеніе такой задачи, для которой очень-мало подготовлено матеріаловъ. Настоящее собраніе челобитныхъ много поможетъ рѣшенію этого вопроса.

Настоящія челобитныя извлечены нами изъ такъ-называемыхъ явочныхъ книгъ, хранищихся въ Новгородской Палатѣ Гражданскаго Суда. Само-собою разумѣется, что мы извлекли изъ нихъ только самое любопытное:

И. КУРІАНОВЪ.

Новгородъ.

1672 года.

1) Сентября 16 подалъ челобитную Новгородецъ, посадскій человекъ Уляшко Романовъ сынъ Пискулинъ. Въ прошломъ 177 году, по выбору пятиконецкихъ старость : Ѳедора Павлова съ товарищи и всѣхъ градскихъ людей, посланъ былъ онъ Уляшко къ Москвѣ съ товарищемъ своимъ съ Иваномъ Оконичниковымъ бити челомъ Великому Государю о всякихъ градскихъ дѣлахъ по заручнымъ и не по заручнымъ челобитнымъ. И онъ съ товарищемъ своимъ противъ градскихъ заручныхъ челобитенъ Великому Государю билъ челомъ на Москвѣ, и Великаго Государя грамоты въ Великій Новгородъ съ товарищемъ своимъ привезъ и отдалъ въ Земскую Избу. А будучи на Москвѣ затѣмъ градскимъ челобитиемъ, товарищъ его, Улянова, Ивашка Оконичниковъ занималъ деньги на градскіе расходы и его Уляшка въ кабалу въ заимщики писалъ, и вмѣсто его Уляшки руку прикладывалъ. А нынѣ въ великомъ Новѣгородѣ изъ Земскія Избы градскіе люди ему Уляшу Московскихъ проторей не платятъ; а онъ, Уляшъ, по тѣмъ Московскимъ заемнымъ кабаламъ, что займовано на мирской расходъ, съ товарищемъ платилъ онъ, Уляшъ, по выданной кабалѣ въ Великомъ Новѣгородѣ торговому человеку Константину Харламову двадцать-семь рублей съ полтиною и оттого вѣчно въ конецъ разорился.

2) Подалъ челобитную Князь Михайло Мышецкій. Въ нынѣшнемъ во 180 году, будучи въ Великомъ Новѣгородѣ, отдалъ онъ князь Михайло портному мастеру князь Иванову бобылю, князь Ѳедорова сына Мышецкаго, Мокейку Иванову шапку мужскую съ соболемъ испода убавить, вершокъ суконной, цвѣтомъ гвоздишной, а цѣна тое шапкѣ четыре рубли съ полтиною. А нынѣ тотъ портной мастеръ изъ Великаго Новгорода смелъ невѣдомо куда, а тое шапки ему, Князь Михайлу, не отдалъ. Челобитная положена въ явочную коробью.

3) Октября въ 14 день подали челобитную Осташковцы: патриаршь крестьянинъ Ивашко Сѣдельниковъ, да Осипова монастыря крестьянинъ Петрушка Прокинъ. Въ прошломъ—де во 179 году іюля въ 18 день въ Великомъ Новѣгородѣ подрядились они у дьяка у Ивана Рубцова, вести было имъ его Ивана и домовою его запасъ, и животы, что есть на лицо, изъ Великаго Новгорода нынѣшнимъ водянымъ путемъ—полоу рѣкою и горнымъ путемъ, и Волгою рѣкою, и сухимъ путемъ до Москвы. А почему—де ряжено съ пуда провозу, и то въ записи написано подлинно. А поставить было имъ суды въ Великомъ Новѣгородѣ подъ его Ивана, и вести его было того жъ мѣсяца въ 26 число, и они—де

на тотъ срокъ суды , и съ работниками подь его Ивана въ Великомъ Новѣгородѣ поставили, и онъ-де Иванъ ихъ держитъ и волочитъ долгое время и по се число, и въ тѣ суды не клася и не поѣхалъ , и шкоту нимъ и безпромыслицу учинилъ въ прѣсти большую , невѣдомо за что, и чтобъ Великій Государь пожаловалъ — велѣлъ челобитье ихъ записать.

4) Того жь дни подалъ челобитную сотникъ стрѣлецкой Леонтей Аристовъ. Въ нынѣшнемъ-де во 180 году по указу Великаго Государя, посыланъ былъ онъ въ Бѣжецкую патицу съ головою казачьимъ съ Автопомомъ Резановымъ, и изъ патины онъ голова послалъ его въ Великій Новгородъ , съ дворяны Осипа Апрѣлева съ товарищи , и съ нимъ послано было двадцать человекъ стрѣльцевъ. И ѣдучи дорогою онъ, сотникъ Леонтей, стрѣльцевъ ото всякаго дурна унималъ и обижать никого дорогою ѣдучи не велѣлъ, и они-де стрѣльцы его ни въ чемъ не слушали, и его Леонтея бранили и были противны. И Великій Государь пожаловать бы его Леонтея велѣлъ : челобитье его записать, чтобъ ему отъ нихъ стрѣлецкаго непослуанія въ конецъ не погннуть.

5) Октября въ 16 день подалъ челобитную вольной гулящей человекъ Петрушка Григорьевъ. Въ прошлыхъ-де годахъ, будучи на службѣ Великаго Государя на воеводствѣ на Веневѣ, взялъ-де его Петрушку Василей Кондратьевъ сынъ Овцынъ , жить у себя добровольно , и привезъ-де его Петрушку въ великій Новгородъ. И нынѣ-де его Петрушку, онъ Василей отъ себя отослалъ, а отпускной ему не далъ, а жилъ-де онъ Петрушка у него Василя добровольно , и крѣпости ему никакой на себя не далъ. И нынѣ-де онъ Василей изъ Великаго Новгорода съѣхалъ , а его Петрушку никто на дворъ къ себѣ не пускаетъ безъ указу Великаго Государя, и безъ записи держать у себя не смѣетъ.

6) Октября въ 23 день подалъ челобитную стрѣлецъ Московскаго Приказу Логинко Григорьевъ , на стрѣльца того жь Приказа на Стахейка Савельева. Въ прошломъ во 177 году Октября въ 12 день, въ Площадной Избѣ бранилъ-де онъ Стахейко его всякою бранью и угрожалъ ему всякими угрозы и похвалялся надъ нимъ и надъ доможъ его дурно учинить невѣдомо какое. И послѣ его Стахейковой похвалбы, того жь году декабря къ 15 числу, безъ него невѣдомые воры покрали у него домъ его, какъ онъ былъ въ посылкѣ : украли платья и судовъ мѣдныхъ и низанья жемчужнаго на пятнадцать рублей съ полтиною. И въ нынѣшнемъ въ 180 году октября въ 19 день , онъ же Стахейко въ Площадной Избѣ бранилъ его, и жену его, а говорилъ,

какъ онъ Логичко былъ въ посылкѣ и будто жена его Логичкова, животь его пробудила, а сказала, что будто украли. А какъ его покрали, и про то вѣдомо многимъ людямъ, и челобитье Великому Государю въ то число было, а жена-де его Логичкова за такимъ дурнымъ и за блудомъ не хаживала и нынѣ не ходитъ, и тѣмъ-де онъ Стахейко его обезчестилъ; а что покрадены животы его, то по его Стахейковой похвальбѣ и по наученью; да онъ же Стахейко впредъ на него похваляется всякимъ дурномъ.

7) Ноября въ 29 день подали челобитную Александровы пустыни Свирскаго Чудотворца игумень Макарей съ братією. Въ прошломъ-де во 179 году по указу Великаго Государя и Государева Богомольца преосвященнаго Питирима митрополита новгородскаго и великолупцаго писано къ нимъ въ монастырь, чтобъ имъ противъ иныхъ Новгородскихъ монастырей учинить слугамъ и служебникомъ, и конюхомъ имянной списокъ, и тотъ списокъ послать къ нему преосвященному Питириму митрополиту. И они къ нему преосвященному Питириму митрополиту писали, что у нихъ въ монастырѣ природныхъ и крѣпостныхъ и жаловальныхъ, и жеребейныхъ слугъ, и служебниковъ, и конюховъ нѣтъ: живутъ временно, Бога ради тружуются, со всѣхъ сторонъ, разныхъ чиновъ люди, а иные и изъ найму живутъ по году и по два, и кто сколько захотѣлъ; а которые и есть работники устарѣлые, чело-вѣкъ съ двадцать, и тѣ тружуются съ братією всякую монастырскую работу, и живутъ по своимъ волямъ — не захотѣлъ жить, и прочъ пошелъ; а неволить ихъ не почему, и на жалованье и на приказъ ихъ изъ монастыря противъ иныхъ монастырей посылать некуда, потому что вотчина небольшая и та близъ монастыря. И Государевъ богомолецъ преосвященный Питирий митрополитъ Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ писалъ къ намъ, чтобъ отнюдь именной списокъ написавъ прислать, и они-де по неволи именной списокъ слугамъ и служебникомъ и конюхомъ написавъ послали. И тѣ бывшіе работники, заслыша Великаго Государя указъ, что имена ихъ переписаны, изъ монастыря всѣ разбрелись. И буде по твоему Великаго Государя указу, тѣхъ ихъ работниковъ, къ какому дѣлу спросать, и имъ бы Великаго Государя въ опалѣ не быть, и чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ: велѣлъ челобитье ихъ записать.

8) Декабря 7 дня подали извѣтную челобитную Московскаго Приказу стрѣльцы Артюшка Тверсковъ да Васька Яковлевъ на губнаго на Ивана Васильева. Въ нынѣшнемъ-де во 180 году посланы они къ нему съ памятьми и съ книгами для денежнаго сбору и для дозорныхъ дѣлъ. И онъ-де губной собиралъ въ пятинѣ сверхъ наказу лишніа день-

ги ; и они учали ему говорить : что сверхъ наказу собираешь себѣ лишнія деньги . И онъ Иванъ за то ихъ билъ и подводы у нихъ отнялъ и отъ дѣла отказалъ , и они пришли изъ Миницкаго погоста въ Великій Новгородъ пѣши больша двухъ сотъ верстъ , и отписки у него просили и Иванъ—де отписки имъ не далъ .

9) Декабря въ 13 день подалъ извѣтную челобитную Новгородецъ посадской торговой челобѣкъ Макарей Трофимовъ . Въ нынѣшнемъ де во 180 году декабря къ 13 числу въ ночи покрали его Макарья воры въ домѣ , залѣзя въ окно изъ—подклѣтья , а живота вынесли : шапку женскую , вершокъ золотной ; ферези суконныя зеленныя съ пугвицы серебряными позолочены ; да ферези суконныя червленныя съ пугвицы серебряными въ тычки ; да ферези крашенинныя , нашивка кистная , да кафтанъ суконной и съ ожерельемъ , съ нашивкою шелковою , однорядочной ; да кафтанъ червленной суконной жъ ; да шубу дорожную желтую , мѣхъ корсачей , пугвицы серебряныя съ финифтомъ ; сукманъ новоробячей черленой , пугвицы серебряныя , сукманъ лазоревой съ нашивкою ; да сукманъ синей сермяжной безъ нашивки ; да сукно бѣлое сермяжное , да кафтанъ кумачной ребячей красной съ снуркомъ золоченымъ , да шапку суконную съ соболемъ черленную , робячью ; да платьѣ изъ коробокъ , рубашки мужскія и женскія ; да шуба подъ лазоревымъ сукномъ новая , снурокъ шелковой . А иног—де живота вскорѣ осмотрѣть не изуспѣлъ , и что объявится сверху покраденнаго живота , и тому всему покраденному животу будетъ у него роспись съ цѣною . И Великій Государь пожаловать бы его Макарья велѣлъ — челобитье и извѣтъ его записать .

10) Того жъ числа подалъ челобитную Шелонскія пятины Артемей Федоровъ сынъ Курицынъ на стрѣльца Новгородскаго Приказу на Ивана Тимошеева сына Бѣлозерова . Взялъ—де онъ у него сапожной мастеръ челобѣка его Анкидинка Антонова сапожнаго мастерства учить на выучку , чего онъ самъ умѣеть , мужскихъ и женскихъ сапоговъ , въ прошломъ во 179 году , а за мастерство взяти ему Ивану на немъ Артемѣ денегъ два рубли , да ржи четверть . И онъ—де Иванъ у него взялъ осмину ржи и достальнаго найму просить , а того челобѣка его не выучилъ сапожнаго мастерства , и покинулъ его учить въ сентябрѣ мѣсяцѣ и по се число того челобѣка его не учить , а самъ—де онъ Иванъ по деревнямъ ходить съ сапожнымъ дѣломъ , а найму—де своего на немъ Артемѣ просить .

11) Генваря 9-го дня подалъ челобитную площадной подъячій Игнашко Федоровъ . Въ нынѣшнемъ—де во 180 году писалъ онъ Игнашко на

площади записъ Денису Науому сыну Единову, и не доверша—де той записи, отдалъ онъ ему Денису руки прикладывать, и онъ Денисъ безъ его Игнашкова велѣнья велѣлъ руку приложить Фомы Иванову сыну Игнатъеву, и онъ—де Фома къ той записи руку приложилъ, и онъ де Денисъ выскребъ въ той записи въ трехъ мѣstechъ.

12) Подалъ челобитную Дружина Веревкинъ. Въ нынѣшнемъ—де во 180 году Генваря въ 5-й день былъ онъ въ тысяцкихъ у Семена Палицына, и будучи на свадьбѣ вдовинъ Татьянинъ сынъ Федоръ Диринъ назвалъ его Дружину плутомъ и тѣмъ онъ его обезчестилъ.

13) Февраля въ 21-й день подалъ челобитную Юрьи Ивановъ сынъ Картазовъ. Въ нынѣшнемъ 180 году ручался онъ Юрьи по Остафѣ Ивановъ сынъ Диринъ и приложилъ руку къ той записи вмѣсто Ефима Бибикова, по его велѣнью, не вѣдая того, что онъ Ефимъ самъ грамотъ умѣеть.

14) Октября въ 18-й день подалъ челобитную подъячей Микфоръ Андреевъ. Въ нынѣшнемъ—де во 180 году Октября къ 16 числу въ ночи, въ заутрени, бѣжалъ—де отъ него дворовой его человекъ Степашка Григорьевъ, а съ собою спесь пократчи живота его: перевязку жемчужную женскую, цѣною въ три рубля съ полтиною; да двѣ цѣпочки со кресты и съ пронизки серебряными, цѣна восемь рублей; да пухъ женской шапки бобровой, цѣна пять рублей. Да у брата его у Григорья, разломавъ подголовокъ, взялъ денегъ пятнадцать рублей 18 алтынъ 2 деньги; да ферези женскія дорогильныя, красныя, холодныя, съ пухомъ бобровымъ, съ пугвицы серебряными, подложенъ киндякомъ зеленымъ, цѣною въ шесть рублей съ полтиною; да платья, что было ему сдѣлано: шубу баранью да полукафтанье, цѣна два рубля съ полтиною; и чтобъ Великій Государь пожаловалъ его Микфора, велѣлъ челобитье его записать.

15) Ноября въ 3-й день подалъ челобитную посадскій человекъ Пентешка Ивановъ на посадскаго человекъ на его сосѣда Ефтифя Михайлова сына Сыромятника. Въ прошломъ—де во 179 году былъ у него Пентешка съ нимъ Ефтишкою по записи судъ, и, рняся за-то, похваляется на его Пентешку и на жену его и на дѣтей и на домъ его всякимъ дурномъ. И въ нынѣшнемъ—де во 180 году Ноября во 2-й день шелъ онъ Пентешка изъ Приказныя Палаты, въ ночи, въ третьемъ часу въ первой четверти; и какъ онъ, идучи къ своему дому, мимо его Ефтишкину двору шелъ, взглянувъ изъ окна, жена его Ефтишкина бранила его Пентешку всякою неподобною бранью и всякими угрозы угрожала. И какъ онъ въ домъ свой пришелъ, и въ тѣ поры изъ его

Ефтишкиныхъ хоромъ, изъ сѣней въ окна въ хоромы его каменьемъ бросали. И послѣ того зашедъ съ огорода, съ пустаго мѣста, въ хоромы жъ его бросали каменьемъ въ стѣны и въ окна со многими людьми, невѣдомо съ кѣмъ; а послѣ того и въ третій накопъ бросали жъ каменьемъ. И для ночнаго времени и пустоты ради вытти и выглянуть онъ Пентешка не смѣлъ, потомъ у него въ улицы съ сосѣдомъ ближнимъ явка была словесная. И нѣчто надъ нимъ Пентешкою и надъ семьею его и надъ домомъ учинится какое дурно по ихъ похвалѣбъ, и то все еще будетъ отъ его Ефтишки.

16) Подалъ челобитную Иванегородца посадскаго челоуѣка Григорьевская жена Карпова вдова Марья Семенова дочь. Въ нынѣшнемъ во 180 году іюля къ четвертомунадесять числу, въ ночи, покрали ее, приставя лѣстницу къ хоромамъ, воровскіе люди, и вынесли живота: котель мѣдной въ ведро, да крута нѣмецкая, мѣдная, въ ведро жъ, обѣ съ дугами; рукою мѣдной въ полведра; да два горшечка мѣдныхъ по полуведра; да подзатыльникъ жемчужной женскій, на немъ жемчугу полчетверта золотника, кромѣ звѣздокъ и кинители; коробью бѣлья, четыре скатерти бранныхъ длиною по два аршина; да три рубахи женскихъ, двѣ недодѣланы, новыя; два утиральника, зеркало съ книжкой, да гребень слововой большой, да подушка пуховая съ наволокомъ и съ застѣнкомъ дорогильнымъ. И тое лѣстницу о пяти ступеняхъ у избнаго окна воры оставили.

17) Подалъ извѣтную челобитную Никольскаго Бѣлаго Монастыря игуменъ Іосифъ съ братією. Въ нынѣшнемъ—де во 180 году февраля въ 5-й день того жъ Никольскаго Бѣлаго Монастыря пономарь старецъ Кириллъ топилъ трапезу, и изъ теплой трубы та трапеза загорѣлась, и у соборной церкви Николы Чудотворца глава сгорѣла, и та трапеза и паперть и со всякою церковною утварью сгорѣла, а что сгорѣло и сколько книгъ и всякой церковной утвари, и тому росписъ подъ сею челобитною. И чтобъ его игумена Іосифа Великій Государь пожаловалъ, челобитье его и извѣтъ записать. Росписъ Никольскаго Бѣлаго Монастыря, что сгорѣло въ монастырѣ: трапеза деревянная, а придѣлана была трапеза къ церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и на той церкви кровля и глава, да соборной церкви Николы Чудотворца кровля и глава, а побита была та глава бѣлымъ желѣзомъ; да у той соборной церкви паперть деревянная. Да въ церкви у Петра и Павла сгорѣло Божіа милосердія: образъ мѣстной Святыхъ Апостолъ Петра и Павла въ дѣянїяхъ, на краскахъ; двери царскія и столпцы и сѣнь писаны на краскахъ; деусусъ въ девять иконъ на краскахъ; образъ Воскресенія Христова писанъ на краскахъ, у образа целена,

а на пеленѣ вышитъ образъ Николы Чудотворца золотомъ и серебромъ; налой поволоченъ выбойкой, на немъ пелена изуфраная. Да въ алтарѣ Евангеліе на престольное печатное, въ десть; распятіе и евангелисты серебряные, басменные; крестъ благословящей обложенъ серебромъ басменнымъ, позолоченъ; другой крестъ благословящей писанъ на краскахъ; да на жертвенникѣ сосуды оловянные, ризы камчатая, бѣлая, плаченныя тафтою, ветхи, оплечье участокъ серебряной, подпущены дорогами полосатыми; двои ризы полотнянныя, патрахѣль камчатая, червчатая, опущена камкою бѣлою, на ней шестнадцать пугвиць серебряныхъ, девять кистей шелковыхъ, подложены крашениною; патрахѣль пестрядиная, подложена крашениною; поясъ шелковый съ кистями; поручи камчатая двоеличныя, на нихъ шестнадцать пугвиць серебряныхъ; поручи полукамки, синія, травчатая, пугвицы оловянная; поручи пестрядиныя; стихарь дорожильной, зеленой, оплечье отласное, золотное, опущенъ дорогами полосатыми, подложенъ полотномъ; два каддила мѣдныя съ кровлями; два укропника мѣдныя. Книги: Мечъ духовный, Псалтырь печатный, въ полдесть; Служебникъ новой печати; Часословъ новой печати, въ четверть; Апостолъ печатной, въ десть; Минея Общая печатная, въ десть; ѳилистимы печатныя, въ полдесть; двѣ Минеи — мѣсяцъ генварь да мѣсяцъ февраль, письменныя, въ полдесть; Прологъ харатейный, въ десть, съ сентября по мартъ; Канунникъ письменной на осьмь гласовъ, въ десть; Ермолой письменной, въ полдесть. Двѣ свѣчи мѣстныя, восковыя, налѣпы бѣлаго желѣза; лампада оловянная выносная; три лампы бѣлаго желѣза; семь окончинъ стекольчатыхъ. Челобитная подписана февраля въ 8-й день, а на челобитной помѣта дьяка Ермолая Воробьева 180 году февраля 8-го дня записать челобитье.

18) Подаль извѣтную челобитную Софійскій протопопъ Феоданъ Фоминъ. Въ нынѣшнемъ—де во 180 году февраля къ 15-му числу въ ночи, въ заутреню, покрали изъ избы: подголовокъ его вынесенъ и разломанъ на улицѣ, и выкрадено изъ него денегъ пятнадцать рублей изъ ящика, да шапку бархатную съ пухомъ бобровымъ поповскую, черлену, да бобра начатаго съ обоихъ концовъ, да три скульи, двѣ вишневыя, а третья свѣтловишневая. Шапкѣ цѣна три рубли съ полтиною, бобру цѣна два рубли съ полтиною, скульямъ цѣна 40 алтынъ; да ковшъ серебряной чеканной, цѣною 3 руб. 25 алт.; да чарку серебряную позолоченную, вѣсомъ три яшма, цѣною 2 рубли съ четвертью; да ожерелье мужское, цѣною 7 рублей.

19) Федоръ Костюринъ подаль челобитную на невѣдомыхъ воровъ. Въ прошломъ во 179 году въ іюнь мѣсяцѣ, къ пятницѣ, въ ночи,

покрали его Ѳедора воры платья: кафтанъ его Ѳедоровъ суконной холодной съ нашивкой серебряной, да шапку соболью подъ сукномъ малиновымъ съ петли жемчужными, да бумаженъ черной 10 аршинъ, да ошивка золотная женская, да блюдо оловянное, да тарелка, да наволочки подушечныя, а цѣна тому его Ѳедорову животу двадцать рублей.

20) Подаль челобитную князь Петръ Князь Ивановъ сынъ Мышецкой на Петра Васильева сына Скобельцына. Мимо-де деревню свою онъ Петръ ему, князь Петру, ѣздить не велить и къ церкви Божіей ему, князь Петру, приходить не велить и угрожаетъ ему, князь Петру, всякими угрозы и говорить онъ, Петръ Скобельцынъ, ему, князь Петру: какъ-де отъ церкви здорово отъѣдешь!.. А стала-де дорога мимо его Петрову усадьбу Скобельцына и церковь Божія въ его Петровъ усадьбѣ; а онъ, князь Петръ, и съ людьми и со крестьяны своими ругу тѣмъ церковнымъ причетникамъ даетъ и родители у него, князь Петра, у той церкви погребены.

21) Юня въ 1-й день подаль челобитную Переславля Залѣскаго Успенія Богородицы Горнскаго Монастыря бобыль Максимко Сергѣевъ. Въ нынѣшнемъ-де во 180 году, по завѣту, ходилъ онъ Максимко въ Печеры къ Богородицы помолвца, и нынѣ онъ Максимко пришелъ назадъ въ Великій Новгородъ, и присталъ на подворьѣ у посадскаго челоуѣка у Галактіона Флорова, и чтобъ его Максима Великій Государь пожаловалъ, велѣлъ ему здѣсь въ Великомъ Новгородѣ покоримтца хлѣбнымъ и колачнымъ промысломъ до зимнего пути.

22) Подаль явочную челобитную Приказной Палаты подъячей Иванъ Ивановъ. Въ нынѣшнемъ во 180 году по указу Великаго Государя посыланъ онъ былъ въ Бѣжецкую патину въ князь Алексѣево да въ князь Петрово помѣстье Мещерскихъ для оцѣнки и отдачи ихъ животовъ въ искъ стольника и полковника и главы Московскихъ стреляныхъ стрѣльцевъ Юрья Лутохина, и поставлено было у него Ивана для береженья въ Ковалевѣ Монастырѣ платье мужское и женское и жемчужная и серебряная кузнь на семьдесятъ на пять рублей на 16 алт. 4 ден. у отца его игумена въ его сѣнномъ чуланѣ, потому что жены его дома не было. И какъ отца его взяли въ Митрополичь Приказъ по составному ложному челобитью того жъ Ковалева Монастыря старца Сергѣя и служекъ Ѳедьки и Еремки съ товарищи, и отецъ-де его сидѣлъ въ смиреніи многое время. А какъ отецъ его въ смиреніи сидѣлъ, и тотъ сѣнной чуланъ подломанъ, и животы его, которые были у отца его поставлены, всѣ вынесены; а въ то время въ монастырѣ владѣли они келарь и слуги Ѳедка и Еремка съ товарищи, и чуланъ подломали они жъ. И въ томъ покраденномъ животѣ, безъ

его Ивана, отецъ его билъ челомъ великому Господину Преосвященному Пятирину Митрополиту Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, а въ Судномъ Приказѣ Архимандриту Іакову да дьяку Тимофею Тяплову, и они, противъ челобитья отца его, ихъ, келаря и слугъ, не спрашиваютъ, невѣдомо для чего.

23) Подалъ челобитную Ѳедоръ Дмитріевъ сынъ Павловъ. Въ нынѣшнемъ—де во 180 году билъ челомъ Великому Государю на него Ѳедора Михайло Богдановъ сынъ Путиловъ, что будто крестьянинъ его приставалъ у него Ѳедора, а въ челобитъ своемъ онъ, Михайло, написалъ его Ѳедора Чавунскимъ, а не Павловымъ, а онъ Ѳедоръ не Чавунской, а Павловъ, и тѣмъ онъ Михайло его Ѳедора обезчестилъ, и Великій Государь пожаловалъ бы его Ѳедора: велѣлъ челобитие его записать, а тое Михайлову челобитную Путилова, держать въ судномъ столѣ у дѣла, и его Ѳедорову челобитную къ дѣлу взять, чтобъ та его Михайлова челобитная о распросныхъ рѣчахъ не утералась.

24) Подалъ челобитную Новгородецъ посадской человекъ Лазарь Гавриловъ. Въ нынѣшнемъ—де во 180 году приставилъ онъ Лазарь въ брани своей и безчестьхъ посадскому человеку къ Якову Максиму сыну Солодожнику, что онъ, Яковъ, называлъ его Лазаря воромъ и племянниковъ и учениковъ его; и по той приставной памяти велѣно его дать на поруки къ суду, а нынѣ сидитъ онъ Яковъ у Государева дѣла у пятнадцатой деньги въ выборныхъ, и Окладной Голова къ суду въ томъ его иску его Якова имать приставу не велѣлъ.

1673 года.

25) Подалъ челобитную Микита Семеновъ. Въ нынѣшнемъ—де во 181 году мая въ 3 день билъ его Микиту братъ его родной Ѳеоктистъ Семеновъ иконникъ, и мучилъ всячески, и взялъ на него Микитку письмо, невѣдомо какое, а то письмо писалъ площадной подъячій у него Ѳеоктиста въ домъ по его Ѳеоктистову велѣнью, а не по его Микиткину, и велѣлъ ему Микиткѣ къ тому письму руку приложить сильно, и того письма ему Микиткѣ не вычелъ и самому ему вычитать не далъ того письма. И онъ Микитка, убоясь его бою и увѣчья, къ тому письму руку приложилъ, потому что жилъ у него въ домѣ, и сталъ онъ ему Микиткѣ грозить, и вонъ его Микитку съ двора своего не выпускалъ многое время. И Великій Государь пожаловать бы его Микитку велѣлъ: челобитие его и извѣтъ записать, а нынѣ на немъ Ѳеоктистъ ему Микиткѣ, искать неколи, потому—что малъ — искать того на немъ не смыслить, что на маломъ возрастѣ, и сродичей у него здѣсь нѣтъ.

26) Подалъ челобитную Новгородецъ посадскій человекъ Елисей Яковлевъ сынъ Иголкинъ. Въ нынѣшнемъ во 181 году мая въ 21 день сбѣжалъ отъ него Елисея работникъ его крѣпостной Петрушка Мартемьяновъ, и живота его Елисеева, серебрянаго и жемчужнаго, подломавъ ларчикъ, съ собою снесъ на пятьдесятъ рублей. И Великій Государь пожаловалъ бы его Елисея — велѣлъ челобитье его записать, а вѣчто-де тотъ его бѣглый работникъ гдѣ объявитца на воровствѣ или на разбоѣ, и въ приводѣ воровскомъ, и въ разбойномъ дѣлѣ, чтобъ ему Елисею отъ Великаго Государя въ пени не быть.

27) Юня въ 26 день подала челобитную посадскаго человека Григорьева жена Иванова сына красильника Наталка. Въ нынѣшнемъ-де во 181 году въ іюнѣ мѣсяцѣ мужъ ея Гришка на Кружечномъ дворѣ запылъ, и во хмѣлю умомъ рѣшился и на пропой деньги займуетъ: гдѣ займетъ гривну, а кабалу дастъ въ рубль, а иныя кабалы заставляеть писать и безденежно, и тѣ кабалы безъ его, мужа ее, вершать. Да онъ же мужъ ее, Гришка, занялъ у площаднаго у Яшки Киселя денегъ гривну, а кабалу далъ въ рубль; да онъ же, мужъ ее Гришка, хмѣлевыхъ гнѣздъ съ пятьдесятъ продалъ, взялъ полполтины, а купчую далъ въ двухъ рубляхъ, и нынѣ валяется на кабацѣ и деньги на пропой займуетъ; а кабалы у него во многихъ деньгахъ, а она съ дѣтми про то не вѣдаетъ.

28) Подалъ челобитную помѣстнаго стола подъячій Иванъ Алексѣевъ Большаго Приходу на подъячихъ на Бориса Козынина да на Михайла Рябинина. Нынѣшняго-де іюля мѣсяца 18 числа, рьясь на него Ивана невѣдомо за что, умысля собою, написали въ докладъ подъячіе выписку объ указѣ докладывать твоего Государева боярина и воеводы Петра Васильевича Шереметева да дьяка Ивана Степанова, которые доимочные деньги, до взятя по счету, у нихъ же подъячихъ въ давныхъ годехъ зронены со 173 году: на Иванѣ Канмановѣ, оброчныхъ денегъ съ садовъ и съ огородовъ и на черныхъ прогольныхъ недоиматныхъ пятьдесятъ два рубля тринадцать алтынъ, на Васкѣ Васильевѣ пошляинныхъ денегъ двадцать четыре рубля полдесяты деньги. И въ тѣхъ деньгахъ тѣ подъячіе многіе годы сидѣли въ Приказной Палатѣ, за рѣшоткой и подъ Приказной Палатой, а нынѣ имъ велѣно быть попрежнему въ Приказной Палатѣ въ подъячихъ. А въ докладной выпискѣ тѣ подъячіе Борисъ и Михайло написали, чтобъ тѣ деньги съ тѣхъ подъячихъ имать ему Ивану и относить въ Большой Приходъ, и тое-де докладную выписку о нихъ подъячіе принесли къ помѣтѣ на столъ къ дьяку Ивану Степанову, и тое выписку дьякъ Иванъ Степановъ, высмотря, не помѣтилъ для того, что тѣ деньги семьдесятъ

шесть рублевъ четырнадцать алтынъ полъ-третьи деньги по тому ихъ письму къ смѣтному списку къ приличію во взятѣ, будутъ на немъ Иванъ. И Великій Государь пожаловалъ бы его Ивана — велѣлъ челобитье его и извѣтъ записать, чтобъ ему Ивану отъ нихъ подъячимъ, отъ Бориса и Михайла, въ томъ въ конецъ не погнунуть.

29) Подалъ челобитную Новгородецъ посадскій человекъ Степанъ Микифоровъ сынъ Солодовникъ Кружечнаго двора на голову на Степана Тимофеева сына Тихонова и на ларечнаго на Михайла Микифорова сына Клукина съ цѣловальники. Въ нынѣшнемъ—де во 181 году по указу Великаго Государя прислана память къ нему головѣ и къ ларечному съ цѣловальники, а велѣно ему головѣ Степану и ларечному съ цѣловальники у него Степана принять подряднаго вина на Кружечный дворъ тысячу ведръ. И онъ голова Степанъ Тихоновъ и ларечной съ цѣловальники у него Степана то вино тысячу ведръ принималъ все сполна и съ наливочными кружками, и онъ голова Степанъ Тихоновъ и ларечной съ цѣловальники въ томъ подрядномъ приѣмномъ винѣ ему росписки не дѣють, и имъ волочать и убытчать многое время, и за тое ихъ роспискою ему Степану изъ Приказной Палаты за то вино денегъ не выдаютъ, а ему Степану и товарищемъ его отъ его Степана Тихонова въ товарномъ дѣлѣ протори и убытки большія чинятся. А того—де вина они приняли по счету мѣриковъ двадцать три; да онъ же Степанъ Тихоновъ ималъ своимъ самовольствомъ у всякаго мѣрика вина по ведру и по полтора ведра, да у того жъ мѣрика у его Степана были воскомъ края навощены, чего прежь сего не бывало. И Великій Государь пожаловать его Степана велѣлъ — челобитье его записать.

30) Августа 30 дня подалъ челобитную посадскій человекъ Ивашко Степановъ на пришлаго человека на Нижегородца на Гришку Ивашова. Въ нынѣшнемъ—де во 181 году сговорился онъ Гришка съ нимъ словесно, безъ записи, что выучить было ему его Ивашка красныхъ сафьяновъ по кизилбашски дѣлать, а ему Гришкѣ, на промѣнъ того ученья, научится желтыхъ и зеленыхъ сафьяновъ дѣлать. И онъ—де Гришка, будучи у него и живучи въ домѣ, промыслу его желтыхъ и зеленыхъ сафьяновъ дѣлать научился, а красныхъ сафьяновъ по сговору его, Ивашка, не выучилъ, и тѣмъ его проманилъ и промыселъ выманилъ. Да онъ же Гришка, укратчи у него Ивашка, снесъ женскую цѣпочку со кресты, цѣною въ пять рублей да подзатыльникъ жемчужной въ семь рублевъ.

31) Подалъ челобитную Иванъ Клеменьтевъ сынъ Ушаковъ. Въ нынѣшнемъ—де во 181 году, по указу Великаго Государя, иманъ былъ

крестьянинъ его Парфенко Ларіоновъ въ какихъ будетъ непристойныхъ письмахъ, и въ тѣхъ письмахъ былъ пытанъ и послѣ пытки освобоженъ; а онъ-де Иванъ про такое его неистовство не вѣдаетъ, и Великій Государь пожаловать его велѣлъ: челобитье его записать — нечто отъ него какое впредь неистовство учинится, чтобъ ему отъ Великаго Государя въ пени не быть.

32) Подалъ челобитную Порфирей Федоровъ сынъ Лодыженскій. Въ прошломъ въ 165 году сдала ему теща его Ларіоновская жена Татишева вдова Овдотья прожиточное свое помѣстье въ Шелонской пятинѣ въ Бѣльенскомъ да въ Бѣльскомъ погостѣхъ сто двадцать четвертей съ осминою, и отдѣлять ему теща того помѣстья безъ записи не велѣла. И онъ, Порфирей, ѣдучи на Государеву службу, договорясь съ тещею своею, чтобъ ей написать безъ него запись, чтобъ ее поить и кормить, и приложилъ онъ Порфирей руку къ порозжему столпцу, потому-что, ѣдучи на Государеву службу, писать было ему записи неколи. И въ прошломъ во 174 году съѣхала тещи его на Луки къ зятю къ Степану Аванасьеву сыну Лаврову, и тотъ столбецъ порозжей за его рукою свезла съ собою. И судомъ Божиимъ теща его на Лукахъ Великихъ у него Степана Лаврова въ домѣ не стало, и тотъ порозжий столбецъ за него рукою у него Степана. И Великій Государь пожаловать бы его Порфирья: велѣлъ челобитье его и извѣтъ записать, чтобъ ему въ томъ вѣчно не раззорится.

33) Подалъ челобитную Иванъ Игнатьевъ сынъ Еремѣевъ. Въ нынѣшнемъ-де во 181 году марта въ 18 день, платилъ онъ въ казну Великаго Государя сухари и толокно, и подъячій Семень Протопоповъ взялъ у него ножикъ цѣной въ двадцать три алтына, и того ножика не отдаеть невѣдомо за что.

34) Подалъ челобитную Иванъ Ожогинъ. Въ нынѣшнемъ-де во 181 году приставилъ къ нему Ивану и къ крестьяномъ его и на брата его Никифора Тихонъ Бестужевъ, поклепавъ напрасно убытками семьюдесять рублями, и, видя свою неправду противъ записныхъ ставокъ, не искалъ, и въ томъ ему Ивану для Государевой службы отрочено, а крестьянамъ безъ насъ отвѣчать нельзя, потому что время пашенное приставаеть, а на пашенныхъ людей, по твоему Великаго Государя указу, апрѣля съ перваго числа до октября по первое жъ число, суда давать не указано. А нынѣ онъ Тихонъ, видя свою неправду, не искалъ для того, чтобъ, выждавъ его Ивана изъ Новагорода, и то видя, что брать его на Москвѣ, безъ насъ, Ивана да Никифора, крестьянишекъ изволочить и изубытчить напрасно.

35) Сентября въ 11 день подалъ челобитную посадскій человекъ Куземка Федоровъ на вѣдомаго вора на Тимошку Ларионова съ товарищи. Въ нынѣшнемъ—де во 182 году сентября въ 10 день шелъ онъ Козьма съ Федоровы улицы, въ вечеру, изъ гостей, съ свадьбы, съ женою своею, и онъ Тимошка съ товарищи, подвидя его Козьму хмѣльня, и созади огородомъ изогородъ подломали и вломилсь созади въ избу въ окно, и вынесли живота его Козмина: однорядку малиновую женскую съ нарядомъ, да шапку женскую золотную, да ферези камчатая женскія съ нарядомъ, красныя, да другія ферези суконныя красныя съ нарядомъ, да тутъ же былъ въ избѣ на полѣхъ подобрусникъ женской съ подзатыльникомъ жемчужнымъ, да фату красную бумажную, да два котла мѣдныхъ по ведру, да два кафтана — одинъ верхній лазоревой, а другой исподней стамедной. И всего моего живота вынесли на шестьдесятъ на пять рублей съ полтиною.

36) Октября въ 3 день подалъ челобитную посадскій человекъ Сенька Степановъ. Въ нынѣшнемъ—де во 182 году Сентября въ 28 день пристала свинья супоросая къ его Славенскому стаду и у него во дворѣ поросилась, а хозяинъ тое свиньи никто не выискался, и нынѣ та свинья у него Сеньки съ поросятами, и чтобъ ему Сеньки отъ того въ пени не быть.

37) Октября въ 6 день подалъ челобитную гулящей человекъ Степашко Яковлевъ. Въ прошломъ во 181 году нанялъ его работать Свейскіе земля иноземецъ Иванъ Денинъ, и онъ—де у него работалъ, и по обѣщанію ходилъ въ Печеры къ Пречистые Богородицы, и изъ Печерь пришелъ въ Великій Новгородъ, и въ Великомъ Новгородѣ безъ указу на дворъ нигдѣ для пристани не пуцають, а онъ—де Иванъ найму ему не далъ за прошлый за 181 годъ, а по договору взять было денегъ три рубли да двой сапоги да рукавицы.

38) Подалъ челобитную Мокей Ивановъ сынъ Пустошкинъ. Судомъ Божимъ жена его Катерина ума рехнулась: на лѣсъ бѣгаетъ и живетъ на лѣсу дни по три и по четыре и больши, лѣтомъ и зимою, не ѣвши, и косы у себя обрѣзала и ходитъ простоволоса, и его бранитъ всякими неподобными словами, и говоритъ всякія непристойныя рѣчи, и дѣтей—сиротъ мучить. И чтобъ его челобитье записать, чтобъ она умовредная жена его надъ собою или надъ инымъ кѣмъ дурна не учинила, или какія непристойныя станеть слова говорить, чтобъ тѣмъ людямъ обидно не было, и ему Мокею въ пени не быть.

40) Подалъ челобитную Семень Ивановъ сынъ Судоконъ на стрѣльца Московскаго Приказу на Лазутку Фомина, что онъ Лазутка пишется Судоконимъ и ихъ тѣмъ безчестить; а ихъ родители въ такихъ низ-

кихъ и безчестныхъ чинехъ не бывали, и чтобъ его Лазутку распросить, почему онъ пишется Судокowymъ и ихъ тѣмъ безчестять, и не велѣлъ бы Государь ему впредь писаться Судокowymъ и въ чужой родъ вклепыватца, чтобъ имъ и по нихъ родителемъ впредь для него Лазутку пороку не было. И на челобитной помѣта: велѣно его Лазутку распросить. А въ разпросѣ онъ Лазутка сказалъ: въ прошлѣхъ—де годехъ отецъ его Лазуткинъ и дѣдъ Федька служили Великому Государю въ стрѣльцахъ съ Нѣмецкаго раззоренія, а писалися и слыли Судокowymi, а почему они писалися и слыли Судокowymi, про то онъ Лазутка не вѣдаетъ, потому что отъ отца своего остался малъ, и по тому прозвищу дѣда и отца своего онъ Лазутка и пишется Судокowymъ, а въ тотъ родъ Семена Судкова онъ Лазутка не причитаетца. А позади распросныхъ рѣчей писать: къ симъ своимъ допроснымъ рѣчамъ площадной подъячій Лазорко Фоминъ прозвище Судокowъ руку приложилъ.

41) Декабря 9 дня подалъ явочную челобитную Фугыня монастыря бывшей стряпчей Ульянъ Копытовъ. Въ прошломъ—де во 173 году по указу Великаго Государя и по грамотамъ велѣно съ Новгородскихъ со всѣхъ монастырей съ крестьянскихъ съ пятнадцати дворовъ взять въ полкъ къ боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому даточнаго челоуѣка. И по челобитью и по приказу Юрьева монастыря бывшаго Архимандрита Феодосія и иныхъ Новгородскихъ монастырей степенныхъ властей билъ челомъ Великому Государю онъ Ульянъ на Москвѣ ото всѣхъ монастырей и двѣ грамоти Великаго Государя привезъ: грамоту въ полкъ къ боярину и ко князю Ивану Андреевичу Хованскому съ товарищи, а другую въ Великій Новгородъ къ боярину къ князю Василью Григорьевичу Ромодановскому. А велѣно по указу Великаго Государя на службу Великаго Государя взять Новгородскихъ монастырей съ вотчинныхъ съ крестьянскихъ съ тридцати дворовъ даточнаго коннаго, а не съ пятнадцати дворовъ, а до челобитья указано было взять даточнаго коннаго съ пятнадцати дворовъ; и отъ тѣхъ—де грамотъ на пошлины и на приказные и на всякіе расходы на Москвѣ онъ, Ульянъ, занявъ, платилъ деньги. И съ докладу Преосвященнаго Питирима Митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго Юрьева монастыря бывшей архимандритъ Феодосій и иныя степенныя власти разложили на пошлины и на всякіе приказные расходы и ему Ульяну за волокиту съ крестьянскихъ дворовъ — со всякаго крестьянскаго двора по пяти денегъ. И степенныхъ монастырей власти и рядовые иные монастыри тѣ деньги по роскладу съ двороваго числа ему Ульяну платили, а изъ Фугынскаго монастыря тѣхъ денегъ по роскладу съ двороваго числа — съ восьми сотъ съ девяноста съ пяти дворовъ не платили. И въ прошломъ—

де во 179 году о тѣхъ деньгахъ онъ Ульянъ бывшему архимандриту Юсефу съ братією билъ челомъ и челобитную подавалъ , и о тѣхъ расходныхъ деньгахъ указу ему не учинено. И въ прошломъ же во 176 году, какъ онъ Ульянъ въ томъ Оутынскомъ монастырѣ жилъ, и по указу бывшаго архимандрита Юсефа съ братією для Великаго Государя дѣлъ на службу Великаго Государя солдатскіе высылки и драгунскіе переписи и для денежнаго сбора разныхъ людей на жалованье и подъемныхъ повѣренныхъ денегъ и стрѣлцакаго хлѣба и для сошлыхъ крестьянъ выводу и монастырскихъ всякихъ и крестьянскихъ дѣлъ и по челобитью Рыборѣцкія волости крестьянина Еуфоника Елисеева съ товарищи въ якорномъ дѣлѣ посланъ былъ онъ Ульянъ въ городъ на Олонецъ, и для крестьянскаго выводу въ городѣ на Олонцѣ отъ памятей и для иныхъ монастырскихъ дѣлъ и , поднимая подъячаго и стрѣльцевъ для крестьянскаго выводу, учинилось ему убытковъ на шестнадцать рублевъ съ полтиною , да подъячому дана кабала отъ монастырскаго дѣла , отъ крестьянскаго выводу, за работу, въ десяти рублехъ. И тѣхъ-де расходныхъ денегъ ему изъ монастырскаго казны и подъячому не дано , а подъячей Олонецкой въ тѣхъ десяти рублехъ къ нему приставляеть, волочить и убытчить , а то дѣло монастырское по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ сыскано , и описано въ монастырь сошлыхъ крестьянъ восемнадцать семей. И въ нынѣшнемъ-де во 182 году въ тѣхъ своихъ расходныхъ деньгахъ бити челомъ некому, а келарь Хутыня монастыря Самсонъ съ братією по челобитнымъ его , которыя поданы во 182 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ, никакова указу по тѣмъ челобитнымъ не учинилъ , и чтобъ Великій Государь его пожаловалъ — велѣлъ челобитье его записать.

42) Подала челобитную явочную посадскаго человека Григорьева жепя Анкудинова Устиньца. Въ нынѣшнемъ де во 182 году сентября къ 10 числу, въ ноци, покрали ее Устиньцу съ двора ее приданнаго ее живота платья: ферези крашенинныя съ пухожъ, холодныя, да сукманъ синей крашенинной, да кафтанъ мужа ее однорядочной, вишневой, да дѣвичьи ферези частопугвичныя ; да изголовье пернатое ; да котель мѣдной зеленой ; да сковородка бѣлая мѣдная ; да цѣпочка со кресты; да серьги съ жемчугомъ съ каменемъ воровиками , и двѣ скатерти новыя бранныя , да бѣлье и наволочки красныя , три полотна точива тонкова, да тринадцать рубахъ женскихъ, да мужская рубаха, да робячыхъ мужскихъ и женскихъ девять рубахъ, да десять сорокъ бранныхъ новыхъ, да четыре очелья бранныхъ , да шкляночка, да ветчаныхъ рубахъ носячихъ коробку въ полъ-осмины, и всего того ее живота покрали на двадцать рублевъ.

43) Подалъ челобитную извѣтную сотникъ стрѣлецкой Кирьянъ Леденцовъ на стрѣльцевъ, которые были съ нимъ, Кирьяномъ, по Государеву указу посланы въ Шелонскую пятину для табачныхъ отбоекъ, и они, стрѣльцы, ѣдучи, его не слушали — иные прочь отъ него отъѣзжали по сторонамъ, а что они, отъѣзжая по сторонамъ, какое дурно чинили, и про то онъ не вѣдаетъ. А которые стрѣльцы прочь отъѣзжали и его Кирьяна не слушали, и тѣмъ стрѣльцамъ будетъ у него именная роспись подъ его челобитною; нѣчто отъ кого будетъ челобитье, чтобъ ему Кирьяну въ напраснѣ отъ нихъ въ копець не погнать.

44) Подалъ челобитную вмѣсто Василья Митрофанова сына Самарина Иванъ Спячей, что взять ему Василью по заемнымъ кабаламъ на посадскомъ человекѣ на Андрей Масленниковъ съ товарищи денегъ двѣсти сорокъ рублей, а въ кабалахъ своихъ они написали: кто изъ нихъ заимщиковъ будетъ въ лицахъ и кто будетъ лѣбъ, на томъ тѣ деньги взять безъ розговору. И въ тѣхъ заемныхъ деньгахъ билъ челомъ Великому Государю онъ Василей на него Андрея съ товарищи, и онъ Андрей по тѣмъ заемнымъ кабаламъ тѣхъ денегъ не платилъ, и его Василья волочилъ и убытчилъ многое время, а пынѣ имъ сказана Великаго Государя служба, и онъ Василей въ ихъ неросплатѣ занялъ у стряпчаго у Дмитрея Тимофеева сына Еремѣева денегъ двѣсти сорокъ рублей, и въ тѣхъ деньгахъ заложилъ онъ Василей ему Дмитрею платя своего на триста рублей, и то платя мыши попортили и перегнило, и въ томъ учинилась ему Василью въ ихъ неросплатѣ убытка на двѣсти рублей.

1674 года.

45) Подалъ явочную челобитную Балахонскаго уѣзду Городецкой волости Нижней Слободы Тимошка Степановъ каменнаго дѣла подмастерье. Въ прошломъ во 179 году подрядилъ его Тимошку Степанова Старорумяннинъ посадскій человекъ Иванъ Васильевъ сынъ прозвище Тверъ сдѣлать церковь въ Старой Русѣ во имя Живоначальныя Троицы, каменную, на посадѣ, и запись на него Тимошку подрядную онъ Иванъ взялъ. Съ договоромъ у него Тимошки съ нимъ Иваномъ была запись: известъ, и кирпичъ, и камень и песокъ ставить ему Ивану, а каменщики и работники въ записи написаны его Тимошкины и взять было ему у него Ивана за то церковное дѣло по договору денегъ триста пятьдесятъ рублей, а онъ Тимошка у него Ивана тѣхъ денегъ сто шестьдесятъ рублей взялъ, а донять было ему Тимошки на немъ по

договорной записи денегъ сто девяносто рублей. И тое церковь онъ Тимошка сдѣлалъ по самую стопу. И въ прошломъ во 179 и во 180 году по два лѣта онъ Тимошка съ каменщици двѣнадцать человекъ безъ дѣла гуляютъ, а каменщиковъ кормить и поить онъ Тимошка, а онъ Иванъ запасу кирпичу не даетъ и отъ дѣла ему Тимошки отказалъ при многихъ стороннихъ людехъ, а на иное дѣло наняться онъ не смѣетъ, что записъ въ томъ каменномъ дѣлѣ у него Ивана, и волочится онъ безъ дѣла другой годъ и въ томъ ему Тимошки учинились убытки большіе.

46) Подалъ явочную челобитную посадскій человекъ Симонъ Яковлевъ сынъ Козыревъ. Въ нынѣшнемъ во 182 году Марта къ 1 числу, въ другомъ часу ночи, шелъ онъ Симонъ отъ отца своего духовнаго жены его отъ Иванскаго попа отъ Федора Козьмина съ женою своею да съ сыномъ. И какъ пришелъ въ Нутную улицу къ себѣ и, будучи противъ двора посадскаго человекъ Константина шапочника и набѣжавъ невѣдомо какіе люди, два человекъ, съ жены его схватили шапку съ золотнымъ верхкомъ, да волосникъ жемчужной съ подвѣски жемчужными и съ подбрусникомъ и съ подзатыльникомъ жемчужными же, цѣною на двадцать на пять рублей. И схвативъ тое шапку съ тѣмъ со всѣмъ пробѣжали въ Бордову улицу, а онъ, Симонъ, въ то время былъ хмѣленъ, а сынъ его малъ и гнаться за ними не посмѣлъ для того, что въ тое улицы жилицкихъ людей мало. И чтобъ Великій Государь пожаловалъ его — велѣлъ челобитье записать.

47) Мая въ 26 день подалъ явочную челобитную Новгородецъ посадскій человекъ Бориска Скаловъ на Торопянь посадскихъ людей на земскаго старосту Федька Иванова сына Ворыпаева съ товарищи. Въ нынѣшнемъ—де во 182 году ѣхалъ онъ Бориско изъ Великаго Новгорода въ Смоленскъ для торговли, а изъ Смоленска ѣхать было ему Бориску на ярмонку въ Лукомле; и какъ онъ былъ въ Торопцѣ, и онъ—де земской староста Федька Ворыпаевъ съ тозарищи его Бориска, безъ указа Великаго Государя, своимъ насильствомъ, приказали взять своимъ земскимъ приставамъ, и велѣли посадить въ тюрьму, невѣдомо за что, для своей бездѣльной корысти, и держали въ тюрьмѣ многое время, и велѣли дать его своимъ самовольствомъ на поруки по своей земской памяти, чтобъ ему, изъ Смоленска ѣдучи, объявиться въ земской избѣ, и велѣли порутчикамъ въ той памяти руки приложить. И отъ ихъ задержанья, что они его Бориска задержали въ Торопцѣ съ товаромъ, на Лукомскую ярмонку ко Сборному Воскресенью не успѣлъ и отъ тое задержки товаръ остался не проданъ, а отъ того учинилося въ товарѣ накладу и убытковъ и волокиты на пятьдесятъ рублей.

48) Подаль явочную челобитную посадкій человекъ Федоръ Клементьевъ. Въ прошломъ въ 181 году былъ онъ на Москвѣ для дѣла и безъ него покрали невѣдомые воры дворъ его, а вынесли животовъ его: шесть берковцевъ сала, цѣною двадцать четыре рубля; да десять шлякъ — шесть большихъ да четыре маленькихъ, цѣна четыре рубля; да обиходъ знаменской, Охтай, ермосы и праздники — цѣна семь рублей; да сметокъ овчинный—цѣной два рубля; шесть топоровъ—цѣной двадцать алтынъ; горшокъ мѣдной — цѣной рубль; да хмѣлю 45 пудъ — цѣна за пудъ по шти рублей; да противень мѣдной, луженой, полтора ведра — цѣна два рубля; да два сафьяна зеленые — цѣной два рубля; да шесть пудъ желѣза полицъ нѣмецкихъ — цѣной шесть рублей; да кабаль на 30 рублей; да всякаго живота, платья и серебряной кухни вынесли на 20 рублей съ полтиною.

49) Подаль челобитную явочную вмѣсто вдовы Федосьи Кузминской жены Лутохина Никита Арцыбашевъ. Въ нынѣшнемъ—де во 182 году мая противъ седьмаго числа приходили на дворъ ее и въ хоромы тати и покрали статки ее, и Великій Государь пожаловать бы ее вдову Федосью велѣлъ — челобитье ее и явку записать. А что животовъ покрали, и тому роспись подъ сею челобитною. Роспись кражъ: тридцать торелей, 12 блюдъ оловянныхъ — пудъ съ четвертью; два оловяника, да кружка да судочикъ оловянные — въ пудъ; миса, два рассольника, судки столовые оловянные — четырнадцать гривенокъ; пять сковородокъ бѣлыхъ, да ядова, да горшечикъ, да котелокъ зеленой, да веко мѣдные — тридцать гривенокъ, а цѣна олову и мѣди — почему купятъ въ торгу въ нынѣшнихъ числахъ; да пряжи тонкой сто пасовъ — по пяти алтынъ десятина; шерстяныя пряжи двѣнадцать пасовъ — въ полтину пасьмо; мяса соленого вывѣшеннаго свиного пять тушь—туша по двадцати шести алтынъ по четыре деньги; шапка женская, четыре рубля; да фerezи тафтяныя зеленые три рубля съ полтиною, а другія крашенныя восемь гривенъ; да шуба кивдячная темнозеленая, поношена, въ 2 рубля; двадцать рубахъ женскихъ 12 рублей; четыре рубашки красныхъ дитячьихъ съ порты—три рубля съ полтиною; 20 аршинъ холсту тонкаго на 2 рубли.

50) Подаль челобитную Приказныя Палаты приставъ Тимошка Яковлевъ на двороваго пушкаря на Сергушку Михайлова. Въ нынѣшнемъ—де во 182 году генваря въ 28 день въ четвертомъ часу ночи пришелъ онъ Сергушка въ Пушкарскую улицу на дворъ къ приставу къ Дмитрею Семенову невѣдомо по что, и онъ Сергѣй отъ него Дмитрія изъ избы письма его покралъ изъ карманцевъ, а въ томъ карманцѣ была на него Сергушку запись въ прежнемъ его убійствѣ, что онъ Сергуш-

ка его Тимошку билъ прежде сего до умертвія, и тоя записъ онъ Сергѣй до концевъ подраля.

51) Подали челобитную Новгородцы посадскіе люди—Гришка Семеновъ, Сенька Петровъ, Ромашко Ивановъ, Тимошка Ивановъ, Данилка Аверкиевъ, Левка Михайловъ и Микифорко Марковъ. Въ нынѣшнемъ во 182 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ извѣщали на нихъ Великому Государю, а въ Приказной Палатѣ боярину и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву да дьяку Ивану Степанову, невѣдомо кто, тайнымъ словеснымъ ложнымъ извѣтомъ, будто они, пришедъ въ Земскую Избу, всякія градскія дѣла спорять и къ выборамъ мірскіе люди рукъ не прикладываютъ будто для ихъ спору, а они въ Земской Избѣ никакихъ градскихъ дѣлъ не спаривали. А прежде сего въ прошломъ во 179 году въ іюль мѣсяцѣ въ 11 числѣ извѣщали на нихъ гость Семенъ Гавриловъ да Василей Жулевъ и Василей Агѣевъ съ товарищи, также ложно челобитную подали въ Приказной Палатѣ за руками боярину и воеводѣ князю Ивану Петровичу Пронскому да дьяку Ермолаю Воробьеву, а они отъ того ложнаго челобитья и извѣту мучимы были напрасно и разорены до основанія, а товарищъ ихъ Ивашко отъ такова ложнаго челобитья и извѣту и непомятаго мученія преставился; а нынѣ-де они, кромя тѣхъ своихъ прежнихъ недруговъ и разорителей Василья Жулева и Василья Агѣева, Якова Парамонова съ товарищи, на себя супостатовъ не вѣдаютъ. И Великій Государь пожаловалъ бы ихъ— не велѣлъ тому тайному словесному ложному извѣту повѣрять и велѣлъ бы имъ съ тѣми словесными извѣтчиками очныя ставки дать, чтобъ имъ отъ такихъ тайныхъ ложныхъ словесныхъ извѣтовъ по прежнему напрасно изувѣченнымъ и разореннымъ не быть и въ конецъ вѣчно не погибнуть, и чтобъ ихъ челобитье и явку записать, а челобитную—къ прежнему дѣлу взять. Помѣта дьяка—взять челобитную и записать.

52) Подалъ челобитную Иванъ Качаловъ. Въ нынѣшнемъ-де во 182 году на Святой недѣли былъ у него на подворьѣ площадной подъячій Янка Киселевъ, и въ то время укралъ ядунку участочную, цѣною полтретья рубли, да шапку вишневою съ соболемъ, исподъ черной, цѣной два рубли, и искать было ему Ивану недосужно, какъ онъ провѣдалъ, потому что онъ посланъ для Государева дѣла въ пятину.

53) Подалъ челобитную Иванъ Ивановъ сынъ Аничковъ. Въ прошломъ-де во 176 году іюня въ 26 день бѣжалъ отъ него Ивана дворовой его человекъ литовскаго полону Федорко Артемьевъ, а литовское имя Казимерко, а снесъ его Ивановыхъ животовъ: ружья—пищаль винтовальную, да карабинъ колесной оправной, да фляжка пороховая съ

чешью серебряной, да лядунку бархатную, да ключъ колесныхъ пистолей — цѣна пищалею и флажки съ чешью и лядунки и съ ключемъ семь рублей три алтына двѣ деньги. Да платья снесъ: кафтанъ лисей подъ камкой зеленой, нашивка золотная; да шапку бархатную красную съ петли жемчужными, да кафтанъ суконной вишневой съ пугвицы серебрянными, да ожерелье жемчужное женское; да два ожерелья жемчужныхъ мужскихъ; да двѣ чарки серебряныхъ; да три перстня золотыхъ, да шесть перстней серебряныхъ съ печатями; да вершокъ низанной женской шапки — цѣна платью и жемчужному и перстнямъ и чаркамъ двѣсти тридцать девять рублей тридцать алтынъ четыре деньги. И подлинно ему Ивану учинилося вѣдомо, что его Иванова бѣглаго челоуѣка Ѳедотка подговаривали бѣжать и тѣ его Иванова сносные животы снести Тихановъ крестьянинъ Ѳедорова сына Анничкова сельца Ждапей Тараська Максимовъ да челоуѣкъ его Тихановъ Ивашко, а прозвище Топорковъ.

54) Подалъ извѣтную челобитную Новгородецъ посадкій челоуѣкъ Микитка Трофимовъ сынъ Щеколдинъ. Въ нынѣшней-де во 182 году ноября къ 16 числу, въ ноци, покрали у него Микитки на дому животы его невѣдомые воры, и у задней избы окно выверчено и выломлено, и изъ тое избы выкрали у него Микитки: три бруска, да двѣ соломки оловянные, три сковородки луженныя, да два котла мѣдные, восемь стопокъ, да два блюда оловянные, ферези стамедныя зеленныя теплыя съ пухомъ, да ферези киндячныя лазоревыя холодныя съ пухомъ, кафтанъ мужской лазореваго сукна съ нашивкою шелковою, балахонъ точивной съ шнуркомъ шелковымъ, шапку мужскую суконную чернаго сукна съ куницею, перину пернастую съ изголовьемъ и съ подушки, двѣнадцать блюдь, десять ставцевъ, пятнадцать стопокъ деревянныхъ, сто пятьдесятъ аршинъ точива, бѣзмѣнъ съ гирью желѣзною, двадцать четыре рубахи мужскихъ и женскихъ — цѣною всего на двадцать на семь рублей на тринадцать алтынъ.

55) Подалъ челобитную вмѣсто Ярославца посадскаго челоуѣка Семена Ѳатьянова Новгородецъ посадской челоуѣкъ Иванъ Тимофеевъ сынъ Вспоульской на Новгородца посадскаго челоуѣка Ивана Ѳедорова. Въ прошломъ-де въ 176 году Февраля въ 3 день выдалъ онъ Иванъ ему Семену за свой долгъ кабалу въ двустехъ рублей на Ярославаца на посадскаго челоуѣка на Григорья Аванасьева сына Каравайникова и данную на ту кабалу ему Семену далъ, а въ данной своей онъ Иванъ написалъ: будетъ онъ Григорій по той его кабалѣ и по данной денегъ не заплатитъ, и съ того числа сколько тѣми деньгами проволочитъ и что учинится убытковъ и волокиты и въ торговомъ дѣлѣ въ безпро-

мыслицѣ накладу, и то все взять на немъ, Иванѣ, по той кабалѣ истинныя деньги и по данной убытки и волокиты сполна, во что станутъ. А онъ—де Семенъ, по той кабалѣ и по данной близъ челомъ Великому Государю въ Ярославлѣ на Григорья Аванасьева сына Коровайникова и судъ по той его Ивановой выданной кабалѣ былъ, и онъ Григорій на судѣ ту кабалу челобитьемъ своимъ оспорилъ и денегъ по кабалѣ не заплатилъ, и по тому его Григорьеву спорному челобитью то судное дѣло по грамотѣ Великаго Государя взято къ Москвѣ въ Костромскую четверть, и онъ—де Семенъ волочася и нынѣ волочится, прїѣзжая въ Великій Новгородъ многіе годы; а онъ Иванъ по той своей данной денегъ ему не платитъ и волочитъ и манитъ со дня на день всячески, и въ его прїѣздахъ будто всегда умысломъ своимъ пьянъ безъ просыпу и изъ двора не выходитъ, а иное отнимается и сказываетъ на себѣ Государевы деньги, и тѣмъ отъ него отбивается. А ему Семену въ той его кабалѣ и по данной въ челобитѣ и въ его Ивановѣ нероздѣлкѣ и въ проѣстяхъ и въ волокитахъ и въ товарѣ и въ безпромыслицѣ и въ накладѣ и въ разоркѣ убытки учинились многіе, и тому всему у него будетъ роспись. И не истерпя онъ Семенъ отъ него Ивана многія шкоты, ѣдетъ нынѣ къ себѣ. И Великій Государь пожаловать бы его велѣлъ: челобитье его записать, чтобъ ему волочася за тѣмъ дѣломъ многое время отъ его Ивановѣ нероздѣлки вѣчно до конца не разорится и службъ и податей не отбыть, а по той—де кабалѣ и по данной въ убыткахъ своихъ Великому Государю и впредь будетъ бить челомъ.

56) Подали челобитную Григорій Прокофьевъ сынъ Ушаковъ да Ѳома Лазаревъ сынъ Малечкинъ. Въ нынѣшнемъ—де во 182 году по указу Великаго Государя прїѣхали они въ Великій Новгородъ для службы Великаго Государя и поставлены онѣ Григорій и Ѳома у посадецкихъ людей на Маницыны улицы у Ивашка да у Михалка Красковыхъ, да у нихъ же живетъ подсосѣдникъ Ивашко Галимовъ. И отвели они Ивашко и Михалка имъ подъ запасъ и подъ платье и подъ всякую рухлядь анбаръ и дали къ тому анбару замокъ свой. И они Григорей и Ѳома поставили у нихъ на дворѣ въ томъ анбарѣ запасъ свой и платье и коробью, а въ той коробьѣ было у нихъ, Григорья и Ѳомы, денегъ сорокъ рублей, да шапка суконная коришная съ лисицею черною, да въ чемоданѣ была лисица черная, да ложка серебряная да аршинъ сукна краснаго. И у нихъ Григорья и Ѳомы, изъ того анбару украли марта къ 26 числу: та ихъ коробья разломана и деньги выняты: у Григорья денегъ украли двадцать пять рублей да шапку черную съ лисицею—цѣна пять рублей, а у Ѳомы изъ той же коробьи

украли денегъ пятнадцать рублевъ да изъ чемодана украли лисицу черную, цѣною шесть рублевъ, да ложку серебряную вѣсомъ въ три рубля съ полтиною, да сукна краснаго аршинъ — цѣна полтора рубли. Да у нихъ же изъ того же анбару украли — у него Григорья бочку вина въ три ведра, а у Ѳомы лагувъ вина въ три ведра. А въ то-де число Ѳома Малечкинъ по челобитью Филиппа Малечкина сидѣлъ за приставомъ, а онъ Григорей въ то число ночевалъ у дяди своею у Василья Иванова сына Ушакова. И они-де Григорей и Ѳома о томъ своемъ покраденномъ животѣ били челомъ Великому Государю на дворниковъ своихъ и на подсосѣдника ихъ, и по тому ихъ челобитью тѣ дворники и мать ихъ и подсосѣдникъ распрашиваны, а въ распросѣ мать ихъ сказала, что-де они ту ночь не спали, какъ тотъ животъ ихъ украли, и то де знаемо, что тотъ животъ украли они. И имъ, Григорью и Ѳомѣ, въ деньгахъ и въ шапки и въ лисицѣ и въ сукатѣ и въ ложкѣ серебряной въ судѣ отказано, а вина-де имъ, Григорью и Ѳомѣ, указано искать на нихъ судомъ; а у того-де анбару кровля и окна не ломаны, а хожено въ анбаръ дверьми и замокъ не испорченъ. А въ Государевѣ указѣ и въ Соборномъ Уложении въ десятой главѣ въ девяносто пятой статьѣ напечатано: будетъ кто у кого положилъ свои животы на сбереженъ за своею печатью и за замкомъ, и тому, у кого поставлены тѣ чужіе животы, отомкнетъ и распечатаетъ и пересмотритъ безъ того, чьи тѣ животы, и тотъ, чьи тѣ животы, учнетъ на него бити челомъ, и что изъ тѣхъ животовъ его пропало, а сыщется про то до пряма, что тѣ его животы отомкнуты и распечатаны и пересматриваны безъ него и по сыску то поклажее, чего противъ истцова челобитья въ лицахъ не будетъ, доправити на томъ, у кого они были поставлены за замкомъ и за печатью; а будетъ межъ ими въ тѣхъ животахъ какой споръ учинится и въ томъ учинить вѣра и крестное цѣлованье.

1678 года.

57) Подаль челобитную Приказные Палаты подъячій Максимъ Максимовъ. Въ нынѣшнемъ-де во 186 году, декабря въ 14 числѣ пришла къ нему Максиму въ домъ его тетка, вдова Парасковья Онуфріева дочь подъячего Кононовская жена Семенова, и ночевала въ домѣ его четыре ночи, а онъ Максимъ въ то время позаскорбѣлъ. И декабря къ 16 числу пошелъ онъ къ сестрѣ родной и ночевалъ съ женою своею у сестры своей родной, а домовничала безъ нихъ въ домѣ съ теткой его сестра его Максимова двоюродная вдовая попадья Марья Прохорова дочь. И въ томъ числѣ въ соборную Софійскую заутреню

та его Максимова сестра пошла въ подклѣть молоть ржи, а она, тетка его Парасковья, той ночи, покажѣсть та сестра его молола, покрала его Максима и вынесла своимъ воровскимъ умысломъ изъ дому изъ избы икатулу его нѣмецкую — цѣною въ рубль, а въ той шкатулѣ было денегъ его пятнадцать рублей да двѣ цѣпочки женскія: одна позолочена, да на той же цѣпочкѣ семь крестовъ да пять пронизовъ, а другая цѣпочка серебряная, на той цѣпочкѣ пять крестовъ да пять пронизокъ, серебряныхъ же — цѣна тѣмъ цѣпочкамъ и крестамъ съ пронизками восемь рублей съ полтиною; да подзатыльникъ жемчужный съ ошивкою жемчужною — цѣною въ двѣнадцать рублей; да женской однорядки двѣнадцать пугвицъ серебряныхъ позолочены сканнаго дѣла — цѣною семь рублей; да мужскихъ и женскихъ восемь перстней золоченыхъ — цѣною на три рубля съ полтиною; да двои серьги: однѣ съ камнемъ и съ жемчугомъ, а другія серьги камня баусы съ жемчугомъ, золочены — цѣною три рубля съ полтиною; да чарка серебряная жъ золочена — цѣною рубль съ полтиною; да двѣ записи сговорныя жены его Максимовой въ пятидесяти рублей, да дворовая его купчая въ двадцать рублей и иныя многія крѣпости. Да она жъ тетка его украла въ тожь время изголовье его Максимово пуховое съ наволочкою полотняною — цѣною тринадцать алтынъ двѣ деньги, и тѣмъ она воровствомъ своимъ его Максима и жену его и дѣтей разорила и погубила до конца, и гдѣ она Парасковья тотъ его Максимовъ животь и деньги дѣла, про то ему Максиму невѣдомо.

58) Подаль челобитную Новгородецъ посадскій человекъ Василей Коровинъ. Въ нынѣшнемъ—де во 186 году генваря къ 10 числу, въ ночи, покрали его Василья въ домѣ его на Вишерѣ рѣкѣ на мельницѣ, въ сельцѣ Губаревѣ, подломали анбаръ невѣдомые воры, а вынесли изъ того анбару живота его: двѣнадцать пудъ воску, да тридцать пудъ меду въ разныхъ судахъ — цѣною на восемьдесятъ пять рублей; да сундукъ съ платьемъ разломали и изъ того сундука вынесли: однорядку отца его Васильева сукна муравъ зеленого съ кистями шелковыми съ золотомъ, да матери его шубу киндячную съ пугвицы серебряными, да фезези тафтяныя съ пугвицы серебряными, да полукафтанье сукновое красное — цѣною на тридцать рублей; да изъ того жъ сундука вынесли всякаго бѣлья, два полога, да рубашекъ мужскихъ и женскихъ и точивъ, да двѣ шубы бараньихъ — цѣною на 20 рублей — и чтобъ челобитье его записать.

59) Генваря въ 28 день подаль челобитную вмѣсто Михайла Семенова сына Зиновьева Степанъ Остафьевъ сынъ Зиновьевъ. Въ прошломъ—де во 185 году сошла отъ него изъ дому падчерица его дѣвица

Ирина Ларионова дочь Обухова, а жила у него Михайла и у матери его въ домѣ многое время. И съ тѣхъ мѣстъ, какъ онъ женатъ на матери ее, а челобитья у нее на него никакого ни въ чемъ не было, и отошла она падчерица его отъ него въ домъ къ тетке своей родной дѣвницы Иринеѣ Юрьевы дочери Обухова, и снесла она изъ дому его утайкою живота: денегъ сто двадцать рублей, да двадцать червонцевъ золотыхъ, да тридцать ефимковъ битыхъ, да серебряныя кузны и посуды и жемчугу на полтораста рублей, и нынѣ де она падчерица его живетъ въ домѣ у тетки своей дѣвницеѣ Иринеѣ, а тѣмъ де животомъ хочетъ завладѣть напрасно. И Великій Государь пожаловалъ бы его Михайла — велѣлъ челобитье его записать.

60) Февраля въ 5 день подалъ челобитную вмѣсто брата своего Степана Исаева Яковъ Исаевъ. Договоренъ у него съ бывшимъ тестемъ его съ Леонтьемъ Аристовымъ, что отдать ему Леонтью въ нынѣшнемъ во 186 году на Крещенье Господне достальное приданное дочери его Ѳедоровы, и онъ де Степанъ противъ росписи приданной животъ въ Великій Новгородъ привезъ, и онъ де Леонтей приданнаго не принимаетъ.

61) Февраля въ 15-й день подалъ извѣтную челобитную Приказные Палаты подъячій Василій Ѳедоровъ сынъ Зеленинъ. Живетъ онъ Василій на Борковѣ улицѣ, у тетки своей у вдовы Татьяны подъячаго Семеновской жены Протопопова. Въ нынѣшнемъ-де во 186 году февраля къ 10 числу, въ полночь, къ подклѣту, пришедъ гдѣ онъ Василій живетъ, и выбилъ окна бывший послуживецъ Михайла Иванова сына Мещерскаго вѣдомой воръ и убойца Гришка Семеновъ, съ стрѣльцкимъ сыномъ Яковомъ Васильевымъ Бурловымъ, и похваляются они его, Василья, смертнымъ боемъ, и ходятъ они съ Гришкой по ночамъ невѣдомо для какова умыслу, а онъ Василій человекъ одинокой, и ходитъ съ Приказной Палаты въ вечеру поздно, а онъ Гришка вѣдомой воръ и убойца и то вѣдомо въ Приказной Палатѣ. И Великій Государь пожаловать бы его Василья велѣлъ — се его челобитье и извѣтъ записать, не что-де надъ нимъ Васильемъ какое убойство учинится отъ того вора и убойца Гришки и отъ стрѣлцака сына Яшки Васильева сына Бурлова, а онъ, Василій, кромѣ его вора и убойца Гришки и стрѣлцака сына Гришки недруга надъ сабою никакова не знаетъ, или онъ Василій надъ ними, отъ себя боронясь, что учинить, и ему отъ тебя Великаго Государя во пени не быть, и чтобъ челобитье его записать.

62) Подалъ челобитную явочную вмѣсто Максима Володимерова да Ивана Меньшова Бранцова, голова стрѣлцкой Сергѣй Григорьевъ

сынъ Сергѣевъ. Въ нынѣшнемъ—де во 186 году генваря въ 26 день звалъ ихъ прїѣхать въ домъ ихъ Прокопей Ивановъ сынъ Бѣлавенской въ свадебной поѣздъ къ зятю своему ко цсковскому помѣщику къ Овдокиму Васильеву сыну Винограсову, его Максима въ тысяцкіе, а его Ивана бояриномъ. И онъ Прокофій, зятя своего Овдокима оставилъ у него Максима въ домѣ, чтобъ ѣхать имъ съ нимъ Овдокимомъ къ нему Прокофью въ домъ его противъ стоворпой записи, чтобъ ему Овдокиму жениться на сестрѣ его Оѣнѣ. И онъ—де Овдокимъ генваря въ 26 день и женился противъ записи. И генваря жъ въ 28 день онъ Овдокимъ у него Прокофья и у брата его Макарья, противъ записи ихъ съ оцѣнки приданное на двадцать рублейъ принялъ, и то платѣ отослалъ къ себѣ на подворье, гдѣ они стояли по его Прокофьеву отводу, и рядную записъ онъ Овдокимъ, ему Прокофью и Макарью отдалъ. И они, Макарій и Прокофій того жъ числа учали ихъ бранить всякою бранью въ дому своемъ и на дорогѣ, и лошадь съ санями и съ подголовкомъ отняли; а въ томъ подголовкѣ были суды серебряные у него Максима: три ковша медвяныхъ, двѣ чарки винныхъ, девять стокановъ большихъ и малыхъ, двѣнадцать ложекъ серебряныхъ съ позолочеными мѣстами, да ножикъ оправной, да два ковша серебряныхъ и позолоченыхъ, ложка серебряная — и тѣмъ всѣмъ судамъ цѣна пятьдесятъ рублейъ съ полтиной, и за ними, Максимомъ и Ивановомъ, съ кольемъ и съ дубьемъ гонялись, и лошадь за ними прогнали, и подголовка съ тѣми судами не отдали и тѣмъ ихъ обеихъ обезчестили и грабили. Челобитная подписана февраля въ 18 день.

63) Подалъ извѣтную челобитную нищей богадѣльницкой старецъ отъ рѣшетки Исачко Ѳедоровъ на богадѣльническаго нищаго же отъ той же рѣшетки на Спирка Иванова. Въ нынѣшнемъ—де во 186 году сентября противъ шестаго—надесять числа въ третьемъ часу ночи похвалился онъ Спирко Ивановъ, а говорилъ: хто—де выдетъ изъ его Исачкова двора на улицу, хоть—де голову сними, не будешь де виновать. И ему Исачку жить не мочно стало отъ его похвалбы, а водится онъ Спирко всегда съ убойцей съ нищимъ же съ Степашкомъ Степановымъ, который Степашка нищаго жъ подлѣ его Исачкова двора Ивашка Денисова слѣпова билъ, и тотъ слѣпой лежитъ въ концѣ живота боленъ отъ его Степашкова бою.

64) Подалъ челобитную вмѣсто Иверскаго монастыря Архимандрита Евменія съ братією того жъ монастыря стряпчій Степашъ Григорьевъ Деревскіе пятинны на Леонтея Юрьева сына Кутузова. По Государеву указу высланы Новгородцы, дворяны и дѣти боярскіе всѣхъ пяти пятинъ на Государеву службу, а онъ Леонтей и до нынѣ живетъ въ помѣстьѣ

своемъ смѣжно съ ихъ монастырскою вотчиною. И живучи въ домѣ, воруетъ и крестьянамъ ихъ чинитъ налоги и обиды большія : хлѣбъ крадетъ и лошадей отнимаетъ. И прежняго его воровства много, потому что никогда на Государевой службѣ не бываетъ. И Великій Государь пожаловалъ бы ихъ Архимандрита Евменія съ братією—велѣлъ челобитье и извѣтъ ихъ записать, а что онъ Леонтей, Великаго Государя службы не служить, и въ томъ Великій Государь воленъ. А на челобитной помѣта дьяка Тимофея Кузьмина 186 года августа въ 24 день : записать челобитье, а по Леонтья Кутузова послать тотчасъ пристава.

65. Августа въ 20-й день подалъ челобитную Софейскаго дому бо-быль Пентешка Семеновъ. Въ нынѣшнемъ—де во 186 году нанялъ—де онъ Пентешка у Новгородца у посадскаго человѣка у Микитки Оксенова лавку его въ Просольномъ ряду, подлѣ лавки Новгородца, Московскаго Стрѣлецкаго Приказу слободчика Якова Петрова, а по другую сторону лавка Ивана Минина, на годъ изъ посидѣлаго. И онъ Микитка, приходя къ той своей лавки къ нему Пентешки, продавалъ тое свою лавку на одинѣ, въ которой лавки онъ Пентешка сидитъ, а просилъ—де у него за тое свою лавку денегъ десяти рублей, а онъ ему давалъ семь рублей съ полтиною ; да онъ же Никитка сказывалъ ему Пентешки въ то время, что есть его Никитиной лавочной земли у Якова Петрова сына Слободчика полсажени. И въ нынѣшнемъ—де во 186 году августа въ 12-й день, шелъ онъ Пентешка мимо Новгородскаго Стрѣлецкаго Приказу, и онъ Микитка, будучи у Новгородца посадскаго человѣка Федора Иванова у лавки, призвалъ его сироту къ себѣ и говорилъ ему Пентешки, чтобъ онъ у него тое жъ лавку купилъ, а просилъ у него десяти жъ рублей. И я ему въ то время давалъ восемь рублей, и онъ Микитка мнѣ сиротѣ тое свою лавку за восемь рублей продалъ и по рукамъ билъ, и задатку взялъ четыре алтына, и остался писать купчія записи, а его Пентешку послалъ по деньги. И онъ—де Пентешка деньги принесъ къ тое жъ Федоровѣ лавкѣ, и онъ Микита велѣлъ купчую писать, будто онъ продалъ лавку, которая лавка у него построена идучи на Новинку къ Стрѣлецкому Приказу у мосту на новомъ данномъ мѣстѣ, а не въ Прасольномъ Ряду. А онъ Пентешка у Микитки такіе лавки не торговывалъ и не купивалъ и не вѣдалъ, что есть ли у него Микиткѣ такая другая лавка, или нѣтъ; и въ то время на тое лавку не указывалъ, и по се время съ нимъ Пентешкою не раздѣльвается и его волочить и убытчить. И у него—де Пентешки куплено въ саду яблокъ на двадцать рублей и съ тѣми яблоками ѣхать было ему въ Ладугу къ Успенъеву дни, и нынѣ онъ Пен-

Т. С. — Ота. II. 1/9

тешка за нимъ Никиткою остановился и съ тѣми яблоками въ Ладугу не побѣжалъ и тѣ яблоки въ остаткѣ, а не въ продажѣ; и чтобъ челобитье его и извѣтъ записать.

66. Подалъ челобитную Новгородскаго Приказу стрѣлецъ десятникъ Терешка Алексѣевъ. Въ нынѣшнемъ—де во 186 году іюля въ 29-й день, сбѣжала отъ него жена его Овдотьяца и вынесла денегъ его двадцатьшесть рублей, да цѣпочку со кресты въ три рубли, да фезези теплыя зайччтыя подъ стамедомъ, въ полтретья рубли, да шапку женскую атласную въ сорокъ алтынъ, да фезези крашеннины новыя, съ пухомъ, да сукманъ синей, съ нашивкой — въ сорокъ алтынъ, да два портища сукна сермяжнаго — цѣна восемнадцать алтынъ; чтобъ челобитье его записать.

67. Подалъ челобитную посадкой человекъ Оедька Петровъ сынъ, Серебряникъ; жалоба де ему Оедору на посадскаго человекъ на Василья Юрьева сына сапожника. Въ нынѣшнемъ—де во 186 году, за недѣлю мясныхъ заговень, въ воскресенье, въ вечеру, пришелъ онъ Василей къ нему Оедору на подворье, гдѣ онъ живетъ на Коржовѣ улицѣ, и пришелъ къ нему въ избу, взявъ его хмѣльнаго человекъ и свелъ его Оедора на кабакъ и, напоя пьяна, оставилъ его пьянаго на кабакъ, и его хмѣльнаго ограбили, невѣдомо кто, а грабежемъ взяли шапку баранью, да поясъ, и съ подголовочнымъ ключемъ, да два перстна позолоченные, да сапоги и съ чулками, а цѣна тому всему три рубля съ полтиною; да крестъ съ ворота вѣсомъ съ полтину. А изъ утра онъ Василей приносилъ къ нему Оедору на выкупку того грабленнаго живота — крестъ да поясъ съ ключемъ, а просилъ на выкупъ денегъ полтину, а онъ Оедоръ ему денегъ полтины не далъ. И въ мясныя заговена, въ вечеру, какъ мать его вдова Анна Матвѣева дочь, пошла со двора и съѣи заперла замкомъ, и онъ Василей увидя, что она сошла со двора, пришелъ замокъ съ сѣней сломилъ и вошелъ въ избу и тѣмъ ключемъ въ подголовокъ ходилъ и вынулъ изъ подголовка денегъ два рубли да десять фунтовъ серебра, да двѣсти уфтей камня сережнаго, да образецъ крестовыхъ и всякой серебряной рухляди. А онъ, Василей, живетъ подли его Оедора; и какъ онъ Оедоръ подалъ Великому Государю челобитную о запискѣ, и онъ Василей, слышавъ то, нанявъ извощика Запольскіе слободы охотника Ивана Васильева, изъ Великаго Новгорода побѣжалъ къ Москвѣ, и онъ Оедоръ, нанявъ козаковъ пѣшихъ, Оедора Иванова съ товарищи, и тѣ козаки на Бронницѣ его Василья догнали, и онъ на Бронницѣ ушелъ отъ нихъ на дворъ къ бронецкому охотнику къ Тимошею Алек-

сѣву, и тѣ погонщики на дворъ къ нему Тимошею идти не посмѣли и въ томъ заявили, чтобъ челобитье его записать.

68. Подалъ челобитную Ивашко Ивановъ вмѣсто Мелентья Елагина на Ивана Елагина. Въ прошлыхъ-де годахъ судомъ Божиимъ отца его Мелентьева Федора, на службѣ Великаго Государя подъ Ляховичами польскіе люди убили, и осталось-де у него платье и оружіе : пистолы оправныя—цѣною десять рублевъ, сабля оправная—цѣною въ восемь рублевъ, кафтанъ атласный бѣлый—цѣною въ восемь рублевъ, да ферезея изуфранная—цѣною въ шестнадцать рублевъ; мѣхъ хребтовой бѣлый—цѣною въ четыре рубли съ полтиною; мѣхъ лисій лапчатый—цѣною въ пять рублевъ; да кафтанъ черленый отласный—цѣною одиннадцать рублевъ; и всего того платья на шестьдесятъ на два рубли съ полтиною, и то-де платье и оружіе взялъ онъ Иванъ Елагинъ и донынѣ ему Мелентью того платья и оружья не отдастъ.

69. Подалъ челобитную Новгородецъ посадской человекъ Тимошка Федоровъ сынъ, сапожникъ. Въ прошломъ-де во 185 году августа въ 15-й день, пустилъ онъ Тимошка племянника своего роднаго Юрья Федорова жить на дворшко къ себѣ, для ради своего одиночества и для того, что жена его ему маловѣрна, чтобъ въ домъ его безъ него дурна никакова не учинила. И въ нынѣшнемъ во 186 году февраля въ 28-й день, поволокся онъ Тимошка Федоровъ изъ домишка своего на Мсту рѣку для взятку долговъ, а въ домишкѣ его осталась жена его Иринеца, да племянникъ его Юрьи съ женою своею Агафьею. И поѣдучи онъ Тимошка приказалъ ему, племяннику своему, чтобъ онъ, племянникъ его, домишка и жену его надсматривалъ и на-одинѣ въ ночь не оставливалъ. И спустя его Тимошку въ деревню, онъ племянникъ его по воду съ женою его ѣздилъ, и воду къ себѣ возилъ. И въ нынѣшнемъ-де во 186 году марта во 2-й день, пришелъ онъ Тимошка въ домъ свой изъ деревни, и жена его въ домѣ не объявилась и сгнбла безвѣстно гдѣ, и коробыи его съ животомъ разломаны и животъ вывезень и деньги, что были въ коробкѣ, выняты и за двема замками и за заметомъ у клѣти въ подклѣти положено было въ земли собинишко для прожитку вѣку и смертнаго часу, и то все вонъ выкопано и выкрадено племянника его Юрья нестереженемъ и жены его Агафьи. А сказалъ ему Тимошкѣ онъ племянникъ его, что-де жена твоя сбѣжала и животъ снесла и обувь-де—сапоги его Юрьевы, снесла. А сколько какова живота жена его Тимошкина снесла, и тому животу и деньгамъ подъ сей челобитною роспись, и чтобъ челобитье его записать.

Да онъ же Тимошка подалъ и роспись его краденому животу : кафтанъ однорядошной муравъ зеленой, нашивка шелковая вишневая—цѣна

пять рублевъ, да двѣ шапки собольи : одна малиновымъ цвѣтомъ, а другая муравъ зеленой — цѣна обоимъ три рубли; козырь участочный обтыканъ золотомъ — цѣна тридцать алтынъ; да кушакъ бумажный, на середкѣ выставлена дорога — цѣна пять алтынъ; поясъ шелковый отыкашъ у концовъ пуговики золотомъ — десять алтынъ; да кафтанъ сѣрой сермяжной, съ нашивкой, хомячной — цѣна сорокъ алтынъ; да балахонъ бѣлой рядничной съ снуркомъ шелковымъ, шелкъ въ снуркѣ бѣлой да вишневой — цѣна полтина. Да жены его платье : ферези суконныя, черленя, съ нашивкой шелковой зеленой — цѣна четыре рубли; да шапка женская золотная прямая — цѣна два рубли; да подзатыльникъ жемчужный на отласть, съ канителью и съ звѣздамъ — цѣна два рубли; да другой подзатыльникъ, шить золотомъ, подержанъ — цѣна четыре алтына; да цѣпочка плетеная подержаная, да пять крестовъ — цѣна два рубля; да серьги двойчатки, заонежское дѣло, съ камнемъ сердолики и червецы — цѣна полтора рубли; серьги двоемки, да серьги одинки на петляхъ, камень сердолики — цѣна обоимъ полтора рубли; да вершокъ малиновой и два вершка муравъ зеленой — цѣна двадцать-пять алтынъ; да три перстня заонежскихъ, сканныхъ съ жемчуги — цѣна тридцать алтынъ; нашивка шелковая съ кистками — цѣна пятнадцать алтынъ; ферези крашенныя, холодныя, съ пухомъ — цѣна полтина; да сапоги ветчанные женскіе съ шелкомъ — цѣна шесть алтынъ. Да онъ же Тимюшка ходилъ по деревнямъ съ шепетнымъ товаромъ и серьги починавалъ и складывалъ и мякотный товаръ покупалъ — итогу товару снесено: сережняго вѣсоваго, крестовъ, и перстней, и колець, и кроколей и петель полфунта двѣ осмины; да сережной сбруи и репьевъ простыхъ и золоченыхъ — цѣной на три рубли съ полтиною; да сережняго камня: сердоликовъ и баусъ, и червцу и всякаго камня — на четыре рубли; пугвицъ сканныхъ серебряныхъ рубашечныхъ десять — цѣна двѣ гривны; да гладкихъ четырнадцать пугвицъ — цѣна рубль; да чарка серебряная, въ середкѣ золочена, донышко на шурупы — цѣна сорокъ алтынъ; да ветоши : серебра четверть фунта; да зеркало хрустальное — осьмь алтынъ двѣ деньги; да шелку черленаго четыре куклы; да шелку зеленого свѣтлаго три куклы; да всякихъ цвѣтныхъ розныхъ шолковъ фунтъ и двѣ осминки; да очелей сто шестьдесятъ, да двадцать убрусовъ — цѣна очельямъ и убрусомъ семь рублевъ; да четыре лисицы, да осмь кунницъ — цѣна лисицамъ и кунницамъ пять рублевъ съ полтиной. Да у него жъ въ коробкѣ пропало денегъ пятнадцать рублевъ, да перевязъ мѣдная и рожочекъ мѣдь окованъ — цѣна пять алтынъ. Да моего жъ живота взято, положеннаго въ земли : денегъ пятьдесятъ рублевъ, да фонимковъ двадцать-три.

70. Подалъ челобитную вмѣсто Сомянина Алешки Авонясева сына Юкина Новгородецъ посадской человекъ Коземка Жилкинъ, а въ челобитной написано : Въ прошлыхъ-де годахъ поставлено у него въ Великомъ Новгородѣ въ подберкови у Ивана Предотеци въ чуланѣ сундукъ съ его животомъ, а приказанъ былъ беречь тое церкви пономарю Григорью Иванову, и стоялъ по нынѣшній по 186 годъ. И тотъ его сундукъ прислалъ къ нему шуринъ его Григорьевъ Ондронъ Ивановъ съ взвощикомъ, и у того сундука печати его подрѣзаны и замокъ отдиранъ прочъ и разломанъ, а изъ того сундука вынато : однорядка—сукно кармазинное малиновый цвѣтъ, снарядъ серебряной—цѣна двадцать-два рубля; ферези черленныя суконныя, сукно кармазинъ, снарядъ серебряной—цѣна тридцать рублей; шуба русачья подъ кумакомъ, пуговицы серебряныя — цѣна четыре рубля съ полтиною; пестради восемь аршинъ—цѣна по десяти алтынъ аршинъ; миткалю на шестдесятъ алтынъ ; двѣ трубки полотна тонкаго, да двѣ скатерти, ширинка миткальная, да три полотенца, да три сороки по миткалю шиты, да борочикъ—нашивки жемчужныя, пуговицы позолочены, съ жемчугомъ; наволочка глядная, польское шитье; три рубахи тонкихъ—цѣна тому двѣнадцать рублей.

71. Подалъ челобитную, вмѣсто Ивана Иванова сына Зиновьева, Григорій Ивановъ сынъ Барановъ. Въ нынѣшнемъ во 186 году судомъ Божиимъ жены его Ивановой въ животѣ не стало, а что было дано ему Ивану за той его Ивановой женой, по сговорной записи, платья и кузни и жемчужнаго низанья отъ вдовы Марьи Васильевой дочери Самсоновской жены Яльцова, и то-де приданное платье и серебряную кузнь и жемчужное низанье, онъ Ивановъ по ея вдовицу словесному договору, привезъ къ ней вдовѣ въ домъ въ усадище Щериги, для отдачи и роздѣлки въ томъ платьѣ съ нею вдовою, потому-что хотѣла она вдова съ нимъ Ивановъ въ томъ приданномъ платьѣ роздѣлку учинить, не бивъ челомъ на его Ивана Великому Государю. И какъ онъ Иванъ то приданное платье и серебряную кузнь и жемчужное низанье противъ сговорной записи, все сполна привезъ къ ней вдовѣ въ домъ ее въ усадище Щериги, и она вдова то приданное платье и серебряную кузнь и жемчужное низанье у его отняла неволею и отписи въ приѣмъ того его Иванова приданнаго платья и серебряныя кузни и жемчужнаго низанья ему Ивану не дала, а невѣдомо за что противъ Государева указу и Соборнаго Уложенія, что было ему Ивану довелось въ томъ приданномъ платьѣ и въ серебряной кузни и въ жемчужномъ низаньи взять четвертая доля; она вдова Марья той четвертой доли противъ Государева указу и Соборнаго Уложенья ему Ивану не отдала,

а нынѣ онъ Иванъ высланъ на Государеву службу и бить челомъ Великому о розыску въ томъ дѣлѣ безъ его Ивана некому, чтобъ челобитье его записать.

72. Подалъ челобитную Иванъ Никоновъ сынъ Свѣчинъ. Въ нынѣшнемъ во 186 году іюля въ 31-й день, въ Обонежской пятинѣ противъ Иванскаго Переѣзскаго погоста, на другой стороны Волхова рѣки, по выше деревни Слутки, на гору стрѣльбища съ два, въ лѣсу, нашезъ онъ Иванъ Свѣчинъ лодку, свирское дѣло, новую, двоенабойную, и про тое лодку онъ Иванъ Свѣчинъ Оутыскимъ крестьяномъ и инымъ крестьяномъ всѣмъ сказывалъ, и они крестьяне тое лодку смотрѣли и сказали—чья-де та лодка, и того они не знаютъ, а нынѣ-де та лодка у него Ивана. И Великій Государь пожаловалъ бы его Ивана — велѣлъ челобитье его и извѣтъ записать.

О РУССКИХЪ ГЛАГОЛАХЪ. Константина Аксакова. *Москва.*
1855.

Авторъ сочиненія «О русскихъ глаголахъ» имѣлъ намѣреніе предложить въ немъ новое, на русскихъ началахъ основанное ученіе о русскомъ глаголѣ.

«И Русскіе, и Нѣмцы (говоритъ онъ на стр. 5) пытались объяснить русской глаголь, но доселѣ безуспѣшно. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ, имъ чуждый; особенно Нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ русской: но едва ли легче понять его и русскому, руководимому иностранными воззрѣніями вообще, хотя бы онъ и не былъ послѣдователемъ именно того или другаго иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, но въ томъ, иностранецъ ли онъ по воззрѣнію.»

Далѣе, на стр. 7-й и 8-й, авторъ яснѣе высказываетъ свою мысль примѣнительно къ ученію о глаголѣ.

«Нѣкоторые теоретики (говоритъ онъ), сливая эти глагольные формы (то-есть виды глагола, напр. *движу, двигаю, двигивалъ*), съ присоединеніемъ даже нѣкихъ предложныхъ въ одно спряженіе, богатое временами,— быть можетъ, думаютъ, что это служить къ чести русскаго языка, что же не только въ языкахъ чуждыхъ, но и у насъ есть полное спряженіе, что нашъ языкъ въ этомъ имъ не уступаетъ, что у насъ, у одного и того же глагола, есть всѣ времена. — Но здѣсь (продолжаетъ авторъ) по нашему мнѣнію, видны ошибочное чувство и ошибочная мысль. Развѣ только въ томъ состоитъ честь и слава, чтобы повторить у себя чужое, чтобы пройти по чужой дорогѣ не хуже другихъ? Развѣ нельзя идти по своей дорогѣ, развѣ нельзя, не имѣя чужаго, имѣть вмѣсто него *свое*, совершенно особенное, отличное отъ всѣхъ? Развѣ это свое не можетъ быть еще лучше, еще достойнѣе, и развѣ тогда не больше славы? Но какъ бы то ни было, мы должны руководиться, при нашихъ изслѣдованіяхъ, не тѣмъ, чтобы стараться отыскать у насъ всѣ чужія особенности, какъ бы по видимому онѣ ни были хороши — въ этомъ случаѣ мы

впадемъ въ ошибку, чему примѣръ всѣ наши грамматики ; — а тѣмъ, чтобы безпристрастно отыскать и узнать свое, какое бы оно ни было — тогда мы придемъ къ истинному взгляду.»

Стремленіе къ самостоятельности и народности въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, безъ всякаго сомнѣнія — необходимое условіе будущиъ успѣховъ отечественнаго просвѣщенія. Все великое и прекрасное, что только когда-либо изобрѣталъ и творилъ умъ человѣческій, приносилось въ жертву любви къ отечеству и болѣе или менѣе было возбуждаемо этимъ высокимъ чувствомъ, не только въ области искусствъ и философіи, но даже и въ наукахъ точныхъ, положительныхъ, каковы естественнѣдшіе и математика. Кто любитъ свое, тотъ живо ему сочувствуетъ и невольно вноситъ свое сочувствіе въ ученія изслѣдованія такихъ предметовъ, которые соприкасаются, сколько бы то ни было, съ національными чувствами изслѣдователя. Изъ всѣхъ предметовъ вѣдѣнія *родной* языкъ съ наибольшою силою возбуждаетъ въ изслѣдователѣ сочувствіе къ *своему*, къ *родному*. Но и родной языкъ можно изучать по иностраннымъ теоріямъ ; можно, такимъ образомъ, заглушить въ себѣ живое сочувствіе къ родному привычкою думать по иностраннымъ книгамъ.

Итакъ, въ чемъ же состоитъ самостоятельность и народность въ изслѣдованіи языка роднаго, и именно языка русскаго?

Прежде нежели приступимъ къ рѣшенію этого вопроса, должно сдѣлать слѣдующія два замѣчанія.

Вопервыхъ, всѣ разсужденія о томъ, что *можетъ* и *должно быть* въ той или другой наукѣ, то-есть, всѣ предположенія и мечтанія неминуемо ведутъ къ празднословію, если не основываются на положительномъ изученіи фактовъ. Говорить о національныхъ началахъ русскаго грамматики въ настоящее время, когда такой грамматики у насъ еще нѣтъ, рѣшаемся потому только, что на этотъ предметъ вызываетъ насъ разбираемое нами сочиненіе. Самостоятельность и народность въ ученыхъ изслѣдованіяхъ опредѣляются не общими критическими обозрѣніями, не бѣглыми взглядами, не мечтаніями и желаніями, а такими классическими трудами, въ которыхъ самостоятельность, будучи плодомъ глубоко-ученыхъ развѣсканій и соображеній, невольно проникается искреннимъ національнымъ сочувствіемъ, выражающимся не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, и доброе слово, высказывающее добрыя ожиданія, заслуживаетъ полнаго вниманія, если оно произнесено съ искренностью и добродушіемъ, въ которыхъ нельзя отказать автору сочиненія «О русскыхъ глаголахъ».

Во вторыхъ, должно замѣтить, что различные предметы умственной и нравственной дѣятельности народа находятся въ различныхъ отношеніяхъ къ вопросу о народности. Иные предметы уже по самому существу

своему вызываютъ въ изслѣдователѣ національное сочувствіе, каковы: русская исторія, русское право, русская словесность, русскій языкъ; другіе же, какъ математика, физика, химія и прочія точныя науки, по содержанію своему, составляютъ общее достояніе всего образованнаго человѣчества, независимо отъ ограниченныхъ интересовъ той или другой народности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ національность можетъ выражаться только въ способѣ изученія предмета. Такъ одинъ народъ болѣе склоненъ къ теоретическимъ обзрѣніямъ, другой — къ практическому приложенію общихъ началъ. Впрочемъ, и самый способъ изученія, частью опредѣляемый историческимъ характеромъ народа, состоитъ въ полной зависимости отъ свойства изучаемаго предмета. Если въ какомъ-нибудь народѣ съ особеннымъ успѣхомъ развивается та, а не другая наука, какъ, напримѣръ, математика у французовъ, филологія у нѣмцевъ, то изъ этого факта мы можемъ вывести только одно заключеніе, что національный характеръ того или другаго народа въ наибольшей полнотѣ симпатизируетъ какой-нибудь извѣстной отрасли знаній. Можетъ-быть, и у насъ современемъ явятся сочиненія, которыя далеко оставятъ за собою математиковъ иностранныхъ; но и тогда мы не скажемъ, что у насъ есть *математика русская*, потому-что эта наука стоитъ внѣ національныхъ границъ; за-то можемъ съ гордостью сказать тогда, что мы, русскіе, способнѣе всѣхъ прочихъ народовъ къ изученію этой положительной науки.

Возвращаясь отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ рѣшенію предложеннаго вопроса, мы должны разсмотрѣть національное начало въ изученіи роднаго языка съ двухъ сторонъ: со стороны содержанія, существа самого предмета, и со стороны изученія, то-есть способа изслѣдованія, а также и изложенія.

Русскій языкъ, по самому существу своему и по историческому развитію, предлагаетъ для изслѣдователя такой интересный предметъ, какого не предложитъ ни одинъ изъ языковъ прочихъ европейскихъ народовъ. Романскіе языки, богатые синтаксическими формами, бѣдны этимологіею; какъ искусны прививки, они держатся на чужомъ, на латинскомъ корнѣ. Нѣмецкія нарѣчія обильнѣе романскихъ и въ этимологіи и синтаксисѣ, но уступаютъ нарѣчіямъ славянскимъ въ томъ, что слишкомъ удалились отъ первоначальнаго, совершеннѣйшаго построенія, образецъ котораго предлагаетъ намъ ульфиловъ текстъ Библии, между-тѣмъ, какъ для всякаго русскаго текстъ Евангелія по остромирову списку XI-го вѣка столько же вразумителенъ, какъ и нынѣ употребляемый богослужебный языкъ. Языкъ литовцевъ богаче нѣмецкаго первобытною полнотою этимологическихъ формъ, но уступаетъ прочимъ европейскимъ языкамъ въ томъ, что до настоящаго времени представляется самородною массою, еще необработанною для выраженія тончайшихъ оттѣнковъ мысли, какъ плода народной образо-

ванности. Русскій языкъ, состоящій въ тѣснѣйшей связи съ церковно-славянскимъ, а чрезъ этотъ послѣдній и съ прочими славянскими нарѣчiami, предлагаетъ неистощимый матеріалъ для изученія, какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи. Кажется, можно, не боясь быть обвиненнымъ въ пристрастіи, признать языкъ русскій обильнѣйшимъ и интереснѣйшимъ предметомъ для изученія между всѣми нынѣ существующими славянскими нарѣчiami. Съ одной стороны, раннее перенесеніе къ намъ болгарской письменности и затѣмъ обильная литература церковно-славянская, въ болгарскихъ текстахъ русской редакціи, предлагаютъ не только богатство и полноту древнѣйшихъ этимологическихъ формъ, но словосочиненіе, основанное частью на народныхъ началахъ славянскаго языка, частью же и на художественно-выработанномъ синтаксисѣ греческихъ подлинниковъ, съ которыхъ были переводимы древнѣйшіе славянскіе тексты. Этотъ общечеловѣческой элементъ, внесенный въ нашу письменность изъ Греціи, впоследствии утвердился и получилъ дальнѣйшее развитіе въ нашей *искусственной* литературѣ, въ языкѣ *книжномъ*. Что же касается до элемента самороднаго, кореннаго славянскаго, то онъ доселѣ въ наибольшей чистотѣ сохранился въ языкѣ народномъ, по областнымъ его видоизмѣненіямъ. Даже въ старинной церковно-славянской письменности не только XIII-го и XIV-го вѣковъ, но даже XI-го и XII-го встрѣчаемъ чисто-русскія *областные*, или провинціальныя формы; напримѣръ, *перече* вмѣсто *прежде*, *полова* вмѣсто *плѣва* (или *плева*), обоюдный переходъ звуковъ *ц* и *ч* и проч. Многія формы чисто-русскія, вытѣсненныя изъ общаго употребленія церковно-славянскими и сохранившіяся только въ областныхъ говорахъ, къ нашему несказанному удовольствію, имѣютъ неоспоримое право гражданства въ церковномъ языкѣ русской редакціи, уже по древнѣйшимъ спискамъ. Такъ, напримѣръ, существительное *одьяло*, произведенное отъ церковно-славянской формы *одьяти*, вытѣснило въ образованномъ языкѣ чисто-русскую форму *одвало*, произведенную отъ общеупотребительнаго глагола *одловать*; но эта русская форма доселѣ сохранилась въ областномъ языкѣ; встарину же употреблялась и въ церковно-славянскихъ текстахъ; напримѣръ: въ Скитскомъ Патерикѣ, по синодальной рукописи 1296 года: «ветхымъ и раздрапымъ сукнянѣмъ *одвало*мъ покрываешися», «посла ему *одвало*».

Изъ сказаннаго явствуетъ, что если мы захотимъ развивать національное начало въ изученіи роднаго языка, то уже самый матеріалъ возведетъ насъ къ идеямъ о *православіи* и *народности*. Первое обозначается церковно-славянскими источниками; послѣдняя же обильно развивается въ разнообразіи областныхъ говоровъ. Именно изъ этихъ двухъ элементовъ составился нашъ *гражданскій*, нынѣ употребительный *живый* языкъ. Уваженіе къ этому послѣднему языку условливается

уваженіемъ къ его главнѣйшимъ составнымъ частямъ, а также и къ историческимъ судьбамъ нашего отечества.

Теперь обратимся ко второму пункту: къ народности въ самомъ способѣ изученія языка. Уже было замѣчено, что хотя способъ изученія можетъ опредѣляться и характеромъ извѣстнаго народа, какъ онъ опредѣляется характеромъ самого изслѣдователя, однако, по преимуществу, способъ изслѣдованія зависитъ отъ существа изучаемаго предмета.

Замѣчательно, что въ языкахъ, бѣдныхъ грамматическими формами, грамматика развивается туго. Такъ французы и англичане, при всѣхъ блистательныхъ успѣхахъ своей литературы, до послѣдняго времени пренебрегали грамматикою роднаго языка, что свидѣтельствуетъ поразительная у нихъ бѣдность литературы этого предмета сравнительно съ усиленною умственной дѣятельностью по другимъ отраслямъ вѣднїя. Грамматика французская до послѣдняго времени вовсе не имѣла этимологии, за исключеніемъ развѣ формъ спряженія, и то бѣльшую-частью составившихся путемъ синтаксическимъ, каковы всѣ описательныя формы спряженія, составленныя помощью вспомогательныхъ глаголовъ. Богатыя матеріалы, собранныя Ренуаромъ, еще до-сихъ-поръ не увѣнчались во Франціи тѣми успѣхами по части грамматики, какихъ слѣдовало бы ожидать отъ страны, прославившейся на поприщѣ другихъ наукъ? Любопытно, что и въ грамматикѣ французскаго языка нѣмецъ опередилъ французъ: а разумѣю Дидца и его грамматику романскихъ языковъ.

Самостоятельность нѣмецкаго языка, уже въ IV вѣкѣ разложившаяся на отдѣльныя нарѣчїя, выразилась и въ грамматической литературѣ превосходнымъ произведеніемъ Якова Гримма. Богатство и разнообразіе этимологическихъ формъ этого языка непосредственно восходятъ до его древнѣйшей готской основы, которая, въ свою очередь, весьма-легко возводится къ общему началу языковъ индоевропейскихъ. Самый синтаксисъ, построенный на этимологическихъ данныхъ, отличается необыкновенною свѣжестью формъ, какъ это ясно увидить всякій, кому вздумается заглянуть въ четвертый томъ гриммовой грамматики.

Къ-сожалѣнію, любовь къ отвлеченнымъ соображеніямъ долгое время отклоняла большую часть нѣмецкихъ грамматистовъ отъ положительнаго взгляда и чисто-практическихъ наблюденій Гримма. Не только въ тридцатыхъ, но даже въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія философскія грамматики, снабженныя нѣкоторыми поверхностными результатами новѣйшей лингвистики, пользовались такимъ авторитетомъ, что на-время заслоняли собою великія имена Гумбольдта и Гримма.

Переходя къ грамматикѣ русекой, бросимъ бѣглый взглядъ на старину. Какъ на западѣ Европы грамматика отечественнаго языка развивалась изъ грамматики латинской, такъ у насъ — изъ греческой. Первоначальная грамматика церковно-славянскаго языка была не что иное,

какъ переводъ съ грамматики языка греческаго. Чисто-славянскій элементъ мало-по-малу отдѣлялся вполсѣдствіи отъ греческой основы, и наконецъ въ XVII вѣкѣ образовалъ самостоятельную систему языка церковно-славянскаго. Ломоносовъ повелъ грамматическое дѣло еще далѣе: онъ не только къ славянской основѣ присовокупилъ элементъ русскій, но и создалъ собственно-русскую грамматику. Церковно-славянская основа науки естественно навела его на мысль объ отличіи языка русскаго отъ церковно-славянскаго, и эту мысль онъ преслѣдуетъ отъ первой до послѣдней страницы своей грамматики. И до Ломоносова былъ отдѣленъ церковно-славянскій языкъ отъ русскаго, но только на практикѣ. Ломоносовъ это раздѣленіе двухъ языковъ возвелъ до разумнаго сознанія въ своей грамматикѣ, въ разсужденіи о церковныхъ книгахъ, въ планѣ филологическихъ занятій.

Послѣдующая судьба русской грамматики состоитъ въ связи съ успѣхами русскаго просвѣщенія, преимущественно подъ вліяніемъ иностранныхъ. Взгляды французовъ и нѣмцевъ попеременно были прилагаемы къ изученію нашего языка. Даже въ настоящее время нѣкоторые изъ русскихъ, подъ вліяніемъ французской грамматики, бѣдной этимологическими формами, не видятъ особенной надобности въ строго-научномъ изслѣдованіи формъ языка русскаго. Другіе, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ умозрѣній, изъ русской грамматики хотятъ сдѣлать философію языка вообще, или же философію языка русскаго въ-частности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенно руководствуются не самостоятельными изученіемъ формъ языка русскаго по его историческимъ и мѣстнымъ видоизмѣненіямъ, сравнительно съ церковно-славянскимъ и прочими соплеменными нарѣчіями, а общими философскими воззрѣніями на существо языка и, такъ-сказать, на философію грамматической терминологіи.

Тотъ, кто желаетъ быть *самостоятельнымъ* въ своихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка, кто желаетъ вести дѣло на *народномъ преданіи*, тотъ долженъ обратиться къ источникамъ нашей грамматики, къ языку церковно-славянскому съ прочими славянскими нарѣчіями и къ языку русскому, народному, въ его видоизмѣненіяхъ.

Авторъ сочиненія «О русскихъ глаголахъ» задалъ себѣ задачу самостоятельно и на основахъ національныхъ опредѣлить значеніе видовъ и показать ихъ отношеніе ко временамъ. Чтò же представляли ему сказанные источники? Какія данныя онъ долженъ принять въ соображеніе въ языкѣ церковно-славянскомъ, въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и, наконецъ, въ историческихъ и областныхъ видоизмѣненіяхъ языка собственно-русскаго?

По нашему мнѣнію, важнѣйшія данныя, которыя необходимо было автору «О русскихъ глаголахъ» принять въ соображеніе, слѣдующія:

1) Такъ—какъ русскій языкъ утратилъ большую часть измѣненій въ спряженіяхъ (флексіи спряженія), то должно обратиться къ языку церковно-славянскому, и уже по спряженіямъ этого языка судить о томъ, что свойственно или несвойственно въ спряженіяхъ славянскому духу вообще и русскому въ—особенности. Г. Аксаковъ, сказавъ, что прошедшее время русскихъ глаголовъ есть не глаголь, а причастіе, и что будущее и настоящее времена различаются между собою не по временамъ, а по употребленію видовъ глагола, на стр. 14-й и 15-й говорить: «И такъ уже съ перваго взгляда видно, что русской языкъ совершенно особенно и самостоятельно образовалъ глаголь. Языкъ нашъ обратилъ вниманіе на внутреннюю сторону или качество дѣйствія, и отъ качества уже вывелъ, по соответствію, заключеніе о времени. — Такой взглядъ несравненно глубже взгляда другихъ языковъ. Вопросъ качества, вопросъ: *какъ?* есть вопросъ внутренней и обличаетъ взглядъ на сущность самаго дѣйствія; вопросъ времени, вопросъ: *когда?* есть вопросъ поверхностный и обличаетъ взглядъ на внѣшнее проявленіе дѣйствія. Я нисколько не завидую другимъ языкамъ (продолжаетъ авторъ) и не стану натягивать ихъ поверхностныхъ формъ на русской глаголь. И такъ, время въ русскомъ глаголѣ вовсе нѣтъ». Говоря все это авторъ не хотѣлъ исключить изъ своей характеристики прочія славянскія нарѣчія, какъ это ясно онъ высказалъ въ примѣчаніи на той же 15-й страницѣ: «говоря о языкѣ русскомъ, мы не исключаемъ другихъ славянскихъ нарѣчій». Мы вполне согласны съ авторомъ, что отглаголь, выраженный видомъ глагола, глубже характеризуетъ дѣйствіе, нежели измѣненіе только по временамъ; но несогласны съ нимъ въ томъ, чтобъ нашъ языкъ «отъ качества вывелъ, по соответствію, заключеніе о времени». Языкъ церковно-славянскій свидѣтельствуетъ намъ, что первоначально въ славянскомъ языкѣ *при видахъ* и *независимо отъ видовъ* существовали и времена. Притомъ и въ самомъ церковно-славянскомъ языкѣ окончанія времени претерпѣли значительныя видоизмѣненія и даже утраты. А именно: впервыхъ, въ эпоху древнѣйшую существовали двѣ замѣчательныя формы, которыя ужъ въ памятникахъ XI-го вѣка замѣнены другими, позднѣйшими. Эти формы слѣдующія: 1) собственно будущее время съ прямотою с или ш; напримѣръ, *измишу, бышущь* (отъ формы *бышу*) и нѣк. друг. (*); 2) прошедшее на с или на коренной согласный звукъ; напримѣръ, *прилсъ, прилсомъ; могъ, могомъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ, какъ остатки маститой древности, встрѣчаются, напримѣръ, въ знаменитомъ текстѣ Упия по различнымъ спискамъ.

(*) Выражая церковно-славянскія формы русскимъ шрифтомъ, мы замѣнили юсы соответствующими имъ въ русскомъ языкѣ буквами. Люди свѣдущіе сами возстановятъ первоначальное начертаніе.

Вовторыхъ, въ общеупотребительномъ церковномъ языкѣ, по древнимъ памятникамъ, строго отличаются двѣ формы прошедшаго : собственно-прошедшее и переходящее; напримѣръ: *несохъ* и *неспахъ*. Уже въ XII вѣкѣ переходящее стало у насъ сокращаться; напримѣръ: *мазахъ*, вмѣсто *мазаахъ*. Имѣя въ виду эти, впрочемъ, обще-извѣстные факты, странно какъ-то перечитать вновь выше-приведенное мѣсто изъ сочиненія г. Аксакова: «Я нисколько *не завидую другимъ языкамъ*» и проч. И прекрасно дѣлаете, что не завидуете, потому-что, хотя нынѣшній русскій языкъ и утратилъ окончанія времени, но нашъ маститый церковный языкъ, прекрасный языкъ преданія, красота и слава не только русской грамматики, но и грамматики прочихъ славянскихъ нарѣчій, языкъ, который не уступитъ въ своемъ построеніи ни одному изъ прочихъ индоевропейскихъ, этотъ языкъ имѣлъ богатая флексія для времени глагола. Потому-то и *для насъ, для русскихъ*, времена глаголовъ есть не чужая, заимствованная мода, а коренное свойство славянскаго языка. Но г. Аксаковъ увлекся противоположностью времени и видовъ, и, забывъ, что времена есть существенная потребность славянской рѣчи, осудилъ ихъ на изгнаніе и съ полной увѣренностью возвелъ свое осужденіе до общаго, философскаго воззрѣнія: «Что касается до прошедшаго дѣйствія (говоритъ онъ), то оно не есть дѣйствіе по понятію русскаго языка, и *это очень вѣрно* (?). Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ скоро дѣйствіе прошло — гдѣ же дѣйствіе? его нѣтъ; остается тотъ, кто совершилъ дѣйствіе, предметъ, изъ котораго проистекло оно и въ которомъ пребывало; въ такомъ случаѣ все значеніе дѣйствія переходитъ на предметъ, дѣйствительно или отвлеченно-представляемый и становится уже качествомъ предмета или прилагательнымъ» (стр. 13). Странное дѣло! Г. Аксаковъ думалъ этимъ философствованіемъ только возвысить русскій языкъ передъ прочими индоевропейскими; но, въ увлеченіи своемъ, наложилъ руку на превосходныя формы спряженія церковно-славянскихъ и прочихъ славянскихъ нарѣчій. Что жь? Не-уже-ли и церковно-славянскій и другія соплеменные ему нарѣчія впадали въ ошибку, шли по пути поверхностнаго разумѣнія, имѣя формы прошедшаго времени, а языкъ русскій призванъ былъ исправить эту ошибку, возстановитъ виды и ниспровергнуть времена? Но вѣдь церковно-славянскій языкъ имѣетъ и времена, и виды: значить, одно другому не мѣшаетъ. Мы должны считать себя счастливыми, что удержали въ своемъ языкѣ виды, которыми *славянскій языкъ дѣйствительно стоитъ выше прочихъ индоевропейскихъ*; но все же должны мы помнить, что языкъ православнаго преданія, древнѣйшій изъ прочихъ славянскихъ и лучшій, при видахъ, находилъ необходимымъ имѣть и времена. Изъ уваженія и любви къ превосходнымъ памятникамъ нашей письменности, отъ XI до XVII вѣка, именно изъ искреннаго сочувствія къ *своему, къ родному*, не можемъ мы согласиться съ этимъ

ложно-понятнымъ и ложно-направленнымъ самовосхваленіемъ, которое продиктовало г. Аксакову вышеприведенныя слова : « что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію русскаго языка, и *это очень вѣрно* ». Нѣтъ, г. Аксаковъ, невѣрно! Свидѣтель тому — языкъ церковно-славянскій, передъ которымъ разсыпается вся хитрая теорія, направленная противъ временъ глагола. Имѣлъ же въѣдъ церковный языкъ, сверхъ простыхъ формъ прошедшаго времени, и формы сложныя; напримѣръ, не только *горьхъ, горьахъ*, но и *горьль есмь, горьль быхъ, горьль бяхъ*. Формы простыя въ нашия языки пропали, нѣкоторыя изъ сложныхъ остались. Развѣ можно возводить къ общему, философскому разумнѣю остатокъ, отрывокъ, уцѣлѣвшій отъ древнѣйшаго стройнаго организма, и перейти молчаніемъ это цѣлое стройное, первобытное? Нѣтъ, не можетъ быть такъ односторонняя и узка истинная, неліцепріятная, искренняя привязанность къ своему, къ родному языку!

2) Говоря о такихъ существенныхъ, коренныхъ формахъ языка, каковы времена и глаголы, необходимо опредѣлять ихъ значеніе и видоизмѣненія во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и потомъ уже показать особенности языка русскаго. Сближенію съ прочими славянскими нарѣчіями учать насъ наши благочестивые предки, смиренные списыватели и перелазгатели старинныхъ рукописей. Сколько болгарскихъ и сербскихъ памятниковъ было усвоено нашею древнею литературою! Не-уже-ли мы отстанемъ отъ своихъ предковъ и не поведемъ ихъ дѣла впередъ? Авторъ разбираемаго сочиненія чувствовалъ потребность этого общеславянскаго элемента, но отдѣлался отъ него краткамъ прииѣчаніемъ на стр. 15 : « Говоря о языкѣ русскомъ, мы *не исключаемъ* другихъ славянскихъ языковъ. Въ какой мѣрѣ встрѣчается въ нихъ то же устройство, этого теперь мы не разсматриваемъ ». Положимъ такъ ; но зачѣмъ , на той же самой страницѣ, говоря о томъ , что виды лучше времени, авторъ наивно выражается : « я *нисколько не завидую* другимъ языкамъ и не стану натягивать ихъ поверхностныхъ формъ на «русскій глаголъ?» Можно и не говорить о славянскихъ нарѣчіяхъ; но для чего же съ такимъ пренебреженіемъ отзываться о тѣхъ свойствахъ, которыми эти нарѣчія отличаются отъ нашего? Признаемся, намъ пріятнѣе было бы убѣдиться, что авторъ сочиненія «О русскихъ глаголахъ» вовсе не знаетъ, что какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ есть окончанія временъ, именно прошедшихъ, нежели предполагать въ немъ желаніе отвергнуть отъ нарѣчія русскаго всѣ прочія славянскія, прикинувъ ихъ къ другимъ языкамъ индоевропейскимъ. Чтѣ же это такое значить «*не завидую* другимъ языкамъ»? Завидуютъ только чужому, и мы никакъ не умѣемъ понять, какъ можетъ кому-нибудь прійти въ голову завидовать церковно-славянскому языку, который весь принадлежитъ намъ, и по преданію, и по идеѣ

православія, и по неотразимому, благотворному дѣйствию его на языкъ русскій! Авторъ, конечно, не туда направлялъ свой ударъ: онъ имѣлъ въ виду только несообразность съ свойствами русскаго языка нагромоздить безобразное спряженіе изъ видовъ русскаго глагола, вставивъ ихъ въ рамки временъ, заимствованныя изъ иностранныхъ грамматикъ. Это совершенно—справедливо, и мы вполне сочувствуемъ автору въ его патристическомъ негодованіи на эти жалкія копія съ чуждыхъ нашей жизни оригиналовъ. Но какую же услугу оказалъ авторъ національному началу русской грамматики? Думая только чужихъ осудить за времена, онъ пренаивно поражаетъ своихъ, выводя какую-то страшную теорію о томъ, что времена глагола есть вещь пустая, поверхностная, недостойная нашего языка, тогда-какъ родственныя намъ нарѣчія сохраняютъ эту особенность славянскаго языка и до-сихъ-поръ. Какое хотите примите начало въ основу нашего первоначальнаго быта—семейное ли, родовое ли, или племенное—во всякомъ случаѣ вы не можете вырвать русскаго языка изъ роднаго его гнѣзда—славянскихъ нарѣчій: въ противномъ случаѣ вы обличите въ своихъ началахъ, въ своихъ убѣжденіяхъ отсутствіе того живаго начала, которое проникаетъ общимъ духомъ всѣ славянскія нарѣчія и которое съ замѣчательною энергіею выражается въ построеніи славянскаго глагола.

3) Перехода собственно къ русскому языку, мы должны обратить вниманіе на историческое его развитіе. Этимологическія формы падаютъ, и на развалинахъ ихъ созидаются новыя формы, но уже по преимуществу синтаксическія. Такъ русскій языкъ утратилъ окончанія двойственнаго числа, за исключеніемъ немногихъ остатковъ; окончанія прошедшихъ временъ, мѣстный падежъ, и проч. Особенно пострадалъ русскій языкъ въ спряженіяхъ: именно въ этомъ и уступаетъ онъ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. За то онъ удержалъ въ значительной сохранности формы склоненія. Изъ спряженія же усвоилъ онъ себѣ формы сложныя, синтаксически-образовавшіяся уже въ древнѣйшую эпоху церковно-славянскаго языка. Согласно съ развитіемъ синтаксическаго начала въ позднѣйшій періодъ языка, эти синтаксическія формы вполне могли удовлетворять потребностямъ русской рѣчи. Сложное будущее время мы удержали въ древнемъ, церковно-славянскомъ составѣ—напримѣръ, *буду читать*; въ прошедшемъ мы опустили вспомогательный глаголъ—напримѣръ, *я читалъ*, вм. *азъ есмь читалъ*; впрочемъ, до позднѣйшихъ временъ употреблялись въ русскомъ языкѣ: *есми далъ*, *еси далъ* и другія формы, въ которыхъ *есми* или *есмь*, *еси* означали уже болѣе лицо, нежели самый глаголъ. Наконецъ мы удержали и условное время въ частицѣ *бы*; напримѣръ, *я читалъ бы*, *онъ читалъ бы*, вм. *азъ читалъ быхъ*, *онъ читалъ бы*. Такимъ-образомъ русскій языкъ утратилъ всякое сочувствіе къ окончаніямъ прошедшаго времени, замѣнивъ полныя и живыя формы: *быхъ*, *быхомъ*, *бысте* неизмѣняемою

частицею *бы*. Этимологическая сила спряженія могла вновь привѣться къ причастию прошедшаго времени и изъ причастія произвести глаголь, какъ это видимъ въ польскомъ нарѣчїи. Но русскій языкъ удержалъ только причастие, предоставивъ нарѣчїямъ чешскому, лужицкому, болгарскому и другимъ древнѣйшія, простыя формы прошедшаго времени.

Авторъ сочиненія «О русскихъ глаголахъ» постоянно касается нашего прошедшаго времени, состоящаго изъ причастія и опущеннаго при немъ вспомогательнаго глагола. Отсюда видно, что авторъ допускаетъ въ область своей философской системы сложныя формы спряженія. Но насъ крайне удивляло, почему онъ переходитъ молчаніемъ сложныя формы будущаго времени, каковы: *хочу читать, буду читать, имамъ читать, стану читать*. Правда, это уже не этимологическія, а синтаксическія формы; но и *есмь читалъ, быхъ читалъ* — такія же синтаксическія выраженія; а о прошедшемъ причастиі авторъ говоритъ весьма-часто и, какъ мы уже замѣтили, даетъ ему особенное значеніе въ своей системѣ. А стоило бы коснуться и формъ будущаго времени! Онѣ возбуждаютъ въ насъ двоякое сочувствіе къ національному началу нашей грамматики. Вопервыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ организмъ прочихъ славянскихъ нарѣчїй; напримѣръ, *хочу*, сросшись съ глаголомъ спрягаемымъ, образуетъ будущее время въ нарѣчїяхъ сербскомъ, болгарскомъ; при этомъ полная форма *хочу* сокращается въ *тю* или *шту, ште, штем*. Вовторыхъ, не только въ малорусскомъ, но и въ великорусскомъ языкѣ, по областнымъ его нарѣчїямъ, глаголь *иму*, слагаясь съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ спрягаемаго глагола, образуетъ будущее время: при этомъ и у насъ, въ областномъ великорусскомъ языкѣ *иму, имешь* — сокращаются въ *му, мешь* и проч. Напримѣръ, въ малорусскомъ: *спиватыму, спиватымешь, спиватымемо* (то-есть буду, будешь, будемъ пѣть); въ великорусскомъ: *не му пахать* (не стану пахать). Или этихъ формъ г. Аксаковъ не зналъ, или умолчалъ о нихъ намѣренно. Въ первомъ случаѣ національное начало его теорїи пострадало бы отъ недостатка основательности; во второмъ — отъ недостатка искренности. Какъ бы то ни было, но страница 13-я разбираемаго нами сочиненія убѣждаетъ насъ, что автору вовсе не нужны были сложныя формы будущаго времени, потому-что онѣ противорѣчатъ его теорїи. Г. Аксакову нужно было доказать, что видъ продолженный не имѣетъ будущаго времени; напримѣръ, *говорю* есть время настоящее, въ противоположность будущему *скажу* вида совершеннаго. Г. Аксаковъ не хочетъ обращать никакого вниманія на формы, какъ, напримѣръ, *буду говорить*, болгарское *думаештеж* (буду думать), сербское *игратеш* (будешь играть), малорусское *спиватыме* (будемъ пѣть), великорусское *не му пахать*; и чтобъ выставить на видъ всю бессмысленность этихъ формъ, онъ удовольствовался слѣдующимъ умозрѣніемъ: «Неопредѣленное дѣй-

« ствіе, съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно « продолжающимся; поэтому *двигать* образуетъ *время настоящее*. « Дѣйствіе, какъ мгновение, напротивъ, длиться не можетъ, слѣдователь- « но не можетъ быть настоящимъ; понятое въ минуту своего проявле- « нія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому, относительно « времени, принимается и употребляется какъ будущее время, наприм. « *двину*» (стр. 13). Такъ г. Аксаковъ принесъ въ жертву своей фило- « софіи тѣ факты, которые предлагалъ ему славянскій языкъ въ слож- « ныхъ формахъ будущаго времени. Фактъ, лежащій въ основѣ умозрѣ- « нія г. Аксакова, не подлежитъ сомнѣнію, но только не въ той фило- « софской ограниченности, въ которой онъ здѣсь выставленъ. Дѣйстви- « тельно, отъ формы *двигать* образуется настоящее *двигаю*, а отъ фор- « мы *двину*тъ — форма *двину*, употребляемая иногда въ будущемъ. Но « и продолженный видъ способенъ къ образованію будущаго времени, въ « описательномъ: *буду двигать*; совершенный же видъ собственно, эти- « мологически, имѣетъ такъ же, какъ и продолженный, только форму на- « стоящаго времени, но принимаетъ смыслъ и будущаго.

4) Утрата многихъ окончаній, для означенія временъ, вознаграждает- « ся въ нашемъ языкѣ видами. Мы совершенно согласны съ высокимъ мнѣніемъ, которое авторъ имѣетъ объ этой особенноти нашихъ глаго- « ловъ; но жалѣемъ, что она представлена имъ съ той же односторон- « ностью, какую замѣтили мы въ понятіи его о временахъ. Вопервыхъ, « какъ уже было замѣчено, онъ долженъ былъ бы выставить тотъ фактъ, « что первоначально вообще въ славянскомъ языкѣ, а также и теперь « въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ *виды* существовали и существуютъ « *при временахъ*. Вовторыхъ, по ближайшему родству славянскаго язы- « ка съ литовскимъ, онъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на этотъ « послѣдній языкъ и показать отношеніе славянскаго къ литовскому « относительно видовъ глагола, тѣмъ болѣе, что литовскій глаголъ от- « личается замѣчательнымъ родствомъ съ славянскимъ. Если хотимъ « ясно понять *свое*, мы должны во всей точности знать его границы. Встре- « тивъ, авторъ неясно опредѣлилъ себѣ понятіе о томъ мѣстѣ, ка- « кое занимаетъ видъ въ образованіи нашего глагола.

На этотъ послѣдній пунктъ обратимъ особенное вниманіе.

Хотя авторъ не развиваетъ мысли о томъ, что виды принадлежатъ « не *измѣненію* глагола, то-есть не *спряженіямъ*, а образованію « словъ, то-есть словопроизводству, однако изъ всего его сочиненія « болѣе или менѣе явствуетъ эта мысль, по нашему мнѣнію, совершен- « но-справедливая. Допустивъ эту мысль, мы непремѣнно должны будемъ « согласиться съ авторомъ, что видами обозначается *качество дѣйствія* « (стр. 15). Но намъ кажется, что, сверхъ качества, необходимо должно « присовокупить къ понятію о видахъ и *количество дѣйствія*, или, « выражаясь точнѣе, *мѣру, измѣреніе дѣйствія*. Впрочемъ, согла-

свились съ авторомъ въ этомъ случаѣ, мы, какъ уже было замѣчено, никакимъ образомъ не можемъ понять, почему качество или количество дѣйствія *лучше, почетнѣе, глубже* понятія о времени дѣйствія. Намъ кажется, что то и другое равно-хорошо само-по-себѣ; и тѣ языки, въ которыхъ есть и то и другое, представляютъ образецъ счастливой организаціи, какъ языкъ церковно-славянскій.

Мы удивляемся, почему авторъ, присовокупивъ виды къ словопроизводству и опредѣливъ ихъ качествомъ дѣйствія, не сблизилъ видовъ съ залогомъ, между-тѣмъ, какъ принадлежности нашего глагола во многихъ пунктахъ между собою соприкасаются. А именно: 1) посредствомъ подъема или усилена гласнаго звука иногда измѣняется залогъ, напр. *теку* и *точить* (напр. *точить кровь, точить воду*); иногда измѣняется видъ, напр. *везу* и *возить*. 2) Въ томъ и другомъ случаѣ между кореннымъ и производнымъ глаголомъ, по большей-части стоятъ имя; напр. *теку, токъ* и *точить*; *везу, возъ* и *возить*. 3) Весьма-часто предлогъ, приставленный къ глаголу, въ одно и то же время измѣняетъ и видъ, и залогъ; напр. *иду* и *наиду, лежу* и *отлежу*. Сюда принадлежить цѣлый рядъ прекрасныхъ народныхъ формъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся*. Напр. въ пѣсняхъ :

Ахъ! вы очи, очп ясныя,

Вы глядѣли, да *оглядѣлися*;

Вы смотрѣли, да *осмотрѣлися*. (Издан. Чулкова 1, 144).

Мысль, опредѣляющая самое существо видовъ, заимствована авторомъ сочиненія «О русскихъ глаголахъ» у г. Каткова, изъ превосходнаго изслѣдованія его «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка». Выписку изъ этого изслѣдованія г. Аксаковъ приводитъ въ приложеніяхъ. Мысль г. Каткова состоитъ въ томъ, что видами глагола, между прочимъ, означаетъ наглядность, или конкретность, и отвлеченность въ представленіи дѣйствія. Эта мысль особенно плодотворна въ приложеніи ея къ историческому развитію нашихъ глаголовъ. Замѣчательно, что коренные глаголы, ближайшіе къ непосредственному представленію, словомъ выражаемому, по преимуществу означаютъ дѣйствіе наглядное, напр. *несу, везу*; произведенные же отъ нихъ глаголы, къ понятію о продолженіи дѣйствія, присовокупаютъ неопредѣленность и отвлеченность; напр. *ношу, возжу*. Слич. *летитъ* и *летаеть*, *пльвентъ* и *плаваеть*. Весьма-важно то обстоятельство, что между кореннымъ, нагляднымъ глаголомъ и глаголомъ вида неопредѣленнаго и отвлеченнаго по-большей-части стоитъ посредствующимъ членомъ производное имя. Напр. *везу, возъ, возить*. Въ этомъ отношеніи глаголы: *возить* (отъ *возъ*), *носить* (отъ *носъ*, напр. въ словахъ *при-носъ, под-носъ*), *водить* (отъ *водъ*) и т. д. — стоятъ на одной

степени съ другими, произведенными отъ именъ, каковы напр. *пировать* (отъ *пиръ*), *тосковать* (отъ *тоска*) и т. п. Странно, что г. Аксаковъ, на стр. 24, обратилъ вниманіе только на отлчіе этихъ послѣднихъ глаголовъ отъ первыхъ, а не замѣтилъ указаннаго нами сходства. Вотъ слова г. Аксакова: «отъименные глаголы различаются своимъ значеніемъ отъ глаголовъ неопредѣленной степени, какъ существенныхъ, такъ и отвлеченныхъ, именно въ томъ, что глаголы отъименные выражаютъ произволъ; дѣйствіе является въ нихъ не необходимымъ слѣдствіемъ жизни, а какъ бы произвольнымъ». Если это касается не всѣхъ отъименныхъ глаголовъ, то авторъ долженъ бы обратить вниманіе на то, что и *водитъ*, *носитъ*, *возитъ* и проч. суть тоже отъименные глаголы. Сверхъ-того, должно замѣтить, что авторъ смѣшалъ характеристику дѣйствія, выражаемаго глаголомъ, съ характеристикой самого производства этихъ глаголовъ. Дѣйствіе, выражаемое глаголами *пировать*, *тосковать* и т. п., точно также не произвольно, какъ и выражаемое глаголами *плакать*, *грустить*. Но справедливо, что глаголы *ходатайствовать*, *покровительствовать* и т. п. суть глаголы книжные, образованіе которыхъ зависѣло отъ случая и отъ произвола людей книжныхъ. Ошибка автора состоитъ, по нашему мнѣнію, еще и въ томъ, что онъ распространилъ понятіе о произволѣ на всѣ отъименные глаголы, оканчивающіеся на *овать* и *евать*, тогда-какъ это касается только нѣкоторыхъ. Правда, что эту форму пользуютя и глаголы позднѣйшіе, но не потому, чтобъ сама форма на *овать* и *евать* была позднѣйшею, а потому, что она очень-удобна для производства. Потому-то и пользуютя ею глаголы, заимствованные изъ чужихъ языковъ; напр. *рисовать*, *малевать*, *танцевать* и проч., точно также, какъ чисто-русскіе отъименные: *миловать*, *полевать*, *пировать*, *днествовать*, *воевать*, древній глаголъ *объдовати*, *объдую* (откуда сократившееся позднѣйшее *объдать*, *объдаю*) и проч. Глаголы заимствованные, конечно, образовались произвольно; но наши собственные, старинные и народные, построены по такому же закону *необходимости*, какъ и всѣ прочіе. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы назвать произвольными и другіе отъименные, какъ напр. *морить* (отъ *морь*), *сушить* (отъ *сушь*), *вдовѣть* (отъ *вдова*), *женить* (отъ *жена*) и проч.

Возвращаясь къ мысли о томъ, что виды принадлежатъ къ образованію словъ, или къ словопроизводству, мы должны замѣтить, что авторъ сочиненія «О русскіхъ глаголахъ», заключивъ свое ученіе о видахъ въ замкнутую философскую систему, какъ-бы подчиненную законамъ необходимости, опустилъ изъ виду цѣлый разрядъ словъ, и тѣмъ, по нашему мнѣнію, его система, при всей кажущейся округленности и замкнутости, не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросы, предлагаемые намъ самимъ языкомъ. Сила однократнаго вида

распространилась у насъ на особенныя этимологическія формы, которыя стоятъ между глаголомъ и междометіемъ. Какъ глаголы, эти формы употребляются въ видѣ сказуемаго и различаются по залогамъ, а сверхъ-того выражаютъ мгновенность и быстроту дѣйствія. Какъ междометія, онѣ не измѣняются и къ понятію о мгновенности дѣйствія присовокупляютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, звукоподражаніе и выраженіе быстрого движенія чувствъ. Напр. *хватъ, глядь, прыкъ, бухъ, чашъ* и т. п. Какъ настоящій глаголь, употребляется эта форма, напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ у Крылова: «Подруга каждая тутъ тихо *толкъ* подругу». Многія изъ этихъ однократныхъ реченій теперь уже выходятъ изъ употребленія; напр. *совъ* (отъ *совать*), приводимое Ломоносовымъ въ его грамматикѣ; *верть*, употребленное въ старинной пословицѣ, помѣщенной въ «Письмовникѣ» Курганова: «Ѣхалъ дорогою, да *верть* цѣлкомъ». Кто изъ русскихъ не назоветъ всѣхъ этихъ реченій своими собственными, народными, выражающими ту свѣжесть, быстроту и изобразительность, которыми такъ метко и сильно русское слово? Къ-сожалѣнію, теорія г. Аксакова равнодушно прошла мимо этихъ животрепещущихъ формъ и, вмѣсто симпатическаго отзыва, наложила на нихъ печать отверженія: «Дѣйствіе, по существу своему (говорить г. Аксаковъ) необходимо выходить изъ неопредѣленности и выражается, какъ живое осязательное явленіе, осуществляется вполне. Дѣйствіе становится опредѣленнымъ. Здѣсь собственно предъяляетъ свои права время, которое, понятое дѣйствительно, является только будущимъ и прошедшимъ» (стр. 25). Далѣе, прилагая эту мысль къ виду однократному или совершенному, онъ продолжаетъ: «Дѣйствіе опредѣленное, перешедшее въ міръ явленій, въ міръ преходящаго, предстаетъ какъ живой, конкретный моментъ, который во времени можетъ быть схваченъ только какъ наступающій. Длиться моментъ не можетъ: *настоящее время здѣсь несообразность; время же прошедшее не есть дѣйствіе (?)*. Наступающій моментъ, относительно времени, соответствуетъ будущему, какъ грядущему». Но вышеприведенныя однократныя формы стоятъ внѣ условій времени, выражаютъ однократность, мгновенность — и только; время же ихъ опредѣляется произволомъ говорящаго, зависитъ отъ теченія рѣчи; точно также, какъ вообще глаголы вида совершеннаго или однократнаго имѣютъ значеніе то настоящаго, то будущаго времени.

Наши предки употребляли этотъ видъ не по теоріи г. Аксакова, и потому не чувствовали *несообразности*, давая ему смыслъ настоящаго времени. Напримѣръ, въ остромировомъ спискѣ: «нынѣ *отлустиши* раба твоего», въ исправленномъ: *отлущаеши*; въ остромировомъ: «скръжьщеть зубы своими, и *оцльпльеть*»; въ исправленномъ: *оцльпльваетъ* (Лук. 2, 29; Марк. 9, 18).

Если хотимъ построить философію языка на прочномъ основаніи, то

должны прислушиваться къ самымъ фактамъ, извлекать философію изъ самого языка. А какъ пріятно прислушиваться къ звукамъ языка роднаго, когда искренно его любишь! Авторъ сочиненія «О русскихъ глаголахъ» полагаетъ рѣзкую черту между видами, продолженнымъ и совершеннымъ, и между временами настоящимъ и будущимъ. Можетъ-быть, для философіи искусственной такое противоположеніе видовъ и временъ необходимо, хотя бы ради симетріи въ постройкѣ системы; но настоящая, живая философія языка указываетъ намъ на смѣшеніе видовъ въ глаголахъ неправильныхъ, то-есть въ древнѣйшихъ; а именно: *есмь, вѣмь, ямь* (наше *ьмь*) — вида продолженнаго и времени настоящего; а во всемъ соответствующій имъ глаголь *дамь* (наше *дамъ*) — вида совершеннаго или однократнаго и времени будущаго. Мало того: смѣшеніе это простирается далѣе. И глаголь *дамь*, по преимуществу принимавшій значеніе будущаго времени, весьма-часто употреблялся и въ настоящемъ; напримѣръ, въ правой грамматѣ 1483 года: «Игумень Лаврентей и старцы кузюдемьянскіе насъ шестой части въ Перервѣ рѣки лишаютъ, а проѣзду намъ не *дадутъ*» (вм. *не даютъ*). — «Отвѣчайте, почему вы игумена Тарасья и старцовъ сѣтогорскихъ въ Перервѣ рѣки лишаете шестой доли, а проѣзда намъ не *дадите*» (вм. *не даете*). Или, въ юридическомъ актѣ подъ 1511 годомъ, вѣстѣ съ глаголомъ *возьму*, употребленномъ также въ настоящемъ времени: «азъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ, господине, тое деревни не *отдадутъ*, а денегъ не *возмутъ*» (вм. *не дадутъ и не берутъ*).

Г. Аксаковъ, начиная свою теорію, самъ чувствовалъ, что виды стоятъ у насъ независимо отъ временъ. Вотъ что говоритъ онъ на стр. 9-й: «Будущее принимаетъ такой видъ, что будущимъ называть его нельзя. Для примѣра возьмемъ здѣсь слѣдующую рѣчь: «всякой день проходилъ у насъ однообразно: я *пойду* къ его двери, *стукну* раза два» и проч. Зачѣмъ же не преслѣдовалъ онъ этой мысли в, увлекшись своей системой, подчинилъ видъ совершенный будущему времени? На стр. 26-й онъ говоритъ рѣшительно: «длиться моментъ не можетъ: *настоящее время здѣсь несообразность*» — «наступающій моментъ, относительно времени, соответствуетъ *будущему*, какъ *грядущему*».

Какъ относительно временъ авторъ ограничился только нѣкоторыми данными, и потому составилъ теорію о временахъ, обидную для славянской старины и народности, такъ и въ теоріи видовъ онъ погрѣшилъ главнѣйшимъ образомъ потому, что ограничилъ свою философію немногими формами современнаго и по преимуществу книжнаго языка. Еслибъ съ высоты своихъ философскихъ воззрѣній онъ спустился до народности и историческаго преданія, то ясно бы увидѣлъ, что глаголы, взятые имъ въ соображеніе — не что иное, какъ отрывочные остат-

ки обширной системы видовъ, развитой въ большей цѣлости и полнотѣ въ историческомъ теченіи языка, и частью сохранившейся въ областныхъ нарѣчіяхъ. Такъ, напримѣръ, многократныя формы *пиваю*, *пдаю* теперь употребляются или въ прошедшемъ : *пивалъ*, *пдалъ*, или съ предлогами въ значеніи продолженныхъ глаголовъ : *выпиваю*, *съпдаю*; въ старинномъ же и народномъ языкѣ находимъ и дѣепричастіе настоящаго времени : *пиваючи*, *пдаючи*; напримѣръ, въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ : «онъ бьется, дерется цѣлый день, не *пиваючи*, не *пдаючи*». Глаголь *прошати* въ общепринятомъ языкѣ употребляется только съ предлогомъ : *вопрошати*; а въ тѣхъ же стихотвореніяхъ встрѣчаемъ : «*прошаютъ* у него святую милостыню».

Нѣкоторые глаголы, утративъ продолженный видъ, употребляются теперь въ языкѣ общепринятомъ, только въ формѣ вида совершеннаго, но въ значеніи продолженнаго, и потому формѣ будущаго времени даютъ смыслъ настоящаго. Напримѣръ, въ церковнославянскомъ : совершенный видъ *кръстити*, откуда будущее время *кръщу*, и продолженный видъ *кръщати*, откуда настоящее *кръщаю*; но у насъ *крещати* и *крещая* вышло изъ общаго употребленія и удержалось кое-гдѣ только въ областныхъ говорахъ; совершенному же виду *крестить* мы даемъ значеніе продолженнаго; потому и *крещу* употребляемъ въ значеніи уже не будущаго, а настоящаго времени. Примѣры церковно-славянскихъ формъ смотри по остромирову списку : Матѣ. 3, 11; Іоан. 3, 26.

Сверхъ-того, нѣкоторые глаголы теперь причисляются къ совершенному виду; а въ старинномъ языкѣ, и даже иногда въ новомъ, у писателей образцовыхъ принимаются въ продолженномъ видѣ и, слѣдовательно, въ настоящемъ времени, вмѣсто общеупотребительнаго будущаго. Таковы глаголы *купить куплю*, *рѣшить рѣшу*, *кончить кончу*. Напримѣръ, въ пословицахъ, по сборнику XVII-го вѣка : «мыло *купятъ* (вм. *покупаютъ*) на лишнюю денежку» — «*продаютъ* товаръ збойствомъ, а *купятъ* (вм. *покупаютъ*) назойствомъ». У Жуковскаго : «сіе великое событіе навсегда *рѣшить* (вм. *рѣшаетъ*) судьбу нашего отечества» VII, 268. У Батюшкова : «въ Террачянѣ *кончится* (вм. *оканчивается*) Европа» I, 361.

Отсюда понятно, почему въ современномъ языкѣ есть такіе глаголы, которые равно употребляются и въ продолженномъ, и въ совершенномъ видѣ; таковы : *вельтъ*, *женить*, *казнить*, отъ которыхъ формы : *велю*, *женю*, *казню* употребляются и въ настоящемъ и въ будущемъ времени.

Но довольно этихъ подробностей. Мы хотѣли только обратить вниманіе на полноту и разнообразіе жизни во множествѣ интересныхъ фактовъ, предлагаемыхъ намъ исторію нашего языка и, къ-сожалѣнію, ненаходящихъ себѣ объясненія въ теоріи г. Аксакова.

Однако, чтобъ статья наша не вышла обширнѣе разбираемаго сочиненія, обратимся къ рассмотрѣнiю того способа, которымъ пользовался г. Аксаковъ въ своихъ грамматическихъ разсужденiяхъ.

Русскiй языкъ, какъ уже было замѣчено, предлагаетъ обильный материалъ какъ для этимологическихъ, такъ и для синтаксическихъ изслѣдованiй. Такъ-какъ въ языкѣ этимологическая форма живетъ одною, нераздѣльною жизнью съ синтаксическою силою, связывающею эту форму съ другими, то нераздѣльное существованiе въ языкѣ этимологiи и синтаксиса можно представить и въ ученiи объ языкѣ, именно въ общемъ, этимологически-синтаксическомъ обзорѣнiи. Именно такое-то обзорѣнiе и думалъ предложить г. Аксаковъ въ своемъ сочиненiи «О русскихъ глаголахъ». Само-собою разумѣется, что этому общему обзорѣнiю должна предшествовать аналитическая разработка какъ этимологiи, такъ синтаксиса. Но, къ-сожалѣнiю, должно замѣтить, что авторъ разбираемаго сочиненiя имѣлъ весьма-ограниченныя средства и въ этимологическомъ, и въ синтаксическомъ разборѣ. Это видно изъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Авторъ не имѣетъ надлежащаго понятiя о звукахъ, ученiе о которыхъ составляетъ основу всей этимологiи. На стр. 25-й онъ говоритъ: «*Кую* имѣетъ *коваль*; но это *коваль*, есть уже другая форма неопредѣленной степени, отвлеченная: *ковать*; она употребительна лишь въ отглагольныхъ прилагательныхъ; *коваю* (изъ *куаю*) не употребляется. Въ древности встрѣчается и существенная форма: *куть*. Почему этотъ глаголь, а также и другiе, *клюю*, *плюю*, *жую*, *сую* (въ глаголь *сую*, какъ въ *кую*, кромѣ *совать*, намъ еще слышна форма *сутъ* въ малоупотребительномъ: *суль*, откуда: *сулица*) представляютъ такую особенность, этого мы здѣсь подробно не разсматриваемъ; скажемъ только, что, вѣроятно, *е*, выступившее здѣсь въ отглагольныхъ формахъ неопредѣленной отвлеченной степени (*ковать*, *клевать*; *коваль*, *клевалъ* и т. д.) есть эвфоническое; оно выступило даже и въ глагольной формѣ, неопредѣленной существенной степени, въ словѣ: *плыву*, первоначальный видъ которой есть, конечно: *плыю* — *плыть*». Весьма-сбивчивое понятiе автора о законахъ звуковъ обозначилось здѣсь въ его мнѣнiи объ эвфоническомъ *е*, входящемъ, какъ думаетъ авторъ, въ составъ глаголовъ *ковать*, *плевать*, *плыву* и пр. Эвфоническимъ, то-есть вставляемымъ для благозвучiя, этотъ звукъ бываетъ тогда, когда онъ прилагается къ гласнымъ въ избѣжанiе неблагозвучiя, или когда соответствуетъ другимъ эвфоническимъ, для благозвучiя вставляемымъ или приставляемымъ. Напримѣръ, *одвать* вмѣсто *одѣвать*: этому *е* соответствуетъ здѣсь *і*, оказавшееся въ *я*, въ формѣ *одѣяти*. Иногда эвфоническому *е* соответствуетъ *і* — напримѣръ въ формахъ: *вострый* и *гострый*, то-есть *острый*. Иногда

въ одномъ и томъ же словѣ чередуются эвфоническія: *в, г, ї*—напримѣръ: *вонъ* (или *винъ*), *гонъ*, *їонъ*, то—есть *онъ*. Но когда *у* переходитъ въ *в*, тогда *в* не можетъ быть эвфоническимъ; оно составляетъ тогда существенную часть слова и есть не иное что, какъ сократившійся гласный звукъ *у*—напримѣръ *завтра* вмѣсто *заутра*. Если вы скажете, что и здѣсь *у* перешло въ *в* для благозвучія, то мы, согласившись съ этой мыслью, присовокупимъ, что и все законы звуковъ основываются на благозвучіи; и тогда всякую замѣну звуковъ придется называть эвфоническою; напримѣръ и *ч* будетъ звукъ эвфоническій, вмѣсто *к*, въ словѣ *что* (*что*). Но авторъ видимо не то разумѣлъ: онъ именно подъ условіемъ *впроятности* признаетъ *в* эвфоническимъ въ формахъ *коваль*, *плевалъ* и т. п.; онъ самъ говоритъ: «*впроятно, в* — есть эвфоническое». Значитъ, по мнѣнію автора, *в* можетъ имѣть и другое значеніе, кромѣ эвфоническаго. А именно въ этомъ-то случаѣ звукъ *в* и имѣетъ другое значеніе: онъ произошелъ отъ гласнаго звука *у*, по известному закону о переходѣ *у* и *ю* въ *ов* и *ев*, или въ *ѡв* и *ѡе*. Напримѣръ: *ку-ю*, *ков-ать*; *плю-ю*, *плев-ать*, древнее церковно-славянское: *пльв-ати*. Сюда же принадлежитъ законъ о переходѣ *ы* въ *ов* или *ѡв*; напримѣръ: *умыть*, *ум-ов-енъ*, церковно-славянское: *ум-ѡв-енъ*; *забыть*, *заб-ѡв-енъ*, за выпускомъ буквы *ѡ*, то—есть церковно-славянское: *заб-ѡв-енъ*.

2) Нигдѣ столько не оказывается вреднымъ отсутствіе церковно-славянскаго основанія, какъ въ ученіи о звукахъ. Тогда только можно рѣшительно опредѣлить какую бы то ни было русскую форму, когда имѣемъ въ виду древнѣйшій составъ ея, засвидѣльствованный древнѣйшими церковно-славянскими памятниками. Наши предки учились грамотѣ по церковнымъ книгамъ; у простаго народа и до-сихъ-поръ любимое чтеніе—псалтирь на церковно-славянскомъ языкѣ. И неужели русскій грамматистъ откажется отъ этихъ обильныхъ источниковъ православнаго преданія? Мы глубоко убѣждены, что только на церковно-славянской основѣ возможно прочное, незбылемое ученіе о языкѣ русскомъ. Безъ этой же основы, въ русской грамматикѣ постоянно будутъ встрѣчаться то ошибки, то недоразумѣнія, и особенно въ ученіи о звукахъ. Авторъ разбираемаго сочиненія предлагаетъ намъ примѣры того и другаго. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ полагаетъ, что первоначальный видъ глагола *плыву* есть, конечно (?): *плью*. Любопытно было бы знать, на чемъ онъ основалъ свое *конечно*, свое окончательное убѣжденіе? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ вовсе ненужно было прибѣгать къ предположеніямъ: первоначальный видъ этого глагола сохранился намъ въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ формахъ: *плути*, *плову*, какъ *слути*, *слову*, какъ *рютти*, *реву* или *рѡву*. Никимъ образомъ не можемъ предполагать, чтобы авторъ не зналъ этихъ начальныхъ элементовъ церковно-славянской грамматикъ;

но тѣмъ неменѣе должны замѣтить, что за невниманіе, за презрѣніе къ нимъ онъ наказанъ ошибкою, которая очутилась подъ его перомъ въ предполагаемомъ первоначальномъ глаголѣ *плюю*. А вотъ примѣръ недоразумѣнія и неточности. На 35-й стр. онъ говоритъ, что иногда «распространяется тема (то-есть глагола) чрезъ гласную, обыкновенно *и* или *ы*: *сплю, сыпаль; вру, вираль* (иногда замѣняется ими вставочное *е*: *беру, бираль; деру, дираль*)». — Положимъ, такъ. Но почему же въ глаголѣ *сыпаль*, отъ кореннаго *спать*, оказывается *ы*, а не *и*? Что жъ это: случай, или необходимое явленіе? Допустимъ, что авторъ не имѣлъ намѣренія входить въ разсужденіе объ этомъ предметѣ; но говорить же онъ о вставкѣ звуковъ *и* и *ы* и о переходѣ *е* въ *и*; почему же не замѣтилъ онъ, что *ы* въ словѣ *сыпаль* стоитъ вмѣсто *и* потому, что въ глаголѣ *спать*, по всѣмъ древнѣйшимъ рукописямъ, между *с* и *п* стоитъ *ѣ*. Если авторъ не хотѣлъ распространяться, то могъ бы ограничиться и тѣмъ, что возлѣ русской формы *сплю* поставилъ церковно-славянскую. Читая книгу г. Аксакова, ежеминутно удивляешься, почему оставался онъ глухъ къ прекраснымъ церковно-славянскимъ формамъ, которыя сами напрашивались. Напримѣръ, онъ говоритъ о формѣ *куть*: почему же было не вспомнить, что *кути* переходитъ въ *кову*, какъ *слуги* въ *слоу*? А какія прекрасныя данныя предлагалъ церковно-славянскій языкъ для историческаго развитія глагола! Напримѣръ: *власти, владу* и *владѣть, владью; гуги* и *гудѣть; руги, реву* и *ревѣть*, и пр.

3) Принявшись за рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ о русскомъ глаголѣ, авторъ не взялъ на себя труда въ-точности опредѣлить *начало, основу*, или *тѣму* глагола. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ. Впервыхъ, на стр. 29-й онъ говоритъ: «отглагольное прилагательное имѣетъ форму: *мгалъ*, отглагольное имя: *мать*, а самъ глаголъ не имѣетъ: *маю*, а имѣетъ другую форму: *мгу*, которой, наоборотъ, не имѣетъ ни отглагольное имя, ни отглагольное прилагательное того же глагола, ибо нельзя сказать: *мтъ, млъ*; здѣсь трудность произношенія не составляетъ препятствія; еслибъ была только форма, глаголъ могъ бы изворотиться въ этомъ затрудненіи, напримѣръ: *пртъ — переть, прлъ — перь (перлв)*... Странное дѣло! Не-уже-ли авторъ не знаетъ, что тѣма неопредѣленнаго наклоненія, въ первоначальномъ ея видѣ, есть *пръ* — именно въ церковно-славянскомъ *запрѣти* (запереть); а эта форма церковно-славянская перешла въ русскую *пере*—(*переть*), точно такъ же, какъ древнимъ формамъ *мрѣти, мльти* соотвѣтствуютъ русскія *мереть, молоть*; по тому же закону, по которому различаются русскія реченія *берегъ, полонъ* и друг., отъ церковно-славянскихъ *бръгъ* (позднѣйшее *берегъ*), *плнькъ*. Впрочемъ, это только частное замѣчаніе; вообще же должно сказать, что запутанность и неопредѣленность въ вышепредложенномъ мнѣніи автора

происходить оттого, что онъ не составилъ себѣ яснаго и точнаго понятія объ основѣ, или темѣ глагола. Сначала должно замѣтить, что тема глагола или совпадаетъ съ самымъ корнемъ глагола, или не совпадаетъ. Примеръ перваго случая: *пек* корень глагола и тема: *пек-у*, *пеци* (вмѣсто *пек-ти*); примеръ втораго: въ глаголѣ *дѣлать* корень *дѣл* (отъ первоначальнаго *дѣ*, черезъ причастіе *дѣль*), а тема *дѣла*—откуда *дѣла-ть*. Потомъ слѣдовало отличить двѣ темы: одну изъявительнаго наклоненія настоящаго (или будущаго) времени, и другую — неопредѣленнаго наклоненія (и вмѣстѣ-съ-тѣмъ, по большей-части, и причастія прошедшаго). Но здѣсь необходимо принять въ соображеніе два случая: иные глаголы пользуются только одною темою; напримѣръ, *дѣла*, откуда *дѣла-ю*, *дѣлать*; иные же имѣютъ двѣ темы: одну для настоящаго (или будущаго) времени, и другую для неопредѣленнаго наклоненія; напримѣръ, отъ корня *бр*, тема настоящаго времени *бер*, откуда *беру*; и тема неопредѣленнаго наклоненія *бра*, откуда *брать*. Другое мѣсто, сюда же относящееся, находимъ на стр. 23 — 24: «Здѣсь надобно отличать *а*, вставленное для означенія неопредѣленной степени, отъ того *а*, которое есть часть темы, напримѣръ, *знаю* (множественное: *знавалъ*, а не *знавалъ*). Въ глаголахъ: *таю*, *маю*, употребительнѣе *маюсь*, а есть также часть темы, съ тою разницею, что здѣсь глагольное окончаніе *ю* не есть только смягченіе *у*, послѣ гласной, но скрываетъ еще въ себѣ звукъ *и* (или *й*), слившійся съ нимъ и принадлежащій къ темѣ; это обнаруживается въ прошедшей отглагольной формѣ: *маялъ*, *таялъ* (тогда-какъ другіе глаголы имѣютъ, напримѣръ, *игралъ*, *зналъ*, а не *знаялъ*); впрочемъ, говорятъ и *талый*, но, вѣроятно, здѣсь это сокращеніе. Въ многократной формѣ, мало употребительной, обнаруживается опять это *и*, и говорятъ: *не мамался*, *не таивалъ*». Еслибъ авторъ внимательно разсмотрѣлъ темы глагола по вышеуказанному нами основному началу, то не шалъ бы здѣсь въ ошибки и несообразности. Г. Аксаковъ видитъ въ глаголахъ *маяти*, *таяти*, тему, оканчивающуюся на *й*, именно *май*, *тай*, и видитъ эту тему въ прошедшихъ *маялъ*, *таялъ* (то-есть, *май-алъ*, *тай-алъ*); доказываетъ же это тѣмъ, что *знаю* имѣетъ въ прошедшемъ *зналъ*, а не *знаялъ*. Но откуда же взялось *а* въ прошедшихъ *маялъ*, *таялъ*, если его не было въ темѣ? А извѣстно, что прошедшее образуется приставкою *лъ* къ темѣ неопредѣленнаго наклоненія; напримѣръ, *знати*, *зна-лъ*. Итакъ, въ глаголахъ *маяться*, *таять*, должно отличить тему настоящаго времени *ма*, *та*, откуда *ма-юсь*, *та-ю*, отъ темы неопредѣленнаго наклоненія *мая*, *тая*, откуда *мая-ться*, *тая-ть*: въ этомъ случаѣ я употреблено вмѣсто *а* по извѣстному закону благозвучія при стеченіи гласныхъ; слѣдовательно, вмѣсто *маатися*, *таати*. Что въ послѣднемъ глаголѣ темою не можетъ быть *тай*, свидѣтельствуетъ уже и приводимое авторомъ *талый*.

Тотъ же законъ оказался въ формахъ: *чаять* и *чать*, *чуять* и *чуть*, древнее церковно-славянское *чутѣ*; *окаянѣ*, *покаянѣ* и древнія формы *окакѣ*, *покакѣ*, *покаанныѣ*. По законамъ благозвучія иногда вмѣсто *я* оказывается *ва*; напримѣръ, древнія церковно-славянскія: *отъчаялися* *отъчавати*. Что въ глаголахъ *маяться* невозможно предполагать тѣмъ *май*, свидѣтельствуя соотвѣтствующія одна другой родственныя формы въ церковно-славянскомъ: *помяти* и *поманути*—оба отъ корня *ма*. Итакъ, въ глаголахъ *таять*, *маять* точно также нельзя допустить тѣмъ *тай*, *май*, какъ въ глаголахъ *чаять*, *чуять*, *каять*, невозможно предполагать иныхъ тѣмъ, кромѣ *ча*, *чу*, *ка* и *чая*, *чужа*, *кал* (а не *чай*, *чужа*, *кай*, какъ думаетъ авторъ). То же самое должно сказать о глаголахъ *вѣять*, *дѣять*, *смѣяться*, *рѣять*, *сѣять*, *затѣять* и друг. Въ нихъ тѣмы тоже двоякаго рода: *въ*, *дѣ*, *смѣ*, *рѣ*, *сѣ*, *затѣ* (корень *тъ*), откуда *въ-трѣ*, *смѣ-хѣ*, *сѣ-мя* и пр., или тѣмы: *въя*, *дѣя*, *смѣя*, *рѣя*, *сѣя*, *затѣя*, въ которыхъ *я* соотвѣтствуетъ слогу *ва*: *повѣвать*, *посмѣваться*, *засѣвать*, *затѣвать*. И какъ возможна форма *посмѣвался*, такъ и *маивался*.

4. Столь же сбивчивое понятіе имѣетъ г. Аксаковъ и о составѣ залоговъ. На стр. 30-й онъ говоритъ: «сюда же должны быть отнесены глаголы первоначально средніе: *варю*, *курю*, *дымлю* (нечко *дымитѣ*), и пр.; получивъ значеніе глаголовъ дѣйствительныхъ, они стали выражать уже произволъ, и форма многократнаго: *варивалъ*, *куривалъ*, стала возможною». Рѣшительно недоумѣваемъ, почему авторъ считаетъ эти глаголы первоначально средними, а не дѣйствительными. Откуда авторъ выводитъ свое заключеніе о первоначальномъ значеніи этихъ глаголовъ? На какихъ древнѣйшихъ рукописяхъ, или на какихъ лингвистическихъ соображеніяхъ онъ основывается? Возьмемъ глаголь *варить*, *варити*. Во всѣхъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ *варити* принимается въ залогѣ дѣйствительномъ; а если онъ употребляется иногда и въ среднемъ, то единственно на томъ основаніи, по которому всякій дѣйствительный глаголь можетъ быть постановленъ безъ дополненія; напримѣръ, *читаетъ*, *пишетъ* (то-есть, *умѣетъ*, *любитъ*, *привыкъ* *читать*, *писать*, и т. п.). Этотъ историческій фактъ объясняется и законами языка. Глаголь *варити* залога дѣйствительнаго именно на томъ же основаніи, по которому признаются за дѣйствительные: *морить*, *палить*, *погрузить*, *глушить*, *сушить*, *женить* и т. д. Вопервыхъ, глаголь *варить* пользуется знакомъ дѣйствительнаго глагола, именно звукомъ *и*, посредствомъ котораго глаголы, произведенные отъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ, получаютъ значеніе залога дѣйствительнаго: *варить* происходитъ отъ существительнаго *варъ* (первоначально *жаръ*, *теплота*, смотри Остром. Еванг., Матѣ. 20, 12), точно такъ же, какъ *жесмитъ*, *сушитъ* и пр., отъ *жена*, *сухъ* и т. д. Вотъ вторыхъ,

самое слово *варъ*, по известному закону, происходитъ отъ глагола *ерѣти* (кипѣть), какъ *моръ* отъ *мрѣти*, *палъ* (напр. *за-палъ*) отъ *плати* (откуда *пламя*), *грузъ* отъ *грязнути* (въ обоихъ словахъ носовые звуки) и проч. Такимъ-образомъ, дѣйствительные глаголы: *варить*, *морить*, *палить*, *грузить*, и пр. происходятъ отъ среднихъ *ерѣти*, *мрѣти*, *плати*, *грязнути* и т. д. Или этихъ фактовъ и этого закона г. Аксаковъ не знаетъ, или же, противорѣча и свидѣтельству рукописей и законамъ языка, отвергаетъ и то и другое.

Такими-то средствами пользовался г. Аксаковъ въ своемъ сочиненіи «О русскихъ глаголахъ». Изъ предвѣдущаго видно, что, въ этимологическомъ разборѣ, онъ держался преимущественно старинной методы французскихъ грамматистовъ, для которыхъ все разнообразіе этимологическихъ формъ представлялось случайною игрою звуковъ, неподлежащею строгимъ законамъ необходимости. Отчетливое изученіе языка достигло автора въ-расплохъ: онъ почувствовалъ потребность въ болѣе-строгомъ научномъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ; но всякій разъ, какъ пускается онъ въ этимологическій разборъ, неминуемо противорѣчить фактамъ, которые предлагаетъ языкъ русскій въ историческомъ и областномъ его развитіи.

Въ языкахъ мощныхъ и свѣжихъ, каковъ русскій, синтаксическое развитіе формъ основывается на этимологическомъ ихъ составѣ. Употребленіе видовъ въ рѣчи, то-есть, синтаксисъ видовъ основывается на этимологическомъ образованіи ихъ, видоизмѣняемомъ исторією языка. Главная же задача г. Аксакова состояла въ томъ, чтобъ объяснить значеніе и употребленіе видовъ. Какъ же поступилъ онъ, не имѣя надлежащаго запаса этимологическихъ и историческихъ свѣдѣній? Онъ рѣшился восполнить пустоту французской методы глубокомыслиемъ нѣмецкой философіи. Надобно было только привести на память философское ученіе о томъ, какъ идея сначала не доходитъ до формы, потомъ сливается съ нею и наконецъ черезъ нее переходитъ — и вотъ готова *чисто-русская* философія нашего глагола:

«Дѣйствіе (говоритъ г. Аксаковъ) въ первой степени является до своего опредѣленія (неопредѣленное); во второй оно является въ опредѣленія (какъ моментъ), а въ третьей *послѣ* опредѣленія (какъ моменты). Ясно, что время есть уже логическое заключеніе, выводъ, вытекающій изъ самоопредѣленія дѣйствія». И вслѣдъ за этими словами авторъ въ наивномъ увлеченіи восклицаетъ: «Вотъ какъ понять, и, прибавимъ, глубоко понять глаголъ русскимъ языкомъ» (стр. 28).

Признаемся чистосердечно, если это не жестокая насмѣшка надъ изученіемъ русской народности не по живымъ фактамъ, а по отвлеченнымъ теоріямъ нѣмецкой философіи, то грустно сознаться, какъ еще мало сочувствія въ нѣкоторыхъ грамматистахъ къ національнымъ началамъ русской грамматики!

Заключимъ нашу статью прекрасными словами г. Аксакова, къ которымъ мы питаемъ самое полное сочувствіе :

«Теперь пришла иная пора. Мы не боимся быть непохожими на нашихъ западныхъ сосѣдей; мы не боимся быть собою, — и по этому настало время для науки *обратиться къ самому русскому языку*, къ самой русской исторіи и прочимъ областямъ знанія, — и обратиться *со взглядомъ яснымъ, безъ иностранныхъ очковъ*, съ вопросомъ искреннимъ, *безъ приотолеченнаго заранее отвѣта*, — и выслушать открытымъ слухомъ отвѣтъ, какой даютъ русской языкъ, русская исторія и пр.» (стр. 8-я).

●. ВУСЛАВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ломоносовъ , какъ физикъ. Н. Любимова. Москва. Въ университетской тип. 1855. Въ 8-ю д. л., 35 стр.

Эта брошюра составляетъ отдѣльный оттискъ разсужденія, вошедшаго въ сборникъ учено-литературныхъ статей профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, изданный по случаю его столѣтняго юбилея и получившій названіе: *Въ воспоминаніе 12-го января 1855 года*. Статья г. Н. Любимова, исправляющаго должность адъюнкта, содержитъ въ себѣ изложеніе заслугъ Ломоносова, какъ физика.

Критика, увлекаясь литературнымъ преданіемъ, смотрѣла на Ломоносова, какъ на поэта и оратора преимущественно: поэтому оды его и похвальные слова были предметомъ ея постояннаго вниманія. Тѣ же сочиненія, въ которыхъ Ломоносовъ является дѣйствительно умомъ великимъ, то-есть, сочиненія ученыя, она обходила молчаніемъ, вѣроятно, ставя ихъ ниже произведеній стихотворныхъ и ораторскихъ. Замѣчательно, что первые, выговорившіе мысль о томъ, что Ломоносовъ и поэтъ, а ученый по преимуществу, были поэты — Пушкинъ и Гоголь. Они первые, какъ призванные судьи въ своемъ дѣлѣ, поколебали общее мнѣніе, хотя и не могли раскрыть ученыхъ заслугъ Ломоносова, по неимѣнію свѣдѣній въ тѣхъ предметахъ, которыми онъ занимался.

Но и люди, специально-занимавшіеся науками естественными, писали немного объ ученыхъ трудахъ Ломоносова по части естествовѣдѣнія. Кромѣ рѣчи г. Перовщикова, произнесенной имъ 12-го января 1831 г. въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета и разсмотрѣвшей «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ», и кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній, встрѣчающихся въ различныхъ сочиненіяхъ («Физикахъ» Перовщикова и Павлова, въ рѣчи профессора Спасскаго), нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ были бы разобраны занятія Ломоносова естественными науками. Г. Любимовъ нашелъ полезнымъ восполнить этотъ недостатокъ, при самомъ приличномъ къ тому случаѣ — празднованіи столѣтняго юбилея Московскаго Университета, основанію котораго Ломоносовъ содѣйствовалъ своею мыслью.

Разсужденіе г. Перевощикова и статья г. Любимова выражают различные результаты. Г. Перевощиковъ, увлекшись гениальнымъ умомъ Ломоносова, приписалъ ему, въ своемъ увлеченіи, больше противъ надлежащаго. Онъ говоритъ, что ученый нашъ нѣкоторыми открытіями и объясненіями явленій естественныхъ упредилъ знаменитыхъ европейскихъ изслѣдователей природы. Такой взглядъ встрѣтилъ тогда же справедливыя замѣчанія въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ—кажется, въ «Финскомъ Вѣстникѣ»—по поводу разбора сочиненій Ломоносова, изданныхъ Смирдинымъ. Г. Любимовъ смотритъ на предметъ справедливо и основательно. Онъ положительно высказываетъ такое заключеніе объ ученыхъ трудахъ Ломоносова: «Съ именемъ Ломоносова не связано никакихъ особенно-замѣчательныхъ открытій; ему не суждено было внести какіе-либо новые замѣчательные факты въ науку; мы даже не встрѣтимъ его имени въ исторіи науки» (стр. 4—5).

Авторъ показываетъ и причину этого явленія: онъ объясняетъ, почему, напримѣръ, Крафтъ, Рихманъ, Эпинусъ и другіе члены Академіи, люди съ несравненно-мѣньшими способностями, чѣмъ Ломоносовъ, извѣстны въ исторіи науки. Причина заключается въ различіи тогдашняго состоянія просвѣщенія въ Европѣ и у насъ :

«Такіе ученые, какъ Крафтъ, Рихманъ, Эпинусъ, работали уже на готовой почвѣ европейской науки; ихъ умъ спокойно сосредоточивался на частномъ вопросѣ изслѣдованія; они влагали свой камень въ давно воздвигаемое зданіе. На Ломоносовѣ лежало дѣло начпнанія; тогда у насъ наука была свѣдомымъ храмомъ, въ который желалъ онъ ввести своихъ соотечественниковъ; ему невольно приходилось болѣе учить, нежели открывать» (стр. 4—5).

Историческое воззрѣніе избавило г. Любимова отъ ложнаго понятія о предметѣ, которое часто сказывается или преувеличеніемъ или уменьшеніемъ. Переходы къ сужденію о каждомъ физическомъ сочиненіи Ломоносова г. Любимовъ тоже начинаетъ съ исторіи: онъ характеризуетъ въ главныхъ чертахъ состояніе физики въ среднѣмъ XVIII-го столѣтія и такимъ-образомъ труды русскаго ученаго объясняетъ общимъ направленіемъ науки, составлявшей предметъ его занятій. Читателю, при помощи подобныхъ историческихъ указаній, яснѣе становится дѣло, совершенное отдѣльнымъ лицомъ.

Въ основательномъ разборѣ ученыхъ произведеній Ломоносова встрѣтилось намъ одно замѣчаніе, на которое мы желаемъ обратить вниманіе автора.

Это замѣчаніе относится къ вліянію нѣмецкихъ ученыхъ на Ломоносова. Вотъ мнѣніе объ этомъ г. Любимова:

«Хотя Ломоносовъ учился въ Германіи и слушалъ уроки математики и физики у знаменитаго Вольфа, но нѣмецкіе ученые менѣе вліяли на него

влянія, нежели французскіе. Ясный умъ Ломоносова не могъ подчиниться тѣмъ формальностямъ, которыми обилуютъ сочиненія германскихъ ученыхъ и особенно Вольфа. Но на одномъ изъ сочиненій Ломоносова отразилось прямое вляніе Вольфа. Это небольшой мемуаръ «о движеніи воздуха въ рудникахъ». Здѣсь Ломоносовъ выражаетъ весьма простыя и понятныя мысли въ математической формѣ: сперва идутъ дефиниціи, что такое рудникъ и проч.; далѣе встрѣчаемъ королларіи, теоремы» (стр. 32—33).

Вляніе одного ученаго на другаго можетъ быть двоякое: по содержанию и по изложенію. Г. Любимовъ говоритъ о второмъ; гдѣ же первое? Интересно было бы опредѣлить, существовало ли оно, и если существовало, то въ какой степени. До-сихъ-поръ ничего не сдѣлано по этому предмету. А между-тѣмъ, нельзя себѣ представить, чтобъ Ломоносовъ ничего не заимствовалъ у Вольфа не только по физикѣ и математикѣ, но и по другимъ отраслямъ знанія, и вообще по взглядамъ на природу и человѣка. Сверхъ-того, и на формѣ вляніе можетъ отражаться двояко: есть, такъ-сказать, форма высшая или внутренняя, состоящая въ способѣ развивать мысль, и есть форма низшая, или внѣшняя, которая заключается въ педантическихъ приѣмахъ при распредѣленіи матеріала, добываемаго развитіемъ. У Ломоносова нѣтъ, конечно, тѣхъ крайностей логическаго формализма, до которыхъ доходилъ Вольфъ и его послѣдователи въ изложеніи своихъ мыслей; но у него есть вездѣ стремленіе къ организаціи, къ системѣ, къ подведенію частныхъ подъ законы, къ расположенію и приведенію въ порядокъ различныхъ вещей и матерій, какъ самъ онъ говоритъ въ заключеніи «Слова о происхожденіи свѣта». Это стремленіе во многомъ обязано влянію Вольфа, главнѣйшая заслуга котораго, какъ извѣстно, состояла въ систематическомъ изложеніи лейбницевыхъ идей—заслуга, указанная Ломоносовымъ въ посвященіи гр. Воронцову перевода вольфгангской физики: «славный авторъ сего и другихъ многихъ сочиненій «всегда пребудетъ достоинъ чтенія, а особливо ради внѣшняго и «порядочнаго расположенія мыслей».

Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи, статья орд. профессора Лешкова. Москва. Въ университетской тип. 1855. Въ 8-ю д. 31 стр. (Изъ сборника «Въ воспоминаніе 12 января 1855»).

Подъ этимъ именемъ г. Лешковъ излагаетъ начала, опредѣлявшія древнія русскія понятія о богатствѣ и благосостояніи, или древнюю русскую науку благоустройства. Основаніемъ его изложенію послужили три памятника: «Домострой благовѣщенскаго попа Сильвестра», «Книга о скудости и богатствѣ» Посошкова и «Инструкція дворецкому Ивану Нѣмчинову о управленіи дому и деревень», Артемія Вольнскаго, кабинет-министра императрицы Анны, написанная въ 1724 г. и на-

печатанная въ I — IV №№ «Москвитянина» за 1854 годъ. Авторъ видитъ въ этихъ сочиненіяхъ много общаго, по единству началъ: всѣ они полагаютъ различіе между богатствомъ вещественнымъ и богатствомъ духовнымъ; всѣ основываютъ то и другое на самодѣтельности чело­вѣка, освященной вѣрою, нравственностью и законностью; всѣ по­ставляютъ богатство въ общемъ довольствѣ, а не въ одной массѣ ни­ществъ; всѣ предполагаютъ, для успѣха своихъ правилъ, надзоръ за ихъ исполненіемъ. Различіе же между ними вытекаетъ изъ цѣли, ко­торую предположили себѣ ихъ авторы, и мысли, вызванныя неодна­ковыми цѣлями, различаются объемомъ своего приложенія. Сильвестръ писалъ для своего сына; Волинскій—для собственной вотчины; Посош­ковъ — для государя. Одинъ излагалъ правила для устройства жизни одного лица, одного дома; другой — правила для надлежащаго управле­нія сельскимъ обществомъ; третій выражалъ мысли, исполненіе ко­торыхъ возможно только правительству. У перваго — теорія благосо­стоянія, достигаемаго частными усиліями, трудомъ индивидуальнымъ, развитіемъ личности; у втораго — теорія благосостоянія, достигаемаго общинными средствами; у третьяго—теорія благосостоянія, достигаемаго мѣрами государственными.

Разсмотрѣвъ съ означенной точки три древніе памятника нашей словесности и остановивъ особенное вниманіе на важнѣйшемъ изъ нихъ: «Книгъ о скудости и богатствѣ», г. Лешковъ замѣчаетъ: «Сочиненіе «Посошкова—спокойное, разсудительное изслѣдованіе предмета. Не духъ «реформы вызвалъ вниманіе автора къ дѣлу и его мысли о скудости «и богатствѣ; духъ реформы могъ вызвать только изданіе сочиненія, «облегчить его обнародованіе. Любовь къ отечеству разумная и мысля­щая одна служитъ объясненіемъ помысловъ крестьянина Посошкова «о скудости и богатствѣ». Это замѣчаніе несовсѣмъ—вѣрно, или не­совсѣмъ—точно, какъ угодно. Впервыхъ, оно противорѣчитъ собствен­ному свидѣтельству Посошкова о самомъ себѣ: «я (говоритъ онъ о себѣ) отъ юности моея таковъ: лучше понесу на себѣ какую-либо пакость, нежели умолчу, видя что-нибудь неполезное (другими сло­вами: вредное)». Въ вторыхъ, желаніе преобразованій (разумеется, къ *лучшему*) также легко согласить съ любовью къ отечеству (разумеет­ся, *истинною*), какъ и истинную любовь къ отечеству съ желаніемъ улучшеній. Иначе мы и въ реформѣ Петра не увидимъ величайшей любви къ отечеству, и въ обличеніяхъ сатирика его времени не услы­шимъ горячаго стремленія къ просвѣщенію, драгоцѣннѣйшему благу народа. Нѣтъ, Посошковъ — крестьянинъ, или «водочнаго строенія мастеръ» (для насъ это все-равно), любившій писать проекты, пред­лагать мысли о разныхъ предметахъ, былъ побуждаемъ къ тому «пре­звѣльною горячностью». Писалъ онъ «не ради какого поисканія или прѣбытка, а ради любви къ государю». Этотъ государь былъ без­смертный преобразователь Россіи — Петръ I.

Потребность преобразований, которая восчувствовалась еще въ XVII-мъ вѣкѣ и вызвала нѣкоторыя отдѣльныя улучшения прежняго порядка дѣлъ, была сознаваема не только правительствомъ, но и людьми частными. Правительство своими постановленіями узаконяло перемѣны, которыя, по зрѣломъ обдуманіи, признавало полезными; частныя лица, содѣйствуя мѣрамъ государственнымъ, указывали предметы, требовавшіе реформы. Высшая, сравнительно съ другими, образованность и здравый умъ представляли имъ ясно недостатки общества. Одни изъ нихъ, какъ, наприимѣръ, Котошихинъ, ограничивались изображеніемъ современнаго состоянія Россіи; другіе, не довольствуясь оцѣнкой современности, предлагали и средства къ истребленію недостатковъ, къ установленію повсюду добраго порядка по тому понятію, какое они имѣли о государствѣ, обществѣ, семействѣ, личности человѣческой. Изъ числа послѣднихъ особенно-замѣчательнъ Иванъ Посошковъ, крестьянинъ-самоучка, называющій себя «простоцеомъ, весьма-мизпрнымъ и ученію школьному неискуснымъ». Онъ писалъ при Петрѣ и для Петра. Что жъ было предметомъ его писаній?

Несмотря на благодѣтельныя преобразованія, совершенныя великимъ монархомъ, его мысли о государственномъ благоустройствѣ не могли исполнѣ и немедленно осуществиться. При переходѣ отъ одного порядка къ другому, нѣкоторыя недостатки старой жизни остались еще въ дѣйствіи, и нѣкоторыя нововведенія переступили, быть-можетъ, мѣру надлежащихъ потребностей. Въ сочиненіи Посошкова двѣ стороны: выраженіе недостатковъ государственнаго и общественнаго устройства, и разсужденіе о мѣрахъ благоустройства. Между этими мѣрами, какъ извѣстно, находятся весьма-важныя; таковы: о собраніи законовъ, объ общемъ размежеваніи владѣній, о гильдіяхъ, приведенныя въ исполненіе позднѣйшимъ временемъ; таковы еще: торговля обществами, обезпеченіе духовенства постояннымъ жалованьемъ. Основаніе матеріальному богатству Посошковъ полагалъ въ богатствѣ духовномъ—правдѣ. «При господствѣ правды (говорилъ онъ) невозможно русскому царству не богатѣть и славою не возвышаться: тогда и богатые и бѣдные будутъ жить въ любви и довольствѣ». Не того ли хотѣлъ, не о томъ ли заботился и преобразователь Россіи? Онъ хотѣлъ государственной правды—во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

Извлеченіе изъ Русской Грамматикѣ профессора Барсова. *Статья профессора Булаева. Москва. 1855. Въ 8-ю д. л. 16 стр. (Изъ Сборника «Въ воспоминаніи 12-го января 1855 года»).*

Г. Булаевъ пользовался двумя рукописными экземплярами «Грамматикѣ» Барсова, хранящимися въ бібліотекѣ Московскаго Университета: одинъ экземпляръ черновой, писанъ самимъ авторомъ, съ поправками и дополненіями; другой переписанъ и кое-гдѣ сокращенъ. Разсмотрѣвъ

объ рукописи, г. Буслаевъ признаетъ въ Барсовѣ достойнаго послѣдователя Ломоносова, и находитъ, что «Грамматика» его для исторіи русскаго языка въ XVIII-мъ вѣкѣ представляетъ весьма-много любопытныхъ данныхъ.

«Грамматика» Барсова раздѣляется на пять частей: Правоизглашеніе, Словоудареніе, Правописаніе, Словопроизводеніе и Словосочиненіе. Общія, логическія начала, на которыхъ основывается ученіе синтаксическое, авторъ, по его собственному свидѣтельству, изложилъ, слѣдуя примѣру г. Курта де-Жебелена и Аделунга, а также и Ломоносова. Подробности въ изложеніи русскаго синтаксиса не только отличаются вѣрностью взгляда и полнотою, но и предлагаютъ множество интересныхъ данныхъ для исторіи языка. Словоудареніе ограничивается частными замѣчаніями, потому-что ученіе объ этомъ предметѣ еще никѣмъ не обработано, по причинѣ великихъ и, можетъ-быть, неодолимыхъ трудностей. Въ правоизглашеніи говорится, между-прочимъ, объ излишествѣ и недостаткѣ нашей азбуки. Излишество замѣчается въ буквахъ: *ѣ* и *ѳ*, *ѡ* и *ѵ*, *і* и *ѵ*, *і* и *и*; недостатокъ въ отсутствіи особенныхъ начертаній для звуковъ *h* и *g*, и въ недостаткѣ буквы для мягкаго *o*, то-есть *ё* или *io*. Основаній для правописанія поставлено пять: произведеніе, измѣненіе и сложеніе словъ (эти три основанія составляютъ одно—этимологію), благогласіе и употребленіе. Хотя производство занимаетъ первое мѣсто между основаніями для орфографіи, но во многихъ случаяхъ оно становится послѣднимъ, потому-что излишняя къ нему привязанность приводитъ не только къ затрудненіямъ, но и къ нецѣлостямъ. Было бы странно писать *стлой* вмѣсто *слои*, хотя это слово происходитъ отъ глагола *стелю*, или *сткланка* вмѣсто *склянка* (отъ *стекло*), или *одинадесять* вмѣсто *одинадцать*. Производство часто подчиняется употребленію вообще, и особенно употребленію, основанному на благозвучіи, хотя такое подчиненіе и можетъ современнѣе довести языкъ до того, что не узнаешь, откуда произвести какое слово.

Вліяніе Ломоносова на Барсова безспорно; однакожь не должно забывать, что Барсовъ былъ ученикъ Тредьяковскаго, написавшаго «Разговоръ объ Орфографіи». Мнѣнія учителя объ этомъ предметѣ не остались безплодными для его слушателей, и потому на двухъ частяхъ «Грамматики» Барсова: Правоизглашенія и Правописанія, замѣтно вліяніе творца «Тилемахиды». Подобно Тредьяковскому, Барсовъ даетъ большое значеніе выговору, какъ основанію для правописанія; подобно Тредьяковскому, онъ не только считаетъ нѣкоторыя буквы нашего алфавита излишними, но даже допускаетъ нововведенія орфографическія, состоящія именно въ исключеніи буквъ. Любопытно было бы прослѣдить всѣ попытки, имѣвшія цѣлью усовершенствовать гражданскую азбуку, изобрѣтенную Петромъ I-мъ. Исторія различныхъ измѣненій, которымъ она подвергалась со времени ея появленія до второй половины XVIII-го вѣка, основательно изложена Тредьяковскимъ, въ «Разговорѣ объ Орфо-

графинъ». «Въ такомъ состояніи (говорить онъ послѣ изложенія) пребыла бы спокойно наша орфографія, еслибъ я нынѣ нѣсколько ея не по-«тревожилъ». Тревога эта заключалась въ томъ, что онъ выбрасывалъ буквы : э (вмѣсто которой совѣтовалъ ставить прописную Е), и (вм. нея—і), з (вм. нея—s), щ (вм. нея—шч), ѳ (вм. нея—ф) и ѵ. Барсовъ, въ изданной имъ «Азбукѣ» (1768) и въ статьѣ : «Сводъ бытій російскихъ», напечатанной въ «Московскомъ Журналѣ» Карамзина (1792), букву и замѣнялъ вездѣ буквою і, а букву ѵ уничтожалъ. Такъ-какъ «Грамматика» Ломоносова предлагала другія правила для орфографіи, отличныя отъ правилъ Тредьяковскаго, то мнѣнія по этому предмету раздѣлились. Въ споры объ орфографіи вступилъ и Сумароковъ: онъ защищалъ и и ѳ, и жалѣлъ о томъ, что у насъ двѣ грамоты, церковная и гражданская, отъ чего происходитъ затрудненіе для читателей : «Дьячки не умѣютъ новыхъ книгъ читати, а безмозглыя петиметры старыхъ» (1). Ломоносовъ осмѣялъ нововведенія Тредьяковскаго эпиграммой, напечатанной въ 20 № «Московск. Телеграфа» за 1827 г. и сатирической статьей : «Судъ Россійскихъ писменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ Грамматики представленныхъ», напечатанной въ 10 № «Москвитянина» на 1852 годъ. Правила Ломоносова, съ немногими измѣненіями, изложены Василиемъ Свѣтовымъ въ «Опытѣ новаго російскаго правописанія» (1778 г.) (2). Тредьяковскому, кромѣ Барсова, слѣдовали многіе члены Россійскаго Вольнаго Собранія при Московскомъ Университетѣ, между-прочимъ, Ададуровъ : въ періодическомъ изданіи «Академическія Извѣстія» (1779–81 г.), многія статьи напечатаны были безъ буквы ѵ. Подшиваловъ, въ разсужденіи «О чтеніи и письмѣ» (3), считаетъ лишними буквы : ѳ, и, щ, ѵ, ѵ, ѵ, э. Вмѣсто и, по его предположенію, надобно писать і; вмѣсто щ — сч; вм. ѵ — черту въ словахъ составныхъ (от-емлю вм. отъемлю), а на концѣ словъ вовсе не употреблять его; вм. ѵ — славянскій ерокъ или другой знакъ (импѣт'); вм. э — е безъ ударенія, или острое (ехо), вмѣсто обыкновеннаго е—ѣ, то-есть тяжелое (ѣсть, от-ѣмлю), вм. ѵ—ѣ, то-есть е облеченное (свѣтъ). По исключеніи означенныхъ буквъ, осталось бы въ русской азбукѣ 27 или 28 знаковъ вмѣсто 35. Букву э преслѣдовалъ также Каченовскій и преслѣдуютъ нѣкоторые его послѣдователи. Знаменитый А. Гумбольдтъ, бывшій въ Россіи, выразилъ въ одномъ домѣ сомнѣніе въ пользѣ буквы ѵ; г. Погорѣльскій (А. Перовскій), авторъ «Монастырки», въ письмѣ къ нему, доказывалъ необходимость этого знака (4).—Въ книгѣ Кодинскаго : «Упрощеніе русской азбуки» предлагается замѣнить ее латинскимъ

(1) Статья ѳ правописанія, въ X т. сочиненій.

(2) См. статью г. Тихонравова о смврднн. изданіи Ломоносова, въ 47 № «Москов. Вѣдомостей» 1852 г.

(3) Труды Общ. Любит. Рас. Сков., ч. IV

(4) «Литер. Газета», 1830, № 22.

алфавитомъ, достаточнымъ, по мнѣнію автора, для выраженія всѣхъ основныхъ звуковъ русской рѣчи. Всѣ эти различныя нововведенія, частью рациональныя, частью произвольныя, вызванныя дѣйствительными несовершенствами нашей азбуки, оказались безсильными: давность времени и упорство привычки противятся измѣненіямъ, оправдывая латинское изреченіе: «употребленіе — тиранъ», переложенное Пушкинымъ въ прекрасный стихъ:

«Обычай — деспотъ межъ людей».

О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи и ихъ значеніи въ сферѣ общественной промышленности. А. Н. Егунова. Выпускъ I. Москва. 1855. Въ университетской типографіи. Въ 8-ю д. л. XXIV и 79 стр. съ 11-ю таблицами.

Читатели «Отечественныхъ Записокъ», вѣроятно, помнятъ, помѣщенную въ нашемъ журналѣ (1852 г., № 10) статью А. Н. Егунова «О среднихъ цѣнахъ на главныя жизненныя потребности въ Россіи за послѣднее пятилѣтіе». Изданный теперь I-й Выпускъ сочиненія того же автора «О цѣнахъ на хлѣбъ» по своему содержанію весьма-сходенъ съ названою нами статьею и отличается отъ нея въ-сущности тѣмъ, что упомянутая статья основывается на изслѣдованіи данныхъ, относящихся къ пятилѣтнему періоду 1847—1851 годовъ, а въ новомъ трудѣ своемъ А. Н. Егуновъ принялъ въ основаніе данныя бѣльшаго періода, простирающагося съ 1847 по 1853 годъ. Кромѣ этого, въ сочиненіи «О цѣнахъ на хлѣбъ» опровергаются возраженія, сдѣланныя различными нашими политико-экономами противъ статьи «О среднихъ цѣнахъ на главныя жизненныя потребности». Все это, конечно, возвышаетъ значеніе труда, который и въ первоначальномъ своемъ видѣ былъ въ нашей литературѣ первымъ плодомъ строгой критической разработки матеріаловъ, служащихъ основаніемъ для рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ русскихъ камеральныхъ вопросовъ.

Согласно съ существующими положеніями отечественнаго законодательства (Св. Зак. т. XIII Уст. о обезп. народн. продов. ст. 265—267), отъ магистратовъ, городскихъ и земскихъ полицій еженедѣльно доставляются начальникамъ губерній свѣдѣнія о такъ-называемыхъ *торговыхъ* цѣнахъ на главные предметы продовольствія при продажѣ ихъ въ лавкахъ, на рынкахъ и базарахъ. Свѣдѣнія о торговыхъ цѣнахъ, извѣстныхъ подъ именемъ цѣнъ *справочныхъ*, собираются управами благочинія, городническими правленіями, земскими судами и становыми приставами, которые ежемѣсячно вносятъ эти свѣдѣнія въ особыя шпуровыя книги для того, чтобъ всегда можно было *справиться*, по какой цѣнѣ когда что продавалось. На основаніи такихъ торговыхъ и справочныхъ цѣнъ, въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», съ сентября 1846 года, публикуются постоянно ежемѣсячныя свѣдѣнія о

цѣнахъ на главныя жизненныя потребности. Этими-то свѣдѣніями за 1847—1853 годы пользовался авторъ разсматриваемаго нами сочиненія для опредѣленія среднихъ цѣнъ на рожь, ржаную муку, пшеницу, гречневую крупу, овесъ и сѣно въ каждой изъ 52-хъ губерній, вошедшихъ въ кругъ его изслѣдованія.

Существенную часть «1-го Выпуска» сочиненія А. Н. Егунова составляютъ приложенныя къ нему одиннадцать таблицъ, въ которыхъ для каждаго изъ названныхъ выше предметовъ продовольствія (для ржи, ржаной муки, пшеницы, гречневой крупы, овса и сѣна) обозначены по губерніямъ: среднія годовыя цѣны семи обзорѣаемыхъ лѣтъ, среднія *семилѣтнія* цѣны для мѣсяцевъ зимнихъ (декабрь, январь, февраль), весеннихъ (мартъ, апрѣль, май), лѣтнихъ (іюнь, іюль, августъ) и осеннихъ (сентябрь, октябрь, ноябрь); изъ четырехъ послѣднихъ выведены среднія цѣны за весь семилѣтній періодъ; наконецъ выставлены высшія и низшія цѣны съ указаніемъ, къ какому именно времени онѣ относятся и какъ велика разность между ними. Опредѣливъ въ текстѣ сочиненія значеніе и степень достовѣрности своихъ цифръ, авторъ общаетъ въ слѣдующей части изслѣдованія «показать, подъ вліяніемъ какихъ именно условій пѣши цѣны сложились такъ, а не иначе, и наконецъ, къ какимъ результатамъ привела ихъ относительная дороговизна или дешевизна» (стр. 45). Итакъ, предъ нами только матеріалы для будущаго зданія. Поэтому мы воздержимся отъ всякаго сужденія до появленія послѣдняго *выпуска* сочиненія «О цѣнахъ на хлѣбъ» и ограничимся въ настоящую минуту однимъ замѣчаніемъ, которымъ почтенный авторъ согласится, можетъ-быть, воспользоваться въ слѣдующихъ частяхъ своего труда. Замѣчаніе наше состоитъ въ томъ, что сочиненіе А. Н. Егунова, испещренное вставленными въ него опроверженіями различныхъ возраженій, о которыхъ мы говорили выше, теряетъ много въ-отношеніи ясности и научнаго достоинства изложенія. Большая часть этихъ возраженій такъ неосновательны, что ихъ можно не опровергать даже и въ примѣчаніяхъ, въ которыя, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы включить весь этотъ полемическій отдѣлъ столь важнаго ученаго изслѣдованія.

Гомеопатическій Лечебникъ острыхъ и хроническихъ дѣтскихъ болѣзней. Соч. доктора Альфонса Теста, члена многихъ ученыхъ обществъ. Переводъ съ французскаго, съ приложеніями, В. Деркера. Санктпетербургъ. 1854. Въ 12-ю д. л. 421 стр.

Клиническія Наставленія, какъ пользоваться болѣзнями по гомеопатическому способу, или Полный Гомеопатическій Лечебникъ для врачей и неврачей (,) составленный докторомъ Яромъ, съ характеристическимъ очеркомъ важнѣйшихъ гомеопатиче-

скихъ средствъ и алфавитнымъ указателемъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Ф. Флемминга, содержателя Центральной Гомеопатической Аптеки въ Санктпетербургѣ. Санктпетербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. VIII и 656 стр.

«За недостаткомъ много достоинства, этой книгѣ можно вѣнчать въ заслугу хоть то, что она, въ гомеопатіи, первая представляеть нѣчто цѣлое о дѣтскихъ болѣзняхъ». Такими скромными словами начинается *Предувѣдомленіе* переводчика «Гомеопатическаго Лечебника дѣтскихъ болѣзней», г. В. Дерикера. Но въ иномъ тонѣ выражается авторъ «Лечебника», во *Введеніи* къ нему, подъ заглавіемъ: «Что такое гомеопатія?»

«Самуилъ Ганнеманъ (говорить онъ) есть одинъ изъ величайшихъ гениальныхъ умовъ, какіе когда-либо украшали свѣтъ. Изъ всѣхъ благодѣтелей человѣчества никто, можетъ быть, не приобрѣлъ столько правъ на признательность, и за то слава его постоянно растетъ и съ вѣками будетъ расти». «Борьба съ предувѣжденіемъ и завистью сначала долго замедляла развитіе и успѣхъ гомеопатіи... но нынѣ она имѣеть многочисленныхъ приверженцевъ во всѣхъ просвѣщенныхъ земляхъ; она имѣеть своихъ представителей даже въ Азіи, въ Индіи, въ Южной и Сѣверной Америкѣ, свои аптеки и госпитали во всѣхъ столицахъ Европы. Сочиненія, составляющія литературу ея, *сверхъ ума и таланта авторовъ*, примѣчательны тѣмъ, что всѣ основываются на одномъ общемъ *неопровержимомъ* (?) началѣ и представляютъ развитіе одной идеи» и пр. и пр.

Это все гомеопатія, а вотъ и аллопатія :

«Двухъ-тысяче-лѣтняя исторія медицины рядомъ съ развитіемъ науки представляеть сборъ всѣхъ возможныхъ мечтаній, бредней и нелѣпостей, какія только способны создать человѣческой мозгъ, когда *безъ всякой аксіомы* заблудится въ области умозрѣнія (*мозгъ безъ аксіомы заблудится въ области умозрѣнія...* сильно сказано!). Судя по *преданіямъ*, должно заключать, что врачебное искусство, обыкновенно обращавшееся въ ничто, какъ скоро пыталось сдѣлаться наукой, во всѣ времена нѣмало *поползновеніе* присоединиться къ метафизикѣ. Правда, ему удавалось въ этомъ честолюбивомъ союзѣ избѣгать *неудобства быть доступнымъ неучамъ*, за то оно попадало въ другую бѣду, само терялось въ туманѣ» (стр. 5).

Не говоря о томъ, какъ все это скромно и деликатно, нельзя не спросить автора, по собственному его признанію «отличающагося умомъ и талантомъ», отчего гомеопаты не могутъ двухъ словъ сказать безъ того, чтобъ не хвастать своими мнимыми заслугами, не превозносить самихъ себя неумѣренными похвалами и не бранить рациональной медицины? Если они считаютъ себя правыми въ своемъ дѣлѣ, то къ-чему это безрперывное хвастовство, самохваленіе и насильственное навязываніе своихъ мнѣній всякому встрѣчному и поперечному, вовсе неинтересующемуся ихъ самодовольнымъ самопочитаніемъ? Дѣло правое совѣтъ не нуждается

ся въ подобныхъ продѣлкахъ для подтвержденія правоты своей. Гомеопаты, какъ мусульмане старыхъ временъ, желали бы истребить огнемъ и мечомъ всѣхъ, неподчиняющихся ихъ ученію; но такой образъ дѣйствія не только не подкрѣпляетъ вѣры въ ихъ догматы, а, напротивъ, еще болѣе выказываетъ всю ихъ слабость и несостоятельность: истина всегда тиха и скромна, тогда—какъ заблужденіе и шарлатанизмъ не могутъ обойтись безъ бурныхъ порывовъ хвастовства, брани и крикливости.

Удалившись отъ того пути, по которому рациональная медицина, какъ наука, идетъ къ своей цѣли—истинѣ, послѣдователи Ганнемана потеряли изъ виду всю новѣйшую ея исторію и тѣ прекрасные плоды, которые принесло ей сближеніе не съ метафизикою, а съ точными и положительными науками: иначе невозможно понять вышеприведенной фразы г. Теста насчетъ «поползновенія медицины присоединиться къ метафизикѣ»; они потеряли также изъ виду и тѣ стороны точныхъ наукъ, которыя способны поддержать медицину въ научномъ стремленіи къ ея цѣлямъ, потому—что иначе знали бы, что физика, химія, патологическая и хирургическая анатомія не такъ-то легко позволяютъ «потеряться» въ туманѣ» тому ученію, которому онѣ подали руку. Къ-сожалѣнію, гомеопаты вѣчно повторяютъ одно и то же: «отъ Галіена до Брюссэ», какъ—будто тутъ уже предѣлъ науки, и выставляютъ впередъ «*contraria contrariis*» затѣмъ только, чтобъ подъ этимъ девизомъ навязать медицинѣ самыя грубыя понятія о противоположностяхъ и потомъ спрятаться подъ свое «*similia similibus*», гдѣ нѣтъ мѣста ни анализу, ни повѣркѣ. «Гдѣ противоположности оспѣ, раку, туберкуламъ, истерикѣ, эпилепсін и т. д. и т. д.» спрашиваютъ гомеопаты. Но кто же отъяскиваетъ *такія* противоположности? Врачъ лечитъ болѣзнь, основываясь на томъ, что внутренняя дѣятельность организма измѣняется виѣшними дѣятелями, что отправления организма могутъ быть ими усилены, ослаблены, измѣнены и т. п., и затѣмъ уже, по указаніямъ науки, назначаетъ сообразное съ которою—либо изъ этихъ цѣлей средство. Здѣсь только руководствуется онъ правиломъ «*contraria contrariis*». Всегда ли удачно?—это другой вопросъ; но и тутъ въ неудачѣ, конечно, чаще бываютъ виноваты врачъ или больной, а не наука: больной—умышленно, по невѣжеству, по легкомыслію, врачъ—по незнанію или самодѣянности, и наконецъ уже наука—по естественной неполнотѣ и несовершенству всѣхъ наукъ.

Не мѣсто здѣсь входить въ разборъ фактовъ, будто-бы доказывающихъ гомеопатическое свойство хины, ртути и проч.: объ этомъ довольно говорено было въ то время, когда гомеопатія серьезно занимала врачей, возбуждая споры, противорѣчія и взаимныя объясненія. Нельзя, однакожь, не замѣтить, что всѣ эти факты столько же доказываютъ гомеопатическую силу лекарствъ, сколько и знаменитые факты *ознобленія* и *ожоги*, выставляемые со временъ Ганнемана во всѣхъ гомеопатическихкихъ лечебникахъ и незабытые также авторомъ «Лечебника дѣтскихъ болѣзней».

«Всѣмъ извѣстно (говорить онъ на стр. 14), что лучшее средство утѣленія боли, причиненной поверхностнымъ ожогомъ, состоятъ въ поднесеніи обожженной части къ жару, тогда какъ, наоборотъ, эта боль, будучи на мигнуто прервана обливаньемъ холодною водою, возвращается съ удвоенною жестокостью. Всѣмъ извѣстно также, что оттираніе льдомъ или снѣгомъ — такъ сказать специфическое средство противъ отмороженія, тогда какъ противоположное вліяніе жара неизбежно причинило бы омертвѣніе и антоновъ огонь.»

Не доказываетъ ли это совершеннаго забвенія физики? Кто не знаетъ, что, оттирая отмороженныя части снѣгомъ, мы только возвышаемъ слегка ихъ температуру, затѣмъ, что неутѣренное согрѣваніе вызвало бы слишкомъ-сильное противодѣйствіе; а въ леченіи ожогъ высокою теплою съ тою же постепенностью поступаемъ наоборотъ. Но таквыя положенія гомеопатовъ: гдѣ возможны наблюденія и повѣрка, такъ они оказываются несостоятельными. Чтò стало съ теоріею псоры, о которой перестали наконецъ говорить и сами гомеопаты, и опять-таки потому, что она — не такъ, какъ ихъ динамизація лекарствъ — подлежала хоть какой-нибудь критикѣ.

Обращаясь къ «Лечебнику дѣтскихъ болѣзней», отладимъ ему справедливость: дѣтская гигиена и дѣтетика изложены въ немъ очень-удовлетворительно, симптоматологія болѣзней представлена достаточно-полно и ясно для неврачей; что же касается до *терапии*, то можно съ увѣренностью сказать, что положительнымъ образомъ, то-есть чрезъ употребленіе того или другаго рода крупинокъ, или даже всѣхъ вмѣстѣ, она рѣшительно-неспособна принести никакого вреда. Но нельзя того же сказать объ отрицательномъ вредѣ ея, иногда даже неисправимомъ. Чтòбъ вполне оцѣнить этотъ вредъ, надобно вспомнить, что гомеопаты самонадѣянно стараются убѣдить себя и другихъ, что для всякой болѣзни есть специфическое лекарство, *remède infallible*, которое непременно должно излечивать данную болѣзнь, подобно тому, какъ, напримеръ, хининъ излечиваетъ лихорадку. На этомъ основаніи у нихъ существуетъ подобный же наборъ лекарствъ и для дѣтскихъ болѣзней. А такъ-какъ весьма-многія изъ этихъ болѣзней бываютъ иногда весьма-жестоки, даже быстро-смертельны безъ энергическаго рациональнаго леченія, и вовсе не подчиняются ганнеманову авторитету, то гомеопаты, давая матери свою микроскопическую аптечку, поселяютъ въ ней беззаботную увѣренность въ непремѣнной дѣйствительности данныхъ имъ крупинокъ и, въ случаѣ серьезной болѣзни ребенка, заставляютъ ее терять дорогое время на бесполезное употребленіе этихъ крупинокъ и тѣмъ губить дитя свое.

Гомеопатъ Яръ извѣстенъ въ русской литературѣ уже болѣе пятнадцати лѣтъ, но вышедшія нынѣ «Клиническія Наставленія» его, издачныя содержателемъ Центральной Гомеопатической Аптеки въ Петербургѣ, г. Ф. Флеммингомъ, повидимому, совмѣщаютъ въ себѣ все, чтò

ить было писано до-сихъ-поръ. По увѣренію издателя, они заключають въ себѣ цѣлую гомеопатическую терапію, то-есть перечисленіе всѣхъ болѣзней человѣческаго рода и всѣхъ врачебныхъ средствъ, служащихъ къ излеченію этихъ болѣзней. Дѣйствительно, вся книга раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ въ первой описаны, въ алфавитномъ порядкѣ, всѣ лекарства, употребляемая гомеопатами, съ перечисленіемъ тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыя они будто-бы способны произвести у здороваго человѣка, бывъ употреблены съ испытательною цѣлю; а во второй части книги перечислены частью нѣкоторыя болѣзни, частью нѣкоторыя болѣзненные явленія, или припадки, а частью ни то, ни другое, а весьма-разнообразныя случайныя обстоятельства, могущія имѣть какое бы то ни было отношеніе къ болѣзневому, или даже здоровому состоянію человѣка вообще, съ указаніемъ, какія изъ вышесказанныхъ лекарствъ могутъ быть употреблены для излеченія этихъ болѣзней и припадковъ.

Но, несмотря на все уваженіе издателя къ автору «Клиническихъ Наставленій», «одному изъ самыхъ дѣятельныхъ и заслуженныхъ распространителей ганнеманова ученія», нѣтъ никакой возможности согласиться съ нимъ въ томъ, чтобъ эту книгу можно было принять за дѣйствительно-«клиническія» наставленія. Подъ названіемъ клинической медицины обыкновенно разумѣется такое описаніе болѣзни, изъ котораго опредѣлительно можно узнать не только отличительныя ея признаки, сходство и несходство проявленій ея съ симптомами другихъ болѣзней, но и ея происхожденіе, патологическую сущность (на сколько она могла быть опредѣлена современною наукою), равно-какъ и выводимыя отсюда заключенія насчетъ раціональнаго и прямого излеченія ея, то-есть возстановленія здоровья либо чрезъ уничтоженіе произведенныхъ болѣзнию разстройствъ, либо чрезъ изолированіе ихъ отъ остальныхъ, оставшихся еще здоровыми, частей организма, либо, наконецъ, при невозможности достигнуть этихъ двухъ первыхъ цѣлей, чрезъ облегченіе наиболѣе-тягостныхъ припадковъ, ея причиваемыхъ. Въ книгѣ г. Яра нѣтъ ничего похожего на подобное описаніе болѣзней. У него только *пересчитаны* болѣзни, то-есть названы по имени, и соотвѣтственно каждому названію *пересчитаны* также цѣлыя десятки разнородныхъ лекарствъ, на томъ основаніи, какъ увѣряютъ гомеопаты, что «каждое изъ этихъ лекарствъ, бывъ употреблено здоровымъ человѣкомъ, само способно произвести такую же болѣзнь». Притомъ же, перечисленіе болѣзней занимаетъ у него только весьма-незначительную часть книги; большею же частью исчислены такія состоянія человѣческаго духа и тѣла, которыя никогда не считаются ни болѣзнями, ни болѣзненными припадками, и не требуютъ леченія, какъ, напримѣръ, «лѣнность, несчастная любовь, ревность, неуклюжесть, пеловкость движеній, ночныя бдѣнія, непонятливость, мытье бѣлья и работа въ водѣ» и т. п., и противъ всего этого назначены

гомеопатическія лекарства. Какимъ же образомъ можно назвать подобное перечисленіе весьма-разнородныхъ обстоятельствъ человѣческой жизни «клиническими наставленіями»?

Забудемъ, однакожъ, на минуту это вмѣшательство гомеопатіи въ такія обстоятельства человѣческой жизни, которыя вовсе не относятся къ медицинѣ, и посмотримъ, какъ гомеопаты рассуждаютъ о существенномъ предметѣ своихъ занятій—леченіи болѣзней. Издатель «Наставленій» г. Яра такъ излагаетъ основной законъ гомеопатической терапіи: «Всякое лекарственное вещество исцѣляетъ отъ такихъ именно *болѣзненныхъ явленій*, какія оно само можетъ произвести въ здоровомъ организмѣ», а потомъ черезъ нѣсколько строкъ прибавляетъ: «гомеопатъ долженъ прежде всего знать, какія *болѣзни* такое-то лекарство можетъ причинить, чтобы съ успѣхомъ употребить его противъ такихъ же точно или близко-подобныхъ *болѣзней*, которыя должно излечить». Прочтите эти строки, и вы увидите, что эти два положенія никакъ не могутъ стоять вмѣстѣ. Развѣ *болѣзнь* и *болѣзненное явленіе*, или *припадокъ болѣзни*—одно и то же? Гомеопатическая крупинка, проглоченная здоровымъ человѣкомъ, можетъ произвести (повѣримъ въ этомъ гомеопатамъ на-слово) какое-либо *болѣзненное явленіе*, напримѣръ, хоть головную боль; но слѣдуетъ ли изъ этого, что та же крупинка можетъ излечить всякую *болѣзнь*, сопровождаемую головною болью? Сами гомеопаты согласятся, что нѣтъ. Причина въ томъ, что всякое болѣзненное явленіе — только признакъ, а не сущность болѣзни, могущій совершенно отсутствовать, хотя болѣзнь тѣмъ неменѣе существуетъ и не теряетъ своей патологической сущности. И сами гомеопаты не могутъ не знать, что одни и тѣ же припадки, или болѣзненные явленія (какъ они любятъ выражаться) могутъ сопутствовать весьма-многимъ и совершенно-различнымъ болѣзнямъ, такъ-что, даже уничтоживъ какъ бы то ни было одно *болѣзненное явленіе*, или одинъ припадокъ, было бы слишкомъ-самонадѣянно думать, что мы этимъ излечили *самую болѣзнь*.

Съ одной стороны, гомеопаты должны согласиться и съ тѣмъ еще, что если крупинки ихъ способны вызывать (если только способны) у здороваго человѣка разныя *болѣзненные явленія* или припадки, то еще сомнительно, могутъ ли онѣ вызывать цѣлыя группы припадковъ, изъ которыхъ составляется та или другая болѣзнь. Напримѣръ, главнымъ лекарствомъ отъ натуральной оспы считается у нихъ мышьякъ (у Яра) и сулема (у Теста); но вопросъ еще, можно ли употребленіемъ этихъ средствъ произвести у здороваго человѣка натуральную оспу со всею ея патологическою сущностью? Мы думаемъ, что скорѣе можно отравить человѣка, чѣмъ произвести у него эту болѣзнь.

Послѣ этого невольно является вопросъ: не чистая ли мечта это *similia similibus curantur*? Лучшее доказательство — въ книгѣ Яра. На страницѣ 401-й у него излагаются лекарства противъ «не-

счастливой любви съ ея послѣдствіями». Какъ, спрашивается, гомеопаты узнали пользу исчисленныхъ здѣсь лекарствъ противъ этой *болѣзни*? Богъ—знаетъ какъ; вѣроятно, испытывая ихъ надъ здоровыми людьми, которые вдругъ, ни съ того, ни съ сего, отъ однихъ ихъ крупинокъ становились «несчастливыми въ любви, впадала въ меланхолю, выражающуюся плачемъ и скорбію, съ преобладаніемъ то ревности, то тихой печали и грусти», хотя — не будь этихъ крупинокъ! — рѣшительно не имѣли никакихъ поводовъ подчиняться несчастной *болѣзни*, излечиваемой, по словамъ Яра, *золотомъ* и *блѣною*. Такихъ же образомъ, на стр. 437-й указаны лекарства противъ «неуклюжести, неловкости движеній и послѣдствій ихъ», противъ «лѣности» (стр. 401), противъ «неспособности размышлять, тупости умственныхъ способностей» (стр. 564) и т. п.

Отъ этого вовсе-неклиническаго смѣшенія понятій о *болѣзняхъ* и *болѣзненныхъ явленіяхъ* и даже о томъ, что собственно должно разумѣть подъ именемъ «*болѣзненного явленія*», въ книгѣ Яра перечислены цѣлыя тысячи лекарствъ противъ разныхъ болѣзненныхъ явленій, и, напротивъ, весьма-немного указано такихъ, которыя могли бы быть назначены для леченія извѣстныхъ болѣзней; но не думаемъ, чтобъ эти указанія могли принести врачамъ или невврачамъ какую-либо пользу. Незнакомые съ гомеопатическими сочиненіями проникнутся, можетъ-быть, чувствомъ удивленія къ г. Яру при первомъ взглядѣ на его книгу, и подумаютъ, какихъ стояло невѣроятныхъ трудовъ привести въ порядокъ эту тьму-темь наблюдений и подобрать цѣлыя тысячи лекарствъ на данные случаи, когда, по словамъ издателя, «изъ трехсотъ средствъ, донинѣ болѣе или менѣе изслѣдованныхъ гомеопатами, многія имѣютъ *до тысячи-пятисотъ и до двухъ тысячъ признаковъ или болѣзненныхъ явленій*, какія могутъ быть произведены ими въ здоровомъ организмѣ». Но пусть они внимательно прочтутъ хоть одну или двѣ страницы книги Яра и тогда увидятъ, сколько можно дать вѣры этому хаотическому подбору гомеопатическихъ лекарствъ, назначающихся противъ всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ движеній, даже самыхъ мимоходныхъ и малозамѣтныхъ. Для примѣра приведемъ хоть *зубную боль*. У г. Яра перечисленіе средствъ противъ нея изложено на 15½ страницахъ (стр. 156—171). Исчисливъ средства сначала вообще, потомъ *по состоянію болящихъ зубовъ*, потомъ *по мѣстности зубной боли*, потомъ *по происхожденію боли*, потомъ *по различію пола и температура больныхъ*, авторъ описываетъ въ частности 36 гомеопатическихъ средствъ противъ зубной боли, со всѣми указаніями къ ихъ употребленію, и, не довольствуясь этимъ, продолжаетъ:

«Во всякомъ случаѣ можно имѣть въ виду слѣдующее: При чувствѣ *полноты, опухоли, разжиманія въ зубахъ* назначаются: *Amб., Амт., Graph.* и пр. пр. — При чувствѣ, какъ будто они *выдвигаются* или

вырываются: Вгу., Сосс., Magn. acet. и проч. — При чувствѣ *сверленія* и *ковырнянія*... — При *жгучихъ* боляхъ... — При чувствѣ *жужжанія*, *шума*, *рыканія въ зубахъ*... — При давящихъ боляхъ... — При чувствѣ *разъданія* или *грызенія*... При боли какъ-будто *изъявленія*... При ощущеніи какъ бы *иканія въ зубахъ*... При чувствѣ *копанія* и *схватыванія въ зубахъ*... При ощущеніи *холода въ зубахъ*... При *жгучихъ боляхъ*, когда зубы какъ бы сдавлены... При *свербеніи въ зубахъ*... При чувствѣ *рыхлости въ нихъ*... При чувствѣ *терзанія*... При ощущеніи *толчковъ*... При ощущеніи *тяжести въ зубахъ*... При *натягивающихъ боляхъ*, при *дергающихъ боляхъ*... При чувствѣ *размяченія* въ зубахъ... При чувствѣ какъ будто зубы *выжнуты*... Если они *очень гладки*... Если они *пожелтѣли*... Если на зубахъ *осыпаются много слизи*...»

Довольно! хоть мы не выписали и одной трети обстоятельствъ, которыя авторъ просить имѣть въ виду. Не можемъ только не спросить: если гомеопатія ученіе *опытное*, то какъ гомеопаты дошли до такого подробнаго познанія всѣхъ лекарствъ? И не-уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ *Huosc.*, *Magn. acet. N. vom.*, *Ser.* производятъ у здоровыхъ людей чувство *шума*, *жужжанія*, *рыканія въ зубахъ*, а *Lyc. Nitg. ac.*, *Spig.* — ощущение *иканія въ зубахъ*? Но если и положимъ, что все это дознано на опытѣ, то какъ управитесь со всѣми *показаніями*? Мы нарочно распространились о зубной боли и упомянулъ о *показаніяхъ* по поводу вотъ какого случая: *N. N.*, молодой человекъ, *тихаго характера*, *утромъ*, *во время ѣзды въ экипажъ*, почувствовала жестокая *бьющія*, *ковыряющія* боли въ *коренномъ* зубѣ. Въ первый разъ въ жизни вздумалъ онъ лечиться гомеопатически и, разумѣется, обратился къ книгѣ г. Яра. Въ книгѣ показана пшено противъ бьющихъ, ковыряющихъ болей *Platina* (то-есть, вѣроятно, *platinum*); но бѣда въ томъ, что *Platina* назначается только *особамъ гордаго*, *высокомъ* характера (стр. 167). Пришлось искать далѣе... Оказалось, что *особамъ тихаго характера* приличенъ, при чувствѣ *копанія въ зубахъ* (отъ чувства *ковырнянія* итъ другаго средства, но, кажется, это все-равно) *Rhus* (стр. 163); но тутъ новая бѣда: у больного начались и ожесточились боли *во время ѣзды въ экипажъ*, а противъ такихъ болей показаны (стр. 169) пшено: *Calc.*, *Magn. carb.* и проч... Словомъ, едва больнои, по тщательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, находилъ приличное средство, какъ оказывалось, что или оно помогаетъ только въ боли *рѣзцовъ*, или дѣйствуетъ только на *пожелтѣлыя зубы* и т. п. Соскучившись безпрестанными противорѣчіями, больнои принялъ на-удачу первое показанное въ книгѣ средство; разумѣется, оно не помогло и волей-неволей больнои пришлось вырвать зубъ.

Гомеопаты очень гордятся тѣмъ, что обращаютъ вниманіе не только на разныя болѣзненные явленія, сопутствующія болѣзнямъ, но и на тѣ

«обстоятельства, подъ влияніемъ которыхъ состояніе больныхъ улучшается, или ухудшается», и назначаютъ свои крупинки также и противъ этихъ «обстоятельствъ». Вотъ какъ излагается это у Яра:

«§ 1. Почти всѣ практики нашей школы уже издавна признавали важность этихъ обстоятельствъ, такъ что многіе изъ нихъ придали имъ абсолютное самостоятельное значеніе въ терапевтическомъ характеръ (?) нашихъ врачебныхъ средствъ, какъ въ отношеніи къ сущности (чего?), такъ и въ отношеніи къ замѣчаемымъ припадкамъ (стр. 441).

«§ 2. *Время дня.* а) Если страданія появляются или усиливаются *вечеромъ* вообще: Amb., Amm. m., Amm., Agn., Arg., и проч. (всего 64 лекарства).

б) *Вечеромъ въ постели* или *передъ полночью*: Arg., Вгу., Calc. и т. д... 53 лекарства.

в) *Ночью* вообще.... 69 лекарствъ.

д) *Во время сна*.... 47 лекарствъ.

е) *Посль полночи, по утрамъ въ постели, при пробужденіи*.... 52 лекарства.

г) *Утромъ* вообще.... 47 лекарствъ.

г) *Передъ полуднемъ* или *посль застрака*.... 32 лекар.

h) *Посль полудня* или *посль обѣда*.... 31 лекарство.

«§ 3. *Пища.* а) Если страданія появляются *до застрака* и уменьшаются *посль него*....

б) Если они появляются или усиливаются *посль застрака*....

в) Если припадки, появляющіеся *передъ обѣдомъ*, уменьшаются *посль него*....

д) Если появляются *во время стола*....

е) Если появляются *посль обѣда*....

г) Если усиливаются *посль питья*....

г) Если припадки вызываются или усиливаются *отъ куренія табаку*....

«§ 4. *Время года и мѣсяцы.* Если припадки преимущественно появляются или усиливаются :

а) *весною*... б) *лѣтомъ*... в) *осенью*... д) *зимою*... е) *при ущербѣ луны*... г) *при новолуніи*... г) *во время полнолунія*... h) *при наростаніи луны*...

«§ 5. *Воздухъ и вѣтеръ.* а) Если *дурная погода* вызываетъ страданія: Вгу., Rod. и т. д.

б) Если состояніе больного ухудшается при *бурной, вѣтренной и сырой погодѣ*....

в) Если *вѣтеръ* вообще наноситъ страданія: Carb. и пр.

д) Если *сѣверный вѣтеръ* причиняетъ вѣдуги....

е) При *южномъ вѣтрѣ*...

г) При *восточномъ вѣтрѣ*....

г) При *западномъ вѣтрѣ*....

h) Если страданія происходятъ *отъ сквознаго вѣтра*....

и) Если *прохладный вечерній воздухъ* причиняетъ вредъ....

к) Если страданія появляются или усиливаются на *открытомъ воздухѣ* или на *прогулкѣ*...

«§ 9. Положенія тѣла. а) Если выпрямленіе тѣла причиняетъ болѣзненные явленія: Асон., Агн. и т. д.

- b) Если при оставаніи изъ лежащаго положенія...
- c) При оставаніи изъ сидячаго положенія...
- d) Если вытягиваніе страдающей части причиняетъ боль...
- e) Если нагибаніе...
- f) Если страданія усиливаются при столчень положеніи...
- g) Въ сидячемъ положеніи...
- h) При лежаніи на правомъ боку... и т. д.

«§ 12. Впечатлѣнія на душу и чувства. а) Если душевныя потрясенія причиняютъ вредъ...

- b) Если состояніе больного ухудшается, когда одинъ остается...
- c) Если чувствуетъ себя хуже, когда находится между людьми или въ обществѣ.
- d) Во время чтенія... Когда пишетъ... и т. д.

Пусть читатели простятъ намъ эти длинныя выписки изъ гомеопатической болтовни, едва-ли стоящей бумаги, которая на нее потрачена.

Полное, систематическое, практическое, описаніе минеральныхъ водъ, лечебныхъ грязей и купаній въ Россійской Имперіи, съ присовокупленіемъ краткаго описанія извѣстныхъ заграничныхъ минеральныхъ водъ, и патологіи хроническихъ болѣзней, составилъ Кондратій Грумъ. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Департамента Вѣшной Торговли. Въ 8-ю д. л. VIII, 412, 286 и XXII стр.

Исторія открытія и изслѣдованія минеральныхъ водъ въ Россіи начинается вышедшимъ въ 1769 году «Объявленіемъ о лечительныхъ водахъ, сысканныхъ на Олонцѣ, и отъ какихъ болѣзней, и какъ при томъ употребленіи поступать, тому дохтурское опредѣленіе, также и указъ Его Царскаго Величества на оныя дохтурскія правила и оное все слѣдуетъ ниже сего». Потомъ, въ 1760 году, издано докторомъ Шоберомъ «Описаніе сѣрнаго ключа у пригорода Сергіевскаго при рѣкѣ Сонѣ», и съ этого времени открывается длинный рядъ брошюръ, журнальныхъ статей и газетныхъ объявленій о различныхъ минеральныхъ водахъ, которыхъ въ настоящее время насчитываютъ въ Россіи до девяноста. Но полныхъ систематическихъ изслѣдованій о всѣхъ русскихъ минеральныхъ водахъ, до появленія разсматриваемаго нами сочиненія г-на Грума, было только два, изъ которыхъ первое (Юанна Готлиба Георга), написанное на нѣмецкомъ языкѣ, относится къ 1798 году, а второе и послѣднее (доктора Александра Шерера), написанное также на нѣмецкомъ языкѣ, вышло въ 1820 году. Авторъ «Полнаго, систематическаго, практическаго, описанія минеральныхъ водъ, лечебныхъ грязей и купаній въ Россійской Имперіи» воспользовался всѣмъ, что издано было объ этомъ предметѣ съ 1719 по 1853 годъ, и, кромѣ-того, имѣлъ нѣсколько рукописныхъ монографій, доставленныхъ

ему врачами, находящимися при лечебныхъ заведеніяхъ. Такимъ-образомъ трудъ г-на Грума получилъ значеніе самой полной современной энциклопедіи минеральныхъ водъ.

Сочиненіе это раздѣлено на двѣ части: въ первой заключается, кро-мѣ собственно-описанія всѣхъ находящихся въ Россіи минеральныхъ водъ и грязей, гигиена, діететика и носологія для всѣхъ водъ, въ-особенности кавказскихъ; во второй части содержится описаніе главнѣй-шихъ иностранныхъ минеральныхъ водъ и патологія хроническихъ бо-лѣзней. Подробное объясненіе плана сочиненія авторъ излагаетъ въ «предисловіи» слѣдующимъ образомъ:

«Систематическое размѣщеніе и описаніе Русскихъ минеральныхъ водъ и грязей состоитъ въ томъ, что извѣстныя, достаточно разложенныя и упо-требительныя воды распредѣлены по химическимъ ихъ свойствамъ, по ко-торымъ онѣ группируются на четыре рода: воды щелочныя, сѣрныя, же-лѣзныя, соляныя и особенно минеральныя грязи. Воды мало извѣстныя, недостаточно или совсѣмъ не разложенныя, впрочемъ, многочисленныя въ Россіи, составляютъ особенный отдѣлъ подъ заглавіемъ: Разнородныя во-ды въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ Финляндіи, на Кавказѣ и въ Сибири. Заграничныя минеральныя воды распредѣлены такимъ образомъ, какъ это соблюдается въ извѣстнѣйшихъ гидрологическихъ сборникахъ, — именно, по государствамъ, странамъ и гидрологическимъ системамъ. Въ система-тическій составъ сочиненія входятъ: литература общая и частная каждой Русской минеральной воды въ хронологическомъ порядкѣ, съ показаніемъ сочиненій и авторовъ, а также свѣдѣнія географическія, топографи-ческія, геогностическія, относящіяся къ устройству, администраціи водъ и т. д., сколько почерпнуть ихъ можно было изъ сочиненій.

«Практическая, самая важная и существенная, часть обработана и из-ложена такимъ образомъ, чтобы сочиненіе это могло быть удовлетвори-тельнымъ руководствомъ для врачующихъ и врачующихся минеральными водами, полнымъ указателемъ для врачей и удобопонятнымъ наставленіемъ для не-врачей. При составленіи этого сочиненія, авторъ всегда имѣлъ въ виду драгоцѣннѣйшее достояніе челоуѣка — здоровье и тѣ матеріаль-ныя средства, которыми жертвуютъ больные для возстановленія разстроена-го своего здоровья. Слѣдовательно, необходимо было обработать всѣ практическія части сочиненія сколь можно подробнѣе и удовлетворитель-нѣе. Въ статьѣ: «Минеральныя воды вообще» авторъ показалъ свойство, качества минеральныхъ водъ, ихъ употребленіе и такимъ образомъ объ-яснилъ, какія воды должно считать собственно минеральными врачевными водами и какъ ихъ изслѣдывать, узнавать и приспособлять къ врачевному употребленію. Въ третьемъ отдѣлѣ изложена гигиена и діететика, съ на-ставленіями для врачующихъ и врачующихся, а также исчислены тѣ бо-лѣзни, которыя вообще могутъ быть лечимы минеральными водами. При описаніи каждой минеральной воды, нынѣ употребительной и устроенной, авторъ старался опредѣлить преимущественно, какія именно болѣзни мо-гутъ быть лечимы данною водою и какъ употреблять для этого воду со-отвѣтственно ея химическимъ свойствамъ и фармакодинамическому дѣй-ствію. Поэтому многія описанія водъ составляютъ, можно сказать, мо-

нографин, въ которыхъ заключаются полныя свѣдѣнія относительно описываемой воды. Для практической цѣли крайне необходима была особая часть сочиненія — патологія болѣзней, лечимыхъ минеральными водами и грязями, основанная по современной физиологіи, патологической анатоміи и общей патологіи, для показанія происхожденія, мѣстопребыванія и свойства болѣзней въ системахъ и органахъ человеческого тѣла. Такимъ образомъ показано и объяснено, какія болѣзни и почему именно лечатся минеральными водами, въ какихъ случаяхъ отъ этихъ водъ можно ожидать излеченія или облегченія и когда онѣ бываютъ бесполезны или вредны, каковымъ способомъ, по ходу и успѣхамъ леченія мы можемъ узнавать и оцѣнять настоящія свойства употребляемой воды, какія должно имѣть въ виду обстоятельства при выборѣ и назначеніи водъ, чтобы не вводить больныхъ понапрасну въ издержки и потерю времени. Извѣстно, что больные, лечившіеся безъ успѣха разными средствами, обыкновенно прибѣгаютъ наконецъ къ минеральнымъ водамъ и совѣтуются или съ врачами или съ сочиненіями; съ другой стороны извѣстно и то, что хроническія болѣзни немовѣрно разнообразны по своему происхожденію, мѣстопребыванію, свойству, осложненію и т. п., часто трудно распознаваемы въ существѣ; потому авторъ понималъ всю необходимость такихъ свѣдѣній, которыя бы объяснили, чего можно ожидать отъ минеральныхъ водъ, употребляемыхъ противъ извѣстныхъ болѣзней, и почему именно хроническія болѣзни могутъ быть иногда неизлечимыми; впрочемъ, свѣдѣнія изложены въ патологіи только самая *необходимыя* для уразумѣнія болѣзней».

Описаніе револьверовъ и правила обращаться съ ними.
К. Костенкова. *Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Королева и Копп. Въ 8-ю д. л. 24 стр.*

Г. Костенковъ, начиная описаніемъ двухъ самыхъ древнихъ револьверовъ (1600 и 1632 года), находящихся у частныхъ лицъ въ Брюсселѣ, рассказываетъ постепенный ходъ усовершенствованія этого остроумнаго изобрѣтенія, замѣняющаго нѣсколько вмѣстѣ-взятыхъ пистолетовъ. Револьверы *Кольта, Адамса и Дена, Паркера и Фильда, Монжо-Комбленъ*, какъ наиболѣе-употребляемые въ настоящее время, описаны во всѣхъ подробностяхъ, которыя представлены на приложенныхъ къ описанію весьма-отчетливыхъ рисункахъ.

Теперь такъ часто случается слышать разговоры о револьверахъ, что каждый, вѣроятно, запасется предлагаемою брошюрою и — раскаяваться не будетъ, потому-что г. Костенковъ говорить просто и ясно.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, въ-продолженіе двадцатипяти-лѣтняго его существованія. Составленъ секретаремъ Общества И. Палимпсестовымъ. Одесса. Въ тип. Францова и Нитче. 1855. Въ 8-ю д. л. XIV и 362 стр.

Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, основанное въ декабрь 1828 года, въ короткій періодъ своего существованія, располагая самыми ничтожными матеріальными средствами (не болѣе 2,000 р. въ годъ), успѣло достигнуть важнѣйшей, по нашему мнѣнію, цѣли всякаго общественнаго предпріятія: оно успѣло возбудить всеобщее сочувствіе къ своей полезной дѣятельности. Слѣдя за ходомъ занятій Общества по его изданіямъ, каждый могъ убѣдиться, что въ членахъ своихъ Общество нашло много лицъ, вполне-знакомыхъ съ дѣломъ сельскаго хозяйства и глубоко-вникающихъ въ живые интересы страны. Видя быстрые успѣхи въ развитіи сельскаго хозяйства Южной Россіи, никто не сомнѣвался, что значительною частью этихъ успѣховъ край обязанъ полезной дѣятельности Общества. Поэтому мы съ особеннымъ интересомъ ждали появленія разсматриваемаго теперь «Отчета» и надеялись, что онъ раскроетъ и объяснитъ намъ общій планъ, которому постоянно подчиняло Общество свои прекрасныя стремленія и безъ котораго эти стремленія, раздробившись по мелочнымъ, разнороднымъ предпріятіямъ, остались бы совершенно-безплодными и не могли бы имѣть никакого значительнаго вліянія на развитіе полной системы южнаго сельскаго хозяйства. Но г. Палимпсестовъ не удовлетворилъ нашихъ ожиданій и не удовлетворилъ, кажется, потому, что ошибочно понимаетъ значеніе *отчета* вообще.

Подобныя ошибки встрѣчаются довольно-часто въ нашей литературѣ; но не всегда онѣ представляются такъ явственно, какъ въ «Отчетѣ о двадцатипяти-лѣтней дѣятельности Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи», въ которомъ особенно-ясно обозначилось ошибочное понятіе объ отчетѣ вообще, именно потому, что въ прочихъ отношеніяхъ трудъ г. Палимпсестова вполне-удовлетворителенъ и далеко превосходитъ другія подобныя произведенія; а извѣстно, что на бѣлой поверхности тѣнь обозначается явственнѣе, нежели на поверхностяхъ сѣрыхъ и смурыхъ... Мы пользуемся рѣдкимъ случаемъ опредѣлить очертаніе этой тѣни, которая такъ часто ложится на разные частные отчеты наперекоръ самымъ искреннимъ желаніямъ ихъ составителей показать все въ блистательномъ свѣтѣ.

Не знаемъ ни одного руководства теоріи словесности, въ которомъ излагались бы правила для сочиненія «отчетовъ», и не можемъ утвердить нашихъ убѣжденій на какомъ-либо авторитетѣ; поэтому постараемся подвести ихъ подъ самыя общія положенія теоріи словесности.

Каждое сознательное дѣйствіе (слѣдовательно, и каждый «отчетъ») должно соотвѣтствовать извѣстной, опредѣленной цѣли. Цѣль всякаго отчета заключается въ томъ, чтобъ дать читателю возможно-полное и ясное понятіе о дѣйствіяхъ, предпринятыхъ для рѣшенія извѣстнаго, опредѣленнаго вопроса. Но для того, чтобъ понятіе объ этихъ дѣйствіяхъ было полно и ясно, необходимо опредѣлить значеніе каждаго дѣйствія въ-отношеніи къ прочимъ дѣйствіямъ и въ-отношеніи къ основной за-

дате, для рѣшенія которой всѣ эти дѣйствія были предприняты; другими словами: всѣ части «отчета» должны быть частями одного цѣлаго, должны имѣть между собою внутреннюю связь и послѣдовательность, должны быть проникнуты одною общею, основною идеей. Откуда же взять такую идею, когда предъ составителемъ лежатъ кнѣ дѣлъ и документовъ, изъ которыхъ онъ можетъ почерпнуть только отдѣльные, отрывочные факты, матеріалы для своего труда? Основная идея «отчета», какъ и всякая идея, почерпается изъ фактовъ, получается посредствомъ изученія данныхъ, совокупляя сходное и отвлекая различное. Чтобъ составить «отчетъ», необходимо изучить данныя, на которыхъ онъ долженъ быть основанъ; а изучить — значитъ найти смыслъ и значеніе фактовъ, открыть взаимную ихъ связь въ побужденіи, изъ котораго они возникли, или въ обстоятельствахъ предшествовавшихъ, которыя ихъ породили. Изъ всего этого легко, кажется, убѣдиться, что систематическое, послѣдовательное изложеніе такъ же необходимо для «отчета», какъ и для всякаго другаго рода письменныхъ произведеній. Написать «отчетъ» о двадцатипяти-лѣтней дѣятельности какого-нибудь общества — значитъ опредѣлить характеръ дѣятельности этого общества, показать отношеніе между его дѣйствіями и избранною имъ цѣлю, объяснить послѣдовательную связь этихъ дѣйствій, представить процессъ постепеннаго, поступательнаго движенія для достиженія цѣли. Если же составитель «отчета» не хочетъ подвергать себя обязанности предварительнаго изученія данныхъ, то долженъ по-крайней-мѣрѣ представить эти данныя въ простой формѣ матеріаловъ, годныхъ для дальнѣйшей разработки, въ формѣ лѣтописи, въ связи хронологической. Но хронологическаго порядка изложенія почему-то не любятъ составители «отчетовъ», нежелающіе приискивать строгой системы, или основной идеи: они предпочитаютъ такъ-называемые *перечни*, въ которыхъ группируютъ свои матеріалы по различнымъ, совершенно-произвольнымъ рубрикамъ, неимѣющимъ между собою никакой связи и, слѣдовательно, не представляющимъ ни единства, ни послѣдовательности въ изложеніи.

Къ числу такихъ *перечней* принадлежитъ и «Отчетъ», составленный г. Палимпсестовымъ, который, не говоря ни слова о развитіи двадцатипяти-лѣтнихъ постепенныхъ успѣховъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, соединилъ на одномъ планѣ, подъ рубриками *землеобработыванія, полеводства, скотоводства, лѣсоводства, садоводства* и т. д., мелочныя распоряженія и даже неудачныя попытки съ главными, существенными стремленіями Общества, и изъ всего труда своего, изложеннаго на 296 страницахъ, вывелъ слѣдующее «Заключеніе»:

«Вотъ *перечень главныхъ* (?) дѣйствій Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, въ теченіи 25 лѣтъ. *Можетъ быть* (?), въ этихъ дѣйствіяхъ отразилось *только искреннее желаніе* трудиться,

а не тотъ трудъ, на который добровольно вызвалось Общество, и который долженъ упрочить благосостояніе сельской промышленности Новороссійскаго края. Но и *добрыя начинанія* въ дѣлахъ трудныхъ, обширныхъ, *новыхъ* не могутъ назваться дѣломъ маловажнымъ» (стр. 296).

Итакъ 296 страницъ «Отчета» написаны для того, чтобъ въ заключеніе сказать: *можетъ-быть*, и примѣнить это заключеніе къ тому, чего рѣшительно не можетъ быть: потому-что, посредствомъ одного, самаго искренняго желанія *трудиться*, нельзя доставить матеріаловъ на 296 страницъ *перечня* только *главныхъ* дѣйствій; для этого нуженъ *трудъ* и трудъ продолжительный, разумный, который чрезъ 25 лѣтъ не можетъ оставаться дѣломъ *новымъ* или *добрымъ начинаніемъ!* Можетъ-быть, Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи въ-теченіе двадцатипяти-лѣтняго своего существованія не слѣдовало постоянно одному, однажды-принятому плану для достиженія избранной имъ цѣли; но это не лишало г. Палимпсестова возможности характеризовать различныя эпохи дѣятельности Общества, и тогда онъ представилъ бы намъ весьма-любопытную и поучительную для другихъ обществъ исторію. Допустимъ даже предположеніе почти-невѣроятное, что Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи въ дѣйствіяхъ своихъ въ-теченіе двадцати-пяти лѣтъ постоянно подчинялось только побужденіямъ случайнымъ, временнымъ — и въ этомъ случаѣ г. Палимпсестовъ не лишился бы возможности найти для своего отчета общую основную идею мѣстныхъ условий, потребностей южнаго края, которыя необходимо выразились бы даже въ чисто-случайныхъ дѣйствіяхъ Общества. На основаніи этой идеи легко можно было бы отдѣлить важнѣйшія или главныя дѣйствія отъ мелочныхъ и ничтожныхъ, и тогда мы увидѣли бы по-крайней-мѣрѣ существенный, истинный результатъ двадцатипяти-лѣтней дѣятельности Общества.

Вмѣсто всего этого, предъ нами лежитъ толстая книга, которую мы прочли только по обязанности, съ истиннымъ самоотверженіемъ; и когда закрыли книгу, увидѣли предъ собою нѣчто въ родѣ призрака, говорившаго намъ: «вы поскучали довольно; я много написалъ о дѣйствіяхъ Общества, а оно, *можетъ-быть*, только *желало дѣйствовать!*» Эта мысль, такъ ясно выраженная въ «Заключеніи» отчета — конечно, не незаслуженная насмѣшка надъ усерднымъ читателемъ; но въ то же время это — рѣдкое въ письменномъ мірѣ безсознательное признаніе автора въ томъ, что онъ трудился безъ плана, безъ цѣли, что трудъ его — механическая компиляція изъ груды дѣлъ и документовъ, разложенныхъ предварительно на кучки по сходству названій или оглавленій, компиляція, изъ которой невозможно вывести никакого заключенія. Это значеніе *Заключенія* «Отчета» подтверждается и предварительными размышленіями г. Палимпсестова, изложенными въ *Предисловіи* къ «Отчету» (стр. 1—21).

Онъ говорить, что торжественный день (20 декабря 1853 г.) двадцатипяти-лѣтняго юбилея «можетъ навести на членовъ Общества невольное смущеніе», потому-что въ этотъ день имъ могутъ предложить вопросъ: что сдѣлало Общество въ-теченіе четверти столѣтія своего существованія? а отвѣчать на этотъ вопросъ *трудно*, и «трудность заключается съ одной стороны во множествѣ предметовъ, которые входили въ кругъ дѣйствій Общества (кажется, не трудная трудность!), а съ другой — что эти многочисленные предметы въ настоящее время «исчезли, не оставя по себѣ никакихъ добрыхъ послѣдствій (странные «предметы»), или лежатъ до благопріятной поры, какъ зерна, брошенные въ землю (очень-странные предметы!), или приносятъ желаемые «плоды, но гдѣ? трудно собрать *все это* (!) и представить на судъ «свѣта, какъ уже зрѣлый или по-крайней-мѣрѣ созрѣвающій плодъ». Вотъ какіе непостижимые предметы, по мнѣнію г. Палимпсестова, *входили въ кругъ дѣйствій* Общества... или, говоря точнѣе, вотъ какое ясное понятіе имѣлъ г. Палимпсестовъ о дѣйствіяхъ этого Общества! Еще важнѣйшее препятствіе къ составленію удовлетворительнаго «Отчета», авторъ его полагаетъ въ томъ, что «оцѣнить *послѣднюю мысль*, которая, можетъ быть, *только по прошествіи столѣтія созрѣетъ* и созрѣвши принесетъ милліонныя выгоды, для современниковъ трудно и даже совершенно невозможно». Объ этой трудности очень-часто говорится въ «Отчетѣ»; но мы совершенно не понимаемъ ея, потому-что *сѣяніе незрѣлыхъ мыслей* не можетъ назваться дѣйствіемъ полезнымъ и, слѣдовательно, не должно входить въ «Отчетъ», въ которомъ нѣтъ также мѣста для будущихъ гадательныхъ плодовъ такихъ мыслей. Мы были бы весьма-признательны г. Палимпсестову, еслибъ онъ сказалъ намъ, какія главныя зрѣлыя мысли старалось особенно распространять между сельскими хозяевами Общество Южной Россіи; а трудности въ этомъ, кажется, никакой не предвидится, и никто, конечно, не потребовалъ бы отъ автора «Отчета» свѣдѣній о томъ, когда, гдѣ и какой плодъ принесутъ эти мысли, которыя, какъ всякая зрѣлая мысль, не нуждаются ни въ какихъ гадательныхъ подтвержденіяхъ. Наконецъ г. Палимпсестовъ говорить, что Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи «не могло многого сдѣлать на избранномъ имъ поприщѣ, потому-что *постоянно боролось* съ такими препятствіями, которыя въ-силухъ разрушить или устранить не четверть столѣтія, а цѣлые вѣка». Но если Общество *постоянно боролось* съ препятствіями—значить, оно постоянно дѣйствовало энергически, съ извѣстною, опредѣленною цѣлью, для устранения этихъ препятствій: покажите же намъ эту борьбу и ея результаты, и тѣмъ самымъ вы представите намъ самую краснорѣчивую исторію двадцатипяти-лѣтней дѣятельности Общества, исторію, изъ которой, конечно, невозможно будетъ вывести того «заключенія», которое мы нашли въ *перечневомъ отчетѣ*...

Итакъ , въ томъ самомъ , что г. Палимпсестовъ считаетъ препятствіями къ составленію удовлетворительнаго «Отчета», мы видимъ только прямыя , самыя непосредственныя указанія на путь , которымъ ему слѣдовало идти для опредѣленія двадцатипяти-лѣтней дѣятельности Общества , путь , которому онъ предпочелъ пробитую безсознательной рутинной колею механической компиляціи. Правда , этой компиляціи придана въ «Отчетѣ» внѣшняя форма системы: «Отчетъ» раздѣленъ на два отдѣленія; но въ первомъ излагаются *основныя распоряженія Общества*, а во второмъ *дѣйствія Общества по разнымъ отраслямъ сельской промышленности*. Изъ этого дѣленія можно заключить , что дѣйствія Общества Сельскаго Хозяйства по разнымъ отраслямъ сельской промышленности въ глазахъ автора «Отчета» суть не *основныя* дѣйствія , а второстепенныя или побочныя... или даже совершенно-лишнія , потому-что въ число *основныхъ* распоряженій вошло , кромѣ действительно-важнаго и основнаго распоряженія , изданія журнала, еще два весьма-незамѣчательныя: 1) учрежденіе фермы, отданной съ 1833 года въ полное завѣдываніе частнаго лица , съ предоставленіемъ Обществу права производить различныя опыты на пространствѣ одной полудесятины, и 2) содержаніе сначала въ лучшихъ мѣстностяхъ одиннадцати, а потомъ въ Горыгорѣцкомъ Училищѣ четырехъ молодыхъ людей съ цѣлю приготовить изъ нихъ управляющихъ. И действительно: читая *второе отдѣленіе* «Отчета», можно подумать, что *дѣйствія Общества по разнымъ отраслямъ сельской промышленности* не могутъ назваться *распоряженіями основными* — столько въ этомъ отдѣлѣ помѣщено свѣдѣній самыхъ ничтожныхъ и часто неизмѣняемыхъ почти никакого отношенія къ специальной цѣли Общества! Напримѣръ , на сорока-пяти страницахъ исчисляются сухимъ «перечнемъ» въ алфавитномъ порядкѣ древесныя и кустарниковыя породы, «которыя, судя по наблюденіямъ *нѣкоторыхъ* действительныхъ членовъ и директоровъ фермы Общества (Десметы, Шмидта и Исна-«ра) могутъ почитаться болѣе или менѣе надежными (?) для *тѣхъ или другихъ* (?) мѣстностей Новороссійскаго Края» (стр. 180—225), и т. п. Между-тѣмъ о дѣйствіяхъ , заслуживающихъ въ полномъ смыслѣ названія основныхъ , существенныхъ дѣйствій Общества , г. Палимпсестовъ говоритъ вообще коротко и ставитъ ихъ на дальнемъ планѣ своего отчета , перемеживая ихъ съ замѣчаніями самыми незначительными. Напримѣръ , на 8-й страницѣ читаемъ:

«Кругъ дѣятельности для Общества былъ обширенъ — какъ самыя степи Новороссіи , и эта обширность , *такъ сказать*, связывала ему руки. Нужды край представлялъ множество , и Обществу трудно было рѣшить, *особливо въ первое время* (значитъ потомъ было легче): на какую прежде употребить ему свои небогатыя средства, или иначе: для него нужень былъ длинный рядъ годовъ, не для прямой дѣятельности, а только для *опредѣленія главныхъ цѣлей въ кругъ своихъ дѣйствій*. Враж-

дебныхъ условій для всѣхъ вообще отраслей сельской промышленности въ степяхъ Новороссіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ; и Обществу предстояло прежде *разузнать ихъ и предложить противъ нихъ оружіе*, и потомъ приступить къ прямой, положительной дѣятельности.»

И только! Не ищите въ «Отчетѣ» отвѣтовъ на вопросы, возбужденные въ васъ приведеннымъ отрывкомъ: опредѣляло ли наконецъ и какъ опредѣляло Общество главные дѣли въ кругѣ своихъ дѣйствій? Разузнало ли оно наконецъ враждебныя условія для всѣхъ вообще отраслей сельской промышленности въ степяхъ Новороссіи? Предложило ли и какое именно оружіе предложило Общество противъ этихъ враждебныхъ условій? На эти вопросы въ «Отчетѣ» нѣтъ отвѣтовъ...

Полное опытное русское огородничество, составленное по двадцатилѣтней опытности придворнымъ садовникомъ, корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Ефимомъ Львовымъ, съ 74-мя рисунками и чертежами, просмотрѣно и издано профессоромъ Сельскаго Хозяйства въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ С. М. Усовымъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1855. Въ 8-ю д. л. 221 стр.

Книга эта имѣетъ свои достоинства, хотя едва-ли оправдываетъ названіе *полнаго* огородничества уже потому, что авторъ имѣлъ въ виду только сѣверныя или развѣ среднія губерніи, между-тѣмъ, какъ въ Россіи огородничество особенно развито въ южныхъ губерніяхъ и отличается особенными приѣмами; описанія ихъ тщетно стали бы вы искать въ книгѣ г. Львова. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что огородничество процвѣтаетъ у болгарскихъ колонистовъ въ Бессарабіи и заслуживаетъ вниманія, особенно по совершенству орошенія огородовъ; эта часть огороднаго искусства весьма-важна для всѣхъ нашихъ южныхъ губерній, которыя сильно страдаютъ отъ засухи; но г. Львовъ ни слова не говоритъ объ этомъ. Вообще едва-ли можно назвать полнымъ сочиненіе, котораго авторъ ограничивался, повидимому, только своей личной опытностью и мало пользовался обширной литературой огородничества, русской и иностранной. Доказательствомъ тому можетъ служить, напримѣръ, статья о шампвейнонахъ, въ которой описанъ только одинъ способъ разведенія ихъ, тогда-какъ ихъ существуетъ нѣсколько. Но зато (спѣшимъ прибавить, чтобъ не бросить на книгу невыгодной тѣни) опытность автора обширна и на совѣты его можно смѣло полагаться, конечно, съ тѣми изъятіями, которыя обуславливаются мѣстными обстоятельствами каждаго огорода. Читатель прежде всего долженъ имѣть въ виду слова автора (въ предисловіи), что онъ писалъ «примущественно для такихъ читателей, которые вовсе несвѣдуци въ дѣлѣ огородничества».

Описываемые овощи авторъ раздѣляетъ на группы: зимнихъ листовыхъ овощей, овощей стручковыхъ, корневыхъ, лѣтнихъ листовыхъ, спаржевыхъ, салатныхъ, душистой кухонной зелени, благовонныхъ травъ, *пирожныхъ*, десертныхъ и лекарственныхъ растений и разведение плодовыхъ овощей; во второй части книги описывается разведение тепличныхъ огородныхъ растений.

Почти всё собственно-огородныя растенія упомянуты съ болѣе или меньшей подробностью; нѣкоторыя, пропущенныя, могли бы, однако, имѣть мѣсто въ книгѣ, напримѣръ, проскурнякъ, душица, полынь, ромашка и нѣкоторыя другія.

О разновидностяхъ авторъ не говоритъ нигдѣ. Это еще неважно; но напрасно ни при одномъ растеніи не означено, въ какихъ мѣстностяхъ (по климату) можетъ оно быть разводимо: такія указанія необходимы, особенно для начинающихъ, которыхъ преимущественно имѣть въ виду авторъ.

Г. Львовъ предполагаетъ издать курсъ садоводства, выходъ котораго мы встрѣтимъ съ удовольствіемъ. Вѣроятно, для этого курса оставилъ онъ статьи о ягодныхъ растеніяхъ, хотя, по нашему мнѣнію, едва ли не приличнѣе было бы помѣстить ихъ въ курсъ огородничества, не исключая даже малины и крыжовника, хотя это кустарники: гряды такихъ растеній болѣе похожи на огородъ, да и уходъ за ними—работа болѣе огородника, нежели садовника.

Азовское сѣдѣніе. *Историческое сказаніе въ лицахъ, въ пяти актахъ и девяти картинахъ. Нестора Кукольника. Санкт-петербургъ. 1855. Въ бол. 8-ю д. л. 161 стр.*

Дѣйствіе этого «историческаго сказанія въ лицахъ» происходитъ въ 1641 г. и заключается въ оборонѣ донскими казаками Азова, который осаждаютъ турки. Осада длится давно, какъ вдругъ прѣзжаетъ въ станицу новый голецъ, по фамиліи Порошинъ.

- «Сказалъ я, братцы, еще въ Азовѣ, самому Войсковому:
 «Не сниму зипуна этого, съ пашей добытаго,
 «Не стану на порогъ дома ни своего, ни чужаго,
 «Ни капли горячаго не выпью,
 «Ничего варенаго въ ротъ не возьму,
 «Пока не дамъ знать въ Городъ, да въ Разряды, да въ Станицу;
 «Да не вернусь въ Азовъ съ молодецкой помочью!»

«Пришелъ на Азовъ часъ послѣдній! Саранча налетѣла... Облило море воровогъ славную Казачью добычу. Пришло войско великое отъ двѣнадцати бусурманскихъ народовъ... Не рассказывать вамъ-стать, Атаманы-молодцы, и вамъ, люди бывалые: сами знаете сераскира Силистрійскаго Гуссейна.—Велика честь нашему Казачеству, что всю силу Турецкую на себя подняли! Знать, вымѣряли Казачій умъ и дородство! Да не подь мочь стало и намъ, вашимъ вѣрнымъ Азовскимъ сидѣльцамъ: изъ

Москвы отъ Отца нашего Великаго, Государя Православнаго — на вѣсточки!... А на Азовѣ скоро пушки начинать будетъ нечѣмъ! Не подумайте, Атаманы-молодцы, что небывалое вымолю. Нѣтъ! Подивитесь, да позавидуйте вашимъ вѣрнымъ братьямъ: двадцать четыре приступа, каждодневно и сряду, выдержали; а Туркамъ Азова и поюхать не дали. Да не въ утѣху—слава! Стоимъ — твердо, стоимъ крѣпко, да въ пасть могилъ смотримъ. Турки окаянные, паче звѣря лютаго озлобились. Со всего свѣта собрали *мудрыхъ морскихъ вымыслениковъ, подкопныхъ и приступныхъ промысловъ хитрыхъ городоимцевъ, планщиковъ разныхъ, пикарчиковъ* (*). Войска — куда больше ста тысячъ! Пушекъ проломныхъ мы 129 насчитали. Ядра висѣли: убей Богъ, попадались въ два пуда 30-ть *гривенокъ*! Мало: при мнѣ еще уставляли *верховые зажимальные* пушки! Не только по землѣ, по Синю-Морю станъ стоять... Однѣхъ морскихъ *каторгъ* тридцать двѣ, да *галокъ*, да *чаекъ*, какъ звѣзды, не сосчитаешь! Атаманы-молодцы! Братья родные! *Односумы* и *Станчички* *любые*! Спасайте Азовъ! Спасайте честь всевеликаго Войска Донскаго! Да не прилучится Отцу Государю, по нашей винѣ, кручина, а намъ Царская немилость!... Не боимся смерти! Стыда боимся! Спасайте!»

Такъ говорилъ гонецъ изъ Азова, и на его кличъ поднялось все войско; старики да женщины остались въ станицѣ; всѣ прочіе ушли въ Азовъ выручать товарищей. Въ Азовѣ защищаются храбро: мужчины дерутся, женщины копаютъ рвы, устроиваютъ валы, варятъ смолу, кипятятъ воду, и во время приступовъ льютъ съ валовъ смолу и кипятокъ на поганыхъ. Но поганымъ нѣтъ числа: однихъ убьютъ, другіе приходятъ. Какъ ни ухищряется Іоанъ Крестьянычъ Миллеръ, вѣмецъ родомъ, но за великія заслуги войску донскому пожалованный въ казаки и принявшій православіе — какъ ни ухищряется Іоанъ Крестьянычъ дѣлать подкопы и взрывы, а турки взяли уже три вала и намѣрены сдѣлать приступъ на четвертый и послѣдній валъ.

«Миллеръ: Приступъ? Изволь, Гусь-Паша, изволь! Еганъ Крестьянычъ готовъ!—Милости просимъ! Восемь и двадцать подорвательныхъ машинъ подъ землей разставлено есть. Вы свой команду, Марій Дмитревна (**), не пускай рано. Не мѣшай Гусь-Пашѣ немножко по воздухамъ летать. Пусть я его прежде изъ подкоповъ поздравлять буду! Пусть знаетъ язычникъ бусурменскій, какъ съ нашимъ православнымъ Казачествомъ войну дѣлать. Будить помнить, какъ мы за нашъ Тихай Довъ и Вѣра, стоимъ твердо и не трогательно! Ваши сестрицы, будто левы какіе, смолу и кипятокъ поливаютъ. Вы ихъ немножко задерживайте, пока мои зусляки будутъ фейерверкъ пускать!...» (Стр. 70).

Вотъ ужъ четырнадцать дней дерутся казаки, защищая Азовъ, отнятый у турокъ назадъ четыре года; четырнадцать приступовъ вы-

(*) Гдѣ у насъ курсивъ, тамъ курсивъ и у автора. Правописанія также мы не измѣняли.

(**) Жена походнаго атамана, которая командуетъ казачками.

держали — выдержать и пятнадцатый. Въ то время, какъ казаки готовились къ этому приступу, гонецъ Порошинъ привелъ въ подмогу все донское войско. Турки въ пятнадцатый разъ были отражены. Казаки зашировали для радости, и на этомъ пиру станичный атаманъ, Кумшатный, поетъ пѣсню:

«Ой за рѣчкой, ой за быстрой — по степи растеть бурьянъ;
 Ой за Синимъ, ой за Чернымъ — расплодися бусурманъ.
 Ой цвѣтеть бурьянъ богато, водить красной головой;
 Бусурманъ качаетъ важно разварядною чалмой.
 Взяли бабы косы въ руки, да пошли на степь косить;
 А Казакѣ на будары — полетѣли Турокъ бить.
 Накосили бабы сѣна; извели въ степи бурьянъ;
 А Казакѣ, будто птицу, настрѣляли бусурманъ.
 Ой проклятое то зелье — по веснѣ опять взросло;
 Ой проклятое то племя — словно просо отросло.
 Взяли бабы, да руками облололи степь кругомъ.
 Такъ и Турку бѣ надо братцы съ Синя-моря съ корнемъ вонъ!»

Между-тѣмъ мы уже сказали, что въ донской станицѣ остались одѣ женщины да старики. Живуть женщины въ станицѣ да ходить на охоту, какъ вдругъ къ нимъ приходитъ вѣсть, что ихъ мужья и отцы мрутъ голодомъ въ Азовѣ. Казачки, не думая долго, сѣли на коней, одѣлись мужчинами, взяли луки да стрѣлы и отправились въ Азовъ, подъ предводительствомъ Даши. Онѣ набрали съ собою провѣанта для осажденныхъ и рѣшились, какимъ бы то ни было средствомъ, непременно проникнуть въ осажденную крѣпость. Ёдутъ казачки походомъ въ Азовъ, какъ вдругъ на дорогѣ встрѣчаютъ турецкую засаду, цѣлый отрядъ турокъ подъ предводительствомъ Юсуфа-Пашы. Даша, какъ выбранная атаманъша, и Параша, эсаулецъ, даютъ приказаніе ударить на врага. Турки разбиты казачками, и храбрая Даша ведетъ свой отрядъ въ Азовъ. Въ это время между турками появляется *черная немочь*. Турки въ страхѣ бѣгутъ прочь отъ Азова. Осажденные же, не зная этого, приготавливаются къ смерти, надѣваютъ смертныя рубахи, идутъ молиться въ послѣдній разъ въ соборъ и потомъ, чтобъ не умереть попусту на соломѣ, рѣшаются въ послѣдній разъ ударить на турокъ. Разсвѣтъ. Казаки идутъ въ станъ турецкій и — о радость! видятъ, что турки отступили, гонимые моровой язвой. Въ это время подѣзжаютъ казачки, поятъ изнуренныхъ казаковъ медомъ, даютъ имъ ѣсть — и казаки оживаютъ. Тогда войсковою атаманъ, обращаясь къ Степану Порошину, говорить:

«Степанъ! Подай мнѣ Султанское Знамя: нечистый стягъ этотъ да будетъ знаменіемъ нашего великаго дѣла, небывалаго, неслыханнаго! Оно и внукамъ нашимъ будетъ казаться дивною сказкою! Отдавъ Божіе Богу — вознесемъ очи и сердца наши къ Москвѣ Кременной, къ Царю нашему, Православному! Не замедлимъ утѣшить Отца-Государя вѣстію

великою! Слушайте! Слушайте!—Для той великой вѣсти наряжаю Станицу, и потому, назначаю въ Москву, во ту *Леквою Станицу*, походнаго Атамана Наума Васильева, да Есаула Порошина; а двадцать четыре Казака должны быть избраны не по жеребью, а на комъ честныхъ Азовскихъ рагъ больше... (*слышенъ отдаленный трезвонъ съ Азовъ*). Да возрадуется Всевеликое Государево сердце! Да падеть свѣтъ Его очей на васъ, именитыхъ богатырей Азовскихъ! Бѣльшей награды я вамъ не придумаю».

Тѣмъ и кончается историческое сказаніе. Посреди этого дѣйствія происходитъ другое — любовь; безъ нея нельзя. Знаменитый есаул Порошинъ влюбленъ въ Дашу, наѣздницу-атаманьшу, которая съ казачками разбила турецкій отрядъ и привезла провіантъ въ Азовъ. Дама эта — вдова и влюблена также въ Порошина. Въ этого же Порошина влюблена Дуня, племянница атамана; но, увидѣвъ, что храбрый есаул любитъ не ее, а Дашу, она переноситъ свою любовь на Югана Крестьяныча, и войсковою атаманъ, отправляя радостное посольство къ царю, въ то же время благословляетъ двѣ свадьбы.

Не знаемъ, можно ли поставить на сценѣ подобное представленіе, потому-что на ней должны быть осада, крѣпость, приступъ, сраженіе женскаго отряда съ турецкимъ, флотъ, участіе женщинъ въ отраженіи приступа, смола, кипятокъ, которыми должны обливать на сценѣ турокъ... По-крайней-мѣрѣ нельзя всего этого представить на сценѣ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе рисуются въ воображеніи, когда читаешь это «сказаніе». «Азовское Сидѣнье» напечатано все сплошь стихами, примѣръ которыхъ читатель видитъ въ началѣ нашей статьи. Впрочемъ, такъ-какъ эти стихи совершенно-похожи на прозу, то мы и дѣлали выписки, не стѣсняясь размѣренными строчками: вышло одно и то же... Авторъ пьесы этой, нѣкоторыми намеками имѣлъ, кажется, въ виду напомянуть намъ нашу древнюю доблесть въ такую минуту, когда Россія такъ славно борется съ многочисленными врагами — и потому литературныя достоинства въ такомъ случаѣ мы считаемъ дѣломъ даже не второстепенной важности.

Игра Пикетъ. *Написанная и изданная П. С. Вишневымъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Королева и Комп. 1855. Въ 16-ю д. л. 30 стр.*

Взглянувъ на заглавіе этой розовой, маленькой, тоненькой книжечки, многіе, вѣроятно, пожелають купить ее; но, перевернувъ книжку и увидѣвъ на оберткѣ объявленіе, что она стѣитъ не 20, а «75 копеекъ, съ пересылкою же 1 руб. сер.», покупатели, можетъ-быть, задумаются, начнутъ соображать, что непріятно учиться играть по книжкѣ, будутъ разсматривать, ясно ли изложены правила игры, и... пожалуй, первое побужденіе исчезнетъ, и розовая книжка останется въ пыльной атмосферѣ книжнаго магазина. Это можетъ случиться въ такомъ только слу-

чатъ, если господинъ, пожелавшій приобрести «Игру Пикетъ», разсма-
тривая ее, не упадетъ на «Заключеніе» — потому-что одно это «За-
ключеніе» стоитъ 75 копеекъ. Впервыхъ, оно удостовѣряетъ, что «Игра
«Пикетъ» легко можетъ устранить важное затрудненіе, испытываемое
«многими ежедневно, провести пріятно время *едвоємъ съ другомъ и*
хорошими знакомыми (въ двоємъ съ двумя!); притомъ игра эта такъ
«разнообразна, увлекательна и интересна, что въ нея (нее) могутъ
«играть всегда съ удовольствіемъ *все мужчины и дамы безъ ис-*
ключенія (!) здѣсь (?) бывають иногда такіе чрезвычайные случаи,
«которые могутъ привести въ восхищеніе самую холодную душу!» Во-
вторыхъ, въ «Заключеніи» П. С. Вишневскій повѣствуетъ:

«Одинъ почтенный старый *воинъ*, славныхъ отечественныхъ *воинъ*
(каламбуръ!), передавая мнѣ (П. С. Вишневскому) изложенныя мною
правила, рассказывалъ по этому случаю замѣчательный эпизодъ изъ соб-
ственной жизни: что въ Пикетъ на деньги онъ никогда не игралъ; но
что этой игрѣ онъ считалъ себя обязаннымъ счастливымъ супружест-
вомъ (!!). По выходѣ въ отставку (,) въ 1818 году, говорилъ онъ (,) *рѣшился*
я жениться, скоро нашелъ *въ своей деревнѣ* выгодную не-
вѣсту, но *сойтись (?)* съ нею въ продолженіи цѣлаго года никакъ не
могъ (!); родители ея желали этого брака, а она и слышать не хотѣ-
ла (.), бывало прійду къ ней, припоминалъ старый воинъ, какъ родится
въ такихъ случаяхъ, насъ оставяетъ двоємъ, и мы сидимъ часъ другой (;)
слова нейдутъ, она зѣваетъ (,) а мнѣ досадно (.), дѣло деревенское,
развлеченій немного, и *че(ѣ)мъ* помочь горю (,) я не зналъ; (.) однажды
мнѣ пришла въ голову благая мысль, и я *рѣшился*, съ согласія родите-
лей, показать моей невѣстѣ правила игры въ Пикетъ (,) и *онъ(и)* ей по-
правились *съ разу (?)*. Съ той поры, счастье улыбнулось намъ, и мы бо-
лье десяти лѣтъ не знали скуки, (.) *а (?)* почтенный старикъ (?), сколь-
ко мнѣ (вѣроятно — П. С. Вишневскому, а не воину) извѣстно никогда
не лгалъ»...

**Пріятное препровожденіе времени или собраніе употре-
бительнѣйшихъ фантовъ. Санктпетербургъ. 1855. Въ типо-
графіи Королева и Комп. Въ 16-ю д. л. III, 171 и VII
страницъ.**

Уразумѣть современную общественную потребность и содѣйствовать
ея удовлетворенію — вотъ задача для каждаго дѣятельнаго члена обще-
ства. Авторъ предлагаемой книжечки знаетъ, что танцы составляютъ
самое пріятное препровожденіе времени для молодѣжи; но, говоритъ
онъ, «случаются обстоятельства, что въ знакомомъ домѣ, гдѣ собе-
рется общество, танцовать нельзя; тогда обыкновенно затѣвають
такъ-называемыя *невинныя игры или фанты*. Не рѣдко случается,
«что изъ числа собравшихся, *никто* не знаетъ ни одной *инте-*
ресной игры, которая была бы занимательна». Чѣмъ зай-
мется тогда «молодѣжь» въ длинныя зимніе вечера, особенно въ про-

винци, гдѣ такъ мало развлеченій?... Итакъ, вездѣ, въ каждой провинціи необходимо имѣть хотя по одному экземпляру «Пріятнаго препровожденія времени», книжечки, «заключающей въ себѣ: игры, «состоящія изъ движеній; игры, требующія вниманія; игры, имѣющія «предметомъ мистификацію; игры, въ которыхъ можно показать любезность, умъ, или по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя свѣдѣнія». Кромѣ игръ, въ ней описаны «фанты, употребительные въ настоящее время, и «бывшіе въ употребленіи». При такомъ разнообразномъ содержаніи (до 70-ти заглавій) трудно, конечно, избѣжать недоразумѣній и еще труднѣе «показать любезность, умъ, или по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя свѣдѣнія»; но потребность славномъ-настоятельна, поэтому слѣдуетъ быть снисходительнѣе въ выборѣ средствъ для ея удовлетворенія; притомъ же книжечка предлагаетъ тѣмы, которыя молодежь можетъ выполнить сообразно собственнымъ понятіямъ объ умѣ и любезности. Для образца выписываемъ нѣсколько примѣровъ:

Игра словъ.

Вопросъ. Способны ли вы къ нѣжности?

Отвѣтъ. Когда въ состояніи.

В. Соблюдаете ли вы церемоніи?

О. За четверть часа до полуночи.

В. Понимаете ли вы языкъ зворовъ?

О. Я предпочитаю куропатку.

Рифмы.

В. Что вы видѣли во снѣ?

О. Однѣ глупости.

В. Любите ли вы прогулку?

О. По переулку и то по своему.

В. Гдѣ ваши мысли?

О. Повисли гдѣ-то въ области фантазій.

Комплименты.

Дама (къ кавалеру). Я хочу быть змѣею. Какъ бы вы думали, зачѣмъ я избрала это пресмыкающееся?

Кавалерь. Для того, чтобы всѣ избѣгали вашего жилища.

Дама (къ другому кавалеру). Что я этимъ выиграю?

Кавалерь. Избавитесь отъ толпы обожателей, которые вездѣ безпрестанно вамъ надоѣдаютъ.

»

ЖУРНАЛИСТИКА.

*Стихотворенія въ журналахъ за первую половину 1855 года. О нашей поэзиі настоящаго времени. Стихотворенія гг. Фета, Майкова, Мея, Некрасова, Никитина, Гербеля, Полонскаго и другихъ. Проза послѣднихъ номеровъ журналовъ: Первое зна-
комство съ свѣтомъ г-жи Нарской. Ночная вылазка въ Севастополѣ, разсказъ г. Ст. Африканъ, г. Михайлова. Сережа, г. — ва. Десять дней въ Севастополѣ и Воспоминанія о походѣ въ Венгрію въ 1849 году. Ваня, сказка г. Стаховича. Ближній бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, г. Руднева. Кандидатъ въ романисты и его романъ.*

Мы шесть мѣсяцовъ не говорили о стихахъ, и, конечно, не потому, чтобъ всѣ стихи, напечатанные въ нашихъ журналахъ въ это время, не заслуживали никакого вниманія; напротивъ, мы цѣнимъ каждое стихотвореніе, въ которомъ видна хоть искра поэзиі, но воздерживались отъ перепечатаванія ихъ, чѣмъ ограничивается большая часть рецензій. Да и можетъ ли быть иначе, когда вы будете разсматривать стихотворенія, каждое отдѣльно, безъ связи, безъ опредѣленія поэтической дѣятельности писателя, безъ взгляда на всю массу стиховъ, появляющихся въ извѣстное время? Стихотвореніе хорошо или дурно—это говоритъ личный вкусъ рецензента. Этотъ стихъ хорошъ, или этотъ дурень—говоритъ тому же рецензенту большее или меньшее знаніе версификаціи. Разбираемое безъ всякаго отношенія къ поэтической дѣятельности вообще и дѣятельности каждаго писателя въ-особенности, безъ отношенія къ остальной литературѣ, каждое стихотвореніе стоитъ какъ-то уединенно и не говоритъ ничего наблюдательному взгляду. Оно прекрасно или дурно — вотъ конечный результатъ похвалы или осужденія.

Гоголь, оглянувшись на славную дѣятельность нашихъ знаменитѣйшихъ поэтовъ, старался указать, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ для нашей литературы, чему научилъ насъ, и подхола къ современной намъ поэзиі, остановился какъ-бы въ раздумьѣ. Онъ задавалъ ей цѣль, хоти и не высказалъ своей мысли вполне; онъ хотѣлъ отъ нея чего-то, но чего... не беремса сказать.

«Много предстоит теперь для поэзии (говорилъ онъ): возвращать въ общество то, что есть истинно прекраснаго и что изгнано изъ нея нынѣшнею бессмысленною жизнію. Намъ не напомнятъ новые поэты никого изъ нашихъ прежнихъ поэтовъ. Самая рѣчь ихъ будетъ другая; она будетъ ближе и родственнѣе нашей русской душѣ. Еще въ ней слышнѣе выступаютъ наши народныя начала... Пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу, и не упадетъ на бесплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ. Вызоветъ намъ нашу русскую Россію, не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся Русскіе; но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же, и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до единаго, какихъ бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: это наша Россія; какъ въ ней пріютно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ». (См. «Переписку»).

Какая должна быть эта поэзія — мы не знаемъ; знаемъ одно, что стихъ нашъ съ Пушкинымъ достигъ совершенства, и что, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи нашимъ поэтамъ дѣлать нѣчего; форма у насъ есть — остается искать содержанія. Какое бы содержаніе будущей нашей поэзіи ни рисовалось передъ воображеніемъ Гоголя, одно несомнѣнно, что онъ хотѣлъ содержанія для русской поэзіи — достойнаго Россіи. Но въ чемъ же оно должно заключаться? вотъ весь вопросъ, который мы предлагаемъ здѣсь на разрѣшеніе читателя, и, пока не дѣлая никакихъ выводовъ, обратимся къ тому, что представилъ намъ нынѣшній годъ.

Война и единодушное патріотическое одушевленіе вызвало много прекрасныхъ стиховъ, начало, цѣль и смыслъ которыхъ мы понимаемъ, равно какъ и всѣ читатели; а потому нѣтъ надобности объяснять, до какой степени эти стихи тѣсно связаны съ нашею отечественною и государственною жизнію. На этомъ примѣрѣ мы можемъ даже изучать, какъ тѣсно должна быть связана поэзія со всѣми проявленіями народной жизни. Не было событія, которое бы не отозвалось въ стихахъ; не было побѣды, которая не одушевила бы кого-нибудь, кто умѣетъ выражать свои мысли стихомъ. Всякій подавалъ голосъ, и всѣ голоса вмѣстѣ составляли одинъ гимнъ въ защиту отечества и на ободреніе народнаго духа. Это лучше всего выразилось въ слѣдующемъ стихотвореніи г. Майкова:

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь — блаженство для меня!

Меня гармонія тогда плѣняла тайны
 И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
 Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
 Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
 Червонцы по столу горстями пересыпая,
 Какъ бы невѣдомымъ внимаеътъ голосамъ.

Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздной забавой.

Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
 На зовъ торжественный отечественной славы.
 Широкий горизонтъ открытъ передо мной.
 Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
 И, обновленная, привѣтствуетъ она
 Намъ новыхъ дней зарю... Ударила война,
 Россія вызвана на созерцанье міру,
 На судъ исторіи: да гордый міръ пойметъ,
 Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
 Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ —
 Въ защитникахъ Креста, въ Римлянахъ и Спартанцахъ.

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
 Что мы не скованы лжемудростію узкой!
 Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я Русскій!
 Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю!
 Что слезная объ ней въ душѣ моей забота!
 Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
 Которымъ движимы неслися подъ грозой
 Громады кораблей Нахимовскаго флота.

Этотъ голосъ, общій всѣмъ нашимъ поэтамъ, выразилъ одно изъ главныхъ направленій нынѣшней нашей поэзіи, и не проходитъ мѣсяца, даже дня, въ который бы мы не встрѣтили чего-нибудь подобнаго въ газетахъ или журналахъ.

Само-собою разумѣется, что, при такомъ общемъ одушевленіи нынѣшними исключительными обстоятельствами, всѣ остальные стихотворенія, такъ-сказать, не воинственные, не могли занимать виднаго мѣста; но все-таки они были, они появляются, и мы должны отдать въ нихъ отчетъ.

Въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прошедшемъ, мы встрѣчались только съ знакомыми намъ именами, за исключеніемъ гг. Тютчева и Огарева, которые ничего не напечатали. Но за-то гг. Бенедиктовъ, Бергъ, Вердеревскій, Гербель, Грековъ, Данилевскій, М. Дмитріевъ, Жемчужниковъ, В. Зотовъ, Мей, Михайловъ, Минъ, Некрасовъ, Никитинъ, Полонскій, Стаховичъ, Феть... и г-жи Волкова, Жадовская, Павлова, гр. Раstopчина и Хвощинская... (просимъ извиненія у тѣхъ, кого мы по ошибкѣ пропустили) дарили насъ, отъ времени до времени своими поэтическими произведеніями. Мы привыкли жаловаться, что у насъ

очень-мало поэтовъ, что наши поэты очень-мало пишутъ стиховъ; но если собрать всѣхъ пишущихъ, то число ихъ едва-ли не превзойдетъ число писателей въ прозѣ. И нельзя сказать, чтобъ наши стихотворцы были лѣнивѣ прозаиковъ—нѣтъ, на каждую повѣсть талантливаго писателя придется нѣсколько удачныхъ стихотвореній одного изъ нашихъ поэтовъ. Такъ гдѣ же и какое основаніе жалобамъ?... Ко всему этому прибавьте, что наши обозрѣватели журналовъ получили привычку радоваться, какъ-только появится въ какомъ-нибудь журналѣ много стиховъ, и поэтому большая часть стихотвореній встрѣчается рецензентами такъ снисходительно, какъ-будто мы живемъ во времена Ложосова, когда каждый удачный стихъ считался поэтическимъ, когда искусная версификація была великою рѣдкостью, и когда дѣйствительно тотъ приносилъ великую пользу, кто училъ писать стихи плавно. Теперь времена не тѣ; но снисхожденіе къ стихотвореніямъ продолжается безъ всякой перемѣны. Только періодъ времени отъ 1840 до 1850 года былъ неблагопріятенъ для стиховъ, и то не потому, чтобъ публика къ нимъ охладѣла, напротивъ, потому, что публика въ это время не могла забыть потерь Пушкина и Лермонтова и заучивала ихъ произведенія, такъ сильно подѣйствовавшія на воображеніе и молодого и стараго поколѣній. Въ это время вышли 9, 10 и 11-й томы сочиненій Пушкина (прежняго изданія), въ которыхъ было такъ много великаго, хотя и неоконченнаго; въ это же время появилось и полное собраніе стихотвореній Лермонтова. Даже Кольцовъ въ это время прошелъ мало-замѣченнымъ, потому-что все вниманіе было обращено въ другую сторону. Но когда публика уразумѣла наконецъ всю великость потери, понесенной ею въ лицѣ двухъ могучихъ поэтовъ, когда время начало охлаждать боль этой потери, ожиданіе читателей обратилось къ новымъ поэтамъ. Впрочемъ, въ этотъ же промежутокъ времени мы ждали втораго тома «Мертвыхъ Душъ», и безпрестанно слышали вопросы: скоро ли появится второй томъ? что въ немъ новаго? какія лица? гдѣ происходитъ дѣйствіе? и т. п. Ждали всѣ—и тѣ, которые основывали свои надежды на первомъ томѣ, и тѣ, которые изъ «Переписки» Гоголя могли предчувствовать новое направленіе этого сильнаго таланта. Но, наконецъ, и этотъ талантъ ушелъ отъ насъ, подобно двумъ предыдущимъ, и тогда-то наступило время, къ которому мы теперь обращаемся.

По всѣмъ причинамъ, о которыхъ выше сказано, стихи 1840—1850 годовъ проходили какъ-бы незамѣченными, между-тѣмъ, какъ въ это-то время г. Фетъ написалъ свои лучшія стихотворенія и въ это же время писали стихи гг. Огаревъ и Майковъ. Имя г. Тютчева почти не являлось въ печати. Но въ то время все это было на второмъ планѣ. Съ пятидесятихъ годовъ начались въ журналахъ жалобы на то, что проза будто-бы совершенно подавила стихи; что у насъ угаснетъ и самое поэтическое чувство, или, какъ выразился одинъ жур-

налъ, «закроется поэтическій клапанъ»; что встарину, на ряду съ великими поэтами, было много поэтовъ второстепенныхъ, и однакожь всѣмъ имъ отдавали должную справедливость... Никто не противорѣчилъ этому, потому-что всякій чувствовалъ какую-то пустоту въ нашемъ поэтическомъ мірѣ и старался наполнить ее чѣмъ-нибудь. Явились на сцену поэты, отчасти ужь извѣстные, отчасти новые, и число ихъ, какъ мы видимъ, ничуть не меньше числа второстепенныхъ поэтовъ пушкинскаго періода. Ихъ много, и мы этому радуемся, какъ доказательству, что въ наше время много поэтическихъ талантовъ, что ихъ не стѣсняетъ проза, не гонять критики, даже, напротивъ, принимаясь за рецензію новыхъ стихотвореній, всегда поощряютъ. Когда кто-нибудь слышалъ больше похвалъ, чѣмъ гг. Тютчевъ, Фетъ, Майковъ? И до-сихъ-поръ еще рецензенты въ приступѣ къ своимъ статьямъ какъ-бы стараются ободрить неопытныхъ поэтовъ—хотя наши поэты крайне-опытны и сами себя очень-хорошо цѣнятъ. Такъ, напримѣръ, г. Майковъ въ своемъ стихотвореніи: *Москва (въ день столетія Московскаго Университета)* говоритъ :

Оно (*) — въ той вѣрѣ величавой,
 Что Русь живетъ въ моей груди,
 Что есть за мной ужь много славы,
 И больше будетъ впереди ;
 Что, въ долѣ темной или громной
 Полезень родинѣ мой трудъ,
 И что дѣла мои — потомки
 Благословятъ или проклянутъ...

Поэты всегда знали себѣ цѣну, и не одинъ Державинъ или Пушкинъ живо воздвигали себѣ памятники... Почему же мы не хотимъ съ этимъ согласиться? Почему, напримѣръ, въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ послѣднемъ номерѣ читаемъ:

«Перейдемъ къ вопросу о стихахъ, возбужденному почтеннымъ журналомъ. «Стихи поддерживаютъ и опредѣляютъ норму нашихъ чувствъ», выразился на дняхъ — хоть и въ февральской книжкѣ — одинъ изъ рецензентовъ «Москвитянина». *Совершенно раздѣляя это мнѣніе, мы не можемъ не радоваться возрастанію у насъ стихотворной дѣятельности и по другимъ причинамъ.*

Мы все еще защищаемъ стихи! Казалось бы, «Библіотека для Чтенія» достаточно защитила ихъ уже тѣмъ, что безъ разбора печатала все ей присылаемое, тѣмъ, что въ ней еще прежде ратовалъ «Иногородный Подписчикъ» въ пользу всякихъ стихотвореній и даже мелкихъ стихотворцевъ. Но «Библіотекѣ» этого было недостаточно, по-

(*) Отечество.

тому-что, «Москвитянинъ» вздумалъ присвоить себѣ честь *перваго* слова въ защиту стиховъ... Припомнимъ, что, годъ назадъ, на ту же тему говорилъ «Современникъ» и приписывалъ себѣ подобную же честь... Кому отдать первенство?

По-крайней-мѣрѣ вотъ что говорить г. Григорьевъ въ «Москвитянинѣ» (№ 3, 1855):

«Отдѣлъ стихотвореній все полнѣетъ и полнѣетъ въ нашихъ журналахъ — а давно ли стихи подвергались гоненіямъ и посяганіямъ? давно ли столько пародій раздавалось въ нашей лиричѣ? *Не смѣемъ приписать себѣ*, т. е. своему направленію, этого возстановленія лиризма. *Время* совершило переворотъ; но за нами остается та неотъемлемая заслуга, *что мы угадали время и первые подняли голосъ* за стихи, за искусство вообще, что пародіи Эраста Благонравова(?) своею мѣткостью уничтожили(?) страсть къ пародіямъ въ самомъ корнѣ; что мы, говоря вскользь о нѣкоторыхъ многотомныхъ романахъ, останавливались иногда долго, съ болѣе или менѣе серьезными, эстетическими и психологическими вопросами, надъ какимъ-нибудь высокимъ произведеніемъ Майкова, надъ созданиемъ причудливой, капризной (иногда до крайности и странной неопредѣленности) фантазіи Фета, надъ задушевнымъ стономъ Огарева, надъ свѣжестью и яркостью красокъ и удивительнымъ языкомъ стихотвореній Мея, надъ какими-нибудь немногими истинно-поэтическими страницами «Трехъ Писемъ», изъ которыхъ, къ сожалѣнію(?!), известно до сихъ поръ только одно. И мы были совершенно правы. Забыты разныя «Страны Свѣта...» но остались навсегда, остались достояніемъ искусства и души многіе благоуханныя цвѣтки, надъ которыми мы не даромъ задушевались».

Если угодно, мы можемъ выписать еще изъ «Современника» 1854 года подобное же, если еще не сильнѣйшее обозрѣніе всѣхъ возможныхъ стихотворцевъ, гдѣ рецензентъ вздыхаетъ, зачѣмъ въ наше время нѣтъ Якубовичей, Трилуныхъ и г-жи Падерной... «Пантеонъ» увѣрялъ, что онъ всегда былъ поборникомъ стиховъ и горячо любилъ стихотворенія... Но, полагаемъ, достаточно будетъ и этихъ доказательствъ; вы видите, что стихотворцы до-сихъ-поръ получаютъ такое ободреніе... какъ-будто-бы они были дѣти, которыя не умѣютъ шагу ступить.

Когда вниманіе было уже достаточно обращено на cadaго изъ поэтовъ; когда впечатлѣніе послѣднихъ произведеній Пушкина и Лермонтова было достаточно сглажено неумолимымъ временемъ, а смерть Гоголя положила предѣлъ всякимъ надеждамъ и съ этой стороны — мы восхищались и, признаемся откровенно, восхищались многими стихотвореніями. У насъ есть поэты, которые владѣютъ стихомъ превосходно, и за одинъ подобный стихъ, напоминавшій намъ бывшее, мы часто готовы были отдать нѣкоторые романы въ четырехъ частяхъ, какъ говорить «Москвитянинъ». Мы видѣли, что искусство не умерло у насъ со смертью великихъ нашихъ учителей, и обратились съ ожиданіемъ

къ поэтамъ, чтобъ они открывали намъ тѣ невѣдомыя страны, куда не проникалъ еще голосъ прежнихъ поэтовъ. Время шло. Поэты высказывались одинъ за другимъ, поощряемые дружнымъ рукоплесканіемъ журналовъ, и мы, въ настоящее время, почти отчетливо представляемъ себѣ положеніе новой нашей поэтической школы... Новую называемъ ее не потому, чтобъ въ ней высказалось новое направленіе, а потому, что она состоитъ изъ новыхъ людей.

Скажемъ вообще, что стихи неудачные попадаютъ рѣдко у нашихъ поэтовъ; правда, иногда они напоминаютъ прозу, но вообще должно сказать, что стихомъ владѣетъ новое поколѣніе. Въ этихъ стихотвореніяхъ вы встрѣтите много прекрасныхъ картинъ, нѣсколько теплыхъ чувствъ и какъ-бы порывъ высказать какую-то мысль—но не больше. Въ нихъ есть поэзія; но не будемъ забывать, что поэзія — предметъ многосторонній: не однѣ картины, какъ не одни чувства и мысли составляютъ ея сущность; не одна прелесть и звучность стиха заставляютъ заучивать его наизусть. Встарину говаривали, что въ стихѣ, какъ въ каплѣ воды, отражается весь Божій міръ; теперь повторять такое избитое сравненіе стыдно—такъ оставимъ за собой хоть смыслъ его. Пусть въ стихахъ увидимъ мы нашъ міръ, и тогда, можетъ-быть, скажемъ, что Гоголь былъ правъ, требуя отъ поэта чего-то новаго. Прежде, чѣмъ станемъ высказываться, заставимъ нашихъ поэтовъ сказать, какъ смотрятъ они на тотъ міръ, которому рѣшились они служить. Къ-счастью, почти всѣ поэты наши высказались въ этомъ смыслѣ, потому-что каждый изъ нихъ описалъ свою музу. Начнемъ... съ кого угодно, все-равно; здѣсь порядокъ не будетъ ничего значить. Начнемъ съ г. Тютчева, въ стихотвореніи котораго, «Поэзія», найдемъ еще полное пушкинское опредѣленіе предмета. Вотъ оно:

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
Небесная — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

Опредѣленіе столько же ясное, сколько и короткое, можно сказать также — и поэтическое. Новое направленіе таланта г. Майкова, мы уже опредѣляли, приведя выше его стихотвореніе, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ прошедшемъ, о своихъ поэтическихъ опытахъ, какъ «о празднои забавѣ». Вотъ «Муза» г. Фета, имъ самимъ опредѣленная прекрасно и вѣрно:

Не въ сумрачный чертогъ наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый

Разкажемъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
 О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечехъ.
 Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвию лавровой,
 Съ цитарой золотой, иль изъ кости слоновой,
 Ни разу на моемъ не прилегла плечъ
 Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
 Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій
 И гибкій и простой и звучный безъ созвучій.
 По волѣ Пьеридъ съ достоинствомъ пѣвца
 Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.
 О, вѣтъ! подъ дымкою ревнивой покрывала
 Мнѣ музу молодость иную указала:
 Отягощала прядь душистая волосъ
 Головку давнюю узломъ тяжелымъ косъ;
 Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали;
 Отрывистая рѣчь была полна печали
 И женской прихоти, и серебристыхъ грѣзъ,
 Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слѣзъ.
 Какой-то вѣгомъ томительной волнуемъ,
 Я слушалъ, какъ слова встрѣчались поцалуемъ,
 И долго безъ нея душа была больна
 И несказаннаго стремленія полна...

Дѣйствительно, о неуловимой поэзіи г. Фета можно сказать, что она

Отрывистая рѣчь была полна печали
 И женской прихоти, и серебристыхъ грѣзъ,
 Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слѣзъ...

Вообще, иногда поэты сами себя лучше рисуютъ, нежели посторонняя
 рука самаго добросовѣтнаго критика... Но будемъ продолжать наши
 опредѣленія. Вотъ чтó говорить г. Некрасовъ «Русскому Писателю»
 въ июльской книжкѣ «Современника»:

Напрасно быть толпѣ угоднѣй
 Ты хочешь, поблажая ей —
 Твое призванье благороднѣй,
 Писатель родины моей...

Ее ты знаешь: не угодникъ
 Полезень ей. Пришла пора!
 Ей нуженъ труженикъ-работникъ
 На почвѣ мысли и добра.

Служи не славъ, не искусству —
 Для блага ближняго живи,
 Свой геній подчиняя чувству
 Все-обнимающей любви.

И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставяя не хлопочи :
Въ твоёмъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.

Взгляни: въ осколки твердый камень
Убогій труженикъ дробить,
А изъ-подъ молота летить
И брызжетъ самъ-собою пламень...

Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ про свою «Музу»:

Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ, и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой нагнѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснью... Но тотъ же скорбный стонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгудѣ шумномъ.
Все слышалось въ немъ, въ смѣшеніи безумномъ :
Разсчеты мелочной и вѣчной суеты
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы.
Въ порывѣ мщенія, съ неправдою людскою
Безумная клялась начать упорный бой...

Кто припомнить лучшія стихотворенія г. Некрасова, тотъ увидитъ, что въ этихъ строкахъ выразился какъ-бы главный мотивъ, который только подробнѣе развивается въ другихъ его стихотвореніяхъ. И «Не-сжатая полоса» и «Въ Деревнѣ», дѣлаются тогда понятными. Про-должаемъ описаніе той же «Музы» г. Некрасова :

Въ душѣ озлобленной, но любящей и вѣжной,
Не проченъ былъ порывъ жестокости мятежной :
Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одною божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалница, поникнувъ головой,
«Прощайъ врагамъ своимъ» шептала надо мной...

Мы можемъ привести опредѣленіе музы г. Бенедиктова, напечатанное прошлаго года въ «Библіотекѣ». Сверхъ-того есть поэты, кото-рыхъ главное поэтическое направленіе не требуетъ опредѣленія—такъ оно ясно: напримѣръ, у г. Щерблены, который постоянно воспѣваетъ

или Грецію или природу. Есть, впрочемъ, и такіе поэты, которыхъ направленіе трудно, если не невозможно уловить, потому—что трудно найти путеводную нить; напримѣръ, у г. Мея. Драма изъ русской жизни и драма изъ римской жизни, стихъ Анакреона и простонародный русскій рассказъ у него уживаются вѣстѣ. Можно подумать, что онъ взялъ за образецъ Пушкина, у котораго «Египетскія Ночи» (у г. Мея «Цвѣты») и «Капитанская Дочка» (у г. Мея «Кирилычъ») писались въ одно время... Мы этому не удивляемся, потому—что послѣдній номеръ «Библиотeki» подтверждаетъ наши предположенія:

«Сравнимъ Пушкинскую эпоху съ настоящею. То было истинно поэтическое время. Всѣ роды искусства пользовались одинакимъ правомъ гражданства во всѣхъ литературахъ Европы и привлекали равномѣрное число адептовъ. *Въ жизни поэзія старалась открывать однѣ только поэтическія стороны.* Она старалась воспроизводить ее, не поражая безпощаднымъ анализомъ. Это былъ настоящій оптимизмъ въ искусствѣ... Въ одно время съ этой классической школой развивалась другая, враждебная дѣйствительности и *ограничивавшая сферу свою однимъ современнымъ.* Послѣдняя школа могла поддерживаться только дѣятелями гениальными, энергическими. Она нанесла ударъ поэтическому оптимизму, но и сама вскорѣ оказалась несостоятельною, не выработавъ никакихъ данныхъ для искусства... Вѣрнымъ оплотомъ противъ романтизма для литературы нашей служить Пушкинъ, этотъ здравомыслящій, самостоятельный художникъ, извлекавшій отвсюду только элементы здоровые и существенные... Въ настоящую минуту мы только готовимся, и готовимся со всей энергіей, къ чему—то новому. Бельетристы наши занимаются, главнымъ образомъ, изученіемъ русской природы, русской жизни и русскихъ типовъ. Нѣтъ талантливаго писателя, который не поддался бы общему движению, и мы не можемъ понять, почему нѣкоторые журналы находятъ не послѣдовательность въ томъ, *что переводчикъ Анакреона (г. Мей) изучаетъ какого-нибудь Кирилыча (г. Мея также). Искусство и наука-обратились у насъ всецѣло къ изученію русской исторіи и русскаго быта — русской народности»* (Библ. для Чтен. № 7, стр. 9 и 10).

Къ послѣдней мысли мы обратимся въ заключеніи нашего обзорѣ стихотворной дѣятельности въ первую половину 1855 года, а теперь скажемъ только, что послѣ приведенныхъ словъ не подлежитъ сомнѣнію наше предположеніе. Г. Мей идетъ по слѣдамъ Пушкина. Такъ разсмотримъ же нѣсколько—подробнѣе его лучшее стихотвореніе, напечатанное въ февральской книжкѣ «Библиотeki для Чтенія» нынѣшняго года. Оно называется *Цвѣты*, и въ немъ мы встрѣчаемъ стихъ прекрасный, отдѣланный, звучный. Стихотвореніе это служило для нѣкоторыхъ рецензентовъ образцомъ того, чѣмъ должна быть поэзія въ наше время. Но прежде, нежели будемъ говорить о цѣломъ стихотвореніи, становимся на нѣкоторыхъ дѣйствительно-изящныхъ мѣстахъ:

У Нерона пиръ. На этотъ пиръ является красавица Помпея, прежняя любимица Нерона; она

На пиръ заботливо рядылась :
 Безцѣнной миррой тѣло облила ,
 Безцѣнный жемчугъ въ косы заплела ,
 И вечеромъ въ триклиніумъ явилась ,
 Прекрасна, неизмѣнно-молода ,
 Какъ томная вечерняя звѣзда.
 Подъ складками лазурнаго хитона ,
 Прозрачнаго, какъ утренній туманъ ,
 Сквозить ея полуразвитый станъ ,
 Сквозить волна встревоженнаго лона.
 Гибка, стройна, какъ тонкая лоза ,
 Съ *приемами застѣпчивой дѣвицы* (*),
 Помпея на стыдливые глаза
 Склонила бѣлокурыя рѣсницы.
 Казалось, эти дѣтскія уста
 Одни привѣты лепетать умѣли
 И въ этомъ взорѣ дѣвственномъ свѣтлѣли
 Одна любовь, невинность, чистота ;
 Но кто знавалъ Помпею *покороче*
 Не вѣрилъ ни въ уста ея, ни въ очи...

За нею на пиръ является вторая женщина — Максимила.

На первомъ ложѣ съ лѣвой стороны
 Отъ ложа осѣненнаго Нерона
 Ты возлегла, красавица-матрона ,
 Богиней цвѣтоносною весны.
 Пурпурная туника Мельпомены ,
 Не удержишь на мраморѣ плеча,
 Слилась съ него на дѣвственные члены,
 Весь трепетный твой станъ изоблича.
 Твоя коса вѣнцомъ трехзвѣзднымъ сжата ,
 Но, кажется, мгновение — и вотъ
 Она алмазный обручъ разорветъ
 И раздробится въ *исерни агата* (?)
 О дорогую мозаику плитъ. —
 Соперница Киприды и Харитъ ,
 Одной рукой ты оперлась на маску,
 Другой — *ритонъ* съ фалернскимъ подняла ;
 Сама любовь лукаво расплела
 Твоей котурны узкую подвязку ;
 Сама любовь глядитъ въ твоихъ очахъ ,
 Пылаетъ на зардѣвшихся лавитахъ ,

(*) Прозаическій стихъ.

Смѣется на коралловыхъ устахъ...
 Не даромъ въ избалованныхъ кювритахъ,
 Въ *измѣженцахъ* неронова двора,
 Ты пробудила дремяющія силы!
 Не даромъ у порога Максимиалы
 Они толпятся до ночи съ утра,
 Не даромъ все сильнѣе и сильнѣе
 Кипитъ вражда ревнивая въ Поппеѣ...

Не правда ли, звучные, прекрасные стихи, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ поэтъ? Теперь посмотрите на содержаніе поэмы. Неронъ, тотъ Неронъ, который сжегъ Римъ, обиженъ глубоко, и чѣмъ же?... Обиженъ онъ варваромъ Генгитомъ, бриттомъ...

Ранами покрытый,
 Генгитъ упалъ на грудь мертвыхъ тѣлъ
 И взять былъ въ плѣнъ, и нехотя узрѣлъ
 И Тибръ и Капитолій именитый.
 На первыхъ играхъ вождь британскій былъ,
 При кликахъ черни, выведенъ въ арену
И голыми руками задушилъ
Медвѣдя и голодную гѣну.
 Затѣмъ его позвали во дворецъ,
 Одѣли въ пурпуръ, щедро наградили,
 Толпой рабовъ послушныхъ окружили
 И отдали свободѣ наконецъ:
 Какъ птица ждалъ онъ вѣтерка роднова,
 Чтобъ улетѣть въ свою отчизну снова.
 Но Максимила встрѣтилась ему —
 И полюбилъ дикарь неукротимый...
 Но Максимила *нуженъ не повѣса* (*);
 Красавица взыскательна, горда,
 Ей нуженъ мужъ *совѣта и труда*(?)
 Могущій духъ и воля Геркулеса.
 А вотъ и онъ, вотъ сѣверный Алкидъ,
 Сынъ Альбіона дальняго — Генгитъ.

Если справедливо замѣчаніе г. Григорьева въ «Москвитиниѣ», что г. Мей рисуетъ картины «больше намеками», то мы понимаемъ намекъ, почему понравился Максимила этотъ молодець... * Положимъ, что онъ мужъ совѣта, положимъ, что онъ Алкидъ, но съ нимъ случилось вотъ какое несчастье:

Однажды кесарь новую поэму
 Читалъ у Максимиалы; тѣсный кругъ

(*) Хорошъ повѣса, который задушилъ медвѣдя голыми руками!

Ея друзей и молодых подругъ
 Внималъ стихамъ, написаннымъ на тѣму:
 «*Salvete parturienti*». Онъ читалъ
 И съ каждою строкой одушевлялся;
 Подъ лъстивый шепоть сдержанныхъ похвалъ.
 Гекзаметръ, какъ волна, переливался...
Вдругъ на одной изъ самыхъ сильныхъ фразъ
Раздался хрипъ заснуваго Генгита!
 Приличье, страхъ, все было позабыто,
 И громкій хохотъ общество потрясъ:
 Заслушавшись стиховъ поэмы чудной,
 Британецъ спалъ спокойно, непробудно.
 Въ души Нерона вспыхнула гроза:
 Онъ поблѣднѣлъ; виски налились кровью;
 Подъ бѣшено-нахмуренною бровью
 Метнули искры впалые глаза,
 И замеръ на устахъ оледенѣлыхъ
 До половины вылившейся страхъ,
 И вздрогнувъ кругъ гостей оцѣпенѣлыхъ;
 Но быстрый гнѣвъ еще быстрѣй затихъ.
 «Живъ во вѣки!» молвить Максимила:
 «*Напрасно, кесарь, рассыпаешь ты*
Предъ варваромъ поэзи цвѣты:
«Въ немъ духа мощь убила плоти сила»...
 Неронъ смѣялся, варвара обнялъ
 И тутъ же всѣхъ присутствовавшихъ звалъ
 Къ себѣ на перь...

Вотъ этотъ-то пиръ и старается описать г. Мей. Мы выше пока-
 зали мастерское описаніе двухъ женщинъ на пиру... Когда гости пи-
 ровали, ѣли, пили, пѣли, играли и читали стихи, Неронъ вышелъ, и
 на оставшуюся компанію начался сыпаться съ потолка дождь цвѣтовъ.
 Опять прекрасные стихи:

И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
 И сыплются дождемъ неудержимымъ...
 Въ лугахъ и злачныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
 Три дня ихъ сборомъ были заняты
 Селянки смуглолицыя и дѣти...
 И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
 И зыблются, какъ радужныя сѣти,
 Спущенныя на землю съ высоты.
 Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
 Корзинами, *копнами* (?); ароматъ
 Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ;
 Клокочетъ кровь и сердце замораветъ
 Отъ жара и несносной духоты...
 И падаютъ, и падаютъ цвѣты...

Напрасенъ крикъ пирующихъ: «пощады!
 Мы умираемъ!» Падаютъ цвѣты —
 Пощады нѣтъ; всѣ двери заперты,
 Потухли всюду пырныя лампы...
 Въ отвѣтъ на вопль отчаянный и стонъ,
 Въ желѣзныхъ клѣткахъ завывали звѣри
 И за дверями хохоталъ Неронъ.
 Еще мгновенье... Растворились двери — великодушный
кесарь
 Обиду навесенную поэту... забывалъ.

Вотъ содержаніе стихотворенія г. Мея. Въ-самомъ-дѣлѣ, тремъ приведеннымъ нами картинамъ нельзя не сочувствовать: красоту ихъ мы понимаемъ — понимаемъ прелесть описанія Поппея, Максимила: по-крайней-мѣрѣ онѣ дѣйствуютъ... на пластичность, какъ говорятъ изъ скромности, эстетическимъ языкомъ.

Въ изнѣженцахъ неронова двора
 Ты пробудила дремлющія силы!

вѣдь говоритъ поэтъ про свою Максимила, которую г. Григорьевъ, рецензентъ «Москвитянина», въ припадкѣ пробужденныхъ силъ, называетъ «чуднымъ и дѣвственнымъ, античнымъ изваяніемъ». Хороша также картина паденія цвѣтовъ... Но къ-чему все это? Что такъ одушевило поэта и заставило его выдвинуть на сцену эти лица и картины? Что возбудило въ немъ восторгъ? То ли, что грубый дикарь, вѣроятно, плохо-понимавшій поримски, заснулъ подъ звуки эпического гекзаметра? То ли, что Генгитъ, который умѣлъ задавить медвѣдя своими собственными руками, не сумѣлъ оцѣнить поэму Нерона и огласилъ комнату сильнымъ, извощичьимъ храпомъ? То ли, что Неронъ, наконецъ, наказалъ невѣжду, засыпавъ его цвѣтами? То ли, что, наконецъ, Максимила, это «чудное и дѣвственное античное изваяніе», почувствовала страсть къ шутнику Генгиту, въ косую сажень ростомъ, котораго такъ хорошо умѣла оцѣнить умершая гѣна и побитые имъ Римляне:

Съ дубиной узловатою въ рукахъ,
 Предсталъ Генгитъ, всѣхъ выше головою,
 И римлянъ кровь ручьями полилась...
*Онъ предпочтенъ и полюбилъ ей
 Отвагою и дикостью своей?*

Спрашиваемъ: что могло заставить автора воодушевиться этимъ страннымъ, пустымъ, антипоэтическимъ сюжетомъ, ради котораго поэтъ написалъ нѣсколько превосходныхъ стиховъ? Зачѣмъ было подобное дѣйствіе переносить на Максимила, въ Римъ, когда подобныя черты страсти можно встрѣтить между всеми народами, или еще необразованными, или уже пресытившимися жизнью и образованіемъ?— Ничто!

Мы понимаемъ, почему Пушкинъ такъ долго искалъ обстановку для своихъ «Египетскихъ Ночей» и затруднился выборомъ народа и мѣста, гдѣ бы дѣйствіе лучше могло происходить... Онъ нашелъ эту обстановку, и потому на насъ такъ сильно дѣйствующимъ слова Клеопатры:

Клянусь... о матеръ наслажденій,
Тебѣ неслыханно служу!...

Страсть такова, что представительницей ея могла быть только Клеопатра, точно также, какъ Шекспиръ остановился на Италіи, на Ромео и Джульетѣ, чтобъ выразить всю силу и прелесть первой любви... Но зачѣмъ выведены Максимиλλα, Поппея, картина паденія цвѣтовъ?... Между ними и подъ ними скрывается пустота, и оттого стихотвореніе г. Мея, мѣстами прекрасное, въ цѣломъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Что намъ за дѣло до капризовъ Нерона? Вѣдь у него, вмѣсто фонарей, горѣли и люди, облитые смолою; онъ сжегъ, говорятъ, и Римъ, чтобъ видѣть хорошую иллюминацію... И послѣдняя картина, мы увѣрены, вышла бы крайне-эффектною въ стихѣ г. Мея, еслибъ онъ вздумалъ ее описать: г. Мей мастеръ на описанія... Но что жъ изъ всего этого? Сколько говорятъ *нашему нынѣшнему чувству* всѣ эти продѣлки, весьма-великолѣпныя? Да, г. Мей, искусство подражанія Пушкину состоитъ не въ томъ, чтобъ брать предметы пѣснопѣвнѣй всюду, и въ древнемъ и въ новомъ мѣрѣ, а въ томъ, *чтобъ смотреть на эти предметы* такъ, какъ смотрѣлъ на нихъ Пушкинъ. Если онъ переноситъ дѣйствіе въ древній мѣрѣ, въ средніе вѣка, въ Испанію или Италію, или, наконецъ, въ старинную Русь — значитъ въ этомъ состояла совершенная необходимость, безъ этой обстановки стихотвореніе ничего не выразило бы; значитъ, оно имѣетъ смыслъ свой, и лучше всего выразилось въ томъ мѣрѣ, который поэтъ избралъ мѣстомъ дѣйствія своихъ лицъ. Вотъ что значить искусство, по понятіямъ Пушкина въ послѣднее время.

Въ противномъ случаѣ, брать первый попавшійся сюжетъ изъ древняго міра, хотя бы потомъ и описывать его звучными стихами, значить не производить ничего, или *писать стихи* въ буквальномъ смыслѣ слова.

И не-уже-ли Неронъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ такъ слабъ разсудкомъ, что вздумалъ засыпать цвѣтами молодца, который руками задушилъ медвѣдя? Не-уже-ли Неронъ могъ обидѣться грубымъ дикаремъ, который, можеть-быть, не звалъ языка и, слѣдовательно, не могъ понять его поэмы? Такими ли представляются намъ страсти Нерона, сжегшаго Римъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Разскажъ этотъ не стоитъ стиховъ г. Мея. Неронъ вышелъ какимъ-то обидчивымъ пѣтухомъ-поэтомъ, который сердится, что стиховъ его не цѣнятъ... На это, правда, способны поэты; но Неронъ былъ грозень, не какъ поэтъ, а какъ страшный

властелинъ Рима, котораго трепетали миллионы... Исторія сохранила намъ преданіе, что Неронъ любилъ пописывать стихи, любилъ, чтобъ его считали первымъ поэтомъ; но исторія все сохраняетъ для памяти людской; только поэты умѣютъ выбирать тѣ ея сказанія, которыя въ немногихъ чертахъ рисуютъ лицо.

Притомъ вся картина пира вышла растянутою, потому-что г. Мей любитъ похвастать знаніемъ латинскихъ словъ. У него Неронъ читаетъ поэму: «*Sanasen parturiciens*», хотя для насъ совершенно все-равно, чтѣ читалъ Неронъ; у него, какъ въ римскомъ преискурантѣ (если у римлянъ были преискуранты), перечисляются вина по сортамъ:

Спокойное *фалерское* вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
 Библосское — *хіосскимъ* благовоннымъ,
 Хіосское — *эазосскимъ* золотымъ,
 Эазосское — *коринѳскимъ* вѣковымъ...

такъ-что приблизительно можно знать, что у Нерона пили и шишучія и нешишучія вина... Фалерское, библосское, хіосское, эазосское, коринѳское... Интересно знать, которое лучше: библосское или эазосское?

Есть, наконецъ, въ этомъ описаніи общія мѣста: таковъ, наприимѣръ, рассказъ о пѣніи Нерона.

Все это, вмѣстѣ взятое, производитъ то окончательное впечатлѣніе, что стихотвореніе кажется холоднымъ, риторическимъ и мѣстами поражаетъ только воображеніе. Подъ звучными стихами и рифмами не кроется ничего трогающаго душу, ничто не заставляетъ задуматься, ничто не проситъ отвѣта.

Въ этомъ отношеніи для насъ лучше какая-нибудь маленькая пьеса Гёте, хоть бы, наприимѣръ, *Пьсня къ Милой*, переведенная г. Стаховичемъ и напечатанная въ «Современникѣ» (№ 6-й). Несмотря на два-три темноватые стиха, она производитъ то впечатлѣніе, которое поэтъ хотѣлъ ей дать:

Блеснетъ заря, сверкающей волною
 Отражена,
 Настанетъ день — о милый другъ тобою
 Душа полна!
 Промчится ль вихрь, шумя въ поляхъ травою
 И прахъ клубя,
 Иль горы спятъ, серебряныя луною, —
 Я жду тебя.
 Стоять ли тишь, иль бездна тяжко дышетъ
 Морскихъ зыбей —
 Твой вѣрный другъ знакомый голосъ слышитъ
 И звукъ рѣчей.

Смеркается; прозрачной синевой
 Ложится мгла;
 Взошла звезда — о, еслибъ ты со мною
 Теперь была !

Мы сравнивали съ этою пѣснью эротическіе стихи Анакреона, также переведенные г. Меемъ и напечатанные въ «Библіотекѣ для Чтенія» (№ 4-й), и нашли ихъ, къ-сожалѣнію, холодными. Въ «Библіотекѣ» прочли мы извѣстіе, что г. Мей перевелъ всѣ «Анакреоновы Пѣсни», и что переводъ долженъ появиться въ печати въ нынѣшнемъ году, что переводъ подстроченъ и въ немъ сохраненъ размѣръ подлинника, и пр. Если весь переводъ будетъ похожъ на то, что мы прочли въ апрѣльской книжкѣ «Библіотеки», не думаемъ, чтобъ онъ имѣлъ успѣхъ. Впрочемъ, объ этомъ будемъ судить тогда, когда прочтемъ то, что обѣщано.

Гг. Гербель и Полонскій помѣстили въ журналахъ нѣсколько своихъ стихотвореній, и кто могъ найти сколько-нибудь опредѣлительныя черты ихъ поэзіи прежде, тотъ, можетъ-быть, найдетъ ихъ и въ напечатанныхъ въ нынѣшнемъ году; мы пока представляемъ себѣ ихъ смутно. Но, къ-сожалѣнію, видимъ ясно, что г. Никитинъ, печатающій такъ много стиховъ, уже слишкомъ-торопится подражать всѣмъ и каждому. Это отнимаетъ у стихотвореній его всякую самостоятельность и, кромѣ хорошей версификаціи, читатель не находитъ у него ничего. Между-тѣмъ, казалось бы, тотъ бытъ, изъ котораго онъ беретъ свои сюжеты, такъ близокъ ему и такъ интересуется теперь публику...

Не будемъ перечислять всѣхъ, кто напечаталъ недурные стихи, не будемъ говорить общими мѣстами объ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, а перейдемъ къ тому, къ чему еще сначала мы клонили нашу рѣчь.

Читатель уже изъ приведенныхъ нами отрывковъ стихотвореній разныхъ поэтовъ могъ замѣтить ту разницу стремленій, которая господствуетъ между ними. Если онъ этого не замѣтилъ, конечно, это не наша вина, потому-что для этого нужно было бы перепечатать множество стихотвореній, разбросанныхъ въ послѣднее время въ журналахъ. Но если онъ желаетъ еще подтвержденія нашей мысли, мы ему укажемъ на разнообразіе переводовъ, между которыми какъ-будто ничего нѣтъ общаго. Переводятся у насъ до-сихъ-поръ, по-прежнему, Гёте, Шиллеръ, Байронъ, Гейне, Шенье, нѣкоторые классики, имѣвшіе въ свое время, каждый отдѣльно, вліяніе на нашу литературу, потому-что у насъ былъ и классическій періодъ поэзіи, періодъ Шиллера, Гёте, Байрона... Однакожъ, всѣ эти поэты, хотя уже извѣстные отчасти по своему направленію, не перестаютъ и до-сихъ-поръ дѣйствовать на нашу поэзію. При этомъ разнообразіи, на чтѣ читатель укажетъ, какъ на путеводную нить, которая должна объяснить ему настоящее положеніе у насъ поэтической дѣятельности ?

Возьмемъ примѣръ. Въ нашей нынѣшней литературѣ, въ романахъ, повѣстяхъ и всевозможныхъ разсказахъ, постоянно уже нѣсколько лѣтъ замѣчается единство дѣятельности, которыми проникнуты всѣ писатели. Единство это происходитъ не оттого, что эти писатели подражаютъ другъ другу, а оттого, что ихъ мысль, ихъ воображеніе направлены на одинъ и тотъ же предметъ, который они находятъ достойнымъ изученія, который они любятъ и съ любовью занимаются его описаніемъ. При Гоголѣ мы изучали одно за другимъ лица нашего общества, принадлежащія одной категоріи; послѣ его смерти выступили на сцену другія лица, но все изъ того же общества, изъ той же одной русской жизни. Она приковала къ себѣ общее вниманіе, а Гоголь показалъ, какъ должно писать эти лица, далъ манеру изображать даже мелкія физиономіи выпукло. И проза наша идетъ твердо по избранному ею пути. Чтò выработается изъ наклоненія нашей литературы къ простонародному быту — выработается ли романъ или повѣсть — это еще вопросъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это направленіе небезполезно потому, что знакомить насъ съ жизнью разныхъ классовъ общества, которыхъ мы до-сихъ-поръ мало знали. Всякій чувствуетъ, что это направленіе литературы раздвинуло горизонтъ нашихъ умственныхъ представленій.

Поэтому можемъ сказать, что наша нынѣшняя литература имѣетъ единство.

Вотъ подобнаго-то единства стремленій мы не находимъ въ поэтической дѣятельности, которая стоитъ до-сихъ-поръ какъ-то уединенно.

Обратитесь къ наукѣ, за которую въ наше время послѣдовала и литература. Наука наша давнымъ-давно представляетъ такое единство, и оно съ каждымъ годомъ становится сильнѣе-и-сильнѣе. Всѣ ея стремленія преимущественно сосредоточены на изученіи прошедшей судьбы и настоящаго Россіи, такъ-что бельлетристика представляется намъ какъ-бы «наукою въ лицахъ». И бельлетристика и наука теперь тѣсно связаны, и изъ матеріала, выработаннаго наукою, литература наша взяла уже много, но возьметъ еще больше, когда познакомится съ наукою покороче.

Не то въ поэзіи: она какъ-бы чужда общему увлеченію, какъ-будто для нея не годятся тѣ матеріалы, надъ которыми съ любовью останавливаются наши писатели повѣстей; она не вошла еще въ дружную дѣятельность ни съ наукою, ни съ литературою въ обширномъ смыслѣ; и виноваты ли мы, что публика холодно встрѣчаетъ многія стихотворенія, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ внѣшнія условія успѣха? Вниманіе публики, большинства и литературной дѣятельности обращено на другіе предметы: можно ли строго обвинять публику, если она разсѣянно смотритъ на стихотворенія?

Взгляните теперь на отношеніе нашей нынѣшней поэтической дѣятельности къ предшествовавшей. Возьмете ли вы періодъ пушкинскій,

или періодъ Жуковскаго, Карамзина, Державина—въ каждомъ изъ нихъ замѣтите и его отличительныя черты, которыя бросаются въ глаза, и главное направленіе. Эти черты и это направленіе проникають всё произведеніе того періода. Торжественная, классическая ода Державина, сантиментальныя повѣсти, романы и стихотворенія карамзинскаго періода, романтизмъ Жуковскаго и вышедшій изъ него байронизмъ первыхъ произведеній Пушкина, налагали до-того яркую печать на всё произведеніе этихъ эпохъ, что и доказывать ихъ ненужно. Когда вы будете просматривать произведенія котораго-нибудь изъ этихъ періодовъ, надъ вами, какъ облако, будетъ носиться одна извѣстная идея, которой служило множество поэтовъ. Матеріалы брались повсюду и подводились подъ одну мѣрку; классическій сюжетъ дѣлался романтическимъ, подъ вліяніемъ романтизма, и наоборотъ; всюду вы замѣчаете общія всѣмъ краски, общіе приемы, и какъ они ни односторонни, но они дали характеръ литературнымъ періодамъ; мы ихъ понимаемъ, хотя и не соглашаемся съ ними. Во всякомъ случаѣ мы видимъ присутствіе одной животворящей идеи во всей дѣятельности: видимъ направленіе.

Что же замѣчаемъ мы въ нынѣшней поэтической дѣятельности? Гдѣ это единство дѣйствія? гдѣ эти родовые признаки извѣстнаго времени? Наши произведенія не сантиментальны; они не страдаютъ ни байронизмомъ, ни классицизмомъ одъ Пиндара; въ нихъ нѣтъ утрированнаго романтизма Жуковскаго, съ безконечнымъ рядомъ мертвецовъ... ничего этого нѣтъ; что же есть? Дайте намъ общее опредѣленіе дѣятельности нашихъ поэтовъ: г. Тютчева, Фета, Майкова, Мей, Некрасова... всѣхъ! Когда мы зададимъ себѣ такую задачу, мы почувствуемъ весь трудъ ея рѣшенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ увидимъ, что эта поэзія не выработала еще ничего своего, ей собственно-принадлежащаго. Она пока еще поэзія эклектическая. Въ ней всего понемногу, и все хорошо. На г. Тютчевѣ лежитъ отпечатокъ Пушкина сильнѣе, нежели на комъ-либо другомъ; у г. Фета фантазія такъ капризна и неуловима, что боишься опредѣлять ее; г. Майковъ отъ міра классическаго обратился къ міру русскому, но онъ еще въ недавнее время переимѣнилъ свое направленіе, и что будетъ дальше — увидимъ; г. Мей, нужно полагать, идетъ за Пушкинымъ, какъ за эклектикомъ; г. Щербина воспѣваетъ природу и Грецію... У каждаго вы видите какъ-будто особый взглядъ на общество и міръ, а у нѣкоторыхъ этотъ взглядъ такъ закрытъ, что несоро его и угадаешь... Въ былое время стихотвореніе или поэма Пушкина служила камертономъ, по которому вы настраивали весь поэтической оркестръ: и новое произведеніе Баратынскаго, и идиллію Дельвига, и посланіе Языкова, и поэму Козлова. Откуда бы каждый изъ нихъ ни бралъ свой сюжетъ, на каждомъ рѣзко было обозначено главное направленіе періода; кака-нибудь мрачная средневѣковая повѣсть Марлинскаго объясняется тѣми же причинами, какъ и «Чернецъ» Козлова; чухонка «Эдда» Баратын-

скаго говорить, что она написана въ то же время, когда и «Бахчисарайскій Фонтанъ». Точно то же было при Жуковскомъ, то же было при Карамзинѣ и Державинѣ. А теперь?

Если хотите, мы можемъ подвести и всѣ новыя произведенія подъ одну идею объективной поэзіи, которая воспроизводитъ «все прекрасное въ мірѣ»; но что говорить уму это опредѣленіе? Кажется, ничего! Если хотите, мы скажемъ, что въ новыхъ поэтическихъ произведеніяхъ живетъ манера творчества послѣдняго періода дѣятельности Пушкина—манера высокая, правда, но неудоболовимая въ своихъ результатахъ. Ее трудно характеризовать, ей трудно дать названіе; ей трудно даже положить границы, какъ «*всему прекрасному*».

Но мы увѣрены, что наши поэты, все болѣе-и-болѣе высказываясь въ своихъ произведеніяхъ, болѣе-и-болѣе вникая въ задачу поэзіи настоящаго времени, составятъ нѣчто отдѣльное, цѣлое, такъ же тѣсно между собою связанное узами родства, какъ уже связаны у насъ литература и наука; что между ними найдется одинъ, который наконецъ угадаетъ ту нетронутую струну русскаго сердца, на которую отзовется общее вниманіе и общее участіе, какъ то бывало прежде. Время, наука, литература готовятъ всегда множество думъ и чувствъ, которыя всѣхъ интересуютъ; и тогда поэтъ, который сѣумѣетъ если не отвѣтить, то по-крайней-мѣрѣ взяться за эти живые вопросы, будетъ и главнымъ настройщикомъ этого прекраснаго порознь, но вмѣстѣ еще ненастроеннаго оркестра.

Такимъ-образомъ, одна часть выводовъ Гоголя, или, лучше, его догадокъ, о томъ, чѣмъ должна сдѣлаться наша поэзія кажется намъ справедливою:

«Поэзія наша пробовала всѣ аккорды, воспитывалась литературами всѣхъ народовъ, прислушивалась къ лирамъ всѣхъ поэтовъ, добывала какой-то всемірный языкъ затѣмъ, чтобы приготовить всѣхъ къ служенію болѣе значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тѣхъ пустякахъ, о которыхъ еще продолжаетъ вѣтрено лепетать молодое, недавнее себѣ отчета, нынѣшнее поколѣніе поэтовъ; нельзя служить и самому искусству, какъ ни прекрасно это служеніе, не уразумѣвъ его цѣли высшей, и не опредѣливъ себѣ, зачѣмъ дано намъ и искусство; нельзя повторять Пушкина. Нѣтъ, не Пушкинъ, или кто другой, долженъ стать теперь въ образецъ намъ; другія уже времена пришли». («Переписка», стр. 267).

— Переходимъ къ прозѣ. Въ 6 № «Современника» помѣщена повѣсть г-жи Нарской: *Первое знакомство съ святымъ*. Повѣсть эта была бы, пожалуй, и недурна, еслибъ не Браччіани, да не Дмитрій Николаевичъ, да еще не Нелли дѣйствовали въ ней. Браччіани—итальянецъ, слѣдовательно художникъ. Каковъ онъ съ виду, можете дога-

даться: волосы черные, глаза черные, брови черные, лицо, можетъ-быть, тоже черное, интересное...

«Вдругъ распахнулась дверь... Я живо повернула голову (такъ написано въ дневникѣ одной дѣвicy)... на порогѣ стоялъ довольно высокій, стройный мужчина съ итальянскою физиономіею.

— «Браччіани! воскликнула Катерина Федоровна, и въ то же время крѣпко схватила за руку Нелли, которая готова была лишиться чувствъ.

«Лиза встала. Черные глаза итальянца впивались въ прелестную Нелли, около которой всё засуетились. Она лежала, прислонясь головою къ креслу и закрывши лицо; свѣтлорусые локоны ея бѣжали волнистою струей на грудь, а станъ обрисовывался необыкновенно живописно складками чернаго платья.

«Итальянецъ не трогался съ мѣста, пораженный этимъ зрѣлищемъ. Всѣ были взволнованы, кромѣ князя, который, крутя усы, казалось, не замѣчалъ ничего. Наконецъ Браччіани сдѣлалъ шагъ впередъ, молча пожалъ руку Катеринѣ Федоровнѣ, потомъ руку Лизы и сѣлъ подлѣ Нелли.

«Она раскрыла глаза.

«— Нелли! сказалъ онъ полутономъ, сжимая ея руку.

«— Ахъ! неужели вы вспомнили обо мнѣ!.. прошептала Нелли и тотчасъ закрылась платкомъ.»

Этотъ итальянецъ даже на насъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ на Нелли.

Итальянецъ черенъ — слѣдовательно Нелли блѣдна какъ мраморъ. Въ-добавокъ, какъ ни посмотришь, а она ужь оперлась головкой гдѣ-нибудь о мраморную колонну. Продолжаемъ выписку:

«Я поняла, какъ ей было тягостно присутствіе постороннихъ лицъ. Итальянецъ, бросивъ на Нелли взглядъ, вздохнулъ и молча опустил голову на грудь. Никто не смѣлъ прервать этой торжественной тишины... Слышно было, какъ кузнечикъ трещалъ въ травѣ и шелестѣли березы. Всѣ глаза были устремлены на дѣйствующихъ лицъ этой загадочной сцены.»

Семейство, въ которое пріѣхалъ Браччіани, богатое семейство, главой котораго осталась Катерина Федоровна, мать, и рѣшительно лучшее лицо повѣсти. Одна дочь Катерины Федоровны, Лиза, выходитъ замужъ за князя. Въ семействѣ этомъ безпрестанные балы, вечера, множество народу и княжонъ. Въ это-то семейство явился нѣсносный Бриччіани и произвелъ описанный нами эффектъ. Онъ въ театрѣ увидѣлъ Нелли и влюбился въ нее. Ждали, что онъ попроситъ руку Нелли еще въ Москвѣ, но онъ пріѣхалъ въ деревню предложить прекрасной Нелли и руку и сердце. Нелли нѣсколько разъ оттирали спиртами, но она отказала Браччіани; вы думаете, она отказала потому, что онъ итальянецъ и живописецъ, а она воспитанница Катерины Федоровны — совсѣмъ нѣтъ. Вотъ почему:

«Варенька узнала исторію Нелли во всѣхъ ея подробностяхъ, узнала какую ужасную отвѣтственность взяла на свою душу Катерина Федоровна, бросивъ на произволъ судьбы несчастнаго ребенка, ввѣреннаго ей умирающимъ братомъ. Онъ оставилъ большую сумму денегъ въ рукахъ Катерины Федоровны съ тѣмъ, чтобъ она передала ее Нелли, когда та достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, и умолялъ ее взять подъ свое покровительство это жалкое дитя, безъ имени, дитя, у котораго не оставалось ни одного близкаго существа, кромѣ сестры ея матери, госножи довольно-двусмысленной... Катерина Федоровна общала заняться судьбою ребенка. Братъ умеръ, деньги истрачены, ребенокъ забыть. Ребенокъ между тѣмъ растетъ и обрастаетъ въ прелестную дѣвушку. Няня Татьяна случайно узнаетъ ея убѣжище и страшную будущность, которая приготовлялась ей теткою. Добрая женщина прибѣгаетъ къ Катеринѣ Федоровнѣ, бросается ей въ ноги и со слезами рассказываетъ все. Тутъ только Катерина Федоровна опомнилась, выручила дѣвушку отъ этой тетушки, взяла ее къ себѣ, старалась выдать замужъ, но все это было уже поздно. Сцены, которыхъ она была свидѣтельницею, безчисленныя опасности, окружавшія ее, страхъ, отвращеніе, свойственное каждой чистой душѣ при видѣ порока, такъ сильно потрясли нервную систему Нелли, что у ней сдѣлалась разрушительная, неизлечимая болѣзнь.»

Свадьба съ прекраснымъ Брачціани не состоялась, и Нелли пошла въ монастырь.

Это одна исторія. Другая вотъ какая. На мѣсто *пламеннаго* художника выступаетъ *глубокомысленный* Дмитрій Николаевичъ. Этого все объясняетъ «таинства природы», и въ него влюбилась отчаянно двѣ дѣвицы, Лиза и Варенька. Онъ сынъ доктора, окончилъ образованіе за границей, но первоначально воспитывался въ домѣ Катерины Федоровны, мужу которой покойный докторъ, отецъ Дмитрія Николаевича, оказалъ большія услуги. Передъ прїѣздомъ Дмитрія, Лиза столько наговорила Варенькѣ объ очаровательности Дмитрія, что та за глаза чуть не влюбилась въ него, и при первой же встрѣчѣ съ великимъ человѣкомъ дрожала. Романъ Дмитрія, романъ напечатанный и изданный, сдѣлалъ имя его извѣстнымъ въ литературѣ.

«Дмитрій средняго роста, смуглый, но имѣть въ лицѣ что-то такое, послѣ чего на князя и глядѣть не хочется. Это лицо исполнено ума... сколько мыслей и жизни вспыхиваетъ по временамъ въ его взглядѣ! Хоть общее выраженіе этого лица — спокойствіе и нѣсколько гордое равнодушіе, но мнѣ сдается, что въ душѣ его много огня и поэзіи, и что это спокойствіе есть плодъ многихъ, можетъ быть, горькихъ усилій, вызванныхъ опытомъ... Дмитрій держитъ себя просто, но съ необыкновеннымъ достоинствомъ, и всѣ какъ будто невольно повинуются ему. Онъ молчаливъ и задумчивъ — и никто не смѣетъ говорить; онъ расположенъ шутить и смѣяться — и всѣ оживляются, какъ бы въ угоду ему. Катерина Федоровна смотритъ на него какъ на сына, и гордится имъ. Князь ищетъ его дружбы, Андрей Андреевичъ тоже очень внимателенъ къ нему. Кузины, по старому знакомству, дѣлаютъ ему разные вопросы. Даже князь-

на Капитолина нашла его достойнымъ своего вниманія и цѣлое утро дѣлила разговоромъ о литературѣ...»

Поѣхали гулять, кто верхомъ, кто въ шарбанѣ. Дмитрій съѣлъ возлѣ Вареньки :

«Онъ любитъ мѣстоположеніемъ Ильинскаго, пристально разсматриваетъ какія-то дикія растенія, сообщаетъ мнѣ свои замѣчанія, распространяется о таинствахъ природы, а Лизѣ не оказываетъ ни малѣйшаго вниманія».

Когда все общество пріѣхало домой,

«Лиза съѣла на темно-малиновую бержерку; въ ея позѣ было что-то дѣтски-граціозное, обворожительное. Какъ будто случайно закинувъ головку, она плутовски улыбалась, играя цвѣткомъ, который подаль ей князь. Какая игривость сопровождала каждое ея движеніе; какъ взгляды ея были выразительны и жгучи! У ногъ ея, на табуреткѣ, пріютился бѣлокурый молодой человѣкъ съ живою физиономіей и горячо высказывалъ ей что-то; она, опустивъ живописно глазки, начала обрывать листочки розы, потомъ быстро взглянула на него, промолвила нѣсколько словъ, взглянула вѣжно на князя, съ увлеченіемъ протянула ему руку и засмѣялась. Князь покрылъ поцалуйми эту маленькую ручку; бѣлокурый юноша вздохнулъ, не сводя съ нея огненнаго взгляда; всѣ другіе молодые люди смѣялись, разговоръ былъ увлекательно оживленъ. Жаль, что я не могла слѣдить за нимъ».

«Что же дѣлалъ Дмитрій? Оставленный Лизою, онъ также, какъ и я, скрестя руки предавался наблюденіямъ. Быстро смѣнялись ощущенія на его пылкой, говорящей физиономіи; во казалось, что они становились все грустнѣе и грустнѣе; наконецъ глаза его приковались къ коврѣ, голова мало по малу склонилась па грудь, и онъ весь погрузился въ задушевную думу.»

Несмотря на то, что Дмитрій погрузался въ думу, Варенька все-таки въ него влюбилась и узнала, что и Лиза страстно его любитъ, хотя и выходитъ замужъ за князя.

Не будь въ повѣсти этихъ двухъ лицъ, Браччіани да Дмитрія, да еще хрупкой Нелли, рассказъ вышелъ бы недуренъ. Катерина Федоровна, правда, очень-умна, но съ ея умомъ не слѣдовало дѣлать оплошности, а она ее слѣдала. Зачѣмъ она пригласила Дмитрія на свадьбу къ Лизѣ, когда уже знала, какъ дочь ея была влюблена въ этого Дмитрія, и когда ей стоило такихъ трудовъ разстроить бракъ? Похоже ли это на Катерину Федоровну?

«Первое знакомство съ свѣтомъ» есть вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, и первое знакомство г-жи Нарской съ литературой; а потому быть строгимъ судьей въ этомъ случаѣ—значитъ быть несправедливымъ. Намъ кажется, что въ г-жѣ Нарской есть умѣнье рассказывать; несмотря на идеальныя лица дѣйствующихъ, рассказъ мѣстами очень-заинтересо-

вывааетъ, потому—что до конца не можешь разгадать хитрой Катерины Федоровны.

— Въ июльской книжкѣ «Современника» помѣщена *Ночная вылазка въ Севастополь*—разсказъ участвовавшаго въ ней, г. Ст. Разсказъ этотъ занимаетъ семь страничекъ, помѣщенъ на первомъ мѣстѣ, въ отдѣлѣ Словесности, и потому мы ожидали чего-то необыкновеннаго, падыались найти въ «Ночной Вылазкѣ» одно изъ лучшихъ описаній нынѣшнихъ военныхъ событій — и нашли разсказъ, который не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ множества газетныхъ извѣстій о сева-стопольской жизни.

Тамъ же (въ № 6) помѣщенъ и разсказъ г. Михайлова подъ названіемъ *Африканъ*.—Бываютъ у насъ романы, въ которыхъ крошечное содержаніе развивается на множествѣ страницъ; бываютъ и такіе маленькіе разсказы, въ которыхъ авторъ задаетъ себѣ огромную задачу, а потому разсказъ остается темень, неполонъ, недосказанъ. Таковъ разсказъ г. Михайлова.

Африканъ — дворовый человекъ, въ котораго просимъ всмотрѣться:

«Это былъ малой лѣтъ двадцати—семи, средняго роста, широкошеій, крѣпко сложенный, но худощавый. Смуглое, какъ—будто тронутое загаромъ лицо было не красиво: широкія, нѣсколько вздернутыя у висковъ кверху брови рѣзко отдѣляли низкій и плоскій лобъ, густо обросшіи жесткими, темнорусыми волосами, отъ глубокихъ глазныхъ впадинъ; сѣрые съ чернымъ отливомъ глаза немного косили, и притомъ, казалось, имъ стоило немалыхъ усилій даже такъ косо смотрѣть на бѣлой свѣтъ между бровями, на пережабинѣ прямого носа, почти одинаково толстаго вверху и внизу, никогда не исчезали три продольныя морщины; очень открытыя ноздри, крупнаго разбора губы съ опущенными углами, вьдавшійся подбородокъ, конечно, тоже не могли сообщить лицу привлекательности и привѣтливости. Будь у Африкана голова пошире въ вискахъ, не прилегай къ ней такъ плотно уши, можно бы побиться объ закладъ, что онъ кончить плохо — гдѣ—нибудь въ лѣсной трущобѣ, съ кистенемъ въ рукѣ; но у Африкана свирѣпость физиономіи не оправдывалась характеромъ. Въ странномъ устройствѣ головы Африкана френологъ нашелъ бы одно изъ самыхъ яркихъ свидѣтельствъ въ пользу своей науки. Сплюснутая съ боковъ, плохо развитая въ затылкѣ, она вся ушла въ макушку. Коротко выстриженные волосы никогда не лежали на верхушкѣ наравнѣ съ другими, а отдѣлялись какъ грибокъ и казались постороннею накладкой. Докторъ Галь, ощупывая эту голову, сказалъ бы: чрезмѣрно высокое мнѣніе о себѣ, ослиное упрямство и большая склонность къ мистицизму. Докторъ Галь не ошибся бы.»

Если это дѣйствительно такъ, то стоило ли ради такихъ добродѣтелей Африкана, описывать его? — Посмотримъ.

Изустная хроника, по поводу происхожденія отца африканова, разсказывала древнюю исторію о какой—то гречанкѣ, завезенной яко бы

дѣдомъ нынѣшней помѣщицы въ его вотчину, гдѣ гречанка родила сына и вскорѣ послѣ родовъ умерла. Сирота воспитывался въ избѣ, хотя мать, какъ утверждаютъ, жила вовсе не на правахъ прислуги. При первой ревизіи, безроднаго сироту, отца африканова, записали въ число дворовыхъ.

«Онъ не могъ надивиться равнодушію отца къ преданію о гречанкѣ, и самъ былъ глубоко имъ проникнутъ. Мета иногда полъ въ гостиной, Африканъ останавливался среди комнаты, опирался подбородкомъ на черенъ половой щетки и пристально глядѣлъ на портретъ, висѣвшій надъ диваномъ. На портретѣ былъ изображенъ полный, румяный господинъ въ пудренномъ парикѣ и въ елисаветинскомъ мундирѣ; подъ мышкой шляпа съ плюмажемъ. Только какой-нибудь шумъ нарушалъ созерцаніе Африкана. Тогда, продолжая мести, онъ безпрестанно взглядывалъ въ зеркало въ простѣнкѣ между оконъ и улыбался — на этотъ разъ самодовольной улыбкой. Въ зеркалѣ, надъ самымъ его лицомъ улыбалось и полное лицо портрета».

Прибавьте къ этому, что Африканъ много читалъ и читалъ съ размышленіемъ. Почитаешь, почитаешь, потомъ отложить книгу въ сторону, руки скрестить на груди, уткнется затылкомъ въ стѣну, закроетъ глаза, и такъ сидитъ четверть часа, полчаса. Чтѣ же такое читалъ Африканъ? Книгъ гражданской печати онъ не любилъ и говорилъ, что въ нихъ вздоръ все пишутъ. «Библіотека его состояла изъ ветхой книги въ листъ и рукописи, также въ листъ». Рукописи было лѣтъ полтораста, и она заключала въ себѣ нѣчто въ родѣ лечебника и астрологін вмѣстѣ. Дворня считала Африкана, если не дуракомъ, то крайней-мѣрѣ полагала, что у него умъ заходитъ за разумъ. Поступки Африкана съ барченкомъ, который вздумалъ подшучивать надъ слѣпой старухой, матерью Африкана, и какая-то таинственная улыбочка при взглядѣ на господъ, была причиной того, что Африкана часто отводили куда-то на исправленіе. Африканъ былъ строптивъ; но искренній другъ его, дьячокъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ пѣлъ на клиросѣ, безпрестанно толковалъ ему о смиреніи. Чтѣ жь изъ всего этого вышло? Африканъ задумалъ идти въ Іерусалимъ, а пока получилъ позволеніе, началъ каждую ночь отправляться на близлежащій пустырь и тамъ ходилъ, одѣтый какъ странникъ, изъ одного конца въ другой, до самаго разсвѣта. Наконецъ, не получая долго разрѣшенія на дальній путь, онъ просилъ барина или отдать его въ солдаты, или отпустить на богомолье. Баринъ согласился отправить его въ рекрутское присутствіе, и Африканъ съ покорностью исполнилъ то, о чемъ проговорился барину. Вотъ весь сюжетъ. Согласитесь, что здѣсь столько собрано разныхъ причинъ странности характера Африкана, что мы не знаемъ, которою изъ нихъ объяснить такое явленіе! Человѣкъ ли онъ съ ослинымъ упрямымъ, какъ сказалъ бы Галь? зачитавшійся ли онъ дуракъ, какъ говорила дворня? или человѣкъ, много-воображавшій о се-

бѣ, и потому считавшій себя далеко выше всей дворни? Можетъ-быть, въ немъ все это соединялось. Тогда, скажемъ мы автору, предметъ разсказа такъ сложенъ, что требовалъ подробнѣйшаго развитія... Мы забыли еще одну причину: Африканъ влюбился, и неудачно. Это такъ способствовало принятому имъ рѣшенію.

— *Сереза*, разсказъ изъ воспоминаній армейскаго офицера, повѣствуетъ намъ объ участи бѣднаго мальчика, сына одного армейскаго офицера. Бѣдный Сереза страдалъ оттого, что отецъ нимало не заботился о немъ, и женился во второй разъ на злой-презлой купчихѣ, для которой пасынокъ былъ крайнею тягостью. Исторія довольно-старая, давно-описанная и на этотъ разъ ничѣмъ неподновленная. Сереза, конечно, умираетъ отъ всевозможныхъ лишеній — и этимъ оканчивается разсказъ.

Отъ литературныхъ произведеній «Современника» мы переходимъ къ «Москвитяину». Ни въ 8-мъ, ни въ 9-мъ номерѣ нѣтъ повѣстей. Въмѣсто нихъ, въ 8-мъ № помѣщены *Воспоминанія о походѣ въ Венгрію въ 1849 году* (изъ записокъ пѣхотинца), а въ 9-мъ — *Десять дней въ Севастополь*. И то и другое описано занимательно и безъ претензій, а потому мы и совѣтуемъ прочесть обѣ эти статьи. Севастополь въ настоящее время описывается всѣми, да и не мудрено: теперь нѣтъ на земномъ шарѣ мѣста интереснѣе Севастополя. Для описанія севастопольской жизни и нашихъ военныхъ подвиговъ забывается все остальное. Но еслибъ всѣ, описывающіе Севастополь, соблюдали необходимыя условія этой работы, ихъ описанія еще болѣе выигрывали бы у публики. Каждый, начинающій описывать, долженъ прежде всего имѣть въ виду ту публику, которая рѣшительно ничего не знаетъ о подробностяхъ севастопольскаго быта, которая не испытала жизни въ осажденномъ городѣ, которая не видала сраженій, и которой, слѣдовательно, безъ всевозможныхъ мелочей, трудно себѣ составить понятіе ясное и отчетливое о происходящемъ теперь въ Севастополѣ. Описывающій долженъ помнить, что *общіе* результаты битвъ, осады, вылазокъ — извѣстны всѣмъ и каждому; но всякому неприсутствующему въ осажденномъ городѣ трудно себѣ представить, какъ тамъ идетъ время день за днемъ, часъ за часомъ, какъ коротаютъ это трудное и славное время, чѣмъ занимаются, о чемъ говорятъ. Забудьте, что всѣ описанія, самыя подробныя, бываютъ всегда самыми интересными, что всѣ описанія, сдѣланныя лицомъ, едва-вступившимъ въ эту грозную крѣпость, всегда самыя яркія. Для этихъ лицъ не притупились впечатлѣнія; для нихъ страхъ еще не сдѣлался чѣмъ-то неизвѣстнымъ; для нихъ необыкновенная жизнь не вошла въ колею обыкновенной и будничной. Такъ въ «Воспоминаніяхъ о походѣ въ Венгрію въ 1849» есть мелочи какого-нибудь привала во время похода, какой-нибудь пе-

репраны, вовсе-неизвѣстной или забытой въ военной исторіи, но которая, однакожь, интересуеть, потому-что сообщаетъ именно *мелочи*. Есть много такихъ же интересныхъ чертъ и въ другой статьѣ «Десять дней въ Севастополѣ». Мы будемъ еще болѣе довольны, когда встрѣтимъ большее число такихъ подробностей.

— *Ваня, купеческій сынъ*, сказка г. Стаховича, написанная разнѣромъ стиховъ народныхъ, принадлежитъ, кажется, къ тѣмъ стихотвореніямъ, дѣли которыхъ не постигаеть и самъ авторъ. Посмотрите на его народный стихъ: онъ дѣйствительно-народный болѣе, нежели у кого-либо другаго. Г. Стаховичъ всмотрѣлся въ постройку нашего пѣсеннаго стиха, знаетъ нѣкоторыя уловки этого стиха, знаетъ много выраженій, дѣйствительно-употребляемыхъ нашими народомъ въ пѣсняхъ, и при всемъ этомъ сказка производитъ какое-то странное впечатлѣніе. Чувствуешь, что она писалась не для того, что г. Стаховичъ хотѣлъ написать сказку, а для того, чтобы показать, какъ онъ владѣеть стариннымъ складомъ нашего стиха.

Какъ за дальнею было степью, за саратовской,
 Въ небольшомъ то было въ городѣ, въ повизовьемъ
 И тамъ два купца жили, два небогатые,
 Небольшимъ они промысломъ занимались...
 И съ того ли съ товару бабяго, не важнаго,
 Получали они барыши пятаковые.
 А куда такая торговля не разживчива,
 А такой-то торговлѣ и славы нѣтъ...
 И имъ, кушцамъ, почета въ городѣ не было:
 Передъ крупчатниками они шапки ламывали,
 А сальнымъ торговцамъ челою били...

и т. д. Но вѣдь складъ этотъ не есть совершенство, къ которому стояло бы возвращаться; безъ рифмы и метра, къ благозвучію которыхъ мы привыкли и которые составляютъ неотъемлемое усовершенствованіе, сдѣланное въ нашей поэзіи XVIII вѣкомъ, стихъ этотъ, сколько ни вѣренъ старинѣ, для насъ кажется такимъ же устарѣлымъ, какъ и слогъ лѣтописей. Зачѣмъ же намъ писать этимъ стихомъ, если мы можемъ въ настоящее время обойтись безъ лѣтописнаго склада рѣчи, въ ежедневномъ ея употребленіи? И тотъ и другой языкъ, то есть и пѣсни и лѣтописи, составляетъ драгоценный матеріалъ для исторіи нашего языка; но это вѣдь совсѣмъ другое дѣло. Если мы изучаемъ «Слово о Полку Игоревѣ», какъ старинную нашу поэму, это вѣдь еще не доказываетъ, что мы и въ XIX вѣкѣ должны соображаться съ разнѣромъ, эстетикой и постройкой этой поэмы.

Разнѣромъ этимъ привыкли мы изображать давнишнюю старину; представьте же себѣ, что должно выйдти, если такъ описывать какое-нибудь прошествіе новѣйшаго времени, соблюдая притомъ всѣ условія

стариннаго стиха. Пренія слова и обороты выходятъ анахронизмомъ, а новыя какъ-то звучать странно :

Велитъ Авдѣй свой домишко ломать,
Свою избушку незавидную,
А на мѣсто ея домъ выстроить каменной,
Съ балконами, да съ колоннами...
А какъ самъ то Авдѣй въ городъ вѣзжалъ
Въ *варшавской коляскѣ съ ресорами*.
Женѣ Авдѣй привезъ лисій *салонъ*,
А въ домъ привезъ скатерти *голландскія*...
Все онъ съ господами — боярами возится,
Самъ обѣдаетъ у *городничая*
Судью зоветъ къ себѣ въ карты играть...

Воля ваша, а всѣ эти балконы, колонны, варшавскія коляски, салоны... какъ-то плохо вяжутся съ стариннымъ размѣромъ стиха; и тогда-какъ этотъ размѣръ увлекаетъ васъ къ давнишнимъ временамъ, *городничій* да *судья* говорятъ, что дѣло это было чуть не вчера...

— *Изслѣдованію о Балтійскихъ Славянахъ* г. Гильфердинга въ «Москвитиннѣ», точно также, какъ *Путешествію* г. Шилевскаго по *Бѣлорусскому Краю*, въ «Современникѣ», не будетъ конца. И то и другое продолжаются. Пусть продолжаются, и когда наступитъ конецъ, мы скажемъ о нихъ.

— «Библиотека для Чтенія» выступила въ іюлѣ съ ученымъ изысканіемъ о ближнемъ бояринѣ и воспитателѣ царя Алексѣя Михайловича, Морозовѣ. Не безъ интереса обратились мы къ этому изслѣдованію г. Руднева, но и оставили его безъ всякаго интереса. Мы даже полагаемъ, что подобныя изслѣдованія невозможны въ наше время. Это сборникъ всякихъ извѣстій и о Морозовѣ, и не о Морозовѣ. Въ государственной дѣятельности Морозова были времена, которыми крайне интересуется наша исторія, но, повидимому, эти происшествія не интересовали г. Руднева.

Вотъ, для примѣра, одинъ образчикъ его изслѣдованія :

«Вскорѣ послѣ царской свадьбы, Москву опустошилъ столь сильный пожаръ, что даже многіе изъ придворныхъ остались безъ крова и потому принуждены были удалиться въ деревни свои до построения новыхъ палатъ. Московская чернь, привыкнувъ къ безначалію во время самозванцевъ, приведенная въ отчаянное положеніе какъ послѣдними бѣдствіями, такъ и другими одновременными, неурожаемъ, въ терзаніяхъ нужды, бросилась грабить дома бояръ Одоевскаго, Лыкова, Морозова. Два незначительные сановника, судья Трахоніотовъ и Плещеевъ, еще прежде возбуждавшіе противъ себя несправедливымъ судомъ нелюбовь черни, испытали теперь особенную ярость грабителей, пали жертвой.

«Въ это смутное и ужасное время, выступилъ передъ ожесточенныхъ бояринъ Морозовъ. Гнушаясь незаконными дѣйствіями ихъ, онъ вступился за обвиняемыхъ и обратилъ на себя месть мятежниковъ. Они потребовали казни его самого. Тогда бояринъ Морозовъ удалился, съ дозволенія государя, на время, въ Кирилловъ монастырь.»

Вы даже не узнаете тутъ, въ чемъ было дѣло. А вотъ и другой образчикъ, неменѣе-важный:

«Замѣчательно, что хотя многіе думали, будто съ 1649 года, или даже нѣсколько ранѣе, бояринъ Борисъ Ивановичъ уступилъ другимъ, повидимому болѣе-способнымъ сверстникамъ своимъ, первенствующій голосъ свой въ думѣ царской; однакожь исторія сохранила и другое свидѣтельство, можетъ быть даже болѣе справедливое, что *въ Уложеніи трудился и бояринъ Морозовъ, разсматривая его по частямъ, наединѣ съ его величествомъ.*»

Здѣсь авторъ дѣлаетъ ссылку на «Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго» Голикова, и доказываетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ:

«Самая мысль о безпристрастномъ судѣ, положенная въ основаніе Уложенія и выставленная въ главѣ его, была предметомъ благородныхъ думъ Алексія Михайловича и боярина Матвѣева. Это доказывается тѣмъ, что около времени изданія въ свѣтъ Уложенія, Борисъ Ивановичъ спрашивалъ у пріѣзжаго архимандрита цареградскаго, Венедикта, совѣта, основаннаго на книжной мудрости, объ охраненіи людей всякаго чина отъ неправды сильныхъ. Не могъ разумѣть онъ себя въ послѣднемъ случаѣ. Отецъ архимандритъ отвѣчалъ *посланиемъ боярину Борису Ивановичу*, прося извинить краткость его недостаткомъ времени, по случаю скорого отъѣзда.»

Вотъ и всѣ доказательства участія Морозова въ Уложеніи! Такія изслѣдованія по части русской исторіи можно находить только въ «Библіотекѣ для Чтенія»...

Въ отдѣлѣ Словесности «Библіотеки» помѣщенъ рассказъ г. Тунѣева подъ названіемъ *Акви*. Но это не повѣсть, а описаніе поѣздки въ Акви и тамошняго водолечебнаго заведенія. Въ томъ же номерѣ, вмѣсто романа, напечатана *первая часть пародіи*, подъ названіемъ *Кандидатъ въ романисты и его романъ*. Авторъ скрылъ свое имя; но не слишкомъ ли много нѣсколькихъ частей для пародіи? не будетъ ли скучновато? — Увидимъ.

Въ одномъ *изящномъ* домѣ нѣкоторый авторъ читаетъ свое произведеніе двумъ *очаровательнымъ* женщинамъ-вдовамъ. Все было бы хорошо, еслибъ, къ-несчастью, авторъ не былъ *натуральный*, еслибъ онъ не любилъ *натуры*. Но онъ обожаетъ натуру, и потому романъ его носить такое заглавіе: «Двѣ лиліи въ тѣни или горничныя. Романъ (или идиллія) въ трехъ частяхъ».

«Были у меня четыре сюжета (говорить авторъ двумъ очаровательнымъ женщинамъ), четыре дивные сюжета, заимствованные изъ самыхъ интересныхъ классовъ народа и уже вполнину обдуманые... Во первыхъ *Детляри*, предметъ совершенно-новый, такъ-сказать дѣвственный... Второй, *Извозчики*, тоже великолѣпный предметъ, предметъ исполненный самыхъ возвышенныхъ подробностей, да я имѣлъ неосторожность говорить объ немъ въ дружескихъ обществахъ и одинъ изъ моихъ товарищей перехватилъ его у меня... ужъ написалъ два тома... Третій мой сюжетъ, тоже похищенный однимъ добрымъ пріятелемъ, былъ *Живодеды*, удивительно интересный материалъ для ума и сердца, а въ государственномъ отношеніи еще важнѣе *Рыбаковъ*(?)... (*). Такъ что теперь изъ четырехъ остаются у меня только двѣ идеи, *Детляри* и *Мусорщики*, но ими дорожу я болѣе всѣхъ: это алмазы неисчислимой величины, особенно «*Мусорщики*», богатѣйшій предметъ, цѣлая пучина поэзіи... Скажу откровенно: я чувствую себя еще не въ состояніи приступить къ изысканной обработкѣ этого колоссальнаго сюжета. Я долженъ прежде изучить всѣ его ямы, пропасти, бездны, похитить сокровеннѣйшія тайны. Кроме того, необходимо возвысить маленько и свой слогъ; я боюсь, мой слогъ не достигаетъ еще высоты подобной эпопее. Тутъ нуженъ языкъ, на который никто еще не дерзнулъ въ печати, хотя цивилизованная партія находитъ уже и нынѣшнія обогащенія нашего литературнаго слога слишкомъ острыми для своего изнѣженнаго вкуса. Мнѣ, для моихъ «*Мусорщиковъ*», нуженъ языкъ негашеной извести, слогъ ѣдкаго кали, который бы проѣдалъ кожу во рту.»

По поводу *натурь* происходятъ такіа разсужденія:

«Вѣдь это не новое изобрѣтеніе; ведется уже я думаю лѣтъ двадцать, если не болѣе, со времени первыхъ успѣховъ Жоржа Санда, Евгения Сю и другихъ профессоръ радикальнаго челоуѣколюбія, но я думала, что оно вѣсколько-забыто и уступило мѣсто чему-нибудь болѣе оригинальному. Я не знала, что подражаніе этой школѣ въ такой силѣ и слѣвѣ у насъ.»

Пародія должна быть ясна и тонка, должна быть зла и неуловима, для того, чтобъ она имѣла силу. Но спрашивается, на кого направлена эта? гдѣ ея ясность? Мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что, въ настоящее время, въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного подражателя ни Сю, ни Санду; что между тѣмъ способомъ писать, какой пустили въ ходъ французскіе романисты въ своихъ разсказахъ, и нашимъ, лежитъ неизмѣримая разница. Изученіе быта, которое преобладаетъ у нашихъ писателей, и идеи, которыя господствовали у Сю и Санда, не имѣютъ ничего общаго, смѣемъ увѣрить почтеннаго пародиста. Но будемъ прояснять, на кого написана пародія. Въ романѣ есть старикъ, отставной унтер-офицеръ двѣнадцатаго года. На его дочери хочетъ жениться

(*) Какой же четвертый? «Рыбаки?»

одинъ натурально-образованный молодой человекъ. По поводу этого солдата авторъ многозначительной пародіи дѣлаетъ слѣдующій намёкъ:

«Пѣть, не шучу (говорить авторъ «Горничныхъ»). Что за предрасудки!... Я обожаю натуральную школу и хочу жениться натурально... какъ можно натуральнѣе... на той, которую душевно люблю и уважаю. Гдѣ такой законъ, что мы непремѣнно должны жениться на французскомъ діалектѣ, а гдѣ нѣтъ французскаго діалекта, тамъ для насъ не можетъ быть ни любви, ни брака, ни дѣтей? Вздоръ, братецъ! Нужно возвратиться къ *національности*, прогнать эти смѣшные западные предрасудки, вторгшіеся къ намъ съ чужестранной цивилизаціей. Русскіе владѣтельные князья, московскіе цари женились на дѣвушкахъ, родомъ несравненно ниже себя. Это коренной обычаи святой Руси. Зачѣмъ же Алексѣй Дмитриевичъ Баробинъ не можетъ сдѣлать того же безъ униженія своего достоинства?»

«— Другія времена, другіе обычаи, любезнѣйшій, возразилъ Ипполитъ.

«— Пустяки, душа моя, сказалъ Алексѣй. Времена и обычаи зависятъ отъ самихъ же насъ. *Нужно воротиться къ мудрой старинѣ, къ національности, къ натурѣ.* Вотъ я и возвращаюсь. Подаю первый примѣръ. Другіе — слѣдуйте за мною! Нашей Руси нуженъ только толчокъ; она быстро отодвинется отъ гнилова запада къ своимъ роднымъ, историческимъ элементамъ.

«— Не толкайте только, господа, нашей Руси такъ шибко, съ саркастическою улыбкой сказалъ Ипполитъ: а то пожалуй, какъ разъ оттолкнете на гнилой Востокъ. Ну я вижу братъ, Алексѣй, что съ моего отгѣзда ты не потерялъ времени даромъ въ Петербургѣ; нахватался ты модныхъ теорій въ журналахъ и книжкахъ, и тотчасъ же прилагаешь ихъ къ практикѣ.»

И т. д. Слѣдуютъ все разсужденія. Но эти разсужденія, какъ читатель видитъ, касаются уже не однихъ романовъ, а вообще... очень многого... На кого же написана пародія?

Судя по сюжету, мы замѣчаемъ полнѣйшее незнаніе новѣйшей нашей литературы. Авторъ, кажется, прочелъ одинъ изъ послѣднихъ крестьянскихъ романовъ Жоржа Санда и пишетъ на него пародію, какъ сейчасъ увидимъ: тогда зачѣмъ же такъ неблагоклонно было замѣшивать русскихъ писателей, натуру, нашу національность, которой мы въ правѣ гордиться теперь болѣе, нежели когда-нибудь, нашу драгоценную старину?

Двое молодыхъ образованныхъ людей, которые сейчасъ такъ хорошо разговаривали, влюблены въ двухъ дочерей отставнаго унтер-офицера, которыя, подъ названіемъ горничныхъ, и составляютъ сюжетъ романа. Горничныя эти одѣваются со вкусомъ, говорятъ умно, добродѣтельны, милы, однимъ словомъ—французскія субретки во французскихъ романахъ. Онѣ любятъ захожденіемъ солнца, читаютъ романы, говорятъ... право, не хуже автора пародіи. Тонкія, совершенно-античныя выраженія ихъ лицъ, ихъ глаза съ блескомъ, ихъ талии тонкія... какъ остроуміе пародиста... все говорить, что авторъ не знаетъ предмета, на кото-

рый задумалъ писать пародію. Нынче вѣдь пародіи не такъ легки, какъ бывало встарину!... Гдѣ, въ какомъ романѣ нашелъ онъ, въ какой повѣсти откопалъ подобную утрировку быта à la Сю, Жоржъ Сандъ и даже Дезульеръ? Рѣдкій изъ нашихъ авторовъ страдаетъ этимъ недостаткомъ; а если есть недостатки, то, конечно, тѣ, которыхъ пародистъ не видѣлъ, потому—что нигдѣ у него незамѣтно знанія нашей литературы. Писать пародію на «двадцать лѣтъ литературы» то же, что не писать пародіи! А вѣдь самъ авторъ выше сказалъ, что подобное (натуральное?) направленіе существуетъ у насъ ужъ двадцать лѣтъ. Подводить всѣ оттѣнки литературы, всѣ мнѣнія подъ одинъ цвѣтъ—то же, что красить заборъ одной краской. Правда, работа нетрудная, но за-то, конечно, такого маляра за подобное искусство не назовутъ художникомъ...

Повидимому авторъ пародіи руководствовался взглядомъ г. Булгарина на вивѣшнюю русскую литературу: оттого его понятія такъ сбивчивы и такъ темно высказано его задушевное желаніе. Къ—сожалѣнію, пришлось оно очень—кстати въ «Библиотекѣ для Чтенія», которая только-что начала печатать разные рассказы изъ простонароднаго быта и едва-едва успѣла оттиснуть три незамѣчательныя письма Гоголя съ замѣчательнымъ вступленіемъ къ нимъ отъ редакціи...

Но обратимся къ сторонѣ чисто-литературной. Во всякой пародіи, на что бы она ни была написана, всегда бываетъ много забавнаго, если она остра, умна и сквозь нея, какъ сквозь флѣръ, видишь предметъ, который пародируется. Здѣсь все зависитъ отъ таланта автора, и имъ только любуешься, еслибъ даже и находилъ цѣль пародіи недостойною. Посмотримъ съ этой стороны на «Кандидата въ романисты». Предметъ пародіи читатели знаютъ. Образованный авторъ читаетъ двумъ образованнымъ женщинамъ свой романъ, и въ этомъ романѣ восторгается двумя дочерьми отставнаго унтер-офицера, или горничными, какъ онъ ихъ называетъ. Нужно найти въ этомъ положеніи забавную сторону. Авторъ нашелъ эту забаву въ довольно-двусмысленныхъ *qui pro quo*, которыя и заставляетъ высказывать образованныхъ женщинъ. Вотъ лучшіе образчики остроумія—они видны изъ разговора двухъ образованныхъ барынь и добродушнаго автора:

«— Такъ эти, «двѣ лиліи» у васъ двѣ горничныя? сказала Елена съ явнымъ оттѣнкомъ, въ голосѣ, неприятнаго впечатлѣнія, которое восторженный жрецъ прямой натуры благополучно принялъ за удивленіе милою нечаянностью.

«Павлуша, по эпическому примѣру, Юпитера Гомерова, кивнулъ головою въ удостовѣреніе того, что она угадала.

«Хитрая деревенская барыня услужливо поспѣшила съ оправданіемъ его предъ Еленюю.

«— Павелъ Алексѣевичъ, ты самъ говоришь, любить, возвышать чело-вѣчество, гдѣ бы оно ни валялось.

«— Да! и это правда, кнсла молвила Елена. Что жъ! въ самомъ дѣлѣ есть, пожалуй и между горничными существа, заслуживающія нашего уваженія...

«— Есть сердца дивныя, души геройскія и великія, съ убѣжденіемъ прибавилъ Павлуша.

«— Этотъ увлекательный, необъятный сюжетъ вы, какъ я вижу, изучили вдоль и поперекъ? зло (?) замѣтила ему Елена, стараясь между-тѣмъ, какъ можно менѣе улыбаться. Вы непременно знаете его въ совершенствѣ?... Это очень полезно для молодого писателя.

«— Въ совершенствѣ, не могу сказать, скромно возразилъ Павлуша: но... сколько позволяя силы и обстоятельства... сколько могъ я удѣлать ему времени отъ моихъ занятій»...

Это конекъ автора пародіи. Когда авторъ выбѣжалъ въ переднюю за рукописью, двѣ эlegantныя пріятельницы перебросились между собою слѣдующими фразами:

«— Сдѣлай себѣ мужа изъ этого сокровища (т. е. изъ автора «Двухъ горничныхъ»)... только бы не испортился, сдѣлавшись мужемъ! Мужья, сама знаешь, душечка — вещь такая слабая!... такъ легко соблазняются!

«— Ну, на это есть средство: пусть творить прямую натуру, какъ и теперь, на письменномъ столѣ своего рабочаго кабинета...»

Всѣ эти остроты пахнутъ какою-то дряхлою старинною; образчики подобнаго остроумія встрѣчаются часто у Поль-де-Кока; но у того они по-крайней-мѣрѣ веселѣе: тамъ напередъ знаешь, что разговариваютъ гризетки; здѣсь же барыни говорятъ хуже гризетокъ. Одна изъ этихъ прекрасныхъ дамъ заключаетъ съ авторомъ такое условіе, чтобъ онъ являлся къ ней только тогда, когда напишетъ продолженіе своего неоконченнаго романа; безъ этого условія дверь для него будетъ заперта:

«— Но, Елена Александровна, я точно также пугаюсь теперь слова «конецъ», какъ вы недавно испугались слова «начало». Что же будетъ въ концѣ? конецъ свиданіямъ?

«— Это мы увидимъ. У людей дѣятельныхъ конецъ одного дѣла служитъ обыкновенно началомъ другому. Если это будетъ нужно, мы съ вами удивимъ міръ нашею дѣятельностію! Не правда ли?

«— Вы будете мною довольны. Вотъ вамъ моя рука.

«— И міръ наградитъ одного изъ насъ прекрасною, громкою славю.

«— Дай Богъ!

«— Но писать поспѣшно, безъ отдыха, не есть вѣрное средство достигнуть этой цѣли.

«— Знаю. Но я вложу въ трудъ все мое сердце, все, что есть лучшаго во мнѣ, что я собиралъ и берегъ въ душѣ. Я не пожалѣю ничего для того, чтобы прежде всего получить ваше одобреніе.

«— За обѣщаніемъ у васъ дѣло не ставеть.

«— Тебѣ трудно угодить, Елена, сказала Жарновская. Никакая другая женщина на твоёмъ мѣстѣ, не стала бы требовать болѣе.

«— Удовольствовалась бы словами?

«— Когда они произносятся такъ чистосердечно! сказалъ Павлуша. Нельзя мнѣ теперь не сдержать своего слова, когда Елена Александровна такъ хорошо сдерживаетъ свое. Она обѣщала управлять мною строго, держать меня коротко: я теперь вижу, что это были не пустыя слова»...

и т. д. Вотъ вамъ цвѣтъ остроумія народи, и просимъ повѣрить на-слово, что ничего уже аттичнѣе нѣтъ во всемъ романѣ.

— Въ изложеніи нашего мнѣнія о 6-мъ № «Пантеона» мы крайне затрудняемся. Въ этомъ № помѣщены: *Братъ и сестра*, случай изъ севастопольской жизни тридцатыхъ годовъ г. Моряковского; *Медел*, трагедія Делла-Валле, переведенная съ итальянскаго г-жею Хвощинскою, и *Финляндія въ 1854 г.*, г. Шпилевского.—Случай изъ севастопольской жизни въ тридцатыхъ годахъ также удобно можетъ быть случаемъ изъ архангельской жизни въ сороковыхъ годахъ, еслибъ такъ два брата влюбились въ двухъ сестеръ, а трагедія Делла-Валле по-койно могла бы остаться непереведенною съ итальянскаго языка и украшать новую небогатую литературу итальянцевъ. Г. Шпилевскій описываетъ тѣ мѣста, по которымъ мы все проѣзжали, отправляясь въ Шлессельбургъ, Коневецъ и Валаамъ, и которыя, слѣдовательно, больше или меньше знаемъ. Зачѣмъ только называется это «Финляндію въ 1854 году»?

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮНЬ 1855 ГОДА.

І. Учрежденія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія :

О прибавкѣ къ нынѣшнему составу Канцеляріи Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества должностей помощниковъ: управляющему Канцеляріею, письмоводителю и бухгалтеру, съ сравненіемъ ихъ въ—отношеніи содержанія, классовъ по чинопроизводству и разряда мундировъ : перваго съ начальниками отдѣленій, а послѣднихъ двухъ съ старшими помощниками столоначальниковъ министерскихъ департаментовъ.

О дополненіи ст. 292 т. II учр. сиб. губ. (изд. 1842 года по прод. XVI) слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Въ обѣихъ частяхъ Сибири Губернскія Правленія и Казенныя Палаты, по тѣмъ дѣламъ своего вѣдомства, которыхъ разрѣшеніе, на основаніи учреждений, общаго губернскаго и мѣстнаго сибирскаго, зависитъ не отъ собственной ихъ власти, а отъ установленій высшихъ, вносятъ подлинныя журналы, содержащія опредѣленія присутствій сихъ губернскихъ мѣстъ, по просмотрѣ оныхъ прокурорами, къ мѣстнымъ губернаторамъ, а губернаторы, по утвержденіи ихъ, если тѣми же учрежденіями предоставлено сіе утвержденіе имъ лично, или же по предварительномъ разсмотрѣніи въ губернскомъ совѣтѣ (учр. сиб. ст. 32 и 33), возвращаютъ правленіямъ и, по принадлежности, палатамъ, для непосредственнаго исполненія, или, въ опредѣленныхъ учрежденіями случаяхъ, для представленія въ мѣстное Главное Управление на дальнѣйшее разрѣшеніе. Журналы, смотря по свойству дѣла, представляются губернатору, или при препроводительной бумагѣ присутствія, или, въ случаѣ надобности, лично объяснить дѣло предъ губернаторомъ, чрезъ того изъ совѣтниковъ, въ отдѣленіи котораго (учр. сиб. ст. 283 и 292) дѣло производилось, или же чрезъ столоначальника того же отдѣленія. Во всякомъ, однакожь, случаѣ, когда въ губернскомъ совѣтѣ по дѣлу, внесенному по ст. 33 сиб. учр. на его разсмотрѣніе, но подлежащему разрѣшенію высшей власти, произойдетъ между губернаторомъ и совѣтомъ (состоящимъ изъ предсѣдателей губернскихъ мѣстъ) разногласіе, журналы восходятъ въ Главное Управление, на основаніи того учрежденія ст. 511 и 532, не иначе, какъ непосредственно отъ губернатора съ приложеніемъ и его мнѣнія и мнѣнія губернскаго совѣта.»

О сравненіи ветеринарныхъ лекарей гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ въ классахъ должностей съ полковыми, а также ветеринарныхъ лекарей армейскихъ полевыхъ артиллерійскихъ бригадъ, равно полковъ ирегулярной бригады закавказско-конно-мусульманскаго и кавказско-сводно-иррегулярнаго, понтонныхъ парковъ, полубригадъ конно-подвижнаго магазина и резервныхъ и запасныхъ артиллерійскихъ бригадъ, съ ветеринарными лекарями армейскихъ кавалерійскихъ полковъ и конно-артиллерійскихъ бригадъ, по производству въ чины, съ отнесеніемъ первыхъ, то-есть ветеринаровъ гвардейскихъ артиллерійскихъ пѣшихъ и резервной бригадъ къ VIII, а послѣднихъ, то-есть ветеринаровъ артиллерійскихъ полевыхъ, резервныхъ и запасныхъ артиллерійскихъ бригадъ и другихъ командъ къ IX классамъ.

О формѣ гражданскихъ чиновниковъ.

О допущеніи станціонныхъ смотрителей къ исправленію открывающихся въ почтовыхъ учрежденіяхъ на Кавказѣ и за Кавказомъ должностей до X-го класса включительно.

О разрѣшеніи принимать по почтовому вѣдомству въ смотрителя почтовыхъ экипажей людей разныхъ сословій, до окончанія военныхъ дѣйствій.

Объ удостоеніи на будущее время вмѣсто ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертой степени за выслугу двадцати-пяти лѣтъ и за совершеніе восемнадцати и двадцати морскихъ кампаній орденомъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра четвертой степени съ бантомъ.

Объ упраздненіи должности директора походной канцеляріи наместника и главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ.

Объ ограниченіи опредѣленія въ равнины и учителя еврейскихъ предметовъ.

О порядкѣ переименованія въ войсковые чины воспитанниковъ учебныхъ заведеній изъ уроженцевъ казачьихъ войскъ.

О порядкѣ опредѣленія на учебную службу по военно-учебнымъ заведеніямъ иностранцевъ и другихъ лицъ, а также о порядкѣ утвержденія преподавателей военно-учебныхъ заведеній учителями 3 рода.

О разрѣшеніи недоумѣній, встрѣченныхъ при исполненіи Высочайшаго повелѣнія относительно порядка испытанія чиновниковъ, желающихъ поступить къ мѣстамъ.

О пожалованія титула «Высочества» дѣтямъ Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Высочайше утверждены :

Положеніе о музеумѣ древностей и временной Археологической Коммиссіи въ Вильнѣ.

Форма обмундированія 1) для чиновниковъ и нижнихъ чиновъ Санктпетербургской Полиціи и 2) для пожарной и фонарной командъ.

V. УСТАВЫ БЛАГОЧИНІЯ.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія:

О закрытіи Общества Посѣщенія Бѣдныхъ.

Объ исключеніи придворно—служителей за менѣ важные проступки и неприличное поведеніе, послѣ тщетнаго употребленія исправительныхъ мѣръ, изъ придворнаго вѣдомства, со вмѣненіемъ имъ въ обязанность избрать себѣ, въ узаконенный срокъ, родъ жизни.

Объ устройствѣ въ городѣ Екатеринбургѣ богадѣленнаго женскаго пріюта.

О дополненіи 175 ст. Уст. о паспортахъ, замѣною словъ: «а тамъ, гдѣ Окружное Управленіе соединяется въ одномъ званіи исправника, исправники», выраженіемъ: «а тамъ, гдѣ Окружное Управленіе соединяется въ одномъ званіи земскаго исправника, и въ мѣстахъ управленія отдѣльныхъ земскихъ засѣдателей и горныхъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ исправниковъ — земскіе и горные исправники и отдѣльные засѣдатели».

Высочайше утверждено положеніе объ оспопрививаніи въ Забайкальскомъ Казачьемъ Войскѣ.

II. УСТАВЫ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія:

О дозволеніи ввоза вина въ Ковенскую Губернію изъ Остзейскаго Края.

О передачѣ въ вѣдомство Кабинета Его Императорскаго Величества алтайскихъ и нерчинскихъ заводовъ.

III. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія:

О дозволеніи женѣ статскаго совѣтника Звѣгинцовой принадлежащее ей имѣніе, по смерти ея, предоставить въ пожизненное владѣніе мужу ея, Аполлону Звѣгинцову.

О предоставленіи имѣнія отставнаго коллежскаго ассесора Дмитрія и супруги его Аделаиды Топориныхъ, по смерти одного кого—либо изъ нихъ, въ пожизненное владѣніе другаго, имѣющаго остаться въ живыхъ.

IV. УСТАВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ установленіи въ пользу города Самары денежнаго сбора съ содержателей тамошнихъ постоялыхъ дворовъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Событіе изъ жизни въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. — Высочайшій смотръ кадетамъ на Царицыномъ Лугу. — Грозы и бури : въ Москваѣ, Санктпетербургѣ и Архангельскѣ. — Солнечное затмѣніе въ Ярославлѣ. — Смерть на заливѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. — Утоувшіе. — Изъ которыхъ подробности о крушеніи русскаго фрегата Диана. — Пароходъ на Вяткѣ. — Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1854 и 1855 годахъ. — Пожары. — Слѣпая вотячка. — Обжога отъ свѣчной искры. — Уродливый младенецъ. — Некрологъ : *К. Н. Батюшковъ, графъ Кушелевъ-Безбородко, адмиралъ Нахимовъ и полковникъ Зацѣлинъ* (*).

Въ 1853 году, въ исходѣ іюля, Императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая по Англійской Набережной, близъ нынѣшняго Николаевского Моста, встрѣтилъ траурныя дроги, на которыхъ везли гробъ. Провожатыхъ за этимъ гробомъ не было, кромѣ шедшаго сбоку больничнаго служителя съ книжкою. Государь Императоръ, остановившись вблизи моста, подозвалъ шедшаго при гробѣ служителя и спросилъ его, кого хоронять; служитель отвѣчалъ : « чиновника изъ больницы ». Тогда Государь вышелъ изъ экипажа, снялъ каску, перекрестился и пошелъ за гробомъ. За Государемъ собралась толпа народа и слѣдовала за Нимъ. Императоръ, проводя похороны чрезъ Николаевскій Мостъ, перекрестился, надѣлъ каску и, оборотясь къ шедшему за Нимъ народу, сказалъ : « Ну, теперь прошу васъ, господа, сдѣлать долгъ христіанскій и проводить покойнаго. »

— Одинадцатаго іюня утромъ былъ Высочайшій смотръ кадетамъ на Царицыномъ Лугу. Несмотря на лѣтнее время, когда въ Петербургѣ не бываетъ и половины обыкновенныхъ его жителей, несмотря на жаркій день и на то, что немногіе могли знать о смотрѣ, всѣ окружающія Царицынъ Лугъ мѣста были покрыты множествомъ зрителей, любовавшихся стройными рядами юныхъ воиновъ, которые, въ ожиданіи прибытія Государя Императора, составляли три обширныя фаса пѣхоты. Въ сторонѣ находились : эскадронъ гвардейскихъ юнкеровъ и команда молодыхъ черкесовъ на коняхъ. Пѣхота состояла изъ воспитанниковъ Пажескаго, всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ.

Въ одинадцать часовъ пріѣзденныя звуки военной музыки и барабановъ возвѣстили прибытіе Государя Императора. Прежде всего Государь обошелъ всѣ ряды кадетъ и здоровался съ ними; громогласное и безконечное « ура » было отвѣтомъ и колебало воздухъ до тѣхъ-поръ, когда послышались командныя слова. Началось ученье

(*) Извлечено : изъ « Санктпетербургскихъ Вѣдомостей », « Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ », « Морскаго Сборника », « Русскаго Империала », « Одесскаго Вѣстника » и друг.

пѣхоты, артиллеріи и наконецъ кавалеріи. Зрители любовались этою военной картиной, какую представить способно только образованное войско.

Когда кончились смотръ и ученье, Государю Императору угодно было подозвать къ себѣ кадетъ, выпускаемыхъ офицерами на службу. Въ одно время кинулись они, тотчасъ образовали тѣсный кругъ и радостными кликами отвѣчали на привѣтъ своего Отца. Онъ осчастливилъ ихъ выраженіемъ Своей увѣренности, что они будутъ достойны своихъ предшественниковъ на поприщѣ военной службы, и такъ же усердно будутъ служить Ему, какъ тѣ служили Незабвенному Его Родителю. «Ура! Будемъ, будемъ, Государь! Надѣйтесь на насъ!» отвѣчали съ восторгомъ юные воины. Всѣ отеческія наставленія и выраженіе любви Государя принимали они съ такимъ же восторгомъ и такъ же пламенно выражали его. Наконецъ Государь, отъ полноты сердца, съ растроганною душою сказалъ имъ: «Богъ благословитъ васъ! Прощайте, дѣти!» Посреди «ура» ясно слышались слова кадетъ, ближе другихъ стоявшихъ къ Государю: «Государь! побудьте съ нами еще немного! Дайте намъ насмотрѣться на Васъ!» Они совершенно окружили Его, тѣснились вокругъ лошади, на которой сидѣлъ Государь, и Онъ былъ такъ растроганъ, такъ милостивъ, что еще нѣсколько минутъ оставался посреди Своихъ дѣтей. Они прибавляли съ умиленіемъ, но громкимъ голосомъ: «Государь! вѣдь мы теперь долго не увидимъ Васъ! Мы далеко уѣдемъ! Дайте намъ поглядѣть на Васъ!» Государь не могъ не снизоидти къ этой просьбѣ, такъ прямодушно, искренно, глубоко выражаемой. Голосъ растроганной души былъ слышенъ въ словахъ Его, когда Онъ сказалъ наконецъ: «Ну, пустите же Меня, дѣти!... Пора!... Прощайте!... Богъ благословитъ васъ: вы добрыя Мои дѣти!»

Онъ тронулъ коня, толпа немного раздвинулась и, посреди благословеній и восторженныхъ восклицаній, Государь быстро удалился, окруженный блестящею свитою.

— Давно уже лѣто не было такимъ грознымъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и давно уже грозы не были такъ сильны.

Въ Москвѣ 13-го іюня была такая гроза, какой не было тамъ съ 1828 года. Первая замѣчательная туча, съ проливнымъ дождемъ и градомъ, прошла въ Москвѣ 9-го іюня, разбивъ на своемъ пути, а именно по Срѣтенкѣ, Трубѣ и Мясницкой, болѣе десяти тысячъ стекло въ обывательскихъ домахъ. Эта туча особенно отличалась тѣмъ, что совершила свой путь надъ городомъ, какъ говорится, половою, совершенно наводнивъ нѣкоторыя части, и не уронивъ капли дождя на другія. Всѣмъ, вѣроятно, давно уже извѣстно, что Москва, наподобіе древняго Рима, разстилается на семи холмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма-замѣтны и значительны. Къ числу ихъ принадлежатъ и окрестности Трубной Площади, которая въ это утро была покрыта сбѣжавшею съ покатостей водою, болѣе чѣмъ на поларшина. Конечно, это наводненіе продолжалось не болѣе получаса, пока вода убралась въ водосточныя трубы, но переѣздъ изъ одной части города въ другую былъ въ этотъ день очень-интересенъ, потому-что,

перебравшись въ бродъ по Трубѣ и пробѣжавъ нѣсколько улицъ, въ попадали снова въ изнуренную зноемъ черту города, гдѣ песокъ и пыль преспокойно продолжали свои непріязненные противъ вась дѣйствія. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ жаркихъ дней, снова разразилась надъ городомъ гроза съ бурей, повторявшаяся три дня: 13-го, 14-го и 15-го іюня. Самый сильный исходъ ея былъ 13-го іюня, когда она была надъ центромъ города, надъ Кремлемъ. Здѣсь, въ началѣ одиннадцатаго часа вечеромъ, молнія упала въ угловую кремлевскую башню, между Боровицкими и Тайницкими Воротами со стороны Москворѣвки, пробило насквозь фальшивое слуховое окно въ четвертомъ этажѣ, у окна башни третьяго этажа снаружи оторвала половину небольшой колонны и внутри башни перешибла желѣзную связь и зажгла старую деревянную рухлядь, бывшую въ башнѣ. Второй ударъ разразился надъ колокольной церкви Св. Іоанна Предтечи, за Москворѣвкой, на Пятницкой. Здѣсь въ третьемъ ярусѣ съ угла молніею раздробило камень, а на крестѣ въ верхнемъ концѣ загнуло мѣдную обшивку. Излишне прибавлять, что, несмотря на продолжительность обѣихъ этихъ грозъ, молнія была почти постоянною, что особенно замѣчалось въ вечернюю грозу 13-го іюня, и ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Бывшія притомъ бури также не остались безъ разрушительныхъ послѣдствій, и въ числѣ ихъ, для краткости, называемъ только нѣкоторыя, особенно-замѣчательныя. Въ одномъ домѣ съ оранжереи снесло желѣзную крышу съ рѣшетникомъ и стропилами и отнесло черезъ дорогу; въ другомъ, еще неотстроенномъ, повалило внутрь строенія каменную стѣну, почти въ десять сажень длины; наконецъ, въ третьемъ, вывало въ саду дерево съ корнемъ и перебросило черезъ заборъ.

— Въ Санктпетербургѣ 1-го іюля, въ исходѣ 12 часа пополудни, во время бывшей грозы, молнія ударила въ дымовую трубу 4-хъ-этажнаго каменнаго дома статской совѣтницы Брунни, состоящаго въ 3-мъ кварталѣ Васильевской Части, по 2-й линіи, между Среднимъ и Малымъ Проспектами, и разбивъ эту трубу такъ, что кирпичи ея разлетѣлись на дальнее пространство и одинъ даже черезъ улицу, проникла во внутрь трубы и въ 4-мъ этажѣ, въ кухнѣ полковницы Дингильштетъ вывала дверцы, вьюшку и три изразца надъ плитою, потомъ, выломавъ въ наружной стѣнѣ 4 кирпича, прошла въ сосѣднее каменное нежилое строеніе, принадлежащее Римско-Католической Духовной Академіи, и тамъ изъ-подъ крыши вывала нѣсколько кирпичей. Слѣдующими же затѣмъ ударами молніи поражены до смерти: пробѣжавшій на роспускахъ, съ пивомъ, по Таракановскому Мосту, находящемуся въ Нарвской части, близъ Обводнаго Канала, крестьянинъ г-жи Ѳедюхиной Иванъ Степановъ, вмѣстѣ съ лошадыю, и проходившій по набережной рѣки Таракановки крестьянинъ г. Голохвастова Иванъ Николаевъ, а также убита лошадь, везшая на роспускахъ лѣсъ купца Буткина. Кромѣ-того, оглушены громомъ: стоявшій на часахъ при будкѣ у Таракановскаго Моста городской стражъ Адамъ Визбергъ, зашедшіе въ эту будку отъ дождя: унтеры—офицеры 1-го Учебнаго Карабинернаго Полка Иванъ Степановъ и Матвѣй За-

левскій и рядовой Яковъ Ивановъ, проходившій мимо будки государственнй крестьянинъ Антонъ Ѳедоровъ и бывшіе вмѣстѣ съ убитымъ крестьяниномъ Николаевымъ на набережной рѣчки Таракановки крестьяне: г. Голохвастова Павелъ Кузьминъ и Кузьма Филимоновъ и г. Писемскаго Василій Петровъ.

— Для Архангельска памятно сильной грозой 26-е іюня. Въ этотъ день гроза разразилась надъ самымъ городомъ около полудня. Около 11-ти часовъ, на югозападѣ, стали появляться мрачныя тучи, окаймляя дальній горизонтъ этой части неба; изъ нихъ слышны были дальніе раскаты грома. Черезъ полчаса, при слабомъ юговосточномъ вѣтрѣ, онѣ уже грозно покрывали почти половину видимаго неба; наконецъ, въ самый полдень, разразились надъ самымъ городомъ двумя страшными оглушительными ударами грома, съ ослѣпительнымъ блескомъ молніи. Въ одно изъ этихъ мгновений, молнія ударила въ куполъ колокольни при церкви Архангела Михаила, оглушила стоявшаго тамъ полицейскаго часоваго и, устремившись въ самую церковь, пробила каменный сводъ и опалила церковный иконостасъ въ приделахъ св. Великомученицы Екатерины и св. Апостоля Петра и Павла.

— Бывшее въ Ярославѣ утромъ 4-го мая солнечное затмѣніе наблюдаемо было тамъ почти безпрепятственно; только въ половинѣ 5-го часа часть восточнаго небосклона противъ солнца задернулась на нѣсколько минутъ слоисто-кучевыми облаками. Когда луна затмѣняла южную сторону солнечнаго диска, свѣтлая часть его была краснаго цвѣта, безъ ослѣпительнаго блеска, и легче было смотрѣть на нее простымъ глазомъ. Въ это время въ воздухѣ было сыро, какъ въ пасмурную или даже ненастную погоду, чѣмъ и дѣйствительно многіе были обмануты, думая, что нельзя наблюдать затмѣнія за пасмурнымъ небомъ: «солнце, говорили, какъ и быть солнцу, а на землѣ и въ воздухѣ почти и ничего невидать — нѣтъ свѣта!» Не менѣе людей поддались такому же обману и животныя: собаки не лаяли, пѣвчія птицы въ садахъ безмолствовали, куры не сходили съ насѣсти; только изрѣдка пролетала галка или ворона, да и то молча. Однѣ выюши и рыболовки на Волгѣ наполняли тихій воздухъ своимъ обыкновеннымъ крикомъ. Нельзя было безъ особеннаго любопытства смотрѣть въ эти минуты на тѣхъ горожанъ и простолюдиновъ, которыхъ не предувѣдомили заранѣе объ имѣющемъ быть затмѣніи солнца. Трудолюбивѣйшіе изъ трудолюбивыхъ пробудились отъ сна ударомъ колокола къ утрени, часомъ позже обыкновеннаго, и шли къ Волгѣ, лѣнливо и позѣывая, подъ сумракомъ затмѣнія, въ ошибочномъ убѣжденіи, что вышли на дѣло свое черезчуръ-рано, не замѣчая, что солнце стоитъ уже довольно-высоко передъ ихъ глазами.

— Въ пятницу, 1-го іюля, на заливѣ между Петербургомъ и Петергофомъ, было явленіе чрезвычайно-рѣдкое въ этихъ широтахъ и, кажется, небывалое въ Финскомъ Заливѣ — былъ смерчъ, то-есть, кипящій и кружащійся столбъ воды. Намъ, къ-сожалѣнію, не удалось быть свидѣтелями этого рѣдкаго явленія; но вотъ письмо отъ одного изъ петербургскихъ жителей, бывшаго, во время поѣздки изъ Петер-

года въ Петербургъ, очевидцемъ этого величественнаго и вмѣстѣ страшнаго явленія природы: «Въ прошедшую пятницу, въ 11¼ утра, въ то время, какъ я ѣхалъ на пароходъ «Кокериль» въ Петергофъ, показалась на сѣверозападной сторонѣ небосклона огромная темно-сѣрая грозовая туча, изъ которой спускался въ море темно-синій тифонъ (смерчъ). Этотъ тифонъ, извергая громъ и молніи, шелъ довольно-быстро по направленію, долженствовавшему пересѣчь намъ путь. Сильный дождь, падавшій косвенно крупными каплями, заставилъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ большую часть пассажировъ сойти въ каюту; а потому на палубѣ находилось не болѣе 12 человекъ. Хотя каждый изъ насъ сознавалъ опасность, грозившую, если не пароходу, то по-крайней-мѣрѣ всѣмъ, находившимся на палубѣ, въ случаѣ встрѣчи нашей съ тифономъ, однакожъ, зрѣлище, котораго мы внезапно сдѣлались свидѣтелями, было такъ поразительно, что никто изъ насъ и не думалъ сойти внизъ. Мы замѣтили тифонъ почти всѣ въ одно время, именно въ ту минуту, какъ онъ только-что сформировался и находился отъ парохода, если не ошибаюсь, на разстояніи около двухъ верстъ. Подобно темному гигантскому дереву, упирающемуся своєю верхушкой въ грозовую тучу, шелъ, кружась, громадный столбъ воды, со скоростью одной версты въ пять минутъ; такимъ-образомъ десять минутъ мы провели въ страхѣ и ожиданіи, не зная, ринется ли на насъ эта водяная масса, или уклонится въ сторону. Изъ верхней части тифона слышенъ былъ громъ и сверкали молніи; и эта грозная масса воды, извиваясь змѣею отъ моря до небесъ, подходила къ намъ ближе-и-ближе. Зрѣлище было величественное, но и минута, признаться сказать, для насъ страшная. Однакожъ, какихъ-нибудь двадцать поворотовъ колесъ парохода спасли насъ отъ непріятной встрѣчи. Едва пароходъ успѣлъ пересѣчь линію тифона, какъ черезъ 20 или 30 секундъ мы увидѣли тифонъ уже позади насъ. Это случилось такъ скоро, что была минута, когда я боялся только за одного рулеваго: мнѣ казалось, что пароходъ не весь еще успѣлъ выйти изъ тифона, и что послѣдній непременно долженъ захватить корму; но, къ счастью, мнѣ только такъ казалось: тифонъ прошелъ въ 20 или 40 саженьяхъ за кормою, направляя свой путь къ Петербургу и дѣлаясь все шире и свѣтлѣе. Затѣмъ онъ изогнулся въ видѣ огромной дуги и, наконецъ, черезъ пять минутъ совершенно исчезъ. Прибавлю еще къ сказанному, что основаніемъ тифону служилъ огромный холмъ пѣнистой воды, извергавшей изъ себя вверхъ и по сторонамъ потоки въ видѣ фонтановъ, и что въ самомъ столбѣ тифона я различилъ ясно двѣ свѣтлыя полосы, которыя шли во всю длину его и сверху соединялись въ одну полосу.» Смерчъ, по рассказамъ очевидцевъ, обрушился въ воду верстахъ въ девяти отъ Петербурга. Чтoby ему было бы повертнуть въ другую сторону и совершить прогулку въ окрестностяхъ Толбухина Маяка: онъ доставилъ бы, вѣроятно, не малое развлеченіе почтеннымъ джентльменамъ, которые, говорятъ, умираютъ отъ скуки и, отъ нечего-дѣлать, разбойничаютъ, грабя чухонскія лайбы и совершая экспедиціи противъ беззащитныхъ городовъ и деревень.

— Въ Рязанской Губерніи, коллежскій совѣтникъ князь Голицынъ, съ человѣкомъ своимъ, штабс-капитанъ Броневскій съ женой, малолѣт-ною дочерью, кормилицей и дѣвкой, 18-го марта, слѣдовали изъ го-рода Рязани въ городъ Ряжскъ, по астраханскому тракту и, не до-ѣзжая четырехъ верстъ до границы Ряжскаго Уѣзда, по случаю сдѣ-лавшагося вдругъ сильнаго разлива воды, не могли больше ѣхать. Остановясь у разлива, они встрѣтили приплывшую на рѣчку Лошу, гдѣ прежде имѣла течение рѣка Проня, лодку, принадлежавшую го-сударственнымъ крестьянамъ села Незнанова, занимающимся рыбною ловлею. Князь Голицынъ и штабс-капитанъ Броневскій стали просить тѣхъ крестьянъ о переправѣ ихъ въ село Незнаново; но такъ-какъ крестьяне, по причинѣ бурной погоды и большихъ волнъ, не согла-шались перевезти ихъ, то князь Голицынъ приказалъ самовольно укладывать вещи въ лодку. Послѣ этого означенныя лица и крестьяне отправились черезъ разливъ. Лодка, отъ тяжести груза, глубоко-си-дѣвшая въ водѣ, была залита волнами и опрокинулась; всѣ, бывшіе на ней утонули, кромѣ находившагося въ услуженіи у г. Броневскаго, вольноотпущеннаго Григорья Сергѣева, и троихъ крестьянъ.

— 15-го іюня, на берегъ при устьѣ Березанскаго Лимана, выброше-ны были: шестивесельная поврежденная шлюпка, съ надписью на обѣихъ сторонахъ: «Fugius», безъ мачты и парусовъ, мертвое тѣло, одѣтое въ куртку темносиняго тонкаго сукна, съ вышитымъ кантомъ на обшлагахъ и вызолоченными пуговицами. При этомъ тѣлѣ найдены золотые испорченные часы, съ золотыми же ключикомъ и цѣпочкою. Не въ дальнемъ разстояніи отъ этого выброшено другое тѣло, въ бѣлой курткѣ и бриокахъ, безъ сапоговъ. Тѣла эти преданы землѣ на тѣхъ же мѣстахъ, съ соблюденіемъ карантинныхъ предосторож-ностей, а часы переданы, для храненія, въ карантинную заставу.

— Морское Министерство Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Шта-товъ получило оффиціальное донесеніе отъ командующаго американскою эскадрою въ Китайскомъ Морѣ о крушеніи фрегата Діана, о чемъ уже было кратко сообщено въ предшествовавшей хроникѣ. По полу-ченіи этого донесенія, секретарь американскаго флота, Доббинъ, предписалъ командующему американскою эскадрою въ Китайскомъ Морѣ, командору Эбботъ, изъ Вашингтона, отъ 20-го мая (1-го іюня) 1855 года, слѣдующее: «Считаю долгомъ выразить удовольствіе, съ какимъ я узналъ о принятыхъ вами мѣрахъ для облегченія участи и для подаенія помощи бѣдствующимъ офицерамъ и командѣ злополуч-наго русскаго фрегата Діана. Это неожиданное происшествіе можетъ поистинѣ назваться горестнымъ; добродушный же поступокъ офице-ровъ американскаго флота, подавшаго помощь страдальцамъ и устра-нившихъ нужды ихъ, надобно считать долгомъ всякаго сострадатель-наго человѣка. Какъ къ Россіи, такъ и къ прочимъ воюющимъ дер-жавамъ мы сохранили отношенія самыя дружественныя. Поэтому не только человѣколюбіе, но справедливость и приличіе требовали, чтобы несчастнымъ подана была помощь, которую, имѣть сомнѣнія, оказали бы съ такою же готовностью подданнымъ или гражданамъ другихъ націй, подвергшимся подобной участи. Соединенные Штаты состоятъ,

по силѣ заключенныхъ договоровъ, въ дружескихъ сношеніяхъ съ японскимъ правительствомъ, и потому считаю неизлишнимъ предложить вамъ, если представится удобный случай, употребить всѣ приличныя мѣры къ тому, чтобы убѣдить японскія власти, дабы несчастнымъ офицерамъ и командѣ погибшаго фрегата Діана оказывали всю возможную вѣжливость и помощь». Кроме этого, какъ къ командиру Эбботу, такъ и къ другимъ высшимъ офицерамъ, посланы частныя письма съ просьбою о содѣйствіи потерпѣвшимъ крушеніе на фрегатѣ Діана. Одинъ изъ американскихъ офицеровъ, находящихся на пароходѣ Powhatan, пишетъ отъ 9-го марта 1855, изъ Шангаи, о крушеніи фрегата Діана почти то же самое, что уже было нами сообщено. Этотъ офицеръ, между-прочимъ, сообщаетъ слѣдующее: «...Такимъ-образомъ 500 человекъ экипажа съ офицерами находятся подъ защитою гостепріимства японцевъ, доброту и человеколюбіе которыхъ русскіе много хвалили. При нашемъ прибытіи, когда извѣстіе объ этомъ страшномъ происшествіи дошло до капитана Me-Cluney, онъ предлагалъ русскому адмиралу всевозможныя услуги и желалъ перевести весь экипажъ въ Шангаи, какъ въ ближайшій портъ, лежащій на пути американцевъ. За это учтливое предложеніе русскіе были очень-прізнательны, но деликатно его отклонили: «Наша обязанность (говорили они) призываетъ насъ въ Россію; отправиться въ Китай, значить отдаться во власть англичанъ и французовъ». Они рѣшились остаться въ Японіи до апрѣля, въ которомъ сѣверныя моря освобождаются отъ льда, и тогда они могутъ достигнуть Петропавловска или другаго порта Восточной Россіи или Камчатки, а оттуда спѣшить на защиту отечества. Американцы выказали все свое вниманіе къ русскимъ. Powhatan снабдилъ ихъ провизіею на три мѣсяца, одеждою и предметами первой необходимости; многіе офицеры роздали все, что имѣли, въ пользу моряковъ, ихъ собратій, подверженныхъ недостаткамъ—такъ велика симпатія сѣвероамериканскихъ моряковъ къ русскимъ! Мы достаточно рассмотрѣлись на команду фрегата Діана, на удивительную ея дисциплину, на ея твердость и терпѣніе въ опасности и несчастіи; все это, соединенное съ сильнымъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ матросовъ, заставляетъ быть увѣренными, что еслибъ русскій фрегатъ не сдѣлался жертвою ужаснаго несчастія, то въ морѣ былъ бы въ-состояніи помѣряться силами и отбить славу у англичанъ и французовъ. Два дня спустя послѣ прибытія парохода Powhatan, французскій китоловъ Napoleon III вошелъ въ портъ подъ американскимъ флагомъ, съ цѣлью высадить двухъ японцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Капитанъ M. Cluney приказалъ ему спустить американскій флагъ, и Napoleon III, узнавъ о присутствіи русскихъ, поспѣшно ушелъ. Къ-несчастью, въ Симодѣ находились изъ русскихъ только два офицера и два матроса; остальные были въ Гидѣ (Hida). Тотчасъ же нарочный былъ посланъ русскимъ офицеромъ къ адмиралу, который послалъ шлюпки около берега для овладѣнія китоловомъ. Послѣ девяти-часовой погони, сдѣлавъ 45 миль, они возвратились безъ успѣха. Можно вообразить себѣ отчаяніе этихъ людей: имѣть подъ рукою средство уйти съ этого предательскаго

острова, приобрести богатую добычу и выпустить все это из рук! Во время пребывания Powhatan в Симоде, русскому адмиралу и русским офицерам, прибывшим из Симоды, было оказываемо самое радужное гостеприимство. Офицеры Powhatan дали въ честь русских большой обѣдъ, на которомъ выказалась искренняя дружба двухъ націй. Между-прочимъ, на отдаленныхъ берегахъ Японіи предложенъ былъ слѣдующій тостъ: «Въ честь Россіи и Америки — за двѣ юныя націи, владѣющія берегами Тихаго Океана, предметомъ зависти тревогъ старой Европы! Никто не въ-состояни имъ противустоять!» Японцы, кажется, очень страшатся русскихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ кораблекрушеніе можетъ произвести много добра въ будущемъ, какъ родъ занятія страны арміею. 500 храбрыхъ чело-вѣкъ, хорошо-вооруженныхъ, могутъ сдѣлаться твердымъ основаніемъ въ будущихъ преобразованіяхъ древнихъ обычаевъ Японцевъ. Эти 500 иностранцевъ, живя нѣсколько мѣсяцевъ на свободѣ, должны необходимо произвести какое-нибудь дѣйствіе. Итакъ Россія, находясь, вмѣстѣ съ нами, ближе всѣхъ къ этой части свѣта, должна исполнить свое назначеніе».

— 11-го мая случилось въ Вяткѣ событіе, взволновавшее рѣшительно весь городъ. Извѣстно, что рѣка этого города; именуемая также Вяткой, по причинѣ мелководія, несудоходна, а потому волжскіе и камскіе буксирующіе пароходы въ нее заходить не могутъ; что чрезъ этотъ городъ, какъ незамѣчательный ни въ-отношеніи географическомъ, ни торговомъ, желѣзныя дороги не пролегаютъ; что нѣтъ въ немъ даже ни одной фабрики, дѣйствующей паромъ, и что, слѣдовательно, пары здѣсь еще не только новость, но и диковинка. И въ-самомъ-дѣлѣ о парахъ не зналъ городъ. Но вдругъ, 11-го мая, утромъ въ шесть часовъ, по рѣкѣ Вяткѣ, въ настоящее время глубокой на нѣсколько дней, вслѣдствіе весенней воды, совсѣмъ неожиданно пришелъ пароходъ, первый пароходъ, когда-либо приходившій въ Вятку. Вѣсть о его прибытіи разнеслась по городу быстрѣ вѣтра. На набережную изо всѣхъ улицъ безпрестанно вылетали экипажи и бѣжали толпы народа. Только и дѣла, что говорили да спрашивали о пароходѣ, и изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось, что пришелъ пароходъ въ 120 силъ, пермскаго купца Любимова, изъ дедюхинскихъ заводовъ, Пермской Губерніи, и привезъ онъ въ Вятку 30,000 пудовъ казенной соли.

— Изъ оборотовъ главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1854 и 1855 годахъ видно:

На *введенскую*, въ г. Сумахъ, Харьковской Губерніи (съ 15-го ноября по 6-е декабря), привезено разнаго рода товаровъ на 753,639 руб. (въ томъ числѣ иностранныхъ на 97,820 р.), а продано на 430,420 р., противъ 1853 г. по привозу на 675,781 р. и по сбыту на 496,600 р. менѣе Изъ отечественныхъ произведеній важнѣйшими по цѣнности статьями торговли были: бумажныя издѣлія (привезено на 424,200 р., продано на 301,100 р.), шелковыя и полушелковыя издѣлія (привезено на 86,730, продано на 23,120 р.), золотыя, серебряныя, стальныя и другія металлическія вещи (привезено на 62,000,

продано на 10,000 р.); изъ иностранныхъ произведеній: пряности и москотильный товаръ (привезено на 40,000, продано на 20,700 р.), шелковыя издѣлія (привезено на 32,400, продано на 10,200 р.) и чай (привезено на 12,600, продано на 10,200 р.). Сверхъ-того, лошадей приведено было на 15,480 р. и продано на 6,400 р. Жители, отъ найма у нихъ домовъ и лавокъ, выручили до 1,700 р. сер., а въ доходъ города, съ принадлежащихъ оному мѣстъ, собрано 105 руб. сер.

— На *крещенскую*, въ Харьковѣ (конная съ 25-го ноября 1854 по 6-е января, а краснорядская по 1-е февраля 1855 г.) всѣхъ товаровъ привезено и пригнано лошадей на сумму 12,169,070 руб., а сбыто на 6,270,549 р.; въ сравненіи съ прошлымъ годомъ: привезено на 1,483,341 р., а сбыто на 2,519,984 р. менше. Изъ отечественныхъ произведеній, важнѣйшими предметами ярмарочной торговли были: бумажные товары (привезено на 2,439,940 р., продано на 1,070,570 р.), шерстяныя издѣлія (привезено на 1,409,900, продано на 740,630), льняныя и пеньковыя издѣлія (привезено на 343,650, продано на 169,240 р.), шелковый и золотокруженный товаръ (привезено на 1,396,960, продано на 475,366 р.), золотыя, серебряныя и брильянтоваыя вещи (привезено на 303,700, продано на 129,848 р.), коженый товаръ (привезено на 775,940, продано на 531,900 р.), желѣзо, мѣдь, чугуны и издѣлія изъ нихъ (привезено на 781,460, продано на 392,800 руб.), пушной товаръ (привезено на 566,200, продано на 308,130 р.), сахаръ (привезено на 789,000, продано на 456,000 р.). Изъ иностранныхъ произведеній, которыхъ въ привозѣ было всего на 1,183,960 р., а въ продажѣ на 681,410 р., главными статьями были: красильный и москотильный товаръ (привезено на 539,200, продано на 301,490 р.), шелковыя и шерстяныя ткани (привезено на 301,850, продано на 119,530), вина (привезено на 111,100, продано на 64,580 руб.) и чай (привезено на 188,450, продано на 158,270 руб.). Лошадей приведено было на 219,970 и продано на 170,995 р. Съ нихъ поступило въ городской доходъ 1,396 р. да за отводимыя торговцамъ городскія мѣста подъ балаганы и выставки, а равно изъ другихъ источниковъ, 6,157 р. 75 к. Стеченіе народа полагается приблизительно до 25,000 душъ.

— На *ростовскую* (съ 9-го по 27-е февраля) разнаго рода товаровъ и лошадей доставлено было на 1,814,180, продано на 1,070,835 р. (въ сравненіи съ прошлогоднею ярмаркой, по привозу на 319,337 р. менше); въ томъ числѣ отечественныхъ произведеній было въ привозѣ на 1,226,505 р., европейскихъ и колоніальныхъ на 516,075 р. и азіатскихъ на 71,600 р. Важнѣйшими статьями торговыхъ оборотовъ были: изъ русскихъ товаровъ: бумажныя издѣлія (привезено на 194,565, продано на 82,815 р.), коженый товаръ (привезено на 131,250, продано на 77,250), желѣзо, чугуны и мѣдь въ разныхъ видахъ (привезено на 100,000, продано на 42,000 р.), шерстяныя издѣлія (привезено на 57,470, продано на 20,370 р.), шелковыя и полшелковыя издѣлія (привезено на 50,690, продано на 23,090 р.), золотокруженный товаръ (привезено на 36,820, продано на 14,020 р.),

пушной товаръ (привезено на 32,680 р., продано на 13,680 р.), хлебный товаръ (привезено на 69,760, продано на 28,170), разный москотильный товаръ (привезено на 38,000, продано на 12,000 р.); изъ иностранныхъ товаровъ кубовая краска (привезено на 360,000, продано на 348,000 р.), деревянное масло (привезено на 88,000, продано на 48,000 руб.) и чай (привезено на 64,000, продано на 45,000 р.). Торговля вообще шла тише прошлогодняго и производилась болѣе въ кредитъ. Пріѣзжихъ на ярмарку было свыше 7,000 человекъ. Доходу получено: ярмарочнымъ комитетомъ 8,510 р. 14½ к., мѣстною Городскою Думой 5,018 р. 5 к., обывателями и подготовными владѣльцами до 15,000 р. сер.

— На *сборную*, въ Симбирскѣ (въ первую недѣлю великаго поста), привезено было разнаго рода товаровъ и пригнано лошадей до 1,890,400 р., а цѣнность сбыта простиралось до 455,860 р., въ сравненіи съ прошлымъ годомъ по привозу на 116,160 р., а по сбыту на 126,720 р. менше). Изъ числа отечественныхъ произведеній, важнѣйшими статьями торговыхъ оборотовъ были: бумажныя издѣлія (привезено на 383,000, продано на 114,000 р.), шелковыя и полшелковыя издѣлія (привезено на 50,000, продано на 25,000 р.), мягкая рухлядь (привезено на 60,000, продано на 15,000), чугуны, желѣзо и другіе металлы, въ дѣлѣ и сырьемъ (привезено на 165,000, продано на 46,000 р.), кожаный товаръ (привезено на 50,000, продано на 20,000 р.), сахаръ (привезено на 40,000, продано на 20,000 р.) и лошади (пригнано на 40,000, продано на 27,400 р.). Изъ иностранныхъ произведеній значительнѣйшими по цѣнности предметами были: краски и разный москотильный товаръ (привезено на 80,000, продано на 20,000 р.), шелковыя издѣлія (привезено на 50,000, продано на 10,000 р.), бакалейные товары (привезено на 40,000, продано на 10,000 р.) и чай (привезено на 43,000, продано на 25,000 р.). Въ доходъ города оборотъ съ лавокъ и прочаго поступило 14,737 р. 56 коп., жители отъ найма у нихъ домовъ выручили до 3,500 р. сер.

— Число замѣчательныхъ пожарныхъ случаевъ, по послѣднимъ официальнымъ донесеніямъ, простирается до 70. Изъ нихъ было въ мартѣ 18, въ апрѣлѣ 41, въ маѣ 10, и въ іюнѣ 1; отъ молніи произошло три пожара и столько же приписывается умышленнымъ поджогамъ; городскихъ пожаровъ было всего 13. Въ пламени погибли: мужчина, 2 женщины, 3 мальчика, 3 дѣвочки и грудной младенецъ, всего 10 человекъ. Общей стоимости убытковъ нельзя опредѣлить съ точностью, потому-что нѣсколько пожаровъ, и притомъ весьма-значительныхъ, остались еще неоцѣненными. Изъ бого-служебныхъ, общественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ строеній сгорѣло: 2 деревянныя церкви, въ губерніяхъ Симбирской и Ярославской; еврейская синагога и молитвенная школа въ Ковенской; становая квартира и аптека въ Оренбургской Губерніи, нѣсколько базарныхъ лавокъ въ Симбирской, магазинъ въ Одессѣ; заводовъ всего сгорѣло 8: стеариновый и мыловарный въ окрестностяхъ С. Петербурга, причемъ обгорѣло на Невѣ три барки съ дровами; 6 винокуренныхъ, изъ которыхъ 2 въ Черниговской, и по одному—

въ Волынской, Воронежской и Ковенской губерніяхъ; мельница — въ Кіевской Губерніи; корчма — въ Подольской; казенный питейный домъ — въ Сибирской, и шинокъ — въ Черниговской.

— Въ статьѣ «Камско-Воткинскій Заводъ», помѣщенной въ мартовской книжкѣ журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разсказанъ слѣдующій маленькій эпизодъ, характеризующій одну изъ нравственныхъ сторонъ примѣчательнаго народа въ нашемъ отечествѣ — вотяковъ, которые населяютъ Вятскую и смежныя съ нею губерніи. Описывая прекрасный полъ этого интереснаго народа, авторъ говоритъ: «страсть къ жалобамъ и полицейскимъ разбирательствамъ составляетъ отличительную черту вотячекъ: обиженная броситъ въ свои занятія и будетъ ходить съ жалобами до-тѣхъ-поръ, пока не получитъ отъ обидчика два или три рубля за сдѣланное ей безчестіе; а нужно знать, что неосторожный толчокъ на базарѣ есть уже для нихъ безчестіе. Приведемъ истинный случай, который весьма-хорошо очерчиваетъ ихъ характеръ въ этомъ отношеніи. Молодой докторъ Т., только-что поселившійся въ воткинскомъ заводѣ, встрѣчаетъ на улицѣ слѣпую женщину. Остановивъ ее, онъ осмотрѣлъ ея глаза и увидѣлъ на нихъ катаракты. Увѣряя больную, что легкая операція можетъ возвратитъ ей зрѣніе, онъ угваривалъ ее принять отъ него помощь. Боязнь, что будутъ рѣзать глаза, несмотря на ободреніе доктора, останавливала ея рѣшимость. Наконецъ, докторъ, съ жаромъ преданный своей наукѣ и не желая упустить случай для практики, предложилъ ей три рубля серебромъ за позволеніе сдѣлать операцію. «Если ты останешься попрежнему слѣпою, говорилъ онъ ей, «это не можетъ огорчать тебя, потому-что свѣтъ для тебя уже потерянъ; по-крайней-мѣрѣ ты будешь съ деньгами; если же возвратится зрѣніе, это будетъ для тебя счастье». Слепая согласилась; операція сдѣлана удачно: свѣтъ открылся глазамъ ея. — Спасибо тебѣ, родимый, говорила выздоровѣвшая; сдѣлать ты меня опять съ глазами!» — «Довольна ли ты?» спросилъ ее докторъ. — «Довольна-то я, довольна; да ты, батюшка, обѣщаль мнѣ еще три рублика, такъ ужъ заплати, сдѣлай милость!» Доктора поразило такое безстыдство, и онъ отказалъ ей на-отрѣзъ. «Ну, такъ я пойду жаловаться: обѣщаль — и отдай. Этакія страсти вытерпѣть! Да кто позволить себѣ шиломъ ковырять въ глазахъ, да еще даромъ!» И прозрѣвшая не постыдилась идти съ жалобой на того, кто возвратилъ ей зрѣніе!...

— Въ Москвѣ, 9-го мая, въ шесть часовъ утра, въ церкви св. Тихона Чудотворца, при началѣ обѣдни, у одной дамы, отъ упавшей съ мѣстной свѣчи искры, всныхнуло легкое кисейное платье. При видѣ пламени, стоявшій подлѣ народъ устремился изъ церкви; но московскій 3-й гильдіи купецъ Иванъ Яшковъ, подбѣжавъ къ горѣвшей, успѣлъ сорвать съ нея платье и потушить огонь. Несмотря на сильную обжогъ, при осьмимѣсячной почти беременности, дама эта, благодаря немедленно-оказанному ей медицинскому пособию, была сначала въ столь удовлетворительномъ состояніи, что 15-го мая благополучно разрѣшилась отъ бремени и подавала надежду къ скорому

выздоровленію; однакожь, вскорѣ потомъ умерла. Избавитель ея, купецъ Яшковъ, сильно обжегъ обѣ руки.

— Пермской Губерніи, въ Екатеринбургскомъ Уѣздѣ, на Быньговскомъ Горномъ Заводѣ наслѣдниковъ Яковлева, у солдатки Матрены Бочарниковой, въ мартѣ, родилась дочь съ четырьмя ногами; младенецъ умеръ чрезъ три дня.

— Въ послѣднее время Россія лишилась многихъ замѣчательныхъ людей.

7-го іюля скончался въ Вологдѣ знаменитый поэтъ нашъ *Константины Николаевичъ Батюшковъ* на 69-мъ году отъ рожденія. Для литературной дѣятельности онъ давно уже умеръ, слишкомъ 30 лѣтъ удручаемый тяжкою болѣзью, лишившею его употребленія умственныхъ способностей. Вскорѣ мы постараемся сообщить читателямъ его біографію.

6-го апрѣля скончался въ Москвѣ государственной контролеръ, тайный совѣтникъ, *графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко*. Онъ родился 4 сентября 1800 года въ Санктпетербургѣ, шестнадцати лѣтъ вышелъ изъ пансіона Царскосельскаго Лицея и въ томъ же году, по экзамену въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, удостоенъ степени доктора этико — политическихъ наукъ; въ началѣ 1817 года переименованъ въ коллежскіе ассесоры и опредѣленъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки, директоромъ Департамента Государственнаго Казначейства, сенаторомъ и наконецъ государственнымъ контролеромъ.

— 29-го іюня Россія понесла невознаградимую утрату: герой синопскій, одинъ изъ мужественныхъ защитниковъ Севастополя, честь и слава русскаго флота и русской арміи — адмиралъ *Павелъ Степановичъ Нахимовъ* получилъ смертельную рану, отъ которой скончался 30 іюня, къ общему прискорбію своихъ ратныхъ соотаварищей и всей Россіи.

Очевидцы сообщаютъ слѣдующія подробности о смерти его. Покойный адмиралъ никакъ не соглашался надѣвать солдатскую шинель и всегда въ сюртукѣ съ генеральскими эполетами являлся на самыхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ, дабы удобнѣе наблюдать въ зрительную трубу за осаждающимъ. 29 іюня въ восемь часовъ вечера, Павелъ Степановичъ явился на Корниловскомъ Бастіонѣ, и несмотря на усиленные просьбы окружавшихъ, началъ смотрѣть черезъ брестверъ на работы непріятельскія... Пуля ударила въ земляной мѣшокъ возлѣ него; свита сопровождавшая адмирала, усилила свои просьбы, умоляя его сойдти съ банкета, но онъ спокойно оставался на мѣстѣ, промолвивъ: «Онѣ дѣлать довольно-хорошо»... Черезъ нѣсколько минутъ другая пуля ударила Павла Степановича въ високъ; онъ впалъ въ безпамятство, которое продолжалось до самой кончины.

Въ ночь съ 10-го на 11-е мая штуцерная пуля поразила командира 3-го сапернаго батальона полковника *Николая Константиновича Зацѣпина*, среди распоряженій по работамъ атакваной союзниками контр-апрошной траншеи. Николай Константиновичъ былъ

замѣчательнымъ художникомъ и почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ, отъ которой нѣсколько разъ получалъ поощрительныя награды. Развитію таланта къ живописи обязанъ онъ собственной, искренней любви къ искусству, которому посвящалъ все свободное отъ другихъ занятій и службы время. Картина его «Монастырки на клиросѣ» на выставкѣ Академіи 1853 года обратила на себя общее вниманіе, и можно смѣло сказать, что до него ни одинъ живописецъ не возвысился до столь дивнаго воспроизведенія природы: такъ много жизни, теплоты, истины въ картинѣ, что, кажется, будто фигуры монастырокъ отдѣлились отъ полотна, что онѣ дышатъ... Вы не можете отвести глазъ отъ нихъ, проницающихъ въ сердце, живыхъ взоровъ; вы, кажется, слышите тихое, стройное пѣніе этихъ молодыхъ, полныхъ чувства и жизни дѣвушекъ... Никакое описаніе, никакая литографія не могутъ дать понятія о томъ, что составляетъ достоинства и очарованіе этой картины, потому-что художникъ, какъ новый Пигмалионъ, одушевилъ свои фигуры частицею собственной души, потому-что онъ достигъ въ ней недостижимыхъ еще предѣловъ искусства. Другая картина, которою занимался онъ съ особенною любовью въ 1853 году, предъ компанією, которая упрочила бы за нимъ значеніе среди русскихъ художниковъ и была любимою дитятею его сердца: «Иванъ Сусанинъ», къ-сожалѣнію, осталась неоконченною. Николай Константиновичъ Зацѣпинъ, горячо любя все родное, русское, свято хранилъ и исполнялъ завѣты и обычаи, доставшіеся намъ отъ отцовъ: онъ былъ истиннымъ отцомъ своихъ подчиненныхъ; заботливость его о солдатахъ была выше всякаго подражанія и они достойно цѣнили эту заботливость. Офицеры привыкли видѣть въ немъ строгаго командира и попечительнаго друга: онъ любилъ раздѣлять съ ними хлѣбъ-соль, горе и радость, и, требуя исполнимости по службѣ, отклонялъ отъ нихъ мелочныя заботы житейскія, принявъ ихъ на себя. Примѣромъ своимъ онъ воодушевлялъ каждаго къ ревностному исполненію долга и былъ неутомимъ въ трудахъ: вездѣ, гдѣ работали его саперы, онъ былъ самъ и за всѣмъ слѣдилъ съ неуклоннымъ вниманіемъ. Съ самаго прибытія въ Севастополь (въ половинѣ апрѣля), онъ жилъ неотлучно въ землянкѣ на 5-мъ бастионѣ, въ центрѣ порученной ему дистанціи, хотя имѣлъ квартиру въ городѣ, гдѣ расположенъ батальонъ.

ЗАПИСКИ ПУФМЕЙСТЕРА.

Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ печатаются извлеченія изъ записокъ знаменитаго американскаго шарлатана Барнума. Первая статья начинается такъ:

«Знаменитый Барнумъ не былъ бы знаменитымъ Барнумомъ, великимъ пуфмейстеромъ, жожакомъ всего, что въ послѣднее время возбуждало восторги Стараго и Новаго Свѣта, еслибъ, излававъ въ свѣтъ свои признанія (Confessions), онъ самъ себѣ не воздалъ должной хвалы. Онъ открыто провозглашаетъ себя истиннымъ поэтомъ англо-американской цивилизаціи, поэтомъ изъ всѣхъ поэтовъ, наисовершеннѣйшимъ образомъ умѣвшимъ исправлять наклонности своихъ соотечественниковъ (разумѣя здѣсь спекуляторовъ и людей практическихъ), утончая ихъ наслажденія, возбуждая въ нихъ искусно-составленными объявленіями и афишами пламенное любопытство и восторженную любовь къ прекрасному. «Какъ человѣкъ положительный и дѣльный (говорить онъ) я, конечно, имѣлъ главнѣйшую цѣлью наполненіе собственнаго кармана, въ чемъ успѣлъ превыше моихъ пламеннѣйшихъ надеждъ и доволенъ собою; но, кромѣ этого, мнѣ хочется убѣдить читателей, что я былъ такой патріотъ-благотворитель, какихъ мало въ исторіи филантроповъ *ex professio.*»

«Общественныя благотворенія Барнума: публичная выставка необыкновенной негритянки-кормилицы Вашингтона, путешествіе генерала Тома Пуса, концерты Женни-Линдъ — шведскаго соловья, состязаніе двухъ жонглеровъ — Виваллы и Робертса, руноносная лошадь, сирена, рѣдкости нью-йоркскаго музеума и пр.»

Въ напечатанныхъ до-сихъ-поръ двухъ статьяхъ заключаются сказанія о происхожденіи Барнума и началѣ его поприща, о кормилицѣ Вашингтона, двухъ жонглерахъ, сиренѣ и путешествіяхъ Тома Пуса. Жизнь свою Барнумъ самъ характеризуетъ въ предисловіи къ запискамъ слѣдующими словами: «Кто прочтетъ эту книгу, тотъ увидитъ, что мое поприще было крайне-разнообразно: я былъ прислужникомъ на фермѣ и купцомъ, прикащикомъ и директоромъ театра, кочующимъ жожакомъ и президентомъ банка. Я жывалъ и въ тюрьмѣ и въ палатахъ испыталъ и нищету и богатство; объѣхалъ Старый и Новый Свѣтъ; подвергася великимъ опасностямъ; встрѣчалъ всѣ возможные роды людей и характеровъ. Разумѣется, неизбѣжны были при этомъ кое-какіе горькіе опыты; но вообще жизнь моя была веселая жизнь».

Дѣдушка Барнума съ отцовой стороны былъ милиціоннымъ капита-номъ въ войну за независимость; отецъ, родившійся во времена болѣе-мирныя, велъ скромную торговлю и былъ большой весельчакъ, а дядя съ матерней стороны былъ извѣстенъ какъ отличный сказочникъ. Отъ этихъ-то отца и дяди нашъ Барнумъ наследовалъ неистощимую игривость нрава. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ человѣкъ родился шарлатаномъ и мистификаторомъ, подобно тому, какъ рождаются поэты. Талантъ его обнаружился рано, но развивался постепенно. Упражнять этотъ талантъ Барнумъ сталъ съ пятнадцати лѣтъ, составленіемъ лотерей и необыкновенно-искусною раздачею лотерейныхъ билетовъ. Занятіе это съ отличнымъ успѣхомъ продолжалъ онъ нѣкоторое время и послѣ смерти отца. Въ ранней молодости Барнумъ, будучи одаренъ чувствительнымъ сердцемъ, плѣнился красотою дочери одного портнаго и женился на ней. Скоро дѣла его по лотереямъ какъ-то разстроились; онъ попытался основать журналъ: предпріятіе не удалось; онъ переѣхалъ въ Нью-Йоркъ и поселился тамъ. Не имѣя въ виду никакой аферы, Барнумъ рѣшился на первый разъ завести средней руки пансіонъ, потомъ вошелъ въ долю съ какимъ-то торговцомъ москотильныхъ товаровъ; «но (говоритъ онъ) этого было мало для моего честолюбія; слишкомъ-много оставалось у меня ничѣмъ незапятнаго времени».

Томимый, вѣроятно, жаждою дѣятельности, Барнумъ дѣлалъ иногда поѣздки изъ Нью-Йорка въ Бриджпортъ. Тамъ, въ гостинницѣ, встрѣтился онъ однажды съ ловкимъ острякомъ, по имени Дарро, который не любилъ щадить въ своихъ шуткахъ ни друга, ни недруга. Какъ только являлось новое лицо, Дарро непремѣнно старался завлечь его въ какое-нибудь пари, которое обыкновенно выигрывалъ и тѣмъ доставлялъ шумное удовольствіе публикѣ. «Онъ не разъ пытался и меня чѣмъ-нибудь поддѣть (разсказываетъ Барнумъ), но я не давался. Наконецъ, однажды вечеромъ, обращается онъ ко мнѣ снова:

— Ну, Барнумъ, не хотите ли со мной поспорить. Я держу пари, что у васъ рубашка на спинѣ не цѣла».

Надо замѣтить, что я привлекъ на свою сторону одного изъ сообщниковъ Дарро, и тотъ, по моему наущенію, внушилъ ему мысль объ этомъ пари.

— Какой вздоръ! отвѣчалъ я, обращаясь къ свидѣтелямъ этой сцены, которыхъ было не мало.—Я очень-хорошо знаю, что у меня рубашка цѣла, потому-что она новая; но подобныхъ пари вообще не люблю.

— О! возразилъ Дарро: — пожалуйста не прикидывайтесь такимъ разборчивымъ. Я знаю въ чемъ дѣло: рубашка-то на васъ точно дырявая... Держу пари (Дарро немного заикался), что она у васъ на спинѣ не цѣла.

— И я держу пари, г. Дарро, сказалъ я съ видомъ обиженнаго, что моя рубашка почище вашей.»

— Другъ мой, дѣло идетъ не о чистотѣ... не отвертывайтесь... Вѣдь я говорю, что у васъ рубашка дырявая.

— Такъ вѣтъ же! закричалъ я съ жаромъ, вызвавшимъ общій хохотъ: — моя рубашка цѣла; но я не держу пари потому, что вы не заплатите.

— Вотъ пять долларовъ, сказалъ Даррô: — я отдаю ихъ въ руки капитану Генману (нашему хозяину). Попробуйте-ка поспорить, оборванецъ вы этакой!

Вынулъ и я пять долларовъ.

— Помните же, сказалъ Даррô: — пари идетъ о томъ, что у васъ на спинѣ не цѣлая рубашка.

— Конечно, отвѣчалъ я, и началъ раздѣваться при громкомъ смѣхѣ всей честной компаніи, вполне-увѣренной, что я попался въ-просакъ. Я уже разстегнулъ жилетъ, но Даррô остановилъ меня:

— Напрасно трудитесь, Барнумъ: вы проиграла. Гдѣ же вы забыли воротникъ, рукава и прочее? стало-быть у васъ не цѣлая рубашка на спинѣ! — э?

— Извините! отвѣчалъ я и, снявъ галстухъ, досталъ со спинны тщательнѣйшимъ образомъ сложенную рубашку, которая держалась тамъ помочами.

Громкій взрывъ хохота раздался уже не надо мной, а надъ моимъ противникомъ. Озлобленный Даррô грозно взглянулъ на измѣнщика сообщника.

— П... предатель! проговорилъ онъ, сунувъ кулакъ ему къ самому носу: — ты мнѣ заплатишься! Морочить меня для какого-нибудь...

«А я свои пять долларовъ спряталъ въ кошелекъ, а на выигранные въ тотъ же вечеръ совершенно было обильное возмѣненіе. Я полагаю, что Даррô, заплатившись такимъ образомъ, уже никогда больше не держалъ пари насчетъ цѣлости чужой рубашки.»

Мы рассказали этотъ эпизодъ словами самого Барнума, потому-что иначе онъ не стоилъ бы разсказа. Съ такихъ-то малыхъ вещей началъ Барнумъ; но, какъ отъ величественнаго до смѣшнаго, такъ и отъ смѣшнаго до величественнаго бываетъ иногда одинъ шагъ, то отъ этого глупенькаго фарса воспоминанія автобиографа перенесется непосредственно къ необыкновенной негритянкѣ Джойсъ Гетъ, дивному созданію мистификаціи, за которое уже не одинъ человекъ, а цѣлое народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ заплатилось Барнуму.

Вотъ какъ это было. Въ июль 1835 г. Барнумъ, сидя въ своей москотильной лавкѣ, случайно узналъ, что въ Филадельфійи нѣкто Линдсей показываетъ публикѣ принадлежащую ему негритянку, по имени Джойсъ Гетъ, которой отъ-роду 161 годъ и которая была ни болѣе ни менѣе, какъ кормилица генерала Джорджа Вашингтона. При этомъ удалосъ Барнуму прочесть и объявленіе о такомъ удивительномъ явленіи изъ филадельфійскаго журнала *The Inquirer*. Немедленно отправляется онъ въ Филадельфію и является къ Линдсею. Вотъ что нашелъ онъ у него:

«Джойсъ Гетъ съ виду могла слыть за тысячелѣтнюю, точно также, какъ за сто-шестидесяти-лѣтнюю. Она лежала на канале посреди залы и казалась здоровою, но лишенною способности перемѣнять положеніе. Движеніе замѣтно было только въ одной рукѣ, а всѣ прочіе члены были какъ-бы одеревенѣлые. Она была совсѣмъ слѣпа; въ глубокіихъ западинахъ совершенно невидно было глаза. Во рту ни одного зуба; губы — совершенный пергаментъ; только волосы на

головѣ, сѣдые и курчавые, вполне сохранились. На лѣвой рукѣ, неподвижно прижатой къ груди, красовались поразительной длины ногти. Она была очень-общительна и безпрестанно говорила, а въ минуты одушевленія и пѣла гимны. Рѣчь ея въ-особенности была краснорѣчива при воспоминаніи о «ея миломъ малюткѣ Джорджѣ» (такъ называла она героя Соединенныхъ Штатовъ).»

Барнумъ приступилъ къ отобранію положительныхъ свѣдѣній объ удивительной старухѣ. Ему показали подлинный актъ, совершенный 5 февраля 1727 года, въ которомъ было сказано, что Огюстинъ Вашингтонъ продалъ Елизаветѣ Атвудъ собственную негритянку, по имени Джойсъ Геть, пятидесяти-четырехъ лѣтъ. Линдсей и сама Джойсъ пояснили, что Елизавета Атвудъ была родственница Вашингтона; что мужъ Джойсъ принадлежалъ г-ну Атвуду и они купили ее затѣмъ, чтобъ быть ей вмѣстѣ съ мужемъ. «Почему же раньше никто не зналъ о существованіи этой древности?» спросилъ Барнумъ. «Она была всѣми позабыта» отвѣчали ему, «и никто не заботился о ея лѣтахъ, пока не былъ найденъ актъ».

Удовлетворившись совершенно отвѣтами, Барнумъ прицѣнился. Спросилъ 3000 долларовъ, но потомъ уступилъ за 1000. Сдѣлавъ покупку, Барнумъ прискалъ въ Нью-Йоркъ удобное помѣщеніе для выставки своего дива; убралъ это помѣщеніе приличнымъ образомъ и написалъ во всеувиждѣніе:

Джойсъ Геть,
имѣющая

Отъ-роду 161 годъ!

Затѣмъ прискавъ былъ помощникъ, по имени Леви Леймонъ, по званію адвокатъ, обладающій острымъ умомъ, тонкой наблюдательностью, знаніемъ сердца человѣческаго, даромъ слова, любезностью и свѣтскимъ лоскомъ, словомъ, всѣми качествами, необходимыми для хорошаго шарлатана.

«Разумѣется (говоритъ Барнумъ), что, вступивъ, по внутреннему призванію, на поприще *вожаса*, я не долженъ былъ упускать ничего, могущаго способствовать успѣху моего дѣла. Я зналъ огромную силу печатныхъ объявленій и воспользовался ею въ совершенствѣ. Лейманъ написалъ статью о Джойсъ Геть и издалъ ее особой брошюрой, съ приложеніемъ портрета негритянки. Тотъ же самый портретъ велѣлъ я оттиснуть на безчисленномъ множествѣ маленькихъ афишъ, которыя наводнили весь городъ, возвѣщая публикѣ о необычайной занимательности выставки кормилицы великаго Вашингтона.»

Затѣмъ во всѣхъ журналахъ появились объявленія, одно другаго краснорѣчивѣе, одно другаго эффектнѣе, въ которыхъ говорилось, что «любопытнѣйшая и удивительнѣйшая въ цѣломъ свѣтѣ рѣдкость, безъ-сомнѣнія, Джойсъ Геть, впервые спеленавшая того новорожденнаго, который въ послѣдствіи указалъ американцамъ путь къ славѣ и благоденствію» и пр. и пр.

Открылась выставка. Оказалось, что объявленія произвели отличное дѣйствіе: народонаселеніе Нью-Йорка было все проникнуто лю-

бопытствомъ. Джойсъ Геть была такъ неподдѣльно-драхла, съ такой ослѣпительной живостью передавала она разныя подробности о семействѣ Вашингтоновъ, что всѣ убѣдились, какъ въ непреложной истинѣ, то-есть, что Джойсъ Геть никакъ не можетъ быть моложе 161 года и что не могла она не быть кормилицей великаго Вашингтона.

Когда любопытство нью-йоркцевъ было достаточно насыщено, Барнумъ повезъ свою диковинку по разнымъ городамъ Соединенныхъ Штатовъ и прибылъ наконецъ въ Бостонъ, гдѣ въ то время былъ извѣстный Мельцель, съ своимъ чудеснымъ автоматомъ, играющимъ въ шахматы. Не убоясь соперничества, Барнумъ поселился рядомъ съ нимъ и отбилъ у него публику, такъ-что Мельцель, познакомившись съ Барнумомъ, предрекъ ему богатую будущность. «Вижу» сказалъ онъ, «что вы постигли могущество книгопечатанія. Дѣйствительно, ничто такъ не подвигаетъ насъ впередъ, какъ перо да типографскій станокъ. Когда умретъ ваша старуха, прїѣзжайте ко мнѣ, и я осчастливорю васъ: я отдамъ въ ваше распоряженіе моего автомата съ трубой и разныя другія рѣдкости, которыя принесутъ вамъ огромный доходъ».

Когда Барнумъ замѣтилъ, что и жители Бостона начинаютъ пресыщаться его угощеніемъ, тогда вдругъ въ одномъ журналѣ явилась статья, возвѣщавшая о неожиданномъ открытіи, именно: что выставка кормилицы Вашингтона — неслыханная мистификація, что Джойсъ Геть — не человѣкъ, а просто автоматъ, искуснѣйшимъ образомъ устроенный изъ китовыхъ усовъ, каучука и разныхъ пружинъ. Слова же, которыя публика слышала отъ нея, произносились, разумеется, не ею, а самимъ владѣльцемъ машины, потому-что онъ чревоушатель.

Головы всѣхъ были уже подготовлены остроумнымъ механизмомъ Мельцеля; журнальное объявленіе пало на добрую почву и принесло желанный плодъ: тѣ немногіе, которые не хотѣли смотрѣть живую старуху, бросились взглянуть на неодушевленное изданіе рукъ человѣческихъ, выдаваемое за живую старуху; а тѣ, которые уже видѣли Джойсъ Геть, пошли въ другой разъ, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли ихъ обманули такъ ловко. Конечный результатъ былъ тотъ, что дневной доходъ Барнума удвоился.

Долго еще возилъ Барнумъ свою чудную старуху и наконецъ привезъ ее обратно въ Нью-Йоркъ. Здѣсь старуха заболѣла. Довольный ея вѣрной службой, Барнумъ отправилъ ее на покой въ Бетель, къ своему брату, отъ котораго и получилъ чрезъ нѣсколько времени извѣстіе, что тѣтушка Джойсъ скончалась и скоро прибудетъ къ нему въ Нью-Йоркъ въ качествѣ трупa. Дѣйствительно, трупъ прибылъ. Барнумъ приглашаетъ цѣлый факультетъ докторовъ и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ лицъ, въ томъ числѣ г. Локка, редактора журнала *New-York-Sun*, которые всѣ весьма интересовались рѣдкимъ *субъектомъ* еще при его жизни. Въ полномъ собраніи трупъ былъ вскрытъ и... по неокостенѣлости ближайшихъ къ сердцу артерій, факультетъ заключилъ, что лѣта *субъекта* были преувеличены, что покойницѣ не могло быть больше восьмидесяти лѣтъ. Все бы это ничего, такъ-какъ дѣло было прошлое; но товарищъ и помощникъ Бар-

нума, остроумный Лейманъ, вздумалъ сказать нѣсколько колкихъ остротъ на-счетъ членовъ факультета. Кое-кто обидѣлся, и на другой день въ журналѣ Локка была напечатана статейка, подъ заглавиемъ: Вскрытiе трупа Джойсъ Геть. — Разоблаченная мисти+фикацiя.

Въ этомъ мѣстѣ записокъ Барнумъ восклицаетъ: «повторяю, я самъ былъ обманутъ и цѣлая сотня врачей раздѣляли мое заблужденiе». Между-тѣмъ, теперь ничего не оставалось дѣлать, какъ развѣ только запутать и затемнить дѣло. Къ этому имѣлъ большую охоту и способность Лейманъ. Онъ отправился къ г. Бонне, редактору журнала *Herald*, и рассказалъ ему, что факультетъ и редакцiя *Син* сами простодушно подверглись мисти+фикацiи; что имъ предложили для вскрытiя трупа не Джойсъ Геть, а другой негритянки, Нелли, которой точно было восемьдесятъ лѣтъ. Бонне обрадовался этому разсказу и тотчасъ же напечаталъ въ своемъ журналѣ продиктованную Лейманомъ статью. Локкъ вооружился и началась жаркая журнальная война, въ которой Бонне, не имѣя никакихъ данныхъ, кромѣ разсказа Леймана, скоро, конечно, почувствовалъ себя несостоятельнымъ и, встрѣтивъ Леймана на улицѣ, упрекнулъ его въ неправдѣ. Лейманъ покался и тотчасъ же вызвался искупить свою вину открытiемъ чистѣйшей истины. Экспромтомъ разсказалъ онъ, какъ Барнумъ обыкновенной старухѣ-негритянкѣ велѣлъ помыдергать всѣ до одного зуба и потомъ сталъ возить ее изъ города въ городъ, говоря въ одномъ мѣстѣ, что ей сто-десять лѣтъ, въ другомъ—сто-сорокъ-одинъ, въ третьемъ—сто-шестьдесятъ-одинъ и т. д. «Эта послѣдняя сказка (звѣщаетъ Барнумъ) осталась до-сихъ-поръ, какъ наиболѣе достоверная исторiя Джойсъ Геть. Что касается меня, я не вмѣшивался въ журнальные толки и спокойно слушалъ ихъ, довольный тѣмъ, что вокругъ меня гремитъ мое имя».

Необыкновенной негритянкѣ наследовали два жонглера. Еще при жизни Джойсъ Геть Барнумъ ѣздилъ однажды въ Альбани и былъ тамъ въ театрѣ, въ представленiи жонглеровъ и эквилибристовъ. Его въ-особенности поразилъ одинъ артистъ, по имени Антонио, родомъ итальянецъ, научившiйся своему искусству въ Канадѣ, который съ удивительной ловкостью ходилъ на высочайшихъ ходуляхъ и держалъ на кончикѣ носа два ружья со штыками. Барнумъ пригласилъ его къ себѣ и тотчасъ же законтрактовалъ въ запасъ, чтобъ было кѣмъ современемъ замѣстить старуху Джойсъ. И вотъ, когда земное поприще старухи окончилось, наступила пора пустить въ ходъ искусника. Прежде всего нужно было позаботиться объ имени: *Антонио*—слишкомъ-обыкновенное имя и вовсе-неэф+ектное. Барнумъ назвалъ его *Вивалла*. Слова появились заманчивыя объявленiя съ виньетками; за ними послѣдовалъ дебютъ на нью-йоркскомъ Театрѣ Франклина, директору котораго Барнумъ подарилъ первое представленiе. Вивалла отличился и произвелъ фуроръ, изловчившись, между-прочимъ, пропрыгать по сценѣ на одной ходулѣ въ десять футовъ высоты. Барнумъ самъ присутствовалъ на сценѣ, и когда, по окончанiи спектакля, послѣдовалъ вызовъ, онъ лично, въ качествѣ толмача, явился съ Вивал-

лой предъ лицомъ восторженной публики... «Такимъ-образомъ я де-бютировалъ на сценѣ», замѣчаетъ онъ.

Послѣ достаточнаго числа плодотворныхъ представленій, Барнумъ повезъ своего артиста въ Филадельфію. Вивалла и здѣсь былъ также хорошо принятъ; но во второе представленіе вдругъ свистокъ долетаетъ до слуха Барнума. Въ первую минуту это какъ громомъ поразило и его и Виваллу; но Барнумъ скоро оправился и поспѣшилъ въ ту сторону, откуда послышался свистокъ. Тотчасъ отыскалъ онъ виновнаго. Это былъ Робертсъ, эквилибристъ и жонглеръ филадельфійскаго цирка. Артистъ этотъ смѣло объявилъ, что онъ самъ можетъ выдѣлать всѣ штуки, которыя дѣлаетъ Вивалла. Не теряя времени, Барнумъ идетъ въ типографію и велитъ оттиснуть слѣдующее объявленіе :

Предлагается 1000 долларовъ.

Синьоръ Вивалла платитъ эту сумму тому, кто исполнитъ все то, что онъ исполняетъ на сценѣ. Отъ приняшаго вызовъ зачислитъ назначеніе мѣста.

Робертсъ явился на вызовъ и назначилъ мѣсто свиданія въ гостиницѣ. Барнумъ беретъ тысячу долларовъ, идетъ къ содержателю одного театра и говоритъ ему :

— Что вы дадите мнѣ, если я доставлю вамъ четыреста или пять-сотъ долларовъ сбора въ одинъ вечеръ? (наканунѣ сборъ былъ не больше 75 дол.).

— Третъ всего сбора, отвѣчаетъ содержатель театра.

— Хорошо, заключаетъ Барнумъ, и идетъ къ Робертсу.

— Я готовъ, говоритъ онъ ему, отдать эти 1000 дол. въ третьи руки, если вы исполните штуки Виваллы.

— Прекрасно! отдайте же ихъ Грину, содержателю нашего цирка.

— Я отдамъ; но вы прежде подпишите вотъ это обязательство, исполнить все, что исполняетъ синьоръ Вивалла, тогда-то и тамъ-то.

— Вы, конечно, не думаете, что я исполню все?

— Не думаю; но вы и не выиграете 1000 дол., если не исполните.

— Нѣтъ, я исключаю танцы на ходуляхъ; я не хочу рисковать сломать себѣ шею.

При этомъ были свидѣтели, которые вступились—кто за того, кто за другаго. Барнумъ приглашаетъ Робертса объясниться наединѣ и и они удаляются въ особую комнату. Здѣсь, оставшии съ глазу на глазъ, Барнумъ напомнилъ Робертсу, что въ объявленіи было сказано ясно: «1000 дол. тому, кто исполнитъ все, что исполняетъ Вивалла». Робертсъ возразилъ, что у него есть свои штуки, которыхъ не сдѣлаетъ Вивалла. «Можетъ-быть», отвѣчалъ Барнумъ, «но не въ этомъ вопросѣ». Робертсъ началъ горячиться и говорить колкости; но Барнумъ остановилъ его съ совершеннымъ спокойствіемъ.

— Не сердитесь, Робертсъ, сказалъ онъ:—и вы найдете во мнѣ не врага, а друга. Скажите, ангажированы ли вы въ циркъ Грина.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я васъ приглашаю и даю вамъ 30 дол., если вы будете слѣдовать моему совѣту. Вы, вѣроятно, догадываетесь, что я ду-

маю не объ одной настоящей минутѣ. Подпишите же наше условіе и будьте спокойны.

Робертсъ подписалъ.

На другой день Барнумъ тайво свелъ обоихъ соперниковъ, и они взаимно передали другъ другу каждый свое искусство.

Между-тѣмъ, газеты возвѣстили предстоящее состязаніе, и публика пришла въ лихорадочное волненіе. Съ одной стороны, закипѣли тѣ, которые успѣли очароваться Виваллой; съ другой, поднялись патріоты за Робертса, какъ кровнаго американца. Въ назначенный вечеръ зала театра наполнилась до-нельзя, и Барнумъ ощутилъ сладость достигнутой цѣли. Конецъ дѣла онъ видѣлъ уже ясно, какъ въ зеркалѣ.

Началось представленіе. Первые легчайшія штуки Виваллы Робертсъ исполнилъ съ тою же, какъ и онъ, легкостью. Аплодисменты и крики *браво* раздавались то тому, то другому, съ разныхъ сторонъ сцены. Вдругъ Робертсъ подходитъ къ рампѣ и объявляетъ, что на нынѣшній вечеръ признаетъ себя побѣжденнымъ, потому-что имѣлъ несчастье свихнуть кисть правой руки. «Но», прибавилъ онъ, «я увѣренъ, что могу сдѣлать нѣчто такое, чего не сдѣлаетъ Вивалла, и готовъ заплатить ему 500 дол., если не заставлю его признать себя побѣжденнымъ мною».

— Согласенъ, сказалъ Вивалла: — и состязаніе предлагаю въ будущей вторникъ.

«Браво!» дружно закричали объ партіи. Соперники грозно взглянули другъ на друга и разошлись, а за кулисами обнялись, какъ друзья, и отъ души посмѣялись надъ людскимъ простодушіемъ. Во вторникъ театръ былъ также полонъ; а потомъ Барнумъ повезъ двухъ жонглеровъ и въ другіе города, и въ другихъ городахъ жатва его была такъ же обильна.

«Эти подробности (замѣчаетъ Барнумъ) — образчики множества хитростей, которыя выдумываютъ директоры театровъ. Не думаю, чтобъ я повредилъ имъ, выдавая въ свѣтъ мои секреты, потому-что публика тоже наша сообщница: она такъ охотно позволяетъ себя дурачить, когда ее забавляютъ».

Нигдѣ не раскрылся такъ блистательно гений Барнума, какъ въ дѣлѣ приобрѣтенія Ньюйорискаго Музеума Рѣдкостей. Въ этомъ дѣлѣ были ему соперники; у него недоставало денежныхъ средствъ; нужно было найти капиталиста и онъ нашелъ его. Соперники всѣ были искусно устранены и Барнумъ сдѣлался единственнымъ и полнымъ обладателемъ музеума, который, подъ его мудрымъ управленіемъ, получилъ совершенно-новый видъ, украсился новыми коллекціями и мало-по-малу сдѣлался болѣе храмомъ изящныхъ искусствъ, нежели собраніемъ рѣдкостей. Утромъ это была выставка разнообразнѣйшихъ предметовъ, привлекавшихъ одинаково людей всѣхъ состояній и направлений, и ученыхъ и любителей, и людей любознательныхъ и просто праздныхъ зѣвакъ. Вечеромъ открывались тамъ физическіе опыты, сцены увеселительной химіи и различные спектакли, въ которыхъ актѣрами были: искусственныя насѣкомыя, ученые собаки, автоматы, жонглеры, чревоушители, одушевленные статуи, цыгане, альбиносы, карлики, великаны,

канатные плясуны, дикіе, ясновидящіе и пр. и пр. Здѣсь показывались усовершенствованныя діорамы, панорамы, прозрачныя картины; здѣсь же, наконецъ, была выставлена сирена.

Приступая къ эпизоду о сиренѣ, Барнумъ говоритъ: «Вообще предполагали, что сирена съ острововъ Фиджи была самимъ мною устроена, или сдѣлана на-заказъ по моему указанію. Это не совсѣмъ такъ. Конечно, я долженъ былъ много трудиться, прежде нежели представилъ мою сирену публикѣ; но теперь я пишу признаніе и ничего, не скрою».

Вотъ что видно изъ его признанія. Въ 1842 году Кимбель, владѣлецъ бостонскаго музеума, пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ и показалъ Барнуму то, что онъ называлъ сиреной, говоря, что предметъ этотъ купилъ онъ у одного моряка, а моряку достался онъ послѣ отца, а отецъ его купилъ въ Калькуттѣ въ 1817 году, какъ неподдѣльное чудо, возилъ въ Лондонъ, надѣясь продать за дорогую цѣну, но не продалъ и оставилъ сыну въ наслѣдство. Кимбель предложилъ сирену Барнуму, какъ человѣку, способному придать ей надлежащую цѣнность. Барнумъ пригласилъ на совѣтъ одного натуралиста. Натуралистъ сказалъ, что не понимаетъ, какъ устроена сирена, потому-что не видалъ ни обезьяны съ такими зубами и руками, ни рыбы съ такими плавательными перьями. «Отчего же вы думаете, что она устроена?» спросилъ Барнумъ. — «Оттого, что я не вѣрю въ сиренъ». «Это не причина; въ такомъ случаѣ я буду вѣрить въ сиренъ».

Легко было Барнуму рѣшиться вѣрить въ сиренъ; но ему предстояло нѣчто — труднѣйшее: склонить къ тому же публику. И вотъ повелъ онъ издалека. Въ одно прекрасное утро въ журналѣ *Herald* появилась статейка, содержащая разныя новости изъ Монгомери, и тамъ, между-прочимъ, говорилось о какомъ-то докторѣ Гриффинѣ, агентѣ Лондонскаго Лицея Натуральной Исторіи, недавно-прибывшемъ изъ Пернамбуко съ чрезвычайно-замѣчательною рѣдкостью, а именно: настоящею сиреной, пойманною на островахъ Фиджи и долго-сохранявшеюся въ Китаѣ, гдѣ докторъ купилъ ее за огромную сумму для лица.

Черезъ недѣлю въ другомъ нью-йоркскомъ журналѣ было напечатано письмо изъ Чарлстона, въ которомъ также рассказываютъ разныя мѣстные новости и, между-прочимъ, вскользь упоминалось о сиренѣ доктора Гриффина.

Наконецъ, въ томъ же мѣсяцѣ появилось письмо изъ Вашингтона, въ которомъ выражалась надежда, что журналисты столицы Соединенныхъ Штатовъ обратятъ вниманіе на доктора Гриффина и его необычайную рѣдкость, прежде нежели онъ увлечетъ съ ней въ Европу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія этого послѣдняго письма, извѣстный читателямъ Лейманъ пріѣхалъ въ Филадельфію и остановился въ лучшей гостинницѣ, подъ именемъ доктора Гриффина, вѣдущаго изъ Пернамбуко въ Лондонъ. Подъ весьма-благовиднымъ предлогомъ приглашаетъ онъ къ себѣ хозяина гостинницы, показываетъ ему чудо — настоящую сирену. Хозяинъ былъ совершенно пораженъ и осмѣлился обратиться къ почтенному доктору съ просьбой показать

это чудо нѣкоторымъ изъ его близкихъ друзей. Докторъ подумалъ и согласился. Хозяинъ тотчасъ даетъ знать всѣмъ своимъ знакомымъ, между которыми было нѣсколько журналистовъ, и на другой же день владельиискія газеты краснорѣчиво расписали вновь-привезенное чудо, а изъ владельиискскихъ газетъ описанія эти перешли въ нью-йоркскія.

Скоро Лейманъ, преобразованный въ доктора Гриффина, прибылъ съ своимъ сокровищемъ въ Нью-Йоркъ и также остановился въ богатой гостинницѣ. Разумѣется, молва о его прибытіи мгновенно разнеслась по городу и нѣкоторые избранные, преимущественно журналисты, явились и были приняты имъ съ особенною любезностью. Сирена, конечно, произвела на нихъ глубокое впечатлѣніе; и дѣйствительно, какъ признается самъ Барнумъ, не могло не произойти глубокого впечатлѣніе: сирена была такъ хорошо сдѣлана! «Я не отвергаю (говоритъ онъ), что это была искусственная сирена, а только утверждаю, что ее должно было признать истиннымъ чудомъ искусства и терпѣнія. Мнѣ кажется, что это было произведеніе какого-нибудь художника китайскаго, японскаго или индійскаго, можетъ-быть, похищенное изъ языческаго храма, гдѣ служило предметомъ поклоненія».

Лейманъ оказался гениальнымъ актѣромъ въ роли доктора Гриффина. Онъ очаровалъ избранныхъ посѣтителей своею любезностью, даромъ слова и глубокими познаніями. Между-тѣмъ, Барнумъ тайно готовилъ всѣ необходимыя атрибуты выставки, какъ-то: афиши съ виньетами, виньетки съ описаніемъ, вывѣски всѣхъ размѣровъ съ изображеніемъ сирены и проч. Когда наступила пора, онъ взялъ три экземпляра виньетки съ описаніемъ и предложилъ ихъ тремъ редакторамъ въ одинъ и тотъ же день, сказавъ каждому, что онъ намѣренъ просить доктора Гриффина выставить сирену на нѣсколько дней въ его музей. Назавтра виньетки были оттиснуты въ трехъ журналахъ. Любопытство публики уже возрасло до высокой степени, а вслѣдъ затѣмъ въ журналахъ появилась статья, извѣщавшая, что докторъ Гриффинъ согласился, передъ отъѣздомъ въ Европу, выставить сирену въ музей Барнума на одну только недѣлю. Эта статья довершила все. Выставка открылась; публика бросилась толпами; тутъ-то Лейманъ вполне развернулъ свой сценическій талантъ. «Этотъ Протей, говоритъ Барнумъ, окруженный живыми змеями цѣли существуетъ, какъ сказано было въ нашемъ объявленіи, въ присутствіи страшной сирены, спрятанной отъ нескромныхъ рукъ подъ огромный стеклянный колпакъ, забавлялъ слушателей разсказами о своихъ приключеніяхъ и просвѣщалъ ихъ учеными диссертациями о явленіяхъ природы вообще и о сиренахъ въ-особенности. Все шло прекрасно, и только одинъ разъ случился съ Лейманомъ неувѣрительный анекдотъ. Онъ какъ-то оставилъ на нѣсколько минутъ сцену. Толпа студентовъ медицины, замѣтивъ, что сирена осталась безъ протектора, сняла стеклянный колпакъ, вставила ей въ ротъ сигару и, поставивъ опять колпакъ на мѣсто, ушла. Вслѣдъ затѣмъ и нѣсколько почтенныхъ отцевъ семейства, съ ихъ женами и дочками, окру-

жили сирену и, замѣтивъ во рту этой дѣвы моря сигару, приняли это за насмѣшку надъ собою и совершенно обидѣлись. Въ это время вошелъ Лейманъ, и не взглянувъ на сирену, началъ: «Милостивые государи! передъ вами необыкновенная сирена, пойманная близъ острововъ Фиджи. Долго сомнѣвались въ существованіи сиренъ; натуралисты отвергали его; но вы видите здѣсь неопровержимое доказательство истины, и я, агентъ Лондонскаго Лица Натуральной Исторіи, удостовѣрю, что эта сирена, пойманная съями, жила послѣ того три часа...

— Мамзель Сирена курила эту самую сигару, когда ее поймали? услышавъ голосъ изъ толпы.

Лейманъ взглянулъ на сирену и онѣмѣлъ. Впослѣдствіи онъ рассказывалъ, что, увидѣвъ сигару во рту Сирены, почувствовалъ, какъ холодный потъ проступилъ на всемъ его тѣлѣ. Впрочемъ, анекдотъ одинъ этимъ испугомъ и кончился. Выставка благополучно продолжалась; касса Барнума наполнялась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Желая еще больше подзадорить публику, онъ выставилъ—было испанскій флагъ, на которомъ была изображена сирена въ неправдоподобныхъ размѣрахъ. Но противъ этого флага Лейманъ рѣшительно вооружился, говоря, что публика будетъ думать, что ей покажутъ сирену такой точно величины, и обманувшись, упадетъ на него. Барнумъ принужденъ былъ снять флагъ. Но и безъ флага сирена принесла музеуму 3,341 долларъ, а потомъ, сдѣлавъ свое дѣло, спокойно возвратилась въ скромный уголъ Бостонскаго Музеума, къ своему прежнему хозяину Кимбелю.

Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ о Томѣ Пусѣ; но объ этомъ произведеніи природы уже много было писано и всѣ подробности его происхожденія рассказаны прежде Барнума. Любопытно только послушать, откуда взялъ его искусный жокарь рѣдкостей и какъ онъ создалъ ему карьеру.

Барнумъ рассказываетъ, что въ 1842 г., проѣзжая чрезъ Бриджпортъ и остановясь тамъ въ гостинницѣ ночевать, услышалъ онъ, какъ говорили, что въ Бриджпортѣ есть ребенокъ, который по своему возрасту необыкновенно—малъ. Барнумъ заинтересовался субъектомъ, и ему показали ребенка. Онъ увидѣлъ мальчика ростомъ въ 22 дюйма, вѣсомъ меньше 16 фунтовъ, чрезвычайно—красиваго, съ живыми глазами, прекрасными бѣлокурными волосами и свѣжими щечками. Ребенку было пять лѣтъ; онъ былъ очень—робокъ; но Барнумъ приласкалъ его, и мальчикъ сталъ отвѣчать на вопросы. Онъ сказалъ, что его зовутъ Чарльзъ Шервудъ Страттонъ. Вѣрный своему призванію, Барнумъ заключилъ контрактъ у родителей мальчика, въ видъ опыта, на одинъ мѣсяць, съ платою по 3 дол. въ недѣлю на всегъ готовомъ.

Теперь представлялось такое соображеніе: если объявить его пятилѣтнимъ карликомъ, то могутъ спросить: почему же вы знаете, что это карликъ? Въ силу такого соображенія, Барнумъ рѣшился еще на одну невинную подѣлку, и въ его объявленіяхъ явился «генералъ Томъ Пусъ, карликъ *одинадцати* лѣтъ».

«Ребенокъ былъ, безъ всякаго сомнѣнiя, карликъ (простодушно объясняетъ Барнумъ). Я имѣлъ достовѣрныя свѣдѣнiя, что ростъ его прекратился чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ рожденiя. Но выдай я его за пятилѣтняго, никто бы имъ не заинтересовался. Я былъ убѣжденъ, что мальчикъ *дѣйствительно карликъ*, и въ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, никого не обманулъ».

Барнумъ усердно принялся за свою новую рѣдкость. «Я не щадилъ трудовъ для воспитанiя моего маленькаго дива (говоритъ онъ); я посвящалъ ему цѣлые часы, и утромъ, и во время дня, и вечеромъ. И труды мои были успѣшны, потому-что ребенокъ имѣлъ отличныя способности и особенную любовь къ смѣшному. Онъ сильно привязался ко мнѣ и я его полюбилъ; люблю его и теперь, и смѣло могу сказать, что это была лучшая и интереснѣйшая игра природы, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ».

Когда Томъ Пусъ явился предъ публикой, плата ему отъ Барнума начала быстро увеличиваться: съ 3 долларовъ перешла на 7, потомъ на 25 и наконецъ возрасла до 50 долларовъ въ недѣлю. Удовлетворивъ любопытству Соединенныхъ Штатовъ, Барнумъ рѣшился показать крошечнаго генерала Старому Свѣту. Такъ рассказываетъ онъ о своемъ отъѣздѣ:

«Въ четверкъ, 18-го января 1844 г., мы взошли на великолѣпный пароходъ «Yorkshire», отправлявшiйся въ Ливерпуль. Насъ было: Томъ Пусъ, его отецъ и мать, его учитель, профессоръ Гильйодо, французъ-натуралистъ и я. Городская музыка провожала насъ до берега; друзья наши прощались съ нами такъ нѣжно, что я заплакалъ...

«Съ моимъ именемъ такъ долго неразлучно было смѣшное и шуточное, что многіе, можетъ-быть, думаютъ, что я совсѣмъ неспособенъ къ нѣжнымъ движенiямъ. Мой темпераментъ, конечно, отъ природы веселый; но, не былъ бы я человѣкъ, еслибъ въ приличномъ случаѣ не умѣлъ быть серьезнымъ... Увы! и у меня, какъ у всѣхъ мнѣ подобныхъ, бывали свои минуты размышленiя, минуты грусти»...

Путешествiе Тома Пуса по Европѣ извѣстно. Мы не приводимъ его здѣсь, ожидая интереснѣйшаго эпизода изъ записокъ Барнума, эпизода о концертахъ Женни Линдъ, обѣщаннаго въ слѣдующемъ извлеченiи.

Въ свое время много было говорено и писано о поѣздкѣ Женни Линдъ въ Америку, но тогда не были извѣстны истинныя пружины, движущiя ее въ такой далекой путь. Пружины эти открылъ великій пу+мейстеръ Барнумъ въ своихъ Запискахъ. Мысль, перевезти за океанъ прославленную пѣвицу, составила въ головѣ Барнума въ октябрѣ 1849 года. Прежде, нежели сложилась у него эта мысль, онъ, по собственному его признанiю, ни разу не слышалъ о Женни Линдъ. Другой на его мѣстѣ, задумавъ пригласить изъ-за моря пѣвицу, конечно, захотѣлъ бы самъ послушать и посудить, дѣйствительно ли она живая *сирена*; но такой неумѣстный скептицизмъ былъ не въ характерѣ Барнума и не соответствовалъ его главнѣйшимъ цѣлямъ; ему

довольно было одного общаго слуха о ея рѣдкомъ талантѣ, и онъ разсуждалъ такъ: «Публика — животное странное: иногда она совсѣмъ ручная, а иногда никакъ не дается въ руки; иногда занять и развеселить ее ничего не стоитъ, а иногда — показывая ей невиданнѣйшія чудеса, и она зѣваетъ. Съ одной стороны, я очень-искусный шарлатанъ; но съ другой, мои сограждане начинаютъ терять вѣру въ мою гениальность. Съ помощью этого музыкальнаго феномена я могу приобрести миллионъ; но могу также и потерять... А сколько могу я потерять? — пятьдесятъ тысячъ долларовъ — потеря небольшая, въ сравненіи съ вѣроятнымъ барышомъ!... Рискнемъ же пятидесятью тысячами долларовъ!»

Сдѣлавъ такой расчетъ, Барнумъ отправилъ въ Европу довѣреннаго человека, снабдивъ его надлежащей инструкціей и банковыми билетами на приличную сумму. Довѣренный человекъ достигъ Женни Линдъ въ Любекъ и явился туда какъ-разъ во-время, потому-что пѣвица только-что получила нѣсколько приглашеній и еще не успѣла ни на одно изъ нихъ рѣшиться. Довѣренный человекъ оправдалъ выборъ Барнума, явившись ловкимъ дипломатомъ. Онъ отстранилъ другія предложенія, успѣвъ завербовать двухъ артистовъ (Бенедикта и Беллетти), безъ которыхъ Женни не хотѣла предпринимать путешествія, и наконецъ заключилъ контрактъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

«§ 1. Г-жа Женни Линдъ обязуется пѣть, въ пользу Финниса Тейлора Барнума, въ ста-пятидесяти концертахъ, въ-теченіе одного или полутора года, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Гаванѣ.

«§ 2. Ф. Т. Барнумъ обязуется содержать для Женни Линдъ: горничную, слугу, компаньонку, секретаря, для завѣдыванія ея суммами, и городской экипажъ; онъ же принимаетъ на себя всѣ путевыя издержки и, сверхъ-того, платитъ ей по тысячѣ долларовъ (1,250 р. сер.) за каждый концертъ».

Въ январѣ 1851 года Барнумъ объявилъ въ газетахъ о заключенномъ контрактѣ и при этомъ нашелъ нужнымъ сказать слѣдующее:

«Можетъ-быть, это предпріятіе не принесетъ мнѣ никакой выгоды; но еслибъ я и былъ увѣренъ, что выгоды отъ него мнѣ не будетъ, все-таки подписалъ бы контрактъ — такъ хочется мнѣ, чтобъ эта артистка посѣтила Соединенные Штаты, артистка, обладающая такимъ голосомъ, какимъ еще не обладалъ ни одинъ смертный.

«Миссъ Линдъ отказалась отъ многихъ предложеній, которыя были бы для нея гораздо-выгоднѣе, нежели мое; но она горитъ нетерпѣливымъ желаніемъ быть въ Америкѣ; съ пламеннымъ энтузіазмомъ говорить она объ этой странѣ и ея учрежденіяхъ; а деньги для нея — дѣло второстепенное. Въ заключенныхъ со мной условіяхъ, она выговорила право давать *благодѣлательные* концерты, когда ей угодно.

«Со времени своего дебюта въ Англии, она уже раздала бѣднымъ сумму больше той, какую можетъ получить отъ меня по условію».

Когда, послѣ этого объявленія, въ публикѣ заговорили о Женни Линдъ, Барнуму очень захотѣлось имѣть ея портретъ. Какъ-разъ на эту пору является къ нему какой-то странникъ, называетъ себя худож-

инкомъ изъ Стокгольма и предлагаетъ купить у него портретъ его знаменитой соотечественницы, писанный на мѣди, въ золоченой рамкѣ. «Что стоить?» — «Пятьдесятъ долларовъ». — «Я такъ обрадовался (говоритъ Барнумъ) и такъ показалось мнѣ это дешево, что я не сталъ торговаться и купилъ». Потомъ показалъ онъ свое приобретение знатоку; знатокъ покачалъ головой и сказалъ: «Другъ мой, васъ обманули; это просто дюжинная литографія, искусно-наклеенная на металлическую пластинку и покрытая лакомъ. Не знаю, какой простакъ можетъ принять это за живопись».

Нѣкогда было Барнуму горевать или досадовать на этотъ легкій промахъ; потому-что уже близокъ корабль, везшій къ нему Женни Линдъ въ оригиналѣ, настоящаго шведскаго солового, а не какую-нибудь поддѣльную картину. Такъ описываетъ онъ прибытіе пѣвицы:

«Въ самый полдень, 1-го сентября, пароходъ «Atlantique» подошелъ къ пристани, и я подалъ руку Женни Линдъ. Тысячи народа толпились на набережной; стеченіе любопытныхъ было такъ велико, что кто-то даже упалъ въ воду. Двѣ триумфальныя арки, украшенныя гирляндами цвѣтовъ, воздвигнуты были въ срѣтеніе великой пѣвицы. Были люди, которые заподозрили, что я самъ приготовилъ подъ рукою это выраженіе всеобщаго восторга и, можетъ-быть, эти люди были несовсѣмъ-неправы. Моя карета ждала у пристани; усадивъ въ нее Женни Линдъ, я самъ сѣлъ на козлы длатого, чтобъ зрители, видя меня на козлахъ, знали, кто сидитъ въ каретѣ.

«По прибытіи въ «Irving-House», Женни пригласила меня обѣдать и, по англійскому обычаю, предложила выпить съ нею стаканъ вина; но я немножко удивилъ ее, сказавъ: «Миссъ Линдъ, я членъ общества; позвольте мнѣ выпить за ваше здоровье стаканъ воды».

«Въ полночь сто человѣкъ музыкантовъ, окруженные тремястами факельщиковъ и двадцатью тысячами любопытныхъ, явились подъ балкономъ «Irving-House» давать серенаду Женни Линдъ, которая должна была показаться на балконѣ и принять три залпа рукоплесканій.

«На другой день Нью-Йоркъ проснулся, упоенный славою великой пѣвицы, и это упоеніе въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль изливалось во всѣхъ возможныхъ проявленіяхъ»...

Объ этихъ проявленіяхъ общаго упоенія, повторяемъ, было много говорено и писано. Барнумъ признается, что въ статьѣ *Times*, гдѣ описаны были эти восторги, несмотря на ироническій тонъ статьи, ничего не прибавлено къ истинѣ. Но каковы бы ни были проявленія, Барнуму было все-равно: цѣль его уже была достигнута — восторгъ возбужденъ. Чтобъ еще больше убѣдиться въ этомъ, Барнумъ объявилъ конкурсъ на оду въ честь пѣвицы. Явилось сто конкурентовъ, сто поэтовъ вдохновилась обѣщанными двумястами долларовъ. Комитетъ критиковъ присудилъ пальму первенства поэту Байдру Тейлору. Остальные разсердились и написали девяносто-девять пародій и сатиръ.

Убѣдившись такимъ-образомъ окончательно въ благопріятномъ для себя настроеніи умовъ, Барнумъ назначилъ первый концертъ Женни

Линдъ 11-го сентября, заблагодарасудивъ продавать билеты на этотъ концертъ съ аукціона... За два дня до концерта открытъ былъ аукціонъ въ публичномъ саду; первый билетъ купилъ одинъ шляпникъ за 225 долларовъ! Барнумъ увѣряетъ, что со стороны шляпника это была также спекуляція: послѣ такой выходки, ни одна порядочная голова въ Нью-Йоркѣ не хотѣла надѣть иную шляпу, какъ только купленную у шляпника-меломана. Въ первый день аукціонъ доставилъ Барнуму 10,141 дол., а вмѣстѣ съ платою за входъ въ садъ, до 11,000 долларовъ. Когда онъ сказалъ Женни, какая сумма причитается на ея долю отъ перваго концерта, она предложила всю эту сумму отдать въ пользу богоугодныхъ заведеній. «По моимъ видамъ (говоритъ Барнумъ), я рассчитывалъ на эти филантропическія движенія артистки и ужь, конечно, не скрылъ имени благотворительницы. Кромѣ-того, вѣрный своему спекулятивному духу, я предложилъ Женни измѣнить наши условія въ ея пользу, чтобъ злые и завистливые языки не могли повредить мнѣ въ ея мнѣніи. Тронутая этимъ предложеніемъ, Женни назвала меня истиннымъ джентльменомъ и дружески пожала мнѣ руку».

Пріемъ, сдѣланный Женни при первомъ ея появленіи, по словамъ Барнума, превосходитъ всякое описаніе. Сначала она смутилась; но послѣ первыхъ десяти-двѣнадцати нотъ *Casta diva*, къ ней возвратились все ея спокойствіе и весь ея гений. Каватина окончилась при страшномъ громѣ рукоплесканій. Публика вполне убѣдилась, что ея не обманули, общая представитъ ей первую въ мірѣ пѣвицу, и потому, вызвавъ ее три раза, вызвала затѣмъ и Барнума.

Теперь у Барнума оставался еще одинъ страхъ на душѣ: онъ чувствовалъ, что, за такимъ обильнымъ потокомъ восторговъ, можетъ послѣдовать реакція, и потому, въ предупрежденіе подобной бѣды, распорядился, чтобъ журналы трубили какъ можно громче. Въ этомъ трубноиъ гласѣ, среди похвалъ таланту Женни, слышались хвалы и ея благотворительности. Вслѣдствіе этого, секретарь пѣвицы чуть не потерялъ счетъ просьбамъ и просительнымъ письмамъ, которыя сыпались на прославленную благотворительницу всюду, во всѣхъ городахъ, въ которыхъ появлялась она по волѣ своего вожака Барнума. Изъ подвиговъ ея доброты нерѣдко выходили довольно-граціозныя анекдоты. Напримѣръ, въ Бостонѣ бѣдная дѣвушка приходитъ за билетомъ въ концертъ, платитъ за него три доллара и говоритъ: «Вотъ все, что я заработала въ двѣ недѣли, но за-то услышу Женни Линдъ». Секретарь услышалъ эти слова и передалъ Женни. — «Узнаете ли вы эту дѣвушку?» спросила она. — «Узнаю, отвѣчалъ секретарь: «Возьмите же двадцать долларовъ, отъищите эту бѣдную дилеттантку и просите ее принять отъ меня эти деньги».

Объѣхавъ Филадельфію, Бостонъ, Балтиморъ, Ричмондъ, Чарльстонъ, Вашингтонъ и другіе замѣчательнѣйшіе города Соединенныхъ Штатовъ, собравъ со всѣхъ нихъ приличное количество восторговъ и долларовъ, Барнумъ рѣшился заключить свое путешествіе посѣщеніемъ Гаваны. Здѣсь онъ встрѣтилъ неожиданное противодѣйствіе. Гаванцы оказались непривычными къ крупнымъ американскимъ цен-

рамъ и цѣна концертныхъ билетовъ, которая была у Барнума одна для всѣхъ городовъ, показала имъ дорогою до невозможности. Они предложили назначить цѣну, постоянно у нихъ существующую, но Барнумъ никакъ не хотѣлъ уступить. Мѣстные журналы вооружились противъ него, возглашая, что *пиратъ* *Янки* прѣхалъ въ Кубу грабить ея жителей. Несмотря на все это, концертъ состоялся. Женни, непринимавшая никакого участія въ предшествовавшей борьбѣ и даже не зная о ней, была какъ громомъ поражена, когда, при ея появленіи, триста аплодисментовъ должны были смолкнуть подъ звукомъ двухъ тысячъ пятисотъ свистковъ. Она тотчасъ поняла, что ей предстоитъ побѣдить сильное противъ нея нерасположеніе; въ ней пробудилась благородная гордость и она превзошла самоѣ-себя. Стыдно было слушателямъ не признаться въ собственныхъ впечатлѣніяхъ; двѣ тысячи пятисотъ свистковъ въ свою очередь смолкли и со стыдомъ бѣжали съ поля битвы. Послѣ концерта Женни была вызвана пять разъ и въ-заключеніе произошла трогательная сцена. Недавніе озлобленные противники пришли въ умиленное раскаяніе. Многіе даже плакали и сама Жени Линдъ плакала съ ними.

Такъ рассказываетъ Барнумъ объ одержанной побѣдѣ. Одержавъ ее, онъ нашелъ нужнымъ обидѣться и изъявилъ намѣреніе ухватить изъ Кубы послѣ четырехъ концертовъ, тогда-какъ сначала предполагалъ дать двѣнадцать. Его просили измѣнить намѣреніе и обѣщали обезпечить напередъ восемь концертовъ двадцатью тысячами долларовъ; но онъ остался непреклоннымъ.

Барнумъ рассказываетъ, что въ Кубѣ онъ встрѣтилъ стараго знакомаго, жонглера Виваллу. Разсказъ объ этой встрѣчѣ характеризуетъ Жени Линдъ. Вивалла, разставшись съ Барнумомъ, переиспыталъ много неудачъ на своемъ поприщѣ, которое долженъ былъ наконецъ оставить, лишившись употребленія лѣвой руки. Теперь единственнымъ источникомъ его пропитанія была ученая собака, искусно-вертѣвшая лапами колесо. Узнавъ исторію бывшаго жонглера, теперь нищадкалки, Женни просила Барнума не забыть его послѣ прощальнаго концерта, который онъ предполагалъ дать въ пользу бѣдныхъ. Когда сборъ этого концерта опредѣлился, Женни назначила изъ него Виваллѣ пятисотъ долларовъ. Съ помощью этой суммы Барнумъ доставилъ ему случай перебраться въ Европу, на родину. Разумѣется, Вивалла былъ до такой степени тронутъ этой щедрой милостивей, что не зная какъ благодарить Женни Линдъ; но просилъ у нея еще одной милости; удостоить посмотреть его собаку, вертящую колесо. Женни съ радостью согласилась исполнить его желаніе; посмотрѣла на собаку, погладила ее, обладала самого Виваллу и отпустила его довольнымъ и счастливымъ.

Барнумъ и Женни Линдъ съ торжествомъ возвратились въ Соединенные Штаты. Теперь Барнуму оставалось еще доказать, что онъ хотѣлъ не только показать пѣвицу Соединеннымъ Штатамъ, но и Соединенные Штаты — пѣвицѣ, и вотъ пароходъ *Маммоля* повесъ ихъ по рѣкамъ Огіо и Миссиссипи, услаждая взоры артистки живописными берегами, а слухъ жителей прибрежныхъ городовъ—ея соловьинымъ

голосомъ. Кромѣ живописныхъ береговъ, Женни имѣла еще другое наслажденіе: непрерывное изъясненіе восторговъ, непрерывныя торжественныя встрѣчи. Находя у каждой пристани восторженную толпу, собравшуюся для нея, она можетъ-быть, удивлялась, какимъ образомъ эти люди узнаютъ о ея приближеніи; но Барнумъ не говорилъ ей, что онъ не упускалъ случая пользоваться дѣйствіемъ телеграфовъ.

Непрерывное ли торжество, или другое что утомило Женни, только исполнивъ семьдесятъ-пять концертовъ, то-есть, ровно половину условеннаго числа, она попросила уволить ее отъ дальнѣйшаго исполненія контракта. Барнумъ согласился съ тѣмъ, чтобъ она заплатила семь тысячъ долларовъ неустойки. Женни, съ своей стороны, согласилась заплатить неустойку и Барнумъ увѣряетъ, что они разстались добрыми друзьями.

По признанію Барнума, семьдесятъ-пять концертовъ Женни Линдъ принесла: собственно ему 535,486 долларовъ и пѣвицѣ 176,675 дол., следовательно весь приходъ составилъ 712,161 долларовъ.

Любопытно знать, до чего возвышались цѣны за билеты. При продажѣ съ аукціона (а такая продажа совершалась почти во всѣхъ городахъ) высшая цѣна доходила до 650 дол., низшая—100 дол. При обыкновенной продажѣ билеты стоили отъ 3 до 7 дол.; билеты безъ опредѣленнаго мѣста, то-есть на право гулять вокругъ концертной залы, продавались по 1 и по 2 доллара.

Еще двѣ продѣлки Барнума помѣщены въ извлеченіи изъ его записокъ; но эти послѣднія продѣлки, въ-сравненіи съ тѣми, о которыхъ мы рассказали, почти ничего не значатъ.

Первая изъ нихъ: *руноносная лошадь*. Эту рѣдкость Барнумъ купилъ въ 1848 году у какого-то странствующаго вожака и держалъ на конюшнѣ до удобнаго случая. Случай этотъ представился по поводу пронесшагося слуха, что полковникъ Фремонъ, считавшійся погибшимъ въ горныхъ снѣгахъ, отысканъ и здравствуетъ. Въ одномъ журналѣ явилось извѣстіе, что неустрашимый охотникъ поймалъ близъ рѣки Джелы необыкновенное четвероногое животное и хочетъ прислать его въ Соединенные Штаты; а чрезъ нѣсколько дней въ нью-йоркскихъ газетахъ было напечатано крупными буквами, что «*неизвѣстное животное, или руноносная лошадь полковника Фремона*» показывается тамъ-то за умѣренную плату. При этомъ, разумѣется, рѣдкость была описана весьма-заманчиво, такъ-что въ ней оказывались элементы лошади, слона, дикой козы, овцы и еще чего-то; но главный интересъ былъ въ имени Фремона. Животное имѣло успѣхъ. Но вотъ что случилось. У Фремона былъ въ Нью-Йоркѣ тесть, который, прочитавъ объявленіе, пришелъ посмотреть на добычу своего зятя, да вслѣдъ затѣмъ и предъявилъ суду, что зять его никакого чуда не ловилъ и въ Штаты не присылалъ. У Барнума завязался процессъ, который, по недостатку ясныхъ доказательствъ, кончился ничѣмъ, а любопытство публики возбудилось. Когда это любопытство стало насыщаться, Барнумъ имѣлъ въ виду, что и самъ Фремонъ можетъ пріѣхать въ Нью-Йоркъ, скрылъ неизвѣстное животное, сдѣлавъ навсегда неизвѣстнымъ дальнѣйшее его существованіе.

Другая продѣлка называется: *Охота за буйволами*. Она состоитъ въ томъ, что Барнуму удалось купить штукъ пятнадцать молодыхъ буйволовъ, совсѣмъ—ручныхъ и смирныхъ. Въ одинъ прекрасный день объявляется, что нѣкто г. Френчъ, смѣлый охотникъ за буйволами, будетъ показывать публикѣ свое искусство на дикихъ, только что пойманныхъ и привезенныхъ имъ буйволахъ, не требуя за это никакой платы, даромъ; что зрѣлище будетъ близъ озера Гобокена и что для желающихъ ѣхать туда готово достаточное число лодокъ на трехъ пристаняхъ. Въ назначенный день приготовленные лодки едва успѣли перевезти всю публику, въ количествѣ 24,000 человекъ. Зрѣлище, конечно, возбудило только смѣхъ, потому—что дикіе буйволы никакъ не хотѣли бѣжать и никакъ не умѣли казаться дикими. Впрочемъ, публика имѣла право только смѣяться, но не роптать, потому—что зрѣлище было даровое. Публика даже удивлялась безкорыстію неизвѣстнаго распорядителя; она не знала, что этотъ распорядитель учинилъ сдѣлку съ перевозчиками и получилъ отъ нихъ 3500 долларовъ.

Одинъ изъ друзей Барнума просилъ его открыть тайну, какъ успѣвать въ предпріятіяхъ, и Барнумъ изложилъ ему эту тайну письменно, въ нѣсколькихъ правилахъ. Этими правилами всего удобнѣе заключить извлеченіе изъ записокъ великаго пуммейстера. Вотъ они:

1) Выбирай поприще, которое бы больше всѣхъ другихъ соответствовало твоимъ склонностямъ; ибо одинъ родился механикомъ, другой шарлатаномъ, и т. д.

2) Держи всегда данное слово.

3) Чтò бѣ ты ни дѣлаешь, все дѣлай со всевозможнымъ стараніемъ.

4) Будь воздерженъ и убѣгай вина, чтобъ имѣть всегда здравый рассудокъ.

5) Пускай надежда никогда въ тебѣ не угасаетъ, но не будь мечтателемъ.

6) Не изнурай своихъ силъ; не дѣлай двухъ дѣлъ разомъ.

7) Тщательно выбирай себѣ работниковъ и орудія.

8) Не взваливай на другихъ того, чтò можешь сдѣлать самъ.

9) Не будь расточителемъ и никогда не издерживай больше того, чтò получаешь.

10) Прибѣгай къ помощи *извѣщенныхъ* и *объявленныхъ*. Не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, что объявленія не приносятъ того, чтò они стоятъ. Это бываетъ только тогда, когда они недостаточны; тогда я сравниваю ихъ съ лекарствомъ, которое, будучи принято въ малой дозѣ, только разстроиваетъ желудокъ. Прими его въ усиленной дозѣ—и будешь здоровъ. Одинъ великій аферистъ сказалъ: «Еслибъ на мое предпріятіе было у меня 5 франковъ, я бы пожертвовалъ изъ нихъ 4 ф. 50 с. на объявленія».

БАПРИЗАНЦА.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩАЯ ЛИЦА :

Андрей Федоровичъ Бабичевъ, помѣщикъ.
Софья Андреевна, его дочь.
Петръ Васильевичъ Веренинъ { деревенскіе сосѣди Бабичева.
Иванъ Ивановичъ Маляевъ {
Марковна, ключница.
Семенычъ, дворецкій.
Даша, горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, близъ Твери.

Театръ представляетъ довольно-хорошо-убранную комнату; прямо и по сторонамъ двери; съ боковъ окна; близъ праваго окна роуль, у лѣваго столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марковна, потомъ Семенычъ.

Марковна (*у стола, перебирая серебро и любуясь его блескомъ*). — Хорошо вычистилось, нечего сказать!.. Блеститъ словно новенькое... (*Постукивая въ подноскъ*). Да и что за серебро-то!.. толщина-то какая... сейчасъ видно, что не нынѣшнее... Давненько-таки мы его не чистили... лѣтъ семь ужъ, я думаю; такъ со смерти покойной барыни изъ сундука и не вынимали. Да и для чего было вынимать-то? Для обыкновенныхъ гостей, слава Богу, расхожаго довольно, а такъ чего-нибудь особаго не случилось... Ну, да не все же подъ спудомъ лежать... вотъ и опять свѣтъ Божій серебрецо увидѣло... на барышничью свадьбу попить вышло... Попируй, родимое, попируй... Жаль вотъ, что барыню-то Господь не привелъ быть на свадьбу: прибралъ ее рано, мою голубушку... Эхъ, хе, хе!.. (*Семенычъ входитъ, отирая лицо платкомъ*). А! это ты?...

Семенычъ. — Мы-съ, Матрёна Марковна...

Марковна. — Аль ужъ изъ города вернулся?

Семенычъ. — Какже, вернулся.

Марковна. — Все привезъ?

Семенычъ. — Все привезъ; цѣлыхъ три ящика привезли, то-есть отличнѣйшаго всего...

Марковна. — Еще бы драни какой-нибудь привозить!

Семенычъ. — То-есть такого десерта... какихъ, то-есть, фруктовъ... а вина, то-есть, скажу вамъ, отличнѣйшаго, Матрёна Марковна. Прямо изъ Петербурга, вчера только въ городъ доставлено...

Марковна. — Что жъ поди-ка въ городѣ-то въ рядахъ спрашивали: на что молъ столько покупаешь?...

Семенычъ. — Какже!... Свинухиня, знаете, что бакалеей то-есть торгуетъ... я у него десять фунтовъ миндаю бралъ... такъ чаемъ меня задушила борода... все разспрашивалъ... «На что, говорить, вамъ столько миндаю?» — «Сговоръ у насъ, говорю я: бланже дѣлать. «А кто, говорить, женихъ?» — «Ну, говорю, молъ вотъ Петръ Васильичъ». — «Петръ Васильичъ? Это что изъ Петербурга, что ли?» и пошелъ и пошелъ, едва вырвался... А потомъ Желтоперовъ чиновникъ, знаете, что къ барину съ бумагами ѣздить, какъ увидѣлъ два ящика съ винами, такъ у него глаза и забѣгали и забѣгали... Облизывается этакъ да ухмыляется, да и говорить: что у васъ молъ что? А какъ я сказалъ: сговоръ, такъ и говорить: «Пріѣду поздравить, безпремѣнно, говорить, пріѣду...» То-есть понимаете: выпить больно охочь.

Марковна. — Не тебѣ бы уже говорить это, самъ-то ты, кажется, съ-позаранку натянулся. Вишь отъ тебя такъ и несетъ винищемъ-то...

Семенычъ. — Ужъ и несетъ!.. Грѣхъ вамъ, Матрёна Марковна, напрасну вы на меня клепете только... Рюмочку, то-есть Сивухиня поднесъ... слабенькаго самаго... да къ куму забѣжалъ, попоштувалъ барскимъ ликерчикомъ, слабенькимъ такимъ, да у Анисифора Ивановича перцовочки самую маленькую, то-есть пропустилъ — вотъ и все...

Марковна. — И съ трехъ-то тебя такъ разобрало?... полно-ка.

Семенычъ. — Только три и выпилъ, право-слово. Опослѣ дорогой только, везли изъ города мадеру мы десять бутылокъ не въ ящикѣ, такъ одна, то-есть лопнула... и потекла; ну, думаю, не пропадать же ей даромъ...

Марковна. — И натюкался?!... Вотъ ужъ кто празднику-то радъ, такъ до свѣту пьянъ, правду говоритъ пословица.

Семенычъ. — Ужъ и пьянъ. Полноте, Матрёна Марковна... полноте!.. ни въ одномъ, то-есть глазѣ... (*Подлащиваясь*) ни въ одномъ, то-есть глазочкѣ, пышечка моя... Какая вы, Матрёна Марковна, право, то-есть пышечка... ууу (*беретъ ее за талию*).

Марковна (*бьетъ его по рукамъ*). — Не тронь, не вороши, коли руки не хороши...

Семенычъ. — А чѣмъ нехороши-то... Матрёна Марковна... Правда, вѣ то, что ваши, вишь у васъ какія (*беретъ верхнюю часть ея*)

руки объими своими руками) да за то вы и бѣлоручки. Хе, хе, хе!

Марковна. — Ахъ ты старый!

Семенычъ. — Старый, да удалый, Матрёна Марковна. Да, старъ да удалъ!... Вы меня не знаете, Матрёна Марковна, каковъ я есть человекъ...

Марковна. — Легкое ли дѣло! Посмотри на голову-то, сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро...

Семенычъ. — Охъ ужъ вы! все попрекаете, Матрёна Марковна... Съдъ-то я съдъ, а все-таки видный мужчина. Вы давно, то-есть меня не видали въ парадной формѣ... а вотъ посмотрите-ка какъ я къ свадьбѣ выржусь... посмотрите!.. Вотъ только хочу я васъ попросить...

Марковна. — Чего еще?

Семенычъ. — А вотъ, Матрёна Марковна, у васъ тамъ есть старья кисейныя занавѣски, что въ гостиной висѣли... Какъ бы вотъ... потрудились изъ одной мнѣ къ свадьбѣ-то барышницей бѣлый галстухъ сшить...

Марковна. — Ишь ты подѣхалъ съ чѣмъ! изрѣжь занавѣски ему на галстухи... Да съ чего ты взялъ это?...

Семенычъ. — Нельзя, Матрёна Марковна... Оно, знаете, ужъ это такъ нынче по-модному, что люди въ бѣлыхъ, то-есть галстухахъ ходять. У предводителя такъ всегда наряжаются; а тутъ вѣдь день-то вышелъ такой важный... свадьба... Сшейте, Матрёна Марковна... ну, сошьете?.. (*беретъ опять за талью*).

Марковна. — Нѣшто я портниха тебѣ досталась?...

Семенычъ. — Что вы говорите... какія вы портнихи... вы, то-есть...

Голосъ Сони. — Даша! а Даша!...

Марковна. — Барышня Дашу зоветъ, бѣги скорѣй за ней.

Семенычъ. — Ну, а галстучекъ-то бѣленькій сошьете?

Марковна. — Поди, вотъ пусть тебѣ Дашка сошьетъ... ты вѣдь къ ней все прежде подлипалъ.

Семенычъ. — Что вы, Матрёна Марковна! и грѣха этого на душу не возьму. Я люблю женщинъ, то-есть степенныхъ, а не какихъ-нибудь тамъ вертушекъ... Вотъ кабы вы, Матрёна Марковна!.. Сшейте же, голубушка, галстучекъ-то... Нужно вѣдь быть прилично-одѣтымъ...

Голосъ Сони. — Даша! Даша!..

Марковна. — Да пойдешь ли ты? Слышь, барышня второй разъ кричить... не бросить же мнѣ серебро.

Семенычъ. — Такъ ужъ я, то-есть, надѣюсь, Матрёна Марковна, на счетъ галстучка, ужъ то-есть, съ бантичкомъ (*обнимаетъ за талью*), у-у-у! то-есть, я надѣюсь.

Марковна (*смотря ему въ слѣдъ не безъ нѣжности*). — Балаяникъ этакой... вишь какъ ему галстухъ бѣлый приспичилъ, шей, да шей. Тоже радиться хочеть! Ну, да что жъ, не молодъ, а видный мужчина!.. Нечего дѣлать, сшить ужъ ему развѣ для свадьбы...

ЯВЛЕНИЕ II.

МАРКОВНА И СОФЬЯ.

Софья (*выходя быстро изъ двери*). — Что это Марковна, ты только и дѣлаешь теперь, что считаешь серебро, а дѣвушки всѣ разбѣжались. Двадцать разъ я зову Дашу и хоть бы голось кто далъ.

Марковна. — Сей-часъ матушка, сію минутку прійдетъ... побѣжалъ ужъ Семенычъ.

Софья. — Нечего тутъ бѣгать; онѣ должны быть въ дѣвичьей. Ты за ними не смотришь совсѣмъ.

Марковна. — Да не успѣешь, матушка: Марковна-то одна, и здѣсь ее нужно и туда зовутъ—не разорваться ей, а тутъ еще смотри за Дашкой... этакимъ пострѣленкомъ.

Софья. — Пожалуйста не говори этого, Даша хорошая [redacted]шка, ноги-ка лучше позови ее.

Марковна. — А серебро-то какъ же?

Софья. — Что жь, я украду его что ли?

Марковна. — Господь съ вами!.. я только думала... чтобъ чужой не вошелъ кто-нибудь.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и ДАША (*входитъ съ кружевной манишкой съ рукавъ*).

Даша. — Вы звали меня, барышня?

Софья. — Да что это, куда ты пропала? Тебя нужно, а не дозовешься...

Даша. — Вы, Софья Андревна, сами приказывали разгладить эту манишку...

Софья. — Такъ не цѣлый же часъ гладить... Ненужно мнѣ ея... я надѣла ужъ другую...

Даша. — Да долго ли переѣннить... одну минуту...

Софья. — Пожалуйста не учи и ступай прочь... Я не хочу надѣвать этой манишки, и не твое дѣло. Ступай!.. (*Даша уходитъ*). А ты, Марковна, кончишь ли ты когда перебирать серебро? Цѣлый день звонишь ложками да подносами... ужъ такъ, ей-Богу, надоѣла...

Марковна. — Нельзя же, матушка, надо пересмотрѣть... папенька приказывалъ.

Софья. — Ну что жь, что приказывалъ... пересмотришь въ другой разъ...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Даши, и Бабичевъ.

Бабичевъ (*входитъ*). — Что ты, что ты расходилась Соничка?

Софья. — А вотъ я говорю Марковнѣ, что она все тутъ разсматриваетъ серебро... и для чего это?

БАБИЧЕВЪ. — Это я велѣлъ... Вѣдь нужно же все къ слову твоему приготовить, а послѣ тебѣ въ приданое пойдетъ.

Софья. — Это серебро мнѣ въ приданое?..

БАБИЧЕВЪ. — Да; а что же?.. видишь какое чудесное, массивное, и какая отдѣлка.

Софья. — Можетъ-быть; но это ужасная старина...

БАБИЧЕВЪ. — Помилуй, Соничка, какая старина... да ему и десяти лѣтъ нѣтъ... Года за четыре до смерти покойницы-матери твоей куплено.

МАРКОВНА. — А со смерти покойницы только четыре года прошло.

БАБИЧЕВЪ. — Видишь! значить только восемь лѣтъ.

Софья. — Бездѣлица! восемь лѣтъ... Нѣтъ, папаша, вы ужь купите новое... модное...

БАБИЧЕВЪ. — Нѣтъ, ужь извини, этому ни за что не бывать.

Софья. — Какъ, папà?

БАБИЧЕВЪ. — Что это, помилуй?.. Ростутъ у насъ деньги развѣ?

Софья (*сухо*). — Не угодно, такъ воля ваша...

БАБИЧЕВЪ. — И моя воля непреклонна.

Софья. — Пусть такъ будетъ; но это серебро мнѣ не нравится и мнѣ нѣужно лучше никакого, чѣмъ его (*поворачивается и хочетъ уйти*).

БАБИЧЕВЪ. — Ну опять надулась... (*Молчаніе*). Что жь, тебѣ рѣшительно это серебро не нравится?..

Софья. — Да, рѣшительно.

БАБИЧЕВЪ. — Ну, постой, постой цемножко... Чѣмъ же оно тебѣ не нравится? (*береть въ руки сливочникъ*) чѣмъ худъ его фасонъ?

Софья. — Чѣмъ?.. просто нехорошъ, просто мнѣ не нравится.

БАБИЧЕВЪ. — Ты посмотри только, вѣдь это не то, что нынѣшнее — листочекъ, это — масса...

Софья. — Что мнѣ до этого за дѣло?... Мнѣ не нравится — вотъ и все... и мнѣ оно нѣужно (*хочетъ уйти*).

БАБИЧЕВЪ. — Ну полно, полно капризничать... такъ и быть, куплю другое.

МАРКОВНА. — А это-то куда жь? батюшки свѣты!

Софья (*строю*). — Марковна!.. (*нѣжно*) папаша!

БАБИЧЕВЪ (*грозя*). — Ужъ ты!.. Всегда на своемъ поставишь... Батюшкина дочка!.. Посмотримъ, будетъ ли такъ баловать тебя мужъ, какъ я...

Софья. — О папочка! навѣрное...

БАБИЧЕВЪ. — Увидимъ... Петръ Васильичъ человекъ хорошій, но онъ съ характеромъ...

Софья. — А вы?

БАБИЧЕВЪ. — Я?.. Обо мнѣ нѣчего говорить. Я старикъ... я и избаловалъ тебя; а вѣдь мужья капризовъ не любятъ.

Софья. — А мой будетъ любить... нѣтъ, такъ я разсержусь — и онъ все сдѣлаетъ по-моему.

БАБИЧЕВЪ. — Доживемъ, увидимъ.

Софья. — Увидите! (*Марковнѣ*). Да унеси, Марковна, ты пожалуйста отсюда серебро: того и гляди, что кто-нибудь прѣдетъ...

Марковна. — Унесу, барышня, унесу. (*Марковна собираетъ серебро и уходитъ*).

Бабичевъ. — Кто-нибудь прѣдетъ? Сама, вѣрно, слышала, какъ этотъ кто-нибудь ужь прѣхалъ... Ну, говорила бы прямо... Вонъ идетъ...

ЯВЛЕНИЕ V.

Бабичевъ, Софья и Вербинъ.

Бабичевъ. — Только о тебѣ рѣчь была.

Софья (*строго посматривая на отца и дѣлая мину, чтобъ онъ не говорилъ*).

Вербинъ (*пожимаетъ руку Бабичева и нѣжно подноситъ къ губамъ своимъ ручку Софьи*). — Здравствуйте... Bon jour! Что жь вы обо мнѣ говорили?

Софья. — Да тутъ была Марковна, перебирала старинное серебро... я велѣла ей уйти, чтобъ кто-нибудь не засталъ ее за этой работой...

Бабичевъ. — А я говорю, что молъ этотъ кто-нибудь... известно ужь кто, а ты легокъ на поминѣ.

Софья. — Говоря это, я думала о сосѣдяхъ...

Бабичевъ. — Видишь, о сосѣдяхъ, хе, хе, хе!

Вербинъ (*улыбается*).

Софья (*Вербину*). — Вы-то, вы-то чему улыбаетесь? Вы не думаете ли, что я ожидала васъ? Очень ошибаетесь.

Бабичевъ (*лукаво подмигивая*). — Хе, хе, хе!.. Ну, ладно, видно мы ошибаемся.. Ты ждала Матвѣя Иваныча или Анѣнсу Павловну?... Хе, хѣ, хѣ!.. экая чудная какая!.. Ну да что съ вами толковать-то!.. Пойди къ Семенычу, посмотрѣть, что онъ тамъ изъ городу привезъ... Чуднъ тутъ съ своимъ женихомъ... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Софья и Вербинъ.

Вербинъ (*беретъ ее за руку*). — Мы еще не здоровались съ вами, Софй.

Софья (*сидя за работу*). — Какъ нѣтъ?... Мнѣ кажется напротивъ.

Вербинъ. — Я поцаловалъ твою ручку; но женихъ и невѣста могутъ здороваться нѣжибе (*хочетъ поцаловать*).

Софья. — Пожалуйста ненадо.

Вербинъ. — Отчего?

Софья. — Такъ; я не расположена...

Вербинъ. — Но я расположенъ...

Софья. — Вы — это другое дѣло...

Вербинъ. — Я разсержусь...

Софья. — Можете...

Вербинъ. — Капризница!.. Ну такъ я поцалую ручку (*цалуетъ*). Это нѣсколько подкрѣпитъ мои силы. Вѣдь знаешь ли, какъ я усталъ.

Софья (*мъжно*). — Отчего усталъ?

Вербинъ. — Мало ли у меня хлопотъ!... Все нужно было приготовить къ отъѣзду... Завтра мы простимся...

Софья. — На два дня?

Вербинъ. — На четыре... (*садится у фортепьяно и небрежно беретъ аккорды*).

Софья. — Такъ надолго?

Вербинъ. — Да. Нужно взять новый отпускъ, устроить нѣкоторыя дѣла. Я ѣхалъ сюда на двѣ недѣли только, и не думалъ, что здѣсь живетъ Цезарь, который видитъ и побѣждаетъ...

Софья (*дѣлаетъ гримаску*).

Вербинъ. — Что жъ дѣлать, надобно немножко похлопотать... Зато потомъ наступитъ для меня полное спокойствіе, счастье... Право, мнѣ дѣлается даже весело отъ одной мысли о будущемъ... Небольшая, но хорошо-убранная квартира, на окнахъ цвѣты, въ залѣ рояль и за роялемъ ты... Ты — моя жена, моя хозяйка... Какъ это пріятно трудиться, работать въ своемъ кабинетѣ, а поднявъ голову, встрѣтить за собою хорошенькую головку, нѣжный, любящій взглядъ, пожать дружески маленькую ручку (*пожимаетъ руку*)! О, сколько счастья, сколько поэзіи въ этомъ!... (*Минута молчанія*). А кстати, Софй, о кабинетѣ. Мнѣ вѣдь нужно будетъ приготовить квартиру, выбирать обои, покупать мѣбель... Какую мѣбель совѣтуешь ты купить для гостиной?

Софья. — Малиновую... какъ это мило, малиновый трипъ!

Вербинъ. — Да, это хорошо... но немножко банально. Теперь у всѣхъ въ гостиныхъ малиновая мѣбель... не лучше ли вишневую?

Софья. — О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Малиновая лучше всего... предоставь ужъ это моему вкусу...

Вербинъ. — Ну, пожалуй, если тебѣ это нравится, то будетъ малиновая... Кабинетъ мой будетъ весь зеленый.

Софья. — Зеленый?

Вербинъ. — Да, этотъ цвѣтъ здоровъ для глазъ...

Софья. — Нѣтъ, лучше мѣбель въ кабинетѣ ты сдѣлай вишневаго цвѣта, знаешь, какъ у дядюшки. Теперь это, говорятъ, въ модѣ.

Вербинъ. — Я такъ ужъ привыкъ къ зеленому, у меня въ кабинетѣ всегда была зеленая мѣбель.

Софья. — Нѣтъ, лучше вишневая... мнѣ очень нравится вишневая...

Вербинъ. — Зеленая, солиднѣе какъ-то...

Софья. — Ну, полно, полно... вишневая. Да?... вишневая?

Вербинъ. — Ну да, да пожалуй... а то ты никогда и не заглянешь ко мнѣ, если тебя не послушать...

Софья. — То-то и есть, берегись!

Вербинъ. — У меня въ кабинетѣ будетъ каминъ. Не-правда ли, чудесно осенью, въ сумеркахъ, послѣ обѣда, посидѣть, поболтать у

камелька вдвоемъ, или съ добрымъ пріателемъ? Къ намъ часто будетъ пріѣзжать Волоховъ...

Софья. — Волоховъ — это твой кузенъ, который жилъ прошлое гвѣ въ твоёмъ имѣніи?...

Вервинъ. — Да, онъ... чудесный малый! Я ему писалъ вчера письмо и приглашалъ къ себѣ въ шафера...

Софья. — Не-уже-ли онъ будетъ твоимъ шаферомъ?

Вервинъ. — Да.. а что?...

Софья. — Онъ мнѣ ужасно не нравится.

Вервинъ. — Это отчего?

Софья. — Такъ, просто... Возьми въ шафера себѣ кого-нибудь другаго...

Вервинъ. — Кого же можно выбрать лучше, какъ не стараго друга?

Софья. — Ну, вотъ... вѣрно у тебя не одинъ же другъ.

Вервинъ. — Одинъ.

Софья. — Но если этотъ другъ непріятенъ твоей невѣстѣ...

Вервинъ. — Но онъ будетъ не ея шаферомъ, а моимъ.

Софья. — Все-равно... Не-уже-ли ты хочешь сдѣлать мнѣ непріятность?...

Вервинъ. — Нисколько... Но, Софя, вѣдь съ твоей стороны это капризъ...

Софья. — Нѣтъ, не капризъ... Но даже еслибъ это было и такъ... Я прошу тебя...

Вервинъ. — Я готовъ слушаться тебя во всемъ, въ чемъ можно. Вотъ еще сейчасъ, несмотря на то, что мнѣ бы очень хотѣлось имѣть въ кабинетъ мебель зеленую, я согласился сдѣлать по-твоему; но здѣсь дѣло другое. Волоховъ мой старый пріятель, съ которымъ мы учились и росли вмѣстѣ. Онъ оказывалъ мнѣ множество услугъ и, я знаю, не откажетъ въ нихъ и теперь. Такихъ людей немного и ихъ нужно цѣнить; кромѣ-того, я ужъ ему писалъ и пригласилъ быть моимъ шаферомъ.

Софья. — И такъ вы рѣшительно отказываетесь исполнить мою просьбу?...

Вервинъ. — Ты сама видишь, что ее исполнить невозможно.

Софья. — Такъ не хотите исполнить даже первой моей просьбы?... Прекрасно!... А знаете ли вы, какъ вашъ другъ назвалъ вашу невѣсту?

Вервинъ. — Нѣтъ.

Софья. — Капризницей.

Вервинъ. — Что жъ, если къ этому прибавить: хорошенькая, умненькая, это будетъ вѣрно...

Софья. — Вы, кажется, считаете своею обязанностью повторять слова вашего друга...

Вервинъ. — Если онъ говорить правду...

Софья. — Не потому вовсе, а потому, что вы его любите...

Вервинъ. — Да, я его люблю...

Софья. — А я его не терплю, я его ненавижу...

ВЕРНИНЪ. — Очень-жаль!

СОФЬЯ. — Не жалѣйте, а избавьте меня отъ его знакомства...
(*мѣжно*) Если вы меня любите, откажите ему.

ВЕРНИНЪ. — Я люблю тебя, очень-люблю; но посуди сама, какое же право имѣю я обидѣть моего пріятеля?

СОФЬЯ. — Любите!... хороша любовь! вы мѣняете меня на всякаго; вы не хотите исполнить моей пустой просьбы...

ВЕРНИНЪ. — Софї... ты сама говоришь, что просьба твоя пустая...

СОФЬЯ. — Вотъ мило! Вы еще привязываетесь къ словамъ... Нѣтъ, скажите вы: отказываете мнѣ рѣшительно.

ВЕРНИНЪ. — Дѣ... рѣшительно...

СОФЬЯ (*быстро вставая съ своего мѣста*). — Но есть случай, что вы откажетесь отъ своего рѣшенія?

ВЕРНИНЪ. — Какой же это?

СОФЬЯ. — Если у васъ не будетъ невѣсты...

ВЕРНИНЪ. — Дѣ, если это...

СОФЬЯ. — И такъ выбирайте между вашимъ другомъ и невѣстою...

ВЕРНИНЪ. — Полноте, Софї, капризничать... Разсудите сами все это хорошенько.

СОФЬЯ. — Я не хочу разсуждать... я васъ просила, умоляла, вы отказали въ моей просьбѣ: теперь я предлагаю вамъ выборъ...

ВЕРНИНЪ (*серьезно*). — Вы это говорите не шутя?

СОФЬЯ. — Я и не думаю шутить...

ВЕРНИНЪ. — То-есть вопросъ въ томъ: долженъ ли я подчиниться вашимъ капризамъ, или нѣтъ?

СОФЬЯ. — Какъ угодно, такъ и называйте...

ВЕРНИНЪ (*пройдясь по комнатѣ*). — Мнѣ тяжело, но я не могу быть неблагодарнымъ... я не могу не исполнить слова...

СОФЬЯ (*сквозь слезы сердито*). — Такъ вы отказываетесь? Прекрасно!.. Такъ вотъ вы какъ любите!... Прощайте!

ВЕРНИНЪ. — Постойте, Софї... постойте, не сердитесь... поймите, чего вы отъ меня требуете.

СОФЬЯ. — Я ничего не хочу знать, ничего не хочу понимать
(*ублываетъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ВЕРНИНЪ (*одинъ, смотрѣя въ слѣдъ Софьи*). — Она не шутитъ!... Она сказала очень-рѣшительно. Такъ не-уже-ли же капризь, ничтожный капризь уничтожить всѣ мои надежды... все мое счастье?.. Я поступилъ немножко-круто: мнѣ бы извиниться передъ Волоховымъ и разсказать все какъ было... онъ человекъ отличный, и все бы обошлось прекрасно... Но, однако, отчего же уступить долженъ былъ я? отчего, изъ пустаго каприза, я долженъ былъ становиться въ такое странное положеніе противъ моего пріятеля?.. Софї привыкла, чтобъ исполняли всѣ ея капризы; но вѣдь привычка эта нехороша... Имѣй еще ея желаніе какое-нибудь основаніе—тогда дѣло другое; но это капризь, это упрямство; конечно, это мелочи, но вся

жизнь не состоитъ ли изъ мелочей? Положимъ, теперь я исполняю бы ея капризы; но вѣдь всю жизнь я не могу исполнять капризовъ. Итакъ зачѣмъ же обманывать? Если теперь уже Софя не хочетъ ни въ чемъ уступить, то что же будетъ послѣ... Нѣтъ, надобно показать свой характеръ. Что будетъ, то будетъ, оставаясь мнѣ здѣсь покажѣсть нечего... велю заложить лошадей (*уходитъ*).

ДВѢЛЕНІЕ VIII.

БАБИЧЕВЪ И СОФЯ.

БАБИЧЕВЪ (*нѣжно положивъ руку на плечо Софьи*). — Полно, голубчикъ, полно Сонюшка ссориться изъ-за такихъ пустяковъ.

СОФЯ. — Пустяки! вотъ прекрасно! не хотятъ исполнить вашего желанія—и это пустяки!..

БАБИЧЕВЪ. — Вѣдь нельзя же всё желанія исполнять, дружочекъ мой. Вѣдь вотъ я давеча еще говорилъ, что мужъ не можетъ подчиниться всѣмъ капризамъ своей жены.

СОФЯ. — А отчего же не можетъ? и развѣ это капризъ?

БАБИЧЕВЪ. — Однако!.. Не все ли равно тебѣ кто будетъ его шаферомъ: тотъ ли, другой ли...

СОФЯ. — Ну да, папѣ, только этого не доставало, чтобъ вы еще защищали его!.. Прекрасно!.. Обо мнѣ вы не думаете... вамъ все-равно, что бы ни случилось со мною.

БАБИЧЕВЪ. — Помилуй, Соничка!.. я ли не люблю, не балую тебя?..

СОФЯ. — Любите! балуете! А когда дѣло идетъ о моемъ счастьи, что вы говорите?..

БАБИЧЕВЪ. — Ну ужъ раскудаhtалась!

СОФЯ. — Еще бы? Если теперь онъ не хочетъ исполнить моей просьбы, что же будетъ послѣ?.. Какая участь ожидаетъ меня?.. Вѣдь нужно подумать и о будущемъ...

БАБИЧЕВЪ. — Что жъ ты сказала Петру Васильичу?..

СОФЯ. — Я сказала, что если такъ, то нашей свадьбы не будетъ.

БАБИЧЕВЪ. — Какъ? ты это сказала серьезно?..

СОФЯ. — Да. Что же, папѣ? развѣ я ребенокъ, что все буду только шалить да шутить?

БАБИЧЕВЪ. — Но не-уже-ли мы ему откажемъ за такія пустяки?.. Что за капризы! У меня все накуплено, все приготовлено... а тутъ на-тко! Куда я дѣну десертъ, вина?..

СОФЯ. — Вотъ мило!.. не-уже-ли же для того, чтобъ не пропадало все это, я должна страдать, должна быть несчастною?..

БАБИЧЕВЪ. — Страдать? несчастною? Но вѣдь ты сама такъ любила Петра Васильича?

СОФЯ. — Можетъ-быть любила, но теперь не люблю. Я не могу любить того, кто не любитъ меня...

БАБИЧЕВЪ. — Да отчего же не любить-то?

СОФЯ. — Опять, папѣ!.. Ну да что вамъ то? вамъ-то что? Я не хочу идти за него замужъ и не пойду, никогда не пойду...

БАБИЧЕВЪ. — А если онъ сдѣлаетъ все по-твоему?

Софья. — Теперь все-равно, что бы онъ ни предлагалъ.

БАБИЧЕВЪ. — Какъ знаешь, такъ и дѣлай... А жаль, право жаль, женихъ былъ чудесный... я не неволю, я не совѣтую, но чтобъ намъ не пришлось пожалѣть о прошломъ.

Софья. — Да что жъ, развѣ я такъ дурна, что у меня не найдется другаго жениха?.. Онъ капризничаетъ, онъ не хочетъ исполнить никакой моей просьбы, а я должна все это терпѣть — прекрасно!.. Повѣрьте, у меня будутъ женихи... и еще гораздо-лучше... Да вотъ я выйду за Ивана Иваныча: онъ меня любитъ — я это знаю; онъ слушается каждаго моего слова, исполняетъ все, чего бы я ни потребовала.

БАБИЧЕВЪ. — За Ивана Иваныча?

Софья. — Да. Вѣдь вы сами всегда хвалили Ивана Иваныча?

БАБИЧЕВЪ. — Я... а ты?

Софья. — Что жъ, прежде я не умѣла цѣнить его; но за-то теперь понимаю, что только въ истинной любви можно искать покорности. Онъ одинъ, который меня любитъ истинно и котораго я (*тихо*) надѣюсь полюбить...

БАБИЧЕВЪ. — Полюби. Очень-радъ...

Софья. — И полюблю... и невозможно не полюбить его. Для всѣхъ я капризница; для него — нѣтъ. Всѣ мои желанія, которыя вы называете капризами, онъ исполняетъ съ удовольствіемъ. Третьяго дня еще, я шута сказала, что мнѣ бы очень хотѣлось имѣть одну новую польку... и знаете что? Вчера онъ нарочно за нею поѣхалъ въ Москву.

БАБИЧЕВЪ. — Можетъ ли быть?

Софья. — Навѣрное... И все это безкорыстно, безъ всякихъ видовъ: онъ знаетъ очень-хорошо, что у меня есть женихъ... Вотъ любовь, вотъ преданность!... а то что?..

СЕМЕНЫЧЪ (*входитъ*). — Иванъ Иванычъ пріѣхалъ...

БАБИЧЕВЪ. — Проси (*Семенычъ уходитъ*).

Софья. — Посмотрите, если онъ не исполнилъ моего желанія.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И МАЛЯЕВЪ (*тщательно-одѣтый молодой человекъ, со сверткомъ въ рукахъ*).

БАБИЧЕВЪ. — Иванъ Иванычъ, милости прошу.

Софья. — Что это? безъ усовъ? Мы васъ не видали цѣлые два дня... Откуда вы?

МАЛЯЕВЪ (*скромно*). — Прямо изъ Москвы... Вотъ, Софья Андревна, я привезъ Анна Polka, которую вамъ такъ хотѣлось имѣть...

Софья. — О, какъ я вамъ благодарна! Не-уже-ли вы для этого только ѣздили? (*Протягиваетъ руку, которую Иванъ Ивановичъ нѣжно пожимаетъ*.)

МАЛЯЕВЪ. — Мнѣ очень-пріятно было услужить вамъ.

Бабичевъ. — Что новаго въ Москвѣ?... Да что это съ вами, Иванъ Ивановичъ? усы-то вы гдѣ же оставили?

Маляевъ. — Я сбрилъ ихъ.

Бабичевъ. — Для чего жъ это?

Маляевъ (*съ скромною нлжностью смотритъ на Софью*). — Да такъ, знаете, лучше... Вотъ Софья Андревна тоже всегда наводила, что лишнее невоенному носить усы.

Софья. — Какъ? и вы это сдѣлали по моему совѣту?...

Маляевъ. — Да-съ; а что жъ? вѣдь это пустяки!

Софья. — Все-равно... (*Тихо*.) Вотъ искренняя-то привязанность!

Бабичевъ (*тихо Софью*). — Ну, этими жертвами еще доказать ее нельзя.

Софья (*тихо*). — Но онъ не откажется и отъ всякой другой. Вы очень-кстати, Иванъ Ивановичъ, разрѣшите нашъ споръ, который мы ведемъ съ папѣ. Что сдѣлали бы вы, еслибъ общали что-нибудь вашему приятелю, но еслибъ дѣвушка, которая васъ любила и которую вы любили бы, стала просить васъ не исполнять обѣщаннаго?

Маляевъ (*вздыхая*). — О! я сдѣлалъ бы все для любимой женщины...

Софья (*Бабичеву*). — Вотъ видите...

Бабичевъ. — Даже и тогда, еслибъ эта просьба была только капризомъ?

Маляевъ. — Даже и тогда...

Софья (*Бабичеву*). — Вотъ какъ говорятъ тѣ, кто любить истинно!... (*Бабичевъ машетъ рукою и садится за газеты*.) Ахъ, еслибъ всѣ думали такъ, какъ вы, Иванъ Ивановичъ!...

Маляевъ. — Но что съ вами? вы говорите это со вздохомъ?

Софья. — Такъ, ничего...

Маляевъ. — Не-уже-ли вы скучаете, Софья Андревна? Это непонятно. Васъ любятъ, вы любите сами... и тотъ, къ кому склонно сердце ваше — вашъ женихъ. О, какое высокое блаженство!

Софья. — Для кого?

Маляевъ. — Для Петра Васильича, для вашего жениха...

Софья. — У меня нѣтъ жениха... я вовсе не невѣста.

Маляевъ (*не скрывая радости*). — Можетъ ли это быть?

Софья. — Что жъ тутъ удивительнаго?

Маляевъ (*печально*). — Нѣтъ, вы шутите опять, Софья Андревна... Вы не невѣста, когда ужъ назначенъ и день обрученья, когда еще третьягодня вы были невѣстой... когда, наконецъ, вашъ женихъ здѣсь и теперь... я видѣлъ его коляску...

Софья. — Петръ Васильичъ здѣсь... но онъ ужъ не женихъ мой...

Маляевъ. — Какъ? Не-уже-ли? что жъ за причина этому?

Софья. — Послѣ... послѣ когда-нибудь я расскажу вамъ все, но не теперь, пожалуйста, не теперь... Вотъ, кажется, онъ идетъ сюда, а мы съ нимъ въ ссорѣ... Я не хочу его видѣть. Пойдемте въ садъ... да, пойдемте въ садъ: я вамъ покажу мои любимыя клумбы... или нѣтъ, будемте играть въ воланъ. Вы любите эту игру?... Вашу руку, дайте вашу руку.

Маляевъ. — Люблю, съ удовольствіемъ... сейчасъ... вотъ только

позвольте взять шляпу. (*Берет шляпу и тихо говоритъ.*) О, блаженство!... Что, еслибъ судьба мнѣ улубнулась!...

Софья. — Идемте же скорѣй!

Малаяевъ. — Сейчасъ, сейчасъ. (*Подаетъ ей руку и Софья, напльсая, выходитъ съ нимъ въ боковую дверь въ то время, какъ прямо показывается Вербинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

Бабичевъ и Вербинъ.

Вербинъ (*смотря въ слѣдъ Софьи*). — Она, кажется, и не думаетъ мириться со мною... Капризница!... а все оттого, что здѣсь всегда дѣлаютъ только то, что ей угодно. (*Увидя Бабичева.*) А я иду васъ, Андрей Федорычъ.

Бабичевъ. — Что вамъ, любезнѣйшій Петръ Васильичъ?

Вербинъ. — Да вотъ что: человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Еще за полчаса я былъ совершенно-веселъ, счастливъ, а теперь...

Бабичевъ. — Слышалъ, слышалъ: Соня мнѣ ужъ все рассказала...

Вербинъ. — Не-уже-ли же въ-самомъ-дѣлѣ, Андрей Федорычъ, капризъ, пустой капризъ сдѣлается причиною моего несчастья?...

Бабичевъ. — Нѣтъ, обойдется какъ-нибудь... я надѣюсь...

Вербинъ (*съ радостью*). — Что жь, развѣ Софья Андревна вамъ говорила что-нибудь... что она согласна?...

Бабичевъ. — Она?... нѣтъ... Она и слушать меня не хотѣла, когда я сталъ ее уговаривать.

Вербинъ. — Такъ на что жь вы надѣетесь?

Бабичевъ (*нѣжно*). — Да я такъ думаю, что не уступитъ ли дорогій Петръ Васильичъ.

Вербинъ. — Я?

Бабичевъ. — Хоть Соня и говорить, что еслибъ даже теперь вы и согласились сдѣлать какъ ей хочется, то и тогда она не помирится съ вами; но это она только такъ, сгорячъ...

Вербинъ. — Да я и не могу исполнить ея желанія.

Бабичевъ. — Не можешь?... ну, отчего жь не можешь, Петръ Васильичъ?... Ужъ потѣши ее; вѣдь она еще ребѣнокъ...

Вербинъ. — Радъ бы, да вѣдь нельзя, Андрей Федорычъ. Посудите сами: пригласить стараго друга въ шафера и потомъ вдругъ, ни съ того, ни сего, сказать ему: «нѣтъ не нужно, я возьму другаго». И изъ-за чего все это? — изъ-за каприза...

Бабичевъ. — Оно такъ-то такъ, да все-таки Петръ Васильичъ, нельзя ли какъ-нибудь устроить это? Ну, будетъ женой, такъ ты ее тогда передѣлаешь по-своему, а пока невѣста-то еще, побалауй неможно.

Вербинъ. — Вы меня уговариваете, добрѣйшій Андрей Федорычъ; а вѣдь сами убѣждены, что уступить съ моей стороны невозможно... Уговорите Софью Андревну... Вы отецъ: она, вѣрно, васъ послушается...

Бабичевъ. — Меня-то!... Эхъ, братъ, я самъ-то и избаловалъ

ее... Грѣшенъ! Да что дѣлать? одна дочь, матерп нѣтъ: я одинъ и отецъ и мать...

ВЕРНИНЪ. — Попробуйте... (*Входитъ Семенычъ и стоитъ у дверей*).

БАБИЧЕВЪ. — Ну, а если не удастся?

ВЕРНИНЪ. — Можетъ-быть ..

БАБИЧЕВЪ. — Попробую... А я-то все заготовилъ, хотѣлъ ужь, что называется, кутнуть наговорѣ... И не-уже-ли же свадьба разстроится изъ-за такихъ пустяковъ?

СЕМЕНЫЧЪ (*пьяный*). — Какъ? свадьба разойдется?

ВЕРНИНЪ (*сердито оборачиваясь*). — Ты что тутъ суёшься? Тебѣ что надобно...

СЕМЕНЫЧЪ. — Еще бутылка лопнула... съ хересомъ.

БАБИЧЕВЪ. — Какъ ты не лопнешь, отъ питья, негодный?.. Посмотри, на кого ты похожъ теперь?

СЕМЕНЫЧЪ. — Посуда худая, не держитъ... а херресъ напитокъ крѣпкій... оттого и лопнула.

БАБИЧЕВЪ. — Пошелъ съ глазъ долой, и чтобъ ты не подходилъ у меня къ вину. Ужо я самъ пересчитаю его...

СЕМЕНЫЧЪ. — Я ужь считалъ его, Андрей Федорычъ. Все вѣрно, только три бутылки лопнули... худая посуда...

БАБИЧЕВЪ. — Пошелъ и выпись!.. Негодный!..

СЕМЕНЫЧЪ. — Иду-съ (*не сходитъ съ мѣста*).

БАБИЧЕВЪ (*Вербину*). — Я попробую, я постараюсь, но едва-ли согласишься ея: ужь у ней такой характеръ...

ВЕРНИНЪ. — Тогда дѣлать нечего... завтра я уѣду въ Петербургъ...

БАБИЧЕВЪ. — Совсѣмъ?..

ВЕРНИНЪ. — Да. Что же мнѣ дѣлать-то здѣсь?

БАБИЧЕВЪ. — Эхъ, право я и самъ не знаю (*увидя Семеныча*). А ты чего тутъ ждешь?

СЕМЕНЫЧЪ. — Смѣю спросить: не-уже-ли, то-есть, барышничой свадьбы не будетъ?

БАБИЧЕВЪ. — Убирайся, не твое дѣло... Да пойдѣмте въ кабинетъ, Петръ Васильичъ, потолкуемте, какъ бы это лучше все устроить.

ВЕРНИНЪ. — Идемте... только вотъ вѣлю, чтобъ подавали лошадей, когда будутъ готовы.

БАБИЧЕВЪ. — Не-уже-ли ѣхать хотите?

ВЕРНИНЪ. — Пора... мнѣ еще нужно кой-что приготовить въ городѣ. Семенычъ, вели подавать коляску (*уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Семенычъ, *потомъ* Марковна.

СЕМЕНЫЧЪ (*одинъ*). — Слушаю-съ!.. будетъ исполнено!.. Вотъ тебѣ и нѣ!.. Тутъ приготовленіе то-есть дѣлаешь, а у нихъ свадьба-то пѣ!.. Сказать Марковнѣ... гдѣ она?... (*прислушиваясь*)... Тамъ

брянчить серебромъ. (*Въ двери*) Матрена Марковна! а Матрена Марковна!

Голосъ Марковны. — Что тамъ тебѣ?

Семенычъ. — На минуточку выйдите-ка сюда, на одну минуточку... по-секрету...

Марковна (*выходя*). — Ну, что еще?.. Батюшки свѣты, какъ ты вализался-то!

Семенычъ. — Тс. тс... по одной половицѣ, то-есть, пройду — и ничего... А вы знаете ли, Матрена Марковна, что я вамъ скажу?..

Марковна. — Ну?..

Семенычъ. — Вы ложки считаете?.. да, вы ложки считаете?... а вѣдь свадьба-то, то-есть, фѣи!..

Марковна (*строго*). — Что-о-о?..

Семенычъ. — Разошлась! не будетъ! Ёдетъ въ Петербургъ женихъ-то, велѣлъ подавать лошадей.

Марковна. — Это тебѣ съпьяна, что ли, померещилось?

Семенычъ. (*обнимая ее за талю*). — Но, моя краечка, слышалъ, то-есть, тверезый, вотъ этими своими ушами слышалъ. «Уѣду, молъ, говорить уѣду».

Марковна. — Да врѣшь ты все.

Семенычъ. — Не вру, то-есть, право-слово, не вру.

Марковна. — Ахъ ты, Господи!.. Если правда, то... а я занавѣску-то изрѣзала!.. Со свадьбой бы не до нея, ну а какъ спросать теперь?..

Семенычъ. — Ничего, Матрена Марковна... галстучекъ не пропадетъ. Перемелится—все мука будетъ.

Марковна. — Типунъ бы тебѣ на языкъ... бредишь ты все... Свадьба разстроилась... свадьбы не будетъ... а вонъ слышишь, какъ барышня распѣваетъ: пѣла ли бы она такъ, кабы женихъ уѣзжал?..

Семенычъ (*прислушиваясь*). — Да... поеть...

Марковна. — Ступай-ка лучше, да дрыхни, чѣмъ пустяки-то выдумывать.

Семенычъ. — Галстучкомъ-то не оставьте ужъ если, то-есть, начинали его... то-есть...

Марковна. — Ступай, ступай мнѣ некогда съ тобою тутъ раздобаривать... (*уходитъ*).

Семенычъ. — Иду... иду... Еще нужно... что бишь нужно?.. (*Припоминая*). Да, подавать лошадей жениху (Семенычъ *идетъ и въ двери*хъ почитительно пропускаетъ Софью и Маляева).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Софья (*напѣвая*), за ней Маляевъ.

Маляевъ. — Вы не устали?

Софья. — Нисколько!.. Мнѣ такъ весело, что я готова еще бѣгать хоть столько же. А вы?..

Маляевъ. — О, Софья Андревна!... бѣгая съ вами... развѣ можно устать когда-нибудь?...

Т. СІ. — Отд. VI.

Софья. — Я ужасно люблю ребячиться...

Маляевъ. — Это знакъ доброты души. Но, признаюсь, я за васъ ужасно испугался сегодня...

Софья. — Отчего?

Маляевъ. — Какже! вы чуть не упали въ прудъ.

Софья. — Да... я очень-разсвѣянна, а тутъ задумалась о чемъ-то и не замѣтила, какъ подошла къ водѣ...

Маляевъ. — Вы, кажется, скучаете... Впрочемъ, я понимаю тому причину.

Софья (*усиленно смѣясь*). — Я скучна? ха, ха, ха!... И вы знаете причину?... ха, ха, ха!... Нѣтъ, мнѣ скучать нечего... Я очень-весела...

Маляевъ. — Но, однако...

Софья. — Я знаю, о чемъ думаете вы, я скучаю. Нѣтъ, ошибаетесь, я не скучаю нисколько, потому-что если разсержусь на кого-нибудь, то о немъ никогда не думаю, я его тотчасъ же забываю...

Маляевъ. — Можетъ ли быть?

Софья. — Навѣрное. Теперь мое сердце совершенно-спокойно, пусто, (*нѣжно*) свободно. Хотите, я съиграю вамъ любимый вальсъ?

Маляевъ. — Какъ вы добры, какъ вы внимательны!..

Софья (*начинаетъ играть*). — Не правда ли, это онъ... Видите, какъ я помню, что вы любите... Но, что это? къ намъ кто-то прѣхалъ...

Маляевъ (*бросаясь ко окну*). — Нѣтъ, это подали коляску Петра Васильича.

Софья (*съ огорченіемъ*). — Петра Васильевича... (*стараясь казаться спокойною*). Онъ еще развѣ здѣсь?..

Маляевъ. — Не-уже-ли же вы хотѣли, чтобъ его ужь не было?

Софья. — Мнѣ все-равно... мнѣ рѣшительно все-равно... А знаете, что? Поѣдемте завтра кататься водою... Вы умѣете грести?

Маляевъ. — Какже, умѣю. Поѣдемте; съ удовольствіемъ...

Софья. — Или нѣтъ, лучше сегодня, да, именно сегодня, послѣ обѣда. Вы, конечно, обѣдаете у насъ?

Маляевъ. — Покорно благодарю, непремѣнно...

Софья. — Жаль, у насъ лодка нехороша. Вотъ у Борзинныхъ есть чудесная гичка...

Маляевъ. — Да, я видѣлъ.

Софья. — Нельзя ли достать, попросить у нихъ?..

Маляевъ. — Я съ ними теперь незнакомъ, я съ ними даже въ ссорѣ... послѣ межеванья.

Софья. — Пустяки! Что за ссора между сосѣдами! Съѣздите, попросите.

Маляевъ. — Но какже, Софья Андревна, я съ ними даже не кланяюсь въ послѣднее время — и вдругъ явлюсь съ просьбою.

Софья (*ударяя на слова*). — Однако, если я васъ попрошу... пожалуйста...

Маляевъ. — Если вамъ угодно, то извольте, я їду...

Софья. — Ёдете?.. Прекрасно!.. Поїзжайте. Ваша лошадь здѣсь?

Маляевъ. — Она даже не разсѣдлана... Я думалъ сюда заїхать на минутку.

Софья. — Такъ и чудесно!.. Не мѣшкайте же, поїзжайте скорѣй... Мы васъ ожидаемъ къ обѣду. Не сердитесь, что я васъ прошу.

Маляевъ. — На васъ?.. Смѣю ли я на васъ сердиться?

Софья. — Итакъ отправляйтесь!.. до свиданья (*протыгиваетъ ему руку*).

Маляевъ (*цалуетъ руку*). — Теперь я готовъ хоть на льва (*убыкаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Софья (*одна*).

Вотъ преданность! Вотъ готовность изъ-за нея забыть себя! Вотъ любовь!.. А то что?.. (*Подходитъ къ окну*). Лошади поданы! Онъ уїзжаетъ; онъ, можетъ-быть, не прійдетъ со мной проститься! Вы, можетъ-быть, думаете, что я о васъ скучаю?—напрасно!.. Мнѣ рѣшительно все-равно... Маляевъ меня любить... Я... полюблю его, а о васъ, не думайте, не заплачу (*почти плача*), не заплачу... (*Начинаетъ играть на фортепьяно, но вдругъ останавливается и, закрывая лицо руками, облокачивается на клавиши. Потомъ, поднявъ голову и отирая слезы*). Можете їхать, но по-вашему не будетъ никогда, никогда (*играетъ громко*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Софья и Бабичевъ.

Бабичевъ. — Совсѣмъ оглушила! какъ громко играешь!

Софья (*молчитъ*).

Бабичевъ. — Петръ Васильичъ уїзжаетъ сейчасъ.

Софья (*переставъ играть*). — Уїзжаетъ?

Бабичевъ. — Дѣ, ему, говоритъ онъ, дѣлать больше здѣсь нечего...

Софья. — Гм...

Бабичевъ (*ходя по комнатѣ*). — Дѣлай какъ знаешь. Я только скажу тебѣ, что ты дѣлаешь нехорошо.

Софья. — Опять, папѣ!

Бабичевъ. — Дѣ, опять... Тебѣ остается только нѣсколько минутъ... Соня, подумай хорошенько... Все теперь зависитъ отъ тебя... помирись!..

Софья. — Я все обдумала... я ужъ рѣшилась...

БАБИЧЕВЪ. — На что?

СОФЬЯ. — Не думать болѣе о Петрѣ Васильчѣ: у меня есть другой женихъ.

БАБИЧЕВЪ. — Кто это?

СОФЬЯ. — Иванъ Ивановичъ. Онъ меня любитъ, и скажи я одно слово...

БАБИЧЕВЪ. — Иванъ Ивановичъ? какъ хочешь!.. А гдѣ же онъ?

СОФЬЯ. — Я послала его къ Барзановымъ попросить лодки.

БАБИЧЕВЪ. — Къ Барзановымъ... да вѣдь онъ съ ними въ ссорѣ...

СОФЬЯ. — Изъ любви ко мнѣ, онъ забылъ о ссорѣ и поѣхалъ къ нимъ...

БАБИЧЕВЪ. — Какая безхарактерность!.. Итакъ, рѣшительно нѣтъ?

СОФЬЯ. — Нѣтъ.

БАБИЧЕВЪ. — Ты не хочешь исполнить желанія... просьбы Петра Васильича.

СОФЬЯ. — Папенька, я ужъ вѣдь сказала, что нѣтъ... я выдержу характеръ.

БАБИЧЕВЪ. — Выдерживай, если хочешь... Воля твоя (*уходя*). Капризная!

ЯВЛЕНИЕ XV.

Софья (*одна быстро ходитъ по комнатѣ*).

Еще, еслибъ папá не уговаривалъ меня, тогда бы еще, можетъ-быть... Но теперь, послѣ всѣхъ сопротивленій, уступить смѣшно, странно! Чтò жъ? будто только съ нимъ все счастье... будто нѣтъ счастья съ другимъ? (*сквозь слезы*). Пустяки!.. пустяки! (*почти плача*) И что бы тамъ ни было, а я не уступаю... Идутъ! (*оправляется и садится за работу*).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Софья и Вербинъ (*съ фуражкой въ рукѣ*).

(Вербинъ нѣсколько минутъ смотритъ на Софью, но она какъ будто его не замѣчаетъ).

Вербинъ (*всторону*). — Теперь, кажется, все кончено... (*вслушъ*) Софья Андревна, я зашелъ проститься съ вами...

Софья (*холодно*). — Вы узнаете?

Вербинъ. — Да, ѣду...

Софья. — Счастливый путь.

Вербинъ. — Благодарю васъ.

Софья. — Вы въ Петербургъ?

Вербинъ. — Да, завтра утромъ...

Софья. — Что жъ, думаете вы побывать опять здѣсь когда-нибудь?

Вербинъ. — Можетъ-быть... хотя едва-ли... У меня въ деревнѣ хорошій управляющій.

Софья. — Да, тогда, конечно, зачѣмъ же...

Вербинъ. — Я было-думалъ возвратиться скоро; но...

Софья. — Но это зависитъ отъ васъ.

Вербинъ. — А я думаю, отъ васъ...

Софья. — Отчего же именно отъ меня?

Вербинъ. — Вы спрашиваете! Въ такомъ случаѣ, объ этомъ нечего говорить. Я не могу сдѣлать по-вашему, вы не хотите сдѣлать по-моему; итакъ, чтобъ не ссориться опять, оставимте лучше это.

Софья. — Пожалуй... Мнѣ рѣшительно все-равно... Вы, можетъ-быть, думаете, что я начала объ этомъ, потому-что мнѣ хочется примиренія — нисколько...

Вербинъ. — Я увѣренъ въ этомъ...

Софья. — И хорошо дѣлаете... Маленькая обида, ничтожное оскорбленіе, нанесенное мнѣ, истребляетъ во мнѣ всякое чувство, какъ бы оно велико ни было... Въ эту минуту я совершенно-равнодушна ко всему... прошлому...

Вербинъ. — Надобно завидовать вашему характеру. Но если прежнія отношенія наши измѣнились, то разстанемтесь по-крайней-мѣрѣ добрыми друзьями.

Софья. — Если вы хотите этого...

Вербинъ. — А развѣ вы не хотите?

Софья. — Мнѣ все-равно...

Вербинъ. — Значитъ, не зачѣмъ сердиться, будьте добрыми сосѣдями... Если вамъ что понадобится въ Петербургѣ, присылайте ко мнѣ — я съ удовольствіемъ исполню всякое порученіе...

Софья. — Благодарю... Но у меня есть въ Петербургѣ дядя...

Вербинъ. — Я предлагаю свои услуги — пользоваться ими или нѣтъ, это ваша воля... Но пора (*вставая съ мѣста*)... Прощайте, Софья Андревна; простимтесь дружески... вашу ручку (*протягиваетъ руку*).

Софья. — Прощайте...

Вербинъ. — Будьте счастливы, веселитесь... Я вамъ отъ души желаю всего лучшаго.

Софья. — Вы очень-добры, благодарю васъ... (*Слышится звонъ колокольчика*).

Вербинъ. — Вотъ и лошади готовы. Прощайте, прощайте, Софья Андревна... (*Пожимаетъ ей руку*).

Софья (*всторону*). — Не-уже-ли я заплачу?... (*Вслухъ*). Вамъ не жаль уѣзжать отъ насъ... изъ нашей деревни... (*Сквозь слезы*). Вы такъ легко, безъ всякой печали покидаете... вашихъ друзей, не правда ли?...

Вербинъ. — Нѣтъ, Софья Андревна, еслибъ вы знали...

Софья. — Такъ зачѣмъ же?... (*плача*) зачѣмъ же?...

Вербинъ. — Чтò съ вами?

Софья. — Чтò со мной... Вамъ не стыдно, вы не хотите исполнить моей просьбы... Исполните ее, пожалуйста.

Вербинъ. — Вы непременно хотите поставить на-своемъ.

Софья. — Пожалуйста... что вамъ стоить?

Вербинъ. — Это невозможно...

Софья. — Невозможно!... Невозможно!... Ну, хоть бы обманули меня только...

Вербинъ (*улыбался*). — Дитя!... Не стыдно ли, вы сами велите себя обманывать?...

Софья. — Упрямецъ!...

Вербинъ. — Еслибъ ваша просьба имѣла хоть какое-нибудь основаніе, то не-уже-ли бы я отказался ее исполнить? Но вѣдь разсудите сами, разсудите вашимъ умомъ, вашимъ добрымъ сердцемъ — и вы увидите, что это...

Софья (*перебивая*). — Опять!... (*тихо*), вѣдь я уступаю.

Вербинъ. — Уступаешь?

Софья (*тихо, не смотря*). — Дѣ.

Вербинъ. — Софи! и позволяешь мнѣ взять въ шафера моего стараго пріятеля?

Софья. — Кого хочешь...

Вербинъ. — Благодарю... благодарю... Какъ я радъ! какъ я счастливъ!...

Софья. — Счастливъ!... а еслибъ я сдѣлала не по-твоему, то...

Вербинъ. — Это значило бы, что ты меня не любишь.

Софья. — Не люблю...

Вербинъ. — Какая же любовь, которая не можетъ побѣдить каприза?...

Софья. — У тебя на все оправданіе... ты правъ всегда.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Бабичевъ.

Бабичевъ. — Пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ, красный какъ ракъ, весь въ пыли... Вотъ ужъ охота пуще неволи (*увидя Софью и Вербина смѣясь*). А вы здѣсь?... Что это? рука съ рукой... не-уже-ли помирились?...

Вербинъ. — Мы развѣ ссорились?... мы капризничали только...

Софья (*съ упрекомъ*). — Ріегге!

Бабичевъ. — Ну, и прекрасно! и прекрасно!... Кто же кого побѣдилъ?

Софья. — Я!

Вербинъ (*смѣясь*). — Она, она!... (*тихо*) на все согласилась.

Бабичевъ. — Ты!... ты!... То-то и есть: у любви больше силы, чѣмъ у отца...

Софья. — Какже...

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тъ же и Малаяевъ.

Малаяевъ. — Все исполнилъ, Софья Андревна... Какъ они меня приняли сначала — Боже мой, какъ они приняли! но потомъ ничего, сейчасъ пришлютъ лодку...

Вербинъ. — Какая лодка?

Софья. — Мы собирались съ Иваномъ Ивановичемъ кататься послѣ обѣда, и онъ былъ такъ добръ, что съѣздила за гичкой къ Борзиннымъ.

Вербинъ. — Иванъ Ивановичъ къ Борзановымъ? Вы ѣздили къ нимъ?

Малаяевъ. — Но Софья Андревна было угодно... а отказать ей я не въ силахъ...

Софья (*шутя тихо Вербину*). — Не то, что вы! (*Малаяеву*). Благодарю васъ, Иванъ Ивановичъ, очень благодарю. Но знаете, мнѣ сегодня нельзя будетъ кататься, надобно поболтать съ Петромъ Васильичемъ: онъ вѣдь уѣзжаетъ.

Малаяевъ. — Да-съ, я слышалъ... Очень-жаль!

Софья. — На цѣлые четыре дня...

Малаяевъ. — А потомъ?

Бабичевъ. — Приѣдетъ опять, чтобъ доставить вамъ случай по-танцовать на его сговорѣ и свадьбѣ...

Малаяевъ. — Такъ значить... А вы давеча говорили, я думалъ... (*всторону*). Пропала моя надежда!

Софья. — На сговорѣ мы съ вами танцуемъ вторую кадрили... Вы, надѣюсь, не откажетесь быть моимъ шаферомъ?

Малаяевъ. — Софья Андревна... Это такая честь, такое удовольствіе...

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Тъ же и Семенычъ.

Семенычъ (*съ дсеряхъ съ салфеткой*). — Андрей Федорычъ... еще одна лопнула... съ дри-мадерой.

Бабичевъ (*въѣмъ, обращаясь къ Семенычу*). — Посмотрите пожалуйста на этого человѣка, на что онъ похожъ?...

Семенычъ. — Я не виноватъ... посудина очень-худая.

Бабичевъ (*Софья и Вербину*). — Сдѣлайте милость, женитесь поскорѣе, а то онъ у меня перебьетъ и перепьетъ все вино, которое куплено къ сговору.

Семенычъ. — Какъ можно-съ!

Бабичевъ. — Нечего толковать. Ну, что обѣдъ?

Семенычъ. — Прикажете подавать?

Бабичевъ. — Скорѣй... Да къ обѣду шампанскаго.

Семенычъ. — Слушаюсь... (*уходя, про-себя*). Шампанское... видно будетъ баталія...

Бабицевъ. — Ну, господа, обѣдать... Идемте, Иванъ Ивановичъ, вашу руку (*обращаясь къ Вербину*). Молодежь, идемте... выпьемте въ честь побѣды... (*уводитъ Малюва*).

Вербинъ (*подавая руку Софьѣ и улыбаясь*). — Софи, вашу ручку.

Софья. — Чему же вы улыбаетесь, чему?... Что вы обо мнѣ думаете?

Вербинъ. — Я думаю, что ты немножко избалована, немножко капризна, но добра — это я знаю.

Софья. — Ошибаетесь, я сердита, я даже очень-сердита...

Вербинъ. — О, неправда!... У кого такіе глаза, какъ твои, тотъ не можетъ быть сердить... Посмотри на меня, посмотри...

Софья (*закрываетъ глаза*).

Вербинъ. — Опять... опять... капризный ребенокъ!... Ну, покажи же твои глазки...

Софья (*едва раскрывая*).

Вербинъ. — Ну, еще... (*Софья открываетъ ихъ мало-по-малу и бросаетъ на Вербина долій взглядъ*).

Вербинъ (*смотря на Софью*). — Нѣтъ, съ такими глазами не бываютъ сердитыми...

Софья. — Тиранъ!

Вербинъ. — Капризница!

(*Уходятъ*).

•.

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ (*).

Лондонскія извѣстія. — Проектъ Пакстова объ устройствѣ желѣзной дороги чрезъ Лондонъ. — Подводные телеграфы чрезъ Средиземное Море и Атлантическій Океанъ. — Биржевыя спекуляціи. — Банкротство фирмы Strahan, Paul and Bates. — Парижскія извѣстія. Спекуляціи, возбужденныя новымъ займомъ. — Азтеки въ Парижѣ. — Рашель и Ристори. — Вступительная рѣчь де-Саси во Французской Академіи. — Докторъ Веронъ въ качествѣ мецената. — Судебный анекдотъ. — Юбилей Бонифация въ Майнцѣ. — Некрологъ мадамъ Эмиль Живарденъ и путешественника Парри. — Письма маршала Сент-Арно. — Извѣстія о выставкѣ. — Пароходъ «Персія». — Компания для добыванія алюминія. — Лакрированное мясо. — О близорукости и дальзорукости. — Вліяніе войны на смертность во флотѣ. — Извѣстіе о трехъ новооткрытыхъ минералахъ Рафаэля.

Вѣроятно, и читателямъ нашимъ, какъ и намъ, ужь довольно прискучили толки о парижской выставкѣ, продолжающіеся нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Не общаемъ освобожденія отъ нихъ и на этотъ разъ, потому что выставка попрежнему составляетъ главный предметъ (послѣ войны, конечно) общаго вниманія въ Европѣ, и мы волею-неволею должны передавать то, о чемъ говорятъ всѣ; но по-крайней-мѣрѣ постановимъ эти извѣстія на второй планъ, чтобъ не вѣчно начинать свои статьи привилегированными словами: «парижская всемірная выставка...» и потому, оставляя Парижъ, взглянемъ теперь на Лондонъ.

Читатели, безъ-сомнѣнія, помнятъ имя Пакстова, строителя Гайд-Паркского или Сейденгэмскаго Дворца. Онъ, продолжая думать о дальнѣйшихъ приложенияхъ архитектурнаго начала, имъ изобрѣтеннаго, предлагаетъ теперь исполнскій проектъ, который, по всей вѣроятности, скоро или нескоро, осуществится и будетъ однимъ изъ громаднѣйшихъ и полезнѣйшихъ созданій нашего вѣка, столь изумитель-

---

(*) Составлены по журналамъ: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrierte Zeitung*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *The Athenaeum*, *L'Athenaeum Français*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

наго многочисленными чудесами технической дѣятельности, который во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія по своей гениальной простотѣ.

Къ Лондону со всѣхъ сторонъ ведутъ безчисленныя желѣзныя дороги. Но онѣ кончаются въ предмѣстьяхъ города, будучи раздѣлены между собою всѣмъ его протяженіемъ. Давно уже чувствуется сильная потребность соединить ихъ, потому-что теперь восемь или десять верстъ переѣзда съ одной дороги на другую требуютъ болѣе времени и стоятъ дороже, нежели проѣздъ ста верстъ по самой дорогѣ. Еще чувствительнѣе это затрудненіе при перевозкѣ товаровъ. Но какимъ образомъ провести желѣзныя дороги черезъ городъ, въ улицы котораго постоянно покрыты безчисленною толпою? Въ Парижѣ теперь останавливаются на проектѣ прорыть дороги черезъ городъ подъ землею; но это будетъ стоить чрезвычайно-дорого и представляетъ множество страшныхъ техническихъ затрудненій. Въ самомъ-дѣлѣ, широкій и чрезвычайно-высокій тоннель долженъ идти ниже фундаментовъ, проникающихъ глубоко въ материкъ, и трудности прорытія ужасны. Пакстонъ разсчиталъ, что гораздо-дешевле и легче будетъ построить для дороги галерею, идущую черезъ городъ. Проектъ его слѣдующій. Галерея, соединяющая лондонскія станціи желѣзныхъ дорогъ, идя изгибами и пересѣкая Темзу въ трехъ мѣстахъ, будетъ имѣть около двадцати верстъ длины. Она будетъ имѣть 72 фута (10 саж. и 1 аршинъ) ширины и 180 футовъ (25 саж. 2 арш.) высоты; кровля будетъ стеклянная, какъ въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ. Средина галереи будетъ служить пассажирамъ для пѣшеходовъ; по обѣ стороны будетъ идти рядъ магазиновъ, пересѣкаемый проѣздами на пересѣченіяхъ улицъ. За магазинами идетъ корридоръ, кровля котораго, высотой на 26 футовъ (3 саж. 2 арш.) отъ земли, служитъ полотномъ для рельсовъ атмосферической дороги, идущихъ въ восемь паръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ магазины пересѣкаются садами, которые тутъ занимаютъ всю ширину галереи, и будутъ служить для Лондона зимнимъ паркомъ. Зданіе, безпримѣрное по своей колоссальности, будетъ лучшимъ украшеніемъ Лондона, а доходы съ магазиновъ и желѣзныхъ дорогъ будутъ доставлять значительные проценты на употребленный капиталъ. По сметѣ Пакстона, построеніе зданія будетъ стоить 34 миліона фунтовъ стерлинговъ (210 мил. р. сер.). Осуществленіе столь громаднаго проекта можетъ на первый разъ казаться невозможнымъ; но еще семи лѣтъ не прошло съ того времени, когда почти всѣмъ казалось невозможнымъ построеніе подводнаго телеграфа между Франціею и Англіею; а теперь этотъ телеграфъ кажется игрушкою сравнительно съ новымъ телеграфомъ, проложеннымъ черезъ Средиземное Море и имѣющимъ подводной длины до 500 верстъ. Годъ тому, мы сообщали читателямъ, что готовы и счастливо погружены въ море два первыя его отдѣленія, соединяющія Италію съ Корсикою и Корсику съ Сардиніею. Теперь уже отправленъ изъ Англии для погруженія третій, послѣдній кусокъ, который соединитъ Сардинію съ Африканскимъ берегомъ.

Практическіе люди перестали сомнѣваться въ скоромъ проложеніи телеграфическаго каната и черезъ Атлантическій Океанъ между Европою (западнымъ берегомъ Ирландіи) и Америкою (восточнымъ берегомъ Нью-Фаундленда). Вопросъ объ этомъ проектѣ былъ поднятъ, года полтора тому, извѣстнымъ сѣвероамериканскимъ морякомъ Мори (Maury), оказавшимъ и наукѣ и мореходству чрезвычайно-важную услугу составленіемъ картъ морскихъ теченій, пользуясь которыми, теперь корабли, ходящіе между Европою и Америкою, сократили время своего плаванія неменѣе какъ на третью часть. Потомъ Мори, при содѣйствіи правительствъ различныхъ державъ, распространилъ кругъ своихъ наблюденій на Великій Океанъ, чтобъ подобнымъ же образомъ, изучивъ его теченія, сократить пути изъ Европы и Америки въ Индію, Китай и Новую Голландію. Практичность и основательность проектовъ подобнаго человѣка заслуживаетъ довѣрія. Онъ утверждаетъ, что Атлантическій Океанъ, преросходно имъ изученный, имѣетъ между Англіею и Сѣвornoю Америкою дно ровное, не представляющее ни пропастей, ни острыхъ скалъ, и потому удобное для проложенія каната. Кромѣ — того, говорятъ онъ, глубина этого океана, не будучи чрезмѣрною, однако такова, что ни движенія прилива и отлива, ни морскія теченія не тревожатъ дна, колебля только верхніе слои воды, потому канатъ будетъ спокоенъ на днѣ океана. Издержки на устройство телеграфа далеко не такъ громады, какъ можетъ заставить думать его огромное протяженіе; потому—что при подводныхъ телеграфахъ значительнѣйшую часть расходовъ составляютъ издержки на устройство береговыхъ плотинъ, которыя одинаковы, какова бы ни была длина самаго каната. Въ одной изъ англійскихъ газетъ мы читали, что Американско-европейская Телеграфическая Компанія заключила уже съ одною изъ англійскихъ мануфактуръ контрактъ о приготовленіи къ 1-му января 1858 телеграфическаго каната для проложенія черезъ Атлантическій Океанъ. Но другими газетами это извѣстіе еще не повторено, потому и не выдаемъ его за достовѣрное. Нельзя сомнѣваться только въ томъ, что объ атлантическомъ телеграфѣ серьезно думаютъ и въ Америкѣ и въ Англии.

Къ числу важнѣйшихъ выгодъ, которыя доставляются электрическими телеграфами, принадлежитъ то, что они дѣлаютъ затруднительными фальшивыя извѣстія, придумываемыя для спекуляцій на фонды. Последнимъ знаменитымъ случаемъ такого подлога было достославное извѣстіе о взятіи Севастополя, полученное на парижской биржѣ въ концѣ прошедшаго года. Еслибъ тогда существовало между Крымомъ и столицею Франціи телеграфическое сообщеніе, обманъ обнаружился бы черезъ нѣсколько часовъ, французскія газеты не насмѣшили бы всю Европу преждевременными восторгами, и сотни людей не были бы разорены внезапнымъ повышеніемъ, а потомъ еще болѣе сильнымъ паденіемъ фондовъ. И дѣйствительно, въ настоящее время съ ускореніемъ передачи извѣстій, фальшивыя слухи появляются рѣже, нежели прежде, и не такъ легко вводятъ въ заблужденіе публику: она ждетъ официальныхъ объявленій, и если они не явятся черезъ

три-четыре часа, уже никто не вѣритъ неосновательнымъ слухамъ. Не такъ бывало прежде. Фальшивая вѣсть часто господствовала надъ умами по нѣскольку дней, и производила множество несчастій между довѣрчивыми. Англійскія газеты припоминаютъ нѣсколько такихъ случаевъ, великихъ интересовъ.

Во время первой Французской Имперіи, самую любимую и вѣрную уловкою спекуляторовъ были извѣщенія о смерти Наполеона, которыя сообщались публикѣ съ чрезвычайною хитростью, такъ-что имѣли, повидимому, всю достовѣрность. Такъ въ 1804 году, лордъ Гренвилъ, первый министръ, получилъ депешу, извѣщавшую, что Наполеонъ убитъ однимъ изъ своихъ мамелюковъ, который, ненавидя его за египетскій походъ, нѣсколько лѣтъ притворялся преданнымъ ему человѣкомъ, чтобъ найдти случай къ вѣрной мести; наконецъ, нашелъ этотъ случай—и закололъ убійцу своихъ братьевъ. Эта нелпая исторія нѣсколько дней считалась достовѣрною; повсюду въ Англии воцарилась радость, и фонды на биржѣ поднялись. Когда обманъ открылся, сочинителей депеши не могли отыскать. Носились только слухи, обвинявшіе одного изъ членовъ Нижняго Парламента, который участвовалъ въ биржевыхъ спекуляціяхъ. Слухи о смерти Наполеона разносились такъ часто, что, повидимому, не должны были возбуждать никакого довѣрія; тѣмъ не менѣе, они всегда производили свое дѣйствіе. Особенно-ловко были они распушены въ 1814 году. Компания спекуляторовъ сначала купила множество фондовъ, чтобъ съ выгодой продать ихъ, когда они повысятся по сообщеніи заготовленнаго извѣстія, потомъ приступила къ его сообщенію публикѣ слѣдующимъ образомъ. Однажды, рано поутру приплыли въ лодкѣ въ Дувръ нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ мундиры французскихъ офицеровъ; они послѣшно пошли въ гостинницу и велѣли какъ можно скорѣе приготовить себѣ карету, чтобъ скакать въ Лондонъ. Твердя, чтобъ все было готово какъ можно-скорѣе, они нечестливо проговорились о цѣли своей поѣздки: они были посланы къ англійскому правительству съ извѣщеніемъ о смерти Наполеона и заключеніи мира съ Францею. Въ одинъ мигъ извѣстіе разнеслось по Дувру, и толпа людей бросилась къ телеграфу, чтобъ передать радостную новость въ Лондонъ. Но, по-несчастью, упалъ густой туманъ, такъ-что телеграфъ не могъ дѣйствовать. Это сильно огорчило добродушныхъ жителей и еще сильнѣе мнимыхъ французовъ, которые такимъ образомъ должны были сами везти въ Лондонъ свою новость, которая черезъ это лишилась офиціальности, придаваемой телеграфомъ. На каждой станціи они случайно проговаривались, но телеграфъ все еще не могъ дѣйствовать, и съ досадою скакали они далѣе, пока, наконецъ, достигли Лондона, гдѣ и скрылись. Черезъ полчаса извѣстіе о смерти Наполеона было привозимо въ Лондонъ всѣми, пріѣзжавшими по дуврской дорогѣ. Достигнувъ биржи, оно успѣло уже украситься всѣми подробностями и пріобрѣло достовѣрность несомнѣнную. Французскіе офицеры и ихъ компаньоны были съ избыткомъ вознаграждены за свои хлопоты повышеніемъ фондовъ. Вотъ другой случай, относящійся къ началу XVIII вѣка, еще болѣе замысловатый. Это было въ 1715 г., когда претендентъ сдѣлалъ высадку въ Англию.

О его судьбѣ носились самые противоположныя слухи: то говорили, что онъ взятъ въ плѣнъ, то возникали извѣстія, что онъ идетъ прямо на Лондонъ съ большими силами. И вотъ, однажды поутру явилась на дорогѣ, ведущей къ приморскому городу Монтрозу, карета, въ которой сидѣли четыре человѣка. Она во весь галопъ скакала къ городу, но на послѣдней станціи, при перемѣнѣ лошадей, экипажъ былъ окруженъ отрядомъ королевскаго войска; путешественники хотѣли противиться, но были арестованы и подъ сильнымъ прикрытіемъ повезены по дорогѣ въ Лондонъ. Само-собою разумѣется, быстро распространились слухи, что претендентъ, отчаявшись въ успѣхѣ своего предпріятія, хотѣлъ бѣжать въ Монтрозъ и сѣсть на корабль, чтобъ спастись въ Франціи, но захваченъ въ плѣнъ и отвезенъ въ лондонскій Тауэръ. Выдумщики этой драмы раздѣлили съ своими актѣрами обильную жатву, собранную ими на биржѣ, благодаря таковой искусной продѣлкѣ.

Иногда фальшивымъ извѣстіямъ придавалась совершенно офіціальная форма. Такъ въ 1803 г., во время войны съ Наполеономъ, прибиты были рано поутру на улицахъ афиши: «Министерство имѣетъ удовольствіе объявить публикѣ, что переговоры съ Франціею приведены къ счастливому окончанію». Черезъ часъ афиши были сорваны полиціею, но успѣли сдѣлать свое дѣло: фонды поднялись и авторы афишъ приобрѣли огромныя суммы, которыхъ, впрочемъ, тотчасъ же и лишились, потому-что всѣ биржевыя сдѣлки, заключенныя подъ вліяніемъ афишъ въ тотъ день, были объявлены Парламентомъ недействительными. Кстати, говоря о биржѣ, скажемъ, что Лондонъ былъ недавно чрезвычайно встревоженъ внезапнымъ банкротствомъ одного изъ английскихъ банкирскихъ домовъ, имѣвшаго фирму Strahan, Paul и Bates. Недочетъ въ кассѣ значителенъ; онъ простирается до 700,000 ф. ст. (4,350,000 р. сер.) и число разорившихся велико; но еще болѣе встревожило Лондонъ то обстоятельство, что банкротство не было слѣдствіемъ несчастія или неискusstва этихъ банкировъ, а преднамѣреннымъ обманомъ: фирма выдавала фальшивыя вексели и проч., для увеличенія своего кредита. Подобнаго случая не бывало въ Лондонѣ уже нѣсколько лѣтъ, и потому банкиры пользовались безграничнымъ довѣріемъ негодіантовъ и публики. Теперь это довѣріе не могло не поколебаться при мысли: «почему знать? быть-можетъ, не одинъ домъ Strahan, Paul и Bates поступалъ подобнымъ образомъ». Это опасеніе тѣмъ естественнѣе и страшнѣе, что обанкротившаяся фирма считалась одною изъ заслуживающихъ наибольшаго довѣрія и была одною изъ самыхъ прочныхъ.

Но если гдѣ теперь биржевыя спекуляціи въ полномъ разгарѣ, то это въ Парижѣ, по случаю недавняго огромнаго займа, объявленнаго правительствомъ. Успѣхъ его объясняется не какимъ-нибудь увлеченіемъ публики, а просто тѣмъ, что условія подписки очень-выгодны: каждый владѣтель прежнихъ облигацій, продавая ихъ и покупая облигаціи новаго займа, получаетъ на каждыя 100 франковъ 3 или 4 франка чистой выгоды. Но какимъ же образомъ цѣны прежнихъ об-

лигацій удерживались въ цѣнѣ, 3 — 4 франками высшей, нежели цѣна новыхъ облигацій? И на это есть очень-простая причина: правительство, имѣющее свои расчеты съ колоссальною компаніею *Crédit Mobilier*, распорядилось, чтобъ она не щадила ничего для поддержанія цѣны фондовъ; само-собою разумѣется, что компанія вознаграждается съ избыткомъ за свои пожертвованія, и легко видѣть, кто остается въ убыткѣ. Какъ бы то ни было, но выгодныя условія новаго займа вызвали множество продѣлокъ со стороны спекулянтовъ. Вотъ одна изъ нихъ. Небогатые люди, подписавшіеся на незначительныя суммы (отъ 250-ти до 1,250-ти франковъ) пользуются, по условіямъ займа, нѣкоторыми преимуществами предъ другими подписавшимися, и спекулянты тотчасъ отправились по госпиталямъ, богадѣльнямъ и проч. собирать подписи отъ нищихъ, чтобъ такимъ образомъ свои сотни тысячъ франковъ раздѣлить на тысячи и пользоваться преимуществами, которыя предоставлены людямъ небогатымъ. Полиція должна была формально вмѣшаться въ эти дѣла.

Въ Парижѣ, кромѣ выставки, которая уже не новость, мало новостей; и такъ-какъ выставка начинается уже наскучать, то большимъ успѣхомъ пользуются несчастные уродцы съ длинными носами, вѣроятно тѣ самые, которые, года два тому, были привозимы въ Лондонъ и сначала надѣлали шума. Нѣкоторые повѣрили сказкѣ, что эти карлики — представители цѣлаго племени, имѣющаго не болѣе пяти четвертей росту и живущаго гдѣ-то въ неприступныхъ горахъ Центральной Америки. Потомъ разсудительные люди успѣли убѣдить всѣхъ остальныхъ, что привезенные въ Лондонъ уроды болѣе ничего, какъ уроды, и что баснословнаго ихъ племени никогда не существовало. Но парижане теперь восхищаются карликами и, кажется, отъ-души вѣрятъ всѣмъ сказкамъ объ этихъ мнимыхъ азтекахъ. Впрочемъ, и Лондонъ въ настоящую минуту имѣетъ свою диковинку — китайскаго поэта, который пріѣхалъ искать вдохновенія въ Англію, и обѣщается описать «рыжеволосыхъ варваровъ» самыми привлекательными красками въ своихъ будущихъ поствахъ. Имя этого поэта — Чук-син-лэнъ. Мы читали переведенные въ англійскихъ журналахъ длинныя отрывки изъ книги другаго китайскаго литератора, но ужъ не поэта, а смиреннаго прозаика, который также побывалъ въ Лондонѣ и, возвратившись въ Кантонъ, описалъ свое путешествіе. Какъ европейцы всему дивятся въ Китаѣ, такъ онъ всему дивится въ Европѣ и самымъ точнымъ образомъ передаетъ своимъ соотечественникамъ ничтожнѣйшія вещи, какъ нѣчто очень-любопытное. Такъ, на примѣръ, онъ обстоятельно рассказываетъ, какъ европеецъ принимается за дѣло, когда отправляетъ письмо: вкладываетъ написанный листъ въ бумажную сумочку, на этой сумочкѣ пишетъ, кому слѣдуетъ отдать письмо, потомъ зажигаетъ свѣчу, беретъ сургучъ (описывается, что такое сургучъ), зажигаетъ его, даетъ ему капать на сложенные концы бумажной сумочки и т. д.; подобнымъ образомъ, очень-наивнымъ и вѣрнымъ, но нисколько-незанимательнымъ для насъ, описываетъ онъ, какъ европейцы садятся за столъ, ѣдятъ, пьютъ чай и т. д. Хорошо,

если наши путешественники описываютъ китайскіе нравы такъ же вѣрно, а еще лучше, если китайцы читали рассказъ своего соотечественника о Европѣ съ такимъ же любопытствомъ, какъ мы описанія Китая. Возвратимся въ Парижъ.

Россини, на котораго парижане собирались любоваться, какъ на атека, и который не захотѣлъ удовлетворить ихъ любопытству, избѣгалъ общества и жилъ въ Парижѣ затворникомъ, теперь поѣхалъ въ Лондонъ. Мы читали въ газетахъ извѣстіе, будто-бы г-жа Жоржъ Зандъ написала для него либретто оперы Лага, и будто-бы Россини уже пишетъ музыку этой оперы: все это, вѣроятно, 'пустые слухи. Театральныя извѣстія изъ Парижа ограничиваются почти исключительно продолженіемъ восторженныхъ фельетоновъ о Ристори и вѣчныхъ толковъ о Рашель, безъ слуховъ о которой не обойдется ни одинъ мѣсяць. Теперь извѣстно, что Рашель дѣйствительно ѣдетъ въ Америку, черезъ Англію, гдѣ дастъ нѣсколько представлений, а теперь даетъ прощальныя представленія въ Парижѣ, и, несмотря на недавнее недовольство публики великою артисткою, театръ каждый разъ не вмѣщаетъ восторженныхъ зрителей. Вѣроятно съ цѣлью удержать ее во Франціи, недавно дано ей званіе «профессора декламации» (*professeur de la déclamation*) въ Парижской Консерваторіи; но, какъ видимъ, почестъ не отклонила ее отъ поѣздки въ Америку. Счастливая соперница Рашели, мадамъ Ристори, продолжаетъ восхищать Парижъ. Послѣ блестящихъ успѣховъ въ роляхъ Франчески де-Римини и Мирры, о которыхъ мы уже говорили, итальянская артистка возбудила еще бѣльшій (если только это возможно) фуроръ въ роли Маріи Стюартъ, въ передѣланной Маффеи для итальянской сцены трагедіи Шиллера. Ристори получила уже офинціальное предложеніе остаться въ Парижѣ и играть на Théâtre Français. Она хорошо говоритъ по-французски; а пребываніе въ Парижѣ скоро дастъ ей настоящій французскій акцентъ, потому языкъ не составляетъ затрудненія; но въ условіяхъ ангажемента до-сихъ-поръ еще не сошлась она съ управленіемъ театра. Вотъ всѣ парижскія театральныя новости. О лондонскихъ театрахъ болѣе слуховъ. Кромѣ Гризи и Маріо, публика восхищается талантомъ молодой пѣвицы Гассье (*Gassier*), которая имѣла большой успѣхъ и въ Парижѣ, гдѣ пѣла въ прошедшую зиму; еще болѣе восхищается нашимъ знакомцемъ Лаблашемъ и г-жею Бозіо, съ талантомъ которой Петербургъ познакомится въ слѣдующій оперный сезонъ. Концертамъ въ Лондонѣ не было числа въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Но главную новость составляетъ опера Мейербера, «*L'Étoile du Nord*», которая имѣетъ блистательный успѣхъ и была поставлена на сцену самимъ композиторомъ, нарочно-пріѣзжавшимъ для того въ столицу Англіи. Говорятъ также, что Мейерберъ пишетъ новую оперу—какую, еще неизвѣстно. Но англійскимъ артистамъ не посчастливилось за границую такъ, какъ ихъ иностраннымъ собратамъ въ Лондонѣ: труппа англійскихъ актѣровъ, пріѣзжавшая въ Парижъ на всемірную выставку, рѣшительно не имѣла успѣха. Правда и то, что она состояла изъ плохихъ актѣровъ. Если бы Ристори не дала великодушно спектакля въ пользу несчастныхъ бри-

танцевъ, они должны были бы возвращаться домой пѣшкомъ, а черезъ Ламаншскій Проливъ переправляться вплавь.

Болѣе всего шума въ Парижѣ (за исключеніемъ войны, займа и выставки) надѣлала, какъ и въ прошлые мѣсяцы, Французская Академія, или, точнѣе сказать, де-Саси, вновь-избранный членъ ея. Де-Саси уже много лѣтъ былъ важнѣйшимъ сотрудникомъ Journal des Débats, а по смерти Армана Бертена сдѣлался главнымъ редакторомъ этой газеты, находящейся въ упорной оппозиціи противъ Луи Наполеона и сохранившей вѣрность орлеанской династіи. Этому онъ и обязанъ своимъ избраніемъ Академіею, гдѣ, какъ читателямъ извѣстно, преобладаетъ партія орлеанистовъ и легитимистовъ, нынѣ соединившихся противъ общаго врага. Этотъ выборъ былъ дѣломъ не столько литературнымъ, сколько политическимъ, оппозиціоннымъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали рѣчи, которую, по обычаю, долженъ произнести новоизбранный членъ при вступленіи въ Академію. Рѣшится ли де-Саси поддержать эту рѣчью политическій характеръ своего избранія? и если рѣшится, то въ какой степени тверда будетъ его рѣчь? Она превзошла всѣ ожиданія своею отважностью. Де-Саси прямо сказалъ, что Французская Академія сдѣлалась центромъ оппозиціи противъ нынѣшняго правительства, попирающаго то, что составляло прежде славу Франціи — литературу. Стечение публики было огромно и смѣлый ораторъ заслужилъ общее громкое одобреніе. Мы не можемъ привести всей рѣчи, которая очень-длинна; приведемъ по крайней-мѣрѣ изъ нея нѣсколько строкъ.

«Избравъ меня членомъ Академіи, вы исполнили мечту всей моей жизни. Я всегда думалъ, что для каждаго литератора мѣсто во Французской Академіи — благороднѣйшая цѣль, вѣнецъ всѣхъ стремленій, награда за всѣ труды.

«Среди столькихъ потерь, испытанныхъ обществомъ нашего времени, Французская Академія осталась непоколебимою. Она сохранила въ своихъ нѣдрахъ изгнанныя отовсюду понятія о правосудіи.

«И кажется, что въ послѣднее время, среди всѣхъ крушеній, испытанныхъ нами въ послѣдніе годы, роль Французской Академіи стала еще возвышеннѣе, нежели какова была прежде. Молчаніе, владычествующее теперь у насъ повсюду, даетъ чрезвычайную силу вашимъ словамъ. Вы одни напоминаете Франціи о славныхъ дняхъ ея.

«Все измѣнилось вокругъ васъ, а вы не измѣнились. И не должно ли радоваться, что существуетъ хоть одно учрежденіе, въ которомъ хранятся преданія французской мысли?

«Мои похвалы не простое выраженіе благодарности: онѣ имѣютъ значеніе болѣе-серьезное. Мнѣ хотѣлось указать важность Академіи въ такую эпоху, когда наиболѣе ясна польза, ея приносимая, когда она очевидно доказываетъ, что заботится не только о словахъ и фразахъ».

Впрочемъ, несмотря на похвалы де-Саси Французской Академіи, надобно согласиться, что никогда французская литература не представляла такъ мало отраднаго. Чтобъ помочь этой бѣдности, явился

мецenateцъ въ лицѣ Верона, который передалъ Обществу Литераторовъ (Société des Gens de Lettres) сумму въ 10,000 фр., которую черезъ него препровождаетъ Общество «одинъ изъ любителей литературы, желающій остаться неизвѣстнымъ» и назначающій эти денги для учрежденія литературныхъ премій. Комитетъ Общества назначилъ послѣ этого слѣдующія тѣмы и медали: «Литература и литераторъ въ XIX вѣкѣ», медаль въ 2,000 франковъ; «Этюдъ о Бальзакѣ», медаль въ 1,500 фр.; за повѣсть, лучшую изъ представленныхъ, медаль въ 1,000 фр.; за стихотвореніе въ 200 — 300 стиховъ, на тѣму: «Искатели золота въ XIX вѣкѣ», медаль въ 1,500 фр. (Послѣдняя медаль довольно-забавна: назначать тѣму для поэта! по тавовы французскія привычки.) Остальные 4,000 фр. будутъ распределены между авторами сочиненій, наилучшихъ послѣ награжденныхъ медалями. Для присужденія медалей составленъ комитетъ изъ лучшихъ современныхъ литераторовъ.

Что затѣмъ сказать о Парижѣ, не касаясь выставки? Развѣ только то, что въ июль, когда прежніе холода и дожди смѣнились зноемъ, пронесся надъ Парижемъ ураганъ, какого не бывало въ этомъ городѣ лѣтъ двадцать, и надѣлалъ множество бѣдъ; или рассказать слѣдующій анекдотъ, который привелъ въ сильное неудовольствіе парижскихъ юристовъ. Года два или три назадъ, нѣкто mr. Витри, уѣзжая въ Америку искать золота, поручилъ управленіе своими дѣлами одному старому пріятелю. Два года прошло благополучно: довѣренное лицо отдавало въ наймы домъ своего довѣрителя, его земли и пр.—дѣла незатруднительныя; но вдругъ оно почло также своей обязанностью подать въ судъ просьбу на г-жу Витри, которая «измѣняетъ своимъ супружескимъ обязанностямъ».

Теперь рождается вопросъ: можетъ ли довѣренность на управленіе дѣлами отсутствующаго пріятеля простираться до-того, чтобъ судебнымъ порядкомъ преслѣдовать его жену за нарушеніе вѣрности?

Какъ и всегда, о Германіи мало можно сообщить извѣстій, которыми скудны нѣмецкія газеты. Упомянемъ только о юбилеѣ св. Бонифація, архіепископа майнцскаго, просвѣтителя Германіи. Въ нынѣшнемъ году исполнилось одиннадцатое столѣтіе со времени его мученической кончины (755 г.), и въ Майнцѣ дѣлюю недѣлю (14—21 июля) продолжалось торжество въ честь основателя майнцской кафедры и проповѣдника христіанства въ Германіи. Характеръ торжества по преимуществу былъ духовный: процесіи и набожные богомольцы приходили въ Майнцъ изъ всѣхъ окрестныхъ областей; по вечерамъ городъ былъ иллюминированъ. Изъ всѣхъ девизовъ, стихотвореній и рѣчей, мы замѣтимъ только надпись, прекрасно-составленную, которую была украшена статуя, поставленная въ Майнцѣ Гуттенбергу, урожденцу этого города.

Sanctus Bonifacius veritatem propagavit verbo et sanguine, ego arte et typis. Uterque in honorem Dei, hominum salutem, Moguntiae gloriam (Св. Бонифацій распространялъ истину словомъ и кровью своей; я — искусствомъ книгопечатанія, но одинаково мы трудились во славу Богу, во благо людямъ, въ честь Майнцу).

Прежде, нежели перейдемъ къ сообщенію извѣстій о выставкѣ, упомянемъ о смерти вдовы знаменитаго Гегеля, извѣстной французской писательницы мадамъ Эмиль Жиранденъ, и знаменитаго путешественника по полярнымъ морямъ — Парри.

Мадамъ Эмиль де-Жиранденъ, урожденная Дельфина Гэ, была дочь даровитой писательницы Софьи Гэ. Выйдя замужъ за извѣстнаго журналиста, сначала писала въ его газетѣ, подъ именемъ виконта Делона, письма о парижской жизни, которыя заслужили общее вниманіе живостью и остроуміемъ; потомъ съ успѣхомъ обратилась она къ драматическому роду. Комедіи мадамъ Эмиль де-Жиранденъ «Lady Targuffe» (написанная по просьбѣ Рашель) и «La Joie fait Peur», извѣстныя и петербургской публикѣ, имѣли большой успѣхъ и принадлежать къ лучшимъ пьесамъ современнаго французскаго репертуара. Жалѣя о мадамъ Эмиль де-Жиранденъ, какъ о даровитой писательницѣ, еще болѣе жалѣютъ о ней, какъ о превосходной женщинѣ, любезной хозяйкѣ, салонъ которой былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Парижѣ.

Адмиралъ Парри давно ужъ страдалъ, разрушивъ свое здоровье неутомимыми странствованіями по сѣвернымъ морямъ. Онъ скончался 3 іюля въ Эмсѣ, куда поѣхалъ пользоваться водами. Припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ его жизнь. Сэръ Эдуардъ Парри родился въ 1790 г. и въ самой ранней молодости поступилъ въ морскую службу; въ 1810 г. онъ получилъ чинъ лейтенанта, и вскорѣ послѣ того былъ прикомандированъ къ эскадрѣ, крейсировавшей у береговъ Сѣверной Америки, гдѣ былъ замѣченъ, какъ отличный морякъ, хорошей теоретикъ и искусный практикъ. Уже тогда мысли его были заняты путешествіями для географическихъ открытій, и онъ думалъ участвовать въ экспедиціи, изслѣдовавшей западные берега Африки; но около 1817 года, по извѣстіямъ о большомъ разрывѣ льда въ американскомъ арктическомъ океанѣ, изъ Англии были посланы двѣ экспедиціи, чтобъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для изслѣдованія полярныхъ странъ; къ одной изъ этихъ экспедицій, отправлявшейся подъ начальствомъ Росса въ Баффиновъ Заливъ, присоединенъ былъ, по своему желанію, лейтенантъ Парри. Экспедиція была неудачна; но, въ замѣну ея, снаряжена была новая экспедиція, начальство надъ которою вѣрено было Парри. Она отправилась изъ Англии въ маѣ 1819 года и въ сентябрѣ достигла Мельвилевыхъ Острововъ, на которыхъ зимовала. Никто изъ офицеровъ не сомнѣвался въ возможности пройти на слѣдующее лѣто и остальную, еще неизвѣстную науцѣ, часть пути до Берингова Пролива; но надежды оказались тщетными: послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ подвинуться далѣе на западъ, Парри принужденъ былъ возвратиться. Въ 1821 г. пустился онъ во вторую экспедицію на корабляхъ «Гекла» и «Фурія». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія въ Англію, онъ вызвался начальствовать третьею арктическою экспедиціею, на тѣхъ же корабляхъ, продолжавшеюся до 1827. По возвращеніи въ Англію, онъ вызвался устроить новую экспедицію на лодкахъ съ половыми, которая

вѣла вѣдью проникнуть далѣе къ сѣверному полюсу. Его предложеніе было принято, и въ томъ же году пустился Парри въ новый путь, на которомъ достигъ 82° 45' сѣв. широты — такъ близко къ полюсу не бывалъ еще ни одинъ путешественникъ. Это была послѣдняя экспедиція Парри. Послѣ того занималъ онъ различныя должности по гидрографической и вообще морской части, и успѣлъ еще оказать много услугъ наукѣ, несмотря на состояніе своего здоровья, разстроенаго полярными странствованіями.

— На-дняхъ изданы «Письма маршала Сент-Арно» къ его роднымъ. Издателемъ былъ братъ покойнаго, и уничтожилъ всѣ мѣста, которые могли быть невыгодны для его памяти; но и въ этомъ обрѣзанномъ видѣ письма Сент-Арно достаточно рисуютъ его, какъ отчаяннаго удалца, который заботится только о томъ, чтобъ пробить себѣ дорогу къ богатствамъ и почестямъ какими бы то ни было путями — сначала картами и различными походами, потомъ политическими услугами двусмысленнаго характера разнымъ правительствамъ, поочередно управлявшимъ Францію. Личность человека, который былъ главнымъ орудіемъ при насильственномъ переворотѣ, доставившемъ диктатуру надъ Францію Луи Наполеону и безъ опрометчивой рѣшительности котораго не состоялась бы крымская экспедиція, представляетъ интересъ для русскихъ читателей, и потому сообщимъ нѣкоторые отрывки изъ его писемъ.

Маршалъ Сент-Арно родился въ 1798 году. Молодой Леруа (такова была настоящая фамилія Сент-Арно, которую онъ почелъ нужнымъ переимѣнить, когда слишкомъ загрязнилъ ее разными походами) воспитывался въ Военной Школѣ, сдѣлался офицеромъ, оставилъ службу вслѣдствіе разныхъ неприятныхъ для его репутаціи обстоятельствъ, поѣхалъ волонтеромъ сражаться за независимость Греціи, но скоро, покинувъ греческое дѣло, отправился странствовать по Востоку, по Италіи, Бельгіи, Англіи. Послѣ июльской революціи возвратился онъ во Францію, снова поступилъ на военную службу съ чиномъ поручика, и поѣхалъ въ Алжиръ. Письма его оттуда къ роднымъ рисуютъ его человекомъ чрезвычайно-горячимъ, жаждавшимъ отличій, нещадившимъ своихъ солдатъ, чтобъ достигъ ихъ, съ презрѣніемъ смотрѣвшимъ на все, кромѣ войны и битвъ. Государственные люди, ученые, литераторы — всѣ ничтожны въ его глазахъ; онъ благоговѣетъ только передъ маршаломъ Бюжо (тогдашнимъ главнокомандующимъ алжирскою арміею), отъ котораго зависитъ его собственное повышение по службѣ. Февральскій переворотъ, открывшій столькимъ новымъ людямъ дорогу къ почестямъ, сильно возбудилъ надежды Сент-Арно. Его понятія хорошо опредѣляются тѣмъ, что когда Кавеньякъ былъ сдѣланъ диктаторомъ, Сент-Арно съ презрительнымъ сожалѣніемъ говоритъ: «Кавеньякъ не умѣетъ пользоваться своимъ положеніемъ, потому-что честенъ». Когда явился на политической аренѣ Луи-Наполеонъ, Сент-Арно присталъ къ его партіи, потому-что видѣлъ въ немъ авантюриста, готоваго на все и, въ-случаѣ удачи, могущаго дать многое своимъ помощникамъ. Никакихъ слѣдовъ личной привязанности къ Луи-Наполеону, или преданности ему по убѣ-

жденію, мы не находимъ въ письмахъ Сентъ-Арно: имъ руководили одни эгоистическіе расчеты; еще въ 1850 году онъ уже говоритъ о насильственныхъ мѣрахъ для провозглашенія Луи-Наполеона императоромъ, и эта надежда, побудившая его пристать къ своему партию, не покидаетъ его ни на минуту. Но только съ сентября 1851 года (мѣсяца за три до знаменитаго *coup d'état* 2-го декабря) эти два человѣка сближаются, и письма Сент-Арно не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ рѣшимости Луи-Наполеона на этотъ переворотъ; и здѣсь, какъ вездѣ, онъ является авантюристомъ, который, чтобъ выиграть, охотно ставитъ на карту все — и спокойствіе государства, и свою собственную жизнь. Но интереснѣе всего для насъ тѣ письма Сент-Арно, которые относятся къ крымской экспедиціи. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ нихъ. Еще въ апрѣлѣ 1854 года онъ пишетъ: «Намъ необходимы успѣхи. Неудача была бы для насъ погибелью». Подъ словами «мы» очевидно понимаются Луи-Наполеонъ и Сент-Арно. «Французы не будутъ роптать на годичную или двухлѣтнюю войну (продолжаетъ онъ), но имъ въ-замѣнъ пожертвованій нужны бюллетени, успѣхи... Вы говорите о Крымѣ. Я мечтаю о немъ и надѣюсь, что расчеты благоразумія не отнимутъ у меня этого случая». Въ началѣ іюня онъ пишетъ: «Я умираю отъ нетерпѣнія быть подъ Севастополемъ; но высадка ужасаетъ меня. Теперь я понимаю, сколько времени и средствъ нужно для перевозки даже одной пѣхотной бригады, одной батареи и 600 лошадей. Перевозка одной батареи на кораблѣ заняла у насъ три дня, и столько же времени понадобилось на то, чтобъ выгрузить ее. Сообразите же теперь, что къ Севастополю должны бы мы везти 50,000-ю армію — какой разсудительный человѣкъ рѣшится на это?» — «Высадка въ Крымъ была любимую моею идеею (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ отъ того же числа), но ландкарты заставили меня поколебаться въ ней. Я серьезно думалъ объ этой экспедиціи, какъ о смѣломъ внезапномъ нападеніи, *coup de main*; но я видѣлъ, какво сажать войска на корабли и дѣлать высадку... Кроме-того, для этой экспедиціи необходимо 100,000 войска». И однакожь, черезъ нѣсколько времени Сент-Арно предпринялъ эту экспедицію, которую самъ признавалъ безразсудною. «Въ-случаѣ успѣха, я буду великимъ человѣкомъ; въ-случаѣ неудачи — пусть будетъ, что будетъ!» пишетъ онъ къ брату въ сентябрѣ. Въ этихъ словахъ, достойныхъ страстнаго игрока, если не полководца, вся тайна крымской экспедиціи. «Чтеніе писемъ Сент-Арно (говоритъ *The Athenaeum*, изъ котораго мы заимствовали наши выписки) убѣдило насъ, что маршалъ предпринялъ крымскую экспедицію и перевезъ армію на вражескую землю, не обращая вниманія на то, какой судьбѣ подвергаетъ онъ союзныя войска. Вся его жизнь, какъ доказывается этою перепискою, была жизнью отчаяннаго авантюриста, отважнаго, неслишкомъ-совѣстливаго, жаждущаго крови, подобно дикому звѣрю (*inscrupulous and excited, like a wild animal, by the scent of blood*).

— Черезъ полтора мѣсяца послѣ церемоніи открытія, парижская выставка открыта наконецъ для публики въ полномъ своемъ составѣ,

29-го юня. Несмотря на отсутствіе системы, на разбросанность промышленной выставки по тремъ различнымъ зданіямъ и другія несообразности и недосмотры, она представляетъ зрѣлище величественное и пеучительное. Комитетъ англійскихъ коммиссіонеровъ, вслѣдъ за нимъ и комитеты другихъ государствъ, объявили, что полнотою и достоинствомъ выставленныхъ произведеній она превосходитъ лондонскую выставку 1851 года, и потому предлагаютъ фабрикантамъ и рабочимъ англійскимъ и другимъ не жалѣть времени и расходовъ на посѣщеніе Дворца Елисейскихъ Полей, гдѣ могутъ они научиться многому, видѣть много такого, чего еще не представлялъ Гайд-Паркскій Дворецъ.

Стеченіе публики до половины юля было огромно, потомъ начало уже уменьшаться. Парижанамъ выставка надоѣла; массы провинціальныхъ и иностранныхъ посѣтителей еще не успѣли собраться въ дорогу. Чтобы дать понятіе о числѣ лицъ, интересующихся выставкою, скажемъ, что число ея посѣтителей въ теченіе юня простиралось до 600,000 человекъ: если эта пропорція и не увеличится въ остальные четыре мѣсяца, то число лицъ, которыя видѣли выставку, въ концѣ года будетъ простираться до трехъ милліоновъ.

Комитеты присяжныхъ, которые должны присудить медали, приводятъ къ концу свои дѣйствія. По нѣкоторымъ отдѣленіямъ промышленности уже составлены присяжными рапорты и, вѣроятно, скоро будутъ обнародованы. Только тогда появятся и въ журналахъ полныя и основательныя обозрѣнія выставки. До-сихъ-поръ мы читали только отрывочныя статьи о той или другой отрасли промышленности, да и тѣ заключали болѣе фразъ, нежели точныхъ фактовъ. Между-тѣмъ замѣтимъ, что французы оказываютъ болѣе любезности своимъ гостямъ, нежели оказали англичане въ 1851 году. Это видно между-прочимъ въ назначеніи президентовъ и вице-президентовъ въ комитетахъ присяжныхъ. На лондонской выставкѣ почти всѣ эти мѣста были заняты англичанами; на парижской выставкѣ почти половина ихъ уступлена иностранцамъ, и по спискамъ ихъ видимъ, что послѣ Франціи самое дѣятельное участіе въ выставкѣ приняли Англія, Бельгія, Пруссія, Австрія и Виртембергъ.

Количество посѣтителей выставки удовлетворительно, но не совсѣмъ удовлетворительно ихъ качество; почти всѣ приходятъ не за тѣмъ, чтобы внимательно разсматривать вещи, дѣйствительно представляющія интересъ для любознательности, а просто затѣмъ, чтобы поглазѣть на разныя диковинки, особенно на разныя игрушки, придуманныя шарлатанами для взрослыхъ. Такъ, напримѣръ, всего болѣе зрители толпятся вокругъ нѣкоторыхъ автоматовъ, вокругъ огромной статуи Венеры, сдѣланной изъ сахара съ большимъ искусствомъ, вокругъ огромной модели, представляющей типографію въ полномъ разгарѣ дѣятельности, и т. п. Слова нѣтъ, всѣ эти игрушки сдѣланы хорошо; но развѣ онѣ должны быть главнымъ предметомъ любопытства въ зданіи, гдѣ собраны всѣ чудеса новѣйшихъ усовершенствованій въ промышленной дѣятельности?

Спекуляціи, возникшія въ ожиданіи выставки, почти всё лопнули; теперь возникаютъ новыя безчисленныя спекуляціи, которымъ по-большей-части предстоитъ та же участь. Упомянемъ объ одной. Составилась компанія съ цѣлью купить двадцать лучшихъ изъ выставленныхъ картинъ и, по закрытіи выставки, возить два года по Европѣ эту небольшую, но избранную галерею.

Полныхъ и удовлетворительныхъ обзорѣн выставки, сказали мы, еще нѣтъ. Потому можемъ представить только немногія отрывочныя замѣчанія о нѣкоторыхъ частяхъ ея, выбранныя нами изъ бездныя вустословныхъ статей, наполненныхъ фразами.

Едва-ли не блистательнѣе всего во французской выставкѣ произведенія севрской фарфоровой фабрики и гобеленовской мануфактуры. Изъ вещей, приготовленныхъ первюю, особенное вниманіе обращаетъ огромная, великолѣпная и съ большимъ вкусомъ сдѣланная ваза, назначаемая въ подарокъ английской королевы и служащая воспоминаніемъ о лондонской выставкѣ 1851 года. Вотъ описаніе рисунковъ, покрывающихъ вазу.

На четырехугольномъ пьедесталѣ нарисованы четыре женскія головы, изъ которыхъ каждая представляетъ часть свѣта. Европа изображается головою Минервы, Азія—головою китайки, Америка—краснокожей дѣвушки, Африка—головою негрятки. Но главный рисунокъ помѣщенъ на самой вазѣ; это — процесія народовъ, участвовавшихъ въ лондонской выставкѣ. Процесія раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ каждая занимаетъ половину окружности вазы и направляется къ общему центру рисунка, занятому третьею группою, составленною изъ фигуръ «Обиля», «Справедливости» и «Согласія», сидящихъ обнявшись на престолѣ. Въ главѣ той группы, которая подходитъ къ этимъ божествамъ съ лѣвой стороны, идутъ Франція и Бельгія; онѣ представлены двѣнадцатю фигурами, несущими шелковыя ткани, ювелирныя издѣлія, палетту, кузнечный молотокъ и пр.; за французскими фигурами слѣдуютъ нѣсколько арабовъ съ произведеніями Алжира. Второе отдѣленіе процесіи составляютъ Австрія и Пруссія, представители которыхъ рудокопы, пивовары, ткачи и пр. За ними слѣдуютъ полувосточныя, полумавританскія фигуры, изображающія Испанію и Португалію; далѣе—Турція; процесію составляютъ Соединенные Штаты. Впереди процесіи, идущей съ лѣвой стороны—Англія съ своими колоніями, Россія съ нѣхами, кожаными и малахитовыми издѣліями и проч.; процесія заключается Китаемъ съ его издѣліями. Подъ центральною группою, къ которой направляются обѣ процесіи, надпись: *En commémoration de l'Exposition de Londres. 1851.* (Въ воспоминаніе лондонской выставки. 1851).

Английская выставка отличается огромностью выставленныхъ массъ товаровъ. Такъ, напримѣръ, хлопчатобумажныя издѣлія лежатъ цѣлыми горами тюковъ. Выставки всѣхъ остальныхъ народовъ оттѣсняются на второй планъ произведеніями Франціи и Англіи; Германія и Швейцарія могутъ хвалиться только нѣкоторыми отдѣльными отраслями своей промышленности. Бельгійскія издѣлія почти совершенно слѣдуютъ за французскими, отъ которыхъ отличаются по-большой-

части только именами фабрикантовъ, а не качествомъ. Кромѣ машинъ, которыя составляютъ главное и любопытнѣйшее отдѣленіе выставки, и произведеній парижской промышленности, составляющихъ блистательнѣйшую часть ея, особеннаго вниманія заслуживаютъ тканья издѣлія и типографскія произведенія.

Въ отдѣленіи тканыхъ издѣлій, сужденіе о выставленныхъ товарахъ чрезвычайно затрудняется тѣмъ, что почти ни на одномъ изъ нихъ не показана цѣна; не зная цѣны двухъ издѣлій, нельзя сравнивать и доброту ихъ. Говорятъ, что фабриканты хотѣли выставить цѣны, но купцы отклонили ихъ отъ этого намѣренія, не желая, чтобъ разгласились «коммерческія тайны», то-есть, чтобъ публика узнала, какія огромныя выгоды получаютъ купцы. Вліяніе купцовъ на выставку простерлось и далѣе: на нѣкоторыхъ издѣліяхъ показаны имена не фабрикантовъ, работавшихъ ихъ, а купцовъ, у которыхъ они продаются. Еслибъ такихъ случаевъ было больше, выставка изъ серьезнаго и поучительнаго зрѣлища обратилась бы въ торговую продѣлку нѣсколькихъ купеческихъ домовъ. Наконецъ, нѣкоторыя парижскія магазины успѣли исключительно завладѣть всѣми видными мѣстами въ отдѣленіи французскихъ тканей и, выставивъ свои товары, не представляющіе ничего замѣчательнаго, на лучшихъ мѣстахъ, оттѣснили истинно-прекрасныя издѣлія на второй планъ; отчего много потерялъ общій видъ выставки.

Судя по выставленнымъ образцамъ, въ полотняныхъ издѣліяхъ первенство должно остаться за Бельгіей; второе мѣсто по достоинству занимаютъ англійскія полотна. Германія и Франція также производятъ очень-хорошее полотно.

Англійскія хлопчатобумажныя ткани подавляютъ подобныя издѣлія всѣхъ другихъ народовъ своею огромною массою, своею добротою и дешевизною.

Типографскія издѣлія разбросаны по разнымъ мѣстамъ зданія. Французскія типографіи остаются едва-ли не первыми въ мірѣ по красотѣ своихъ произведеній; но въ то же время должно замѣтить, что типографское искусство сдѣлало въ послѣдніе годы мало новыхъ успѣховъ сравнительно съ другими отраслями промышленности, замѣтно-двинувшимися впередъ со времени лондонской выставки. Замѣтны даже слѣды порчи вкуса въ роскошныхъ изданіяхъ, которыя иногда стремятся не столько къ изяществу, сколько къ изнѣчеству въ украшеніи. Непосредственно послѣ французскихъ типографій должны быть поставлены австрійскія — это удивитъ многихъ, потому-что австрійскія изданія мало распространены въ Европѣ; но люди, имѣвшіе случай видѣть книги, напечатанныя въ Вѣнѣ или Прагѣ, согласятся въ основательности этого сужденія. Другія германскія государства и самая Англія занимаютъ мѣсто уже только послѣ Австріи. Произведенія Императорской Парижской Типографіи не менѣе знаменитой типографіи Дидота достойнымъ образомъ поддерживаютъ славу этихъ учрежденій. По мнѣнію знатоковъ, мнѣвательное изданіе Горация (въ 18-ю долю), сдѣланное въ нынѣшнемъ году Дидотомъ — совершеннѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ изданій подобнаго рода. Англія печатаетъ свои огромныя

журналы быстрее и дешевле, нежели возможно это в других странах; но в изяществе ее издания уступают французским и австрийским. Зато английские переплеты отличаются изысканною простотою, между-тѣмъ, какъ французскіе бывають часто пестры до безвкусія.

Но болѣе всего вниманія специалистовъ привлекають машины, потому-что особенно по этой части сдѣлано много улучшеній въ-теченіе послѣднихъ лѣтъ. Къ-сожалѣнію, ничего полнаго и хорошаго не сказали еще о нихъ журналы, изъ которыхъ мы заимствуемъ матеріалы. Заключая этимъ нынѣшнія извѣстія о выставкѣ, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о вновь-спущенномъ въ Англій пароходѣ «Персія», потоку перейдемъ къ ученымъ извѣстіямъ. И по вѣстимости и по силѣ машинъ «Персія» огромнѣйшій изъ всѣхъ пароходовъ, донныѣ построенныхъ. Длина его 390 футовъ (55 саж. 2 аршина), ширина 71 футъ (10 саж. $\frac{1}{2}$ арш.), глубина 32 фута (4 саж. 2 арш.); груза поднимаетъ онъ 3,600 тоннъ (225,000 пудовъ); машины имѣють 1,200 силъ. Киль его построенъ изъ желѣзныхъ брусьевъ, связанныхъ также желѣзомъ; капитальными перегородками, идущими поперегъ корабля, онъ раздѣленъ на семь частей, неимѣющихъ сообщенія, такъ-что, еслибъ одна изъ нихъ пробилась, то вода не проникнетъ въ остальные, и пароходъ можетъ продолжать путь. Механизмъ состоитъ изъ восьми котловъ. Для пассажировъ устроено 300 каютъ. Съ полнымъ грузомъ пароходъ сидитъ въ водѣ на 23 фута (3 саж. 1 арш.). Въ числѣ зрителей, находившихся при спускѣ этого громаднаго корабля, находились еще многіе, присутствовавшіе при спускѣ перваго парохода, построеннаго въ Англій; это было не далѣе, какъ въ 1812 году.

— Мы нѣсколько разъ говорили объ удивительномъ металлѣ, который Сен-Клеръ Девиль извлекаетъ изъ глины, металлѣ, имѣющемъ блескъ серебра, ковкость и чистоту золота, легкость стекла и добываемомъ изъ глины. До-сихъ-поръ средства его добыванія были такъ затруднительны, что промышленность еще не могла ими воспользоваться. Но теперь мы прочитали во французскихъ газетахъ, что образовалась компанія съ цѣлю добыванія алюминія въ большихъ размѣрахъ и уже купила глинистыя земли на Монмартрѣ и Бельвилѣ. Ужели открыто, наконецъ, средство получать алюминій дешевымъ образомъ? Если такъ, то многимъ отраслямъ промышленности и даже архитектуры предстоитъ громадное развитие; или компанія — только спекуляція, имѣющая цѣлю не добывать алюминій, а выманить нѣсколько золота у легковѣрныхъ? Последнее вѣроятнѣе. Что будутъ найдены дешевыя средства извлекать изъ глины неисчерпаемый запасъ прекраснаго металла — въ этомъ никто не сомнѣвается, но едва-ли эти средства уже найдены въ настоящую минуту.

— Мы говорили также нѣсколько разъ о породѣ дубоваго шелковичнаго червя, привезенной въ Европу. До-сихъ-поръ думали, что шелкъ этой породы, интересный по своей прочности и дешевизнѣ добыванія, представляетъ то неудобство, что дурно принимаетъ краску. Г. Торнь (Thorne) доказалъ противное, представивъ Парижской Академіи шестьдесятъ образцовъ этого шелка, превосходно-окрашенныхъ

всѣми различными цвѣтами радуги. Прибавимъ кстати, что теперь уже не сомнѣваются въ быстромъ и успѣшномъ распространени этого драгоценнаго наѣкомаго по средней Европѣ, а другой породы его, живущей на клещевинѣ (*bombux cynthia*) по Южной Европѣ и алжирской области, откуда уже представлено на парижскую выставку значительное количество его коконовъ.

— Придуманно много способовъ для сохранения мяса въ свѣжести, но всѣ они представляютъ различныя неудобства, особенно дороговизну. Не знаемъ, устранятся ли эти затрудненія новымъ способомъ, изобрѣтеннымъ во Франціи. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ покрывать кусокъ мяса особеннымъ лакомъ, который скоро твердѣетъ и прекращаетъ воздуху всякій доступъ къ мясу, которое такимъ образомъ предохраняется отъ порчи и, какъ увѣряютъ, сохраняетъ свою свѣжесть и даже сочность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Не лишены интереса въ гигиеническомъ отношеніи слѣдующія замѣчанія г. Жобара о перемѣнахъ, какія происходили въ его собственномъ зрѣніи отъ различныхъ замѣтій. Новаго въ нихъ — любопытный примѣръ чрезвычайно-сильной такъ-называемой приспособляемости глаза.

«Нѣсколько разъ въ моей жизни бывалъ я поочередно близорукимъ и дальнорукимъ (говоритъ г. Жобаръ) и потому думаю, что всѣ люди обладаютъ такою способностью. Школьныя занятія сдѣлали меня близорукимъ; занятія кадастраціоннаго землемера, принуждала смотрѣть на отдаленные предметы, дали мнѣ дальнорукость. Потомъ, когда я предался миньютурной живописи и литографіи, зрѣніе мое стало опять близорукимъ. Но для меня довольно бывало одного мѣсяца путешествій по горамъ, чтобъ снова исправить свое зрѣніе. Этотъ феноменъ я объясняю тѣмъ, что глазъ, какъ телескопъ, имѣетъ способность отдалять и приближать свой фокусъ зрѣнія, сокращая или удлиняя извѣстныя части органа, при помощи прилегающихъ мускуловъ; но дѣятельность этихъ мускуловъ для сокращенія или удлинненія частей глаза усиливается только привычкою, которая наконецъ можетъ дѣлаться непреодолимою. Мой опытъ и опытъ людей, захотѣвшихъ повѣрить мои убѣжденія на-дѣлѣ, доказали также несправедливость обыкновеннаго предубѣжденія, что зрѣніе утомляется ночнымъ чтеніемъ, особенно мелкаго шрифта. Опытъ показалъ мнѣ, что лучшая гимнастика для сохранения силы зрѣнія — ежедневное и продолжительное чтеніе, даже поздно вечеромъ. Двѣ недѣли, проведенныя безъ чтенія, уже нѣсколько ослабляютъ остроту зрѣнія, которая потомъ возвращается съ возобновленіемъ гимнастики».

Съ послѣднимъ мнѣніемъ, что ночное чтеніе можетъ быть полезно для глазъ, трудно согласиться.

Кстати скажемъ, что въ Парижѣ явились новыя зрительныя трубы, которыя очень-удобны для военныхъ, охотниковъ и проч. Извѣстно, что сила трубы зависитъ преимущественно отъ ея длины; но длинныя трубки очень-неудобно держать въ рукахъ, особенно ѣдущему верхомъ на лошади. Потому задумали сгибать трубы въ три колѣна, которыя

соединены призмами, передающими лучъ свѣта; такая труба, силою равная прямой въ три четверти аршина, имѣетъ длину только въ одну четверть и держится только одною рукою, что очень-выгодно при верховой вѣдѣ.

— Въ Англійскомъ Статистическомъ Обществѣ г. Ходжъ (Hodge) читалъ интересную записку о смертности на корабляхъ во время морскихъ операций. Онъ начинаетъ замѣчаніемъ, что пропорція убитыхъ относительно числа раненыхъ бываетъ въ морскихъ сраженіяхъ значительное, нежели въ сухопутныхъ (это и понятно, если сообразимъ, что въ морскихъ сраженіяхъ смерть и раны наносятся почти исключительно ядрами: пуля, попавшая въ грудь, или голову, часто наноситъ рану не смертельную, ядро въ этихъ случаяхъ смертельно). Эту пропорцію г. Ходжъ опредѣляетъ такъ: на тысячу общаго числа выбывающихъ изъ строя въ морскихъ сраженіяхъ приходится 200 убитыхъ и 800 раненыхъ; въ сухопутномъ сраженіи 145 убитыхъ и 855 раненыхъ. Въ первомъ случаѣ число раненыхъ почти въ четыре раза болѣе числа убитыхъ; во второмъ случаѣ слишкомъ въ пять разъ. Болѣе точнымъ образомъ различные разряды выбывающихъ изъ строя въ морскихъ битвахъ опредѣляются такъ: на 1000 выбывшихъ изъ строя бываетъ: убитыхъ на мѣстѣ 252, умирающихъ отъ ранъ 73; всего умершихъ 325; выздоравливающихъ но дѣлающихся негодными къ службѣ раненыхъ 95, легко-раненыхъ 580. Но во время войны обыкновенно погибаетъ отъ кораблекрушеній и на сгорающихъ отъ случайныхъ причинъ корабляхъ вдвое болѣе людей, нежели отъ битвъ. И эта смертность, повидимому независящая отъ войны, должна быть, однакожь, почти исключительно приписываема ей, какъ доказываютъ слѣдующія цифры: въ продолженіе войны съ Франціею (1793 — 1815) англійскій флотъ потерялъ (кромѣ погибшихъ въ сраженіяхъ) черезъ пожары и крушенія 341 корабль (въ томъ числѣ 28 линейныхъ кораблей и 68 фрегатовъ) вмѣстѣ съ которыми погибло 13,621 человекъ, то-есть среднимъ числомъ по 666 человекъ въ годъ. А въ періодъ 1815 — 1850 г. погибло отъ пожаровъ и крушеній только 185 судовъ (между которыми не было ни одного линейнаго корабля или фрегата, а исключительно только мелкія суда) и при этихъ несчастіяхъ лишилось жизни только 1320 человекъ или, среднимъ числомъ, 38 ежегодно (то-есть въ 17 разъ менѣе). Точно такъ же цифры показываютъ, что и смертность отъ болѣзней на корабляхъ значительно возрастаетъ во время войны. Вотъ нѣкоторые примѣры: въ войну 1776 — 1780 ежегодно изъ 1000 человекъ экипажа умирало отъ болѣзней 56 человекъ; въ войну 1810 — 1812 г. — 38 человекъ; а по таблицамъ смертности въ англійскомъ флотѣ 1830 — 1850 г. изъ 1000 экипажа умирало ежегодно отъ болѣзней только 16 человекъ, слѣдовательно вообще втрое менѣе. Вообще, въ-теченіе 20½ лѣтъ, которыя были заняты морскими войнами въ періодъ 1763 — 1815 г., англійскій флотъ потерялъ: убитыми 6,663, утонувшими или сгорѣвшими 13,621, отъ болѣзней 72,102 человекъ, всего—92,386 человекъ. При равныхъ числахъ въ силѣ флотскаго экипажа, въ мирное время онъ потерялъ бы въ 20¼,

лѣтъ только 29,076 человекъ; слѣдовательно чисто на долю войнъ остается 63,310 жертвъ.

— Сообщимъ наконецъ извѣстiе о находкѣ, которая (если только подлинность ея подтвердится) имѣетъ высокій интересъ для любителей живописи. Г. Гюгонъ (Hugon) помѣстилъ во французскихъ журналахъ извѣстiе, что ему посчастливилось найти три миньютюры Рафаэля, оставшіяся до-сихъ-поръ неизвѣстными. По важности этой статьи, представляемъ большую часть ея въ буквальномъ переводѣ.

«Одинъ изъ моихъ друзей подарилъ мнѣ, лѣтъ двадцать назадъ, Псалтирь, печатанную готическими буквами и сохранившую на себѣ переплетъ временъ Генриха III. Эта книга, кромѣ нѣсколькихъ миньютюръ въ готическомъ стилѣ, заключала три позднѣйшія миньютюры, которыя мнѣ казались превосходными. Желая знать мнѣнiе знатоковъ объ этихъ прекрасныхъ рисункахъ, я просилъ г. Дюкло (Duclos) показать ихъ гг. Бонфону (Bonfond) и Виберу (Vibert), профессорамъ нашей школы изящныхъ искусствъ, недавно-возвратившимся изъ Рима, гдѣ они жили долгое время. Они отвѣчали, что не могутъ положительно опредѣлить, какому художнику принадлежатъ эти миньютюры, но что неудивительно будетъ, если окажется, что онѣ рисованы Рафаэлемъ.

«Это заставило меня обратиться на миньютюры серьезное вниманiе и искать давнихъ для объясненiя ихъ происхожденiя. Я могъ только открыть на воротѣ мантіи Св. Дѣвы слѣды буквъ, и стараясь прочесть ихъ, какъ обыкновенно, слѣва направо, не могъ понять въ нихъ ничего. Но однажды, перевернувъ книгу, я тотчасъ же прочелъ невооруженнымъ глазомъ на лѣвомъ плечѣ: R A P H, потомъ, при помощи лупы, на правомъ плечѣ P V Ft F, то-есть, Raphaël pictor Urbiniensis fecit Florentiæ (Рафаэль, живописецъ изъ Урбино, рисовалъ во Флоренціи). На фрескѣ Сан-Онофрiо (1505 г.) надпись, почти совершенно-сходная съ моею, сдѣлана Рафаэлемъ на томъ же мѣстѣ въ фигурѣ Оомы.

«Всѣ три миньютюры окружены бордюромъ изъ цвѣтовъ и птичекъ на золотомъ полѣ. Нижняя часть бордюра заключаетъ, кромѣ того, странную фигуру, которую я опишу ниже.

«Миньютюра № 1—Архангелъ Михаилъ, низлагающій дьявола. Вышина 16 сантиметровъ (4 вершка), ширина 11½ сантим. (2⅞ вершка) съ бордюромъ; безъ бордюра 12 и 7 сантим. (3 и 1¾ верш.). На лѣвой сторонѣ Архангелъ Михаилъ съ мечомъ, поднятымъ для пораженiя дьявола, поверженнаго на правой сторонѣ и попираемаго его ногою. Архангелъ изображенъ во всѣхъ воинскихъ доспѣхахъ, даже съ желѣзными перчатками на рукахъ. Латы на немъ золотыя, съ рельефными украшениями, щитъ красный, выпуклый и на немъ начертанъ крестъ, окруженный сиянiемъ. Крылья ангела лиловаго цвѣта и усыяны золотыми блѣстками. Голова его открыта и на разсыпающихся по плечамъ русыхъ волосахъ золотая повязка съ крестомъ на челѣ.

«Поверженный дьяволъ нарисованъ чрезвычайно-безобразнымъ, съ львиною головою и крыльями летучей мыши.

«Подъ нимъ земля, изсѣченная щелями изрыгающими пламя; небо совершенно-ясно.

Столь же подробно описаны въ извѣщеніи миньютюры № 2, (Благовѣщеніе) и № 3 (Св. Дѣва, осыненная царственнымъ покровомъ, который поддерживаютъ четыре ангела); обѣ миньютюры одинаковыхъ размѣровъ съ миньютюрою № 1.

«Рафаэль былъ во Флоренціи два раза (продолжаетъ г. Гюгонъ): въ 1503—1504 и въ 1507—1508 годахъ; когда же именно рисованы имъ эти миньютюры? По всей вѣроятности, первая принадлежитъ 1503—1504 годамъ: стиль ея наивнѣе и не столь твердъ, какъ въ третьей, которую надобно отнести къ 1507—1508 годамъ: стиль второй миньютюры — переходный отъ перваго стиля ко второму и фигура Св. Дѣвы изображена въ готическомъ стилѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С Т О П Е Р В А Г О Т О М А ОТЧЕЖЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

СТР.

І. Словесность.

СТИХОТВОРЕНІЯ : «Когда среди толпы веселой и безпечной»,
И. ВОЛКОВОЙ (стр. 1). — Прохожіи, **Н. В. ГЕРВЕЛЯ**
(стр. 2). — Утро, **И. НИКИТИНА** (стр. 3). — Бурлакъ,
И. НИКИТИНА (стр. 71). — «Къ ужающей пустынь», **К. К.**
ПАВЛОВОЙ (стр. 225). — «Сходилась я и расходилась», **К. К.**
ПАВЛОВОЙ (стр. 225). — Пѣсня стрѣлковъ Императорской
Фамиліи, **ГРАФА А. ТОЛСТАГО** (стр. 315). — Днѣпрямбъ
(изъ Шиллера), **М. Л. МИХАЙЛОВА** (стр. 316). — «О
быломъ, о погибшемъ, о старомъ», **К. К. ПАВЛОВОЙ** (стр.
377). — Солнце, **И. ВОЛКОВОЙ** (стр. 378).

ВОКРУГЪ ДА ОКОЛО. Повѣсть **А—И Я—НЫ МАРЧЕНКО.**

Часть вторая и послѣдняя 5

КРЭНФОРДЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. *Части пер-
вая и вторая* ..... 73 и 317

ДНЕВНИКЪ ЧИНОВНИКА. Статьи третья и четвертая: *1807-й
годъ, мѣсяцы февраль и мартъ* (Спячка.—Французскій спек-
такль.—Подполковникъ Ставицкій.—Прейсш-Эйлау.—Тол-
ки о сраженіи.—Литературный вечеръ у А. С. Шишкова.—
М. С. Щупениковъ.—Князь Д. П. Горчаковъ.—И. А.
Крыловъ.—П. И. Карабановъ.—Князь С. А. Шихматовъ.
—Нѣмецкій театръ: Кудичъ, Гебгардъ, Леве и Гебгардъ-
Штейнъ.—Челенга адмирала Ушакова.—Вѣсти съ Черна-
го Моря.—Вѣсти изъ Москвы.—Слово М. А. Нарышки-
ной.—Литературный вечеръ у Державина.—И. Г. Рахма-
ниновъ.—Поэма князя Шихматова.—Ө. П. Львовъ.—Эпи-
грамма графа Хвостова.—П. М. Дашковъ.—Яковлевъ и

Каратыгина въ драмѣ: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». —
 Бесѣда у П. А. Рахманова. — Математикъ Гурьевъ. — По-
 жертвованія московскихъ гражданъ и князя Куракина. — Пол-
 ковникъ Вишневскій. — Бесѣда съ Гебгардомъ и Кистеромъ. —
 Вечеръ у Елизаена. — Я. А. Дружининъ. — Розенкампфъ,
 Ризенкампфъ и Ренненкампфъ. — Канцелярія Межеваго Департа-
 мента Сената и обер-секретарь Крейтеръ. — Вечеръ у Захарова. —
 Мнѣніе французскихъ эмигрантовъ о войнѣ. — Графъ де-Блакасъ.
 — Масляничное гулянье. — Юшневскій. — Заботы Державина
 о передачѣ своей фамиліи. — Бесѣда у Яковлева. — В. А.
 Самсоновъ. — Анекдоты о Императрицѣ Екатеринѣ Великой. —
 Драма «Гусситы подъ Наумбургомъ». — Братья Харламовы. —
 Пасторъ Рейнбогъ. — Кобяковъ. — Дубининъ. — Маркизь де-
 ла-Мотгъ. — Графъ де-Меестръ, старшій. — Д. М. Паглинов-
 скій. — В. П. Кокушкинъ. — Суббота первой недѣли поста. —
 Кондыревъ и Волчковъ. — Актёръ Рыкаловъ, содержатель
 театральнoй типографіи. — Самойловы. — Капельмейстеръ
 Антонолинъ. — П. А. Рахмановъ. — Артисты Санктпетер-
 бургскихъ Театровъ. — Л. Д. Измайловъ. — Его проигрышъ
 и отъигрышъ. — Красикъ. — Вечеръ у А. С. Хвостова. —
 Знакомство съ Н. И. Гидичемъ. — Лейтенантъ Скалов-
 скій. — И. П. Лавровъ. — Чиновники Иностранной Колле-
 гии. — Преимущества, предоставляемыя милиціонерамъ. — Крю-
 ковской и его трагедія. — Сужденія о ней Яковлева. — Обѣдъ у
 Яковлева. — Сужденія о характерѣ Дмитревскаго. — Генералъ
 Лебрёнъ и нѣкоторые французскіе эмигранты. — С. Т. Овчинни-
 ковъ. — Вечеръ у Гидича. — Отъѣздъ Государя. — Вечеръ
 у А. С. Шишкова. — П. И. Соколовъ. — Члены Россійской
 Академіи. — Князь Зубовъ. — Статс-секретарство Держави-
 на. — Карлы и карлицы. — Актёръ Дюкроаси. — Иоландъ.
 — Пикникъ въ Красномъ Кабачкѣ. — Стрпчій И*. — Ли-
 тературный вечеръ у Державина. — Графъ Завадовскій. —
 Антикварій Селакадзевъ. — Встрѣча съ А. В. П. — Юрис-
 консультъ Соколовъ. — Н. П. Брусняловъ. — П. Ю. Львовъ.
 — Эпиграмма Сандунова. — Исторія двухъ помѣшанныхъ. —
 Вечеръ у И. С. Захарова. с. ш. ж.—ва..... 123 и 379

УМЪ ПРИДЕТЪ—ПОРА ПРОЙДЕТЪ. Пословица. ОЛЬГИ И*. 199

ФРАЗЫ, деревенская исторія, в. КРЕСТОВСКАГО..... 227

II. Науки и Художества.

ДАНТЪ, ЕГО ВѢКЪ И ЖИЗНЬ. *Статья вторая.* Н. Н.
 КУДРЯВЦЕВА..... 1

	СТР.
СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ НА МУСУЛЬМАНСКОМЪ ВОСТОКЪ.	
С. И. ЧЕРНЯЕВА	41
ЧЕЛОБИТНЫЯ XVII-го ВѢКА, И. КУПРИЯНОВА	95

III. Критика.

Отмѣтки на нѣкоторыя мѣста «Слова о Полку Игоревомъ». Д. И. ДУБЕНСКАГО	41
Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый <i>Николаемъ Калачовымъ</i> . Книги второй половины первая. Статья А. И. АФАНАСЬЕВА	13
О русскихъ глаголахъ, <i>Константина Аксакова</i> . Статья Ф. И. БУСЛАЕВА	23

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Зурна, закавказскій альманахъ, изд. <i>Е. Вердеревскимъ</i>	1
Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты, <i>Ф. Устрялова</i>	5
Повѣсть о Цареградѣ, <i>И. Срезневскаго</i>	15
Des variations diurnes de la direction moyenne du vent à St. Pétersbourg, par <i>M. Vessélovsky</i>	17
О жизни и ученыхъ трудахъ Френа, <i>П. Савельева</i>	21
Опытъ изслѣдованія душевныхъ болѣзней, <i>В. Классовскаго</i>	23
Полноевизмъ древнихъ грековъ, <i>Ю. База</i>	26
Отчетъ Импер. Русскаго Географическаго Общества за 1854 г.	29
Разказы и воспоминанія охотника, <i>С. Аксакова</i>	31
Энциклопедическій лечебникъ домашнихъ животныхъ и дворовыхъ птицъ, <i>И. Генслера</i> , томъ 1-ый.....	37
Руководство къ производству листового зеленого стекла въ Россіи, <i>В. Писарева</i>	41
Самоучитель, или курсъ правильнаго и скорого чистописанія, <i>В. Сидоровича</i>	43
Высшій Курсъ Русской Грамматики, <i>В. Стоюнина</i>	44
Грамматическія Замѣтки, <i>В. Классовскаго</i>	—
Черепъ Святослава, дума <i>В. Маркова</i>	47
Ломоносовъ, какъ физикъ, <i>Н. Любимова</i>	69
Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи, проф. <i>Лешкова</i>	71
Извлеченіе изъ Русской Грамматики профессора Барсова, <i>Ф. И. Буслаева</i>	73
О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи, <i>А. Егунова</i>	76
Полное, систематическое, практическое описаніе минеральныхъ водъ, <i>К. Грума</i>	86

	СТР.
Описаніе револьверовъ, <i>К. Костенкова</i>	88
Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, <i>И. Палимпсестова</i>	—
Полное опытное русское огородничество, <i>Е. Львова</i> , изд. <i>С. Усовымъ</i>	94
Азовское сидѣніе, <i>Н. Кукольника</i>	95
Игра Пикетъ, <i>П. Вишнеvsкаго</i>	98
Пріятное препровожденіе времени.....	99

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

Записки Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института, кн. 4-я..	27
Записки Импер. Русскаго Географическаго Общества, кн. 10-я.	29

ПЕРЕВОДЫ.

Гомеопатическій Лечебникъ, <i>А. Теста</i> , перев. <i>В. Дерикера</i> .	77
Клиническія наставленія доктора <i>Яра</i> , изд. <i>Ф. Флемминга</i> ...	—

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Комедія въ комедіи», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ <i>г. Дрианскаго</i> . — Стихотворенія <i>г. Стаховича</i> . — Отзвы рецензентовъ «Москвитянина» о «Горбунѣ», повѣсти <i>г. Данковскаго</i> . — «Сибирячка», повѣсть <i>г. Черепанова</i> . — Встрѣча, разсказъ <i>г. Максимова</i> . — Журналистика «Библиотеки для Чтенія». — «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцъ», <i>г. Л. Н. Т.</i> — Статьи «Пантеона» и воспоминанія о Кокоревѣ.....	49
Стихотворенія въ журналахъ за первую половину 1855 года. О нашей поэзіи настоящаго времени. Стихотворенія <i>гг. Фета, Майкова, Мея, Некрасова, Никитина, Гербеля, Полонскаго</i> и другихъ. — Проза послѣднихъ нумеровъ журналовъ: «Первое знакомство съ свѣтомъ» <i>г-жи Нарской</i> . — «Ночная вылазка въ Севастополѣ», разсказъ <i>г. Ст.</i> — «Африканъ», <i>г. Михайлова</i> . — «Сережа», <i>г. ва.</i> — «Десять дней въ Севастополѣ» и «Воспоминанія о походѣ въ Венгрію въ 1849 году». — «Ваня», сказка <i>г. Стаховича</i> . — «Ближній бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ», <i>г. Руднева</i> . — «Кандидатъ въ романисты и его романъ».....	101

V. Современная Хроника Россіи,

Обозрѣніе движенія русскаго законодательства по гражданскому управленію за май и іюнь 1855 года.....	2 и 24
Событія въ Отецествѣ.....	4 и 24

VI. СМѢСЬ.

Исторія одной фрески, м. п. ВИВИКОВА	1
Записки Пуфмейстера (американца Барнума).....	94
Капризница. Комедія въ одномъ дѣйствіи. п. а. Ф—ВА	109
Новости наукъ, искусствъ, промышленности и литературы. <i>Парижскія новости:</i> Выставка; общій характеръ ея въ настоящее время. Новые примѣры мелочнаго своекорыстія, господствующаго въ ея администраціи и вмѣшательство французскаго правительства; число посѣтителей; духота зданія. Славная личность г. Рувеля не дойдетъ до потомства. Обзоръ выставки, находящіяся въ иностранныхъ журналахъ. Выставка изящныхъ искусствъ. Ея зданіе и распредѣленіе присланныхъ произведеній. Количество этихъ произведеній. Бѣглый взглядъ на относительныя достоинства различныхъ школъ живописи и перечень замѣчательнѣйшихъ картинъ и статуй. — Намѣреніе основать Музей Промышленности. — Стеченіе посѣтителей въ Парижѣ. — Китайскій мандаринъ и еще болѣе удивительный парижанинъ. — Итальянская труппа въ Парижѣ и г-жа Ристори. — Досада и новое паденіе Рашель. — Пьеса Легувѣ « <i>Par droit de conquête</i> ». — Театральный пуфъ. — Опера Верди « <i>Les Vêpres Siciliennes</i> ». — Неудачный эффектъ луврскихъ пристроекъ. — <i>Лондонскія новости:</i> Гризи и Маріо. — Открытіе фонтановъ Сейденгемскаго Кристальнаго Дворца. — Административная реформа. — Цѣны офицерскихъ чиновъ. — Переворотъ въ журналистикѣ. — Появленіе въ свѣтъ романа, приписываемаго Вальтеру Скотту. — Диккенсъ и литературное общество для взаимнаго пособія. — Пятидесятилѣтній юбилей въ память Шиллера. — Изверженіе Везувія. — <i>Ученыя извѣстія:</i> Новая теорія землетрясеній и вулкановъ, Гёфера. — Перенесеніе въ Европу новой породы шелковичнаго червя. — Алюминій, металлъ, извлекаемый изъ глины. — Памятникъ Араго. — Программа занятій Парижской Обсерваторіи. — Открытіе двухъ новыхъ планетъ. — Другія астрономическія извѣстія. — Геологическій Музей де-ла-Беша. — Паноптиконъ. — Новыя наблюденія надъ озономъ. — Судьба американскаго мореходца Кена.....	34
<i>Лондонскія извѣстія:</i> Проектъ Пакстона объ устройствѣ желѣзной дороги чрезъ Лондонъ. — Подводные телеграфы чрезъ Средиземное Море и Атлантическій Океанъ. — Биржевыя спекуляціи. — Банкротство фирмы Strahan Paul and Bates. — <i>Парижскія извѣстія:</i> Спекуляціи, возбужденныя новымъ займомъ. — Аzteки въ Парижѣ. — Рашель и Ристори. —	

Вступительная рѣчь де-Саси во Французской Академіи. — Докторъ Веронъ въ качествѣ мецената. — Судебный анекдотъ. — Юбилей Бонифація въ Майнцѣ. — Некрологъ г-жи Эмиль Жиранденъ и путешественника Парри. — Письма маршала Сент-Арно. — Извѣстія о выставкѣ. — Пароходъ «Персія». — Компания для добыванія алюминія. — Лакированное мясо. — О близорукости и дальнорукости. — Вліяніе войны на смертность во флотѣ. — Извѣстіе о трехъ новооткрытыхъ миньютюрахъ Рифаэля.....

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Отъискваніе лѣтнихъ гуляній и неожиданное ихъ открытіе. — Нѣмецкій Клубъ и Павловскъ. — Особый разрядъ петербургскихъ гулятелей. — Цвѣты и людская къ нимъ привязанность. — Смерть близнецовъ. — Какъ иногда удаютъ рыбу на дачахъ. — Наемъ деревни вмѣсто дачи. — Коломяги и ихъ пустынный видъ. — Музыка на Безбородкии и нѣкоторыя воспоминанія. — Еще карикатуры. — Выступленіе въ походъ дружины петербургскаго ополченія. — Аукціонная продажа нѣкоторыхъ картинъ, принадлежащихъ Императорскому Эрмитажу. — Военныя извѣстія. — Романтикъ и положительный человекъ. — Путешествіе въ Лопухинку. — Полчаса въ Гостилицахъ. — Лопухинскіе дивансы. — Дивирамбы въ честь виллы Боргезе и сама вилла. — Похороны. — Черная Рѣчка и праздникъ въ честь храбрыхъ защитниковъ русскаго флота на виллѣ Боргезе. — Екатерингофъ съ Вейнертами и Марьяна Роца съ закрытымъ циркомъ. — Открытіе Кунсткамеры. — Ягоды и одна замѣтка къ незамѣчательному фельетону. — Искусственныя минеральныя воды. — Ночь на ивановъ-день. — Купальни и купающіеся.

Моды (съ четырьмя парижскими картинками дамскихъ и мужскихъ модъ).

